ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

I

2026

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 1 / 2026

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@mail.ru
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, Head of the Department of Modern and Contemporary History of the Chechen State University, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук, доцент

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук, доцент

Ответственный секретарь
Анищенко Елена Александровна

Редакционная коллегия:
Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Гераев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гусейнов Юсуп Магомедович – доктор исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, доцент;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – доктор филологических наук;
Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief
Abazov Alexey Khasanovich
doctor of science (history), associate professor

Deputy Editor-in-Chief
Kazharov Artur Gusmanovich
doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary
Anishchenko Elena Aleksandrovna

Editorial board:
Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Alikaev Rashid Sultanovich – doctor of science (philology), professor;
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – PhD (in history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich– doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – PhD (in philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – PhD (in history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – PhD (in philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – PhD (in history);
Guseynov Yusup Magomedovich – doctor of science (history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history), associate professor;
Lobanov Vladimir Borisovich – PhD (in history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – PhD (in history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – PhD (in history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova– doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – PhD (in history);
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – PhD (in history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – doctor of science (in philology);
Kharaeva Larisa Khanbievna – doctor of science (philology), professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Лиджиева И.В.
Кочевые народы Степного Предкавказья в XIX – начале XX века: полномочия органов местного самоуправления **15-24**

Николашин В.П., Житин Р.М., Брюханова Е.А.
Книжное собрание Кавказского наместника Александра Ивановича Барятинского: формирование и судьба **25-33**

Камбачоков А.А.
Административно-территориальные преобразования на Центральном Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению в отражении нормативных актов (вторая половина XIX века) **34-44**

Бейтуганова З.Х.
Некоторые особенности политического дискурса по вопросу учреждения казначейства в Нальчикском округе в конце XIX – начале XX века **45-55**

Казаков А.А.
К вопросу о ранних этапах телефонизации Нальчикского округа в начале XX века **56-65**

Новейшая история

Тетуев А.И.
Эвакуированные в КБАССР военные госпитали и Урюпинское военно-пехотное училище в годы Великой Отечественной войны **66-82**

Гурова Л.В., Федина И.М.
Восстановление туристско-экскурсионных объектов на юге СССР в послевоенный период (на материалах Краснодарского края) **83-91**

Этнология, антропология и этнография

Айба Т.Г.
Миграционные процессы в абхазском обществе: от махаджирства к глобальной диаспоре первой четверти XXI века **92-107**

Балкарова З.М.
Некоторые особенности трансформации современной гастрономической культуры кабардинцев **108-129**

Тутукова М.Р.
Некоторые особенности трансформации современной свадебной обрядности кабардинцев **130-143**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Картоев М.М.
К историографии вопроса инкорпорации Ингушетии в состав российского государства **144-164**

Тумаков Д.В.
Взаимоотношения ингушского национального движения и центральных властей в контексте конфликта в Пригородном районе Северной Осетии в оценках российской печати начала 1990-х годов **165-188**

Осмаев А.Д.
События «чеченских войн» в статьях Мусы Мурадова в газете «Коммерсантъ» (2019-2025) **189-202**

Сомгурова М.А.
Некоторые особенности изучения традиционной музыкальной культуры адыгов в современной исследовательской практике **203-211**

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Бозий Н.Б.
ГурыщIэ мотивхэр Тыуаршы Аслъэн и «Псыкъелъэм и макъамэхэр» романым къызэрыщыгъэлъэгъуар **212-222**

Каспарова А.В.
Постмодернизм на Северном Кавказе: анализ теоретических концепций Тамары Бертовны Гуртуевой **223-233**

Ханбалаева С.Н., Ахмедова Р.А., Гусейнов М.А.
Проблематика поэтической сатиры кумыкского писателя Наби Ханмурзаева **234-245**

Чамсединова Г.Ш.
Традиция и современность
в цикле стихотворений «Поэты» Багаудина Узунаева **246-255**

Чекалов П.К.
Роман Х.Д. Жирова «Сын отца». Проблематика и основные образы **256-268**

Фольклористика

Гашарова А.Р.
Лезгинские народные игры: типы и принципы их классификации **269-277**

Русский язык. Языки народов России

Абазэ М.М., ХъутIэжь З.А.
Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и бахъсэн псэлъэкIэм и нобэрей щытыкIэр **278-288**

БищIо Б.Ч.
Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм «псалъафэ»
гурыIуэгъуэм щиIэ гъунапкъэхэр **289-305**

Езаова М.Ю., Ашхот Ф.М.
Анализ коммуникативно-прагматических коннотаций понятия
«гостеприимство» в кабардино-черкесском языке **306-317**

Кабардокова Л.М.
Космонимы в древних верованиях балкарцев и карачаевцев **318-331**

Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М.
Функционально-семантический и этнокультурный потенциал
адъектива батыр ‘храбрый’ в карачаево-балкарском языке **332-342**

**Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

Кремшокалов И.А.
Колористический образ Эльбруса в русской поэзии **343-353**

Масаева З.З.
Языковые особенности молодежного социолекта
на материале сетевого и геймерского сленгов **354-366**

Шогенова М.Ч.
Этнокультурные прототипы в языке и культуре
кабардинцев и балкарцев **367-379**

Наши авторы **380-383**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Medieval and modern history

Lidzhieva I.V.
Nomadic peoples of the Steppe Caucausia
in the XIX – early XX centuries: powers of local government bodies **15-24**

Nikolashin V.P., Zhitin R.M., Bryukhanova E.A.
Book collection of the the Caucasian governor
Alexander Ivanovich Baryatinsky: formation and destiny **25-33**

Kambachokov A.A.
Administrative and territorial transformations in the Central Caucasus
during the transition to military-people's administration,
as reflected in legal acts (second half of the 19th century) **34-44**

Beituganova Z.Kh.
Some features of the political discourse on the establishment
of the Treasury in the Nalchik District in the late 19th – early 20th century **45-55**

Kazakov A.A.
On the early stages of telephoning in the Nalchik District
at the beginning of the 20th century **56-65**

Contemporary history

Tetuev A.I.
Military hospitals evacuated to the Kabardino-Balkarian ASSR
and the Uryupinsk military infantry school during the Great Patriotic war **66-82**

Gurova L.V., Fedina I.M.
Restoration of Tourist and Excursion Sites in the South of the USSR
in the Post-War Period (Based on the Krasnodar Territory) **83-91**

Ethnology, Anthropology and Ethnography

Ayba T.G.
Migration Processes in Abkhazian Society: From Mahajirism
to the Global Diaspora in the First Quarter of the 21st Century **92-107**

Balkarova Z.M.
Some features of the transformation of the modern gastronomic culture of the Kabardians **108-129**

Tutukova M.R.
Some features of the transformation of the modern wedding rituals of the Kabardians **130-143**

Historiography, source studies, methods of historical research

Kartoev M.M.
On the historiography of the issue of incorporation of Ingushetia into the Russian state **144-164**

Tumakov D.V.
Relations between the Ingush national movement and the Central government in the context of the conflict in the Prigorodny district of North Ossetia as reported in the Russian press in the early 1990s. **165-188**

Osmaev A.D.
Events of the "Chechen wars" in Musa Muradov's articles in the newspaper "Kommersant" (2019-2025) **189-202**

Somgurova M.A.
Some Features of Studying the Traditional Musical Culture of the Adyghe People in Modern Research Practice **203-211**

PHILOLOGY

Literature of the peoples of the Russian Federation (literature of the peoples of the North Caucasus)

Bozieva N.B.
Lyrical motives in the novel by Aslan Tuarshev «Melodies of the waterfall» **212-222**

Kasparova A.V.
Postmodernism in the North Caucasus: An Analysis of Tamara Bertovna Gurtueva's Theoretical Concepts **223-233**

Khanbalaeva S.N., Akhmedova R.A., Gusejnov M.A.
Issues of poetic satire of the kumyk writer Nabi Khanmurzaev **234-245**

Chamsedinova G.Sh.
Tradition and modernity in Bagaudin Uzunaev's series "Poets" **246-255**

Chekalov P.K.
Kh.D. Zhirov's novel «The father's son». Problems and main images **256-268**

Folklore studies

Gasharova A.R.
Lezghin folk games: types and principles of their classification **269-277**

Russian language. Languages of the peoples of Russia

Abazova M.M., Khutezhev Z.G.
The current state of the baksan dialect of the kabardino-cherkess language **278-288**

Bizhoev B.Ch.
The boundaries of the concept of «phraseology»
in the Kabardino-Circassian language **289-305**

Ezaova M.Yu., Ashkhot F.M.
Analysis of communicative and pragmatic connotations of the concept
"Hospitality" in the Kabardino-Cherkess language **306-317**

Kabardokova L.M.
Cosmonomies in the ancient beliefs of the Balkar and Karachay people **318-331**

Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M.
Functional-semantic and ethnocultural potential
of the adjective batyr ‘brave’ in the Karachay-Balkar language **332-342**

Theoretical, applied and comparative linguistics

Kremshokalov I.A.
The coloristic image of Elbrus in Russian poetry **343-353**

Masaeva Z.Z.
Linguistic features of youth socialect based on network and gaming slanga **354-366**

Shogenova M.Ch.
Ethnocultural prototypes in the language and culture
of the Kabardians and the Balkarians **367-379**

Our authors **380-383**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Научная статья
УДК 93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-15-24
EDN: AJNKYO

КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ирина Владимировна Лиджиева
Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, irina-lg@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-5699-1021

Аннотация. Предметом данного исследования выступают полномочия органов местного самоуправления в кочевых обществах степного Предкавказья, на примере ногайцев и трухмен. На основе анализа нормативной правовой базы, регулирующей жизнедеятельность кочевников, и материалов делопроизводственной практики, выявленных в фондах Государственного архива Ставропольского края, определены и классифицированы полномочия органов местного самоуправления. Разработка данного исследования осуществлена с использованием инструментария правовой истории. В заключении сделан вывод о том, что наряду с собственными полномочиями, основанными на синтезе норм обычного и позитивного права, имели место факты делегирования государством отдельных компетенций органам местного самоуправления. Полученные выводы позволяют утверждать, что имперские власти на инородческих окраинах активно использовали нормы обычного права, постепенно интегрируя их в позитивное право.

Ключевые слова: местное самоуправление, кочевые народы, степное Предкавказье, полномочия, общественный сход, общественный приговор, территория кочующих народов Ставропольской губернии.

Благодарности и финансирование: Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН на 2026 г., № гос. регистрации 125011200150–2.

Для цитирования: Лиджиева И.В. Кочевые народы Степного Предкавказья в XIX – начале XX века: полномочия органов местного самоуправления // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 15-24. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-15-24. EDN: AJNKYO.

© Лиджиева И.В., 2026

Original article

NOMADIC PEOPLES OF THE STEPPE CAUCASUS IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES: POWERS OF LOCAL GOVERNMENT BODIES

Irina V. Lidzhieva
Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, irina-lg@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-5699-1021

Abstract. The subject of this study is the powers of local governments in the nomadic societies of the steppe Pre-Caucasus, using the example of Nogais and Trukhmen. Based on the analysis of the regulatory legal framework governing the life of nomads and the materials of office practice identified in the funds of the State Archive of the Stavropol Territory, the powers of local governments have been determined and classified. The development of this study was carried out using the tools of legal history. In conclusion, it is concluded that along with its own powers based on the synthesis of customary and positive law norms, there were facts of the delegation of certain competencies by the state to local governments. The findings suggest that the imperial authorities on the foreign outskirts actively used the norms of customary law, gradually integrating them into positive law.

Key words: local self-government, nomadic peoples, steppe Ciscaucasia, powers, public gathering, public verdict, territory of nomadic peoples of Stavropol province.

Acknowledgments and funding: The publication was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2026, No. of state registration 125011200150–2.

For citation: Lidzhieva I.V. Nomadic peoples of the Steppe Caucausia in the XIX – early XX centuries: powers of local government bodies. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 15-24. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-15-24. EDN: AJNKYO.

© Lidzhieva I.V., 2026

Введение

Поливариантная система управления в Российской империи XIX – начала XX в., включала, в том числе, местное самоуправление, действующее на автономной территории в среде кочевых инородцев степного Предкавказья, которая в административно-территориальном отношении входила в состав Кавказской области / Ставропольской губернии.

Тематика интеграции кочевников в общеимперское пространство затрагивалась в рамках историко-этнографических изысканий ряда исследователей советского и постсоветского периодов [Кочекаев 1973; Калмыков, Керейтов, Сикалиев 1888; Кидирниязов 2005; Дужмагулова 2024]. В своем большинстве это фундаментальные исследования, охватывающие область исторического развития народов, их быт и культуру. Современные ученые в большей степени обращают внимание на деятельность нынешних органов местного самоуправления в контексте исламского фактора [Саидов 2013; Саидов, Саидов 2016]. В результате институт местного самоуправления как предмет исследования оказался вне пределов научного интереса. Между тем, основанный на традициях и обычаях народов, он выступал эффективным средством введения кочевников в общероссийское социально-экономическое и политико-правовое пространство.

Предметом данного исследования выступают полномочия органов местного самоуправления в кочевых обществах степного Предкавказья, рассматриваемые как право и обязанность выборных должностных лиц местного самоуправления и общественного схода. В ходе изысканий была выдвинута гипотеза, исходя из

утверждения одного из авторитетных социологов XX в. П. Бурдье, что «физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективизация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [Бурдье 1993: 40]. Так, мы рассматриваем общество кочевников XIX – начала XX в. в виде социальной конструкции, спроектированной путем применения инструментария в виде нормативной правовой базы, образцом для которой выступают социальные нормы, действующие в пределах общеимперского пространства. При этом центральные власти не стремились ускорить этот процесс, постепенно интегрируя имперское законодательство в традиционные нормы кочевника. Соответственно, следует предположить, что полномочия органов местного самоуправления в лице общественного схода и выборных должностных лиц отражали нормы и обычного, и позитивного права, что будет рассмотрено на примере решений кочевников, закрепленных в общественных приговорах и отраженных в делопроизводственной практике.

Разработка данного исследования осуществлена с использованием инструментария правовой истории. В результате исследования путем использования проблемно-хронологического метода была рассмотрена деятельность органов местного самоуправления кочевых обществ ногайцев и туркмен степного Предкавказья в XIX – начале XX в. Применение историко-системного метода позволило выявить полномочия общественных сходов и выборных должностных лиц, отраженные как в законодательной базе, так и в общественных приговорах. С помощью типологического метода проведена классификация полномочий органов местного самоуправления.

Основная часть

Территория кочующих народов, состояла под управлением главного пристава, непосредственно подчиненного ставропольскому губернатору, и частных приставов. 8 февраля 1827 г. получил высочайшее утверждение нормативный правовой акт имперского законодательства, который действовал до 1917 г. и непосредственно регламентировал систему управления рассматриваемыми кочевыми народами [Высочайше утвержденное 1830: 107-155]. Законодатель классифицировал инородческое население Кавказской области на внутренних, т.е. проживавших в пределах области, и внешних, – за ее пределами, по берегу рек Терека и Малки. В свою очередь внутренние инородцы были разделены по принципу ведения хозяйства на: оседлых и кочующих. Согласно § 133, к кочующим инородцам были отнесены «ногайцы и других наименований магометане» [Устав для управления 1830: 121]. Составной частью «Учреждения для управления Кавказской области» выступает «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» (далее – Устав) [Устав для управления 1830: 145-155]. В параграфе 2 указанного документа уточняется формулировка «других наименований»: а) ногайцы по Калаусу и Янкулям в Ставропольском округе обитающие; около Бештовых гор по Куме и Сабле в Георгиевском округе; в) джембулуковские и едисанские между Моздока и Кумы, в Моздокском округе; г) караногайцы и едишкульцы в Кизлярском округе и д) трухменцы и

киргизцы в зимнее время в округе Кизлярском, а в летнее на землях калмыцких» [Устав 1830: 146].

Правовые нормы параграфов 6-7 «Устава» закрепляют право кочевых народов Кавказской области на местное самоуправление в лице головы, двух старшин, казначея и старосты, ежегодно избираемых обществом. Законодателем предоставлялась возможность быть избранным обществом на ежегодных выборах неограниченное число раз.

Диспозиция правых норм «Учреждения» и его составной части – «Устава» содержит ряд положений, раскрывающих полномочия общественных сходов и выборных должностных лиц. В графе первой нижеприведенной таблицы указаны полномочия органов местного самоуправления кочевников, выявленные в «Учреждении для управления Кавказской области», которые были отнесены к собственным и обязательным полномочиям органов местного самоуправления, кроме контроля над отправлением повинностей. Собственные полномочия – полномочия общественных сходов и выборных должностных лиц, связанные с предметами ведения органов местного самоуправления.

Таблица. Полномочия органов местного самоуправления

№	Учреждение для управления Кавказской области [Высочайше утвержденное 1830: 107-155]	Положение об инородцах [Положение об инородцах 1912% 531-586]
1.	-	право на обучение в учрежденные от правительства учебные заведения. По согласованию с губернскими властями заводить собственные школы (§ 30)
2.	ведение учета населения и места кочевки каждого рода (§ 55)	ведение учета численности населения и места кочевки каждого рода (§ 425)
3.	контроль за сохранением порядка в обществе (§ 57)	контроль за сохранение порядка в обществе (§ 427)
4.	контроль за отправлением повинностей (§ 58)	контроль за отправлением повинностей (§ 428)
5.	разбор частных дел между кочевниками (§ 59)	-
6.	осуществление судопроизводства по маловажным проступкам и кражам до 100 руб., или менее трех раз (§ 71)	осуществление судопроизводства по незначительным правонарушениям: грабеж и кражу до 30 руб., совершенные не менее трех раз (§ 429)
7.	раскладка повинностей в аулах по семействам (§ 75).	раскладка повинностей в аулах по семействам (§ 430).
8.	составлять и иметь общественные суммы, независимо от сборов денег на повинности (§ 90)	-

Однако перечень полномочий, приведенных в данном законодательном акте, далеко не исчерпывающий. Например, анализ делопроизводственной практики показал, что решения сходов могли выходить за рамки законодательно закрепленных полномочий, т.е. когда общества принимали на себя обязательства добровольно. Так, 27 июня 1866 г. главный пристав кочующих народов

П.З. Ланко в рапорте управляющему Ставропольской губернией докладывал о сложившейся ситуации в среде кочевников, когда на общественных сходах, принятые ими «без всякого принуждения» решения об учреждении школ, хлебных магазинов, фельдшерских пунктов позднее могут быть проигнорированы [ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5081. Л. 13-15 об.]. Главный чиновник инородческого управления акцентирует внимание именно на том, что решения принимались участниками схода самостоятельно. Ранее, П.З. Ланко в своем рапорте от 13 января 1866 г. направленном ставропольскому губернатору писал: «На все предприятия сии [благоустройство – И.Л.], деньги будут расходоваться из общественного народного капитала, и все это возможно произвести в исполнение, исподволь действуя на народ с нравственной стороны, не принуждая его…» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5074. Л. 2]. Данный факт позволяет рассматривать общественный капитал не только как финансовый инструмент, но и как способ интегративной политики государства.

Уже в последней трети XIX в. законодательство, регулировавшее жизнедеятельность инородцев, подверглось редакции с учетом произошедших изменений и требований. Так, в 1892 г. было издано «Положение об инородцах» [Положение об инородцах 1912: 531-586]. Раздел III «Об инородцах в губерниях Ставропольской и Астраханской» законодательного акта «Положение об инородцах». Издание 1892 года» напрямую определял систему управления инородческого населения двух указанных губерний [Положение об инородцах 1912: 554-571]. Непосредственно положения, касающиеся полномочий местного самоуправления, подверглись лишь частичным изменениям и дополнениям, но при этом был возведен в норму права практический опыт. Нововведения «Положения об инородцах» в части полномочий органов местного самоуправления представлены в графе второй таблицы. Так, появилось положение, предоставляющее право кочевым инородцам Ставропольской и Астраханской губерний, не только на получение образования в государственных школах, но и на открытие школ, но только с одобрения губернатора. Также произошло уменьшение суммы иска по правонарушениям, рассматриваемым на общественных сходах, со 100 руб. до 30, и как следствие, было изъято право на разбор частных дел между кочевниками.

Социально-экономическое развитие территорий кочевания ногайцев и турхмен в контексте внутренней политики государства предопределило расширение полномочий института местного самоуправления, но, не закрепив их на законодательном уровне. Процедура введения новых полномочий осуществлялась путем оформления подзаконных актов на уровне губернии, с дальнейшим утверждением профильного министерства (Министерства государственных имуществ/Министерства внутренних дел). Так, 26 февраля 1895 г. общественный сход трех родов заслушав заявление моздокского армянина Захара Залеева об аренде базарной площади, торговых лавок и постоялого двора на Летней Ставке, принял решение о заключении контракта с просителем [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1331. Л. 23 об.]. Это одно из решений схода, получившее утверждение губернатора, и вошедшее в практику по принципу прецедента.

Ярким примером собственных добровольных полномочий выступает следующее решение трухменского схода. Так, 12 февраля 1908 г. общество трухмен

14 поселенных аулов Турхменского приставства составило приговор, которым уполномочивало своего турхмена аула Юсуп-Кулак Хаджимухомета Байгельдыева отправиться в Санкт-Петербург в качестве депутата на аудиенцию к императору Николаю II «для принесения горячей благодарности за отечественные о нас [турхменах – И. Л.] заботы» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1899. Л. 8]. Ранее, подобный приговор был принят 5 мая 1883 г. обществом едишкульских, едисанских и джембойлуковских ногайцев о делегировании трех ногайцев в Санкт-Петербург для выражения верноподданнических чувств по случаю священного коронования императора Александра III и императрицы Марии Федоровны [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 47-47 об.]. Мероприятия подобного рода сопровождались значительными затратами, которые общества добровольно брали на свою ответственность, стремясь обеспечить достойное представление депутацией императору и членам его семьи поздравлений и пожеланий от народа.

Мероприятия подобного рода сопровождались значительными затратами, которые общества добровольно брали на себя, стремясь достойно представить императору и членам его семьи поздравления и пожелания от народа.

Законодатель, предоставляя право на формирование общественного финансового фонда и дальнейшее распоряжение его средствами путем оформления решения схода в виде приговора, ограничивал данное полномочие процедурой утверждения на уровне губернатора или профильного министра. И как свидетельствует практика, имели место случаи, когда решения органов власти противоречили мнению общественного схода. Так, в ходе решения вопроса об образовании оседлых поселений на территории Трухменского приставства возникла проблема раздела земель между перешедшими к оседлому образу жизни трухменами-земледельцами и скотоводами, т.е. кочевниками. Кроме этого, предстояло выделить часть из общественного трухменского капитала, что вызвало недовольство последних. В результате, товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием 15 сентября 1906 г. уведомил ставропольского губернатора, действительного статского советника Б. М. Янушевича, что единственным способом решения проблемы является проигнорировать соответствующие решения трухменского общества, так как оно «неприязненно настроенно против сородичей и не даст нужного приговора» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3131. Л. 30]. По утверждению известного специалиста по истории инородческого населения Российской империи Л. М. Дамешека, «перевод «инородцев» в разряд оседлых преследовал защиту фискальных интересов самодержавия, так как он сопровождался переводом в более высокий оклад государственных крестьян [Дамешек 2007: 94].

Контроль над исполнением повинностей, внесенный в перечень полномочий органов местного самоуправления «Учреждением для управления Кавказской области» 1827 г., относится к делегированным полномочиям, т.е. отдельным государственным полномочиям, которыми наделялись выборные должностные лица. Данная практика не является нововведением. Она активно использовалась в крестьянских общинах, и обеспечивала за счет действия принципа солидарной ответственности выполнение и фискальных и натуральных повинностей.

Следующим полномочием, делегированным государством органам местного самоуправления является учет населения. Данная проблема сохранялась на протяжении всего столетия. Власти затруднялись с введением способа установления численности населения, что обуславливалось не только кочевым способом ведения хозяйства, но и традиционными представлениями о свойстве исчисляемости количественного учета [Борджанова 1999; Бакаева 2009; Лиджиева, Бадмаева 2021]. Метрический учет мусульманского населения империи подпадал под действие «Устава об управлении инородцев» 1822 г. [Высочайше утвержденный… 1830: 394-417], однако по утверждению Д. М. Усмановой, инородческое население Ставропольской губернии не вошло в орбиту его действия [Усманова 2012: 106-153]. И только в последней трети XIX в. катализатором решения проблемы выступила инициатива Оренбургского магометанского духовного собрания о присоединении инородческого населения Ставропольской губернии к своему округу. Следствием этого стало установление системы учета населения [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 912. Л. 8]. Так, 5 апреля 1883 г. главный пристав кочующих народов А. А. Самойлов направил рапорт ставропольскому губернатору, генерал-майору В. А. Дену с предложением о возложении метрического учета «у инородцев Ставропольской губернии на родовых и аульных старшин», которое позднее было поддержано местными властями и действовало до 1917 г. [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 912. Л. 4-4 об.].

Заключение

Таким образом, социальная конструкция кочевого общества стала объектом моделирования государства по пути его интегрирования в общеимперское пространство, одним из инструментов которого выступает институт местного самоуправления. В ходе исследования были выявлены полномочия органов местного самоуправления: общественного схода и выборных должностных лиц: головы, старшины, казначея и аульного старосты в XIX – начале XX в. и проведена их классификация на: собственные (обязательные и добровольные) и делегированные. Полученные выводы позволяют утверждать, что имперские власти на инородческих окраинах активно использовали нормы обычного права, постепенно интегрируя их в позитивное право.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бакаева 2009 – *Бакаева Э.П.* «Двадцать копеек – это семьдесят денег» // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 13-16. EDN: JXYLFH.

Борджанова 1999 – *Борджанова Т.Г.* Магическая поэзия калмыков. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 181 с. EDN: SJOJEZ.

Бурдье 1993 – *Бурдье П.* Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с. EDN: QYBTPF.

Высочайше утвержденный 1830 – *Высочайше утвержденный* Устав об управлении инородцев 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ) – 2. – Т. XXXVIII. – № 29126. – СПб.: типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 394-417.

Высочайше утвержденное 1830 – *Высочайше утвержденное* Учреждение, для управления Кавказской области 6 февраля 1827 г. // ПСЗ РИ – 2. – Т. II. – № 878. – СПб.: типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 107-155.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Дамешек 2007 – *Дамешек Л.М.* Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – XX в.). – Иркутск: Восточно-Сибирская компания, 2007. – 320 с. EDN: UWIOMN.

Джумагулова 2024 – *Джумагулова А.Т.* «Владельцы песков»: пескоукрепительные работы на землях кочевых народов Юга России (ногайцев, калмыков и туркмен) в XIX – начале XX веков // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 41-66. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-41-66. EDN: BTRRYC.

Калмыков, Керейтов, Сикалиев 1988 – *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк. – Ставрополь, Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1988. – 232 с.

Кидирниязов 2005 – *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – нач. XX в. (Исследование экономического развития и социально-политического устройства). – Махачкала: Народы Дагестана, 2005. – 219 с. EDN: QPDRVR.

Кочекаев 1973 – *Кочекаев Б.-А.Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. – Алма-Ата [Черкесск]: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1973. – 185 с.

Лиджиева, Бадмаева 2021 – *Лиджиева И.В., Бадмаева Е.Н.* Количественный учет инородческого населения Юга России во второй половине XIX в. // Журнал фронтирных исследований. 2021. – № 3. – С. 29-47. – DOI: 10.46539/jfs.v6i3.289. EDN: ZAPOKE.

Положение об инородцах 1912 – *Положение об инородцах.* Издание 1892 г. // Свод законов Российской империи: в 5 кн. Под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского юрисконсульта Министерства юстиции и преподавателя гражданского судопроизводства в Императорском Училище Правоведения. Сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. – Кн. 1. – Т. 1-3. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – С. 531-586.

Саидов 2013 – *Саидов А.А.* Исламский фактор местного самоуправления в демократизации политических систем республик Северного Кавказа // Исламоведение. – 2013. – № 4 (18). – С. 36-45. EDN: RSYYDD.

Саидов, Саидов 2016 – *Саидов А.А., Саидов А.А.* Исламский фактор в современных трансформациях местного самоуправления в республиках Северного Кавказа // Вопросы гармонизации межкультурных, межнациональных и межконфессиональных отношений. – М.: «Перо», 2016. – С. 424-438. EDN: WDXOHP.

Устав 1830 – *Устав* для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области // ПСЗ РИ – 2. – Т. II. – № 878. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 144-155.

Усманова 2015 – *Усманова Д.М.* Мусульманские метрические книги в Российской империи: Между законом, государством и общиной (вторая половина XIX – первая четверть XX в.) // Ab imperio. 2015. № 2. - С. 106–153. EDN: RFEGZW.

REFERENCES

BAKAEVA E.P. *«Dvadtsat' kopeek – ehto sem'desyat deneg»* [“Twenty kopecks is seventy money”]. IN: Ehtnograficheskoe obozrenie. – 2009. – №. 2. – P. 13-16. (In Russ.).

BORJANOVA T. G. *Magicheskaya poehziya kalmykov* [Magical poetry of the Kalmyks]. – Elista: Kalm. book publishing house, 1999. – 181 p. (In Russ.).

BOURDIEU P. *Sociology of politics: Trans. from French / Comp., general editorship and foreword by N. A. Shmatko* [Sotsiologiya politiki: Per. s fr. /Sost., obshch. red. i predisl. N.A. Shmatko]. – Moscow: Socio-Logos, 1993. – 336 p. (In Russ.).

DAMESHEK L. M. *Sibirskie «inorodtsY» v imperskoi strategii vlasti (XVIII – XX v.)* [Siberian "aliens" in the imperial strategy of power (XVIII – XX centuries)]. – Irkutsk: East Siberian Company, 2007. – 320 p. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. «Vladel'tsy peskov»: peskoukrepitel'nye raboty na zemlyakh kochevykh narodov Yuga Rossii (nogaitsev, kalmykov i turkmen) v XIX – nachale XX vekov [«Owners of the sands»: sand protection works on the lands of the nomadic peoples of Southern Russia (Nogais, Kalmyks and Turkmens) in the XIX – early XX centuries]. IN: Ehlektronnyi zhurnal

«Kavkazologiya». – 2024. – № 3. – P. 41-66. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya [State Archives of the Stavropol Territory]

KALMYKOV I.KH., KEREYTOV R.KH., SIKALIEV A.I.-M. *Nogaitsy. Istoriko-ehtnograficheskii ocherk* [Nogays. Historical and ethnographic essay]. – Stavropol book publishing house, Karachay-Cherkess branch, 1988. – 232 p. (In Russ.).

KIDIRNIYAZOV D.S. *Nogaitsy Severo-Vostochnogo Kavkaza v XIX – nach. KHKH v. (Issledovanie ehkonomicheskogo razvitiya i sotsial'no-politicheskogo ustroistva)* [Nogays of the North-East Caucasus in the XIX – early XX centuries. (Study of economic development and socio-political structure)]. – Makhachkala: Peoples of Dagestan, 2005. – 219 p. (In Russ.).

KOCHEKAEV B.-A.B. *Sotsial'no-ehkonomicheskoe i politicheskoe razvitie nogaiskogo obshchestva v XIX – nachale XX veka* [Socio-economic and political development of the Nogai society in the 19th – early 20th centuries]. – Alma-Ata [Cherkessk]: Stavropol book publishing house. Karachay-Cherkess branch, 1973. – 185 p. (In Russ.).

LIDZHIEVA I.V., BADMAEVA E.N. *Kolichestvennyi uchet inorodcheskogo naseleniya Yuga Rossii vo vtoroi polovine XIX v.* [Quantitative accounting of the foreign population of the South of Russia in the second half of the 19th century]. IN: *Zhurnal frontirnykh issledovanii.* – 2021. – №. 3. – P. 29-47. (In Russ.).

Polozhenie ob inorodtsakh. Izdanie 1892 g. [Regulations on foreigners. Edition of 1892]. IN: *Svod zakonov Rossiiskoi imperii: v 5 kn. Pod red. I. D. Mordukhai-Boltovskogo yuriskonsul'ta Ministerstva yustitsii i prepodavatelya grazhdanskogo sudoproizvodstva v Imperatorskom Uchilishche Pravovedeniya. Sost. N. P. Balkanov, S. S. Voit, V. EH. Gertsenberg.* [Code of laws of the Russian Empire: in 5 books. Ed. by I. D. Mordukhai-Boltovsky, legal adviser to the Ministry of Justice and teacher of civil procedure at the Imperial School of Law. Comp. N. P. Balkanov, S. S. Voit, V. E. Gertsenberg]. – SPb.: Russian Book Association "Deyatel", 1912. – P. 531-586. (In Russ.).

SAIDOV A.A. *Islamskii faktor mestnogo samoupravleniya v demokratizatsii politicheskikh sistem respublik Severnogo Kavkaza* [Islamic factor of local self-government in democratization of political systems of the republics of the North Caucasus]. IN: *Islamovedenie*. – 2013. – №. 4 (18). –P. 36-45. (In Russ.).

SAIDOV A. A., SAIDOV A. A. *Islamskii faktor v sovremennykh transformatsiyakh mestnogo samoupravleniya v respublikakh Severnogo Kavkaza* [Islamic factor in modern transformations of local self-government in the republics of the North Caucasus]. IN: *Voprosy garmonizatsii mezhkul'turnykh, mezhnatsional'nykh i mezhkonfessional'nykh otnoshenii.* [Issues of harmonization of intercultural, interethnic and interfaith relations]. – Moscow: "Feather", 2016. – P. 424-438. (In Russ.).

USMANOVA D.M. *Musul'manskie metricheskie knigi v Rossiiskoi imperii: Mezhdu zakonom, gosudarstvom i obshchinoi (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX v.)* [Muslim metric books in the Russian Empire: Between Law, State, and Community (second half of the 19th century to the first quarter of the 20th century)]. IN: *Ab imperio.* – 2015. – № 2. – P. 106–153. (In Russ.).

Ustav dlya upravleniya nogaitsev i drugikh magometan, kochuyushchikh v Kavkazskoi oblasti [Charter for the governance of the Nogais and other Muslims nomadic in the Caucasus region]. IN: Complete collection of laws of the Russian Empire. – St. Petersburg: printing house of the II Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. – Collect 2. – 1830. – Vol. II. – №. 878. (In Russ.).

Vysochaishe utverzhdennoe Uchrezhdenie, dlya upravleniya Kavkazskoi oblasti 6 fevralya 1827 g. [The highest approved institution for the governance of the Caucasus region on February 6, 1827]. IN: Complete collection of laws of the Russian Empire – 2. – Vol. II. – №. 878. – St. Petersburg: printing house of the II Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. – P. 107-155. (In Russ.).

Vysochaishe utverzhdennyi «Ustav ob upravlenii inorodtsev» [The Supremely approved Charter on the management of foreigners]. IN: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. – St. Petersburg: printing house of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. – Collect. I. – 1830. – Vol. XXXVIII. – №. 29126. (In Russ.).

Информация об авторе
И.В. Лиджиева – доктор исторических наук.
Information about the author
I.V. Lidzhieva – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 31.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.
The article was submitted 31.10.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 069.01+94
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-25-33
EDN: AKMWLM

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИКА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БАРЯТИНСКОГО: ФОРМИРОВАНИЕ И СУДЬБА

Вадим Павлович Николашин[1], **Руслан Магометович Житин**[2], **Елена Александровна Брюханова**[3]

[1,2] Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

[3] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

[1] nikolashin.vadim@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3595-8556

[2] istorik08@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6031-6088

[3] elena@hist.asu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6974-5065

Аннотация: В статье изучается вопрос о формировании и изменении мест хранения книжного собрания князя А.И. Барятинского. Часть данной книжной коллекции он сформировал еще в период военной службы на Кавказе. Сохранились сведения и о том, что это была одна из первых библиотек в данном регионе. И князь, уезжая с Кавказа, наряду с другими ценностями, вывез собранные книги.

В настоящее время библиотека А.И. Барятинского разрознена. Часть книжного собрания он еще при жизни завещал своему брату передать в Исторический и Румянцевский музеи в Москве. Отдельные издания, видимо, хранились и в Курской области, на территории которой располагалась усадьба Барятинских – Марьино около села Ивановского Льговского уезда Курской губернии. В настоящее время наибольшая часть книжной коллекции А.И. Барятинского сконцентрирована в фонде отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки. Но ряд томов встречается и в других хранилищах. Данная научная проблематика привлекает внимание библиографов и историков на протяжении длительного времени.

Характеризуя книжное собрание А.И. Барятинского, необходимо выделить его многопрофильность, а также наличие литературы известных авторов как на русском, так и на иностранных языках. В библиотеке находились и редкие книги. Еще в период службы на Кавказе А.И. Барятинский получает по наследству книги, собранные Иосифом Виельгорским. Впоследствии князь расширил собрание путем покупки книг П.М. Строева, А.Ф. Гильфердинга, В.И. Касаткина и других.

Ключевые слова: князь А.И. Барятинский, книжное собрание, библиотека, зарубежная литература, Кавказ.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-01330, https://rscf.ru/project/25-28-01330/ «Книга и трансфер: дворянское чтение как фактор усвоения и переосмысления главных европейских идей на русской почве (XVIII – начало XX века)».

Для цитирования: Николашин В.П., Житин Р.М., Брюханова Е.А. Книжное собрание Кавказского наместника Александра Ивановича Барятинского: формирование и судьба // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 25-33. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-25-33. EDN: AKMWLM.

© Николашин В.П., Житин Р.М., Брюханова Е.А., 2026

Original article

BOOK COLLECTION OF THE THE CAUCASIAN GOVERNOR ALEXANDER IVANOVICH BARYATINSKY: FORMATION AND DESTINY

Vadim P. Nikolashin[1], **Ruslan M. Zhitin**[2], **Elena A. Bryukhanova**[3]
[1,2] Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
[3] Altai State University, Barnaul, Russia
[1] nikolashin.vadim@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3595-8556
[2] istorik08@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6031-6088
[3] elena@hist.asu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6974-5065

Abstract. The article examines the formation and changes in the location of Prince A.I. Baryatinsky's book collection. He formed part of this book collection during his military service in the Caucasus. There is also evidence that it was one of the first libraries in the region. When the prince left the Caucasus, he took his collected books with him, along with other valuables.

Currently, A.I. Baryatinsky's library is scattered. During his lifetime, he bequeathed part of his book collection to his brother, who donated it to the Historical and Rumyantsev Museums in Moscow. Some of the books were also stored in the Kursk region, where the Baryatinsky estate, Marino, was located near the village of Ivanovskoye in the Lgovsky district of the Kursk province. Currently, the majority of A.I. Baryatinsky's book collection is housed in the Rare Books Department of the State Public Historical Library. However, a number of volumes can also be found in other repositories. This scientific issue has been the focus of attention for bibliographers and historians for a long time.

When describing A.I. Baryatinsky's book collection, it is important to highlight its versatility and the presence of literature by renowned authors in both Russian and foreign languages. The library also included rare books. During his service in the Caucasus, A.I. Baryatinsky inherited books collected by Joseph Vielgorsky. Subsequently, the prince expanded his collection by purchasing books by P.M. Stroev, A.F. Hilferding, V.I. Kasatkin, and others.

Key words: Prince A.I. Baryatinsky, book collection, library, foreign literature, Caucasus.

Acknowledgements and funding: The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-01330, https://rscf.ru/project/25-28-01330/ «Book and Transfer: Noble Reading as a Factor in the Absorption and Reinterpretation of Major European Ideas in Russia (18th – Early 20th Century)».

For citation: Nikolashin V.P., Zhitin R.M., Bryukhanova E.A. Book collection of the the Caucasian governor Alexander Ivanovich Baryatinsky: formation and destiny. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 25-33. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-25-33. EDN: AKMWLM.

© Nikolashin V.P., Zhitin R.M., Bryukhanova E.A., 2026

Введение

Особое внимание исследователей «разрозненных» коллекций дворян может привлекать наследие, оставленное аристократом, крупнейшим курским помещиком, военным и государственным деятелем, членом Государственного совета, собирателем редких книг Александром Ивановичем Барятинским [Тикаева 2019:

99]. Эта библиотека – уникальное многотомное собрание работ отечественных и зарубежных авторов. К данному вопросу в своих публикациях обращались как биографы Кавказского наместника еще в XIX в. [Зиссерман 1899], так и современные исследователи [Воробьева 2023; Кононова 2014; Муханов 2005; Розова 2025; Тикаева 2019]. В частности И.Ю. Розова подробно описывает судьбу книжного собрания А.И. Барятинского, отмечает, что он был «страстным библиофилом» [Розова 2025]. В настоящее время значительную часть библиотеки, ее основные «контуры», можно изучать в фондах отдела редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки России.

Книжное собрание А.И. Барятинского находится в одном ряду с такими крупными усадебными библиотеками XVII–XVIII вв., как коллекции Шереметевых, Паниных, Долгоруковых, Голицыных, Демидовых, Орловых, Васильчиковых, Вяземским [Бессонова 2010: 114].

В контексте изучения Северного Кавказа данный вопрос обладает особой актуальностью, так как данных о библиотеках XVIII–XIX вв. в этом регионе, как отмечают И.В. Дубинин и И.Г. Иванцов, «почти не осталось» [Дубинин, Иванцов 2020: 121]. Отчасти это обусловлено тем, что казаки традиционно «настороженно» относились к просвещению, считая достаточным для себя и детей владение основами чтения, письма и счета. Поэтому имеются лишь косвенные данные о книжных собраниях на Кавказе у Г.А. Рашпиля, Н.С. Завадовского и др.

Основными собирателями книг в данный период были офицеры, дворяне, служившие на Кавказе. Одним из них был и главнокомандующий Кавказской армией, наместник на Кавказе А.И. Барятинский. Впоследствии свое книжное собрание он вывез в Центральную Россию [Дубинин, Иванцов 2020: 121] и продолжил ее комплектование.

Результаты исследования

Интерес к коллекционированию у Александра Ивановича Барятинского, видимо, сформировался под влиянием отца. Но интерес к книгам стал ярко проявляться в период Кавказской кампании. Возможно, сказались и обстоятельства. Весной 1835 г. по высочайшему повелению он был направлен в войска Казанского корпуса [Зиссерман 1899: 22], прикомандирован к конному полку Черноморских казаков. Принял активное участие в боевых действиях. В одной из стычек при вытеснении из леса «нескольких сот Натухайцев» [Зиссерман 1899: 24] в районе аула Бгана-Хабль корнет А.И. Барятинский, проявив героизм, получил очень тяжелое огнестрельное ранение от горцев. Для восстановления здоровья он поехал в Европу. Там он стал расширять свой кругозор, посещая университетские лекции, делает первые шаги по созданию музейной и книжной коллекций.

В 1838-1839 гг. А.И. Барятинский сопровождал наследника, будущего императора Александра II в европейском путешествии. В этот период ему удается сблизиться с графом Иосифом Виельгорским. Именно эта встреча и определит его дальнейшую цель по формированию музейной и книжной коллекций. Совместно с Виельгорским они решаются собрать библиотеку иностранных сочинений о России, а также и Музей предметов, относящихся к России («Русский сборник»). Для этого Барятинский и Виельгорский приобретают различные

исторические ценности, а также «книги на разных языках» [Зиссерман 1899: 30]. Летом 1838 г. граф Виельгорский из Рима писал, что планировал приобрести наряду с музейными ценностями «много латинских и итальянских книг, относящихся до России и Славянских земель. В будущем году наша библиотека будет иметь до 2000 томов одних иностранных сочинений» [Зиссерман 1899: 30].

Покупая книги совместно, они договорились передать по завещанию все приобретенное тому, кто останется в живых последним. В 1839 г. Виельгорский ушел из жизни [Розова 2025]. Так А.И. Барятинский унаследовал около 12 тысяч томов книг [Зиссерман 1899: 32].

Он продолжил работу по расширению своей коллекции. Сблизившись за рубежом с русским ученым-ориенталистом И.А. Гульяновым, в 1841 г. А.И. Барятинский покупает у него собрание книг. Эта библиотека, согласно договору, становится собственностью князя после смерти ученого. Выделим, что данное собрание формировалось во Франции и содержало книги по темам лингвистики, востоковедения, истории Египта [Смолянинова 2022: 180].

Все это происходит до того, как Александр Иванович дослужится в 1853 г. до звания генерал-адъютанта и начальника штаба. В 1856 г. он назначается командующим отдельным Кавказским корпусом и наместником Кавказа [Розова 2025]. Весной 1860 г. А.И. Барятинский покидает Кавказ. Все это время его не отставляют мысли о формировании целостной, обширной библиотеки, которая бы была доступна для ученых [Зиссерман 1899: 32]. Поэтому в 1860 г. А.И. Барятинский купил у археографа П.М. Строева значительную часть собрания его книг. Тем самым обогатил свою библиотеку трудами по русскому праву, а также русской истории и древнерусской литературе.

С 1866 г. Барятинский пытался купить книжное собрание политического эмигранта В.И. Касаткина, находившегося Женеве. В 1874 г. эту библиотеку удается приобрести у вдовы библиофила. Тем самым князь пополнил свое собрание на 25 тысяч книг. Они были посвящены различным наукам [Зиссерман 1899: 33]. В 1873 г. князь приобретает у вдовы Гильфердинга собрание ее покойного мужа. Данная библиотека состояла из более чем 2,7 тысяч томов [Зиссерман 1899: 32]. Книги были посвящены языкознанию, истории и этнографии славянских народов.

В целом, как отмечает биограф Барятинского А.Л. Зиссерман, в результате значительных усилий было сформировано обширное книжное собрание из 60 особых отделов, включавшее порядка 42 тысяч томов, которые были укомплектованы в «полный, стройный порядок и систему» [Зиссерман 1899: 33]. В книжном собрании князя были выделены следующие основные тематические разделы: военное дело, религия, философия, литература, география, история, эзотерика, химия и алхимия.

Книжное собрание А.И. Барятинского содержало значительное количество изданий на иностранных языках. Например, среди них была подборка книг и брошюр по истории Польши [Розова 2025], один из кодексов, содержавший перевод «Цвета добродетелей», выполненный С.И. Писаревым [Рамазанова 2024: 44-45]. Из собрания В.И. Касаткина, содержащего более 1,6 тысячи единиц уникальных изданий, книг, брошюр и журналов 1789-1804 гг. [Розова 2025], обращает на себя

внимание коллекция томов на французском языке, посвященная в том числе истории Французской буржуазной революции.

Впоследствии коллекция редких книг А.И. Барятинского была завещана его брату, Виктору Ивановичу. Он и передал все книги и рукописи в Исторический и Румянцевский музеи Москвы [Смолянинова 2022: 181]. Окончательная передача завершилась в 1887 г. [Зиссерман 1899: 33]. Предполагалось, что пользоваться библиотекой могли все желающие, в том числе для занятий научной деятельностью. Интересной особенностью было то, что книги передавались в Исторический и Румянцевский музеи только на 25 лет. Данный срок истек в 1917 г., но собрание А.И. Барятинского так и осталось в своих хранилищах. Впоследствии библиотека князя вошла в состав фондов Государственной публичной исторической библиотеки [Розова 2025].

В период революции 1917 г. и в ходе Гражданской войны усадьба Марьино значительно пострадала от грабежей и разрушений. Так, крестьяне стремились забрать мебель, одежду, скатерти, белье [Соколова 2023: 200]. В фондах Государственного архива Курской области сохранились списки вещей, которые были разобраны местным населением из усадьбы. Данные материалы были составлены в 1919 г. [Соколова 2023: 200]. Сохранились устные воспоминания о том, что имущество Барятинских уничтожалось матросами или солдатами, которые квартировались в усадьбе. Например, обнаружены свидетельства, что при стрельбе в качестве мишени использовалась предметы из уникальных сервизов.

В 1918 г. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) отправил специальную комиссию для того, чтобы вывезти оставшиеся в бывшем имении Барятинских произведения искусства, ценные вещи, библиотеки и архивы. Членам музейной комиссии при Наркомпросе А.В. Грищенко, Н.П. Киселеву и В.И. Раевскому удалось привезти в Москву эти предметы в целости. Так коллекция князей Барятинских из Марьино поступила в фонды Исторического музея, Музея народов Востока, Библиотеку иностранной литературы и др. Также часть коллекции была направлена в музеи Петрограда, Махачкалы, Ульяновска, Нальчика, Краснодара, Рязани, Воронежа, Нижнего Новгорода и др. Небольшая часть мебели, картин, предметов интерьера попала в Рыльский и Курский краеведческие музеи [Тикаева 2019: 103]. Среди них были и книги.

Как отмечет О.А. Кучеркова, с 1918 г. в библиотеку государственного Румянцевского музея поступали после национализации книги из ряда усадеб. Наряду с коллекциями графа И.И. Воронцова-Дашкова из Шацкого уезда Тамбовской губернии, сюда также было привезено и около 20000 томов XIX в. из собрания князей Барятинских [Кучеркова 2005: 73]. Но, видимо, среди них были и те издания, что, впоследствии, приобретали родственники и потомки бывшего наместника Кавказа.

На судьбу книг из собрания Барятинского, сохранившихся в Курской области, большое влияние оказали Великая Отечественная война и послевоенный период. Работники сферы культуры вспоминали, что в конце 1940-1950-х гг. издания религиозного содержания и книги на иностранных языках сжигались. Можно предположить, что отдельные издания из коллекции князя, хранившиеся в музейных фондах, также могли пострадать.

В фондах Государственного архива Курской области нами выявлено две «Описи имущества, оставшейся во дворце Марьино при с. Ивановском Льговского уезда» в рукописном и печатном вариантах. В описях имеется подробный перечень материальных ценностей, включая предметы исторического наследия. В результате анализа содержания документов было выявлено, что книги упоминаются лишь косвенно. Например, дважды упоминается «библиотека» [ГАКуО: Д. 9. Л. 7, 13-об.], встречается фраза о «книгах разных литеранских» [ГАКуО: Д. 10. Л. 18], предполагающая, вероятно, наличие изданий на иностранных языках.

В фонде редких книг Курской областной библиотеки имени Н. Асеева также представлены некоторые фрагменты дореволюционных библиотек данного региона. В каталоге упоминаются две книги, связанные с фамилией Барятинских. Одна из них – работа T. Gautiez «Le zaman de la Motie» (Paris, 1858).

В 2025 г. Курский областной краеведческий музей подготовил и провел выставку «Редкости Барятинского фонда». Из музейного собрания редкой книги на ней были представлены напрестольное Евангелие с эмалями и Почаевское Евангелие 1780 г. В феврале 2025 г. в рамках проведения Специальной Военной Операции из Рыльского краеведческого музея в Курск была вывезена часть коллекции князей Барятинских, включавшую в себя и редкие книги.

На Северном Кавказе в настоящее время сохранились только музейные ценности, связанные с жизнью и деятельностью А.И. Барятинского в данном регионе. Так, в Национальном музее Республики Дагестан имени А.А. Тахо-Годи представлена уникальная «Коллекция князя Барятинского» XIX в. [Тикаева 2019: 103].

Заключение

Книжное собрание А.И. Барятинского формировалось на протяжении длительного времени. Видимо, интерес к книге у него возник в юности или молодости. Но библиофилом князь стал после ранения, полученного на Кавказе. Именно из этого региона в 1860 г., как отмечают исследователи, князь и вывозил одну из первых библиотек Кавказа.

В составе библиотеки А.И. Барятинского из более, чем 40 тысяч томов, выделяются пять крупных коллекций, полученных и приобретенных у И.М. Виельгорского, И.А. Гульянова, П.М. Строева, А.Ф. Гильфердинга, В.И. Касаткина. Значительную часть собрания князя составляли труды на иностранных языках.

Если ценности и реликвии, вывезенные из усадьбы Марьино в различные периоды XX в., разрознены и находятся в музеях Москвы, Курска, Нальчика, Санкт-Петербурга и других городов, то большая часть книжного собрания сконцентрирована в Государственной публичной исторической библиотеке. В настоящее время в фонде оланиклоотдела редких книг здесь представлено 1312 изданий [Тикаева 2019: 100]. Но отдельные экземпляры библиотеки А.И. Барятинского могут быть выявлены и за пределами Москвы.

В целом реконструкция состава книжного собрания князя А.И. Барятинского, как и другие подобные исследования, требует длительной и кропотливой работы. Но лишь отчасти судьба этой библиотеки идентична судьбам подобных коллекций по всей стране, так как благодаря воле по завещанию Александра

Ивановича значительная часть его книг еще до революции была сконцентрирована в одном месте и осталась там до настоящего времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бессонова 2010 – *Бессонова Н.А.* Отражение культуры общества в частных культурных коллекциях // Академические тетради. Сборник научных статей. – Самара. – 2010. – С. 111-132.

Дубинин, Иванцов 2020 – *Дубинин И.В., Иванцов И.Г.* К некоторым вопросам о библиотеке И.Д. Попко// Научный вестник Южного института менеджмента. – 2020. – № 2 (30). – С. 120-126.

Воробьева 2023 – *Воробьева Е.В.* «Русский сборник» князя А. И. Барятинского: От идеи к воплощению // Библиотека в контексте истории: материалы 5-й междунар. науч. конф., 21-23 окт. 2003 г. – М., 2003. – С. 405-417.

ГАКуО – Государственный архив Курской области. Ф. Р-1741. Оп. 1.

Зиссерман 1899 – *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. – М.: Университетская типография. – Т. 1. – 1889. – 397 с.

Кононова 2014 – *Кононова Т.Л.* Читательская аудитория и чтение в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Центрального Черноземья) // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – С. 265-269.

Кучеркова 2005 – *Кучеркова О.А.* Комплектование библиотеки государственного румянцевского музея в 1917–1922 гг. // Южный научно-исследовательский альманах. – 2018. – № 5. – С. 69-78.

Муханов 2005 – *Муханов В.М.* Генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский (жизненный путь, военно-административная и общественная деятельность): Автореф. дисс. канд. ист. н-к. – М., 2005. – 29 с.

Рамазанова 2024 – *Рамазанова Д.Н.* Судьба флорилегия «Ἄνθος τῶν χαρίτων» в русской книжной культуре XVIII века: труд Стефана Писарева и рукописи его перевода // Кафедра византийской и новогреческой филологии. – № 20. – 2024. – С. 35-57.

Розова 2025 – *Розова И.Ю.* Библиотека А.И. Барятинского // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.shpl.ru/about_library/history_library/collections/biblioteka_a_i_baryatinskogo/?ysclid=metro7s4t7304386595. Дата обращения: 28.08.2025.

Смолянинова 2022 – *Смолянинова Н.Н.* Становление библиотечного дела в Курской губернии: конец XIX – начало XX века // Культурный континуум российской провинции: проблемы формирования и развития. Сборник статей участников международного круглого стола. Под редакцией Г.А. Салтык, И.Г. Косихиной. – Курск, 2022. – С. 177-182.

Соколова 2023 – *Соколова А.С.* Коллекция Борятинских: из усадьбы в музей // Искусствознание. – № 2. – 2023. – С. 182–213.

Тикаева 2019 – *Тикаева З.Д.* Кавказская коллекция князя А.И. Барятинского // Вопросы музеологии. – Т. 10. – Вып. 1. – 2019. – С. 99-105.

REFERENCE

BESSONOVA N.A. *Otrazhenie kul'tury obshchestva v chastnykh kul'turnykh kollektsiyakh* [The reflection of society's culture in private cultural collections]. In: Akademicheskie tetradi. Sbornik nauchnykh statei. – Samara. – 2010. – P. 111-132. (In Russ.).

DUBININ I.V., IVANTSOV I.G. *K nekotorym voprosam o biblioteke I.D. Popko* [On some questions about the library of I.D. Popko]. In: Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta. – 2020. – № 2 (30). – P. 120-126. (In Russ.).

VOROB'EVA E.V. *«Russkii sbornik» knyazya A. I. Baryatinskogo: Ot idei k voploshche-niyu* [The "Russian Collection" of Prince A. I. Baryatinsky: From Idea to Implementation]. In: Biblioteka v kontekste istorii: materialy 5-i mezhdunar. nauch. konf., 21-23 okt. 2003 g. – M., 2003. – P. 405 – 417. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti [State Archive of Kursk Region]. F. R-1741. Op. 1. (In Russ.).

ZISSERMAN A.L. *Fel'dmarshal knyaz' Aleksandr Ivanovich Baryatinskii. 1815–1879* [Field Marshal Prince Alexander Ivanovich Baryatinsky. 1815–1879]. – M.: Universitetskaya tipografiya. – T. 1. – 1889. – 397 p. (In Russ.).

KONONOVA T.L. *Chitatel'skaya auditoriya i chtenie v rossiiskoi provintsii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [The readership and reading in the Russian province in the second half of the 19th – early 20th century (based on the materials of the Central Chernozem region)]. In: Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 2. – P. 265-269. (In Russ.).

KUCHERKOVA O.A. *Komplektovanie biblioteki gosudarstvennogo rumyantsevskogo muzeya v 1917–1922 gg.* [The library of the State Rumyantsev Museum in 1917–1922]. In: Yuzhnyi nauchno-issledovatel'skii al'manakh. – 2018. – № 5. – P. 69-78. (In Russ.).

MUKHANOV V.M. *General-fel'dmarshal knyaz' A.I. Baryatinskii (zhiznennyi put', vo-enno-administrativnaya i obshchestvennaya deyatel'nost')* [Field Marshal General Prince A.I. Baryatinsky (life, military-administrative and social activities)]: Avtoref. diss. kand. ist. n-k. – M., 2005. – 29 p. (In Russ.).

RAMAZANOVA D.N. *Sud'ba florilegiya «Ἄνθος τῶν χαρίτων» v russkoi knizhnoi kul'-ture XVIII veka: trud Stefana Pisareva i rukopisi ego perevoda* [The fate of the florilegia "Ἄνθος τῶν χαρίτων" in the Russian book culture of the 18th century: the work of Stefan Pisarev and the manu-scripts of his translation]. In: Kafedra vizantiiskoi i novogrecheskoi filologii. – № 20. – 2024. – P. 35-57. (In Russ.).

ROZOVA I.YU. *Biblioteka A.I. Baryatinskogo* [The Library of A.I. Baryatinsky]. In: El-ektronnyi resurs. Rezhim dostupa: https://www.shpl.ru/about_library/history_library/collections/bib-lioteka_a_i_baryatinskogo/?ysclid=metro7s4t7304386595. Data obrashcheniya: 28.08.2025. (In Russ.).

SMOLYANINOVA N.N. *Stanovlenie bibliotechnogo dela v Kurskoi gubernii: konets KHIKH – nachalo XX veka* [The Development of Library Services in Kursk Province: Late 19th – Early 20th Centuries]. In: Kul'turnyi kontinuum rossiiskoi provintsii: problemy formiro-vaniya i razvitiya. Sbornik statei uchastnikov mezhdunarodnogo kruglogo stola. Pod re-daktsiei G.A. Saltyk, I.G. Kosikhinoi. – Kursk, 2022. – P. 177-182. (In Russ.).

SOKOLOVA A.S. *Kollektsiya Boryatinskikh: iz usad'by v muzei* [The Boryatinsky Collection: From Estate to Museum]. In: Iskusstvoznanie. – № 2. – 2023. – P. 182–213. (In Russ.).

TIKAEVA Z.D. *Kavkazskaya kollektsiya knyazya A.I. Baryatinskogo* [The Caucasian Collection of Prince A.I. Baryatinsky]. In: Voprosy muzeologii. – T. 10. – Vyp. 1. – 2019. – P. 99-105. (In Russ.).

Информация об авторах

В.П. Николашин – доктор исторических наук.
Р.М. Житин – кандидат исторических наук.
Е.А. Брюханова – кандидат исторических наук.

Information about the authors

V.P. Nikolashin – Doctor of Historical Sciences.
R.M. Zhitin – Candidate of Historical Sciences.
E.A. Bryukhanova – Candidate of Historical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 17.01.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 94(470)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-34-44
EDN: BXGLYV

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ВОЕННО-НАРОДНОМУ УПРАВЛЕНИЮ В ОТРАЖЕНИИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Асланби Асланович Камбачоков
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, bibulicheck07@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-2213-9492

Аннотация. Статья посвящена анализу основных нормативных актов, отражавших административно-территориальные преобразования на Центральном Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению во второй половине XIX в. Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые акты российских властей по административно-территориальному устройству Центрального Кавказа во второй половине XIX в. В их числе: положение Кавказского Комитета «О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа» от 10 декабря 1857 г., Именной указ императора Сенату о преобразовании крепости Владикавказ в город от 31 марта 1860 г., Положение «об управлении Терской областью» от 1862 г., Положение «об управлении Кавказским наместничеством» от 9 декабря 1867 г., Учреждение для управления Кавказского и Закавказского края от 1876 г. и др. В ходе исследования установлено, что что нормативно-правовая база административно-территориальных преобразований на Центральном Кавказе в рассматриваемый период представляла собой сложный комплекс взаимосвязанных документов, отражавших имперскую политику интеграции региона и стремление к установлению устойчивого военно-народного управления. Учитывалось, что нормативно-правовое обеспечение административно-территориальных преобразований и изменения территориальной подведомственности учреждений власти и локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1769–1858 гг. эволюционировало от фрагментарных нормативных актов (указов, наставлений, рескриптов) к более систематизированным нормативно-правовым актам (Положения, учреждения и т.п.). При этом сохранялись элементы традиционного управления, адаптированные к условиям российской администрации.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, Кавказское наместничество, Терская область, военно-народное управление, административно-территориальное устройство, нормативно-правовой акт

Для цитирования: Камбачоков А.А. Административно-территориальные преобразования на Центральном Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению в отражении нормативных актов (вторая половина XIX века) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 34-44. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-34-44. EDN: BXGLYV.

© Камбачоков А.А., 2026

Original article

ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL TRANSFORMATIONS IN THE CENTRAL CAUCASUS DURING THE TRANSITION

TO MILITARY-PEOPLE'S ADMINISTRATION, AS REFLECTED IN LEGAL ACTS (SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY)

Aslanbi A. Kambachokov
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, bibulicheck07@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-2213-9492

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main regulatory acts that reflected the administrative and territorial transformations in the Central Caucasus during the transition to military and people's administration in the second half of the 19th century. The empirical basis of the study consists of the regulatory acts of the Russian authorities on the administrative and territorial structure of the Central Caucasus in the second half of the 19th century. These include: the Caucasian Committee's Regulation "On Certain Changes in the Administration of the Submissive Tribes of the Caucasus" dated December 10, 1857, the Emperor's Personal Decree to the Senate on the Transformation of the Vladikavkaz Fortress into a City dated March 31, 1860, the Regulation "On the Administration of the Terek Region" dated 1862, the Regulation "On the Administration of the Caucasian Viceroyalty" dated December 9, 1867, the Institution for the Administration of the Caucasian and Transcaucasian Regions dated 1876, and others. The study found that the legal framework for administrative and territorial transformations in the Central Caucasus during the period under review was a complex set of interrelated documents that reflected the imperial policy of integrating the region and the desire to establish sustainable military and public administration. It was taken into account that the legal and regulatory framework for administrative and territorial transformations and changes in the territorial jurisdiction of government agencies and local judicial and administrative control in the Central Caucasus from 1769 to 1858 evolved from fragmented legal acts (decrees, instructions, and rescripts) to more systematic legal acts (Regulations, institutions, etc.). At the same time, elements of traditional governance were preserved and adapted to the conditions of the Russian administration.

Keywords: Central Caucasus, Caucasian Viceroyalty, Terek Region, Military-People's Administration, Administrative-Territorial Structure, Legal Act

For citation: Kambachokov A.A. Administrative and territorial transformations in the Central Caucasus during the transition to military-people's administration, as reflected in legal acts (second half of the 19th century). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 34-44. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-34-44. EDN: BXGLYV.

© Kambachokov A.A., 2026

Введение

Внедрение военно-народного управления на Центральном Кавказе на рубеже 1850-1860-гг. стало результатом сложной политической и социальной трансформации, вызванной расширением российского территориального суверенитета здесь и ставшей одним из факторов глубинных преобразований традиционного уклада жизни коренного населения и т.п. Эта система представляла собой гибридную форму правления, сочетавшую элементы военной администрации и традиционных институтов самоуправления местных жителей. Ее внедрение было обусловлено стремлением имперской власти установить контроль над «непокорными горцами», минимизируя при этом риски масштабных восстаний и сохраняя видимость уважения к местным обычаям. Основной целью военно-народного управления было обеспечение стабильности и безопасности в регионе, а также постепенная интеграция коренного населения в правовое и экономическое пространство

Российской империи. Для этого создавались специальные административные округа, во главе которых стояли назначенные военные чиновники, обладавшие широкими полномочиями. Они отвечали за поддержание порядка, сбор налогов, решение земельных споров и другие вопросы, затрагивающие интересы местного населения. Нормативные акты этого периода определяли компетенцию военных губернаторов и начальников округов, их взаимодействие с местными органами самоуправления и представителями горских обществ. В связи с чем изучение особенностей административно-территориальных преобразований на Центральном Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению в отражении нормативных актов во второй половине XIX в. дает возможность выявить основные направления имперской политики по развитию российского аппарата государства в регионе, что и определяет актуальность поставленной проблемы.

Историография истории военно-народного управления на Центральном Кавказе во второй половине XIX в. представлена широким кейсом научно-исследовательских работ, и сама по себе может быть предмет самостоятельного комплексного исследования. В современном кавказоведении к данной проблематике отмечается лишь повышение исследовательского спроса. Так, некоторые особенности установления военно-народного управления в регионе рассматривались в трудах Ж.А. Калмыкова [Калмыков 2007], П.А. Кузьминова [Кузьминов 2005; Кузьминов 2009; Кузьминов 2011; Кузьминов, Урусова 2016; Кузьминов 2017], М.А. Базарнова [Базарнов 2008], З.Х. Ибрагимовой [Ибрагимова 2010], А.Т. Урушадзе [Урушадзе 2012], С.В. Шевченко [Шевченко 2013], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2014; Прасолов 2016; Прасолов 2022], З.М. Блиевой [Блиева 2018], А.Х. Абазова [Абазов 2019a; Абазов 2019b; Абазов 2020a; Абазов 2019b], З.Ж. Глашевой [Глашева 2017; Дзамихов, Глашева 2017], М.А. Волхонского [Волхонский 2022] и др.

Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые акты российских властей по административно-территориальному устройству Центрального Кавказа во второй половине XIX в. В их числе: положение Кавказского Комитета «О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа» от 10 декабря 1857 г., именной указ императора Сенату о преобразовании крепости Владикавказ в город от 31 марта 1860 г., Положение «об управлении Терской областью» от 1862 г., Положение «об управлении Кавказским наместничеством» от 9 декабря 1867 г., Учреждение для управления Кавказского и Закавказского края от 1876 г. и др. Нормативно-правовые акты по административно-территориальным преобразованиям на Центральном Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению в 1858–1918 гг. отражали стремление Российской империи к укреплению контроля над регионом, интегрируя его в общероссийское правовое пространство. Основным инструментом этой политики стали положения и уставы, регулировавшие создание и функционирование военно-окружных управлений, губерний и областей.

Основная часть

Так, Высочайше утвержденное положение Кавказского Комитета *«О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа»* от 10 декабря

1857 г. юридически закрепило создание четырех административных округов (Кабардинского, Военно-Осетинского, Чеченского и Кумыкского) на Левом крыле Кавказской линии и четырех на Правом фланге (Нижне-Прикубанский, Закубанских Нагайцев, Тахтамышевский и Карачаевский), а также организацию народных судов в этих округах [Административная практика… 2012: 183–185]. Также устанавливалось, что компетенцию, обязанности, права и полномочия начальников округов, его помощников и окружных народных судов следовало обеспечить детальной инструкцией, которая должна быть разработана в установленном порядке. Организацию местного управления среди покорных народов Кавказа в остальных частях региона предписывалось временно оставить без изменений на прежних условиях.

Дальнейшие преобразования этого времени регламентировали упорядочивание административного управления на Центральном Кавказе путем создания крупных округов, которые объединяли различные этнические группы и некоторые ранее существовавшие административные единицы. Это говорит о стремлении Российской империи централизовать и систематизировать контроль над регионом, основываясь на этническом и географическом принципах при формировании новых административных структур. В структуре формирующейся административной системы округа выделялись отдельные участки, приставства и наибства (например, в 1858 г. Кабардинский округ с административным центром в слободе Нальчик был образован из Большой Кабарды, бывшего малокабардинского приставства, а также приставства, объединявшего уруспиевское, балкарское, чегемское и хуламское общества, и, на временной основе, Дигории [АКАК. Т. 12: 645]). По схожему принципу определялась структура и Осетинского, Чеченского и Кумыкского округов [АКАК. Т. 12: 645].

Терская область была образована путем реорганизации Левого крыла Кавказской линии. Это решение было закреплено Именным указом, оглашенным министром юстиции Сенату 8 февраля 1860 г. [Административная практика… 2012: 206–207]. Также на основании именного высочайшего указа Сенату от 31 марта 1860 г. крепость Владикавказ была преобразована в город [Административная практика… 2012: 207]. После этого последовал целый ряд важных преобразований в системе управления регионом, затрагивавшим основу административной структуры, которая перестраивалась в соответствии с принципами военно-народного управления. 4 ноября 1860 г. императорским указом, доведенным до Сената Министерством Юстиции, «Канцелярия по управлению покорными туземцами» при Командующем войсками бывшего Левого крыла Кавказской линии была переименована. Новое название – «Канцелярия по управлению горцами Терской области» – отражало тот факт, что все народы этого региона к тому времени уже перешли под полное российское управление, что и стало причиной распоряжения Главнокомандующего Кавказской Армией о смене названия. Император, рассмотрев всеподданнейший доклад Управляющего делами Кавказского Комитета, высочайше утвердил распоряжение Генерал-Фельдмаршала князя А.И. Барятинского о переименовании. Это решение было принято, поскольку Главнокомандующий Кавказской Армией счел, что все народы Терской

области уже подчинены, и, следовательно, изменение названия Канцелярии отражает текущее положение дел [Административная практика… 2012: 216-217].

В 1862 г. было принято Положение «об управлении Терской областью», ставшее ключевым нормативно-правовым актом, который провел административно-территориальную реорганизацию региона, разделив его на три военных округа (Западный, Средний и Восточный) с последующим делением на более мелкие административные единицы (округа и одно Городское управление) [Административная практика… 2012: 237-238].

Последующие административно-территориальные преобразования закреплялись в нормативно-правовых актах, определявших изменения как на уровне кавказского наместничества, так и на региональном уровне.

С 9 декабря 1867 г. начало действовать «Положение об управлении Кавказским наместничеством», которое реорганизовало высшие органы власти в регионе. Этот документ внес коррективы в существовавшую систему управления. Наместнику Кавказа было поручено привести систему управления регионом в соответствие с его текущим статусом и изменениями, произошедшими в структуре судебных и местных административных органов в других регионах империи [Административная практика… 2012: 280-288]. Впоследствии император утвердил и направил в Правительствующий Сенат для исполнения следующие документы: «Положение о Главном Управлении Наместника Кавказского», «Положение о карантинно-таможенной службе на Кавказе и в Закавказье», «Правила о процедуре назначения и освобождения от должностей в административных учреждениях Кавказского и Закавказского края», а также «Штатное расписание должностей в Главном Управлении Наместника Кавказского, в губернских, уездных и городских полицейских учреждениях Закавказского края и в управлениях почтовой, медицинской и карантинно-таможенной служб на Кавказе и в Закавказье» и «Штаты местных учреждений Ставропольской губернии». Так, было принято решение о создании новой административно-территориальной структуры в Закавказье. Этот документ частично затрагивал и административно-территориальное устройство Терской области. Например, Ставропольская губерния была перераспределена на три уезда: Ставропольский, Пятигорский и Новогригорьевский. Последний был образован из части Кизлярского уезда, оставшаяся часть которого, вместе с городом Кизляром, была включена в состав Терской области.

С 1 января 1868 г. начало функционировать Главное управление наместника Кавказского, наделенное обширными правами. В его структуру вошли все ключевые департаменты и официальные учреждения наместничества, включая административные, судебные и финансовые органы. Это значительно укрепило власть наместника и централизовало управление регионом [Административная практика… 2012: 65].

21 мая 1874 г. император утвердил мнение Государственного совета о новой административной границе между Ставропольской губернией и Терской областью – по реке Куме от устья р. Кирикили до устья р. Джумухи, затем по землям станицы Лысогорской до станицы Саблинской, а далее по границам наделов станиц Лысогорской, Александровской и Подгорной. В результате этих изменений

город Пятигорск, поселок Железноводск, колонии Константиновская, Николаевская, Шотландская и частные хутора перешли из Ставропольской губернии в состав Терской области. Георгиевский округ был переименован в Пятигорский, а Пятигорск стал его новым административным центром.

В 1876 г. было принято Учреждение для управления Кавказского и Закавказского края – пространный подробный документ, определявший административно-территориальное устройство кавказского макрорегиона, структуру и объем полномочий органов власти и т.п. Кроме того, отдельные главы Учреждения 1876 г. были посвящены наместнику Кавказскому, Учреждению Управления в Кубанской и Терской областях, общим положениям об областных, уездных (окружных) и городских учреждениях, а также управлению в станицах, селах, колониях и горских аулах, отдельно прописывались судебные установления [Между централизмом… 2014: 86-95]. Новое, утвержденное императором «Учреждение» закрепило реорганизацию административного деления Терской области. Теперь она состояла из семи округов: Пятигорского, Владикавказского, Грозненского, Аргунского, Веденского, Кизлярского и Хасав-Юртовского. В 1888 г. произошли дальнейшие изменения, в результате которых Терская область была вновь перестроена, включив в себя три казачьих отдела (Пятигорский, Кизлярский и Сунженский) и четыре округа (Владикавказский, Нальчикский, Грозненский и Хасав-Юртовский).

С 1888 до 1905 г. ингушское население области (прежние Назрановский, Пседахский и Горский участки) входило в состав вновь образованного казачьего Сунженского отдела Терской области. Начиная с 1 января 1899 г., в составе Терской области произошло изменение в административном делении: был образован четвертый казачий отдел, получивший название Моздокский. Это нововведение расширило существовавшую ранее структуру казачьих отделов в регионе. Таким образом, с указанной даты Моздокский отдел стал составной частью административного устройства Терской области, представляя собой еще одну казачью единицу в рамках данного региона [Всеподданнейший отчет… 1900: 4]. 22 декабря 1904 г. в составе Терской области был образован Веденский округ [Арсанукаева 2010: С. 24]. В 1905 г. из состава Сунженского отдела был сформирован Назрановский округ. К 1908 г. административное устройство Терской области включало в себя четыре отдела (Пятигорский, Моздокский, Кизлярский и Сунженский) и шесть округов (Владикавказский, Назрановский, Хасав-Юртовский, Нальчикский, Грозненский и Веденский) [Между централизмом… 2014: 34].

В целом, круг тематических нормативных документов для анализа административно-территориальных преобразований на Центральном Кавказе в условиях перехода региона к военно-народному управлению во второй половине XIX в. можно расширять, а также – рассматривать и некоторые общеимперские нормы по организации управления регионами. Однако и предложенный в статье обзор нормативных документов дает возможность говорить о том, что нормативно-правовая база административно-территориальных преобразований на Центральном Кавказе в рассматриваемый период представляла собой сложный комплекс взаимосвязанных документов, отражавших имперскую политику интеграции региона и стремление к установлению устойчивого военно-народного управления. Эти

акты оказали значительное влияние на социально-экономическое и политическое развитие региона, определив его место в составе Российской империи.

Заключение

Таким образом, нормативно-правовое обеспечение административно-территориальных преобразований и изменения территориальной подведомственности учреждений власти и локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1769–1858 гг. эволюционировало от фрагментарных нормативных актов (указов, наставлений, рескриптов) к более систематизированным нормативно-правовым актам (Положения, учреждения и т.п.). Нормативно-правовые акты, регламентировавшие административно-территориальные преобразования на Центральном Кавказе в условиях перехода к военно-народному управлению в 1858–1918 гг., отражали специфику региона и политику централизации. Учреждение Кавказского наместничества и последующие реформы, инициированные наместником князем А.И. Барятинским, выстраивались по пути к унификации административной структуры и внедрению общероссийского законодательства. Ключевым актом, определившим правовые рамки административных преобразований на Кавказе, стало «Положение об управлении Кавказским краем» 1868 г., которое устанавливало структуру управления губерниями и областями, а также определяло компетенцию различных административных органов. При этом сохранялись элементы традиционного управления, адаптированные к условиям российской администрации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2020a – *Абазов А.Х.* Губернаторские отчеты как источник по изучению политико-правовых и социально-экономических аспектов инкорпорации Южного Кавказа в состав Российской империи в середине 40-х – первой половине 60-х гг. XIX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2020. – № 6(98). – С. 210-216.

Абазов 2019a – *Абазов А.Х.* Финансовый аспект административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе на рубеже 50-х – 60-х гг. XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 4-1(43). – С. 36-42.

Абазов 2019b – *Абазов А.Х.* Главное управление и Совет Наместника Кавказского (1858): предпосылки образования, структура и объем полномочий // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 4. – С. 37-48. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-37-48.

Абазов 2020b – Абазов А.Х. Кавказская армия в конце 1850-х гг.: особенности управления в контексте унификации административных институтов // Былые годы. – 2020. – № 58(4). – С. 2546-2553. – DOI 10.13187/bg.2020.4.2546. – EDN HCYYHZ.

Административная… 2012 – Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии). Владикавказ: СОИГСИ, 2012. 400 с.

АКАК. Т. 12 – Акты, собранные кавказскою археографическою комиссиею. – Т. 12. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Арсанукаева 2010 – *Арсанукаева М.С.* Государственная политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX в.). Автореф. дис. д.ю.н. – М., 2010. – 48 с.

Базарнов 2008 – *Базарнов М.А.* Правовые основы военно-народной системы управления Северным Кавказом // Вестник Московского университета МВД России. – № 11. – 2008. – С. 68-70. EDN: KUVWAV

Блиева 2018 – *Блиева З.М.* Российские судебные учреждения в Осетии: опыт, особенности организации (конец XVIII – 50-е годы XIX в.) // Вестник Северо-Осетинского

государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2018. – № 3. – С. 31-35. – DOI 10.29025/1994-7720-2018-3-31-35. – EDN YARZHF.

Волхонский 2022 – *Волхонский М.А*. Преобразование системы военно-народного управления на Кавказе при Александре III в 1882-1888 гг. // Уральский юридический вестник. – 2022. – № 4. – С. 178-187. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-178-187

Всеподданнейший отчет 1990 – Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1899 г. – Владикавказ: Типография областного правления Терской области, 1900. – 158 с.

Глашева 2017 – *Глашева З.Ж*. Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в период наместничества А.И. Барятинского (1856-1862 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 4-1. – С. 45-49. – DOI 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-45-49. – EDN ZEZGYF.

Дзамихов, Глашева 2017 – *Дзамихов К.Ф., Глашева З.Ж*. Особенности административно-территориальных преобразований у кабардинцев и балкарцев в 1858-1917 гг. // Всеобщая история. – 2017. – № 4. – С. 66-75. – EDN ZXJGDN.

Ибрагимова 2010 – *Ибрагимова З.Х*. Военно-народное управление на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 9. – С. 61-64. – EDN MVOCVJ.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А*. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2007. – 232 с.

Кузьминов, Урусова 2016 – *Кузьминов П.А., Урусова А.М.* Попытки создания новой системы управления Кавказом в 50-70-Х гг. XIX века // Вестник Владикавказского научного центра. – 2016. – Т. 16, № 1. – С. 33-37.

Кузьминов 2005 – *Кузьминов П.А*. М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. – Москва: Русская панорама, 2005. – С. 109-128.

Кузьминов 2017 – *Кузьминов П.А*. Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 4. – С. 64-83.

Кузьминов 2011 – *Кузьминов П.А*. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. – Нальчик: Типография ООО «Печатный двор», 2011. – 531 с.

Кузьминов 2009 – *Кузьминов П.А*. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2009. – 235 с.

Между централизмом… 2014 – Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 225 с.

Прасолов 2016 – *Прасолов Д.Н*. Нальчик и кабардинское общество в XIX - начале XX в. // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 3(52). – С. 52-61.

Прасолов 2014 – *Прасолов Д.Н*. Романовы и проблемы интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство Российской империи // Вопросы истории. – 2014. – № 9. – С. 123-127.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н*. Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: ОПР, 2022. – 240 с.

Урушадзе 2012 – *Урушадзе А.Т*. Истрия военно-народного управления на Кавказе: в поисках автора и истоков// Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2012. – № 6. – С. 137-142. EDN: PIKYOD

Шевченко 2013 – *Шевченко С.В*. Административно-территориальные преобразования на Кавказе в период военно-народного управления // НаукаПарк. – 2013. – № 6-2(18). – С. 10-14. – EDN RUNAUT.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Gubernatorskie otchety kak istochnik po izucheniyu politiko-pravovykh i sotsial'no-ekonomicheskikh aspektov inkorporatsii Yuzhnogo Kavkaza v sostav Rossii-skoi imperii v seredine 40-kh – pervoi polovine 60-kh gg. XIX v.* [Governor's Reports as a Source for Studying the Political, Legal, and Socio-Economic Aspects of the Incorporation of the South Caucasus into the Russian Empire in the Mid-1840s to the First Half of the 1860s.]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2020. – № 6(98). – P. 210-216. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Finansovyi aspekt administrativno-territorial'nykh preobrazova-nii na Severnom Kavkaze na rubezhe 50-kh – 60-kh gg. XIX vv.* [The Financial Aspect of Administrative and Territorial Reforms in the North Caucasus at the Turn of the 1850s and 1860s.]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanii. – 2019. – № 4-1(43). – P. 36-42. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Glavnoe upravlenie i Covet Namestnika Kavkazskogo (1858): predpo-sylki obrazovaniya, struktura i ob"em polnomochii* [The Main Administration and the Council of the Viceroy of the Caucasus (1858): Background, Structure, and Scope of Authority]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazolo-giya». – 2019. – № 4. – P. 37-48. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-37-48. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Kavkazskaya armiya v kontse 1850-kh gg.: osobennosti upravleniya v kontekste unifikatsii administrativnykh institutov* [The Caucasian Army in the Late 1850s: Management Features in the Context of Administrative Institutions Unification]. In: Bylye gody. – 2020. – № 58(4). – P. 2546-2553. – DOI 10.13187/bg.2020.4.2546. – EDN HCYYHZ. (In Russ.).

Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII do 1870 g. (na materialakh Osetii) [Administrative Practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the End of the 18th Century to 1870 (Based on the Materials of Ossetia)]. Vladikavkaz: SOIGSI, 2012. 400 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye kavkazskoyu arkheograficheskoyu komissieyu [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. – T. 12. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russ.).

ARSANUKAEVA M.S. *Gosudarstvennaya politika Rossiiskoi imperii v Chechne i Ingu-shetii (XIX – nachalo XX v.)* [State Policy of the Russian Empire in Chechnya and Ingushetia (19th – Early 20th Century)]. Avtoref. dis. d.yu.n. – M., 2010. – 48 p. (In Russ.).

BAZARNOV M.A. *Pravovye osnovy voenno-narodnoi sistemy upravleniya Severnym Kavkazom* [Legal Foundations of the Military-People's System of Administration in the North Caucasus]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – № 11. – 2008. – P. 68-70. EDN: KUVWAV. (In Russ.).

BLIEVA Z.M. *Rossiiskie sudebnye uchrezhdeniya v Osetii: opyt, osobennosti organi-zatsii (konets XVIII – 50-e gody XIX v.)* [Russian Judicial Institutions in Ossetia: Experience and Organization Features (Late 18th – 1850s)]. In: Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova. – 2018. – № 3. – P. 31-35. – DOI 10.29025/1994-7720-2018-3-31-35. – EDN YARZHF. (In Russ.).

VOLKHONSKII M.A. *Preobrazovanie sistemy voenno-narodnogo upravleniya na Kavka-ze pri Aleksandre III v 1882-1888 gg.* [Transformation of the Military-People's Administration System in the Caucasus under Alexander III in 1882-1888]. In: Ural'skii yuridicheskii vestnik. – 2022. – № 4. – P. 178-187. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-178-187. (In Russ.).

Vsepoddanneishii otchet nachal'nika Terskoi oblasti i nakaznogo atamana Terskogo kazach'ego voiska o sostoyanii oblasti i voiska za 1899 g. [The All-Submissive Report of the Chief of the Terek Region and the Ataman of the Terek Cossack Army on the State of the Region and the Army for 1899]. – Vladikavkaz: Tipografiya ob-lastnogo pravleniya Terskoi oblasti, 1900. – 158 p. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Severnom Kavkaze v period namestnichestva A.I. Baryatinskogo (1856-1862 gg.)* [Administrative and Territorial Reforms in the North Caucasus during the Viceroyalty of A.I. Baryatinsky (1856-1862)]. In: Istoricheskaya i

so-tsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2017. – T. 9, № 4-1. – P. 45-49. – DOI 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-45-49. – EDN ZEZGYF. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F., GLASHEVA Z.ZH. *Osobennosti administrativno-territorial'nykh preobrazovanii u kabardintsev i balkartsev v 1858-1917 gg.* [Features of Administrative and Territorial Reforms among the Kabardians and Balkars in 1858-1917]. In: Vseobshchaya istoriya. – 2017. – № 4. – P. 66-75. – EDN ZXJGDN. (In Russ.).

IBRAGIMOVA Z.KH. *Voenno-narodnoe upravlenie na Severnom Kavkaze (vtoraya polovi-na KHIKH – nachalo XX v.)* [Military and People's Administration in the North Caucasus (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. In: Voenno-istoricheskii zhurnal. – 2010. – № 9. – P. 61-64. – EDN MVOCVJ. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the All-Russian system of governance (the second half of the 18th – the beginning of the 20th century)]. – Nal'chik: Respublikanskii poligraf-kombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2007. – 232 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., URUSOVA A.M. *Popytki sozdaniya novoi sistemy upravleniya Kavkazom v 50-70-KH gg. XIX veka* [Attempts to create a new system of governance in the Caucasus in the 1850s-1870s]. In: Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. – 2016. – T. 16, № 1. – P. 33-37. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *M.T. Loris-Melikov na Kavkaze* [M.T. Loris-Melikov in the Caucasus]. In: Kavkazskii sbornik. – Moskva: Russkaya panorama, 2005. – P. 109-128. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Rossiya i gorskie narody Severnogo Kavkaza v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.: al'ternativnye formy vzaimodeistviya* [Russia and the Mountain Peoples of the North Caucasus in the late 18th – the first half of the 19th century: alternative forms of interaction]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavka-zologiya». – 2017. – № 4. – P. 64-83. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Epokha preobrazovanii 50-70-kh godov XIX veka u narodov Severnogo Kavkaza v noveishei istoriografii* [The era of transformations in the 1850s-1870s among the peoples of the North Caucasus in modern historiography]. – Nal'chik: Tipografiya OOO «Pechatnyi dvor», 2011. – 531 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Epokha reform 50-70-kh godov XIX veka u narodov Severnogo Kavkaza v dorevolyutsionnom kavkazovedenii* [The Era of Reforms in the 1850s-1870s among the Peoples of the North Caucasus in Pre-Revolutionary Caucasian Studies]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii gosudarstvennyi universitet im. KH.M. Berbekova, 2009. – 235 p. (In Russ.).

Mezhdu tsentralizmom i regionalizmom: administrativnye preobrazovaniya na Tsen-tral'nom Kavkaze v 70-kh gg. XIX – nachale XX v. [Between Centralism and Regionalism: Administrative Transformations in the Central Caucasus in the 1870s-Early 20th Century: A Collection of Documents]: sbornik dokumentov / Sost., vstup. st., komment. E.I. Kobakhidze. – Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN i RSO-A, 2014. – 225 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Nal'chik i kabardinskoe obshchestvo v XIX - nachale XX v.* [Nalchik and the Kabardian Society in the 19th and Early 20th Centuries]. In: Ural'skii istoricheskii vestnik. – 2016. – № 3(52). – P. 52-61. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Romanovy i problemy integratsii kabardinskogo obshchestva v sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossiiskoi imperii* [The Romanovs and the Problems of Integrating Kabardian Society into the Sociocultural Space of the Russian Empire]. In: Voprosy istorii. – 2014. – № 9. – P. 123-127. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Conventions of Confidants in the Political Culture of the Kabardians and Balkars]. – Nal'chik: OPR, 2022. – 240 p. (In Russ.).

URUSHADZE A.T. *Istriya voenno-narodnogo upravleniya na Kavkaze: v poiskakh avtora i istokov* [The History of Military-People's Administration in the Caucasus: In Search of the Author and the Origins]. In: Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2012. – № 6. – P. 137-142. EDN: PIKYOD. (In Russ.).

SHEVCHENKO S.V. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kavkaze v period voenno-narodnogo upravleniya* [Administrative and Territorial Transformations in the Caucasus during the Period of Military-People's Administration]. In: NaukaPark. – 2013. – № 6-2(18). – P. 10-14. – EDN RUNAUT. (In Russ.).

Информация об авторе
А.А. Камбачоков – соискатель ученой степени.
Information about the author
A.A. Kambachokov – a candidate for a scientific degree.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.
The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 94(470)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-45-55
EDN: CGERLT

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПО ВОПРОСУ УЧРЕЖДЕНИЯ КАЗНАЧЕЙСТВА В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Залина Хажмуратовна Бейтуганова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, beituganova7890@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена некоторым особенностям политического дискурса по вопросу учреждения казначейства в Нальчикском округе в конце XIX – начале XX в. Исследование опирается на делопроизводственную документацию хранящихся в РГВИ и УЦГА АС КБР дел. В ходе исследования установлено, что потребности в образовании своего казначейства в округе актуализировались после преобразований 1888 г., и вошли в дискуссионную повестку органов власти еще в 1898 г. Обращается внимание, что в разное время в обсуждение этих вопросов были вовлечены управление и начальник Нальчикского округа, управление и начальник Терской области, Ставропольская казенная палата, Кавказский наместник, Главное управление казачьих войск, Министерство финансов и Государственное казначейство, Государственная Дума, Государственный Совет, Правительствующий Сенат. Сделан вывод, что основными вопросами политического дискурса были поиски источников дополнительного финансирования и расширения объектов инфраструктуры в Нальчикском округе (поиск в долгосрочную аренду или строительство здания для казначейства), обеспечение казначейства квалифицированными кадрами (управляющий, бухгалтера и т.п.), развитие сети промышленных и торговых предприятие, возрастание значимости Нальчика как лечебно-оздоровительного курорта, категорирования нальчикского казначейства в системе имперских казначейств, определение штатной структуры и объема финансирования и т.п.

Ключевые слова: Терская область; Нальчикский округ; органы власти; управление финансами; Ставропольская казенная палата; казначейство; политический дискурс

Для цитирования: Бейтуганова З.Х. Некоторые особенности политического дискурса по вопросу учреждения казначейства в Нальчикском округе в конце XIX – начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 45-55. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-45-55. EDN: CGERLT.

© Бейтуганова З.Х., 2026

Original article

SOME FEATURES OF THE POLITICAL DISCOURSE ON THE ESTABLISHMENT OF THE TREASURY IN THE NALCHIK DISTRICT IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Zalina Kh. Beituganova

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, yucatan_line@mail.ru

Abstract. The article is devoted to some features of the political discourse on the establishment of the treasury in the Nalchik District in the late 19th and early 20th centuries. The study is based on the business records of the RGVI and the UTsGA of the KBR. The study reveals that the need for a treasury in the district became relevant after the reforms of 1888 and was included in the discussion agenda of the authorities as early as 1898. It should be noted that at various times, the management and head of the Nalchik District, the management and head of the Terek Region, the Stavropol Treasury Chamber, the Caucasian Viceroy, the Main Directorate of the Cossack Troops, the Ministry of Finance and the State Treasury, the State Duma, the State Council, and the Governing Senate were involved in the discussion of these issues. It is concluded that the main issues of political discourse were the search for sources of additional funding and the expansion of infrastructure facilities in the Nalchik District (search for long-term lease or construction of a building for the treasury), the provision of qualified personnel for the treasury (manager, accountants, etc.), the development of a network of industrial and commercial enterprises, the increasing importance of Nalchik as a health resort, the categorization of the Nalchik treasury in the system of imperial treasuries, the determination of the staff structure and funding volume, etc.

Keywords: Terek Region; Nalchik District; government bodies; financial management; Stavropol Treasury Chamber; treasury; political discourse

For citation: Beituganova Z.Kh. Some features of the political discourse on the establishment of the Treasury in the Nalchik District in the late 19th – early 20th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 45-55. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-45-55. EDN: CGERLT.

© Beituganova Z.Kh., 2026

Введение

В истории становления и развития органов управления финансами на Центральном Кавказе в имперский период большой научный интерес вызывают вопросы расширения сети казначейских учреждений в Терской области и вовлечения коренного населения региона в орбиту финансово-экономических отношений российского государства. Эти процессы здесь начались еще после 1785 г., когда органы управления Моздокского уезда Кавказской губернии и учреждения локального судебно-административного контроля (Моздокский верхний пограничный суд и приставские управления) получали финансирование от государства через подведомственное Кавказской казенной палате Моздокское уездное казначейство [Абазов 2024: 53]. Со временем менялось административно-территориальное устройство края, трансформировались органы власти и управления, сеть казначейских учреждений расширялась. Так, к началу XX в. в Терской области уже функционировали Пятигорское, Владикавказское, Моздокское, Грозненское казначейства, которые находились в подчинении Ставропольской казенной палаты [Пазов 2018: 44]. Однако, как видно, казначейские учреждения в то время функционировали не во всех округах и отделах Терской области. Например, в Нальчикском округе свое казначейство появилось только в 1909 г. Причем этому предшествовал ряд обстоятельных обсуждений на разных уровнях иерархии власти о важности и целесообразности его учреждения (Нальчикского

окружного правления, Терского областного правления, Наместника Кавказа, Министерства финансов, Государственной Думы, Государственного совета и т.п.). В этом плане особый научный интерес представляют особенности политического дискурса, связанного с учреждением казначейства в Нальчикском округе в 1909 г. Т.к. при принятии решения учитывались такие факторы, как численность и этнический состав населения региона, годовой оборот совокупного капитала, удаленность от функционировавших казначейских учреждений и казенной палаты, а также климатические особенности округа и его потенциал как лечебно-оздоровительного центра.

История становления и развития органов управления финансами в Терской области в последней трети XIX – начале XX в. не становилась предметом специального исследования. Однако в современной историографии наблюдается повышение интереса к разным аспектам функционирования Нальчикского казначейства в 1909–1917 гг. Так, некоторые вопросы его деятельности затрагивались в работах И.С. Пазова [Пазов 2018], М.Х. Бербековой [Бербекова 2022], Ф.А. Кяровой [Кярова 2023a; Кярова 2023b], Я.Т. Ольмезова [Ольмезов 2024] и др. В более широком контексте финансовые вопросы в деятельности органов власти и самоуправления затрагиваются в трудах А.Х. Абазова [Абазов 2016; Абазов 2022; Абазов 2023], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2017; Прасолов 2022], Т.А. Дзуганова [Дзуганов 2018; Дзуганов 2023] и других авторов.

Вместе с тем исследование особенностей политического дискурса по вопросу учреждения казначейства в Нальчикском округе в 1909 г. выполнимо с опорой на делопроизводственную документацию хранящихся в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) и Управлении Центрального государственного архива Архивной службы КБР (г. Нальчик) дел. В ходе исследования были проанализированы дело Министерства финансов об учреждении казначейств в гг. Анапа Кубанской области, Зея-Пристань Амурской области, Жмеринка Подольской губернии, Чугуев Харьковской губернии, слободах Покровская Самарской губернии, Нальчик Терской области из Ф. 1278 «Государственная Дума I, II, III и IV созывов» РГИА и переписка нальчикского окружного начальника с терским областным по этому вопросу из УЦГА АС КБР (в 1909 г. нальчикское окружное правление состояло в активной переписке с терским областным правлением по вопросу открытия казначейства в слободе Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 1]).

Основная часть

Проект ходатайства об открытии в Нальчике казначейства был подготовлен еще в 1898 г., однако до самого конца 1900-х гг. так и не был реализован. Причем в первом варианте проекта особо отмечалось, что потребность в образовании этого казначейства «в главном административном центре Нальчикского округа с весьма значительным его населением» назрела еще задолго до ходатайства [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 4]. В документе 1898 г. отмечалось: «с увеличением в 1888 г. территории округа на 316 т. десятин земли и потому имеющей теперь свыше миллиона десятин; с увеличением населения в последнее время до 100 т. душ обоего пола, с возрастанием числа торговых заведений с 400

в 1894 г. до 700 в сем [1898] году и с увеличением наконец податных сборов, простирающихся ныне до 100 т. в год, открытие казначейства в Нальчике представляется делом безотлагательной необходимости» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 4]. Кроме того, в то время в слободе работало окружное правление в составе начальника округа, старшего и младшего помощников, старшего и младшего делопроизводителей, переводчика, окружного врача, окружного ветеринарного врача, повивальной бабки, судебного следователя, податного инспектора, участкового начальника 2 участка, почтово-телеграфного отделения, церковной притчи, нальчикской окружной школы и др. военных и гражданских учреждений. Все они за исключением школы получали жалование за счет казенных средств, которые в то время доставлялись в Нальчик из Пятигорского казначейства [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 4]. А уже в Нальчике выдавались адресатам через Почто-телеграфное отделение. Т.к. Пятигорское казначейство находилось на значительном расстоянии от Нальчика, то движение денежных средств существенно замедлялось. Также были затруднения при уплате местными жителями казенных податей, нежелание ответственных лиц нести дополнительную финансовую нагрузку, связанную с почтовыми расходами, при отправлении собранных денег в пятигорское казначейство и т.п. Кроме того, при отправке денег оттуда не снимались вопросы безопасности. Такое положение дел накладывало дополнительные издержки на обеспечение движения финансовых средств, и снизить их помогло бы учреждение казначейства в Нальчике [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 4 об.]. Кроме того, считалось крайне затруднительным, что Пятигорское казначейство обсуживало и нальчикское слободское правление, на которое казенная палата возложила дополнительные обязанности по выдаче «торговых (за исключением купцов первой гильдии) и гербовых документов» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 4 об.]. Кроме того, на руках у жителей округа на тот момент скопилось до 70 т. руб. – средств Кабардинской общественной суммы, которые хранились у казначея кабардинского общества, а такое хранение денег было, по их мнению, небезопасным [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 4 об.].

Создание казначейства в Нальчике требовало дополнительного финансирования и расширения объектов инфраструктуры. В 1898 г. авторы ходатайства предлагали выделять дополнительно на содержание такого казначейства до 300 руб. в год за счет казенных средств, а также «для помещения самого казначейства, с кладовой при нем, комнату для присяжных и сараем для склада дров, в Нальчике можно нанять здание о 5 или 6 комнатах на более продолжительный срок – до 12 лет до 500 или 600 руб. в год; в 2-х или 3-х из тех комнат может поместиться, для более тщательного надзора для целостности казны, один из служащих казначейства за плату до 150 руб. или 200 руб. в год; так что казней пришлось бы платить за помещение под казначейство или кладовой при нем со службами не более 350 или 400 руб. в год» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 5].

В 1898 г., рассматривая эти вопросы, управляющий Ставропольской казенной палатой направил запрос начальнику Нальчикского округа, в котором просил предоставить дополнительную информацию о том, «есть ли возможность

найти в слободе Нальчик вполне удобный дом под помещение казначейства и за какую примерную плату в год, сроком до 12 лет в виду того, что помещение это должно состоять из пяти просторных светлых комнат с кладовой для хранения денежной казны и казенного имущества (устроенной по особым правилам техники) и службами, как то: помещением для присяжных и сараем для дров. Помещение должно непременно находиться в центральной части слободы и безопасном от огня месте» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 10–10 об.]. Другой вопрос, который подлежал уточнению – «возможно ли прислать в слободу Нальчик благонадежных людей за условную плату преимущественно из отставных солдат и казаков для исполнения обязанностей присяжных и за какую именно» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 10 об.]. На что в ответном рапорте начальник округа отмечал, что дом с такими характеристиками в слободе нанять можно, также можно было набрать и штат присяжных с оплатой труда в 12-15 руб. в месяц [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 11–11 об.].

Спустя 3 года, 27 июня 1902 г., Ставропольская казенная палата повторила свой запрос в Нальчикское окружное правление, дополнив его новыми пунктами [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 13]. Требования к помещению оставались прежними – дом из 5-6 комнат, возможность долгосрочной аренды. Добавились пожелания к размерам и оснащенности кладовой, наличии железных решеток и ставень на окнах, обивке железом дверей и т.п. Также дополнительно запрашивалась информация о том, какие учреждения и должностные лица функционируют в Нальчике, какое число служащих задействовано в них, каковы размеры финансового обеспечения их деятельности. Подлежала уточнению информация и о том, какие в округе располагались фабрики, заводы и другие крупные торговые заведения и каких размеров достигали обороты их капиталов; численность населения слободы, а также – какой поток сезонных приезжих в Нальчик в лечебных целях [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 14 об.].

Вместе с 16 января 1904 г. поступило сообщение из Терского областного правления в нальчикское окружное правление о том, что на основании отзыва департамента государственного казначейства с уведомлением главного управления казачьих войск, что «открытие казначейства в слободе Нальчик не может последовать в ближайшем будущем за минованием установленного срока для внесения расходов на новые потребности в сметы 1904 г.» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 18]. А также сообщалось, что вопрос об образовании Нальчикского казначейства будет актуализирован при составлении Министерством финансов смет расходов (бюджета) на 1905 г. Также сообщалось, что в конце 1890-х – первые годы 1900-х гг. на Кавказе было открыто несколько казначейств (в 1899 г. – в станице Кавказской, в 1900 г. в местности Кагызман и поселке Туапсе, в 1901 г. в поселке Сочи, в 1903 г. – станице Приморско-Ахтарской и городе Георгиевске, в 1904 г. – в станице Лабинской). При в этом отмечалось, что «слобода Нальчик с ее округом по численности населения и по развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности значительно уступает указанным выше поселениям» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 18 об.].

27 июня 1907 г. Ставропольская казенная палата вновь обратилась к правлению Нальчикского округа, в котором сообщало, что «член совета

наместнического Его императорского величества на Кавказе от Министерства финансов от 20 июня сего [1907] года сообщило мне, что на имя наместника его Императорского величества на Кавказе получено отношение от Министерства финансов по департаменту государственного казначейства от 30 мая сего [1907] года, о возбужденном Палатою перед министром финансов ходатайством об учреждении новых казначейств в слободах Нальчик и Хасав-Юрт Терской области» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 19]. Поэтому палата запрашивала в окружном правлении актуальные сведения по вопросам о размерах казенных и земских сборов в населения округа, точном количестве расположенных там административных учреждений, должностных лиц, воинских частей, торговых заведений и т.п. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 20].

В 1908-1909 гг. параллельно с этим обсуждение вопросов образования Нальчикского казначейства обсуждалось на уровне Государственной Думы и Министра финансов [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 1]. Так, 4 октября 1908 г. из Департамента финансов Государственного казначейства на имя председателя Государственной Думы было направлено представление об учреждении казначейств в гг. Чугуев (Харьковская губерния), в слободе Покровской (Самарская губерния), в слободе Жмеринк (Подольская губерния), в г. Зея-Пристани (Амурская область) и в слободе Нальчик (Терская область) [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 1]. В представлении давалась характеристика всем населенным пунктам, в которых предполагалось учредить казначейства. Так, в документе отмечалось, что в то время в слободе Нальчик проживало 5 500 человек. Слобода была административным центром Нальчикского округа, численность которого составляло около 110 тыс. человек. Основным занятием жителей округа являлось земледелие, в округе числилось свыше 500 торгово-промышленных учреждений с оборотом до 1 млн. руб. лей [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 10].

В документе подчеркивалось, что отсутствие в Нальчике казначейства создавало сложности для местной администрации, так как слобода Нальчик находилась на значительном расстоянии от ближайших казначейств: от Владикавказского на 140 км, от Пятигорского – 185 км, Моздокского в 118 км и Георгиевского – 138 км. Расходы находящихся в Нальчике казенных учреждений, частей войск и должностных лиц покрывались из Пятигорского казначейства, что вызывало задержки в расчетах. В управлении округом скапливались значительные суммы денег, хранение которых было сопряжено с определенными неудобствами и рисками для казны. С не менее значимыми затруднениями, связанными с отсутствием казначейства, сталкивались плательщики податей [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 10]. Также в документе отмечалось, что в числе казенных и общественных учреждений и должностных лиц в слободе Нальчик находились: окружное управление, почтово-телеграфная контора, судебный следователь, податной инспектор, тюремное отделение, рота Ахульгинского резервного батальона, сотня Осетинского конного дивизиона и отделение государственного конозаводства. Без внимания не оставили и тот факт, что по своим климатическим условиям Нальчик в то время признавался санаторной станцией Северного Кавказа, куда с мая по октябрь ежегодно съезжались больные и туристы для лечения. Число приезжающих в округ и слободу Нальчик ежегодно увеличивалось. По

заявлениям местной администрации, отсутствие казначейства сдерживало развитие Нальчика, как курорта [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 11].

Предполагалось, что поначалу оборот Нальчикского казначейства составил бы до 800 тыс. руб. в год [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 12]. Также отмечалось, что учреждение казначейства в слободе Нальчик определялось главным образом административными потребностями. И обращалось внимание на то, что «уезды или округа без казначейства представляют явление ненормальное, и все неудобства, сопряженные с отсутствием казначейства усиливаются в данном случае отдаленностью Нальчика от существующих в Терской области казначейств» [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 11]. Ходатайство об учреждении Нальчикского казначейства поддерживалось наместником Кавказа и Главным управлением казачьих войск [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 11].

Штатная структура и финансовое обеспечение деятельности казначейств зависели от их места в дифференцированной шкале казначейств (от 6-го разряда и выше), которая зависела от численности населения региона деятельности и годового оборота финансовых средств. Однако в анализируемом документе отмечалось, что Нальчикское казначейство по ожидаемому обороту сумм должно было «стоять ниже общего уровня казначейств 6 разряда» [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 13]. Однако «по условиям существования и по дороговизне жизни слобода Нальчик, привлекающая в летнее время много приезжих больных и туристов, значительно отличается от других поселений, почему представлялось бы справедливым предоставить чинам Нальчикского казначейства оклады содержания по 6 разряду» [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 11]. Тем самым предполагалось приравнять его с подведомственными Ставропольской казённой палаты Александровским, Благодарненским, Медвежинским и Прасковейским казначействами, отнесенными к 6 разряду [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 14]. Однако, штатная численность служащих Нальчикского казначейства была ограничена 5 единицами (казначей, старший бухгалтер, кассир 1 разряда, бухгалтер 1 разряда и бухгалтер 2 разряда). Поэтому, на содержание штатного состава Нальчикского казначейства определено 4 700 руб. в год [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 14]. Это было ниже, чем финансовое обеспечение деятельности казначейств 6 разряда, финансирование было снижено на годовой размер оклада одного бухгалтера 2 разряда.

В дальнейшем представление об учреждении казначейств, в том числе казначейства в слободе Нальчик, было передано на рассмотрение комиссии по направлению законодательных предположений при Государственной Думе. 29 января 1909 г. комиссия приняла решение предложить на одобрение Государственной Думы законопроект об учреждении ряда уездных казначейств. 12 марта 1909 г. на заседании Государственной Думы проект закона об учреждении казначейств был одобрен и 13 марта 1909 г. был предложен на утверждение председателю Государственного Совета [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 65]. 6 апреля 1909 г. председатель Государственного Совета направил председателю Государственной Думы списки одобренных к учреждению. И их числе – и казначейство в слободе Нальчик. 11 апреля 1909 г. был издан соответствующий закон [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 622. Л. 94].

Далее учреждения власти на местах приступили к реализации закона. На основании содержания письма Ставропольской казенной палате председателю срочного присутствия нальчикского казначейства, начальнику Нальчикского округа от 21 сентября 1909 г., Нальчикское казначейство было открыто с 20 сентября 1909 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 23] Официальное открытие Нальчикского казначейства было запланировано на 1 октября 1909 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 25]. Во главе казначейства стоял казначей в чине коллежского асессора [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 1], титулярного советника [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 2]. Казначеем был назначен служивший до этого на должности казначея Медвеженского казначейства коллежский секретарь Николай Константинович Москалев [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 23]. В штате казначейства состоял старший бухгалтер в чине коллежского секретаря [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 1]. Вышестоящей инстанцией по отношению к Нальчикскому казначейству была Ставропольская казенная палата во главе с управляющим, которая состояла в подведомственности Министерства финансов. Ее распоряжения в отношении нальчикского казначея были обязательными для исполнения.

19 сентября 1909 г. Ставропольская казенная палата сообщала начальнику Нальчикского округа, что 27 июля 1909 г. Министр финансов сообщил Правительствующему Сенату для обнародования о том, что на основе его соглашения с наместником Кавказа «общее присутствие для срочного свидетельствования Нальчикского казначейства образовано было из следующих должностных лиц: начальника Нальчикского округа, старшего его помощника, податного инспектора и слободского старшины» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 762. Л. 27]. Официальное сообщение об открытии Нальчикского казначейства было опубликовано в Вестнике финансов 30 августа 1909 г. № 35.

Заключение

Таким образом, учреждению Нальчикского казначейства в 1909 г. предшествовало длительное обсуждение на разных уровнях иерархии власти. Потребности в образовании своего казначейства в округе актуализировались после преобразований 1888 г., и вошли в дискуссионную повестку органов власти еще в 1898 г. В числе основных факторов учреждения казначейства назывались: рост численности населения, финансовое обеспечение деятельности за счет государственных средств достаточно развитого аппарата окружного правления, наличие в округе промышленных и торговых предприятий, совокупный годовой объем находившихся в обороте денежных средств, рост популярности региона как курортного места, отдаленность от Нальчика казначейских учреждений и сопряженные с этим издержки – увеличение финансовой нагрузки на учреждения власти по доставке денежных средств, увеличение сроков выплаты жалований, обеспечение безопасности и т.п. В разное время в обсуждение этих вопросов были вовлечены управление и начальник Нальчикского округа, управление и начальник Терской области, Ставропольская казенная палата, Кавказский наместник, Главное управление казачьих войск, Министерство финансов и Государственное казначейство, Государственная Дума, Государственный Совет,

Правительствующий Сенат. Основными вопросами политического дискурса были поиски источников дополнительного финансирования и расширения объектов инфраструктуры в Нальчикском округе (поиск в долгосрочную аренду или строительство здания для казначейства), обеспечение казначейства квалифицированными кадрами (управляющий, бухгалтера и т.п.), развитие сети промышленных и торговых предприятие, возрастание значимости Нальчика как лечебно-оздоровительного курорта, категорирования нальчикского казначейства в системе имперских казначейств, определение штатной структуры и объема финансирования и т.п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2022 – *Абазов А.Х.* Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда: делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 239-255. – DOI 10.31143/2542-212X-2022-4-239-255. – EDN AJLPQY.

Абазов 2024 – *Абазов А.Х.* Моздокский верхний пограничный суд в системе органов власти на Центральном Кавказе в 1793-1822 годах. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. 216 с.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: Общество с ограниченной ответственностью "Печатный двор", 2016. – 264 с.

Абазов, Бербекова, Дышеков 2023 – *Абазов А.Х., Бербекова М.Х., Дышеков М.В.* Сельские общественные кассы в системе финансовых отношений Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX веков // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 4. – С. 352-365. – DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-4-352-365. – EDN WZSBFE.

Бербекова 2022 – *Бербекова М.Х.* К вопросу о деятельности кабардинской общественной Суммы в 50-е гг. XIX в. // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 3(111). – С. 73-78. – DOI 10.18522/2072-0181-2022-111-73-78. – EDN PQYIHD.

Дзуганов 2023 – *Дзуганов Т.А.* Очерки истории торговли и предпринимательства в Нальчикском округе. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2023. – 196 с.

Дзуганов 2018 – *Дзуганов Т.А.* Очерки экономической истории Черкесии XV-XIX вв. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 136 с.

Кярова 2023a – *Кярова Ф.А.* Деятельность администрации Нальчикского округа в решении проблем сбора и учета накопления недоимок по казенным налогам (последняя треть XIX – начало XX века) // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 1(113). – С. 82-88. – DOI 10.18522/2072-0181-2023-113-82-88. – EDN CPKTXP.

Кярова 2023b – *Кярова Ф.А.* Некоторые особенности сбора и учета денежных повинностей населения Нальчикского округа в последней четверти XIX В. (по данным ведомостей о состоянии общественных сборов за 1888 г.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 93-107. – DOI 10.31143/2542-212X-2023-3-93-107. – EDN MYGLQA.

Ольмезов 2024 – *Ольмезов Я.Т.* Некоторые особенности документирования финансовой деятельности учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа в начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 278-297. – DOI 10.31143/2542-212X-2024-3-278-297. – EDN HVYWXD.

Пазов 2018 – *Пазов И.С.* Финансы и экономика Нальчикского округа в начале XX века (1905-1917 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 4. – С. 42-64. – DOI 10.31143/2542-212X-2018-4-42-64. – EDN VSTDXX.

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, 2017. – 136 с.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: ОПР, 2022. – 240 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург. Ф. 1278 «Государственная Дума I, II, III и IV созывов»

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-6 «Управление начальника Нальчикского округа».

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Dokumentirovanie deyatel'nosti Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo su-da: deloproizvodstvo i obespechenie vneshnei kommunikatsii* [Documentation of the activities of the Nalchik Mountain Court: record-keeping and external communication support]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – № 4. – P. 239-255. – DOI 10.31143/2542-212X-2022-4-239-255. – EDN AJLPQY. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Mozdokskii verkhnii pogranichnyi sud v sisteme organov vlasti na Tsentral'nom Kavkaze v 1793-1822 godakh* [The Mozdok Upper Border Court in the system of government bodies in the Central Caucasus in 1793-1822]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2024. 216 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries]. – Nal'chik: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Pechatnyi dvor", 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH., BERBEKOVA M.KH., DYSHEKOV M.V. *Sel'skie obshchestvennye kassy v sisteme finansovykh otnoshenii Nal'chikskogo okruga v poslednei treti XIX – nachale KHKH vekov* [Rural community funds in the system of financial relations in the Nalchik District in the last third of the 19th – early 20th centuries]. In: Nauchnyi dialog. – 2023. – T. 12, № 4. – P. 352-365. – DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-4-352-365. – EDN WZSBFE. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *K voprosu o deyatel'nosti kabardinskoi obshchestvennoi Summy v 50-e gg. XIX v.* [On the Activities of the Kabardian Public Summa in the 1850s]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2022. – № 3(111). – P. 73-78. – DOI 10.18522/2072-0181-2022-111-73-78. – EDN PQYIHD. (In Russ.).

DZUGANOV T.A. *Ocherki istorii torgovli i predprinimatel'stva v Nal'chikskom okruge* [Essays on the History of Trade and Entrepreneurship in the Nalchik District]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2023. – 196 p. (In Russ.).

DZUGANOV T.A. *Ocherki ekonomicheskoi istorii Cherkesii XV-XIX vv.* [Essays on the Economic History of Circassia in the 15th-19th Centuries]. – Nal'chik: Re-daktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTS RAN, 2018. – 136 p. (In Russ.).

KYAROVA F.A. *Deyatel'nost' administratsii Nal'chikskogo okruga v reshenii problem sbora i ucheta nakopleniya nedoimok po kazennym nalogam (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX veka)* [The Activities of the Administration of the Nalchik District in Solving the Problems of Collecting and Accounting for Tax Deficits (Last Third of the 19th Century – Early 20th Century)]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2023. – № 1(113). – P. 82-88. – DOI 10.18522/2072-0181-2023-113-82-88. – EDN CPKTXP. (In Russ.).

KYAROVA F.A. *Nekotorye osobennosti sbora i ucheta denezhnykh povinnostei nasele-niya Nal'chikskogo okruga v poslednei chetverti XIX V. (po dannym vedomostei o sostoya-nii obshchestvennykh sborov za 1888 g.)* [Some features of the collection and accounting of monetary duties of the population of the Nalchik District in the last quarter of the 19th century (according to the reports on the state of public fees for 1888)]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2023. – № 3. – P. 93-107. – DOI 10.31143/2542-212X-2023-3-93-107. – EDN MYGLQA. (In Russ.).

OL'MEZOV YA.T. *Nekotorye osobennosti dokumentirovaniya finansovoi deyatel'nosti uchrezhdenii vlasti i samoupravleniya Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka* [Some features of the documentation of the financial activities of the authorities and self-government institutions of the

Nalchik District in the early 20th century]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2024. – № 3. – P. 278-297. – DOI 10.31143/2542-212X-2024-3-278-297. – EDN HVYWXD. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Finansy i ekonomika Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka (1905-1917 gg.)* [Finances and Economy of the Nalchik District in the Early 20th Century (1905-1917)]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2018. – № 4. – P. 42-64. – DOI 10.31143/2542-212X-2018-4-42-64. – EDN VSTDXX. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Razvitie mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Development of Local Self-Government among the Kabardians and Balkars in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 2017. – 136 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Conventions of Deputies in the Political Culture of the Kabardians and Balkars]. – Nal'chik: OPR, 2022. – 240 p. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive], g. Sankt-Peterburg. F. 1278 «Gosudarstvennaya Duma I, II, III i IV sozyvov». (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. F. I-6 «Upravlenie nachal'nika Nal'chikskogo okruga».(In Russ.).

Информация об авторе

З.Х. Бейтуганова – старший преподаватель.

Information about the author

Z.Kh. Beituganova – a senior lecturer.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 94(470)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-56-65
EDN: CIXDOI

К ВОПРОСУ О РАННИХ ЭТАПАХ ТЕЛЕФОНИЗАЦИИ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аслан Аликович Казаков
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия; Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нальчик, Россия, mail@law-books.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов о ранних этапах телефонизации Нальчикского округа в начале XX в. Исследование этого вопроса основано на изучении пояснительных записок заведующего Владикавказской телефонной сетью, сметы на устройство телефонного сообщения в Нальчикском округе, справок Терского областного правления о техническом обеспечении телефонной сети Нальчикского округа, приговорах сельских обществ 3 участка Нальчикского округа о соединении телефонной сетью населенных пунктов участка друг с другом и с слободой Нальчик, и переписка Терского областного правления с начальником Нальчикского округа по этим вопросам. Отмечается, что изучение этого процесса в Нальчикском округе в начале XX в. позволяет оценить степень его экономической интеграции в общероссийское пространство, выявить роль государства и общественного капитала в развитии региональной инфраструктуры и т.п. Установлено, что во второй половине 1900-х гг. телефонизация Нальчикского округа была одним из важных вопросов общественно-политического дискурса и требовала тщательной подготовки: составления проектов, определение географических и технических параметров сети, заботы о качестве связи, опоры не действовавшие нормативно-правовые акты, поиска источников финансирования и т.п. Сделан вывод о том, что в это время телефонизация Нальчикского округа была комплексной задачей, требующей значительных усилий на всех уровнях управления и участия общественности. Этот процесс был не просто техническим проектом, а важным элементом общественно-политического дискурса, отражающим стремление к модернизации и улучшению инфраструктуры региона.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел Российской империи; Терская область; Нальчикский округ; телефонизация; Владикавказская телефонная сеть

Для цитирования: Казаков А.А. К вопросу о ранних этапах телефонизации Нальчикского округа в начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 56-65. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-56-65. EDN: CIXDOI.

© Казаков А.А., 2026

Original article

ON THE EARLY STAGES OF TELEPHONING IN THE NALCHIK DISTRICT AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Aslan A. Kazakov
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia; North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nalchik, Russia, mail@law-books.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the early stages of the Nalchik District's telephoning in the early 20th century. The study is based on the examination of explanatory notes by the head of the Vladikavkaz telephone network, estimates for the installation of telephone communication in the Nalchik District, reports from the Terek Regional Administration on the technical support of the Nalchik District's telephone network, resolutions of the rural communities of the Nalchik District's 3rd district on connecting the settlements of the district to each other and to the village of Nalchik, and correspondence between the Terek Regional Administration and the head of the Nalchik District on these issues. It is noted that the study of this process in the Nalchik District in the early 20th century allows us to assess the degree of its economic integration into the all-Russian space, identify the role of the state and social capital in the development of regional infrastructure, etc. It has been established that in the second half of the 1900s, the telephoning of the Nalchik District was an important issue in the socio-political discourse and required careful preparation, including the development of projects, the determination of the geographical and technical parameters of the network, the improvement of communication quality, the use of outdated legal acts, the search for funding sources, etc. It is concluded that at that time, the telephoning of the Nalchik District was a complex task that required significant efforts at all levels of government and public participation. This process was not just a technical project, but an important element of socio-political discourse that reflected the desire to modernize and improve the region's infrastructure.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire; Terek Region; Nalchik District; telephoning; Vladikavkaz Telephone Network

For citation: Kazakov A.A. On the early stages of telephoning in the Nalchik District at the beginning of the 20th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 56-65. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-56-65. EDN: CIXDOI.

© Kazakov A.A., 2026

Введение

В условиях имперской модернизации Центрального Кавказа в последней трети XIX – начале XX в. особое место занимала телефонизация. Излишне доказывать, что телефонизация была тесно связана с экономическим ростом и развитием инфраструктуры региона. Строительство телефонных линий требовало определенных капиталовложений, что на Центральном Кавказе решалось как за счет казенных, так и общественных средств. Изучение этого процесса в Нальчикском округе в начале XX в. позволяет оценить степень его экономической интеграции в общероссийское пространство, выявить роль государства и общественного капитала в развитии региональной инфраструктуры и т.п. Кроме того, в то время телефон играл важную роль в управлении и контроле. Для имперской администрации возможность оперативной связи с отдаленными территориями была критически важна. Изучение того, как в начале XX в. телефонизация использовалась в административных целях, как она способствовала укреплению центральной власти и облегчала управление, является важным элементом понимания политической истории региона. В этом плане история начального этапа

телефонизации Нальчикского округа в начале XX в. – это не просто технический аспект прошлого, а комплексная научная проблема, позволяющая осветить множество аспектов жизни региона в этот период. Ее исследование актуально для понимания особенностей модернизации, социальной динамики, экономического развития и административного устройства Российской империи на локальном уровне, а также для расширения наших представлений о повседневной жизни населения Центрального Кавказе в то время.

В современной историографии наблюдается повышение интереса к истории коммуникативных практик в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX в. В числе работ современных исследователей можно выделить труды П.А. Кузьминова [Кузьминов, Абаева 2021] и Б.Б. Темукуева [Балкарская… 2008] о строительстве общественных колесных дорог в балкарских обществах во второй половине XIX в.; Д.Н. Прасолова о некоторых аспектах функционирования Кабардинской общественной суммы в политических практиках местного самоуправления в регионе, в числе которых развитие телефонной сети после 1911 г. рассматривалось как средство обеспечения оперативной административно-политической коммуникации [Прасолов 2023]; М.Х. Бербековой о функционировании Кабардинской общественной суммы и частичном финансировании за счет ее средств ряда проектов (в том числе – строительства дорог, мостов, телефонной сети и т.п.) [Бербекова 2023] и т.п. Вместе с тем в современной историографии имеются исследования, позволяющие сформировать общие представления о разных аспектах развития Нальчикского округа Терской области в начале XX в. [см., например: Дзагов 2009; Абазов 2016; Века… 2017; Россия… 2018; Абазов 2022; Прасолов 2022; Пазов 2023 и др.]. Все это дает возможность ставить и решать научные проблемы, связанные с историей становления и развития коммуникативных практик в Нальчикском округе Терской области в начале XX в.

Вместе с тем, в настоящее время в архивохранилищах страны сохраняется достаточная источниковая базы для исследования истории телефонизации на Центральном Кавказе в последней трети XIX – начале XX в. Статья основана на анализе дела, хранящегося в Ф. И-6 «Управление начальника Нальчикского округа» Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР, в котором содержатся материалы переписки окружного начальника с управлением Терской области по вопросу устройства в округе телефонной сети [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 1]. В деле хранится ряд делопроизводственных документов, позволяющих уточнить особенности проектирования телефонных сетей в Нальчикском округе, а также некоторые направления деятельности органов власти по управлению телефонизацией региона, а также вовлеченность институтов самоуправления (сельских сходов) в организацию и софинансирование этой сферы коммуникативных практик. В ходе исследования проанализированы: пояснительная записка заведующего Владикавказской телефонной сетью от 13 августа 1908 г., сметы на устройство телефонного сообщения в Нальчикском округе от 1908 г., справка Терского областного правления от 3 апреля 1908 г. о техническом обеспечении телефонной сети Нальчикского округа, приговор сельских обществ 3 участка Нальчикского округа от 22 февраля 1908 г. о соединении телефонной сетью населенных пунктов участка друг с другом и с

слободой Нальчик, сообщение Терского областного правления начальнику Нальчикского округа от 24 августа 1910 г. и др. Кроме того, исследования опиралось на ряд нормативных актов, регламентировавших устройство телефонных сетей в Российской империи в начале XX в. (Условие устройства и эксплуатации уездных земских телефонных сетей»; «Условие на включение проводов земских телефонных сетей в городские правительственные телефонные сети»). В целом, материалы дела выступают прочной основой для дальнейшего подробного исследования истории развития коммуникативных практик (почтово-телеграфного сообщения, телефонных сетей и т.п.) на Центральном Кавказе на разных этапах исторического процесса.

Основная часть

В 1908 г. управление Нальчикского округа состояло в переписке с управлением Терской области по вопросу устройства в округе телефонной сети [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 1]. В пояснительной записке заведующего Владикавказской телефонной сетью от 13 августа 1908 г. к смете об устройстве телефонного сообщения в Нальчикском округе отмечалось, что телефонное сообщение предлагалось устроить между следующими населенными пунктами: Нальчик, Мисостово, Докшоково, Нижнее Кожоково, Докшукино, Бороково, Ахлово, Хапцево, Булатово, Абаево, Бекович, Исламово, Астемирово, Боташево и Муртазово [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 3 об.]. Для телефонизации этих населенных пунктов проектировалось построить новую телефонную линию от Нальчика через Немецкую колонию на Мисостово и оттуда на Докшоково, Нижнее Кожоково, Докшукино, через станицу Котляревскую на с. Бороково, и от него по плоскогорью до Ахлово. От предполагалось отдельную линию направить на Хапцево, Булатово, Абаево и Бекович, а другую – на Исламово, Астемирово, Боташево и Муртазово.

От степени загруженности телефонных линий зависел и подбор столбов и проводов. Так, от Нальчика до с. Докшоково ввиду большого числа проводов, а также в виду того, что в последующем планировалось направить новую линию от Докшоково в другие населенные пункты, линия должна была устраиваться на 12-аршинных столбах по 16 столбов на версту. Прочие линии проектировались из расчета на 9- или 10-аршинных столбах по 25 столбов на 2 версты [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 3 об.].

В целях снижения себестоимости устройства телефонного сообщения в Нальчикском округе в с. Ахлово предполагалось устроить вспомогательную центральную станцию, которая будет непосредственно соединена с главной центральной станцией в Нальчике с сел. Хапцево, Булатово, Абаево, Бекович, Исламово, Астемирово, Баташево, Муртазово. Проектировщики предполагали, что такое устройство удешевит стоимость затрат в 2,5 раза [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 3 об.].

Управление телефонной сетью в Терской области было следующим. Вопросами телефонизации региона ведал заведующий Владикавказской телефонной сетью, относившийся к подведомственности Министерства внутренних дел

[УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 12]. В пределах своей компетенции от взаимодействовал с начальниками округов (в том числе, и Нальчикского).

3 апреля 1908 г. в Нальчикское окружное правление была направлена справка из Терского областного правления, в которой были отмечены основные моменты по телефонизации округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 14]. В справке отмечалось: «В целях прекращения воровства и грабежей в Терской области и предоставления наибольших удобств в отношениях правительственных учреждений и лиц как между собою, так и частными лицами по делам службы, а равно и для надобности сельских станичных обществ, все селения предложено объединить между собою и административными центрами телефонной сетью, с каковой надобностью уже начаты работы по проведению телефонных линий в Назрановском, Веденском, Нальчикском и Владикавказском округах и Моздокском отделе» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 14]. В документе отмечалось: «Имея в виду, что устраиваемые в Терской области телефонные линии предназначены для бесплатного пользования всеми должностными лицами, областной инженер полагает, что к разрешению чинам почтово-телеграфного ведомства пользоваться телефонами в нужных случаях по служебным надобностям, препятствий встретиться не может, равно как и не может встретиться препятствий к разрешению почтово-телеграфному ведомству подвешивать свои телефонные провода к областным телефонным линиям в тех случаях, когда укажет к тому надобность. Тем более, что случаи эти предусмотрены в 3 условия устройства и эксплуатации уездных земских телефонных сетей, обязывающего владельцев телефонных сообщений предоставлять телефонно-телеграфному ведомству право бесплатно подвешивать свои телефонные проводки к их столбам» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 14]. Кроме того, на каждом проводе для улучшения качества связи предлагалось устанавливать не более 2-х аппаратов. Все аппарата и приборы предлагались установки фирмы Эриксона [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 23].

Т.к. часть средств на телефонизацию округа предполагалось покрыть за счет общественных сборов, представители общественности нередко принимали участие в обсуждении этих вопросов, собирались общественные сходы. Например, 27 февраля 1908 г. начальник 3 участка направил рапорт на имя начальника Нальчикского округа, в котором просил направить на утверждение начальника Терской области приговор сельских обществ вверенной ему территории. В приговоре от 22 февраля 1908 г. отмечалось, что выборные доверенные от сс. Кошерово, Шалушкинское, Куденетово I, Куденетово II, Мисостово, Догужоково, Аргуданское, Жанхотовское и Коголкино отметили предложение начальника участка о соединении этих селений друг с другом и с слободой Нальчик телефонной сетью и указали, что «устройство телефонной сети может оказать большую пользу населению в всех отношениях» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 28]. Суть принятого коллективного решения заключалась в том, чтобы «просить администрацию выслать… опытного техника для определения на месте суммы, которая потребуется для этой цели и о чем составить смету» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 28]. В этом приговоре отмечалось предложение собравшихся рассчитывать общую сумму денежных средств, которые

предлагалось собрать по общественными раскладкам с населения. При чем средства предлагалось собирать в равных долях и с жителей тех селений, которые отказались от проведения телефонных линий на их участки. Вместе с тем, доверенные населенных пунктов 3-го участка Нальчикского округа постановили «единогласно, за исключением селений Куденетово I и Куденетово II телефонную сеть в участок не проводить за неимением средств» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 32].

Телефонизация региона регламентировалось большим количество локальных актов (например: «Условие устройства и эксплуатации уездных земских телефонных сетей» [Условия… 1966]; «Условие на включение проводов земских телефонных сетей в городские правительственные телефонные сети» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 32] и др.). В условиях устройства и эксплуатации предусматривалось, что земская телефонная сеть должны быть устроена на основе утвержденного технического проекта, а в частях, не предусмотренных проектом, – правила и инструкции, регламентировавшие устройство правительственных телеграфных и телефонных сообщений. Ответственность за исправное состояние телефонных сообщений возлагалась на их владельцев, которые действовали на основе правил и положений по телефонной части. Владельцы телефонных сообщений были обязаны в экстренных случаях предоставлять свои линии и станции для безотлагательного пользования по служебным надобностям правительственным должностным лицам, а почтово-телеграфному ведомству предоставлять право бесплатно подвешивать свои телефонные проводки к их столбам. Всякие денежные сборы за абонемент телефонов частными лицами, за переговоры и обмен депеш по телефонам, за разрешение подвески частных проводов к земским телефонными линиям могут быть одобрены исключительно Министром внутренних дел по утверждённым им правилам и таксам с отчислением в пользу казны 3 % с поступивших сборов. Контроль за сбором земством денежных средств за телефонные сообщения и отчислениями в пользу казны возлагалось на управление местного почтово-телеграфного округа. Местные земские управы были обязаны доставлять туда необходимую денежную отчетность по таким сборам. Это же управление было наделено и правом осуществления надзора за соблюдением утвержденных условий устройства и эксплуатации земских телефонных сообщений. Министр внутренних дел был наделен правом по своему усмотрению в государственных или общественных интересах закрывать телефонные сообщения, при сем их владельцы не могли претендовать на вознаграждение или возмещение убытков [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 35-35 об.].

В «Условии на включение…» устанавливалось, что «устройство и содержание соединительных линий и аппаратов на них за городской чертой производится распоряжением и за счет земства» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 35-35 об.]. За включение соединительных проводников от земских центральных телефонных станций в правительственные городские телефонные станции соответствующие земства обязаны уплачивать в казну по 125 руб. в год за каждый проводник в районе 2-х верст от центральной станции и по 15 руб. за каждую версту свыше двух верст в пределах городской черты. В отношении условий

пользования соединительными проводниками земства обязаны подчиняться утверждённым условиям пользования городскими правительственными телефонными сетями наравне с прочими абонентами [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 36]. Эти правила планировалось применить и в отношении Нальчикского округа.

При проектировании телефонных сетей в Нальчикском округе учитывался и целый ряд технических показателей. Важно было рассчитать все параметры таким образом, чтобы при переговорах по телефону обеспечить нормальную слышимость собеседников на максимально далеком расстоянии. Для этого были составлены дополнительные пояснительные записки инженеров-техников, в которых подавались расчеты физических критериев связи (была осуществлена «проверка постоянной Приса»). По результатам расчётов было дано заключение, что «разговор будет хорошо слышен на расстоянии 150,6 верст» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 81]. При то, что расстояние между административными центрами Нальчикского и Назрановского округов составляло 68 верст (по телефонным линиям), расстояние между Нальчиком и Владикавказом составляло приблизительно 100 верст в таком же измерении. Таким образом, было сделано заключение что в проектируемой схеме с учетом заданных параметров можно было об обеспечить качественную телефонную связь Нальчикского окружного начальства с руководителями основных административных центров Терской области [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 82].

В сообщении Терского областного правления начальнику Нальчикского округа от 24 августа 1910 г. говорилось о том, что с жителей Малой Кабарды на устройство телефонной сети в округе на тот момент было собрано 12956 руб., собранные средства хранились во Владикавказском отделении государственного банка [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 92]. В середине 1910 г. Терское областное правление осуществляло сбор сведений о частных телефонных сетях, действовавших на разнородных основаниях в пределах Владикавказского почтово-телеграфного округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 88].

При этом власти предпринимали постоянные попытки по оптимизации работы телефонных сетей в округе и области. В некоторых регионах области были попытки введения сбора подымной подати в размере 10 коп. в год на ремонт и содержание телефонной сети в регионе [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 94]. Однако не все окружные начальники были согласны в таким решением вопроса, некоторые предлагали ввести плату с частных лиц за пользование телефонной связью, для сего необходимо было подготовить и предоставить на утверждение областного правления смету и проектом правил пользования телефонами [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 751. Л. 94]. Однако этот вопрос требовал дополнительного обсуждения, т.к. на основании п. 4 «Условия устройства и эксплуатации уездных земских телефонных сетей» регламентировалось, что денежные сборы с абонентов телефонов частными лицами, а также за переговоры и обмен депешами по телефону, а также подвески частных проводов к земским телефонным линиям, могли быть утверждены только с особого разрешения Министра внутренних дел по утвержденным им правилам и таксам и с обязательным отчислением в пользу казны 3 % от всех сборов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1.

Д. 751. Л. 94 об.]. В последующем развитие телефонных сетей в Нальчикском округе выстаивалось за счет казенно-общественного софинансирования при участии Съезда доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды. Исследователь истории деятельности Съезда Д.Н. Прасолов установил, что в марте 1911 г. по приговору Съезда на устройство телефонной сети двух участках была выделена ссуда в размере 10 тыс. руб. «с последующим взысканием средств по раскладке со всех сельских обществ», в ноябре 1911 г. дополнительно выделено 3350 руб. «на содержание служащих и ремонт телефонной сети» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 36; ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 943. Л. 56-56 об.; цит. по: Прасолов 2023: 48-49]. Вместе с тем эта тема нуждается в подробном комплексном исследовании.

Заключение

Таким образом, во второй половине 1900-х гг. телефонизация Нальчикского округа была одним из важных вопросов общественно-политического дискурса и требовала тщательной подготовки: составления проектов, определение географических и технических параметров сети, заботы о качестве связи, опоры не действовавшие нормативно-правовые акты, поиска источников финансирования и т.п. Обеспечение деятельности телефонных сетей регионе было одной из функций в то время государственного управления и обеспечивалось заведующим Владикавказской телефонной сетью в Терской области в целом и окружным правлением в Нальчикском округе в частности, а на уровне империи относилось в подведомственности Министерства внутренних дел. Часть средств на телефонизацию Нальчикского округа предполагалось покрыть за счет дополнительных сборов с населения по общественным раскладкам, представители общественности нередко принимали участие в обсуждении этих вопросов на общественных сходах. В целом, в это время телефонизация Нальчикского округа была комплексной задачей, требующей значительных усилий на всех уровнях управления и участия общественности. Этот процесс был не просто техническим проектом, а важным элементом общественно-политического дискурса, отражающим стремление к модернизации и улучшению инфраструктуры региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2022 – *Абазов А.Х.* Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда: делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 239-255.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Балкарская… 2008 – Балкарская общественная колесная дорога. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – 672 с.

Бербекова 2023 – *Бербекова М.Х.* Общественный капитал в системе финансово-экономических отношений Нальчикского округа Терской области во второй половине XIX – начале XX в.: Дисс. канд. ист. н-к. Нальчик, 2023. – 206 с.

Века 2017 – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук, 2017. – 544 с.

Дзагов 2009 – *Дзагов Р.Н.* Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды: XIX – начало XX века. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук, 2009. – 161 с.

Кузьминов, Абаева 2021 – *Кузьминов П.А., Абаева М.Ш.* Опыт строительства общественных колесных дорог в балкарских обществах во второй половине XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 2. – С. 12-39. – DOI 10.31143/2542-212X-2021-2-12-39. – EDN VIDFQH.

Пазов 2023 – *Пазов И.С.* Административное и экономическое развитие Нальчикского округа Терской области в 1905–1917 гг.: Дисс. канд. ист. н-к. – Нальчик, 2023. – 192 с.

Прасолов 2023 – *Прасолов Д.Н.* Кабардинская общественная сумма в политических практиках местного самоуправления в кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 39-52. – DOI 10.31143/2542-212X-2023-2-39-52. – EDN CZROYJ.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: ОПР, 2022. – 240 с.

Россия… 2018 – Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук, 2018. – 268 с.

Условия… 1966 – Условия устройства и эксплуатации земских телефонных сетей // Материалы по истории связи в России. XVIII – начало XX в.: [Почта, телеграф, телефон, радио, телевидение]: обзор докум. материалов. – Ленинград: Б./и., 1966. – С. 265-266.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа».

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 11 «Терское областное правление».

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Dokumentirovanie deyatel'nosti Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo su-da: deloproizvodstvo i obespechenie vneshnei kommunikatsii* [Documentation of the activities of the Nal-chik Mountain Court of Law: record-keeping and external communication support]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – № 4. – P. 239-255. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

Balkarskaya obshchestvennaya kolesnaya doroga [The Balkarian public wheel road]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlya-rovykh, 2008. – 672 p. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *Obshchestvennyi kapital v sisteme finansovo-ekonomicheskikh otno-shenii Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Public capital in the system of financial and economic relations in the Nalchik District of the Terek Region in the second half of the 19th – early 20th centuries]: Diss. kand. ist. n-k. Nal'chik, 2023. – 206 p. (In Russ.).

Veka sovmestnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsi-onnom protsesse (1557–1917 gg.) [Centuries of Shared History: The Peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian Civilizational Process (1557–1917)]. – Nal'chik: Institut gumanitarnykh issledovanii Ka-bardino-Bal-karskogo Nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 2017. – 544 p. (In Russ.).

DZAGOV R.N. *Vzaimodeistvie kul'tur v protsesse formirovaniya mnogonatsional'nogo nase-leniya Kabardy: XIX – nachalo XX veka* [Cultural Interaction in the Formation of the Multinational Population of Kabarda: 19th – Early 20th Centuries]. – Nal'chik: Institut gumanitarnykh issledo-vanii Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 2009. – 161 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., ABAEVA M.SH. *Opyt stroitel'stva obshchestvennykh kolesnykh dorog v balkarskikh obshchestvakh vo vtoroi polovine XIX veka* [The experience of building public wheeled roads in the Balkar societies in the second half of the 19th century]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazolo-giya». – 2021. – № 2. – P. 12-39. – DOI 10.31143/2542-212X-2021-2-12-39. – EDN VIDFQH. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Administrativnoe i ekonomicheskoe razvitie Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti v 1905–1917 gg.* [Administrative and economic development of the Nalchik District of the Terek Region in 1905–1917.]: Diss. kand. ist. n-k. – Nal'chik, 2023. – 192 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Kabardinskaya obshchestvennaya summa v politicheskikh praktikakh mestnogo samoupravleniya v kabardinskom (Nal'chikskom) okruge vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The Kabardian public sum in the political practices of local self-government in the Kabardian (Nalchik) District in the second half of the 19th – early 20th century]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2023. – № 2. – P. 39-52. – DOI 10.31143/2542-212X-2023-2-39-52. – EDN CZROYJ. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Conventions of trusted persons in the political culture of the Kabardians and Balkars]. – Nal'chik: OPR, 2022. – 240 p. (In Russ.).

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the Peoples of the North Caucasus in the 16th – Mid-19th Centuries: Sociocultural Distance and the Movement Towards State and Political Unity]. – Nal'chik: Institut gumanitarnykh issledovanii Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossiiskoi aka-demii nauk, 2018. – 268 p. (In Russ.).

Usloviya ustroistva i ekspluatatsii zemskikh telefonnykh setei [Conditions for the installation and operation of zemstvo telephone networks]. In: Materialy po istorii svyazi v Rossii. XVIII – nachalo XX v.: [Pochta, telegraf, telefon, radio, televide-nie]: obzor dokum. materialov. – Leningrad: B./i., 1966. – P. 265-266. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Management of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. F. I-6 «Upravlenie Nal'chikskogo okruga». (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. F. 11 «Terskoe oblastnoe pravlenie». (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Казаков – старший преподаватель; соискатель ученой степени кандидата наук.

Information about the author

A.A. Kazakov – a senior lecturer and a candidate for a PhD degree.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-66-82
EDN: DMDEPI

ЭВАКУИРОВАННЫЕ В КБАССР ВОЕННЫЕ ГОСПИТАЛИ И УРЮПИНСКОЕ ВОЕННО-ПЕХОТНОЕ УЧИЛИЩЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Алим Инзрелович Тетуев
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4387-291X

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматривается деятельность военных госпиталей и Урюпинского военно-пехотного училища, эвакуированных в КБАССР в годы Великой Отечественной войны. Анализируется организация размещения, бытового обустройства раненых и больных в эвакогоспиталях. Рассмотрены вопросы кадрового состава медицинских работников, повышения их квалификации, лечения раненых с применением, физиотерапии, грязелечения, минеральных ванн, климатотерапии, физических методов лечения и лечебной физкультуры. Исследованы мероприятия по предупреждению эпидемических заболеваний в эвакогоспиталях и организация эвакуации военных госпиталей в связи с приближением фронта на территорию республики. Изучена организация размещения эвакогоспиталей после освобождения Кабардино-Балкарии от оккупантов. Показаны трудности бытового обустройства и медицинское обслуживание раненых бойцов и командиров Красной Армии. Обобщен опыт работы по организации лечения, быта, питания, шефской помощи общественности по уходу за ранеными бойцами и мероприятий по проведению идейно-политической работы в госпиталях. Исследована деятельность Урюпинского военно-пехотное училище по подготовке офицеров для Красной Армии. Выявлены выпускники училища-уроженцы Кабардино-Балкарии, принимавшие участие в боевых действиях в составе Северо-Кавказского фронта и других объединениях Сделан вывод, несмотря на все сложности социально-экономического развития страны, региона, благодаря социальной поддержке государства, шефской помощи предприятий, колхозов, учебных заведений и общественных организаций было обеспечено нормальное функционирование эвакогоспиталей и военного училища в экстремальных условиях войны.

Ключевые слова: КБАССР; Великая Отечественная война; эвакогоспитали; раненые; обустройство; быт; лечение; питание.

Для цитирования: Тетуев А.И. Эвакуированные в КБАССР военные госпитали и Урюпинское военно-пехотное училище в годы Великой Отечественной войны // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 66-82. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-66-82. EDN: DMDEPI.

© Тетуев А.И., 2026

Original article

MILITARY HOSPITALS EVACUATED TO THE KABARDINO-BALKARIAN ASSR AND THE URYUPINSK MILITARY INFANTRY SCHOOL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Alim I. Tetuev
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alim-tetuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4387-291X

Abstract. The article, based on archival materials, examines the activities of military hospitals and the Uryupinsk military infantry school evacuated to the Kabardino-Balkarian ASSR during the Great Patriotic War. The organization of accommodation and everyday life of the wounded and sick in evacuation hospitals is analyzed. The issues of the personnel of medical workers, their advanced training, treatment of the wounded using physiotherapy, mud therapy, mineral baths, climatotherapy, physical methods of treatment and exercise therapy are considered. The measures to prevent epidemic diseases in evacuation hospitals and the organization of the evacuation of military hospitals in connection with the approach of the front to the territory of the republic are studied. The organization of the placement of evacuation hospitals after the liberation of Kabardino-Balkaria from the occupiers is studied. The difficulties of everyday life and medical care for wounded soldiers and commanders of the Red Army are shown. The experience of work on the organization of treatment, life, food, patronage assistance of the public in caring for wounded soldiers and events on conducting ideological and political work in hospitals is summarized. The activities of the Uryupinsk military infantry school for training officers for the Red Army are studied. Graduates of the school, natives of Kabardino-Balkaria, who took part in military operations as part of the North Caucasian Front and other formations are identified. The conclusion is made that, despite all the difficulties of the socio-economic development of the country, the region, due to social support from the state, patronage assistance from enterprises, collective farms, educational institutions and public organizations, the normal functioning of evacuation hospitals and a military school in extreme war conditions was ensured.

Keywords: KBASSR, Great Patriotic War, evacuation hospitals, wounded, arrangement, life, treatment, food,

For citation: Tetuev A.I. Military hospitals evacuated to the Kabardino-Balkarian ASSR and the Uryupinsk military infantry school during the Great Patriotic war. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 66-82. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-66-82. EDN: DMDEPI.

© Tetuev A.I., 2026

Введение

В годы Великой Отечественной войны с прифронтовых территорий в тыловые вынужденно эвакуировались военные госпитали и военные учебные заведения. В организации размещения, лечения, продовольственного и материально-технического обеспечения большую работу проводили работники здравоохранения и гражданское население.

Изучение опыта организации деятельности эвакуированных госпиталей в стране, в том числе в Кабардино-Балкарии имеет научно-практическое значение. В последние годы проблемам эвакуации военных госпиталей в тыловые регионы страны посвящено множество работ. Например, вопросам создания и деятельности эвакогоспиталей Наркомздрава СССР посвящена статья Б.В Бобий, С.Ф.

Гончарова [Бобий, Гончаров 2020]. Авторы провели анализ системы организации оказания лечения раненых и больных военнослужащих в эвакуационных госпиталях и порядка ее функционирования. В работе Н.М Поповой, Л.Л. Шубиной обобщен опыт деятельности специализированных общехирургических эвакогоспиталей в Удмуртии [Попова, Шубина 2016].

Проблемы формирования и деятельности эвакогоспиталей Ульяновского и Пензенского региона в годы в Великой Отечественной войны изучены в статьях А.А. Митрофановой, Р.Ю. Полякова [Митрофанова 2019; Поляков 2022]. Отдельные вопросы функционирования эвакуированных госпиталей в КБАССР рассмотрены в работах ученых республики А.И. Тетуева, Е.Т. Хакушева [Тетуев 2024; Хакуашев 1978] и научно-популярных изданиях А.А. Маслова, М.Л. Берова, «Тыл и фронт<…>» [КБ ТФ 2005; Маслов, Беров 1985].

Вместе с тем совершенно не исследована судьба курсантов Урюпинского военно-пехотного училища. Малоизученными остались проблемы численности, размещения, лечения и адресной помощи эвакогоспиталям.

Цель работы – на основе архивных и других источников обобщить комплексно опыт работы государственных органов власти, общественных организаций и гражданского населения по организации всесторонней помощи эвакуированным госпиталям и выявить участие курсантов Урюпинского военно-пехотного училища в боевых действиях на фронте.

Результаты исследования

Организация размещения, лечения и адресной поддержки раненых военнослужащих эвакогоспиталей

Для организации социально-бытового обеспечения и лечения раненых военнослужащих в соответствии с постановлением Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) от 25 сентября 1941 г. был организован специальный отдел Наркомздрава КБАССР и Кабардино-Балкарский комитет помощи по обслуживанию раненых бойцов и командиров Красной Армии [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 246. Л. 4].

Согласно распоряжениям Совнаркома СССР от 7 июля 1941 г. и Санитарного управления Северо-Кавказского военного округа «О приеме эвакуированных госпиталей» в КБАССР были определены места размещения эвакогоспиталей, проведены ремонтные работы по приспособлению помещений под госпитали и оснащение их соответствующим медицинским и другим оборудованием

В результате Совнарком республики за счет средств местного бюджета организовывал размещение прибывающие военные госпитали в санаториях, домах отдыха, зданиях образовательных учреждений республики, а также обеспечивал транспортом, твердым инвентарем, топливом, горючим и всеми видами коммунального обслуживания (см. таблицу 1.).

Таблица 1.

Список эвакогоспиталей, дислоцированных в годы Великой Отечественной войны на территории Кабардино-Балкарской АССР с 18 июля 1941г. по август 1942 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 128, 129].

№№ п/п	№ эвакогоспиталя	Место размещения	Количество Коек	Специализация коек	Начальник госпиталя
1	2441	Санаторий «Эльбрус»	600	травматологические, терапевтические	Н.П. Челгий
2	2442	Санаторий им. Кирова	600	Хирургические	Военврач 2-го ранга Г.А Воласик
3	3268	Здание школ г. Нальчик № 1, 6	700	Хирургический (сортировочный)	
4	3269	Здание школ г. Нальчика № 9	300	Терапевтические	
5	2443	Городская больница	300	Нейрохирургические	А.Т. Бурина
6	2022	Кабардино-Балкарский госпединститут (КБГПИ)	1264	Хирургические, глазные	
7	2347	Дворец пионеров г. Нальчик	600	Хирургические, отоларингологические, стоматологические	Военврач 1-го ранга Н.А. Алексеев
8	2445	Туристическая гостиница г. Нальчик	400	Хирургические	И.П. Зеленчук
9	3194	Здание Народного комиссариата государственной безопасности	600	Хирургический, отоларингологические	Капитан медицинской службы Л.И. Козьмина
10	2328	Здание школы Села Урух	200	Полевой подвижной госпиталь	
11	3424	Здание школ г. Нальчика № 9	300	Для легко раненных	А. А. Максимова

Как видно из таблицы в госпиталь № 2022, размещенный в КБГПИ, был самым большим по числу (1264) коечных мест. Получив извещение о прибытии эшелона с ранеными, госпиталь выделял на вокзал врача для сортировки, 8 медицинских сестер, санитарную машину для транспортировки. Одновременно в санпропускнике мобилизовался аппарат для регистрации и приема раненых. Среди работников госпиталя было 40 доноров. В одном только первом квартале 1942 года из 942 раненых, лечившихся в этом госпитале, в части было выписано

60,9 %, в другие госпитали – 12,5 %, в батальон выздоравливающих – 4,0 %, в отпуск – 0,25 %, было уволено – 14,0 %, отправлено в отпуск до четырех месяцев – 7,6 %, умерло – 0,55 %. Средний койко-день составил 31,1. За этот же период было сделано 88 операций, 26 переливаний крови, наложено шин и гипсовых повязок [Маслов, Беров 1985: 15].

Тем временем эвакогоспитали продолжали пребывать. Совнарком СССР от 3 октября 1941 г. принял распоряжение «О дополнительном развертывании к 1 января 1942 г. В КБАССР 1500 госпитальных коек. «В связи тем Совнаркома КБАССР и бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) приняли совместное постановление «О приеме эвакуированных госпиталей от 16 октября 1941 г. Для размещения вновь организуемых эвакогоспиталей в нем предписывалось:

«Наркомздраву, Наркомпросу КБАССР, Баксанскому райисполкому освободить здание средней школы и больницы с. Баксан, здание Колхозного сельхозтехникума; предложить Наркомхозу т. Руденко и Наркомздраву КБАССР т. Отарову провести необходимые работы по приспособлению помещений под госпитали в установленные сроки» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 88. Д. 1. Л. 128, 129].

Вновь прибывшие 5 эвакогоспитали были размещены в образовательных учреждениях города Нальчик и Прохладный и населенных пунктах Баксана, Докшукино.Всего к началу 1942 г. в республике функционировали 16 эвакогоспиталей на 13 тыс. койко-мест [Тетуев 2024: 140]. Для работы в них были мобилизованы и привлечены 225 врачей, в том числе Т.М. Шупенкова, С.С. Нестеровский, Е.Ф. Добросердова, П.А. Шаповалова, В.В. Наумова, Н.Е. Акопян, Е.А Лукашевич, Н.В. Лебедева, Е.П. Крель, Л.А. Козьмина, Е.В. Карпышева, Ф.Г. Синдоронич, рентгенолог Е.П. Прокофьева и др. Активно трудились 745 работников среднего медицинского персонала, в их числе Н.И. Юхно, Т.В. Дедецкая, А.Ф. Добросердова, И.Ф. Гринь (Хаскина), Н.И. Дергачева (Чеботарева), А. Цебрикова, Л. Пархоменко, В. Уськова, А. Шелковникова, Шухова, Н.А. Северская, Е.А. Дубакина Н. Сокурова, Х. Махиева, Л. Дедкова, П. Шатова, Л. Агузарова и другие [Маслов, Беров 1985: 14, 15].

Государственные органы власти, предприятия, учреждения социальной сферы, колхозы и общественные организации республики оказывали большую помощь в организации быта и лечебной работы, в деле ухода за тяжелыми ранеными в эвакогоспиталях. За каждым госпиталем были закреплены шефы – предприятия, колхозы, школы, партийные, комсомольские и профсоюзные организации. Состояние и меры по улучшению бытового и медицинского обслуживания обсуждались на заседаниях партийных и советских органов.

Так, Президиум Верховного совета КБАССР, обсудив (20 сентября 1941 г.) вопрос «О состоянии работы в госпиталях Наркомздрава республики», выявил недостатки в медицинском и бытовом обслуживании. В принятом постановлении Наркомздраву республики было предложено:

«Полностью укомплектовать штаты госпиталей врачами хирургами; обеспечить все госпитали специальными сыворотками; дооборудовать и снабдить необходимым инструментарием и аппаратурой перевязочно-операционные блоки, добиться бесперебойного снабжения

госпиталей перевязочным материалом, а также ускорить открытие рентгенокабинетов и обеспечить физиотерапевтические кабинеты необходимой аппаратурой» [УЦГА АС КБР. Ф. 717. Оп. 1. Д. 184. Л. 4, 5].

Кроме того, Совнаркома КБАССР 5 мая 1942 г. принял постановление «О мобилизации трудоспособного населения гор. Нальчика и Прохладного на работы по приспособлению городских помещений под госпитали» [УЦГА АС КБР. Ф. 290. Оп. 1. Д. 16. Л. 96, 97].

По ходатайству Минздрава КБАССР Главное военно-санитарное управление направило в республику бригаду специалистов по лечебной физкультуре и физиотерапии, хирургов во главе с бригадным врачом профессором В.В. Гориневской, которая занимала должность старшего инспектора Главного военно-медицинского управления Красной Армии и входила в состав Ученого медицинского совета при Главном военно-санитарном управлении.

В целях правильного использования республиканских и местных курортов для лечения и долечивания раненых бойцов, командиров и политработников Красной Армии, Наркомздрав РСФСР принял решение:

«О реорганизации к 15 мая 1942 года эвакогоспиталей, развернутых на базе местных курортов, в курортные госпитали с применением в последних, наряду с обычным лечением, грязелечения, минеральных ванн, климатотерапии, физических методов лечения и лечебной физкультуры. Организовать подготовку методистов и инструкторов по лечебной физкультуре» [Маслов, Беров 1985: 20].

Большую помощь лечебным учреждениям, расположенным на территории Кабардино-Балкарии, оказывали сотрудники и студенты, эвакуированного в Нальчик из Ленинграда института физической культуры имени Лесгафта, который продолжал свою учебную деятельность в здании Кабардино-Балкарского государственного педагогического института. 16 апреля 1942 г. институт был награжден орденом Красного Знамени Орден Красного Знамени «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и за высокое качество подготовки некоторых резервов Красной Армии»[1].

Врачи госпиталей изучали и обобщали накопляющийся опыт лечения раненых бойцов и командиров. В Нальчике регулярно проводились местные медицинские конференции, а в Кисловодске периодически собиралась Северо-Кавказская конференция врачей. На этих конференциях знакомились с новейшими методами лечения. врачи госпиталей, расположенных в Кабардино-Балкарии, работали в тесном содружестве с медиками эвакогоспиталей Кавминводской группы, где велась большая плодотворная работа по обобщению опыта комплексного лечения раненых и больных с использованием местных бальнеологических факторов. В разработке научной тематики принимало участие более 90 врачей и консультантов различных медицинских специальностей. На

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://lesgaft.spb.ru/ru/content/80-let-kak-vuz-udostoen-ordena-boevogo-krasnogo-znameni . (Дата обращения:14.11.2025)

межгоспитальных научно-практических конференциях заслушано 134 научных доклада [УЦДНИ АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 248. Л. 39].

Об интенсивном применении этих видов лечения можно судить по цифрам деятельности этих отделений за первый квартал 1942 г. Так, физиотерапевтическим отделением было отпущено 9562 электротерапевтические, световые, механические и парафино-грязелечебные процедуры. Лечебной физкультурой занимались 1309 человек. Все это дало свои результаты. Так, в одном только первом квартале 1942 г. из 942 раненных, лечившихся в госпитале №2022, в части было выписано 60,9 % [Тетуев 2022; Маслов, Беров 1985: 17, 31].

Стремление помочь раненым фронтовикам, находившимся в госпиталях Кабардино-Балкарии, привело многих женщин республики в ряды доноров. Они безвозмездно отдавали свою кровь для лечения бойцов и командиров, чем помогли многим из них вновь вернуться в боевой строй. Одними из первых донорами в Нальчике стали работницы швейной фабрики № 1 А. Ульбашева, Н. Тукова, А. Чумачкова, В. Попова, И. Кириленко, Л. Хагундокова [Тетуев 2022: 51].

В связи с притоком эвакуированных, особенно в городах, произошло переуплотнение жилищ. На коммунальные учреждения легла большая нагрузка по бесперебойному обеспечению работы бань, прачечных, санитарных пропускников, снабжению населения мылом. Перестроить работу гражданской больничной сети помогала также медицинская служба Красной Армии. По примеру военно-медицинских учреждений в больничной сети здравоохранения была создана система приемно-сортировочных отделений, были переоборудованы изоляторы и выделены палаты для температурящих больных. Это позволило предупредить возможность внутрибольничного заражения и распространения инфекции за пределы больницы.

В соответствии с постановлением ГКО «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии» от 2 февраля 1942 г. СНК КБАССР (5 февраля 1942г.)принимает ряд мер по усилению борьбы с эпидемическими заболеваниями среди населения республики, широко привлекая к этому горком, райкомы ВКП(б) и исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся. Наркомздравом республики и местными органами власти налаживается медицинское обслуживание прибывающих эвакуированных [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 35. Л. 171-174].

Вместе с тем устанавливается строжайший контроль за санитарным состоянием; жилищ, бесперебойной работой бань и столовых. Усиливается контроль за водоснабжением. Организуется массовая иммунизация населения против острых желудочно-кишечных заболеваний, активное раннее выявление больных и их госпитализация. Иммунизация против сыпного тифа, прежде всего, сохраняла жизнь и снижала заболеваемость в несколько раз. Для реализации всех вопросов в борьбе с эпидемическими заболеваниями создается, по опыту прошлых лет, чрезвычайная противоэпидемическая комиссия республики [УЦДНИ АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 248. Л. 38].

С приближение фронта эвакогоспитали, функционирующие на территории КБАССР были эвакуированы. Первым 5 августа 1942 г. убыл эвакогоспиталь № 3220 из селения Новоивановки Майского района. Вслед за ним 9 августа из

Нальчика эвакуировались эвакогоспитали № 2347, 2022, 4425, 4426. 20 августа выехали эвакогоспитали № 1600, 2144, 4547, 4557, 292, 3197 дислоцированные в городе Прохладном, а также и инфекционный госпиталь № 826. В Нальчике остались для обслуживания действующей армии полевые подвижные госпитали № 219, 2417, а в селении Урух – госпиталь № 2338.

6 ноября 1942 г. началась массовая эвакуация из Баксанского ущелья. Располагающийся в селении Нижний Баксан двухсоткоечный полевой подвижной госпиталь № 2417, обслуживающий части, обороняющие Баксанское ущелье, (начальник военврач 2-го ранга Я.С. Маркович). Затем, получив приказ, госпиталь с 392 ранеными эвакуировался в Грузию вместе с частями 392-й стрелковой дивизии, преодолев в труднейших условиях перевал. [УЦГА АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 16. Л. 25].

В период боевых действий и оккупации КБАССР социальная инфраструктура в основном была разрушена. Республика не обладала прежним фондом зданий под эвакуационные госпитали: санатории, дома отдыха больницы. Из 227 школ осталось только 11, остальные были разрушены [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. Л. 4,5].

Несмотря на это после освобождения (13 января 1943 г.) республики от немецко-фашистских захватчиков, государственными органами власти изыскивались помещения и средства для размещения, прибывающих эвакогоспиталей. С привлечением строителей восстанавливались поврежденные здания и создавались бытовые условия для проживания раненых и больных военнослужащих (см. таб. 2).

Таблица 2

Список эвакогоспиталей, действовавших в годы Великой Отечественной войны на территории Кабардино-Балкарской АССР с января 1943г. по май 1945. г. [Тетуев 2022: 50; УЦГА АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 16. Л.19; Маслов, Беров 1985: 88-96].

№ № пп/п	№ эвакогоспиталя	Место размещения	Количество коек	Специализация коек	Начальник госпиталя
1	12 управление головного полевого эвакуационного пункта		350	Прием необработанных раненных непосредственно из медсанитарных батальонов	Н.П. Грабер
2	Полевой подвижный госпиталь 5	Долинск	350		Э.А. Абрамович
	2150	Здание школы № 1	300	Хирургические, терапевтический, нервное	И.Н. Тарновский

3	2442	Санатории и дома отдыха: «Союз мукомол», «Матери и ребенка», «Совпроф», им Кирова	500	Хирургический	Подполковник медицинской службы М.В Ершов
4	Передовая группа 50-го управления головного полевого эвакуационного пункта	Полуразрушенном здании г. Прохладный	1272	Раненые и больные красноармейцев, больных и раненых военнопленных немцев	
5	4335, 2038	Здание районной больницы г. Прохладный	200	Хирургические, терапевтический	Военврач 3-го ранга А. Шулепов
6	4291 2150 576 2031	16-и разрозненных зданиях г. Прохладный	500	Хирургический инфекционный	
7	2323 575	Ст. Муртазово	300	Хирургические, терапевтический	

Всего с января 1943г. функционировали 12 эвакогоспиталей на 3772 койкомест. Условия раненных и больных, размещенных в госпиталях г. Прохладный были тяжелыми. Приходилось топить 56 печей, которые потребляли в день две машины дров. Бензин отсутствовал, нефть для пищеблока завозили из Моздока. Прачечная была примитивна, отсутствовала сушилка, обменный фонд белья был ограничен, теплого белья не было [УЦГА АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 16. Л. 19].

Анализ архивных документов показывает, что ввиду отсутствия надлежащих бытовых условий для функционирования некоторые эвакогоспитали (№№ 576, 11, 4326, 2031, 2098, 4353, 2338, 3196, пробыв от 2-х – 4-х недель в январе, феврале 1943 г, убывали за войсками или передислоцировались в другое место [УЦГА АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 16. Л. 21].

Постановлением бюро обкома ВКП (б) от 5 мая 1943 г. был создан Кабардино-Балкарский комитет помощи раненным воинам. Комитет проводи большую работу по улучшению медицинского обслуживания, бытовых условий и продовольственного обеспечения госпиталей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 33. Л. 19].

Наряду с тем, большую помощь оказали в оборудовании госпиталей, создании уюта и организации дежурства у постелей тяжелобольных активистки Общества Красного Креста. На страницах газеты республиканских газет неоднократно появлялись строки благодарности в адрес ухаживающих за ранеными воинами Красной Армии. Так, в статье «Женщины-патриотки» группа раненных военнослужащих в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» (29 января 1943 г.) отмечали:

«Одной из первых в госпиталь пришла ухаживать за ранеными бывшая ученица школы № 1 Вера Попова. С раннего утра до позднего вечера она около больных. В свободное время она читает художественную литературу, помогает писать письма домой. Можно назвать ряд женщин-активисток, с материнской лаской ухаживающих за ранеными. Таковыми были и Качанина В.П., Тищенко А.Ф. и другие. Но мы никогда не забудем материнской ласки и заботы женщин Нальчика о нас, раненых бойцах» [Газета СКБ 1943:29января].

Большое значение при комплексной терапии раненых и больных в эвакогоспиталях придавалось лечебному питанию. Г.Е. Николаева (Волянская), являясь врачом-диетологом эвакогоспиталя № 2442, она вместе с другими работниками много сделала, чтобы обеспечить раненых хорошим питанием. Ее настойчивость, принципиальность, прямолинейность помогли преодолеть многие трудности и недостатки в этом деле.

Важным подспорьем в организации лечебного питания имела шефская помощь. Так, колхозники Кременчуг-Константиновской Баксанского района республики привезли в госпиталь сливочное и растительное масло, сало, пшено, табак, сушеные фрукты, творог и другие продукты. Была налажена переписка. В госпитале оказался наш земляк гвардии лейтенант М.Х. Озроков. Он писал:

«Ваша забота увеличивает наши силы. Обещаем Вам по возвращении в строй беспощадно громить ненавистного врага» [Газета СКБ 1943: 30 января]. Проводились мероприятия по организации идейно-политической работы в госпиталях. Только за период с мая 1943 года по сентябрь 1945 года для раненых госпиталя № 2442 шефы прочитали 93 лекции, дали 47 концертов и организовали 17 встреч. Такая забота давала ощутимые результаты [Газета СКБ 1943: 5 февраля].

За второе полугодие 1943 г. в госпитале № 2442 было сделано 106 операций, что составляло 13 % всех раненых. Средний срок лечения был 35 дней. Выписано в часть 321 человек. Для более эффективной помощи раненым применялось комплексное лечение, включающее тепловые ванночки, массаж, парафинолечение и с января 1945 года – грязелечение. В госпитале № 2442 был разработан новый метод лечения ран смесью грязи с сульфидином. Только в июне 1945 года 125 больным было отпущено 2500 таких процедур. За 1943 года было сделано 170 операций. Средний срок лечения был 35 дней [УЦГА АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 13. Л. 19].

Сердечной благодарностью отвечали врачам и медсестрам бойцы, лечившиеся в эвакогоспиталях Нальчика. В архивных документах имеются множество благодарственных писем в адрес врачей и медсестер, вернувших им здоровье и боеспособность. Например, отмечается:

«Большим успехом ведет лечение раненых больных начальник отделения врач т. Наумова В. В. Ежедневно проводит обход и каждому больному делает медицинские мероприятия в зависимости от истории болезни, особое внимание уделяется тяжелораненым, которых тщательно выслушивают и создают условия для быстрейшего выздоровления. Врач т. Наумова особенную проявляет заботу и чуткость к раненым и больным. Все раненые больные врачом т. Наумовой очень довольны и благодарны за ее работу и отношение. <…> Также большую заботу проявляют по уходу и лечению раненых больных медицинские сестры: старшая медицинская сестра т. Дубакина Е.А. и медицинская сестра т. Саверская Н.А. Все указания

врача и просьбы раненых и больных выполняются немедленно и аккуратно [УЦГА АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 13. Л. 19, 20].

Активно применялась лечебная физкультура возглавляемый опытным методистом А.В. Маревичем, который подготовил 9 медсестер, что дало возможность иметь в каждом отделении опытного сотрудника. Функционировал кабинет ЛФК, который располагал рядом аппаратов собственной конструкции.

В 1944 г. операционную приспособили в бывшей жилой квартире, здесь же оборудовали автоклавную, гнойные операции делали в перевязочных. Основным видом операции являлась секвестрэктомия, которых за год сделано 275. В перевязочной провели 14 805 перевязок. Сделано 120 гипсовых повязок и перелито 11,5 литра крови 30 больным. В первом полугодии 1945 года в госпитале сделано 164 операции [УЦГА АС КБР. Ф. 291. Оп. 1.Д. 13. Л. 18].

В 1944 г. проведено 7178 перевязок и 68 гипсовых повязок. Лечилось 602 человека, из них 335 раненых и 267 больных, причем в феврале в госпиталь было доставлено с фронта санитарным поездом 200 раненых, среди которых было много обмороженных. Из госпиталя в 1945 г. было выписано 497 человек, из них в части – 63 %, уволено 10,3, переведено в кисловодские госпитали 8,8, отправлено в отпуск 0,16, умерло 0,8 % [Маслов, Беров 1985: 97, 98].

В 1944 г. в госпитале начало функционировать отделение для гарнизонных больных, что было сопряжено с большой организационной перестройкой и хозяйственными мероприятиями. В летне-осенний период через это отделение прошло 478 дизентерийных больных, среди которых было 70 маляриков. К концу года отделение начало пополняться больными с воспалением легких [УЦДНИ АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 248. Л. 30].

Во втором полугодии 1945 года госпиталь работал только июль, август и сентябрь. В середине сентября началась отправка раненых и больных в г. Кисловодск для дальнейшего лечения. В госпитале остались только раненые и больные, прошедшие военно-врачебную комиссию и ожидающие утверждения, а также ампутанты, ждущие протезов. 25 сентября 1945 г. была выписана последняя партия раненых.

Участие курсантов Урюпинского военно-пехотного училища в боевых действиях на фронте

Следует отметить, что наряду с эвакогоспиталями в Кабардино-Балкарию было эвакуировано Урюпинское военно-пехотное училище, организованное в феврале 1939 г. в г. Урюпинске Сталинградской области.

В августе 1941 г. училище было дислоцировано в военном городке г. Нальчик и один батальон в селении Шалушка.

В период пребывания училища (август 1941 – июль 1942) государственными органами власти, учреждениями, колхозами и общественными организациям оказывалась помощь курсантам в организации размещения, быта и продовольственного обеспечения. Однако эти материалы в архивах не сохранились.

В архиве выявлено письмо начальника Урюпинского военно-пехотного училища генерал-майора С.А. Ивановского[1] председателю Совнаркома КБАССР и Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) от 25 января 1944 г., в котором дана краткая характеристика деятельности училища. В нем указывалось:

«За время пребывания в г. Нальчике училище подготовило и выпустило несколько тысяч офицеров для Красной Армии, которые успешно вели борьбу с немецкими захватчиками. Многие из них были удостоены государственных наград, *большинство выпускников коренные жители Кабардино-Балкарской АССР* (выделено – *А.Т.)*» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 3.].

По мере приближения фронта к территории Кабардино-Балкарии курсанты училища в полном составе были отправлены на фронт.

15 июля 1942 г. по приказу командующего Северо-Кавказским фронтом училище в полном составе выехало на Северо-Кавказский фронт. На фронте выпускники и курсанты Урюпинского военно-пехотного училища вели оборонительные бои по р. Кубани от г. Кропоткино до г. Армавира, а также за города Майкоп и Нефтегорск. В этих боях личный состав доказал свою беззаветную преданность нашей Родине. За успешные боевые действия училищу объявлялись благодарности Военных Советов 12-й и 18-й армий» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 3].

Анализ документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации показал, что в дальнейшем курсанты и выпускники Урюпинского военно-пехотного училища воевали в различных подразделениях Красной Армии, в том числе уроженцы Кабардино-Балкарии А.Я. Масаев, М.Ц. Хужоков, Т.М. Мамукаев, А.И. Щеголев, М.А. Шхашемишев и многие другие.

Так, 2 августа 1942 г. курсантский полк под командованием генерал-майора Ивановского отправился, занял оборону в районе города Кропоткина. Бой шел третьи сутки, атака следовала за атакой. Кончились продукты, на исходе были и боеприпасы. Тогда заместитель политрука роты Аслангери Масаев и Муаед Хужоков под огнём противника разыскали склад боеприпасов и доставили на передовую три ящика патронов.

В ночь с 6 на 7 августа, оставшиеся в живых курсанты, по приказу командования оставили свои позиции и вместе с другими батальонами училища отступили к Майкопу, где на протяжении недели вели тяжелые оборонительные бои» [2].

Командирское умение и отвага А.Я. Масаева наиболее ярко проявились во время зимних боев на территории Польши в 1945 г. В наградном листе А. Я. Масаева указывается:

[1] 10 августа 1942 года назначен на должность командира 31-й стрелковой дивизии, которая принимала участие в боевых действиях в ходе Армавиро-Майкопской и Туапсинской оборонительных операций и отступлении на Главный Кавказский хребет в район Режет-Маратуки. 3 сентября был ранен, после чего направлен на лечение в госпиталь и по выздоровлении вновь назначен на должность начальника Урюпинского пехотного училища, которое уже дислоцировалось в г. Молотов (Уральский военный округ). // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://doi.org/10.33266/2070-1004-2020-2-5-16 (дата обращения: 06.05.2025).

[2] Масаев А-Г. Я., Хужоков М. Ц // МКОУ СШ с.п Нижний Черек Урванского района КБР:. URL: https://https://ncherek.kbrschool.ru/?section_id=190 (дата обращения: 20.10.2025).

«В ходе этих боев умелыми и дерзкими действиями, основанными на личном мужестве, инициативе и находчивости, А. Я. Масаев уничтожил 11 вражеских орудий разного калибра, 10 бронетранспортеров, 10 автомашин с военными грузами, 85 повозок с боеприпасами и вооружением, десятки солдат и офицеров противника» [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 30].

Он отличился и в боях в районе польского города Пётркув-Куявски. В наградном листе А.Я. Масаева указывалось:

«Находясь в боевой разведке в составе трех танков, Масаев внезапным ударом внес панику в ряды противника, ворвался в гор. Пётркув-Куявски, захватил при этом: пушек – 5, пулеметов – 12, автомашин с грузами – 17, значительное количество солдат и офицеров противника». <…> «За мужество и отвагу, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков, гвардии лейтенант Аслангери Яхьяевич Масаев 27 февраля 1945 г. был удостоен высокого звания Героя Советского Союза» [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 30].

Тембот Мамукаев воевал под Армавиром, Сталинградом, Новороссийском, штурмовал Кенигсберг, участвовал в сражениях за взятие Берлина, дважды был ранен. Командир орудия СУ–132 3 батареи 337 гвардейского тяжелого самоходного Артиллерийского Витебского полка гвардии старшина Т.М. Мамукаев особо отличился в ходе Кенигсбергской наступательной операции.

В наградном листе отмечается:

«При прорыве обороны противника 21.01.1945г. в районе Ной Буткунен огнем прямой наводки уничтожил 2 ПТО, 2 ДЗОТа, 1 минбатарею. В районе Кляйн Розиско, Аигенбург, Дрейфурт с 22.01. по 26.01.1945 совместно с экипажем уничтожил 6ПТО, 12 ДЗОТ, раздавил гусеницами колонну противника до 12 автомашини 30 повозок, первым вошел в г. Бартия, отбив 4 атаки противника и держал оборону в течение четырех часов до подхода передовых частей. За время боев экипажем уничтожено до 150 солдат противника и гусеницами смято 2 артбатареи, 2миномета и 4 автомашины. <…> За мужество и героизм 26.0.021945г. За мужество и героизм Тембот Мамукаев награжден орденом Красой звезды» [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1395].

Кроме того, за боевые заслуги Тембот Мамукаев награжден Орденом Отечественной войны I Степени, медалью «За Отвагу» и другими медалями [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 3584].

Отличился в боях за освобождение Венгрии Гвардии лейтенанта М. А. Шхашемишева, командира взвода 311 Гвардейскго стрелкового Измаильского Краснознаменного полка 108 Гвардейской стрелковой Николаевской Краснознаменной Суворова дивизии. В наградном листе М.А. Шхашемишева от 15.12.1944 г. записано:

«При форсировании реки Дунай в районе населенного пункта (Венгрия) уничтожил своим взводом до 20 немецко-венгерских солдат. 5.12.1944 г. в дальнейших боях командир роты выбыл из строя и тов. Шхашимишев по собственной инициативе принял командование ротой и смело повел роту на отражение контратаки на станции Эрчи. Контратака была отражена, противник оставил на поле боя до 40 немецко-венгерских солдат. <…> М.А. Шхашимишев,

гвардии лейтенант 27.12.1944 за этот подвиг был удостоен государственной награды – ордена Красной звезды [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 30].

Преподаватель истории ВКП(б) социально-экономического цикла Урюпинского военного пехотного училища работал А.И. Щеголев. В то же время А.И. Щеголев являлся преподавателем истории в Кабардино-Балкарском государственном педагогическом институте [Ортанова, Муратова 2021: 223-227].

В июле начале августа 1942 г. А.И. Щеголев, будучи старшим политруком 7-й отдельной стрелковой бригады 8-й армии Северо-Кавказского фронта, участвовал в ожесточённых боях за г. Кропоткин Краснодарского края. По архивным донесениям погиб 08.1942г., по другим данным на 27.10.1948 г. состоит учете в Нальчикском ГВК Кабардинской АССР. На самом деле старший политрук А.И. Щеголев был тяжело ранении и попал в плен. В апреле 1943 г. после освобождения из плена, направлен в 7 – й отдельный штрафной батальон Северной группы войск Закавказского фронта [Ортанова, Муратова 2021: 223-227; ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 507; ЦАМО. Ф. Картотека политработников. Оп. Картотека политработников. Д. 018-20].

4 августа 1943 г. в бою под городом Новороссийском получил тяжёлое ранение в правую ногу, которая затем была ампутирована в эвакуационном госпитале 5411 [Ортанова, Муратова 2021: 223-227; ЦАМО (Архив военно-морских документов). Ф. Картотека ранений. Оп. Картотека общего учета. Д. Ящик 096-1.1].

В феврале 1944 г. уволен из армии, как инвалид 2-й группы. После демобилизации А.И. Щеголев вернулся в Кабардино-Балкарский педагогический институт и работал преподавателем кафедры Истории СССР [Ортанова, Муратова 2021: 223-227].

За отвагу и храбрость, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.05.1951 г. А.И. Щеголев был награжден Орденом Отечественной войны 1 степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 74809. Д. 96. Л. 15].

Анализ архивных документов показывает, что выпускники и курсанты Урюпинского училища с приближением фронта на территорию Кабардино-Балкарии отважно сражались с немецко-фашистским оккупантами на фронтах Великой Отечественной войны.

Заключение

Таким образом, приоритетным направлением деятельности государственных, партийных, общественных объединений являлась организация размещения эвакогоспиталей, быта, питания и лечения раненых бойцов и командиров Красной Армии.

Особое внимание уделялось обеспечению кадрового состава медицинских работников высшего и среднего звена и повышения их квалификации. Лечения раненых проводилось с применением, физиотерапии, грязелечения, минеральных ванн, климатотерапии, и лечебной физкультуры. Значительную шефскую

помощь оказывали предприятия, колхозы, школы и общественность по уходу за ранеными бойцами, организации питании, быта, культурного досуга и идейно-политической работы.

Урюпинское военно-пехотное училище, эвакуированное в республику, было обеспечено всем необходимым для функционирования, что позволило подготовить несколько тысяч офицеров для Красной Армии. В связи с приближением фронта училище в полнм составе принимали участие в боевых действиях в составе Северо-Кавазского фронта и других объединениях Красной армии. Сделан вывод, несмотря на все сложности социально-экономического развития страны, региона, благодаря социальной поддержке государства, шефской помощи предприятий, колхозов, учебных заведений и общественных организаций было обеспечено нормальное функционирование эвакогоспиталей и военного училища в экстремальных условиях войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Газета СКБ 1943 – *Газета Социалистическая Кабардино-Балкария*. *1943*.

Бобий, Гончаров 2020 – *Бобий Б.В., Гончаров С.Ф.* К вопросу о создании и деятельности эвакогоспиталей Наркомздрава СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Медицина катастроф. – 2020. – № 2. – С. 5-16.

КБ ТФ 2005 – *Кабардино-Балкария: Тыл и фронт* 1941-1945 (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.И. Тетуев, О.Л. Опрышко. – Нальчик: Эльфа, 2005. – 340 с.

Маслов, Беров 1985 – *Маслов А.А., Беров М.Л.* Медицина Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 141 с.

Митрофанова 2019 – *Митрофанова А.А.* Эвакогоспитали Ульяновского региона: деятельность в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) //Вестник Екатерининского института. – 2019. – № 1(45). – С. 79-82. – EDN RIMPNE.

Ортанова, Муратова 2021 – *Ортанова Ю.А., Муратова Е.Г*. Андрей Иванович Щеголев – один из старейших преподавателей исторического отделения Кабардино-Балкарского государственного университета // Перспектива – 2021: Материалы Международной научной конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Нальчик: Каб- Балк. ун-т, 2021. С. 223-227.

Попова, Шубина 2016 – *Попова Н.М., Шубина Л.Л.* История работы эвакогоспиталей Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Труды Ижевской государственной медицинской академии: сборник научных статей. Том 54. – Ижевск: ГББУ ВПО «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2016. – С. 24-25. – EDN YILCSV.

Поляков 2022 – *Поляков Р.Ю.* Деятельность эвакогоспиталей Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2022. – № 3. – С. 31-42. doi: 10.21685/2072-3024-2022-3-3

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

Тетуев 2024 – *Тетуев А.И.* Повседневная жизнь населения в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии) – Нальчик: Принт Центр. 2024. – 415 с.

Тетуев 2022 – *Тетуев А.И.* Меры социальной поддержки эвакуированного населения в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 2(71). – С. 49-56. – DOI 10.54398/1818510X_2022_2_49. – EDN NVEXQB.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

Хакуашев 1978 – *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 318 с.

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

REFERENCES

Gazeta Sotsialisticheskaya Kabardino-Balkariya. 1943. [Newspaper Socialist Kabardino-Balkaria. 1943]. (In Russ.).

BOBII B.V., GONCHAROV S.F. *K voprosu o sozdanii i deyatel'nosti ehvakogospitalei Narkomzdrava SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg* [On the issue of the creation and activities of evacuation hospitals of the USSR People's Commissariat of Health during the Great Patriotic War of 1941-1945]. IN: Meditsina katastrof. – 2020. – № 2. – P. 5-16. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya: Tyl i front 1941-1945 (k 60-letiyu Velikoi Pobedy) [Kabardino-Balkaria: Rear and Front 1941-1945 (for the 60th anniversary of the Great Victory)]. sost.: KH.M. Dumanov, V.KH. Kazharov, A.I. Tetuev, O.L. Opryshko. – Nal'chik: Ehl'fa, 2005. – 340 p. (In Russ.).

MASLOV A.A., BEROV M.L. *Meditsina Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Medicine of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1985. – 141 p. (In Russ.).

MITROFANOVA A.A. *Ehvakogospitali Ul'yanovskogo regiona: deyatel'nost' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945 gg.)* [Evacuation hospitals of the Ulyanovsk region: activities during the Great Patriotic War (1941-1945)]. IN: Vestnik Ekaterininskogo instituta. – 2019. – № 1(45). – P. 79-82. . (In Russ.).

ORTANOVA YU.A., MURATOVA E.G. Andrei Ivanovich Shchegolev – odin iz stareishikh prepodavatelei istoricheskogo otdeleniya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta [Andrey Ivanovich Shchegolev is one of the oldest teachers of the history department of the Kabardino-Balkarian State University]. IN: Perspektiva – 2021: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. – Nal'chik: Kab- Balk. un-t, 2021. – P. 223-227. (In Russ.).

POPOVA N.M., SHUBINA L.L Istoriya raboty ehvakogospitalei Udmurtii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [History of the work of evacuation hospitals in Udmurtia during the Great Patriotic War]. IN: Trudy Izhevskoi gosudarstvennoi meditsinskoi akademii: sbornik nauchnykh statei. Tom 54. – Izhevsk: GBBU VPO «Izhevskaya gosudarstvennaya meditsinskaya akademiYA» Ministerstva zdravookhraneniya Rossiiskoi Federatsii, 2016. – P. 24-25. – EDN YILCSV. (In Russ.).

POLYAKOV R.YU. *Deyatel'nost' ehvakogospitalei Penzenskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Activities of evacuation hospitals in the Penza region during the Great Patriotic War]. IN: Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. – 2022. – № 3. – P. 31-42. doi:10.21685/2072-3024-2022-3-3 voiny (1941-1945 gg.) (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History] (In Russ.).

TETUEV A.I. *Povsednevnaya zhizn' naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. (na primere Kabardino-Balkarii)* [Everyday life of the population during the Great Patriotic War of 1941-1945 (on the example of Kabardino-Balkaria)]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print TsentR», 2024. – 415 p. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Mery` social`noj podderzhki e`vakuirovannogo naseleniya v period Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941-1945 gg. (na primere Kabardino-Balkarii)* [Social support measures for the evacuated population during the Great Patriotic War of 1941-1945 (using the example of Kabardino-Balkaria)]. IN: Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura. – 2022. – № 2 (71). – P. 49-56. – DOI 10.54398/1818510X_2022_2_49. – EDN NVEXQB.

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Administration of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby KBR [Administration of the Center for Documentation of Contemporary History of the Ar-chival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

KHAKUASHEV E.T. *Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941 – 1945)* [Kabardino-Balkarian ASSR during the Great Patriotic War (1941-1945)]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1978. – 318 p. (In Russ.).

Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] . (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Тетуев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.I. Tetuev – Doctor of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 19.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 19.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 94:338.48(470.620)«1945/1950»
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-83-91
EDN: EIWSCX

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННЫХ ОБЪЕКТОВ НА ЮГЕ СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Людмила Владимировна Гурова[1], **Ирина Михайловна Федина**[2]
[1,2] Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
[1] lyuda.gurova.96@bk.ru, https://orcid.org/0009-0009-8502-6122
[2] ir_lap@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3208-9631

Аннотация. В статье исследуется восстановительный период туристско-экскурсионных объектов в послевоенное время в отдельно взятом регионе. До начала Великой Отечественной войны Краснодарский край являлся важнейшим центром туристско-экскурсионной деятельности, отличающийся от других регионов Советского Союза наличием разнообразных природных, историко-культурных объектов, многообразием туристических маршрутов, а также средств размещения необходимых для отдыха советских граждан. В ходе исследования был сделан вывод о том, что в послевоенное время, наряду с восстановлением всех отраслей промышленности и сельского хозяйства, государство активно способствовало развитию туристской инфраструктуры и экскурсионной деятельности. При этом уделялось внимание как физическому, так и патриотическому воспитанию советских граждан. Особое внимание придавалось объектам героического прошлого страны. Рассмотрен процесс восстановления индустрии туризма и развития его материальной и кадровой базы. Обращение к данной проблеме требует объективного подхода, продиктованного целью познания исторической правды.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; восстановление; туризм; турбазы; экскурсии; турпоходы; отдых.

Для цитирования: Гурова Л.В., Федина И.М. Восстановление туристско-экскурсионных объектов на юге СССР в послевоенный период (на материалах Краснодарского края) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 83-91. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-83-91. EDN: EIWSCX.

© Гурова Л.В., Федина И.М., 2026

Original article

RESTORATION OF TOURIST AND EXCURSION SITES IN THE SOUTH OF THE USSR IN THE POST-WAR PERIOD (BASED ON THE KRASNODAR TERRITORY)

Liudmila V. Gurova[1], **Irina M. Fedina**[2]
[1,2] Kuban State University, Krasnodar, Russia
[1] lyuda.gurova.96@bk.ru, https://orcid.org/0009-0009-8502-6122
[2] ir_lap@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3208-9631

Abstract. This article examines the post-war recovery of tourist and excursion sites in a specific region. Before the Great Patriotic War, Krasnodar Krai was a key center for tourism and excursion activities, distinguished from other regions of the Soviet Union by its diverse natural, historical, and cultural sites, a variety of tourist routes, and the accommodations necessary for Soviet citizens' vacations. Our research concluded that in the post-war period, along with the restoration of all sectors of industry and agriculture, the state actively promoted the development of tourism infrastructure and excursion activities. Attention was paid to both the physical and patriotic education of Soviet citizens and particular attention was paid to sites from the country's heroic past. The process of restoring the tourism industry and developing its material and human resources is examined. Addressing this issue requires an objective approach dictated by the goal of uncovering the historical truth**.**

Keywords: The Great Patriotic War; reconstruction; tourism; tourist centers; excursions; hiking; recreation.

For citation: Gurova L.V., Fedina I.M. Restoration of Tourist and Excursion Sites in the South of the USSR in the Post-War Period (Based on the Krasnodar Territory). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 83-91. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-83-91. EDN: EIWSCX.

© Gurova L.V., Fedina I.M., 2026

Введение

В 81-ю годовщину Победы над фашистской Германией вновь пробудился небывалый интерес исследователей к процессу восстановления разрушенного народного хозяйства. Последствия Великой Отечественной войны и поныне особая тема в исторической науке. Исследования, затрагивающие проблематику туристско-экскурсионной деятельности в изучаемый период и восстановительные мероприятия в конкретном регионе, не получили должного изучения в региональной историографии. Некоторые аспекты развития туристской инфраструктуры отразили в своих в публикациях А.В. Остапчук [Остапчук 2016], О.В. Шульгина и Д.П. Шульгина [Шульгина О., Шульгина Д. 2021], М.А. Малиш [Малиш 2024], Г.П. Долженко [Долженко 1988], Г. Усыскина [Усыскин 2000], А.Д. Попова [Попов 2008].

Изучение данной проблемы базируется на архивных материалах Государственного архива Краснодарского края. В частности, в фонде Р 1624 «Краевой совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС г. Краснодар» отложились документы, которые позволяют проанализировать мероприятия по восстановлению туристской отрасли в регионе, вопросы строительства и реконструкции лагерей и приютов, методические разработки экскурсий и описания туристических маршрутов.

До начала Великой Отечественной войны Краснодарский край являлся центром активной туристической локации, где функционировала широкая сеть учреждений (станций, домов туристов, лагерей, секций) туристско-экскурсионного профиля. Широкое развитие получил массовый туризм, различные виды пешеходного, автомобильного, познавательного и пляжного отдыха. Важно, что благодаря вовлечению советских граждан в разветвлённую сеть туристических клубов и секций на предприятиях, приобретённые там трудящимися навыки по альпинизму сыграли положительную роль в разгроме специальных горных частей германского фашизма.

Восстановление туристской инфраструктуры

Великая Отечественная война нанесла урон всем отраслям народного хозяйства Советского Союза, в том числе и туристской инфраструктуре. Туристские организации Краснодарского края лишилась своего имущества, был утрачен практически весь собранный ранее методический и краеведческий материал, специальная литература. С началом войны туристические объекты, как дома туриста, лагеря перепрофилированы, деятельность туристско-экскурсионного управления (ТЭУ) была прекращена, имущество и инвентарь были использованы для нужд фронта.

Возобновление туристско-экскурсионной деятельности состоялось в апреле 1945 г. после решения Всесоюзного центрального совета Профессиональных союзов. В постановлении отмечалось: «…Восстанавливается деятельность ТЭУ ВЦСПС и его территориальных управлений с целью показа и ознакомления трудящихся с героикой Великой Отечественной войны, социалистическим строительством нашей Родины, ростом культуры народов, населяющих СССР, экономикой, географией, природными богатствами страны, популяризации естественно-научных знаний, а также пропаганды туризма как массового культурного отдыха трудящихся СССР» [Долженко 1988: 74].

Выход в свет Постановления секретариата ВЦСПС от 24 апреля 1945 г. можно считать началом организационных мероприятий, направленных на восстановление деятельности туристско-экскурсионного управления по Краснодарскому краю. Причем в указании секретариата ВЦСПС директива обязывала немедленное выполнение. Стояла задача скорейшего восстановления туристско-экскурсионной работы с целью «показа трудящимся природных богатств ее экономики, истории, культуры, быта народов, героики Гражданской и Великой Отечественной войн, а также пропаганды туризма» [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 2. Л. 16].

В первую очередь встала задача обследования туристических объектов края и проведения их качественного ремонта, что способствовало к открытию первого послевоенного туристского сезона.

Многие туристические объекты на протяжении всей Отечественной войны и впоследствии использовались для нужд различных организаций. Общую характеристику состояния домов туриста дал инженер Крылов *(имя нам не удалось установить*) после детального обследования, охарактеризовавший их состояние фразой: «…бывало и хуже, но дальше некуда» [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

Потребовалось вмешательство надлежащих организаций и принятие соответствующих мер административного, судебного порядка, чтобы занимаемые помещения были освобождены (за исключением Краснодарского дома туриста).

Будучи по делам службы ТЭУ, Крылов стал свидетелем разрушения домов туриста в Сочи-Аше, докладывая: «Мы вынуждены были осуществлять капитально-восстановительный ремонт, производить крайне необходимые аварийные работы, не допуская дальнейшего разрушения» [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д.1. Л. 2].

В ходе восстановительных работ отмечалась острая нехватка инвентаря и расходных материалов. Не хватало самого необходимого: кроватей, матрацев, подушек, одеял. стульев, прикроватных тумбочек, шкафов и пр., не говоря уже о таком необходимом, как графины, супники, салфетки, скатерти и др. О

комфортном пребывании отдыхающих в доме туриста мечтать не приходилось и материальное положение дел оставалось весьма удручающим.

Вопрос комфорта в домах туриста оставался наиболее сложным и без помощи ТЭУ, самостоятельно, дома туриста решить проблему с обеспечением не могли. Сложнее всего обстояло дело с туристским снаряжением – палатками, рюкзаками, спортивными костюмами. Туристы вынуждены были даже отправляться в турпоходы с чемоданами вместо рюкзаков.

Кроме материального положения в туристских домах весьма остро стоял и кадровый вопрос. Из общего количества утвержденного штата в 186 единиц на период консервации по домам туриста было утверждено всего 28 чел. [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 1. Л. 3] Требовались инструкторы для работы с туристами, экскурсоводы, массовики, организаторы и методисты, и даже бухгалтеры и экономисты. Специального профессионального образования персонал «домов туриста» не имел, а их стаж работы исчислялся от 3 до 12 мес. Руководство «домами туриста» велось исключительно членами ВКП(б); так в самом управлении работало восемь коммунистов, в Сочинском доме туриста – девять и в Аше – шесть.

Работа персонала в домах туристов была организована круглосуточно, а оформлением документов занимались диспетчеры и паспортисты. Имелись установленные кадры сторожей и пожарников, в основном, по два человека на каждый дом туриста, что считалось заниженным и ни в коей мере не обеспечивающим сохранность социалистического имущества. Вследствие не компактности жилых корпусов и их разбросанности, для каждого дома туриста требовались, с учетом круглосуточного дежурства, 5-6 человек. Встреча прибывающих туристов и их организованный отъезд возлагался на так называемых «агентов-эвакуаторов», каковые штатным расписанием предусмотрены не были.

Кроме того, от каждого «дома туриста» требовали организации культмассовых мероприятий, хотя должность массовика также не предусматривалась штатом. Следует отметить, что в штатном расписании отсутствовала также должность экскурсовода, что лишало возможности обслуживания целого комплекса мероприятий, не говоря уже о закреплении и выращивании собственных кадров в процессе работы [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д.1. Л. 4].

Обеспечение туристов неотложной медицинской помощью является неоспоримым фактом, тем не менее в штате ни одного дома туриста, за исключением Аше, не было ни врача, ни медсестры.

В трудное послевоенное время особенно остро стоял вопрос снабжения туристов, поэтому во всех домах туристов поощрялось ведение подсобного хозяйства, а вот должности агронома и заведующего подсобным хозяйством не было, что приводило к низкому качеству работы. Продовольственная проблема осложнялась еще и действующей карточной системой, и тем обстоятельством, что большинство домов туристов находилось в сельской местности.

К лету 1947 г. в Краснодарском крае открыли свои двери дома туристов в Геленджике и Джубге на 60 койко-мест в каждом, что дало начало процессу освоения новых маршрутов. Значительно пополнился парк автотранспорта, который состоял из девяти автомашин, включая ЗИС-5 – 2 шт., ГАЗ АА- 2 шт., газ-автобус-3, «Додж» – 1 шт. и один ГАЗ 67 [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 3. Л. 8].

За два послевоенных года (1946 и 1947) по туристским маршрутам прошли десятки тысяч трудящихся. Особенно популярным стало Черноморское побережье Кавказа протяженностью около 640 км от Батуми до Анапы, представлявшее собой одну курортную зону. В особенности привлекал туристов Сочи – эта замечательная здравница нашей страны, по праву считавшаяся жемчужиной советских курортов [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д.2. Л. 23]. Следует отметить, что к началу Отечественной войны курорт Сочи – Мацеста насчитывал 62 здравницы, в которых лечилось и отдыхало одновременно около 10 тыс. советских трудящихся. Для обслуживания города-курорта создавались крупные предприятия, оснащенные современной техникой – мясокомбинат, хлебозавод, консервно-фруктовый комбинат и ряд других предприятий местной кооперативной промышленности [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д.2. Л. 24]. Общая сумма вложений в строительство города-курорта в советский период достигла 2 млрд. рублей [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 2. Л. 18].

В годы войны и после её окончания город-курорт со всеми здравницами и бальнеологическим хозяйством превратился в город-госпиталь. Но уже в 1947 г. курорт снова заработал на полную мощность [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 2. Л. 16].

Организация работы турбаз

В целях единого наименования туристско-экскурсионных организаций, непосредственно обслуживающих туристов и экскурсантов, и с учётом разностороннего характера выполняемой работы, в 1948 г. все дома туриста и туристические лагери были переименованы ТЭУ ВЦСПС [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 3. Л. 26] в «Туристские базы». Отметим, в 1948 г. директором Краснодарского ТЭУ назначают Першина Федора Евсеевича, возглавлявшего управление долгие годы.

Туристская база ставила своей задачей туристское и экскурсионное обслуживание в целях показа природных богатств и социалистического строительства страны, её экономики, истории, культуры, быта народов, героики Гражданской и Великой Отечественной войны, а также пропаганды туризма. На туристские базы возлагалось широкое осведомление трудящихся о местных достопримечательностях и экскурсионных объектах, организация и ведение экскурсий всех видов (пешеходных, автомобильных, велосипедных, лыжных, водных и др.), как городских, так и загородных, а также консультирование по вопросам туризма и экскурсий.

Ещё одним важным направлением работы турбаз являлось предоставление туристам и экскурсантам ночлега, питания, культурного отдыха, а в необходимых случаях и первой медицинской помощи. Сюда же включались организация проката туристического снаряжения и содействие в передвижении по ж/д, водным, воздушным, и шоссейным путям сообщения, равно как и содержание для туристов библиотеки, радиоустановки, спортплощадки, киноустановки, фотолаборатории, транспортных средств.

Туристские базы находились в непосредственном введении туристско-экскурсионного управления ВЦСПС и функционировали на началах хозрасчёта, в

соответствии с плановыми заданиями указанного управления [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 6. Л. 2].

При турбазе могло быть организовано подсобное сельское хозяйство, а также предприятия бытового обслуживания туристов и экскурсантов (парикмахерские, сапожные и портняжные мастерские и т.п.).

Одной из популярнейших турбаз в послевоенное время стала Хостинская турбаза, расположенная на склоне горы, с которой открывался чарующий вид на посёлок и бухту, живописно ограниченную мысом. По плану Хостинская турбаза принимала за сезон до 5 тыс. туристов [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 5. Л. 5].

На турбазе «АШЕ» к 1950 г. было разработано восемь экскурсионных маршрутов, из них пять плановых и три неплановых [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 5. Л. 8]. Там же на постоянной основе работали два инструктора по туризму и один экскурсовод. За указанный период силами экскурсионных работников было проведено 373 экскурсии. На этой же турбазе впервые начала проводиться работа по сдаче норм на значок «турист СССР». Согласно плану ЦТЭУ, за сезон турбаза должна была подготовить 300 чел. так называемых «значкистов».

Отметим, в этот период турбазы становятся центрами спортивного туризма, пропагандируя активный отдых, с походами и экскурсиями, разрабатывая категорийные походы для получения значка «турист СССР». На турбазе Аше был разработан для сдачи нормативов зачетный маршрут протяженностью в 90 км, который начинался с турбазы Аше и проходил через Ашейский хребет, долину реки Аше и далее по долине (а местами по руслу реки) направлялся в Красно-Александровские аулы, расположенные от турбазы в 15 км. Миновав аулы, маршрут устремлялся по течению реки Бекшай (приток р. Аше) и ущелью через Чертов мост и далее тянулся 20 км по хребтам, покрытым сплошным лесом, до Лысой горы. С Лысой горы маршрут проходил грядой хребтов по направлению к верховьям реки Псезуапсе и спускался к руслу этой реки. От места спуска к реке маршрут далее тянулся на 45 км вниз по течению реки от Лысой горы до ст. Лазаревской.

Первая группа, прошедшая по этому зачетному маршруту, состояла исключительно из девушек. Главная трудность, с которой пришлось столкнуться туристам, заключалась в отсутствии туристского снаряжения на турбазе. Из отчёта становится известно, что ни одна из девушек не имела спортивного костюма, не было ни одного рюкзака, ни пары туристской обуви. К началу сезона имелось лишь 2 палатки-«гималайки». Первую группу по зачетному маршруту пришлось отправить практически при отсутствии туристского снаряжения, если не считать шести вещевых мешков, сшитых на турбазе из неподходящего материала: мешки были малого размера, лямки свертывались в рубцы, что сильно затрудняло поход туристов.

Из-за того, что походных палаток на всех участников похода не хватало, на турбазе во время похода практиковали ночлег у костра в парусиновых чехлах. Поход по продолжительности составлял 4 дня и 3 ночи. В день возвращения из похода проводился туристский костер, где вручались значки «Турист СССР».

Но всё же большинство туристов предпочитали пассивный пляжный отдых. В отчётах директоров турбаз отмечалось, «многие туристы 20-30 дней лежали на

пляже с трудом допустив для себя посещение одной или двух экскурсий» [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 5. Л. 15-16]. Зачастую это вызывало и не очень дружеские дискуссии среди отдыхающих на турбазе. Иногда участники похода очень резко в своих выступлениях критиковали такой отдых. Дирекция турбаз считало это явление ненормальным и со своей стороны предупреждало ЦТЭУ, о том, что не следует превращать турбазу в дом отдыха. Во многих случаях на турбазы по радиальным путевкам прибывали пожилые люди, инвалиды и люди не способные заниматься туризмом. А вот студенчество жаловалось на то, что очень трудно достать путевку. Многие из них прибывали на турбазы по так называемым «радиальным путевкам», которая предполагала такой путь передвижения, когда турист находился на турбазе, выполняя программу походов и экскурсий с одного туристического центра (базы). Также так называли маршрут, начинавшийся и заканчивавшийся в одном и том же географическом пункте, откуда турист путешествовал в другие пункты пребывания, всегда возвращаясь в одно и то же место и имея 2-3 десятидневные путевки.

Несмотря на эти трудности, к примеру турбаза «Аше» подготовила 242 «значкиста» за сезон 1950 г. Группой туристов в составе 21 чел. был совершен высокогорный переход из Красной поляны до оз. Рица [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 46. Л. 4-5].

Согласно отчётам работы турбаз к началу сезона 1951 г. в Краснодарском крае функционировали Ашейская, Сочинская, Краснополянская, Краснодарская, Хостинская. Хаджокская, Гузерипльская и Архипо-Осиповская, основной задачей которых стала организация и осуществление для трудящихся пешеходных, автомобильных, велосипедных, лыжных, водных и иных экскурсий [ГАКК. ФР. 1624. Оп. 1. Д. 17. Л.5].

Заключение

Таким образом, в послевоенное время государством предусматривалось не только восстановление стратегических промышленных объектов, но и возрождение туристско-экскурсионной работы и, прежде всего, инфраструктуры. В первые послевоенные годы туризм не был массовым, ввиду ряда проблем, среди которых слабое, минимальное, нестабильное обеспечение и финансирование, отсутствие технического оснащения. Развитие туризма в послевоенное время не только способствовало знакомству с природой, достопримечательностями и подвигами советских граждан, но и служило пропагандой активного отдыха, направленного на физическое развитие и укрепление здоровья советских тружеников. Особенностью развития послевоенного туризма стало усиление идеологического содержания туристско-экскурсионной работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Долженко 1988 – *Долженко Г.П.* История туризма в дореволюционной России и СССР. – Издательство Ростовского университета, 1988. – 192 с.

Малиш 2024 – *Малиш М.А.* Историко-культурное наследие в музейно-экскурсионном пространстве Краснодарского края // Социально-гуманитарный Вестник: Всероссийский сборник научных трудов. – Вып. 35. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2024. – С. 98-101.

Остапчук 2016 – *Остапчук А.В.* Становление и развитие туризма в Крыму: ретроспектива и перспектива // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2016. – Т. 2(68), № 1. – С. 159-163.

Попов 2008 – *Попов А.Д.* Крымская детская экскурсионно-туристическая станция в послевоенный период (1940-1950-е гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «История». – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 133-139.

Усыскин 2000 – *Усыскин Г.* Очерки истории российского туризма. – СПб.: Герда, 2000. – 224 с.

Шульгина О., Шульгина Д. 2021 – *Шульгина О.В., Шульгина Д.П.* Советский период в истории развития туризма в России: интеграция культурного наследия, государственной политики, идеологии, экономики // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 3. – С. 150-164. – DOI: 10.7256/2454-0609.2021.3.36062.

REFERENCES

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archive of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

DOLZHENKO G.P. *Istoriya turizma v dorevolyutsionnoi Rossii i SSSR* [The history of tourism in pre-revolutionary Russia and the Soviet Union]. – Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1988. – P. 118-119. (In Russ.).

MALISH M.A. *Istoriko-kul'turnoe nasledie v muzeino-ekskursionnom prostranstve Krasnodarskogo kraya* [Historical and cultural heritage in the museum and excursion space of the Krasnodar region] IN: Sotsial'no-gumanitarnyi Vestnik: Vserossiiskii sbornik nauchnykh trudov. – Barnaul : IP Kolmogorov I.A., 2024. – P. 98-101. (In Russ.).

OSTAPCHUK A.V. *Stanovlenie i razvitie turizma v Krymu: retrospektiva i perspektiva* [Formation and development of tourism in Crimea: retrospective and prospect] IN: Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie. – 2016. – T. 2(68), № 1. – P. 159-163. (In Russ.).

POPOV A.D. *Krymskaya detskaya ekskursionno-turisticheskaya stantsiya v poslevoennyi period (1940-1950-e gg.)* [The Crimean Children's Excursion-Tourist Station in a post-war period (1940th-1950th)] IN: Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo Seriya «Istoriya». – 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 133-139. (In Russ.).

USYSKIN G. *Ocherki istorii rossiiskogo turizma* [Essays on History of Russian tourism]. – SPb.: Gerda, 2000. – 224 p. (In Russ.).

SHUL'GINA O.V., SHUL'GINA D.P. *Sovetskii period v istorii razvitiya turizma v Rossii: integratsiya kul'turnogo naslediya, gosudarstvennoi politiki, ideologii, ekonomiki* [Soviet period in the history of tourism development in Russia: integration of cultural heritage, government policy, ideology, and economy] IN: Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. – 2021. – № 3. – P. 150-164. (In Russ.).

Информация об авторах

Л.В. Гурова– аспирант.

И.М. Федина – доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors

L.V. Gurova – Postgraduate student.

I.M. Fedina – Doctor of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 390.4+323.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-92-107
EDN: GPWTXY

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АБХАЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ МАХАДЖИРСТВА К ГЛОБАЛЬНОЙ ДИАСПОРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Тамара Гурамовна Айба
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, tamar.ayba@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8795-4701

Аннотация: В представленной работе осуществлен комплексный этнологический анализ миграционных процессов в абхазском обществе, интерпретируемых в парадигме культурной травмы. С XIX по XXI вв. данные процессы выступали одним из факторов фундаментальной трансформации социальной структуры и коллективной идентичности абхазов. Исследование сфокусировано на генезисе миграции, детерминированной политикой Российской империи на Кавказе и послужившей одним из факторов формирования в последующем глобальной диаспоральной сети. Анализируются современные драйверы миграционных потоков, включая последствия военно-политических конфликтов XX в., а также их социально-демографические последствия для исторической родины, выразившиеся в радикальной трансформации этнодемографического ландшафта Абхазии. Особое внимание уделяется стратегиям конструирования и поддержания этнической идентичности в условиях диаспоры, в частности институционализации культурных практик, роли этнических ассоциаций и использованию цифровых технологий для трансляции культурного наследия. Центральным для анализа является этический кодекс – *апсуара* как ключевой механизм резистентности ассимиляционным давлениям и сохранения культурной аутентичности. Делается вывод о том, что абхазская диаспора эволюционировала в динамичный транснациональный социальный организм, пребывающий в состоянии постоянного диалога с исторической родиной и выступающий в качестве активного агента глокализации абхазской идентичности.

Ключевые слова: абхазское общество, миграционные процессы, махаджирство, диаспора, этническая идентичность, апсуара, культурная травма, социально-демографическая трансформация.

Для цитирования: Айба Т.Г. Миграционные процессы в абхазском обществе: от махаджирства к глобальной диаспоре первой четверти XXI века // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 92-107. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-92-107. EDN: GPWTXY.

© Айба Т.Г., 2026

Original article

MIGRATION PROCESSES IN ABKHAZIAN SOCIETY: FROM MAHAJIRISM TO THE GLOBAL DIASPORA IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY

Tamara G. Ayba
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, tamar.ayba@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8795-4701

Abstract: This paper presents a comprehensive ethnological analysis of migration processes in Abkhaz society, interpreted through the paradigm of cultural trauma. From the 19th to the 21st centuries, these processes have initiated a fundamental transformation of the social structure and collective identity of the Apsua. The study focuses on the genesis of migration, determined by the colonial policy of the Russian Empire in the Caucasus, which led to the formation of a global diaspora network. Contemporary drivers of migration flows are analyzed, including the consequences of military-political conflicts of the 20th century, as well as their socio-demographic consequences for the historical homeland, expressed in a radical transformation of the ethno-demographic landscape of Abkhazia. Particular attention is paid to strategies for constructing and maintaining ethnic identity in the diaspora, in particular, the institutionalization of cultural practices, the role of ethnic associations, and the use of digital technologies for the transmission of cultural heritage. Central to the analysis is the ethno-ethical code Apsuara as a key mechanism of resistance to assimilation pressures and the preservation of cultural authenticity. It is concluded that the Abkhaz diaspora has evolved into a dynamic transnational social organism, engaged in a constant dialogue with the historical homeland and acting as an active agent of glocalization of Abkhaz identity.

Keywords: Abkhaz society, migration processes, Muhajirism, diaspora, ethnic identity, Apsuara, cultural trauma, socio-demographic transformation.

For citation: Ayba T.G. Migration Processes in Abkhazian Society: From Mahajirism to the Global Diaspora in the First Quarter of the 21st Century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 92-107. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-92-107. EDN: GPWTXY.

© Ayba T.G., 2026

Введение

Миграционные процессы, определяющие судьбу абхазского народа на протяжении последних двух столетий, выходят далеко за рамки демографического явления. Формирование глобальной диаспоры, рассеянной, по экспертным оценкам Всемирного абхазо-абазинского конгресса (ВААК), более чем в 60 странах мира[1] и численно сопоставимой с населением исторической родины, представляет собой результат глубокой культурной травмы, инициированной махаджирством XIX в. Это событие-разрыв не только изменило демографический ландшафт Абхазии, но и задало долгосрочную динамику трансформации коллективной идентичности, социальных структур и пространственных практик. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности в изучении данного феномена. В существующей историографии преобладает либо анализ махаджирства как исторического события [Дзидзария 1982], либо описание отдельных диаспоральных анклавов, преимущественно в Турции. В современной историографии отсутствуют работы, которые бы, опираясь на сложившийся к настоящему времени теоретический аппарат социологии и антропологии, осуществила синтез, связав историческую травму, стратегии культурного

[1] Апсадгьыл-инфо / Абхазская диаспора // Электронный ресурс. режим доступа: https://apsadgil.info/republic-of-abkhazia/diaspora/ (дата обращения – 16.11.2025.)

выживания на родине, процесс институционализации диаспоры и новые цифровые формы солидарности в единую аналитическую модель. Такой синтез важен не только в академическом, но и в практическом ключе для понимания современных вызовов, стоящих перед абхазским обществом, включая проблемы репатриации и сохранения языка.

Целью статьи является комплексный этнологический анализ миграционных процессов как сквозного фактора, определившего трансформацию абхазской идентичности с XIX в. до наших дней.

Для достижения цели сформулирована следующая задача: проследить историческую трансформацию абхазской идентичности как результат перманентного миграционного опыта, выявив механизмы перехода от травмы вынужденного исхода (махаджирства) к формированию глобальной, институционализированной и цифровым образом интегрированной диаспоры, способной к воспроизводству этнокультурного кода – *апсуара (абх.)* в условиях как демографической уязвимости на исторической родине, так и рассеяния в иноэтничных ландшафтах.

Методология исследования образует основана на стратегии триангуляции, сочетающая качественные и теоретико-интерпретативные подходы исторической этнологии, социологии и цифровой антропологии.

В качестве центральной объяснительной модели избрана концепция культурной травмы американского социолога Джеффри Александера. Концепция культурной травмы была сформулирована Дж. Александером и его соратниками в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Основным трудом, в котором были представлены основополагающие идеи данного подхода, стала коллективная монография «Cultural Trauma and Collective Identity», опубликованная в 2004 г. В данной работе Дж. Александер, совместно с Р. Айерманом, Б. Гизеном и Н. Смелзером, изложил основополагающие постулаты новой теоретической парадигмы [Alexander 2004].

Обращение к данному теоретическому аппарату продиктовано самой природой изучаемого феномена: миграционные процессы, определившие судьбу абхазского народа на протяжении последних двух столетий, не могут быть адекватно поняты в категориях демографической статистики или экономической миграции. Они требуют анализа тех глубинных смысловых структур, которые сформировались в результате опыта махаджирства XIX в. и воспроизводятся в коллективном сознании по сей день.

Дж. Александер рассматривает культурную травму как процесс символического конструирования, в ходе которого событию придается значение угрозы коллективной идентичности [Alexander 2004]. Для настоящего исследования это означает смещение фокуса с хронологии исхода на механизмы его осмысления и трансляции через поколения. Именно в этой парадигме махаджирство предстает не как факт прошлого, а как постоянно актуализируемый «разрыв», вокруг которого кристаллизуется абхазское самосознание.

Работы Н. Смелзера, акцентирующего роль общественной рефлексии в превращении разрушительных событий в травму [Smelser 2004], позволяют понять, как последующие волны миграции (после революций, войн, распада СССР)

наслаивались на исходную травму, каждый раз заново актуализируя память о махаджирстве.

Исследования П. Штомпки, посвященные трансформации коллективной памяти в посткоммунистических обществах [Sztompka 2004], помогают объяснить парадоксальную ситуацию советского периода: травма не исчезла в условиях внешней стабильности, но ушла в латентные формы, проявляясь в стратегиях «тихого сопротивления» – сохранении языка, родовых структур *абипара (абх.)* и этического кодекса *ансуара*.

Р. Айерман, рассматривающий культурную травму как форму культурной памяти, позволяющую группам выстраивать устойчивую идентичность перед лицом исторических унижений, дает ключ к пониманию феномена диаспоры [Eyerman 2004]. Потомки махаджиров наследуют не только память о родине, но и само переживание утраты, что превращает «абхазскость» для многих из них в осознанный выбор.

Концепция Б. Гизена «травмы исполнителей» [Giesen 2004] так же применима к анализу махаджирства. В этой рамке махаджирство выступает не только как травма абхазского народа, но и как непроработанный элемент российской исторической памяти. Модель позволяет сместить фокус с фиксации факта вынужденного переселения на анализ механизмов коллективной памяти и формирования идентичности у потомков махаджиров и исполнителей.

Таким образом, опора на теорию культурной травмы позволяет осуществить заявленный во введении синтез: связать историческое событие, стратегии выживания на родине, институционализацию диаспоры и современные формы солидарности в единую аналитическую модель, адекватную сложности изучаемого феномена.

Дополнительную теоретическую основу составляют: теория диаспор и транснационализма К. Тололян, Н. Глик Шиллер, С. Вертовек [Tölölyan 1996; Levitt, Glick-Schiller 2004; Vertovec 2001], позволяющая рассматривать зарубежные сообщества как активные транснациональные сети, поддерживающие множественные социальные поля, а не как пассивные «осколки» нации.

Конструктивистский подход к этничности и нации Ф. Барта и Б. Андерсона необходимый для анализа того, как границы «абхазскости» и образ исторической родины Апсны постоянно переопределяются в условиях рассеяния и взаимодействия с другими культурами [Barth 1998; Андерсон 2001].

Источниковую базу работы составляют четыре группы материалов. К первой относятся полевые материалы автора (ПМА): в период 2022–2024 гг. было проведено включенное наблюдение на мероприятиях абхазских культурных центров в Стамбуле и Сухуме. Вторую группу образуют документальные и статистические источники, включая данные российских и советских переписей населения, анализ которых позволил реконструировать долгосрочные демографические тренды. В третью группу входят: законодательные акты РА (Закон «О репатриации»[1] и публичные отчеты ВААК. В четвертую группу входят цифровые

[1] Конституционный закон Республики Абхазия «О репатриантах» (с изменениями от 8 ноября 2005 г. № 1167-с-XIV)

источники: осуществлен контент-анализ ключевых диаспоральных онлайн-платформ (AbkhazWorld[1], официальные ресурсы ВААК, крупные сообщества в Facebook и Instagram[2]) за период 2020–2024 гг. Таблица 1 составлена на основе сводных данных исследований В.М. Кабузана [Кабузан 2012] и архивных материалов ЦГА Абхазии, что позволяет реконструировать долгосрочные демографические тренды.

Махаджирство в XIX в.: генезис миграционной травмы

Феномен махаджирства, ставший символом этой эпохи, не был единовременным актом, а растянулся на десятилетия, принимая характер вынужденного исхода, где решения о переселении в пределы Османской империи были зачастую продиктованы не столько религиозным долгом (хотя исламский дискурс «хиджры» использовался), сколько стратегией физического выживания рода в условиях военного насилия и лишения земель. Массовый и вынужденный исход коренных жителей Кавказа в пределы Османской (Турецкой) империи, известный в истории под названием махаджирства (от араб. мухаджерет – переселение) [Дзидзария 1982]. Последующие волны миграции – после революций, войн, распада СССР и трагедии 1992-1993 годов – наслоились на эту исходную травму, воспроизводя паттерн вынужденного перемещения и углубляя диаспоральное сознание [Розанова 2013: 196].

Таблица 1. Национальный состав населения Абхазии в XIX-XX вв. (тыс. чел., %)[3]

Народы	1800	1833		1864		1867		1897		1905		1939		1959		1989	
	Чис Ло	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Число	%	Число	%
Всего В том числе:	75,0	77,3	100,0	93,0	100,0	73,1	100,0	106,2	100,0	134,5	100,0	311,9	100,0	404,7	100,0	525,1	100,0
абхазы	60,0	55,0	71,2	66,0	71,0	46,1	63,1	58,7	55,3	72,9	54,2	56,2	18,0	61,2	15,1	93,3	17,8
грузины	15,0	20,0	25,9	24,0	25,8	24,0	32,8	25,7	24,2	38,9	28,9	92,0	29,5	158,2	39,1	239,9	45,7
русские	-	-	-	-	-	-	-	5,2	4,9	1,2	0,9	60,2	19,3	86,7	21,4	74,9	14,3
армяне	-	2,3	2,9	3,0	3,2	3,0	4,1	6,6	6,2	15,9	11,8	49,7	15,9	64,4	15,9	76,5	14,6
греки	-	-	-	-	-	-	-	5,4	5,1	2,4	1,8	34,6	11,1	9,1	2,2	14,7	2,8
украинцы	-	-	-	-	-	-	-	0,8	0,8			8,6	2,8	11,5	2,8	11,7	2,2
прочие	-	-	-	-	-	-	-	3,8	3,5	3,2	2,4	10,6	3,4	13,6	2,9	14,1	2,6

Анализ демографической статистики (см. Таблицу 1) показывает не просто изменение пропорций, а радикальную трансформацию этнокультурного ландшафта Абхазии. Резкое сокращение доли абхазов с преобладающего большинства (свыше 80 % в начале XIX в.) до статуса этнического меньшинства (менее 18 % к концу советского периода) [Кабузан 2012: 400]. На фоне

[1]Abkhaz World // Электронный ресурс. Режим доступа: https://abkhazworld.com/aw/ (дата обращения – 16.11.2025).

[2] Социальные сети, принадлежащие компании Meta Platforms Inc., которая признана в России экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

[3] Динамика этнического состава населения Абхазии и Косово в XIX–XX вв. // Электронная библиотека ИРИ РАН // Электронный Ресурс. Режим Доступа: http://ebookiriran.ru/index.php?view=article&section=8&id=167#_edn10 (дата обращения – 16.11.2025.)

целенаправленного заселения территорий другими группами (прежде всего грузинами-мегрелами) переживалось абхазами, как угроза культурной автохтонности. Этот опыт сформировал устойчивый нарратив уязвимости и страха культурной ассимиляции, прочно укорененный в коллективной памяти народа. Даже в периоды относительного внешнего благополучия (например, в позднесоветскую эпоху) ощущение демографической маргинализации и угрозы утраты ключевых маркеров идентичности – языка, системы родства, календарной обрядности, этического кодекса – оставалось значимым элементом абхазского самосознания. Это ощущение проявлялось не столько в открытых декларациях, сколько в укорененных практиках повседневного сопротивления и стратегиях культурного выживания, передаваемых из поколения в поколение. Потеснённый русским в официальном делопроизводстве, высшем образовании и публичном пространстве крупных городов, язык тем не менее оставался не просто средством бытового общения – в сёлах и в семейном кругу он сохранял свою полноту. Он превратился в сакральный маркер «свой-чужой», в инструмент сохранения интимного пространства культуры. Знание тонкостей абхазской речи, ее идиом и пословиц, было пропуском в круг подлинной общины. Молодежь, свободно говорившая по-русски, но с трудом изъяснявшаяся на родном языке, воспринималась старшим поколением с тревогой как потенциально «отпавшая» от корня.

Система родства – *абипара*, этот сложнейший каркас абхазского общества, основанный на принципах экзогамии, взаимопомощи и строгой субординации, также существовала в двух плоскостях [Бахиа 1986]. Формально советы старейшин не имели прежней юридической силы, но их негласный авторитет в решении локальных споров, организации взаимопомощи и, главное, в регулировании браков оставался непререкаемым. Например, недопустимость браков внутри рода вплоть до 7-го колена оставался непререкаемым в сельской местности и среди горожан, поддерживающих тесные связи с родным селом. Нарушение этих норм каралось не законом, но мощнейшим социальным остракизмом, страхом перед гневом предков и утратой родовой чести

Календарная обрядность, связанная с аграрным циклом и почитанием святилищ, также сохранялась в непубличной сфере или трансформировалась. Официальные советские праздники могли накладываться на традиционные, но их суть часто переосмысливалась. Ритуалы, посвященные божествам плодородия, урожая, защиты от стихий, проводились тайно, в кругу доверенных родственников, у семейных или родовых святилищ. Особую значимость сохранили поминальные обряды и культ предков. «Поминальные субботы», сопровождавшиеся строго регламентированными действиями, жертвоприношениями и коллективными трапезами, оставались мощнейшим механизмом сплочения рода и актуализации коллективной памяти, часто вопреки атеистической доктрине. Несмотря на агрессивный проект государственной секуляризации, народная религиозность не была искоренена, но перешла во внутренний, приватный план в повседневные культурные практики. Верования в духов-покровителей мест, дома и хозяйства сохраняли свою символическую эффективность, проявляясь в ритуалах подношения скромных даров и практиках обращения за покровительством. В социокультурных исследованиях отмечается, что когнитивные схемы, посредством

которых индивиды интерпретируют угрозу, продолжают включать в себя такие феномены, как вера в магическое воздействие, к примеру сглаз или порча, а также обширные комплексы ритуалов, предназначенных для защиты от предполагаемых опасностей [Douglas 2001]. Данные концептуальные модели и связанные с ними поведенческие стратегии функционируют как установленные способы осмысления и реакции на непредсказуемость окружающего мира [Luhmann 1979]. Распространенность данных практик подчеркивает их роль в формировании коллективного чувства безопасности и контроля в условиях неопределенности. Фигуры знахарей, традиционных целителей и носителей альтернативного традиционного знания: трав, заговоров, диагностики сглаза**,** сохраняли высокий социальный капитал и доверие сообщества, образуя неформальную сеть вопреки доминирующему дискурсу официальной медицины.

Советский период: миграционная динамика и латентные формы сохранения идентичности

В советский период миграционные процессы, инициированные махаджирством XIX в., не прекратились, но приобрели новые формы и смыслы. С одной стороны, имела место внешняя миграция: небольшие, но устойчивые волны выезда абхазов за пределы СССР, преимущественно к родственникам в Турцию и страны Ближнего Востока, что поддерживало транснациональные связи и воспроизводило диаспоральное сознание. С другой стороны, внутри Абхазии происходили интенсивные внутриреспубликанские и межрегиональные перемещения: урбанизация, индустриализация, политика целенаправленного заселения прибрежных районов выходцами из Закавказья и других регионов СССР. Как показано в Таблице 1, доля абхазов в населении республики сократилась с 55,3 % в 1897 г. до 17,8 % в 1989 г., что превратило титульный этнос в меньшинство на исторической родине.

Этот процесс, сопряженный с изменением этнической структуры городов и сельской местности, переживался абхазским обществом не как объективная статистика, а как продолжение травмы вынужденного исхода. Согласно концепции культурной травмы П. Штомпки, в условиях внешней стабильности и отсутствия открытого конфликта травма не исчезает, а переходит в латентные формы, проявляясь в стратегиях «тихого сопротивления» [Sztompka 2004]. Именно такой механизм сработал в абхазском случае: демографическое давление и угроза ассимиляции привели к интериоризации защиты этнокультурных маркеров в приватную сферу.

В этом контексте ключевые элементы традиционной культуры – язык, система родства – *абипара (абх.)*, этический кодекс *апсуара (абх.)* – превратились из бытовых практик в инструменты сохранения коллективной идентичности перед лицом миграционно-демографического вызова. Этический кодекс *апсуара (абх.)* – «абхазство» как свод правил поведения, чести, гостеприимства и уважения к старшим – стал последним бастионом идентичности [Айба 2013], превратившись из бытовой практики в символическую границу, позволявшую сохранять отличительность в полиэтничной среде городов и рабочих поселков. Утрата языка в публичной сфере (делопроизводство, образование) компенсировалась

его сакрализацией в семейном кругу, где он выступал маркером «своих». Родовая структура, формально лишенная юридической силы, сохраняла регулятивный потенциал в вопросах брачных стратегий, что было прямым ответом на опасность межэтнической ассимиляции.

Таким образом, советский период не был временем «замораживания» миграционной травмы, но характеризовался ее трансформацией в перманентную культурную мобилизацию. Миграционные процессы – как внешние (эмиграция), так и внутренние (урбанизация, инокультурное заселение) – создавали контекст, в котором поддержание идентичности требовало постоянных усилий, сосредоточенных в непубличных практиках. Этот латентный режим сопротивления, не порывая с советской институциональной рамкой, обеспечил преемственность этнокультурного ядра и подготовил почву для актуализации диаспоральной солидарности в постсоветский период.

Формирование глобальной диаспоры

Расселение черкесских сообществ по территории бывшей Османской империи (Турция, Сирия, Иордания, Израиль, США и страны Европейского союза), привело к возникновению транснациональных социальных полей. Однако самоидентификация зарубежных абхазов часто дистанцируется от термина «мухаджир» (воспринимаемого как навязанный и связанный с религиозной коннотацией, не всегда релевантной), подчеркивая вынужденный характер исхода и светские основания солидарности [ПМА № 3]. Точная численность диаспоры остается предметом споров, отчасти из-за исторических проблем учета (один паспорт на большие семьи, насчитывавших от 10 до 40 человек и более, которым выдавался один документ на всю семью, высокая смертность в пути, неточность этнической и религиозной атрибуции в имперских статистиках), но отчасти и из-за стратегий адаптации и ассимиляции в новых обществах [Ганич 2007: 7]. Тем не менее, сохранение этнической идентичности и связи с исторической родиной стало ключевой задачей диаспоральных сообществ, породив специфические институты и культурные практики поддержания *апсуара (абх.)* в иноэтничном окружении [Tölölyan 1996].

Отсюда вытекает, что миграционные процессы XIX-XXI вв. для абхазов – это не просто перемещение населения, а глубокий социокультурный разлом, породивший диаспоральный опыт, нарратив культурного сопротивления и перманентный поиск стратегий воспроизводства идентичности как на исторической родине, так и в рассеянии. Страх ассимиляции, сформированный демографическим коллапсом XIX в. и подпитываемый последующими потрясениями, остается мощным фактором, структурирующим коллективные представления и этнополитические устремления *апсуа (абх.)* – абхазов вплоть до настоящего времени [Hewitt 1998].

Сохранение культурной идентичности в диаспоре проявляется в разнообразных формах. От создания абхазских культурных центров и ассоциаций, ориентированных на поддержание языка, традиций и обычаев до развития транснациональных сетей родства и землячества, обеспечивающих социальную поддержку и экономическое сотрудничество между диаспорой и Абхазией [ПМА №

4]. Важную роль играет использование современных технологий, таких как интернет, в частности социальные сети, для поддержания коммуникации и распространения информации о культуре и истории Абхазии среди молодого поколения диаспоры. Одной из самых популярных социальных сетей среди всего зарубежного кавказского сообщества выступают запрещенные на территории России Facebook, Instagram. Визуальная репрезентация повседневности абхазских культурных центров транслируется и фиксируется практически ежедневно. Такие сообщества, как: Abkhaz World представлен в Vk и некоторых других социальных сетях (общая численность составляет порядка 21 000 подписчиков) и Всемирный абхазо-абазинский конгресс/ World Abaza Congress в Vk и некоторых других социальных сетях составляет 27 231 подписчиков [Айба 2024: 223].

Внутриполитическая ситуация в Абхазии также оказывает влияние на диаспоральные процессы. Стремление к признанию независимости и социально-экономическому развитию стимулирует диаспору к активному участию в политической и экономической жизни исторической родины, в том числе через лоббирование интересов Абхазии на международной арене и инвестиции в экономику [Coppieters, Sakwa (Eds.) 2003]. Однако политические разногласия внутри самой Абхазии могут приводить к фрагментации диаспоральных сообществ и ослаблять их консолидирующую роль.

Перспективы развития абхазской культуры в условиях глобализации и миграции связаны с поиском баланса между сохранением традиционных ценностей и адаптацией к новым социокультурным реалиям. Важным фактором является развитие системы образования, ориентированной на изучение абхазского языка и культуры как в Абхазии, так и в диаспоре. Поддержка культурных инициатив и проектов, направленных на популяризацию абхазской культуры в мире, также играет значительную роль в сохранении и укреплении этнической идентичности [Simonian, Cornell 2001].

Миграционные процессы, затронувшие абхазское общество, оставили глубокий след в его истории и культуре. Формирование глобальной диаспоры, с одной стороны, стало следствием вынужденного исхода и культурной травмы, а с другой, создало новые возможности для сохранения и развития абхазской идентичности в транснациональном контексте. Миграционные процессы XIX–XX вв. – махаджирство и последующие исходы периода грузино-абхазского конфликта – стали фактором формирования культурной травмы, закрепившейся в коллективной памяти абхазского общества. Формирование глобальной диаспоры – от Турции и стран Ближнего Востока до Европы и Северной Америки – предстает как сложный, амбивалентный феномен в этнокультурной динамике абхазов.

С одной стороны, диаспора является живым свидетельством вынужденного исхода и культурной травмы. Разрыв с родной землей, священными родовыми местами, естественной языковой средой и привычным кругом родства породил у поколений махаджиров и их потомков ощущение экзистенциальной утраты и ностальгии по утраченной целостности «Апсны» как сакральное пространство. В условиях иноэтничного окружения угроза ассимиляции была и остается: язык часто утрачивает функциональность, превращаясь в символ; сложная система родства и обрядности неизбежно редуцируется или адаптируется к местным

реалиям, рискуя утратить сакральный смысл; передача тонкостей *ансуара (абх.)* новым поколениям, родившимся вдали от исторической родины, представляла собой сложный и многоступенчатый процесс. Сохранение памяти о переселении и связи с исторической родиной стало стержнем диаспоральной идентичности, формируя специфический нарратив страдания и сопротивления забвению.

С другой стороны, именно этот вызов спровоцировал развитие культурного выживания и породил новые, транснациональные возможности для поддержания «абхазскости». Диаспора, вопреки рассеянию, превратилась в глобальную сеть солидарности и культурного воспроизводства:

– институционализация традиций: создание культурных центров, ассоциаций, воскресных школ для изучения языка и истории. Эти структуры взяли на себя функции, которые в Абхазии выполняли семья и община, становясь центрами концентрированной передачи идентичности;

– цифровое единство: интернет и социальные медиа стерли границы, позволив диаспоре участвовать в жизни Абхазии в реальном времени (онлайн-трансляции праздников, обсуждения событий, дистанционное обучение языку), создавая виртуальное пространство *Апсны (абх.)* [Айба 2024];

– экономическая и политическая поддержка: диаспора стала ключевым ресурсом для послевоенного восстановления Абхазии через репатриацию, инвестиции, лоббистскую деятельность и гуманитарные проекты. Это укрепило ее статус и связь с родиной;

– реконструкция и адаптация: диаспоральные сообщества, стремясь сохранить суть традиций, часто творчески адаптировали их к новым условиям (например, организуя абхазский новый год в абхазских культурных центрах Турции), демонстрируя гибкость культурного ядра [Айба 2023: 852];

– «возвращение» идентичности: для многих потомков махаджиров, особенно в Турции, активный поиск корней, изучение языка и связь с исторической родиной стали путем обретения утраченной идентичности, превращая «абхазкость» из смутной памяти предков в осознанный выбор.

Следовательно, абхазская диаспора – это не просто рассеянные носители культуры, а динамичный транснациональный организм, существующий в постоянном диалоге с исторической родиной. Она несет в себе культурную травму изгнания и страх окончательной утраты, но одновременно выступает как мощный агент сохранения, адаптации и даже глобальной презентации абхазской идентичности. Ее существование расширяет границы *Апсны (абх.)* до планетарного масштаба, создавая сложную, полицентричную модель абхазскости, где лояльность *ансуара (абх.)* и память о родине сплавляют разрозненные сообщества в единое, хотя и географически рассредоточенное, культурное целое. Устойчивость этого целого в условиях глобализации – самый убедительный аргумент против демографической маргинализации и за жизнеспособность абхазского культурного проекта.

В условиях диаспоры трансформация абхазской идентичности представляет собой комплексный процесс адаптации к изменяющимся социокультурным реалиям, одновременно с восстановлением связей с исторической родиной. Этот процесс скорее характеризуется не статичным сохранением архаичных форм

культуры, а их активным выбором, переосмыслением и адаптацией к требованиям глобализационных процессов [Robertson 2000]. Этномаркирующие концепции, такие как понятие чести, нравственность, и традиционное право, не подвергаются размыванию, а скорее операционализируются, становясь инструментами разграничения между «своими» и «чужими» в ситуации доминирования иной этнической группы [Barth 1998]. Соответственно, этническая идентичность проявляется и сохраняется в условиях диаспоры, определяя специфику поведенческих норм. Воспроизводство диаспоральной идентичности абхазов возможно интерпретировать в контексте гибридизации, как интеграцию исконных культурных моделей с превалирующими аксиологическими установками принимающих государств. Этот культурный синтез проявляется в разнообразных аспектах обыденной жизни, включая гастрономические традиции и музыкальные представления, а также ритуалы, связанные с календарными праздниками, где, несмотря на сохранение ключевого символического содержания, происходит адаптация к имеющимся ресурсам и новым социальным условиям [Брубейкер 2012]. Примером может служить реконструкция праздника *Ажьырныҳәа,* который отмечают в Абхазии в честь наступления «абхазского Нового года» в ночь с 13 на 14 января в рамках диаспорального пространства, в частности в Стамбульском абхазском культурном центре с 2015 г. География празднования традиционного праздника каждый год увеличивается на территории Турции [Айба 2023: 852]. Адаптация, по мнению автора, является ключевым механизмом формирования гибридной идентичности [Bhabha 1994].

Исходя из этого, процесс трансформации идентичности в диаспоре является динамичным взаимодействием между сохранением культурного наследия и адаптацией к новой социокультурной среде. При этом, как отмечают исследователи [Geertz 2017], подобные адаптации не всегда приводят к полной ассимиляции, а скорее к формированию специфических гибридных форм культурного выражения. В рамках данного процесса ключевую роль играет инфраструктура цифровых коммуникаций, которая служит катализатором формирования транснационального виртуального социального пространства [Levitt, Glick-Schiller 2004]. Это пространство, в свою очередь, выполняет функцию замещения физического топоса *Апсны (абх.)*, обеспечивая бесперебойную передачу культурных кодов и поддержание чувства единства среди географически распределенного сообщества [Hewitt 1998].

Сложность иерархической структуры абхазского общества, регулируемой неписаным кодексом чести, также претерпела трансформацию, но не исчезла полностью. Принципы уважения к старшим, гостеприимства, взаимопомощи и кровной мести продолжали оказывать влияние на социальные отношения, хотя их проявления становились более опосредованными и контекстуальными. *Апсуара(абх.)*, функционировала как «культурная ДНК», передаваемая через механизмы социализации и инкультурации, обеспечивая преемственность поколений и устойчивость базовых ценностей.

Заключение

В заключение следует отметить, что проведённый этнологический анализ позволил достичь поставленной цели и решить исследовательскую задачу:

изучить эволюцию абхазской идентичности сквозь призму постоянного миграционного опыта, определить ключевые факторы перехода от травмы вынужденного переселения к формированию глобальной диаспоры, способной сохранять этнокультурное наследие.

Исследование подтвердило ценность концепции культурной травмы Дж. Александера для осмысления абхазского феномена. Махаджирство XIX в. выступает не просто как демографическая потеря, а как цивилизационный сдвиг, событие-разрыв, которое, будучи осмысленным нарративно и передаваясь сквозь поколения, сформировало структуру коллективной памяти и стало основой диаспорального сознания. Именно эта травма определила долгосрочную динамику: ощущение уязвимости и страх ассимиляции на родине, усугубленные радикальной сменой этнокультурного баланса в Абхазии снижение численности абхазов до статуса меньшинства, сочетались с опытом выживания и адаптации в диаспоре.

В советский период в условиях демографической периферии и политики культурной унификации механизмы воспроизводства идентичности приобрели форму «скрытого сопротивления». Как показано в исследовании, основными каналами передачи «абхазскости» стали не институциональные структуры, а повседневные практики: язык как сакральный маркер, родовая общественная организация *абипара (абх.)*, смешанная в новых условиях календарная обрядность и, в первую очередь, этический кодекс *апсуара (абх.)*, функционировавший как «культурная ДНК». Эта интериоризация традиции в приватной сфере семьи и рода позволила сохранить ядро идентичности перед лицом внешних давлений.

Анализ генезиса и институционализации зарубежной диаспоры показал, что абхазские сообщества за пределами исторической родины прошли сложный путь от разрозненных групп, ориентированных на физическое выживание, до сформированных транснациональных сетей. Вопреки угрозам ассимиляции, диаспора не только сохранила память об их исходе, но и стала активным фактором культурного воспроизводства. Создание культурных центров, поддержание родственных связей и, на современном этапе, активное освоение цифрового пространства способствовали формированию «виртуальной *Апсны (абх.* – пространства, где преодолевается географическая удаленность и поддерживается чувство общности с родиной.

Наконец, изучение современных механизмов поддержания идентичности выявило переход к сетевым и гибридным стратегиям. Цифровые технологии и социальные медиа ускорили транснациональную солидарность, позволяя диаспоре участвовать в жизни Абхазии в реальном времени и адаптировать традиции как, например, при праздновании абхазского Нового года *(абх. – ажьырныҳәа)* к новым условиям. При этом процессы репатриации выявили внутренние противоречия, связанные с интеграцией потомков махаджиров, которые, возвращаясь на родину предков, могут восприниматься как «носители иной», гибридной идентичности.

Из этого следует, что абхазская диаспора предстает как развивающийся, полицентричный транснациональный конструкт. Она несет в себе глубокую культурную травму изгнания, но одновременно является мощным ресурсом

сохранения, адаптации и глобальной презентации *апсуара (абх.)*. Устойчивость этого глобального образования, его способность к постоянному воспроизводству идентичности в условиях рассеяния и уязвимости на исторической родине является ключевым ответом на исторический вызов махаджирства. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на компаративном анализе кавказских диаспор, изучении гендерных аспектов миграции, антропологии цифровой идентичности и долгосрочном мониторинге процессов репатриации, что позволит глубже понять феномен выживания этноса через рассеяние в условиях глобализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айба 2013 – *Айба Т.Г.* Основные положения "Кодекса чести" у народов Северного и западного Кавказа // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2013. – № 4. – С. 167-174.

Айба 2023 – *Айба Т.Г.* Особенности проведения моления ажьырныҳәа в современной Абхазии и у турецких абхазов // История, археология и этнография Кавказа. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 842-855. – DOI: 10.32653/CH193842-855.

Айба 2024 – *Айба Т.Г.* Абхазские сообщества в киберпространстве // Культура Мира. – 2024. – Т. 12, № 43(8). – С. 219-228.

Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.

Бахиа 1986 – *Бахиа С.И.* Абхазская «абипара» – патронимия: (Груз.-абхаз. этногр. параллели). – Тбилиси: Мецниереба, 1986. – 88 с.

Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп [Текст] /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с. – (Социальная теория).

Ганич 2007 – *Ганич А.А.* Черкесы в Иордании. – Москва: ИСАА МГУ, 2007. – 120 с.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Алашара, 1982. – 243 с.

Hewitt 1998 – *Hewitt G.* The Abkhazians: A Handbook. – Richmond: Curzon Press, 1998. – 288 p.

Кабузан 2012 – *Кабузан В.М.* Динамика этнического состава населения Абхазии и Косово в XIX–XX вв. // Труды Института российской истории. Вып. 10. – Москва: ИРИ РАН, 2012. – С. 397-410.

ПМА № 1 – 2021 г. – Республика Абхазия, г. Гагра.

ПМА № 2 – 2022 г. – Республика Абхазия, г. Гагра.

ПМА № 3 – 2023 г. – Республика Абхазия, г. Сухум.

ПМА № 4 – 2019 г. – Турция, г. Стамбул.

Розанова 2013 – *Розанова М.С.* Диаспоры как акторы мирового политического процесса (на примере черкесской диаспоры США) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. 16, № 2. – С. 189–204.

Alexander 2004 – *Alexander, J.* Toward a Theory of Cultural Trauma. In: Alexander, J.C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N.J. and Sztompka, P., Eds., Cultural Trauma and Collective Identity, University of California Press, Berkeley, 1-30. https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0001 (In English).

Ayba 2025 – *Ayba T.*G. Abkhaz and Abazin Communities in Cyberspace// Changing Societies & Personalities. – 2025. – Vol. 9, No. 1. – P. 84-100. – DOI: 10.15826/csp.2025.9.1.319. (In English).

Bhabha 1994 – *Bhabha H.K.* (1994). The Location of Culture (2nd ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203820551 (In English).

Barth 1998 – Barth F. Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference. – 1998: Waveland Press. – 153 p. (In English).

Coppieters, Sakwa (Eds.) 2003 – Coppieters B., Sakwa R. (Eds.) 2003. Contextualizing Secession: Normative Studies in Comparative Perspective. – Oxford University Press. – 286 p. (In English). (In English).

Douglas 2001 – *Douglas M*. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and – Taboo. 2001. Simultaneously published in the USA and Canada by Routledge. – 193 p. (In English).

Eyerman 2004 – *Eyerman R*. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. – P. 60–111. (In English).

Geertz 2017 – *Geertz C.* The Interpretation of Cultures. – USA: 2017. Basic Books. – 470 p. (In English).

Giesen 2004 – *Giesen B*. The Trauma of Perpetrators: The Holocaust as the Traumatic Reference of German National Identity // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. – P. 112–154. (In English).

Levitt, Glick-Schiller 2004 - *Levitt P., Glick Schiller N.* Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. International Migration Review, - 2004. 38(3), 1002-1039. https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x (In English).

Luhmann 1979 – *Luhmann N*. Trust and Power. – 1979: Chichester: John Wiley & Sons. – 208 p. (In English).

Robertson 2000 – Robertson R. Globalization: Social theory and global culture. SAGE Publications Ltd,2000. – 224 p. https://doi.org/10.4135/9781446280447 (In English).

Simonian, Svante, Cornell 2001– *Simonian H. Svante E. Cornell*. Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus. Richmond, England: Curzon Press, 2001, 480 pp. + maps, illustrations, notes, bibliography, index. Nationalities Papers. 2002;30(4):703-705. doi:10.1017/S0090599200009144 (In English).

Smelser 2004 – Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. – P. 31–59. (In English).

Sztompka 2004 – Sztompka P. The Trauma of Soci-al Change: A Case of Postcommunist Societies // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Iden-t-ity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2004. P. 155–195. (In English).

Tölölyan K. 1996 – *Tölölyan K.* Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1996. – Vol. 5, No. 1. – P. 3-36. (In English).

Vertovec 2001 – *Vertovec S.* Transnationalism and Identity // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2001a. Vol. 27. (In English).

REFERENCES

AIBA T.G. *Osnovnye polozheniia "Kodeksa chesti" u narodov Severnogo i Zapadnogo Kavkaza* [Basic Provisions of the "Code of Honor" Among the Peoples of the North and Western Caucasus]. IN: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia [Bulletin of Saint Petersburg University. History]. – 2013. – № 4. – P. 167-174. (In Russ.).

AIBA T.G. *Osobennosti provedeniia moleniia azhyrynykha v sovremennoi Abkhazii i u turetskikh abkhazov* [Features of the Azhyrynykha Ritual in Modern Abkhazia and Among Turkish Abkhazians]. IN: Istoriia, arkheologiia i etnografiia Kavkaza [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus]. – 2023. – T. 19. – № 3. – P. 842-855. – DOI 10.32653/CH193842-855. (In Russ.).

AIBA T.G. *Abkhazskie soobshchestva v kiberprostranstve* [Abkhazian Communities in Cyberspace]. IN: Kul'tura Mira [Culture of Peace]. – 2024. – T. 12. – № 43(8). – P. 219-228. (In Russ.).

ALEXANDER J. Toward a Theory of Cultural Trauma. In: Alexander, J.C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N.J. and Sztompka, P., Eds., Cultural Trauma and Collective Identity, University of California Press, Berkeley, 1-30.

BAKHIA S.I. Abkhazskaia "abipara" – patronimiia: (Gruz.-abkhaz. etnogr. Paralleli) [Abkhazian "Abipara" - Patronymy: (Georgian-Abkhaz Ethnographic Parallels)]. – Tbilisi: Metsniereba, 1986. – 120 p. (In Russ.).

BARTH F. Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference. Waveland Press, 1998. – 153 p. (In English)

BHABHA H.K. The Location of Culture. – 2nd ed. – London; New York: Routledge, 1994. – 285 p. (In English)

BRUBAKER R. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity Without Groups] / Translated from English by I. Borisova. – Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. – 408 p. (In Russ.).

COPPIETERS B., SAKWA R. (Eds.) Contextualizing Secession: Normative Studies in Comparative Perspective. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 286 p. (In English)

CORNELL S.E. Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus. – Richmond: Curzon Press, 2001. – 480 p. (In English)

DZIDZARIIA G.A. Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiia [Muhajirstvo and Problems of the History of Abkhazia in the 19th Century]. – Sukhumi: Alashara, 1982. – 243 p. (In Russ.).

DOUGLAS M. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. 2001. Simultaneously published in the USA and Canada by Routledge.2001. – 193 p. (In English)

EYERMAN R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. P. 60–111. (In English)

GANICH A.A. Cherkesy v Iordanii [Circassians in Jordan]. – Moscow: Institut stran Azii i Afriki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. – 120 p. (In Russ.).

GEERTZ C. The Interpretation of Cultures. – USA: 2017. Basic Books, 2017– 470 p. (In English)

GIESEN B. The Trauma of Perpetrators: The Holocaust as the Traumatic Reference of German National Identity // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. P. 112–154. (In English)

HEWITT B.G. The Abkhazians: A Handboo. – New York: St. Martin's Press, 1999. – 288 p. (In English)

KABUZAN V.M. Dinamika etnicheskogo sostava naseleniia Abkhazii i Kosovo v XIX–XX vv. [Dynamics of the Ethnic Composition of the Population of Abkhazia and Kosovo in the 19th-20th Centuries]. IN: Trudy Instituta rossiiskoi istorii RA [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. – Issue 10. – Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2012. – P. 397-410. (In Russ.).

LUHMANN N. Trust and Power. Chichester: John Wiley & Sons.1979. – 208 p. (In English)

LEVITT P., GLICK SCHILLER N. Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. IN: International Migration Review. – 2004. – Vol. 38. – No. 3. – P. 1002-1039. – DOI 10.1111/j.1747-7379. 2004.tb00227.x (In English)

ROBERTSON R. Globalization: Social theory and global culture. SAGE Publications Ltd, 2000. – 224 p. https://doi.org/10.4135/9781446280447

ROZANOVA M.S. Diaspory kak aktory mirovogo politicheskogo protsessa (na primere cherkesskoi diaspory SShA) [Diasporas as Actors of the World Political Process (on the Example of the Circassian Diaspora in the USA)]. IN: Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]. – 2013. – T. 16. – № 2. – P. 189-204. (In Russ.).

SMELSER N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. P. 31–59. (In English)

SZTOMPKA P. The Trauma of Soci-al Change: A Case of Postcommunist Societies // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Iden-t-ity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2004. P. 155–195. (In English)

TÖLÖLYAN K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment. IN: Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1996. – Vol. 5. – No. 1. – P. 3-36. (In English)

VERTOVEC S. Transnationalism and Identity // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2001a. Vol. 27. (In English)

Информация об авторе

Т.Г. Айба – младший научный сотрудник.

Information about the author

T.G. Ayba – junior research assistant.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 39
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-108-129
EDN: HEDPTN

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАБАРДИНЦЕВ

Залина Мухамедовна Балкарова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, balk.zalina@gmail.com, https://orcid.org/0009-0005-6389-7657

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых особенностей трансформации современной гастрономической культуры кабардинцев. Исследование выстраивается с опорой на материалы полевых исследований и экспертных интервью. Рассмотрены особенности трансформации традиционных блюд национальной кухни кабардинцев, приготовляемых из мяса, кисломолочных продуктов, злаковых культур, фруктов и ягод, овощей и т.п. Обращается внимание на то, что в настоящее время гастрономическая культура кабардинцев трансформируется под влиянием современных тенденций (глобализации, коммерциализации традиционной кухни, изменении условий жизни и т.п.), сохраняя основные аутентичные качества. Установлено, что многие аутентичные качества блюд национальной кухни кабардинцев сохраняются в мясной пище, пище из кисломолочных продуктов, злаковых, фруктовых, ягодных, овощных, бахчевых и других культур, а таже – напитков. Отдельное внимание уделено названиям блюд традиционной кухни кабардинцев на национальном языке. С опорой на материалы экспертных интервью выявлены перспективы развития кабардинской кухни. Сделан вывод о том, что в настоящее время совокупность основных блюд традиционной гастрономической культуры являются одним из основных маркеров этнокультурной идентичности кабардинцев.
Ключевые слова: кабардинцы; традиционная культура; гастрономическая культура; традиционная кухня; гастрономия; традиционная пища кабардинцев.

Благодарности: Статья посвящена памяти доктора исторических наук, профессора Мадины Анатольевны Текуевой.

Для цитирования: Балкарова З.М. Некоторые особенности трансформации современной гастрономической культуры кабардинцев // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 108-129. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-108-129. EDN: HEDPTN.

© Балкарова З.М., 2026

Original article

SOME FEATURES OF THE TRANSFORMATION OF THE MODERN GASTRONOMIC CULTURE OF THE KABARDIANS

Zalina M. Balkarova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, balk.zalina@gmail.com, https://orcid.org/0009-0005-6389-7657

Abstract. The article is devoted to the study of some features of the transformation of modern gastronomic culture of the Kabardians. The study is based on the materials of field research and expert interviews. The article examines the features of the transformation of traditional dishes of the Kabardian national cuisine, which are made from meat, fermented milk products, cereals, fruits and berries, vegetables, etc. It is noted that the gastronomic culture of the Kabardians continues to change, while retaining its main authentic qualities, but is transformed under the influence of modern trends (globalization, commercialization of traditional cuisine, changes in living conditions, etc.). It has been established that many of the authentic qualities of Kabardian national cuisine are preserved in meat dishes, dairy products, cereals, fruits, berries, vegetables, melons, and other crops, as well as in beverages. Special attention is paid to the names of Kabardian traditional dishes in the national language. Based on expert interviews, the prospects for the development of Kabardian cuisine are identified. It is concluded that the current set of traditional gastronomic dishes is one of the main markers of the ethno-cultural identity of the Kabardians.

Key words: the Kabardians; traditional culture; gastronomic culture; traditional cuisine; gastronomy; traditional Kabardian food.

Acknowledgements: This article is dedicated to the memory of Professor Madina Anatolyevna Tekueva, Doctor of Historical Sciences.

For citation: Balkarova Z.M. Some features of the transformation of the modern gastronomic culture of the Kabardians. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 108-129. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-108-129. EDN: HEDPTN.

© Balkarova Z.M., 2026

Введение

Современная гастрономическая культура кабардинцев характеризуется стремлением к аутентичности и устойчивости, а также активным использованием новых технологий и медиа. Наряду с глобализацией, существует тренд на возвращение к местным продуктам, традиционным рецептам и кухням. Современные технологии и социальные сети играют огромную роль в формировании гастрономической культуры, позволяя делиться рецептами, ресторанными обзорами и информацией о блюдах. Гастрономическая культура становится не только способом питания, но и представляет традиционную пищу как один из самых устойчивых элементов культуры народа, определяющих его этническое самосознание. По-прежнему в обиходе сохраняются наименования традиционных блюд на кабардино-черкесском языке. При этом в настоящее время наблюдается ревитализация некоторых элементов традиционной гастрономической культуры, их применение в обрядах жизненного цикла (празднованиях рождения детей, их «первого шага», свадьбах и т.п.). Некоторые блюда традиционной кухни дают основу для формирования этнокультурных брендов современности. Большую роль в сохранении, возрождении и популяризации кабардинской кухни играют местные организации общественного питания (кафе, рестораны и т.п.). В их меню входят кабардинские блюда, которые популярны не только у жителей, но и у многочисленных гостей КБР и некоторых других регионов проживания кабардинского населения. Как и в прошлом, в настоящее время кабардинцы готовят блюда из мяса, кисломолочных продуктов, злаковых культур, фруктов и ягод, овощей и т.п. В определенной форме сохраняются и традиционные напитки и

т.д. Излишне доказывать, что они сохраняются в адаптивной под современные реалии форме, что связано с взаимовлиянием гастрономических практик различных народов, развитием техники и технологий приготовления продуктов питания, информатизацией общества и т.п. Поэтому исследование современного состояния традиционной гастрономической культуры кабардинцев представляет собой значительный научный интерес.

Актуальность темы исследования подчеркивается и некоторыми аутентичными особенностями национальной кухни кабардинцев. В ходе исследования практически все информаторы и респонденты обращали на это особое внимание. Одни говорили о том, что ее уникальность заключается в простоте приготовления основных блюд и сравнительно небольшом наборе ингредиентов для каждого из них, и отмечали их питательные свойства, сытность и калорийность [ПМА. 2025/01; ПМА. 2025/04]. Другие видели ее в сохранении до нашего времени лучших традиций прошлого (в локальных вариациях) [ПМА. 2025/02]. Третьи – в качестве ингредиентов, которые использовались для приготовления блюд, и их пользе для здоровья [ПМА. 2025/03]. Четвертые – в неповторимости некоторых блюд национальной кухни кабардинцев [ПМА. 2025/05]. В связи с чем, целью настоящей статьи является определение основных тенденций развития современной гастрономической культуры кабардинцев на основе анализа полевых материалов и сведений экспертных интервью.

Некоторые аспекты традиционной гастрономической культуры кабардинцев затрагивались в работах Г.Х. Мамбетова [Мамбетов 2002: 137], Хан-Гирея [Хан-Гирей 1978], О.И. Кускаровой [Кускарова 2022], Л.Ж. Ширитовой и Р.М. Жиловой [Ширитова, Жилова 2021: 160], М.Ф. Пафовой [Пафова 1992: 9], З.М. Кешевой [Кешева 2019], Е.Н. Студенецкой [Студенецкая 1953: 44], А.Д. Цикуниб [Цикуниб 2014: 40-50] и др. Отдельные вопросы современного состояния кухни затрагивали З.М. Кешева [Кешева 2019], Л.Ж. Ширитова и Р.М. Жилова [Ширитова, Жилова 2021: 165], М.Ф. Пафова [Пафова 1992: 9], а также в некоторых обобщающих работах по этнологии черкесов (адыгов) [Адыги 2022]. Однако в современной историографии отсутствует комплексное исследование, посвященное трансформации пищевой культуры кабардинцев в современный период. Тем более, что состояние и изменчивость гастрономии требует периодического этнологического мониторинга путем сбора полевых материалов, проведения социологических опросов, интервьюирования экспертов и т.п.

Вместе с тем определение основных тенденций развития современной гастрономической культуры кабардинцев возможно с опорой на материалы полевых исследований и экспертные интервью. Так, в ходе исследования были опрошены 117 респондентов. Из них – 67 женщин и 50 мужчин в возрасте от 50 до 85 лет. Опрос проводился с 2022 по 2026 гг. на территории Кабардино-Балкарской Республики: как в самом городе Нальчик, так и в районах республики. Респондентами выступили жители Баксанского района, Урванского района, Прохладненского района, Черекского района, Зольского района. Выборка респондентов осуществлялась таким образом, чтобы они были представителями кабардинского народа – мужчины и женщины зрелого и пожилого возраста, проживавшие в разных районах КБР, владеющие национальным языком. Респонденты

отвечали на вопросы о современном состоянии современной гастрономической культуры кабардинцев, о методах хранения и консервации продуктов, а также о способах приготовления блюд национальной кухни, их применении в повседневности и на праздничных мероприятиях. Для настоящего исследования были отобраны 15 анкет респондентов, наиболее подробно отражающие типичное состояние современной гастрономической культуры кабардинцев.

Также в ходе исследования были задействованы материалы 5 экспертных интервью. В качестве экспертов (информаторов) выступили шеф-повара наиболее востребованных предприятий общественного питания г. Нальчик, специализирующих на приготовлении блюд национальной кухни кабардинцев. Из них – 2 женщины и 3 мужчин в возрасте от 30 до 60 лет. Опрос был проведен в феврале 2025 г. Некоторые информаторы помимо работы на ведущих должностях в организациях общественного питания (ресторанах, кафе, залах торжеств) занимаются и кейтерингом (организация выездного обслуживания гостей свадеб, банкетов и любых массовых мероприятий). Информаторам было предложено ответить на вопросы о том, в чем именно состоит уникальность кабардинской кухни, какие традиционные кабардинские блюда наиболее востребованы в современной гастрономии, каким источниками информации они пользовались при поиске рецептов традиционных блюд, как в настоящее время меняется технология приготовления блюд национальной кухни и др. В целях сохранения анонимности респондентов и информаторов в статье использовались условные обозначение, отражающие видовую принадлежность опрошенного (респондент или информатор) и порядковый номер опроса. Все это позволило сформировать наиболее полное представление о современной гастрономической культуре кабардинцев, определить тенденции ее трансформации и перспективы развития в будущем.

Мясная пища

В современной культуре питания кабардинцев значительное место по-прежнему отводится мясной пище. При исследовании особенностей трансформации традиционной гастрономической культуры и форм ее существования в настоящее время большой интерес представляют сведения профессионалов, работающих на предприятиях общественного питания (рестораны, залы торжеств, кафе и т.п.) и специализирующихся на приготовлении блюд кабардинской национальной кухни, в том числе и для проведения массовых мероприятий (для организации свадеб и других торжеств, привлечения туристов и т.п.). Их сведения представляют значительный научный интерес для исследований особенностей трансформации традиционных гастрономических практик кабардинцев под влиянием разных факторов (глобализация, производство продуктов питания в промышленных масштабах и т.п.). Среди них были опрошены представители как кабардинского народа, так и других, но специализирующиеся на приготовлении блюд традиционной кабардинской кухни. При этом многие специалисты отмечают полезные свойства основных мясных блюд традиционной кухни кабардинцев. Например, шеф-повар одного из признанных ресторанов г. Нальчик (далее – Информатор № 1) сообщал о том, что в настоящее время при употреблении сушеного мяса (каб. – *лыгъур*) вместе с пастой (каб. – *пIастэ*) сохраняются их полезные свойства

и, как правило, его не употребляли в пищу в больших количествах, так как оно являлось достаточно калорийным [ПМА. 2025/01]. Также, о мясной пище шеф-повар другого популярного в г. Нальчик ресторана (далее – Информатор № 2) сообщал, что в настоящее время в числе классических блюд кабардинской кухни наибольшим спросом в местах общественного питания пользуется *лыгъур* в различных вариациях: копченная говядина с пастой, сушеное мясо из баранины с пастой [ПМА. 2025/02] и т.п. Еще одни шеф-повар одного из популярных ресторанов КБР (далее – Информатор № 3), сообщая о мясной пище, акцентировал внимание на том, что раньше в каждой семье разводили кур и поэтому часто готовили курицу в сметане (каб. – *джэдлыбжьэ*) [ПМА. 2025/03]. Примечательно, что при этом он дифференцировал состав приготовляемся блюд в зависимости от гендерного состава участников трапезы. Он отмечал, что «если раньше в дом приходили гости и были только женщины, то резали курицу или индюка, а если в доме были мужчины, то для гостей закалывали барана или ягненка» [ПМА. 2025/03]. В числе популярных мясных блюд прошлого он обозначал колбасу из внутренностей (каб. – *жарумэ*). При этом он тоже особо отметил, что со временем традиционная культура питания кабардинцев изменилась. По мнению шеф-повара, в настоящее время, когда в дом приходят гости, то хозяева чаще готовят шашлык из курицы, либо заказывают доставку из ресторана. И акцентированно указал, что сейчас «не все, как раньше, готовят джэдлыбжьэ с пастой» [ПМА. 2025/03]. Все этого говорит о том, что в настоящее время в мясной пище кабардинцев сохраняются некоторые элементы их традиционной пищевой культуры, но в адаптивной под современные реалии форме.

Труды современных исследователей также отчасти подтверждают, что в настоящее время важное место в кабардинской национальной кухне занимают мясные блюда. З.М. Кешева сообщала, что мясные продукты, которые готовили кабардинцы, были разнообразны как по методам обработки, так и по видовому составу животных и птиц, мясо которых употреблялось в пищу. Излюбленным мясом являлась баранина, несколько реже готовили говядину и козлятину. Основными способами приготовления мяса являлись жарение, тушение, копчение и варка [Кешева 2019: 54-60].

В народный памяти кабардинцев до сих пор сохраняются представления о том, что мясная пища в прошлом занимала важное место в традиционной системе питания кабардинцев. Традиционное жилище было спланировано таким образом, чтобы создавались условия для производства и долговременного хранения продуктов питания, в том числе и мясной пищи. Застольный этикет кабардинцев был сложным и разработанным, регламентированным до самых мелких деталей. И это отчасти накладывает отпечаток и на их современный пищевой рацион и культуру проведения застолий. Это подтверждается и материалами полевых исследований. Так, например, в 2023 г. в ходе сбора полевых материалов респондент № 1 сообщал о том, что с давних времен кухня в их домовладении находилась во дворе отдельно от основного дома, над ней был чердак, на котором всегда хранилось сушеное мясо [ПМА. 2023/01]. По мнению респондента № 2, особое место в традиционном застольном этикете кабардинцев занимали строгие нормы обращения с пищей, прежде всего – мясной: правила ее подачи и распределения.

При подаче блюд на стол всегда учитывался возраст и статус собравшихся гостей. Также имело значение, какие именно части животного подаются тому или иному участнику застолья. Если, например, брать курицу, то самой почетной частью считался желудок и грудинка, а если в качестве примера брать баранину, то самая почетная ее часть – правая половина головы барана [ПМА. 2023/02].

В настоящее время многие информаторы сохраняют сведения о способах приготовления и хранения мясных блюд в прошлом. В числе основных технологий прошлого в этой сфере называют высушивание (которому предшествовало отбивание, засаливание, обмазывание подсолнечным маслом и т.п.) [ПМА. 2023/03], создание специальных условий для хранения (подвешивание в чердачном помещении (каб. – *унащхьэ*), хранение в ящиках подвальных помещениях (каб. – *щIы унэ*) и т.п.) [ПМА. 2023/03]. Для таких технологий чаще использовалось козье мясо и говядина [ПМА. 2023/03].

В прошлом не менее популярными мясными блюдами были блюда из баранины. Информатор № 1 сообщал о том, что баранину всегда ценили и ценят сейчас [ПМА. 2025/01]. Но так как жир этого мяса тугоплавкий, после того как сварили барана, вслед за мясом к столу обязательно подавали горячий бульон (каб. – *лэпс*). Он способствовал расщеплению жира после еды. Но, по его мнению, классических первых блюд у кабардинцев как не было прошлом, так и нет сейчас [ПМА. 2025/01].

О применении субпродуктов баранины Информатор № 2 сообщал, что большинство гостей республики приходят в их ресторан для того, чтобы попробовать «кабардинскую колбасу» (каб. – *тхьэмщIыгъуныбэ*). Это блюдо пользуется популярностью не только среди местных жителей, но и среди приезжих гостей. К *тхьэмщIыгъуныбэ* заказывают горячую пасту и свежеприготовленный чесночный соус (каб. – *бжьыныху шыпс*) [ПМА. 2025/03]. Исследователи также обращали внимание на то, что субпродукты часто использовали в традиционной системе питания кабардинцев. Например, З.М. Кешева в научном исследовании сообщала о том, что для приготовления ливерной колбасы (каб. – *тхьэмщIыгъуныбэ*) говяжью или баранью печень тщательно размельчают, добавляют внутренний жир, мелко нарезанный лук и специи. Этой массой начиняют сычуг (каб. – *нэкъыщIэ)* и тщательно закрепляют концы. В отличие от других видов колбас *тхьэмщIыгъуныбэ* не сушат, а употребляют только в вареном виде с чесночной подливой [Кешева 2019].

В экспертных интервью шеф-повара ресторанов г. Нальчик рассказывали о традиционном мясном блюде *либжа* и повышенном спросе на него как со стороны местных жителей, так и со стороны гостей республики. Информатор № 4 отметила, что *либжа* подают с горячей пастой. При подогреве блюдо не теряет своих свойств, а вкус становится более насыщенным. Кроме того, информатор отметила, что блюдо *либжа* легко разложить и подавать, в отличие, например, от европейской кухни, где надо будет сформировать на тарелке разные композиции, добавить зелени, гарнира, соуса и т.д. [ПМА. 2025/04].

Л.Ж. Ширитова и Р.М. Жилова отмечали, что распространенным мясным блюдом и в настоящее время является *лыцIыкIулыбжьэ*. Оно готовилось «из небольших кусков вареного, а потом поджаренного мяса, которое подавалось в

подливе. Подлива готовилась из поджаренного на масле лука, муки, сметаны, чабреца, перца, чеснока и мяса. Из кусков вареного или жареного мяса готовилось и *лылыбжьэ*. Его подлива состоит из пережаренного на масле лука с перцем» [Ширитова, Жилова 2021: 165].

Блюда из курятины были частью традиционной пищевой культуры кабардинцев. На современном этапе они продолжают занимать важное место, как при проведении массовых мероприятий, так и в повседневной жизни. Например, управляющая рестораном в г. Нальчик, Информатор № 4, сообщала о том, что больше всего любила готовить курицу в сметанном соусе (каб. – *джэдлыбжьэ*), которая подается с *пIастэ*. При приготовлении *джэдлыбжьэ* возможны варианты и некоторые отклонения от общих рецептов. По ее мнению, каждая хозяйка готовит это блюдо по-своему [ПМА. 2025/04]. Кроме того, шеф-повар другого ресторана, Информатор № 5, сообщала, что современные веяния вносят какие-то свои коррективы. По ее мнению, если раньше в *джэдлыбжьэ* добавляли чебрец и красный перец, то в настоящее время при его приготовлении иногда добавляют паприку. Она отмечала, что у кабардинцев раньше не было паприки. Был чабрец (каб. – *джэдгын*). Сейчас паприку иногда добавляют в это блюдо для цвета. Шеф-повар считает, что надо стараться не использовать нововведений при приготовлении национальных блюд [ПМА. 2025/05]. Информатор № 5 отметила, что особенность блюда из курятины *джэдлыбжьэ* в том, что при приготовлении используются мясо домашней курицы и качественные натуральные молочные продукты для сметанного соуса, благодаря чему соус получается нежным и очень вкусным [ПМА. 2025/05].

В настоящее время в гастрономической культуре кабардинцев при проведении массовых мероприятий как в местах общественного питания, так и в домашних условиях сохраняются некоторые традиционные обрядовые практики, связанные с употреблением мяса в пищу (например, обычай подачи бараньей головы, каб. – *мэл щхьэ хабзэ*). Управляющая одним из популярных ресторанов г. Нальчик (далее. – Информатор № 3) сообщала о том, что вареное мясо с тузлучным соусом тоже обязательно всегда будет на столе (как на официальных мероприятиях, так и в повседневной практике) [ПМА. 2025/04].

Таким образом, на сегодняшний день мясная пища в традиционной пищевой культуре кабардинцев сохранилась и продолжает развиваться в достаточной мере. В местах общественного питания г. Нальчик основные позиции блюд кабардинской кухни включены в меню, их часто заказывают не только местные жители, но и гости республики. Особое внимание заслужили мясные блюда из баранины и ее субпродуктов, говядины и курятины. Из баранины готовят сушеное мясо (каб. – *лыгъур*) с пшенной массой (каб. – *пIастэ*), употребляют баранину в жареном (*мэл гъэжьа*) и вареном (каб. – *мэл гъэва*) виде, варят из баранины бульон (каб. – *лэпс*), а также используют субпродукты для приготовления отдельных блюд, таких как сальтисон (каб. – *жэрумэ*) и ливерная колбаса (каб. – *тхьэмщIыгъуныбэ*). Кроме того, на сегодняшний день на праздничных застольях у кабардинцев присутствует обычай бараньей головы (каб. – *мэл щхьэ*). Говядину также употребляют в жареном (каб. – *лы гъэжьа*), вареном виде (каб. – *лы гъэва*), а также сушат и коптят. Курятину употребляют в жареном и вареном

виде, а также готовят кабардинское национальное блюдо – курицу в сметане (каб. – *джэдлыбжьэ*).

Пища из кисломолочных продуктов

В настоящее время, также, как и раньше важным элементом традиционной гастрономической культуры кабардинцев являются молочные продукты, отличающиеся разнообразием. О разнообразии и способах приготовления кисломолочных продуктов в наши дни рассказали шеф-повара предприятий общественного питания, информаторы полевых экспедиций 2023 г., научные исследователи и ученые. Основу рациона составляют кисломолочные продукты, такие как кислое молоко, сметана, сливочное и топленое масло и разнообразные виды сыра. Кроме того, до наших дней у кабардинцев сохраняется значительное количество технологий приготовления кисломолочных блюд, основанных на рецептах традиционной гастрономической культуры. Однако, следует отметить, что шеф-повара предприятий общественного питания г. Нальчик поведали о том, что «на сегодняшний день приобретать и использовать натуральные и свежие кисломолочные продукты не всегда удается, для того чтобы качество держать на высоком уровне» [ПМА. 2025/05].

Большинство молочных блюд в традиционной гастрономической культуре кабардинцев готовили с добавлением молочной сыворотки. Информаторы сохранили сведения о некоторых традиционных блюдах из кисломолочных продуктов, их наименованиях на родном языке, способах приготовления и хранения, полезных свойствах и т.п. Например, сохранились сведения о таких блюдах, как молочная сыворотка (каб. – *къундэпсо*) [ПМА. 2023/01], пшенный суп с добавлением кисломолочных продуктов (каб. – *хъантхъупс* [ПМА. 2023/01]), кисломолочный напиток (каб. – *шху*) [ПМА. 2023/05; ПМА. 2023/14], сырный соус (каб. – *кхъуей шыпс*) [ПМА. 2022/07].

В настоящее время в некоторых пунктах общественного питания практикуется приготовление блюд из молочных продуктов с опорой на классические рецепты кабардинской кухни. Это подтверждается сведениями экспертных интервью. Например, шеф-повар одного из популярных ресторанов КБР, Информатор № 2, сообщал о том, что и сейчас, и в прошлом кабардинцы готовили очень разнообразные блюда из молока. Он подчеркивал, сыр высокого качества получался исключительного из свежего молока. В прошлом сыр делали и мягким, и твердым, сушили на солнце. Вкусным считался тот сыр, который готовили в горной местности на пастбищах из свежего надоенного молока. Сейчас такой сыр большая редкость. Если его и делают, то только в селах [ПМА. 2025/03]. Это отражено и в современной культуре питания кабардинцев. Например, Респондент № 8 о способах приготовления и хранения сычужного сыра сообщал, что в прошлом из молока делали разнообразные продукты: сыр, кефир, сметану, творог, масло сливочное, масло топленое и т.д. Он отмечал, что при приготовлении сыра в домашних условиях для быстрого свертывания молока использовали сычуг (каб. – *лъатэ*). Действующим началом является сычужный фермент (химозин) – фермент желудочного сока. После забоя животного выделяли сычуг, мыли в проточной воде, внутрь засыпали полную горсть соли. Сычуг присаливался снаружи, а

затем вялился. Сычуг помещали в сыворотку – *шэжыпс* (целиком или частями) [ПМА. 2023/01]. В настоящее время технология приготовления сычужного сыра существенно изменилась.

В материалах полевых экспедиций сохранились сведения об использовании и хранении копченного сыра (каб. – *кхъуей плыжь*) в традиционной гастрономической культуре кабардинцев. Например, Респондент № 5 сообщал о том, что, у кабардинцев копченный сыр имел традиционную форму сырной головки-диска, символизирующего солнце, и нежную корочку карамельного цвета. Готовился исключительно из натурального цельного молока. По его сведениям, этот сыр коптили над крапивой, как и мясо. Его готовили в основном из коровьего молока, а также – из овечьего и козьего. Кабардинский копченый сыр всегда отличался высокими вкусовыми качествами и хранился долгое время [ПМА. 2023/05]. Также Респондент № 8 сообщал о том, что при приготовлении копченного сыра цельное молоко доводили почти до кипения, медленно половником его поливали по краям сычужным соком и затем продолжали периодически подливать сок до тех пор, пока не всплывет белая шапка массы. Выжимали осторожно, придавая ей округлую форму. Выкладывали в дуршлаг или сито и давали стечь сыворотке. В глубокую посуду с плотно закрывающейся крышкой наливали круто подсоленную теплую сыворотку и в нее на сутки опускали сыр, затем коптили или сушили [ПМА. 2023/01].

Об использовании сметаны (каб. – *шатэ*) и способах ее заготовки в традиционной пищевой культуре питания также сохранились сведения в народной памяти кабардинцев. Например, Респондент № 8 сообщал о том, что домашнюю густую сметану кабардинцы заготавливали ближе к осени [ПМА. 2023/01]. Кроме того, информатор Респондент № 9 сообщал о том, что ценным и широко применяемым в кабардинской кухне молочным продуктом являлась сметана. Б.Х. Кармоков отмечал, что из сметаны получали обладавшее изысканными вкусовыми качествами масло (каб. – *тхъущIынэ*) [ПМА. 2023/03]. Также, рассказывая о способах хранения сливочного масла, Респондент № 10 отметил, что в прошлом сливочное масло хранили в воде, сменяя теплую воду на холодную [ПМА. 2023/10].

Респондент № 3 сообщала о том, о способах приготовления топленого сливочного масла (каб. – *тхъу гъэвэжа*), которые использовала еще ее бабушка. Так как сливочное масло считалось скоропортящимся продуктом, его перетапливали. Когда из него выпаривалась вся влага, оно могло храниться долгое время. После этого осадок (каб. – *тхъущIэж*), остающийся на дне котла, выкладывали деревянной лопаткой в посуду, оставляя в котле лишь пригоревшую часть. *ТхъущIэж* получался желтоватый, густой, с ароматным запахом [ПМА. 2023/03]. О схожей процедуре приготовления *тхъущIэж* говорил и Информатор № 2: «Из полученного сливочного масла готовили топленое масло, а потом уже из топленого масла выделялось небольшое количество масла» [ПМА. 2025/03]. Также, Респондент № 11 сообщала, что *тхъущIэж* часто употребляли в пищу с мамалыгой [ПМА. 2023/11].

Еще одним блюдом этой группы, о котором в настоящее время сохраняются богатые сведения в народной памяти кабардинцев, является сметанный соус с

сыром (каб. – *кхъуейжьапхъэ*). Рассказывая о способах его приготовления, Респондент № 9 сообщал, что муки или крупы добавлялось больше, до получения густой массы, как мамалыга. Готовое блюдо подавали как в горячем, так и в холодном виде. В первом случае его раскладывали лопаточкой на посуду. К этому блюду обязательно подавалось в отдельной посуде кислое молоко [ПМА. 2023/03]. При приготовлении мамалыги, мучного блюда на сметане с сыром (каб. – *жэмыкуэ*), нарезали свежий сыр на мелкие кусочки, или мяли его руками, положив в чугунный казанок, разбивали туда же одно яйцо, перемешивали ложкой до получения однородной массы. Затем заливали сметану и ставили на медленный огонь. Варили при непрерывном помешивании (чтобы не пригорел сыр) до полного растворения сыра вместо комочков появлялись тонкие нити. Блюдо подавалось в горячем виде с пастой [ПМА. 2023/03].

В целом, анализ полевых материалов и результатов экспертных интервью показывает, что в настоящее время в народный памяти кабардинцев сохраняется большой пласт информации о кисломолочных блюдах традиционной национальной кухни, рецептах их приготовления и способах хранения. Многие названия сохраняются на родном языке (сыворотка / *шэжыпс*, копченный сыр / *кхъуей плыжь*, сметана / *шатэ*, масло / *тхъуцIынэ,* топленое масло / *тхъу гъэвэжа*, осадок от приготовления топленого масла / *тхъущIэж,* сметанный соус с сыром / *кхъуейжьапхъэ*). Некоторые из них продолжают готовить в настоящее время, однако изменились сами способы их приготовления, качество ингредиентов и т.п.

Данный аспект гастрономической культуры кабардинцев также подвержен изменениям, связанным с влиянием современных тенденций. Эти тенденции вполне выявляются на основе анализа экспертных интервью. О способах приготовления и использовании копченного сыра в современных условиях рассказала Информатор № 4. Она обратила внимание на то, что в настоящее время меняется технология приготовления блюд. По ее мнению, в культуре питания кабардинцев кроме мясных блюд, также хорошо развито и сыроварение. В качестве основного блюда этой группы она называла «знаменитые кабардинские сыры» [ПМА. 2025/04]. Однако, по ее мнению, появляется новое оборудование, новые закваски, и вообще продукты все практически меняются. При этом Информатор № 4, занимаясь кейтерингом, замечает, что во время проведения выездных массовых мероприятий идет своего рода коллаборация национальной и европейской кухни, то есть идут закуски и салаты европейские, но при этом многие гости спрашивают местный кабардинский сыр [ПМА. 2025/04]. Она говорит, что на таких мероприятиях часто от гостей звучат запросы подобного плана: «мы хотим сыр не пармезан или моцареллу, а хотим наш местный кабардинский сыр» [ПМА. 2025/04]. Кроме того, Информатор № 4 обращала внимание на популяризацию блюд национальной кухни кабардинцев за пределами ареала проживания и отмечала появление специализированных ресторанов, которые пользуются определенным успехом, в гг. Москва, Сочи и др. Она особо отметила, что их владельцы стараются сохранять вкусовые качества блюд традиционной национальной кухни кабардинцев. Она обратила внимание на то, что для этого «они возят мясо из Нальчика, сливки, молоко и сметану тоже их везут отсюда, для того чтобы вся еда имела именно такой вид, который должен быть» [ПМА. 2025/04].

Говоря о перспективах развития традиционной кабардинской кухни она отмечала: «я думаю будущее есть у ресторанов, которые будут заниматься исключительно национальной кухней» [ПМА. 2025/04].

Все это говорит о том, что современная кисломолочная продукция, основанная на гастрономических традициях кабардинцев, пользуется определенным спросом как на их исторической родине, так и за ее пределами. В настоящее время сохраняется ряд старинных блюд, сохраняются их названия на кабардино-черкесском языке, отмечается повышение спроса на некоторые из них во время проведения массовых мероприятий и т.п. Некоторые гастрономические практики в области кисломолочной продукции сохраняются у кабардинцев и в повседневной жизни.

Пища из злаковых культур

Схожие тенденции трансформации традиционной гастрономической культуры (адаптация под современные реалии, сохранение названий на кабардино-черкесском языке, повышение спроса во время проведения массовых мероприятий и т.п.) прослеживаются у кабардинцев и в отношении пищи из злаковых культур. В повседневной практике кабардинцев и во время проведения массовых мероприятий по-прежнему используются блюда, приготовленные из пшеничной и кукурузной муки. Материалы экспертных интервью и полевые исследования дают возможность выявить основные элементы народной памяти кабардинцев в этом аспекте гастрономической культуры и отметить векторы ее трансформации в настоящее время.

Блюда, приготовленные из пшеничной муки (общие сведения). Так, при исследовании блюд из злаковых культур в гастрономической культуре кабардинцев шеф-повара предприятий общественного питания охотно делились сведениями, рассказывая о блюдах, приготовленных из пшеничной муки. Так, например, шеф-повар популярного ресторана в г. Нальчик, Информатор № 3, сообщал о том, что блюда из пшена (каб. – *нIастэ*) среди гостей региона не пользуются большим спросом [ПМА. 2025/03]. При этом он обращал внимание на то, что гости республики особое предпочтение отдают национальным мучным блюдам, а особенно часто заказывают лакумы (каб. – *лэкъум*), даляны (каб. – *дэлэн*). Также, шеф-повара отмечают, что приезжие гости зачастую подходят и спрашивают рецепты и технологии приготовления лакумов. Кроме того, предпочтение отдают мучным сладостям национальной кухни, а именно: хворосту (каб. – *зыкIэрыс*), кабардинской халве (каб. – *хьэлыуэ*), тонким пышным завернутым лакумам (каб. – *тхъурыжь*), слоеному хлебу (каб. – *щIакхъуэзытеупIэщIыкI*) [ПМА. 2025/03]. Шеф-повар другого популярного ресторана в г. Нальчик, Информатор № 5, отметила, что «лакумы и далян – это традиционные блюда, без которых уже никуда… они готовятся и на праздники, и на поминки» [ПМА. 2025/05]. Схожую деталь отмечал Информатор № 2, сообщая о том, что основными его излюбленными блюдами в кабардинской кухне являются лакумы и даляны. По его мнению, на первый взгляд это вроде бы кажется просто, но у каждого рецепт свой, качество приготовления свое и никто не делает одно и то же блюдо одинаково [ПМА. 2025/02]. Шеф-повар отметил, что даже если говорить

о лакумах, то все без исключений их готовят по-разному. У кого-то они получаются плотными внутри, а у кого-то пустыми. У одних по вкусу они сладкие, а у других соленые. Но он считает, что «правильные» лакумы те, которые пышные, а внутри пустые. Существует значительное количество факторов, из-за которых лакумы у всех получаются разными [ПМА. 2025/02].

В гастрономической культуре кабардинцев с давних времен *nIacmэ* считается одним из основных блюд, которая часто заменяет хлеб. *ПIacmэ* готовили из пшена и из кукурузы. Во время сбора экспертных интервью шеф-повара заведений общественного питания делились своими знаниями и мнением о пшенном продукте *nIacmэ*. Например, шеф-повар ресторана, Информатор № 1, сообщал о том, что блюдо *nIacmэ*, во все времена считалось основным блюдом традиционной кабардинской кухни. По его мнению, существует представление о том, что продукт, из которого сделана *nIacmэ,* помогает пищеварению, и благодаря этому, вместе с *nIacmэ* вся остальная пища переваривается легко [ПМА. 2025/01]. Кроме того, Информатор № 5 сообщала о том, что первое впечатление о *nIacmэ* (из пшенной или кукурузной муки) у многих неоднозначное, но есть гости, которые возвращаются к ним не один раз и уже сами спрашивают и заказывают *nIacmэ*. То есть, с первого раза не всем нравится это блюдо, но потом, на второй или третий раз гости уже сами просят это блюдо [ПМА. 2025/05]. Шеф-повар Информатор № 2 сообщал о том, в ресторане, в котором он работает, стараются готовить как можно больше интересных кабардинских блюд. Но *nIacmэ* пользуется невысоким спросом среди посетителей. Опираясь на собственный опыт и практику, он рассказал: «По мнению группы туристов, которая ужинала в кафе и их ужин состоял из блюд национальной кухни, но *nIacmэ* они называли «пшенными брикетами», не понимая вкус блюда» [ПМА. 2025/02].

Шеф-повар Информатор № 3 отметил, что в настоящее время особым спросом пользуется пшенный суп *(*каб. – *хугу хьэнтхъупс).* Его заказывают, чтобы поесть и в самом ресторане, и доставкой на дом [ПМА. 2025/03]. Он обращал внимание на то, что в процессе приготовления пасты можно было очень просто получить пшенный суп. При этом он считает, что *«*это единственный суп у кабардинцев, который мог быть подан как первое блюдо» [ПМА. 2025/03].

Сведения шеф-поваров, собранные во время экспертных интервью по этой части, во многом подтверждаются и материалами полевых исследований. Например, Респондент № 1 сообщала, что из пшена готовили суп – *хьэнтхъупс* и *nIacmэ* – крутую кашу без соли, которую ели с мясом и с другими блюдами, заменяя ею хлеб [ПМА. 2023/01]. Таким образом, следует отметить, что отношение к пшенной пасте в настоящее время неоднозначное. Кабардинцы считают пшенную пасту незаменимой и ценной едой, тогда как у гостей КБР такого мнения не сложилось.

В экспертном интервью Информатор № 4 сообщала о том, что в гастрономической культуре кабардинцев, как в прошлом, так и в настоящем готовят лепешку (каб. – *мэжаджэ*), которую также называют *мэжаджэ*, *чурек*, *хьэтыкъ* [ПМА. 2025/04]. По ее мнению, *мэжаджэ* – это «просто пшено, залитое кипятком и пожаренное без масла, которое может выдерживать долгую дорогу и оставаться при этом съедобным» [ПМА. 2025/04]. Во время сбора полевых материалов некоторые респонденты сообщали о том, что в настоящее время хлеб из

пшенной муки (*мэжаджэ)* готовят также, как и чуреки из пшенной муки. Выстоявшее тесто выкладывают в предварительно смазанную жиром сковороду и выпекали в духовке, как хлеб [ПМА. 2023/12]. Респондент № 12 сообщал о том, что хатламу (каб. – *хьэл1амэ*) употребляли в пищу в горячем и холодном виде вместо хлеба [ПМА. 2023/12].

Кроме того, в настоящее время сохранились сведения о рецептах приготовления другого традиционного блюда национальной кухни кабардинцев – халвы (каб. – *хьэлыуэ*). Например, Респондент № 8 сообщал, что прежде всего, топленое коровье масло наливали в казанок. В кипящее масло постепенно, помешивая его деревянной лопаточкой, засыпали пшенную муку, хорошо прожаривали в течение 10-15 минут, затем снимали с огня и добавляли постепенно сладкую медовую воду до образования равномерной густой массы. Готовую массу выкладывали на плоское блюдо, придавая форму пласта толщиной примерно 4-5 сантиметров. После того, как она остывала, разрезали на кусочки ромбической или кубической формы, размером 4/4 сантиметра или несколько больше. Халва лежала долгое время и не портилась [ПМА. 2023/01].

Для усиления вкусовых качеств блюд мучной пищи как в прошлом, так и в настоящее время применяются другие продукты. Например, мед по-прежнему является одним из основных компонентов сладких мучных блюд [ПМА. 2023/13].

Блюда, приготовленные из кукурузной муки. Рассказывая в экспертном интервью о блюдах из кукурузной муки, Информатор № 3 сообщал о том, что кабардинская кухня полезная, калорийная, блюда могут долго храниться и не портиться. Исходя из этого, в прошлом некоторые блюда кабардинской кухни использовались как походная пища. Например, если взять с собой и съесть лепешку из кукурузной муки (каб. – *чыржын*), кисломолочный продукт (каб. – *шху*), сушеное мясо, то сил и энергии могло хватить почти на весь день». Однако, по мнению шеф-повара, «мало кто, на сегодняшний день интересуется таким блюдом как *чыржын* (кукурузная лепешка), поэтому в меню оно не включено. Все знают, что такое *чыржын*, но никто не спрашивает это блюдо» [ПМА. 2025/01]. По мнению шеф-повара, связано это с изобилием еды и изобилием разных заведений [ПМА. 2025/01].

Рассказывая о способах приготовления ритуального супа *ашрыкъ,* Информатор № 5 сообщала о том, что это блюдо пользуется особым спросом не только среди местных жителей, но и среди гостей из разных уголков России. Она отметила, что «это блюдо ритуальное и имеет свою историю, его готовили в день Ашура, но в настоящее время его чаще готовят и едят как повседневное, так и по желанию гостей» [ПМА. 2025/05]. Кроме того, Информатор № 8 сообщал, что *ашрыкъ* – ритуальный суп из вяленого мяса. Это старинное аутентичное адыгское (черкесское) блюдо [ПМА. 2023/01]. По сведениям респондента, его традиционно готовили весной. Блюдо символизировало ожидаемые в новом году урожай, изобилие в семье, поэтому ашрык делали в каждом доме. По мнению респондента, уже в наши дни обряд приготовления этого блюда совпадает с мусульманским праздником – днем Ашура, который отмечают через 40 дней после

праздника Курман-Байрам. В прошлом его обычно варили в котлах большого объема и угощали друзей, родственников, соседей [ПМА. 2023/08].

В гастрономической культуре кабардинцев как в прошлом, так и в настоящее время лакумы готовили и из кукурузной муки (каб. – *нартыху лэкъум*). Например, Респондент № 8 сообщал, что раньше долгое время лакумы из кукурузной муки могли храниться. Лакумы подавались как в горячем, так и в холодном виде [ПМА. 2023/08]. В настоящее время лакумы из кукурузной муки готовятся реже, чем из пшеничной.

О приготовлении и употреблении воздушной кукурузы (каб. – *нартыху гъэпIэнкIа*) сохранились сведения в полевых материалах. Например, Респондент № 8 сообщал о том, что в прошлом кроме основных блюд также готовили воздушную кукурузу. Он отмечал, что раньше «это блюдо считалось детской едой. В те времена не было ни конфет, ни печенья и дети очень радовались, когда им готовили воздушную кукурузу» [ПМА. 2023/08]. По его сведениям, в настоящее время надобность в такой технологии отпала, так как пищевая промышленность располагает современным оборудованием. Также респондент отметил, что кукурузу употребляли в вареном и жареном виде [ПМА. 2023/08].

Шеф-повар ресторана в г. Нальчик, Информатор № 3, сообщал о том, что из обжаренной и перемолотой в порошок кукурузы (каб. – *хьэкъурт*) готовили калорийное блюдо, этот порошок «можно было добавлять в кислое молоко и пить, либо смешивать с медом и есть» [ПМА. 2025/03].

Кроме того, шеф-повар другого ресторана в г. Нальчик, Информатор № 1, сообщал о том, что исконно старые рецепты многих блюд традиционной национальной кухни кабардинцев уже потеряны, и в настоящее время некоторые их них не пользовались бы большим спросом [ПМА. 2023/11]. Из собственных детских воспоминаний Информатор № 1 рассказывал, как каждый день его бабушка жарила кукурузную лепешку, и также часто заваривали *хьэкъурт*. По его наблюдениям, в настоящее время уже всем этим не пользуются, а по детству все это еще было [ПМА. 2025/01]. В ходе сбора полевых материалов также были получены сведения о том, как в прошлом кабардинцы готовили *хьэкъурт,* часть повседневного рациона [ПМА. 2023/11].

Сведений о применении традиционных блюд из риса и из ячменной муки в современной гастрономической культуре кабардинцев в ходе сбора полевых материалов и проведения экспертных интервью выявлено не было. При этом рис употребляется в пищу в качестве гарнира вместе с другими блюдами.

Блюда из фруктов и ягод

В прошлом фрукты и ягоды являлись частью традиционной гастрономической культуры кабардинцев. Они отличались своим ассортиментом, сезонностью и содержанием полезных свойств. Фрукты и ягоды употреблялись как в свежем виде, так и в сушеном. Кроме того, из них готовили свежие напитки, соления, пастилу и др. В настоящее время фрукты и ягоды также широко употребляются в пищу (консервирование фруктов и овощей, изготовление варенья, повидла, компотов и солений [Пафова 1992]) и в полной мере сохраняют свои названия в кабардино-черкесском языке.

В народной памяти кабардинцев сохранились сведения об употреблении в пищу фруктов и ягод. Так, например, в 2023 г. Респондент № 13 сообщала о том, что широко развитое в прошлом среди кабардинцев садоводство способствовало тому, что они выращивали и употребляли в пищу разнообразный и обширный ассортимент фруктов: яблоки (каб. – *мыIэрысэ*), груши (каб. – *кхъужь*), сливы (каб. – *къымцIэ*), вишни (каб. – *шэдыгъуэ*), виноград (каб. – *жызум*) и т.п., которые употреблялись как в свежем, так и в сушеном виде [ПМА. 2023/13]. В том же году Респондент № 14 обращал внимание на то, что в летнее время в полях и предгорных районах КБР было очень много земляники (каб. – *губгъуэ мэракIуэ*), также был сезон тутового дерева (каб. – *мэракIуей*). Осенью люди шли в лес и собирали мушмулу (каб. – *къущхьэмыш*). Кроме этого, в лесу собирали дикие ягоды: терн (каб. – *пыжьей*), боярышник (каб. – *хьэмкIутIей*), облепиху (каб. – *къазмакъ*). По словам респондента, у кабардинцев практиковался сбор почек с деревьев боярышника, маленькой вишни, яблонь, которые потом вываривали как чай, то есть делали травяной напиток (каб. – *удзыпс*) [ПМА. 2023/14]. Кроме того, Респондент № 15 в 2023 г. сообщал о том, что при консервировании использовали плоды дикой яблони (каб. – *мыйэ*), груш (каб. – *кхъужь*) и маленьких шишечек (каб. – *шыкIуртIым*) [ПМА. 2023/15]. Нередко собранные фрукты заливали водой. Так, Респондент № 6 сообщал, что после сбора маленькие дикие груши засыпали в бочку, заливали холодной водой и оставляли на зиму. После груши употребляли в пищу, а воду из-под них пили (каб. – *кхъужьыпс*). По словам респондента, *кхъужьыпс* обладала тонизирующим свойством и была похожа на лимонад [ПМА. 2023/14]. Также в сведениях полевых материалов сохранились данные об употреблении в пищу фруктов в сушеном виде: например, пастила (каб. – *мэрэзей*) [ПМА. 2023/01; ПМА. 2023/07].

Пища из овощей, бобовых и бахчевых культур

Пища из овощных культур [овощей]. Пища из овощей, бобовых и бахчевых культур остается важной частью современной пищевой системы кабардинцев. В настоящее время из овощей используются в пищу картофель, огурцы, помидоры, перец, лук, чеснок и др. Как в прошлом, так и в настоящее время широко распространено употребление картофеля (каб. – *кIэртоф*) в пищу [ПМА. 2023/10]. Его добавляли в супы, соусы, вареное и жареное мясо и др. В вареный и жареный картофель добавляли чесночную соль (каб. – *бжьыныху шыгъу*) [ПМА. 2022/07].

Как в прошлом, так и в настоящее время огурцы (каб. – *нащэ*) употребляются в свежем виде, а также являются одним из компонентов при приготовлении салатов, кроме того, огурцы солят (каб. – *нащэ фIэIу*) и готовят малосольными (каб. – *мащIэу щыугъэ нащэбэгу*) [ПМА. 2022/07]. В прошлом широко практиковалось консервирование овощей в дубовых бочках (каб. – *фандырэ*): засоленные огурцы (каб. – *нащэ фIэIу*), помидоры (каб. – *бэдрэжан фIэIу*), капуста (каб. – *къэбыстэ фIэIу*) [ПМА. 2023/08].

Некоторые информаторы отмечали, что в прошлом помидоры (каб. – *бэдрэжан*) практически не употреблялись в пищу. В настоящее время помидоры выращивают на грядках в огородах, в теплицах и употребляют их в свежем виде, а также используют как компонент салатов [ПМА. 2023/08].

Респонденты отмечали, что использовании в пищевой культуре кабардинцев перца (каб. – *шыбжий*) обладает целым рядом полезных свойств: улучшает обмен веществ, нормализует кровообращение головного мозга, разжижает кровь, улучшает пищеварение, стимулирует работу печени и поджелудочной железы (у тех, кто не страдает хроническими заболеваниями этих органов) [ПМА. 2023/01]. Кроме того, в традиционной пищевой культуре кабардинцев использовали как раньше, так и в настоящее время перцовое топленое масло (каб. – *шыбжий тхъу гъэвэжа*) [ПМА. 2022/07].

Пища из бобовых. Как в прошлом, так и в настоящее время в пищу употребляются блюда из фасоли (каб. – *джэрщлыбжьэ*) [ПМА. 2025/04]. Также, Респондент № 8 сообщал, что наибольшее распространение в кабардинских рецептах получила красная фасоль (каб. – *джэрщ плъыжь*). По его сведениям, этот продукт издавна мололи в муку, варили, тушили, готовили пюре, добавляли в супы, вторые блюда и закуски. Главным условием было хранение в сухом месте, не допуская попадания влаги в фасоль [ПМА. 2023/01]. Схожую деталь отметила Респондент № 11, она сообщала, что в начале сезона молодую фасоль и горох варили и ели сразу, а более созревшую со временем перемалывали и употребляли в пищу [ПМА. 2023/11].

Пища из бахчевых культур. Бахчевые культуры в традиционной системе питания кабардинцев по-прежнему занимают важное место. Арбузы (каб. – *хъарбыз*), дыни (каб. – *хъэуан*) и тыкву (каб. – *къэб*) употребляют в пищу как в свежем, так и в приготовленном виде. Тыкву употребляют как в вареном виде (каб. – *къэб гъэва*), так и в качестве начинки для пирогов (каб. – *дэлэн къэб дэлъу*). Например, Респондент № 7 сообщала, что каждую осень, когда созревала тыква, ее варили и всей семьей ели с медом. Кроме этого, часто употребляли тыквенный соус (каб. – *къэбшыпс*), вернее было бы назвать его напитком из тыквы [ПМА. 2022/07].

Напитки в традиционной гастрономическое культуре кабардинцев

В настоящее время напитки по-прежнему остаются важной частью гастрономической культуры кабардинцев. По сведениям Информатора № 1, особый интерес у гостей республики вызывает алкогольсодержащий напиток махсыма (каб. – *махъсымэ*). С *махъсымэ* происходит организация встреч и проводов гостей. *Махъсымэ* является одним из востребованных напитков как у местных жителей, так и у гостей республики. Чтобы правильно приготовить *махъсымэ* требуется несколько недель. Сохранилось много разных способов приготовления *махъсымэ* [ПМА. 2025/03].

Рассказывая об употреблении чая в гастрономической культуре кабардинцев, Рреспондент № 4 сообщала о том, что у кабардинцев большой популярностью как в прошлом, так и в настоящее время пользуются чаи из разных трав. Чай (каб. – *шей къарэ*), например, готовили из травы, которую собирали и сушили, она нам известна под названием «иван-чай». Кроме того, готовили разнообразное количество лекарственных травяных чаев [ПМА. 2023/03].

Перспективы развития кабардинской кухни

Определенный научный интерес представляют сведения специалистов и обывателей о перспективах развития национальной кухни кабардинцев. Эти сведения отражают как современное ее состояние, так и основные аспекты ее будущего состояния. Мнения специалистов основаны на личном опыте и познаниях в сфере гастрономической культуры в современных меняющихся условиях (глобализации, коммерциализации традиционной кухни, множественного изготовления и т.п.). При этом гастрономическая культура все также остается одним из основных маркеров этнокультурной идентичности кабардинцев, блюда сохраняют названия на национальном языке и т.п. В этом плане рассмотрим мнения специалистов о перспективах развития кабардинской кухни. Так, Информатор № 1 в беседе 11 февраля 2025 г. сообщал, что в настоящее время кабардинская кухня востребована и устойчиво развивается. Заведение, в котором он работает в должности шеф-повара, рассчитано не только на жителей КБР, но и на туристов. Он акцентировал внимание именно на том, что его заведение чаще посещают именно для того, чтобы «попробовать национальную кухню, познать ее» [ПМА. 2025/02]. Он отмечал, что особенностью заведения, в котором он работает, является качественное информирование посетителей об особенностях традиционной кабардинской кухни перед заказом блюд со стороны официантов, и говорил о повышенном интересе посетителей в отношении такой информации [ПМА. 2025/02].

Шеф-повар другого заведения, специализирующегося на приготовлении блюд кабардинской национальной кухни, Информатор № 5, в беседе 14 февраля 2025 г. сообщал о том, что считает, что «будущее за традиционной аутентичной кухней» [ПМА. 2025/05]. Она особо отмечала: «*Все эти истории про молекулярную кухню, про европейскую и т.д., они имеют место быть, но национальная кабардинская кухня благодаря своим традициям, вкусам, своей натуральности и неповторимости всегда будет пользоваться спросом, и люди, не только живущие здесь, но и приезжающие всегда будут стремиться именно к настоящей кабардинской кухне*» [ПМА. 2025/05]. Говоря о перспективах развития национальной кухни кабардинцев Информатор № 5 уверен, что «кабардинская кухня всегда будет держать высокую планку, опять же за счет своей уникальности» [ПМА. 2025/05]. Также она отмечала о важности передачи рецептов приготовления блюд национальной кухни следующим поколениям. Она говорила о национальной кухни кабардинцев: «это история, которую нужно сохранять, и только в этом случае все может сохраниться на долгие годы, а может и на века…» [ПМА. 2025/05].

Информатор № 4 говорил, что «*раньше вообще было невозможно представить себе, что появится ресторан кабардинской кухни. Зачем? Потому что вся кухня наша – это кухня домашнего приготовления. То есть любая хозяйка готовит прекрасно у себя дома всю эту еду*» [ПМА. 2025/04]. В числе основных условий появления пунктов общественного питания, специализировавшихся на приготовлении блюд национальной кухни кабардинцев, он выделял: изменение условий и ритма жизни в целом, увеличение занятости трудоспособного населения, развитие разные форм туризма и т.д. И это, по ее мнению, говорит о том,

что «люди готовы пойти в ресторан национальной кухни и готовы потратить там много денег, хотят привести туда своих гостей, гордиться своей кухней» [ПМА. 2025/04]. Она считает, что «у ресторанов, которые будут заниматься исключительно национальной кухней, есть большое будущее» [ПМА. 2025/04] причем как в Кабардино-Балкарской Республике, так и за ее пределами.

Все это говорит о том, что специалисты едины во мнении о том, что национальная кухня кабардинцев будет развиваться и спрос на нее будет повышаться как у обывателей, так и у туристов. Вместе с тем снижение спроса на услуги организаций общественного питания, специализирующихся на традиционной кухне, не прогнозируется.

Заключение

Таким образом, в настоящее время гастрономическая культура кабардинцев продолжает меняться, сохраняя основные аутентические качества, но трансформируясь под влиянием современных тенденций (глобализации, коммерциализации традиционной кухни, изменении условий жизни и т.п.). В народной памяти кабардинцев сохраняются сведения о способах приготовления, особенностях употребления в пищу, условиях хранения и консервирования, питательных свойствах и т.п. Многие аутентичные качества блюд национальной кухни кабардинцев сохраняются в мясной пище, пище из кисломолочных продуктов, злаковых культур, фруктов, ягод, овощей, бахчевых и других культур, а таже – напитков. Многие из них до сих пор сохраняют названия на национальном языке и употребляются в пищу, как в быту, так и в местах общественного питания (кафе, рестораны, залы торжеств и т.п.). В числе блюд мясной пищи в настоящее время наиболее употребимы колбаса из внутренностей (*жарумэ*), сушеное мясо (*лыгъур*), курица в сметане (*джэдлыбжьэ*), «кабардинскую колбаса» (*тхьэмщIыгъуныбэ*), бульон (*лэпс*), мясное блюдо (*либжа*), баранья голова (*мэл щхьэ*), жареная говядина (*лы гъэжьа*), вареная говядина (*лы гъэва*), жареная баранина (*мэл гъэжьа*), вареная баранина (*мэл гъэва*). В числе молочных блюд – молочная сыворотка (*къундэпсо*), пшенный суп с добавлением кисломолочных продуктов (*хъантхъупс*), кисломолочный напиток (*шху*), сырный соус (*кхъуей шыпс*), копченный сыр (*кхъуей плыжь*), сметана (*шатэ*), сливочное масло (*тхъуцIынэ*), топленое масло (*тхъу гъэвэжа*), осадок топленого сливочного масла (*тхъущIэж*), сметанный соус с сыром (*кхъуейжьапхъэ*), мучное блюдо на сметане с сыром (*жэмыкуэ*). В числе блюд из злаковых культур – блюда из пшена (*пIастэ*), лакумы (*лэкъум*), даляны (*дэлэн*), хворост (*зыкIэрыс*), кабардинская халва (*хьэлыуэ*), тонкие пышные завернутые лакумы (*тхъурыжь*), слоеный хлеб (*щIакхъуэзытеупIэщIыкI*), лепешка (*мэжаджэ*), хатламу (*хьэл1амэ*), лепешка из кукурузной муки (*чыржын*), ритуальный кукурузный суп (*ашрыкъ*), лакумы из кукурузной муки (*нартыху лэкъум*), воздушная кукуруза (*нартыху гъэпIэнкIа*), обжаренная и перемолотая в порошок кукуруза (*хьэкъурт*). В числе блюд из фруктов – травяной напиток (*удзыпс*), консервирование плодов дикой яблони (*мыйэ*), грушевая вода (*кхъужьыпс*), пастила (*мэрэзей*). В числе блюд из овощей, бобовых и бахчевых культур – чесночная соль (*бжьыныху шыгъу*), соленые огурцы (*нащэ фIэIу*), малосольные огурцы (*мащIэу щыугъэ нащэбэгу*),

соленые помидоры (*бэдрэжан фIэIу*), капуста (*къэбыстэ фIэIу*), перцовое топленое масло (*шыбжий тхъу гъэвэжа*), пироги с тыквой (*дэлэн къэб дэлъу*), тыквенный соус (*къэбшыпс*), блюдо из фасоли (*джэрщлыбжьэ*). В числе напитков – алкогольсодержащий напиток махсыма (*махъсымэ*), чаи из разных трав, черный чай (*шей къарэ*).

В современных условиях наблюдается повышение спроса на блюда национальной кухни кабардинцев как на территории Кабардино-Балкарии, так и за ее пределами. В настоящее время в гастрономической культуре кабардинцев при проведении массовых мероприятий как в местах общественного питания, так и в домашних условиях сохраняются некоторые традиционные обрядовые практики, связанные с употреблением пищи. Вместе с тем, отмечаются и основные тенденции трансформации традиционной гастрономической культуры кабардинцев (условия приготовления с использованием современных технологий, подмена ингредиентов с произведенных в личном хозяйстве на произведенные в массовом порядке и в промышленных масштабах и т.п.). Некоторые блюда национальной кухни кабардинцев воспринимаются жителями и гостями КБР в качестве региональных этнокультурных брендов (кабардинский сыр (*адыгэ кхъуей*), пироги (*дэлэн*), курица в сметанном соусе с густой пшенной кашей (*джэдлыбжьэрэ пIастэрэ*) и т.д.). Кроме того, специалисты и обыватели отмечают, что у национальной кухни кабардинцев есть будущее, так как будущее национальной кухни заключается в ее умелой интеграции в современный гастрономический контекст. Важно не только сохранять и передавать традиционные рецепты, но и адаптировать их к современным вкусам и предпочтениям, используя новые технологии и ингредиенты. Не все блюда кабардинской национальной кухни употребляются сейчас, это связано с тем, что кабардинскую кухню, как и любую другую национальную кулинарную традицию, не следует рассматривать как нечто статичное и неизменное. В современном мире она подвергается влиянию глобализации, доступности новых продуктов и технологий, а также изменениям в потребительских предпочтениях. Все это говорит о том, что на современном этапе гастрономическая культура кабардинцев является одним из основных маркеров их этнокультурной идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Список информаторов

ПМА. 2023/01 – Полевые материалы автора. Респондент № 1: Г-ва А.Д., 63 года, г. Нальчик, КБР. Дата записи 16.04.2023 г.

ПМА. 2023/02 – Полевые материалы автора. Респондент № 2: К-ва Х.Х., 67 лет, с. Шитхала, КБР. Дата записи – 19.04.2023 г.

ПМА. 2023/03 – Полевые материалы автора. Респондент № 3: Ч-ва З.М., 62 года, с. Залукокоаже, КБР. Дата записи – 20.04.2023 г.

ПМА. 2023/04 – Полевые материалы автора. Респондент № 4: Н-ва З.Х., 58 лет, с. Герменчик, КБР. Дата записи – 22.04.2023 г.

ПМА. 2023/05 – Полевые материалы автора. Респондент № 5: К-в А.М., 77 лет, с. Верхний Куркужин, КБР. Дата записи – 23.04.2023 г.

ПМА. 2022/07 – Полевые материалы автора. Респондент № 7: Б-ва Х.Д., 59 лет, г. Нальчик, КБР. Дата записи – 28.03.2022 г.

ПМА. 2023/08 – Полевые материалы автора. Респондент № 8: Б-ва М.Х., 71 год, г. Нарткала, КБР. Дата записи – 28.04.2023 г.

ПМА. 2023/09 – Полевые материалы автора. Респондент № 9: К-в Б.М., 77 лет, с. Сармаково, КБР. Дата записи – 22.04.2023 г.

ПМА. 2023/10 – Полевые материалы автора. Респондент № 10: К-в М.А., 69 лет, с. Анзорей, КБР. Дата записи – 25.04.2023 г.

ПМА. 2023/11 – Полевые материалы автора. Респондент № 11: Д-ва К.М., 85 лет, г. Нальчик, КБР. Дата записи – 17.04.2023 г.

ПМА. 2023/12 – Полевые материалы автора. Респондент № 12: М-в А.З., 70 лет, с. Каменномостское, КБР. Дата записи – 11.04.2023 г.

ПМА. 2023/13 – Полевые материалы автора. Респондент № 13: К-ва М.М., 74 года, с. Лечинкай, КБР. Дата записи – 26.04.2023 г.

ПМА. 2023/14 – Полевые материалы автора. Респондент № 14: Х-в А.Х., 72 года, с. Дугулубгей, КБР. Дата записи – 24.04.2023 г.

ПМА. 2023/15 – Полевые материалы автора. Респондент № 15: Б-в И.А., 63 года, с. Исламей, КБР. Дата записи – 25.04.2023 г.

ПМА. 2025/01 – Полевые материалы автора. Информатор № 1. Шеф-повар ресторана, г. Нальчик, КБР. Дата записи – 06.02.2025 г.

ПМА. 2025/02 – Полевые материалы автора. Информатор № 2. Шеф-повар гранд-кафе, г. Нальчик, КБР. Дата записи – 11.02.2025 г.

ПМА. 2025/03 – Полевые материалы автора. Информатор № 3. Шеф-повар ресторана, г. Нальчик, КБР. Дата записи – 12.02.2025 г.

ПМА. 2025/04 – Полевые материалы автора. Информатор № 4. Управляющая рестораном, г. Нальчик, КБР. Дата записи – 10.02.2025 г.

ПМА. 2025/05 – Полевые материалы автора. Информатор № 5. Шеф-повар ресторана, г. Нальчик, КБР. Дата записи – 14.02.2025 г.

Список литературы

Адыги 2022 – Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги. – Москва: «Наука», 2022. – 870 с. – (Серия «Народы и культуры»).

Кешева 2019 – *Кешева З.М.* Национальная кухня кабардинцев как предмет брендирования // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 2(41). – С. 54-60. – DOI 10.31007/2306-5826-2019-2-41-54-60. – EDN MIVEIP.

Кускарова 2022 – *Кускарова О.И.* Этнокультурные особенности традиционной пищи адыгов // Культурное наследие народов Юга России: итоги и перспективы изучения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 23 ноября 2022 года. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2022. – С. 145-149.

Мамбетов 2002 – *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: «Эль-фа», 2002. – 347 с.

Пафова 1992 – *Пафова М.Ф.* Традиционная система питания адыгов (XIX-XX вв.): Автореф. дисс. канд. ист. н-к. – Москва, 1992. – 24 с.

Студенецкая 1953 – *Студенецкая Е.Н.* Быт и культура кабардинского народа в XVIII–XIX вв. // Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 10. Оп. № 5. Ед. хр. 8. 1953 г.

Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1978 г. – 334 с.

Цикуниб, Езлю 2014 – *Цикуниб А.Д., Езлю Ф.Н.* Традиционная система питания адыгов: культурно-гигиенические и педагогические аспекты // Наука: комплексные проблемы. – 2014. – № 1(2). – С. 40-50. – EDN TIJPZX.

Ширитова Л.Ж., Жилова 2021 – *Ширитова Л.Ж., Жилова Р.М.* Особенности и традиции кабардинской и балкарской кухни // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. – 2021. – № 2(32). – С. 160-166. – EDN DZZICW.

REFERENCES

List of sources

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 1: G-va A.D., 63 goda, g. Nal'chik, KBR. Data zapisi 16.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 2: K-va KH.KH., 67 let, s. Shitkhala, KBR. Da-ta zapisi – 19.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 3: CH-va Z.M., 62 goda, s. Zalukokoazhe, KBR. Data zapisi – 20.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 4: N-va Z.KH., 58 let, s. Germenchik, KBR. Data zapisi – 22.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 5: K-v A.M., 77 let, s. Verkhnii Kurku-zhin, KBR. Data zapisi – 23.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 7: B-va KH.D., 59 let, g. Nal'chik, KBR. Da-ta zapisi – 28.03.2022 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 8: B-va M.KH., 71 god, g. Nartkala, KBR. Data zapisi – 28.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 9: K-v B.M., 77 let, s. Sarmakovo, KBR. Data zapisi – 22.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 10: K-v M.A., 69 let, s. Anzorei, KBR. Data zapisi – 25.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 11: D-va K.M., 85 let, g. Nal'chik, KBR. Data zapisi – 17.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 12: M-v A.Z., 70 let, s. Kamennomostskoe, KBR. Data zapisi – 11.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 13: K-va M.M., 74 goda, s. Lechinkai, KBR. Data zapisi – 26.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 14: KH-v A.KH., 72 goda, s. Dugulubgei, KBR. Data zapisi – 24.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Respondent № 15: B-v I.A., 63 goda, s. Islamei, KBR. Data zapisi – 25.04.2023 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Informator № 1. Shef-povar restorana, g. Nal'chik, KBR. Data zapisi – 06.02.2025 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Informator № 2. Shef-povar grand-kafe, g. Nal'chik, KBR. Data zapisi – 11.02.2025 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Informator № 3. Shef-povar restorana, g. Nal'chik, KBR. Data zapisi – 12.02.2025 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Informator № 4. Upravlyayushchaya restoranom, g. Nal'chik, KBR. Data zapisi – 10.02.2025 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Informator № 5. Shef-povar restorana, g. Nal'chik, KBR. Data zapisi – 14.02.2025 g. (In Russ.).

List of literature

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Adygs: Adygeans. Kabardians. Circassians. Shapsugs]. – Moskva: «Nauka», 2022. – 870 s. – (Seriya «Narody i kul'tury»). (In Russ.).

KESHEVA Z.M. *Natsional'naya kukhnya kabardintsev kak predmet brendirovaniya* [The national cuisine of the Kabardians as an object of branding]. In: Vest-nik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanii. – 2019. – № 2(41). – P. 54-60. – DOI 10.31007/2306-5826-2019-2-41-54-60. – EDN MIVEIP. (In Russ.).

KUSKAROVA O.I. *Etnokul'turnye osobennosti traditsionnoi pishchi adygov* [Ethnocultural features of the traditional food of the Adygs]. In: Kul'turnoe nasledie narodov Yuga Rossii: itogi i perspektivy izucheniya: Sbornik materia-lov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii,

Krasnodar, 23 noyabrya 2022 goda. – Krasnodar: Krasnodarskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2022. – P. 145-149. (In Russ.).

MAMBETOV G.KH. *Traditsionnaya kul'tura kabardintsev i balkartsev* [The traditional culture of the Kabardians and Balkars]. – Nal'chik: «El'-fa», 2002. – 347 p. (In Russ.).

PAFOVA M.F. *Traditsionnaya sistema pitaniya adygov (XIX-XX vv.)* [The traditional food system of the Adygs (19th-20th centuries)]: Avtoref. diss. kand. ist. n-k. – Moskva, 1992. – 24 p. (In Russ.).

STUDENETSKAYA E.N. *Byt i kul'tura kabardinskogo naroda v XVIII–XIX vv.* [Everyday Life and Culture of the Kabardian People in the 18th and 19th Centuries]. In: Arkhiv IGI KBNTS RAN. F. 10. Op. № 5. Ed. khr. 8. 1953 g. (In Russ.).

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. – Nal'chik: Knizhnoe izdatel'stvo «El'brus», 1978 g. – 334 p. (In Russ.).

TSIKUNIB A.D., EZLYU F.N. *Traditsionnaya sistema pitaniya adygov: kul'turno-gigienicheskie i pedagogicheskie aspekty* [The Traditional Diet of the Adyghe People: Cultural, Hygienic, and Pedagogical Aspects]. In: Nauka: kompleksnye problemy. – 2014. – № 1(2). – P. 40-50. – EDN TIJPZX. (In Russ.).

SHIRITOVA L.ZH., ZHILOVA R.M. *Osobennosti i traditsii kabardinskoi i balkarskoi kukhni* [Features and Traditions of Kabardian and Balkarian Cuisine]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta im. V.M. Kokova. – 2021. – № 2 (32). – P. 160-166. – EDN DZZICW. (In Russ.).

Информация об авторе

З.М. Балкарова – старший преподаватель.

Information about the author

Z.M. Balkarova – senior lecturer.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 39
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-130-143
EDN: ITHQEQ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ КАБАРДИНЦЕВ

Мадина Рамазановна Тутукова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, tutukova198011111@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-9609-9802

Аннотация. Исследование посвящено выявлению и характеристике основных тенденций трансформации обычаев и традиций современной свадебной обрядности у кабардинцев на основе анализа архивных и полевых материалов, результатов статистической обработки полученных данных и материалов экспертных интервью. В ходе исследования установлено, что в настоящее время у кабардинцев сохраняется ряд традиционных обычаев и традиций свадебного цикла, но в видоизмененной, адаптированной под современные реалии форме. Обращается внимание на то, что многие свадебные обряды сохраняют свои названия на кабардино-черкесском языке (унэишэ, нысашэ, щауэишыж, благъэзэгъэцIыху, малъхъэтешэ и т.д.), что отчасти отражает некоторые элементы их этнокультурной самобытности. В ходе анализа экспертных интервью и полевых материалов выявлен ряд тенденций трансформации современной свадебной обрядности у кабардинцев, в числе которых: театрализация и усиление их зрелищности, вариативность и адаптивность традиционных обрядов под современные реалии, сокращение во времени проведения обрядов свадебного цикла, сочетание этнокультурных и религиозных обрядов и т.п. Сделан вывод о том, что значительное количество традиционных свадебных обрядов продолжают применяться в современной практике, хотя есть и те, которые утратили свое значение и уже не практикуются. При этом, несмотря на существенные трансформации, обряды свадебного цикла у кабардинцев в настоящее время остаются важным маркером их этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: кабардинцы; свадебные обряды; привоз невесты; приданное; семья; заключение брака; сватовство; жених; невеста; торжество; ритуал; культура

Для цитирования: Тутукова М.Р. Некоторые особенности трансформации современной свадебной обрядности кабардинцев // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 130-143. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-130-143. EDN: ITHQEQ.

© Тутукова М.Р., 2026

Original article

SOME FEATURES OF THE TRANSFORMATION OF THE MODERN WEDDING RITUALS OF THE KABARDIANS

Madina R. Tutukova
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia, tutukova198011111@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-9609-9802

Abstract. The study is devoted to identifying and characterizing the main trends in the transformation of customs and traditions of modern wedding rituals among the Kabardians, based on the analysis of archival and field materials, the results of statistical processing of the data obtained, and expert interview– P. The study revealed that the Kabardians currently maintain a number of traditional customs and traditions of the wedding cycle, but in a modified form that has been adapted to modern realitie– P. It is noted that many wedding rituals retain their names in the Kabardian-Cherkessian language, which partly reflects some elements of their ethno-cultural identity. Based on the analysis of expert interviews and field materials, a number of trends in the transformation of modern Kabardian wedding rituals have been identified, including the theatricalization and increased spectacle of these rituals, the variability and adaptability of traditional rituals to modern realities, the reduction in the duration of wedding rituals, the combination of ethno-cultural and religious rituals, and so on. It is concluded that a significant number of traditional wedding rituals continue to be used in modern practice, although there are also those that have lost their significance and are no longer practiced. Despite significant transformations, the wedding rituals of the Kabardians remain an important marker of their ethno-cultural identity.

Keywords: Kabardians; wedding rituals; bringing the bride; dowry; family; marriage; matchmaking; groom; bride; celebration; ritual; culture

For citation: Tutukova M.R. Some features of the transformation of the modern wedding rituals of the Kabardians. In: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 130-143. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-130-143. EDN: ITHQEQ.

© Tutukova M.R., 2026

Введение

Современная кабардинская свадьба включает много элементов традиционного многоуровневого комплекса обрядов. В настоящее время многие семьи при проведении свадебных обрядов предпочитают следовать старинным традициям. Свадебные обряды относятся к наиболее устойчивым элементам культуры, многие из них до сих пор сохраняют старинные названия на кабардино-черкесском языке. Все это делает их одним из основных маркеров этнокультурной идентичности кабардинцев в настоящее время. При этом современная свадебная обрядность подвержена существенной трансформации под влиянием целого ряда факторов: глобализации, взаимовлияния культур, унификации обрядности и т.п. Это приводит к тому, что в числе основных направлений трансформации выявляется усиление тенденций к проведению большинства обрядов свадебного цикла в специализированных помещениях (залах торжеств, местах общественного питания и т.п.), сокращение времени их проведения, коммерциализация услуг по их организации и проведению торжеств и т.п. Все это актуализирует необходимость научного исследования особенностей трансформации традиционной свадебной обрядности у кабардинцев в настоящее время.

При этом следует отметить, что в этнографическом кавказоведении к настоящему времени накопился достаточно большой опыт исследования основных аспектов традиционной свадебной обрядности у кабардинцев. Так, основные ее аспекты затрагивались в трудах Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1869], Т.Т. Шиковой [Шикова 1959], С.Х. Мафедзева [Мафедзев 1977], Б.Х. Бгажнокова [Бгажноков 1978; Бгажноков 2010], Л.Х. Сабанчиевой [Сабанчиева 2009; Сабанчиева 2015], Р.Б. Унароковой [Унарокова, Хакунова 2019], Т.А. Котляровой

[Котлярова 2011], Д.А. Калашаовой [Калашаова 2016], С.А. Орловой [Адыгская свадьба… 2019], А.Х. Абазова [Абазов 2009; Абазов 2013; Абазов 2014] и др., а также в некоторых обобщающих работах [Адыги 2022]. Кроме того, в трудах некоторых исследователей затрагивались вопросы трансформации традиционной свадебной обрядности кабардинцев в постсоветский период. Например, Л.Х. Сабанчиева поводила сравнительный анализ современной и традиционной кабардинской свадьбы. [Сабанчиева 2015: 57]. Особенности соединения традиционных свадебных обычаев кабардинцев и компонентов современной европейской свадьбы исследует Д.А. Калашаова [Калашаова 2016: 78]. Однако, это сфера этнической культуры кабардинцев является наиболее изменчивой и требует постоянных замеров ее текущего состояния.

Исследование особенностей трансформации традиционной свадебной обрядности у кабардинцев в настоящее время возможно с опорой на ряд источников: архивных и полевых материалов, социологических опросов, экспертных интервью.

Так, в целях выявления традиционных элементов свадебной обрядности кабардинцев были задействованы собранные в 60-70-х гг. XX в. полевые материалы, которые в настоящее время хранятся в архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН [Архив ИГИ КБНЦ РАН].

Для характеристики свадебной обрядности кабардинцев в настоящее время в ходе исследования применялись полевые материалы автора, собранные в марте–апреле 2025 г. в г. Нальчик и населенных пунктах Кабардино-Балкарской Республики с большинством кабардинского населения. Так, в целях выявления отношения современного общества к изменениям, которые происходят с кабардинскими свадебными обрядами в первой четверти XXI в., был проведен опрос, в котором принимали участие 137 респондентов. Из которых 109 женщины (79,6 %) и 28 мужчины (20,4 %). В возрасте до 18 лет было опрошено 9 человек (6,6 %), в возрасте от 28 до 25 лет – 50 (36,5 %), от 26 до 35 лет – 24 (17,5 %), старше 36 лет – 54 (39,4 %). Для настоящего исследования отобраны материалы, наиболее подробно характеризующие современное состояние свадебной обрядности у кабардинцев. Дополнительно была проведена статистическая обработка проведенного опроса, результаты представлены в виде количественных данных, отражающих процентное соотношение получаемых от респондентов ответов. Респонденты отвечали на вопросы: «нравятся современные свадебные мероприятия у кабардинцев?»; «есть ли необходимость сохранения традиционных обрядов, которые складывались у кабардинцев на протяжении многих веков?»; «какие предпочтения к населения к выбору места проведения свадебного торжества: дома, в ресторане и т.п.?», «какие традиционные свадебные обряды сохраняются в наше время, а какие уже устарели?» [ПМА. Респ.] и т.п. Результаты опросов были обработаны в форме количественных данных с указанием, какое количество респондентов отвечало на те или иные вопросы в процентном соотношении. Применение данных методов позволило выявить тенденции трансформации старинных обычаев и традиций в современной свадебной обрядности кабардинцев.

Еще одним источником исследования поставленной проблемы выступают материалы экспертных интервью. В ходе исследования были опрошены известные организаторы и ведущие свадебных торжеств, проводимых в настоящее

время по кабардинским обычаям. Информаторам было предложено ответить на вопросы о том, какие свадебные обряды кабардинцев наиболее востребованы в настоящее время, как они меняются в современных условиях, какие при этом наблюдаются тенденции их изменений, каковы источники получения ими информации о старинных обрядах и т.п. В целях сохранения анонимности персональных данных респондентов и интервьюеров в тексте работы приведены условные обозначения (инициалы) их имен и фамилий, указан их возраст, стаж профессиональной деятельности и место проведения сбора данных.

Результаты

Анализ полевых материалов и результатов экспертных интервью показывает, что в настоящее время у кабардинцев сохраняется ряд традиционных обычаев и традиций свадебного цикла, но в видоизмененной, адаптированной под современные реалии форме. Кроме того, наблюдается некоторое повышение интереса населения к проведению части свадебных обрядов именно в традиционной форме. Многие свадебные обряды сохраняют свои названия на кабардино-черкесском языке, что отчасти отражает некоторые элементы их этнокультурной самобытности. Причем в настоящее время они сохраняются практически на каждом этапе проведения свадебного торжества. В целях выявления некоторых особенностей проведения современных свадеб у кабардинцев целесообразно изучить опыт проведения свадебных торжеств организаторами, услуги которых в первой четверти XXI в. становятся все более востребованными среди жителей как городской, а так и сельской местности, а также с опорой на материалы полевых исследований.

В настоящее время, элементы традиционной свадебной обрядности кабардинцев прослеживаются на всех этапах ее проведения (вывоз невесты из родительного дома, перевоз ее в дом жениха, знакомство невесты с родственниками жениха, знакомство жениха с родственниками невесты, знакомство родственников жениха с родственниками невесты). Например, сейчас обряды, связанные с вывозом невесты из родительного дома, сохраняют некоторые элементы свадьбы, бытовавшие у кабардинцев еще до революционных событий 1917 г. Так, например, в XIX – начале XX вв. о намерении дочери выйти замуж ее родители сообщали всем родственникам и близким, которые собирались в день её увоза в доме родителей невесты. Данная традиция также отчасти сохранилась и в первой четверти XXI в.: родственникам заранее сообщают о событии, чтобы они также могли подготовиться и присутствовать при этом свадебном обряде. Некоторые традиционные элементы кабардинской свадьбы сохраняются и при обсуждении вопросов, связанных с уплатой калыма. Например, в круг переговорщиков или получателей калыма, как и прежде, включаются родственники и близкие семьи жениха. В источниках отмечалось, что в прошлом за калымом ездили близкие родственники жениха по материнской линии: двоюродный брат (например, каб. – *пхъурылъху,* букв. – «рожденные от дочерей (рода)» [Бгажноков 2010: 5]), дядя (каб. – *анэ дэлъху*, букв. – «брат мамы»), и т.д. Тогда, как правило, в состав такой делегации обязательно входил человек, который «хорошо знал скот, которым располагал отец их будущего зятя и если отсутствовал вол или лошадь или

корова, то требовал его возвращения» [Калашаова 2016: 80].

В советское время в новых политико-правовых реалиях эти обычаи претерпели некоторые изменения. Например, информатор, Т.Г. Балкаров в 1972 г. рассказывал по этому поводу следующее: «*Я женился в 1922 году на девушке из Старого Лескена и, хотя калым был запрещен мой отец, уплатил два вола, две коровы. Тогда умели обходить законы, и калым платили под различным видом. Я скрывался у товарища неделю. Накях оформили в доме невестки. За накях уплатили 5 руб. В уплате калыма помогали братья и родственники*» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.]

В настоящее время в состав такой делегации входят старшие представители рода жениха. Также при переговорах старших могут сопровождать молодые люди. Постепенно менялся и формат калыма. В настоящее время в качестве калыма в большинстве случаев преподносят определенную денежную сумму, и такая форма калыма характерна для многих народов Северного Кавказа. Исследователи отмечают, что в настоящее время необходимость проведения такого мероприятия отпала. Родственники, соседи и иные гости оказывают помощь в виде подарков, которые преподносится непосредственно в день свадьбы (в большинстве случаев) в виде определенной денежной суммы в специальных конвертах, которые могут содержать поздравительные тексты [Калашаова 2016: 81].

В прошлом перевоз невесты из родительского дом в дом жениха носил затяжной во времени характер и был насыщен множеством обрядов, застолий и т.п. Перед перевозом собирали родственников, соседей, односельчан на предсвадебное вечернее застолье, участники которого вносили на свадебные расходы деньги, продукты питания и т.д. Бывали случаи, когда собравшиеся дарили семье 15-30 овец на зарез (каб. – *ныш*). В народе говорили: «*Нысэ къэшэри уэ ниэгъущ*» / С этим [привозом невесты] много всего связано) [Сабанчиева, 1993: 74]. Также было много обрядов, связанных «со сбором молодыми кур по селению», оказанием взаимопомощи родственниками и близкими брачующихся, прикосновение к рукаву платья невесты (каб. – *Іэщхьэубыдыпщ Іэ*), плата за «вставание» невесты (каб. – *гъэтэджыпщ Іэ*), игры в унос шапки (каб. – *пы Іэ-ехьэжьэ*), захват свадебного знамени (каб. – *нып-ехьэжьэ*), скачки со стрельбами в куриные яйца (каб. – *щухэр щ Іэжурэ*), вхождение во двор жениха (каб. – *пщ Іант Іэ дыхьэ*), ввод молодой в большой дом (каб. – *унэишэ*), обычай «побег старушки» (каб. – *фызыжь цlыклум и къуэпс*), реальным и фиктивным умыканием (каб. – *епхъуэу къэхьын*) и т.п. Круг примеров о бытовании отдельных свадебных обрядов у кабардинцев в прошлом можно продолжать, однако все они отражают аутентичные свойства свадебных обрядов, а для нашего исследования представляют собой основу для определения векторов их трансформации в настоящее время. При этом следует учитывать, что некоторые из перечисленных обрядов в настоящее время уже не применяются. Например, сейчас при проведении свадеб испытания и состязания гостей не проводятся, современные свадьбы не сопровождаются сложными испытаниями для жениха и его друзей.

Так, анализ результатов экспертных интервью позволяет выявить ряд основных векторов трансформации свадебных обрядов у кабардинцев в настоящее время. Вместе с тем в настоящее время сохраняется целый пласт традиционных

свадебных обрядов, многие из которых являются неотъемлемой частью современных торжеств. Например, организатор свадеб А.Б.-2 по этому поводу отмечал, что «из множества старинных обрядов осталось нетронутым лишь малая часть» [ПМА А.Б.-2]. По его мнению, это такие обряды, как: *унэишэ*, *нысашэ*, *щауэишыж* [ПМА А.Б.-2]. В числе наиболее значимых современных свадебных обрядов кабардинцев организатор свадеб А.Б.-2 выделяет *нысашэ* (букв. – вывод невесты из родительского дома). Он говорил: «Лично мне симпатизирует тот момент в обряде «Нысашэ», когда невесту окружают ее подруги и в шуточной форме требуют выкуп за невесту» [ПМА А.Б.-2].

При этом в настоящее время многие элементы *нысашэ* проводятся в видоизменённой модернизированной форме. Анализ полевых материалов показывает, что в настоящее время существенные изменения, например, произошли и по составу свадебного кортежа и его декора. Перевоз невесты в дом жениха или с места проведения *нысашэ* к месту проведения основного свадебного торжества (если мероприятия проводятся в залах торжеств) в настоящее время также проводятся в модернизированном виде. По-прежнему это шумный и привлекающий всеобщее внимание обряд, перемещение кортежа сопровождается звуками клаксонов авто и громкой музыкой автомагнитол. Есть некоторые изменения и по автодекору. Например, в настоящее время автомобиль (или автомобили, в случаях, если жених и невеста перемещаются в разных авто) для молодых теперь принято украшать другим символом брака – двумя сплетенными кольцами и разноцветными лентами, натянутыми на правую сторону капота, в самое последнее время на капоте машины стали выкладывать большую цветочную композицию в виде сердца из живых или искусственных красных цветов. На ленты нашиваются бутоны цветов. Появились коммерческие организации, специализирующиеся на аренде свадебных автомобилей, платьев, костюмов, посуды, мебели и т.п. В КБР их услугами пользуются как сельчане, так и горожане. Однако, в настоящее время это в большей мере постановочные театрализованные мероприятия, в которых их участникам предстоит условно пройти через традиционные свадебные ритуалы.

Другим не менее востребованным старинным обрядом на современных свадьбах является *унэишэ* (букв. – вхождение невесты в дом / в семью жениха). Организатор свадеб А.Б.-2 вспоминал: «*Когда я был маленький, в обряде «унэишэ» мне запомнилось, как бабушки сидели в ряд, когда заводили невесту в дом. Она наступала на овечью шкуру, после чего ее обсыпали сладостями, монетами, купюрами. Помню, как мы с мальчишками ждали этот момент чтобы собрать сладости и деньги. Сейчас это ощущается не так в моем детстве, тогда этот момент ощущался по-другому, по-особенному. Многие задаются вопросом, так для чего же стелили шкуру? Считалось, будущая невеста должна стать такой же мягкой, пушистой и белой как эта шкурка*» [ПМА А.Б.-2]. Он отмечал, что во время проведения *унэишэ* «родственники жениха приносили свои дары и произносили благопожелания в адрес невесты и ее молодой семьи» [МИЭ. А.Н.]. А.Н. выделял в числе неотъемлемого элемента современного *унэишэ* обряд обмазывания губ невесты медом (каб. – *ІурьцІэлъ*). Это делалось «для того, чтобы ее уста были сладки и красноречивы по отношению к родственникам жениха»

[МИЭ. А.Н.]. Это, как правило, делала старшая женщина в роду жениха, она же снимала и покрывало с головы невесты. При этом информаторы особо обращают внимание на то, что этот обряд практикуется и в настоящее время, но его в основном проводят торжественно в ресторанах (залах торжеств) при участии большого количества гостей [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.].

Еще одним не менее востребованным обрядом современной кабардинской свадьбы является *щауэишэж* (букв. – возвращение жениха домой / в семью после *унэишэ*). Организатор свадеб А.Б.-1 отмечал, что проведение этого обряда делается для того, чтобы старшие как бы «простили» жениха, так как тот после того, как привозил невесту, а сам уходил из дома, все мероприятия по организации торжества ложились на плечи старших. *Щауэишэж* – это своеобразное прощение жениха и дозволение ему вернуться в семью [МИЭ. А.Б.-1].

Важным элементом современной кабардинской свадьбы является обряд *благъэзэгъэцIыху* (букв. – знакомство родственников жениха с родственниками невесты). Организатор свадеб А.Н. говорил, что раньше *благъэзэгъэцIыху* проводился в отдельный день после *унэишэ.* После чего проводился еще один обряд *малъхъэтешэ,* когда на следующий день жених знакомился с родственниками невесты [МИЭ. А.Н.].

При этом, в настоящее время в большинстве случаев все основные свадебные обряды (включая *унэишэ*, *нысашэ*, *щауэишыж, благъэзэгъэцIыху* и *малъхъэтешэ*) их организаторы стараются провести за короткий промежуток времени (чаще, во время торжественного застолья).

Анализ полевых материалов и результаты экспертных интервью показывают, что ранее существовало множество брачных запретов и обычаев избегания, некоторые из которых сохранились до настоящего времени, а некоторые уже не практикуются. Например, из всех брачных запретов в настоящее время в той или иной мере соблюдается старшинство при проведении свадебных торжеств [Адыгская свадьба… 2019: 538]. Ранее существовал запрет на вступление в брак младших сиблингов, если старшие еще не имели семей. В настоящее время это обычай практически не соблюдается. Бывают случаи, когда сами старшие сестры и братья давали разрешение на вступление в брак младшим. В настоящее время санкции за отклонение от традиционных норм либо не применяются вообще, либо применяются в смягченном виде (общественное порицание, нравоучение и т.п.). В прошлом же нарушитель подвергался тяжелым наказаниям [Мафедзев 1979: 124].

Анализ экспертных интервью и полевых материалов дает возможность выявить ряд тенденций трансформации современной свадебной обрядности у кабардинцев, в числе которых просматриваются театрализация и усиление их зрелищности, увеличение количества смешанных межнациональных свадеб, вариативность и адаптивность традиционных обрядов под современные реалии, сокращение во времени проведения свадебных обрядов, сочетание этнокультурных и религиозных обрядов и т.п. Например, некоторые организаторы свадеб отмечают, что на фоне нивелирования некоторых традиционных форм проведения свадеб происходит их трансформация в сторону постановочности и придания зрелищности некоторым старинным обрядам. Например, организатор свадеб со

стажем Э.Д. отмечал: «Свадьбы постепенно утрачивают своё прежнее значение и приобретают черты шоу-концертов» [МИЭ. Э.Д.]. Именно с этим, по его мнению, связана востребованность ярких постановочных номеров и зрелищных элементов при проведении современных свадеб [МИЭ. Э.Д.]. При этом он обращает внимание на то, что в настоящее время «всё реже вспоминаются исконные национальные особенности» [МИЭ. Э.Д.]. При этом он относится к этому, как к естественному нормальному процессу: «Времена меняются и свадьбы не могут оставаться такими, какими были» [МИЭ. Э.Д.]. Следует отметить, что некоторые специалисты относятся к трансформации свадебной обрядности как к нормальному естественному явлению, а некоторые видят в этом отрицательные тенденции, которые могут привести к нежелательным последствиям (например, утрате исторической памяти, нивелированию некоторых духовно-нравственных ценностей народа или некоторых элементов этнокультурной идентичности). Другой опытный организатор свадеб А.Б.-2 по этому поводу говорил: «*К моему большому сожалению, современные свадебные мероприятия претерпевают большие изменения. На второй план уходят старые кабардинские обряды. Дождь как шел, так и идет, снег как падал, так и падает, технология не стоит на месте, мир развивается. Вместе со всем этим меняется человек и его мышление*» [ПМА А.Б.-2]. При этом в ходе исследования выявлена тенденция, по которой молодые организаторы свадебных торжеств сами стремятся к сохранению старинных обычаев кабардинцев [ПМА А.Н.].

В числе современных тенденций при проведении свадебных мероприятий организатор свадеб Э.Д. отмечает увеличение количества смешанных межнациональных браков [МИЭ. Э.Д.]. В этом случае возникает необходимость проведения торжества с опорой на обряды обоих народов. Нередко на смешанные свадьбы приглашают организаторов разных национальностей для проведения обрядов по своей части. Иногда такие устроители свадеб работают согласованно в коллаборации и многие из них к настоящему времени уже наработали определенный опыт взаимодействия, приспосабливая обычаи и традиции одного народа к обычаям и традициям другого. Организатор свадеб Э.Д. сообщал, что иногда его товарищ балкарец организатор свадеб А.Б.-1 часто предлагает ему провести часть свадьбы по кабардинским обычаям, в то время как свою часть проводит по балкарским [МИЭ. Э.Д.]. Причем организатор свадеб Э.Д. обращает внимание на то, что в настоящее время при организации смешанных свадеб наблюдается некоторые отклонения от традиционных норм, определявших, что свадьба должна проводиться исключительно по национальным обрядам жениха. Он заметил, что в настоящее время в таких случаях чаще всего принято сохранять основные элементы традиционной свадебной обрядности обоих народов, проводя компромиссные мероприятия [МИЭ. Э.Д.]. Информатор отмечает, что сейчас «*независимо от национальной принадлежности жениха, современные свадьбы [например, если жених – кабардинец, а невеста – балкарка] почти всегда включают традиционный обряд снятия с невесты платков и их вручения старшим женщинам со стороны жениха*» [МИЭ. Э.Д.]. Он говорил: «*Будь жених кабардинец или представитель другого народа, церемонию с платком обязательно проведут*» [МИЭ. Э.Д.].

В качестве другой тенденции современной кабардинской свадьбы организатор свадеб Э.Д. отмечает условное уравнивание в правах сторон жениха и невесты при ее организации. Он особо отмечал, что «*уже нет такого патриархального подчинения, как в традиционных свадьбах, когда сторона жениха главенствует*» [МИЭ. Э.Д.].

Говоря о тенденциях трансформации современных свадеб у кабардинцев, организатор свадеб Э.Д. обращал внимание на то, что в настоящее время при проведении отдельных старинных свадебных обрядов появляются новые интерпретации, адаптируемые к современным реалиям [МИЭ. Э.Д.]. При это возможна и некоторая вариативность при их отправлении. Информатор, обобщая опыт своей работы в этой сфере, говорил: «*хотя существуют устоявшиеся народные обычаи, но каждая пара вправе вносить изменения, выбирая понравившиеся элементы [свадебного торжества]*» [МИЭ. Э.Д.]. Он считает, что «*именно поэтому современная культура находится в постоянном движении, перемешивая древние и новейшие традиции*» [МИЭ. Э.Д.].

Материалы полевых исследований и экспертных интервью показывают, что в настоящее время отмечается тенденция сокращения во времени проведения свадебных обрядов. Если ранее они растягивались на неопределенное время, то теперь компактно проводятся в течение одного (в редких случаях – нескольких дней) дня. Это можно рассмотреть на примере отдельных обычаев. Например, если в прошлом после торжественного перевоза во дворе жениха свадебные торжества проводились в течение длительного времени (иногда одну-две недели), и в течение этого времени в дом жениха родственники невесты доставляли ее одежду, приданное (каб. – *щыгъынхьыж* / букв. «привоз одежды» невесты), то в настоящее время это чаще происходит буквально через несколько часов после начала свадебного торжества (торжественного условного «перевоза невесты» к месту проведения торжества).

При изучении основных аспектов трансформации современной кабардинской свадьбы имеет важное значение исследование вопросов об источниках информации, которыми пользуются их организаторы при планировании мероприятий. Анализ результатов экспертных интервью показывает, что в числе таковых чаще всего выступают личные познания организаторов, полученные ими с раннего детства путем включенного наблюдения, рассказов старших и т.п. Но некоторые организаторы свадеб отмечают, что получают дополнительную информацию по этой части из научной литературы. Например, организатор свадеб Э.Д. отмечает, что в свой работе стремится к сохранению традиций и часто при организации свадебных торжеств обращается к научным трудам Б.Х. Бгажнокова, С.Х. Мафедзева, Г.Х. Мамбетова и др. [МИЭ. Э.Д.].

Несмотря то существенные трансформации свадебной обрядности кабардинцев в настоящее время, их организаторы уверены в том, что свадьба является одним из основных механизмов сохранения национальной идентичности кабардинцев. Например, организатор свадеб А.Н. отмечал: «*Кабардинские обряды, насколько это возможно, мы сохраняем, хотя много чего из того же унэишэ или того же щауэишэж уже утеряно, и многие не делают*» [МИЭ. А.Н.].

В настоящее время отмечается некоторое сочетание традиционных (этнических) и религиозных (этноконфессиональных) обрядов на некоторых этапах свадьбы. Например, как и в прошлом, так и сейчас широко практиковалась регистрация мусульманского брака / накях (каб. – *адыгэ нэчыхь*). Однако и этот обряд в настоящее время также практикуется в видоизмененной форме. Это выражается в изменении порядка и формы его проведения. Например, в прошлом после оформления накяха девушка могла оставаться в родительском доме еще целый год. Это время использовалась на подготовку обоих сторон, на подготовку всех договоренностей. В частности, невеста готовила многочисленные подарки для родителей жениха: полный комплект седла (каб. – *уанэ зэщIэлъхьауэ*)ноговицы (каб. – *нэгъуей*), вышитые сумки (каб. – *бохъшэ*), полотенце (каб. – *напэIэлъэщI*), тесемочки (каб. – *уагъэ цIыкIухэр*), одежду (каб. – *щыгъын*), рубашки для свекра (каб. – *тхьэмадэм папщIэ джанэхэр*) и т.д. В прошлом, когда отвозили невесту домой к родителям жениха, она приготовила различные подарки. В целом данная традиция отчасти сохранилась и в настоящее время, но во видоизмененном формате: подарки по-прежнему отвозят, но сейчас это в основном денежные средства. В настоящее время чаще всего оформление накяха происходит в день привоза невесты в дом жениха. В некоторых случаях накях оформляют в день свадьбы, возможно также его оформление в мечети.

При исследовании различных аспектов трансформации современной кабардинской свадьбы определенный научный интерес представляет отношение и запрос общества к проведению свадеб с опорой на традиции и обычаи. В этом плане определенную информацию дает анализ результатов опроса общественного мнения. Например, на вопрос «нравятся современные свадебные мероприятия у кабардинцев?» 92 человека (67,2 %) ответили «да»; 18 (13,1 %) – «нет»; 27 (19,7 %) – затруднились ответить [ПМА. Респ.]. Таким образом, большинство респондентов в целом положительно относятся к проведению свадебных мероприятий у кабардинцев в настоящее время с опорой на старинные обычаи и традиции, но есть и к этому относится отрицательно.

Большинство респондентов отмечает необходимость сохранения традиционных обрядов, которые складывались у кабардинцев на протяжении многих веков. К примеру, на вопрос о том, как они относится к тому, что постепенно исчезают некоторые старинные свадебные обряды 43 человека (31,4 %) ответили «хорошо»; 38 (27,7 %) – «плохо»; 56 чел. (40,9 %) затруднились дать однозначные ответы [ПМА. Респ.].

Анализ результатов опроса населения показал, что в настоящее время многие предпочитают организовывать свадебные торжества в ресторанах (залах тожеств, банкетных залах и т.п.), нежели в своих домах и квартирах. На вопрос, как вы к тому, что современные свадьбы все чаще проводятся в ресторанах 95 человек (69,9 %) ответили «хорошо»; 20 (14,7 %) – «плохо»; 21 (15,4 %) затруднились дать ответы [ПМА. Респ.]. Респонденты отмечают, что проведение свадебного торжества в ресторане менее хлопотно, позволяет провести многие обряды в течение одного дня, и в целом все гости имеют возможность присутствовать на всех этапах мероприятия.

Особый интерес представляют ответы респондентов на вопрос о тот, какие традиционные свадебные обряды сохраняются и практикуются в настоящее время, а какие уже устарели (на этот вопрос было предложено дать несколько вариантов ответов). Ответы участников опроса следующие (респондентам было предложено дать несколько ответов на поставленный вопрос): 61 человек (20,9 %) ответили «испытание невесты»; 50 человек (17,1 %) – «ввод невесты в «промежуточный» дом; 33 человек (11,3 %) – «вхождение невесты в лом с правой ноги»; 30 человек (10,3 %) – «мазание губы невесты медом»; 29 человек (9,9 %) – «обрядовый танец с кинжалами»; 25 человек (8,6 %) – «выход невесты из родительского дома с покрытой головой (тонкий платок); 24 человек (8,2 %) – затруднились с ответами; 23 человек (7,9 %) – «выкуп невесты; 17 человек (5,8 %) – «вывоз невесты из отчего дома» [ПМА. Респ.]. Результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что значительное количество традиционных свадебных обрядов продолжают применяться в современной практике, хотя есть и те, которые утратили свое значение и уже не практикуются.

Заключение

Таким образом, исследование показывает, что в настоящее время традиционная свадебная обрядность кабардинцев подверглась существенной трансформации. При этом некоторая часть из них продолжает применяться в современных практиках, но в видоизмененной, адаптированной под современные реалии форме (проведение торжеств в специализированных помещениях – залах торжеств, местах общественного питания; сокращение времени проведения торжеств; появление специалистов и коммерческих предприятий для оказания услуг по организации и проведению торжеств; изменение состав кортежей и их декора и т.п.). Многие свадебные обряды сохраняют свои названия на кабардино-черкесском языке, что отчасти отражает некоторые элементы этнокультурной самобытности кабардинцев. В числе основных тенденций трансформации отправления современной свадебной обрядности выявляются повышение интереса населения к их проведению именно в традиционной форме, театрализация и усиление их зрелищности, увеличение количества смешанных межнациональных свадеб, вариативность и адаптивность традиционных обрядов под современные реалии, сокращение во времени проведения свадебных обрядов, сочетание этнокультурных и религиозных обрядов. Вместе с тем меняется и общественное мнение в сфере организации и проведения современных свадебных обрядов. Так, значительная часть обывателей нормально относятся к том, что некоторые старинные свадебные обряды в настоящее время исчезают или практикуются в видоизменной форме. При этом значительная часть обывателей предпочитает организовывать свадебные торжества в ресторанах (залах тожеств, банкетных залах и т.п.), нежели в своих домах и квартирах. Все это говорит о том, что значительное количество традиционных свадебных обрядов продолжают применяться в современной практике, хотя есть и те, которые утратили свое значение и уже не практикуются. Несмотря на существенные трансформации, обряды свадебного цикла у кабардинцев в настоящее время остаются важным маркером их этнокультурной идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

МИЭ. А.Б.-1 – Материалы экспертных интервью. Информатор – А.Б.-2. Мужчина, 55 лет. Организатор свадеб с двадцатилетним стажем.

МИЭ. А.Б.-2 – Материалы экспертных интервью. Информатор – А.Б.-2. Мужчина, 62 года. Организатор свадеб с тридцатилетним стажем.

МИЭ. А.Н. – Материалы экспертных интервью. Информатор – А.Н. Мужчина, 40 лет. Организатор свадеб с десятилетним стажем.

МИЭ. Э.Д. – Материалы экспертных интервью. Информатор – Э.Д. Мужчина, 52 года. Организатор свадеб с двадцатилетним стажем.

ПМА. Респ. – Полевые материалы автора. Результаты опроса респондентов. Дата проведения: март-апрель 2025 г. Место проведения: г Нальчик и населенные пункты Кабардино-Балкарской Республики с большинством кабардинского населения. 137 респондентов.

Литература:

Абазов 2009 – *Абазов А.Х.* К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. – С. 244-275.

Абазов 2013 – *Абазов А.Х.* Гендерный элемент соционормативной культуры кабардинцев (по материалам Кабардинского временного суда (1822–1858) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – № 2. – С. 87-98.

Абазов 2014 – *Абазов А.Х.* «Брак умыканием» как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // Женщина в российском обществе. – 2014. – № 3(72). – С. 3-9.

Адыги 2022 – *Адыги*: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги. – Москва: Издательство «Наука», 2022. – 870 с. – (Серия «Народы и культуры»).

Адыгская свадьба… 2019 – *Адыгская свадьба* как народный институт нравственно-эстетического воспитания молодежи / С. А. Орлов, Н. С. Шевелев, А. А. Решетникова [и др.]. // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 537-539.

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Ф. 10. Материалы по этнографии кабардинцев и балкарцев.

Бгажноков 1978 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 159 с.

Бгажноков 2010 – *Бгажноков Б.Х.* Социальная организация семьи: по материалам исторической этнографии адыгов. – Нальчик: КБИГИ, 2010. – 123 с.

Грабовский 1869 – *Грабовский Н.Ф.* Свадьба в горских обществах Кабардинского округа. // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 15-16.

Калашаова 2016 – *Калашаова Д. А*. Свадебные обряды адыгов, традиции и современность // Постсоветское социокультурное пространство (на примере адыго-абхазской идентичности): Коллективная монография: в рамках проекта РГНФ − Академия наук Абхазии (АНА) № 14-23-12001 «Постсоветское социокультурное пространство (на примере адыго-абхазской культурной идентичности)». Майкоп: Индивидуальный предприниматель Кучеренко Вячеслав Олегович, 2016. С. 78-84.

Кашежев 1892 – *Кашежев Т.П.* Свадебные обряды кабардинцев // Этнографическое обозрение 1892 №01-04 Кн. 12-15.

Котлярова 2011 – *Котлярова Т.А*. Проблемы реконструкции и трансляции праздично-обрядовых форм народной культуры Кемеровской области // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сборник докладов. Т. 2. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. 448 с.

Мамбетов 1998 – *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 1998. – 349 с.

Мафедзев 1977 – *Мафедзев С.Х.* Возвращение жениха в свадебном обряде кабардинцев // Этнография народов Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1977. – Вып. 1. – С. 48-62.

Мафедзев 1979 – *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1979. 203 с.

Сабанчиева 2009 – *Сабанчиева Л.Х.* Кабардинская свадьба: архаичные и современные мотивы // Исторический вестник. 2009. № 8. С. 226-261.

Сабанчиева 2015 – *Сабанчиева Л.Х.* Семья и семейная обрядность кабардинцев: между традицией и модернизацией. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 180 с.

Унарокова, Хакунова 2019 – *Унарокова Р.Б.*, *Хакунова Э.Х.* Адыгская современная свадьба: из опыта реконструкции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2019. – № 4(247). С. 144-148.

Шикова 1959 – *Шикова Т.Т.* Об условиях заключения брака у кабардинцев в дореволюционном прошлом // Ученые записки КБНИИ. – Т. XVI. – Нальчик: Эльбрус, 1959. – С. 129-148.

REFERENCES

Sources:

Materialy ekspertnykh interv'yu [Materials of expert interviews]. Informator – A.B.-2. Muzhchina, 55 let. Organi-zator svadeb s dvadtsatiletnim stazhem. (In Russ.).

Materialy ekspertnykh interv'yu [Materials of expert interviews]. Informator – A.B.-2. Muzhchina, 62 goda. Organi-zator svadeb s tridtsatiletnim stazhem. (In Russ.).

Materialy ekspertnykh interv'yu [Materials of expert interviews]. Informator – A.N. Muzhchina, 40 let. Organiza-tor svadeb s desyatiletnim stazhem. (In Russ.).

Materialy ekspertnykh interv'yu [Materials of expert interviews]. Informator – E.D. Muzhchina, 52 goda. Organiza-tor svadeb s dvadtsatiletnim stazhem. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. Rezul'taty oprosa respondentov. Data provedeniya: mart-aprel' 2025 g. Mesto provedeniya: g Nal'chik i naselennye punkty Kabardino-Balkarskoi Respubliki s bol'shinstvom kabardinskogo naseleniya. 137 respondentov. (In Russ.).

Literature:

ABAZOV A.KH. *K voprosu o formirovanii ponyatiinogo apparata yuridicheskoi antropologii kabardintsev* [On the Formation of the Conceptual Apparatus of the Legal Anthropology of the Kabardians]. In: Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza: sbornik statei k 60-letiyu V.KH. Kazharova. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 2009. – P. 244-275. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Gendernyi element sotsionormativnoi kul'tury kabardintsev (po materialam Kabardinskogo vremennogo suda (1822–1858)* [The Gender Element of the Sociocultural Culture of the Kabardians (Based on the Materials of the Kabardian Provisional Court (1822–1858)]. In: Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. – 2013. – № 2. – P. 87-98. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *«Brak umykaniem» kak institut sotsionormativnoi kul'tury kabardintsev v poslednei chetverti XIX v.* ["Kidnapping Marriage" as an Institution of the Sociocultural Culture of the Kabardians in the Last Quarter of the 19th Century]. In: Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. – 2014. – № 3(72). – P. 3-9. (In Russ.).

ADYGI: ADYGEITSY. KABARDINTSY. CHERKESY. SHAPSUGI [Adygs: Adygean– P. Kabardian– P. Circassian– P. Shapsugs]. – Moskva: Izdatel'stvo «Nauka», 2022. – 870 p. – (Seriya «Narody i kul'tury»). (In Russ.).

Adygskaya svad'ba kak narodnyi institut nravstvenno-esteticheskogo vospitaniya molodezhi / S.A. Orlov, N.– P. Shevelev, A.A. Reshetnikova [i dr.]. [The Adyghe Wedding as a Folk Institution of Moral and Aesthetic Education for Young People]. In: Molodoi uchenyi. 2019. № 49 (287). – P. 537-539. (In Russ.).

Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovanii Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. F. 10. Materialy po etnografii kabardintsev i balkartsev. (In Russ.).

BGAZHNOKOV B.KH. *Adygskii etiket* [Adyghe Etiquette]. – Nal'chik: El'brus, 1978. – 159 – 180 p. (In Russ.).

BGAZHNOKOV B.KH. *Sotsial'naya organizatsiya sem'i: po materialam istoricheskoi etnografii adygov* [Social Organization of the Family: Based on the Materials of the Historical Ethnography of the Adyghes]. – Nal'chik: KBIGI, 2010. – 123 p. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Svad'ba v gorskikh obshchestvakh Kabardinskogo okruga* [Wedding in the Mountain Societies of the Kabardino District]. In: Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Vyp. 2. Tiflis, 1869. – P. 15-16. (In Russ.).

KALASHAOVA D.A. *Svadebnye obryady adygov, traditsii i sovremennost'* [Wedding Rites of the Adyghe, Traditions and Modernity]. In: Postsovetskoe sotsiokul'turnoe prostranstvo (na primere adygo-abkhazskoi identichnosti): Kollektivnaya monografiya: v ramkakh proekta RGNF − Akademiya nauk Abkhazii (ANA) № 14-23-12001 «Postsovetskoe sotsiokul'turnoe prostranstvo (na primere adygo-abkhazskoi kul'turnoi identichnosti)». Maikop: Individual'nyi predprinimatel' Kucherenko Vyacheslav Olegovich, 2016. – P. 78-84. (In Russ.).

KASHEZHEV T.P. *Svadebnye obryady kabardintsev* [Wedding Rites of the Kabardians]. In: Etnograficheskoe obozrenie 1892 №01-04 Kn. 12-15. (In Russ.).

KOTLYAROVA T.A. *Problemy rekonstruktsii i translyatsii prazdnichno-obryadovykh form narodnoi kul'tury Kemerovskoi oblasti* [Problems of Reconstruction and Transmission of Festive and Ritual Forms of Folk Culture in the Kemerovo Region]. In: Ot kongressa k kongressu: materialy Vtorogo Vserossiiskogo kongressa fol'kloristov: sbornik dokladov. T. 2. Moskva: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 2011. 448 p. (In Russ.).

MAMBETOV G.KH. *Traditsionnaya kul'tura kabardintsev i balkartsev* [Traditional Culture of the Kabardians and Balkars]. Nal'chik: El'-Fa, 1998. – 349 p. (In Russ.).

MAFEDZEV S.KH. *Vozvrashchenie zhenikha v svadebnom obryade kabardintsev* [The Return of the Groom in the Wedding Rite of the Kabardians]. In: Etnografiya narodov Kabardino-Balkarii. – Nal'chik, 1977. – Vyp. 1. – P. 48-62. (In Russ.).

MAFEDZEV S.KH. *Obryady i obryadovye igry adygov v XIX – nachale XX veka* [Rites and Ritual Games of the Adyghes in the 19th and Early 20th Centuries]. Nal'chik: El'brus, 1979. 203 p. (In Russ.).

SABANCHIEVA L.KH. *Kabardinskaya svad'ba: arkhaichnye i sovremennye motivy* [The Kabardian Wedding: Archaic and Modern Motifs]. In: Istoricheskii vestnik. 2009. № 8. – P. 226-261. (In Russ.).

SABANCHIEVA L.KH. *Sem'ya i semeinaya obryadnost' kabardintsev: mezhdu traditsiei i modernizatsiei* [The Kabardian Family and Family Rites: Between Tradition and Modernization]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – 180 p. (In Russ.).

UNAROKOVA R.B., KHAKUNOVA E.KH. *Adygskaya sovremennaya svad'ba: iz opyta rekonstruktsii* [The Modern Adyghe Wedding: From the Experience of Reconstruction]. In: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2019. – № 4(247). – P. 144-148. (In Russ.).

SHIKOVA T.T. *Ob usloviyakh zaklyucheniya braka u kabardintsev v dorevolyutsionnom proshlom* [On the Conditions of Marriage among the Kabardians in the Pre-Revolutionary Past]. In: Uchenye zapiski KBNII. – T. XVI. – Nal'chik: El'brus, 1959. – P. 129-148. (In Russ.).

Сведения об авторе
М.Р. Тутукова – старший преподаватель.
Information about the author
M.R. Tutukova – a senior lecturer.

Статья поступила в редакцию 12.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 94(470.662)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-144-164
EDN: PAWAOY

К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА ИНКОРПОРАЦИИ ИНГУШЕТИИ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Магомет Мусаевич Картоев
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия, 06kartoev@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-2495-392X

Аннотация. В статье представлен краткий историографический обзор, касающийся вопроса инкорпорации Ингушетии в состав Российского государства, с обозначением фокуса внимания на двух проблемах: характере этого процесса, который проявляется в используемой терминологии («принятие подданства», «единение / добровольное вхождение», «присоединение / покорение», и др.) и его датировке. Историография рассматривается в хронологической последовательности, начиная с 70-х гг. XVIII в. до современности, что позволяет проследить динамику суждений и выводов историков, в их тесной взаимосвязи с объективными историко-политическими условиями и идеологическими концепциями, оказывавшими непосредственное влияние на исторический нарратив, в рассматриваемый период истории государства (Российская империя, советское время, постсоветское десятилетие и современная Россия).

Историографический обзор показывает, что обозначенные вопросы были дискуссионными и отражали различные точки зрения во всех рассмотренных нами периодах. Они и сегодня сохраняют свою актуальность. Вместе с тем несмотря на полярность мнений исследователей по вопросу о дате инкорпорации Ингушетии в состав России, а также на антагонизм в суждениях, касательного добровольного, мирного характера этого процесса, или насильственного, абсолютное большинство авторов, каких бы позиций они не придерживались, солидарны в признании объективных позитивных последствий для ингушей, как и для других народов Северного Кавказа, акта вхождения в состав Российского государства. Как отмечают историки в своих работах, вхождение Северного Кавказа (Ингушетии в том числе) в состав России, имело прогрессивное значение для сохранения и полноценного развития населяющих его народов.

Ключевые слова: история Северного Кавказа; Ингушетия; российско-ингушские отношения; ингуши; историография; нарративные источники; «добровольное вхождение»; принятие подданства; инкорпорация.

Для цитирования: Картоев М.М. К историографии вопроса инкорпорации Ингушетии в состав российского государства // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 144-164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-144-164. EDN: PAWAOY.

© Картоев М.М., 2026

Original article

ON THE HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE OF INCORPORATION OF INGUSHETIA INTO THE RUSSIAN STATE

Magomet M. Kartoev
Ingush Research Institute of Humanities named after. Ch.E. Akhrieva, Magas, Russia, 06kartoev@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-2495-392X

Abstract. This article presents a brief historiographical overview of the incorporation of Ingushetia into the Russian state, focusing on two issues: the nature of this process, as reflected in the terminology used ("acceptance of citizenship," "unification/voluntary entry," "annexation/subjugation," etc.), and its dating. The historiography is examined chronologically, from the 1770s to the present, allowing us to trace the dynamics of historians' judgments and conclusions, in their close relationship with the objective historical and political conditions and ideological concepts that directly influenced the historical narrative during the period in the state's history under consideration (the Russian Empire, the Soviet era, the post-Soviet decade, and contemporary Russia).

This historiographical overview demonstrates that the issues identified were controversial and reflected diverse points of view throughout the periods examined. They remain relevant today. However, despite the polarity of scholarly opinions on the date of Ingushetia's incorporation into Russia, as well as the antagonism in judgments regarding the voluntary, peaceful, or violent nature of this process, the vast majority of authors, regardless of their position, agree in recognizing the objective positive consequences of joining the Russian state for the Ingush, as well as for other peoples of the North Caucasus. As historians note in their works, the incorporation of the North Caucasus (including Ingushetia) into Russia had progressive significance for the preservation and full development of the peoples inhabiting it.

Keywords: history of the North Caucasus, Ingushetia, Russian-Ingush relations, Ingush, historiography, narrative sources, “voluntary entry”, acceptance of citizenship, incorporation.

For citation: Kartoev M.M. On the historiography of the issue of incorporation of Ingushetia into the Russian state. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 144-164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-144-164. EDN: PAWAOY.

© Kartoev M.M., 2026

Введение

Закономерным итогом активно развивавшихся с середины XVIII в. российско-ингушских взаимоотношений, стало включение Ингушетии в состав Российского государства. В кавказоведении нет единого мнения по данному вопросу. Предметом дискуссии являются две основные проблемы. Первая из них, это датировка данного политического события, сохраняющая свою актуальность и полярность взглядов в научных публикациях, несмотря на официально утвержденную в республике[1] и санкционированную федеральным центром дату вхождения региона в состав России – 17 марта 1770 г.[2] Вторая касается оценочной

[1] Указ Главы Республики Ингушетия от 31 декабря 2014 г. № 253 «О дне единения Ингушетии с Россией». Электронный ресурс. URL: https://base.garant.ru/34320884/ (Дата обращения: 30.10.2025)

[2] Официальные поздравления с юбилейными датами (240, 245, 250 лет вхождения Ингушетии в состав России) были направлены в адрес руководства и жителей республики от президента РФ В.В. Путина, председателя Совета Федерации В.И. Матвиенко и других высших лиц государства. Также, с участием высших органов власти, федеральных министерств и ведомств были организованы ряд мероприятий, посвященных этим датам (торжественные собрания, выставки и т.д.). Электронный ресурс. URL: https://iarex.ru/news/2520.html/; http://kremlin.ru/events/president/letters/64184/; https://ingushetia.ru/news/022306/ (Дата обращения: 30.10.2025).

характеристики процесса инкорпорации Ингушетии в Российское государство, колеблющейся между *вхождением*, как актом добровольного волеизъявления ингушского народа, и *присоединением*, в рамках реализации военно-политических интересов российской политики на Северном Кавказе.

Как правило, в историографии вопросы датировки и оценочных характеристик процесса инкорпорации Ингушетии в Российское государство тесно взаимосвязаны. Авторы, придерживающиеся концепции о вхождении ингушей в состав России, как добровольного акта, опираются на даты 1769-1770 гг. или 1810 г. (П.Г. Бутков, Б.В. Скитский, М.М. Блиев, В.Б. Виноградов, И.А. Дахкильгов, Т.Х. Муталиев и др.)[1]. В работах, где обосновывается вынужденный характер присоединения Ингушетии к России, в том числе в рамках «колонизационной» политики Российской империи на Кавказе, фигурируют даты 1858 или 1859 гг. (Г.К. Мартиросиан, А.Н. Генко, С.Б. Котиков, Н.Д. Кодзоев).

Историография проблемы инкорпорации Ингушетии в состав Российской империи затрагивалась в работах М.М. Блиева [Блиев 1970], С.Б. Котикова [Котиков 1972], И.А. Дахкильгова [Дахкильгов 2007], Н.Д. Кодзоева [Кодзоев 2015] и других авторов, которые приводят ее в контексте обоснования своих взглядов на дискуссионные вопросы. Советской историографии вхождения Ингушетии в состав России посвящена публикация А.А. Журтовой, в которой проанализированы работы таких авторов как Г.К. Мартиросиан, А.В. Фадеев, Н.П. Гриценко, А.А. Саламов, С.Б. Котиков, В.Б. Виноградов и др. Как справедливо отмечает А.А. Журтова: «Проблема российско-ингушских отношений в XVIII-XIX вв. является одной из наиболее актуальных в отечественном кавказоведении. В процессе изучения данной темы исследователи дают различные оценки и характеристики процессу присоединения Ингушетии к России, которые требуют глубокого научного анализа» [Журтова 2020: 19].

При выходе за рамки научного дискуссионного поля, данные вопросы, в зависимости от целеполагания, потенциально становятся инструментом для построения как конструктивных, так и деструктивных дискурсов, с диаметрально противоположными оценочными суждениями и выводами.

В этой связи, представляется актуальной исследовательской задачей изучение историографии обозначенной проблемы для критического осмысления и понимания механизмов формирования тех или иных концепций и выводов, их динамики в историко-хронологическом измерении с целью репрезентации предшествующего опыта и его использования в современных практиках научных исследований, посвященных российско-ингушским и, в целом, российско-северокавказским отношениям.

Новизна дискурса данной публикации заключается в акцентировании внимания в качестве отдельного объекта исследования, на историографическом обзоре российско-ингушских отношений, рассматриваемых в хронологической динамике в разрезе выше обозначенных проблем, без формулирования собственных «выводов» и «мнения» относительно «достоверности» или «ошибочности»

[1] Библиографические ссылки на работы авторов, указанных во введении, приводятся далее в тексте и в приложенном к статье списке литературы – М.К.

рассматриваемых историографических конструктов, а также без «претензии» на обоснование той или иной даты, которые мы оставляем за скобками, как самостоятельную исследовательскую задачу.

В первом разделе статьи, наряду с историографией, также рассмотрены основные нарративные источники XVIII – нач. XIX вв., такие как, например, работа И.А. Гильденштедта, которые оказали ключевое влияние на историографию российско-ингушских отношений, в том числе на вопрос определения даты вхождения Ингушетии в состав России.

Источники и историография имперского периода (1770-е гг. – нач. XX в.)

В дореволюционных источниках и литературе, начиная с периода не позже 70-х гг. XVIII в., ингуши фигурируют как народ, подвластный России.

Так, основным нарративным источником XVIII в., содержащим сведения о принятии ингушами российского подданства, является труд академика Российской академии наук, доктора И.-А. Гильденштедта, побывавшего в Ингушетии в середине марта 1770 г. и ставшего свидетелем акта принесения ингушскими старшинами присяги и выдачи аманатов. Это событие у И.-А. Гильденштедта трактуется как «подчинение» и «покровительство» России: «До сих пор ингуши находились под покровительством кабардинских и аксайских князей, обсуждавшееся же давно предложение *о подчинении России*[1] было осуществлено только недавно через посредство моздокского коменданта, полковника фон Неймч[2]», в другом месте: «Они находились в прежнее время под покровительством кабардинского и аксайского князей, но при посредничестве кизлярского коменданта, главного [начальника] Неймпча, они переменили этих незначительных покровителей на *покровительство России*» [Гильденштедт 2002: 36, 240; Гюльденштедт 2020: 26]. Об этом событии, со ссылкой на Гильденштедта, упоминает и академик П.Г. Бутков, который саму дату принятия ингушами «по собственному желанию» российского подданства относит к немного более раннему периоду, связывая ее с присягой ингушских старшин, принятой в Кизляре в 1769 г. [Бутков 1869: 300].

И-Г. Георги в труде о народах России, вышедшем в 1776 г., отмечает, что «Кистинцы или Кисты, которых россияне называют Югупцы[3]…состоят под *российским покровительством*… в 1771 году *принесли паки свою покорность*, и *присягнув вновь дали заложников*» [Кавказские народы…1776: 50]. В первом российском географическом словаре, дополненном и переизданном Л. Максимовичем в 1788 г., размещена информационная статья об ингушах следующего содержания: «Ингушевцы, народ, находящийся в Кавказских горах, коих упражнение состоит в хлебопашестве и скотоводстве, и кои из всех тамошних народов *преданнейшие России*, для сего не малое из них число принимают и Христианскую веру» [Максимович 1788: 77].

[1] Здесь и далее курсив мой – М.К.
[2] Так в тексте, имеется в виду – Иван Давидович Неймич, полковник, Кизлярский комендант (1770-1771 гг.) – М.К.
[3] Югупцы – по-видимому опечатка слова «югушцы», т.е. ингушцы (ингуши) – М.К.

В «Словаре географическом Российского государства», изданном в 1809 г., также имеется статья об ингушах – «Югуши или Югушцы», с указанием о том, что «в силе и домашнем хозяйстве сходствуют с Черкессами и подобно им, *подвластны России*» [Словарь географический… 1809: 302]. В относящемся к этому же периоду труде Ю. Клапрота, в описании, посвященном ингушам, указывается, что «ныне они живут в достаточно дружеских отношениях с русскими, кои смотрят на них *как на подданных*» [Клапрот 2008: 277].

В 1810 г. в Санкт-Петербурге было отпечатано, в переводе с французского, издание «Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским», источниками к которому послужили в основном работы авторов XVIII века, таких как И-А. Гильденштедт, Я. Рейнегс, П-С. Паллас и др. В разделе, посвященном «Кистам» (ингушам и чеченцам), использованы сведения из описания И-А. Гильденштедта, на основе которых указывается, что «Ингуши (“…Они сами себя именуют Ингушами, Кистами или Галга…”), около 60 миль к Югу от Моздока, в высоких горах возле Кумбалеи. Сие поколение *покорилось России в 1770 году*» [Историографические записки…1810: 32-33].

Данные Гильденштедта были использованы в начале XIX в. С.М. Броневским, который отмечает, что «частые разорения, наипаче от кабардинцев им причиняемые, *побудили ингушей в 1770 году предаться российскому покровительству*… Наравне с прочими *подвластными России* народами, ингуши дают аманатов и остаются при прежних своих обычаях без платежа дани» [Броневский 2004: 181].

В тоже время А.П. Ермолов, в своих записках, пишет об ингушах как о воинственном народе, расположенном в верховьях Сунжи и «*приведенном в покорность* кроткими мерами», употребленными генерал-майором Дельпоццо, ссылаясь тем самым на письменный акт, заключенный с назрановскими ингушами в 1810 г. [Записки Ермолова…1991: 285].

В 1876 г., со ссылкой на П. Буткова, принятие ингушами подданства России Н.Ф. Грабовский датирует 1769 г. В той же работе он публикует договор ингушей с Владикавказским комендантом, заключенный 22 августа 1810 г., с примечанием, что договор предоставлен ему «в подлиннике подполковником Сергеем Федоровичем Базоркиным, одним из почетнейших представителей ингушского народа» [Грабовский 1876: 22, 26]. Шестью годами ранее этот же документ был опубликован в очередном томе издания «Акты собранные Кавказскою Археографическою комиссиею» [Отношение генерала Тормасова 1810: 900-901], и с начала 1870-х гг. был доступен исследователям.

В известном историко-публицистическом труде П.И. Ковалевского, посвященном народам Кавказа, вышедшем в Санкт-Петербурге в 1914 г., отмечено, что ингуши приняли российское подданство в 1810 г. [Ковалевский 1914: 154]. При этом, при определении этой даты, сделана ссылка на работу С.В. Максимова, опубликованную 1873 г. [Край…1873: 32]. Эта же дата (1810 г.) указана в книге М. Селезнева «Руководство к познанию Кавказа», вышедшей в свет в 1847 г. [Селезнев 1847: 30].

Таким образом, в историографии и нарративных источниках XVIII – начала XX вв., обозначились две основные даты вхождения Ингушетии в состав России

– 1770-й и 1810-й годы, при этом в большинстве источников фигурирует 1770 г., или близко связанный с ним – 1769 г., и можно говорить о том, что в российском политическом и научно-информационном пространстве к концу XVIII – началу XIX в. уже прочно утвердилось представление об ингушах, как о народе, присоединенном к России исключительно мирными средствами, без использования военной силы. Основная терминология, использовавшаяся для обозначения этого факта, следующая: «состоят под российским покровительством», «подчинены России», «приняли Российское подданство», «по собственному желанию приняли Российское подданство» (у П. Буткова), «приведены к присяге на подданство», «принесли свою покорность», «покорились России». В источниках ингушей обозначают как народ «преданный России» и «подвластный России».

В то же время в источниках и литературе имперского периода достаточно информации, которая позволяет интерпретировать вопрос присоединения Ингушетии к России в совершенно ином ракурсе. В особенности это касается первой половины XIX в. Это участие части ингушских обществ в движении Шамиля, и соответственно, покорение их силой оружия и принуждение к принятию присяг на верноподданство; масштабные военные экспедиции в горную Ингушетию в 1830-1832 гг. и отдельные акции начала 1840-х гг.; жесткое подавление Назрановского восстания 1858 г. («возмущение», «бунт»); строительство Сунженской казачьей линии и связанные с этим перманентные конфликты с местным населением и т.д. Соответственно, эта информация активно использовалась в советский период, а также в 1990-х гг., при трактовке присоединения Ингушетии к России, как процесса вынужденного и насильственного, конечно, не такого масштаба как в Чечне или Дагестане, ставших аренами многолетней Кавказской войны, но все же имеющего все признаки применения колонизационных методов.

Историография советского периода

Историографию советского времени по данной проблеме, как это успешно продемонстрировали в специальных историографических исследованиях по российско-северокавказским отношениям А.А. Журтова и А.Н. Максимчик [Журтова, Максимчик 2017], можно разделить на несколько периодов, обусловленных господствовавшими идеологическими установками, от которых зависело в каком ключе будут исследоваться и интерпретироваться вопросы исторического процесса, те или иные факты, явления, личности.

Так, в первые десятилетия советской власти активно продвигалась идея «абсолютного зла», в рамках которой подвергалось безоговорочной критике все, что делалось в имперский период. Прежде всего, эта идея применялись в исторической науке, игравшей важную роль в идеологической работе по «дискредитации свергнутого политического режима» [Журтова, Максимчик 2017: 122]. Вместе с тем это было время активного переформатирования научных учреждений, создания новых институтов, развития краеведения и активного изучения регионов, в том числе национальных областей, истории, этнографии, культуры и языков народов Советского Союза.

К наиболее заметным работам этого периода надо отнести первый обобщающий труд по истории Ингушетии, автором которого являлся заместитель

директора Ингушского НИИ краеведения, доцент Г.К. Мартиросиан. В указанной работе, основанной на солидной источниковой базе, Г.К. Мартиросиан, со ссылкой на труды И-А. Гильденштедта и П.Г. Буткова, приводит данные о присягах ингушей за 1769-1770 гг. Он же, впервые в советской историографии, вводит в научный оборот и публикует с комментариями письменный акт 1810 г. [Мартиросиан 1928: 50; Мартиросиан 1933: 46-52]. Между тем сам автор, в духе господствовавших идеологических установок, придерживается мнения, что Ингушетия, как и другие этнические регионы Северного Кавказа, была завоевана «царской Россией», а ингуши, сопротивляясь этому, вели национально-освободительную борьбу Г.К. Мартиросиан приводит целый ряд исторических примеров этому и, со ссылкой на официальные источники, пишет об активном участии ингушей в движении Шамиля, делая вывод о том, что «завоевание Кавказа превратило Ингушию в колонию царской России» [Мартиросиан 1933: 55-59, 64, 69-73].

А.Н. Генко в своей работе «Из культурного прошлого ингушей» также придерживается точки зрения, что «действительно покоренным край этот мог назваться лишь в 1858 году», т.е. после подавления «крупного коллективного выступления плоскостных ингушей против русских, известного под названием “назрановского бунта”» [Генко 1930: 690].

Отказ от концепции «абсолютного зла» во второй половине 1930-х гг. «стал переломным моментом в советской историографии формирования многонационального Российского государства» [Журтова, Максимчик 2017: 125]. На смену приходит другая концепция – «наименьшее зло», которая применительно к Северному Кавказу, в отличии от других регионов, была введена не сразу, здесь все еще сохранялось ключевое определение «завоевание» [Журтова, Максимчик 2017: 139]. Иллюстрацией этой тенденции является статья Е.И. Крупнова «К истории Ингушии», опубликованная в 1939 г., где присутствуют те же идеологические мотивы при трактовке российско-ингушских отношений: «В 1769 г. ингуши переходят в российское подданство, видя в этом гарантию от притеснения кабардинцев, и попадают под иго царского самодержавия…» [Крупнов 1939: 90]. И слово в слово, вслед за Г.К. Мартиросианом, Е.И. Крупнов повторяет тезис о превращении Ингушетии в российскую колонию, вследствие завоевания Кавказа.

С 1944 по 1957 гг. история ингушей в связи с депортаций не изучалась и не освещалась в научных и справочных изданиях. Наглядной иллюстрацией тому является Большая советская энциклопедия. В томах, вышедших из печати в период депортации, какие-либо сведения о депортированных народах отсутствуют. Изменения вносились и в публикуемые данные, касающиеся додепортационного периода. Так в 66 томе БСЭ (1-е издание), изданном в 1947 г., размещена таблица «Национальный состав населения» Советского Союза по данным на 17 января 1939 г. Информацию о депортированных народах, в том числе об ингушах, в таблицу не включили [Национальный состав… 1947: 60].

Начиная со второй половины 1950-х гг., в советской историографии формирования национальных окраин Российского государства, утверждается концепция о добровольном характере присоединения этносов к России и его прогрессивных последствиях в социально-экономической, политической и духовной жизни присоединившихся народов [Журтова, Максимчик 2017: 144].

В рамках этой новой концепции, на 1770 год, как на дату принятия «ингушскими старшинами (феодалами) присяги на верность русской власти», в 1950-х гг.[1] указал профессор Б.В. Скитский, который связал ее с актом вхождения в состав России, имевшим «для ингушей огромное прогрессивное значение» [Скитский 1972: 173].

Вместе с тем с конца 1950-х гг. в научной литературе и справочных изданиях, при определении времени вхождения Ингушетии в состав России, закрепляется дата 1810 г. с акцентом на «добровольный» характер этого процесса.

В 1967 г. выходят «Очерки по истории Чечено-Ингушской АССР», в которых отмечалось, что «в процессе присоединения Чечено-Ингушетии к России сочетались два начала: добровольное со стороны народных низов и насильственное, навязываемое народным низам царскими колонизаторами и верноподданно настроенными представителями местных социальных верхов. При этом царизм действовал методом своей излюбленной политики «разделяй и властвуй». Результатом такой политики явился исторический акт *окончательного добровольного присоединения Ингушетии к России в 1810 году*» [Очерки…1967: 91].

В 1958 г. был издан дополнительный том Большой советской энциклопедии (2-го издания), где в статье посвященной Чечено-Ингушетии, отмечалось, что ингуши «добровольно приняли подданство России» в 1810 г. [Чечено-Ингушская… 1958: 309]. Эта же дата, в том же контексте, повторяется в 29 томе 3-го издания Большой советской энциклопедии, изданном в 1978 г. [Чечено-Ингушская…1978: 174], а также в 15 томе Советской исторической энциклопедии, опубликованном в 1974 г. [Чечено-Ингушская…1974: 997]. В сводном труде по этнографии кавказских народов, в серии «Народы мира. Этнографические очерки», помещена статья «Ингуши», составленная Б.А. Калоевым, в которой 1810 г. также обозначен как дата присоединения Ингушетии к России [Ингуши 1960: 375].

С начала 1970-х гг. историки вновь обращаются к дате 1770 г. В центральном журнале «Вопросы истории» в 1970 г. выходит статья М.М. Блиева, посвященная теме определения времени присоединения народов Северного Кавказа к России. В преамбуле статьи М.М. Блиев отмечает, что одним из спорных аспектов истории взаимоотношений народов Кавказа с Россией является вопрос о времени присоединения северокавказских народов, который следует рассматривать «не как простое уточнение хронологических рамок, а как концепционный, связанный с различным пониманием русско-кавказских отношений» [Блиев 1970: 43]. В данной публикации автор, со ссылкой на работу проф. Скитского, отметил, что дата 1770 г. была не случайной, и имеет подтверждение в архивных документах [Блиев 1970: 50]. Позже он более подробно изложил свою позицию и подтвердил данную дату в развернутой статье, посвященной русско-ингушским отношениям и присоединению Ингушетии к России. При этом развитие этих отношений, завершившихся в марте 1770 г. принятием ингушами российского подданства, было увязано с политической ситуацией, а именно с началом русско-

[1] Эта информация появилась в переработанной в 1950-х гг. работе, посвященной Назрановскому восстанию 1858 г. В первоначальном варианте публикации, опубликованной в 1930 г.: «Назрановское возмущение 1858 г. (Страницы из истории ингушского народа). Владикавказ, 1930», этих сведений нет – М.К.

турецкой войны, аннулировавшей условия Белградского договора, также было обращено внимание на то, что инициатива исходила от самих ингушей. Соответственно был сделан вывод, что Ингушетия добровольно вошла в состав России и «это событие было обусловлено исторически и бесспорно являлось прогрессивным» [Блиев 1985: 123-124].

Особое место в числе работ советского периода, посвященных рассматриваемой тематике, занимает объемная статья ингушского историка С.Б. Котикова, опубликованная в начале 1970-х гг., в которой автор, поднимая актуальные дискуссионные вопросы, приходит к выводу, что «вопрос о присоединении Ингушетии к России является весьма сложным», так как «трудно определить конкретные хронологические рамки этого присоединения, ибо это процесс, не однодневный, а длительный, связанный с различными историческими событиями» [Котиков 1972: 102]. С.Б. Котиков разделил «этот процесс» на два этапа, первый из которых – «добровольное стремление ингушского народа принять российское подданство и дружеские взаимоотношения между Россией и Ингушетией», второй же этап, «связанный с усилением военной мощи и экспансии царизма на Северном Кавказе», характеризуется им стремлением покорить ингушей силой оружия, в ответ на который ингуши развернули антиколониальную борьбу. Автор выделяет хронологические рамки. Для первого этапа – от начала русско-ингушских отношений до конца XVIII в., для второго – начало XIX в. до 1859 г., т.е. времени окончания военных действий на Северо-Восточном Кавказе [Котиков 1972: 101]. Вместе с тем С.Б. Котиков отметил прогрессивные последствия присоединения Ингушетии к России: «Благодаря переселению на плоскость и сближению с Россией, ингуши получали возможность быстрейшего экономического и культурного развития» [Котиков 1972: 102].

В начале октября 1979 г. в Грозном состоялась Всероссийская научная конференция «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа», организованная Министерством высшего и среднего образования РСФСР, Институтом истории СССР АН СССР, Северо-Кавказским научным центром Высшей школы, Чечено-Ингушским университетом им. Л.Н. Толстого и Научно-исследовательским институтом истории, социологии и филологии. «В конференции приняло участие около 800 ученых, преподавателей партийных, советских и культурно-просветительских учреждений Москвы, Ростова-на-Дону, Махачкалы, Нальчика, Орджоникидзе и других городов автономных республик, краев и областей Северного Кавказа». Политическое значение конференции подчеркивалось выступлением со вступительным словом к собравшимся первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС А.В. Власова, отметившего успехи ученых республики в исследовании истории добровольного оформления русско-чечено-ингушского единства [Попов 1980: 215]. В рекомендациях конференции отмечалось, что «интеграция всех без исключения народов региона в состав Российской империи носила мирный и добровольный характер» [Журтова, Максимчик 2017: 162].

В начале 1980-х гг. выходит целый ряд публикаций под авторством В.Б Виноградова, С.Ц. Умарова, М.О. Бузуртанова, М.М. Блиева и других, в которых последовательно опровергается бытовавший ранее тезис о вхождении Чечено-

Ингушетии в состав России по итогам Кавказском войны. В соответствии с господствующими идеологическими установками «*добровольное присоединение Ингушетии* историки относят к 1770 году», а Чечни к 1781 г. Главным вдохновителем идеи о «добровольном присоединении Чечни и Ингушетии» к России в этот период стал заведующий кафедрой всеобщей истории ЧИГУ, профессор В.Б. Виноградов [Журтова, Максимчик 2017: 163]. Официальной датой добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав Российского государства признали 1781 г. К 200-летию данного исторического события была выпущена юбилейная медаль с изображением гор и башен, с надписями на аверсе и реверсе: «Чеченцы и ингуши 200 лет вместе с Россией. 1781-1981 / 200 лет добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. 1781-1981». В 1982 г. в республике прошли торжества, посвященные юбилейным датам – 60-летию ЧИАССР и 200-летию добровольного вхождения в состав России, были сняты документальные фильмы, издан красочный подарочный альбом «Чечено-Ингушетия» [Чечено-Ингушетия… 1982].

Таким образом, с конца 1970-х гг., на официальном уровне датой вхождения Ингушетии в состав России был определен 1770 г., в свою очередь, договор 1810 г. получил определение «повторная присяга». Так, например, исследователь Л.Р. Габоева связывает договор назрановских ингушей (“шести знатных ингушских фамилий”), заключенный во Владикавказе 22 августа 1810 г. с владикавказским комендантом генералом И.П. Дельпоццо «о верности и подданстве» России, с изменившейся международной обстановкой, а именно с русско-иранской и русско-турецкими войнами начала XIX в. «В напряженный период войн России с Турций и Ираном народы Центрального Кавказа принимали *повторные присяги верности России*, свидетельствующие о дальнейшем укреплении прорусской ориентации у горских народов» [Габоева 1985: 144-146].

В академическом издании «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», вышедшем в свет в 1988 г., и подводившем итоги историографии советского периода, датой «добровольного вхождения» Ингушетии в состав России обозначен 1770 год [История народов Северного Кавказа…1988: 443-444]. В то же время там же, на основе документальных сведений, отмечается, что еще с 1762 г. «кавказские власти считали, что ингуши “ни турской, ни персидской державам не подвластны…и России принадлежали”» [История народов Северного Кавказа 1988: 437].

Как видим, к концу советского периода, спираль историографии, сделав полный оборот и пройдя через «идеологические фильтры», вернулась к дате 1770 г., обозначенной впервые еще в имперский период, закрепив в качестве «парадигмы» принцип «добровольности» этого процесса. Такая же ситуация наблюдалась и по другим народам Северного Кавказа. Версия о добровольном вхождении горцев в состав России, как отмечает А.Н. Максимчик, «несмотря на витавший в воздухе перестроечный “дух”», получила закрепление в «Истории народов Северного Кавказа», вышедшей в 1988 г. [Журтова, Максимчик…2017: 366]. Но так было в центре. На уровне регионов Северного Кавказа в конце 1980-х гг. концепция о «добровольном вхождении» была подвергнута бескомпромиссной критике, в том числе историками Чечено-Ингушетии. Вновь были актуализированы

понятия «завоевание», «присоединение» и другие. Чеченским историком Я.З. Ахмадовым было дано определение термину «присоединение», которое, по его мнению, следует рассматривать, как «установление административной и государственной власти России на данной территории, а также границ» [Журтова, Максимчик… 2017: 372-373].

Постсоветское десятилетие и современное осмысление

В 1990-х гг. советские идеологические установки утратили свою актуальность, в исторических работах преобладает плюрализм мнений и суждений, в том числе по датам и характеру вхождения народов Северного Кавказа в состав России. Среди ингушских историков в 1990-х гг. также не наблюдалось единого подхода к определению даты вхождения Ингушетии в состав России. Так, к.и.н. Т.Х. Муталиев, основываясь на данных П. Буткова и документальных источниках, в 1992 г. писал о том, что ингуши нуждались в союзе с Россией из расчета на политическую поддержку в «противодействии стремлениям кабардинских и аксайских (кумыкских) князей утвердить свою власть над ними». Принятие российского подданства он относит к 1769 г., а церемонию «подписания присяги подданства», свидетелем которой стал академик И-А. Гильденштедт, датирует мартом 1770 г. [Муталиев 1992: 2; Муталиев 2016: 136]. В то же время, в 1995 г., д.и.н. М.Б. Мужухоев, при определении даты принятия ингушами Российского подданства, опирается на 1810 г. [Мужухоев 1995: 22].

В начале 2000-х гг. вопрос об определении точной единой даты вхождения Ингушетии в состав России стал одним из ключевых «запросов» руководства республики, адресованных научному сообществу. Специально по этому вопросу была проведена республиканская научно-практическая конференция (4 марта 2004 г.). Основным докладчиком выступил директор Ингушского НИИ гуманитарных наук, проф. И.А. Дахкильгов, который предложил утвердить дату 1770 г. на законодательном уровне [Без прошлого…2005: 53]. Ранее, в 1990-х – начале 2000-х гг., им было опубликовано несколько статей по данному вопросу в республиканской прессе. После некоторой дискуссии, в которой, в том числе, высказывались мнения и по поводу второй даты – 1810 г. (проф. Э.Д. Мужухоева) [Без прошлого…2005: 55], большинство участников поддержало предложение основного докладчика. Позже И.А. Дахкильгов отмечал: «Дата единения Ингушетии с Россией узкому кругу лиц была известна – 15, 16, 17 марта 1770 года. Но она постепенно стала подзабываться и все чаще в печати стала фигурировать позднейшая дата – 1810 год. Действительно, такая дата существует. Однако незадачливым авторам невдомек, что договор 1810 года был дан именно Назрановскими ингушами. Их надо отличать от терских, камбилеевских, ассинских и горных ингушей, которые с 1770 года определенно находились в составе России. С горе-историками, путающими исторические события и даты, пришлось вступить в спор и тем самым восстановить историческую правду» [Дахкильгов 2007: 168].

Таким образом, в современной историографии Северного Кавказа и Ингушетии, в том числе в академических и справочных изданиях, вышедших в региональной и центральной печати [История Ингушетии…2013; Ингуши…2013; Ингушетия…223: 756; Северный Кавказ…2007: 47], в качестве бесспорной

хронологической точки отсчета вхождения региона в состав России утвердилась дата 17 марта 1770 г., которая была признана и принята в качестве официальной органами государственной власти (Постановление Народного Собрания Республики Ингушетия № 68 от 25 марта 2004 г. «О дате единения Ингушетии с Россией») [Без прошлого… 2005: 58]. «Учитывая общественно-политическое значение в жизни ингушского народа факта добровольного вхождения его в состав Российского государства», Указом Главы Республики Ингушетия от 31 декабря 2014 г. № 253 была установлена памятная республиканская дата – 17 марта, как День единения Ингушетии с Россией [Хроника истории…2020: 429].[1] В 2010, 2015, 2020 гг. в республике состоялись торжественные мероприятия, приуроченные к круглым датам 240-летию, 245-летию, 250-летию единения Ингушетии с Россией. В рамках юбилейных мероприятий Ингушский НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева организовал научно-практические конференции: в 2015 г. всероссийскую [245 лет вхождения Ингушетии…2015], в 2020 г. международную [250 лет единения Ингушетии…2020], а в 2025 г. (к 255-летию) провел научный семинар [Гиреев 2025: 10].

Об утверждении этой даты в политическом и научно-информационном пространстве современной России свидетельствует и «Обзор от ИИ», который сообщает о добровольном вхождении в 1770 г.[2]

Вместе с тем, по прошествии времени, некоторые ингушские историки отказались признавать данную дату. Эта позиция обозначена в работах Н.Д. Кодзоева, который составил подробный историографический обзор истории вопроса и подверг критике официальную дату – 17 марта 1770 г., так как, по его мнению, такого рода присяги принимались неоднократно до и после этой даты, и не охватывали весь ингушский народ. Как отмечает Н.Д. Кодзоев: «договор 1770 г. подписали только представители Ангуштского общества. В других ингушских обществах об этом событии вряд ли что было известно…» [Кодзоев 2020: 18]. В итоге им делается вывод о том, что все «договора» с Россией о принятии подданства, которые подписывали горские общества Северного Кавказа до периода окончания Кавказской войны, следует считать вступлением в союзнические, возможно вассальные, но никак не подданнические отношения, так как они сохраняли самостоятельность во внутренних и внешних вопросах. Датой же окончательного «включения» Ингушетии в состав России, по мнению Н.Д. Кодзоева, следует признать 1858 г., как результат подавления Назрановского восстания и установления «жесткой российской военной администрации» [Кодзоев 2015: 16-29]. Выразив такое видение, не совпадающее с общепринятой в настоящее время «официальной» позицией, историк, тем самым, создал прецедент для очередной ревизии в будущем истории российско-ингушских отношений в рамках определения даты инкорпорации Ингушетии в российское государство.

Таким образом, вопрос датировки нельзя назвать «закрытым» и окончательно разрешенным, если это, конечно, в принципе представляется возможным. Можно говорить лишь о принятой дате на определенный период, до наступления

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://base.garant.ru/34320884/ (Дата обращения: 30.10.2025)

[2] «Обзор от ИИ» по запросу: «Включение Ингушетии в состав России» Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.google.com/search?q= включение+ингушетии+в+состав+россии&oq (Дата обращения: 16.11.2025).

такого момента, когда этот вопрос будет выведен из состояния временной «ремиссии», вновь актуализируется и станет, в очередной раз, «принципиальным», т.е. подлежащим пересмотру. В этой связи представляет интерес наблюдение А.А. Журтовой: «Вопрос о дате вхождения становится *принципиальным* в той ситуации, когда необходимо обосновать добровольный или, наоборот, насильственный характер включения в состав Российского государства. Присоединение в результате «завоевания» датируется исследователями, как правило, периодом Кавказской войны; для демонстрации мирного характера интеграции в состав России осуществляется поиск более ранних дат» [Журтова, Максимчик 2017: 138].

Заключение

Рассмотренные источники и работы историков, посвященные инкорпорации Ингушетии в Российское государство, не отражают картину историографии этого вопроса во всем многообразии и целостности, так как фокус исследовательской задачи был направлен лишь на обозначенные в преамбуле две взаимосвязанные проблемы. А именно: на датировки и оценочные характеристики («вхождение» или «присоединение»), представленные в хронологической последовательности от имперского периода до современности.

Исходя из представленного историографического обзора можно сделать следующие выводы. В историографии еще в имперский период обозначились три основные даты инкорпорации Ингушетии в состав России: 1770 г. (вариант – 1769), 1810 г. и 1858 г. (вариант – 1859). Эти же даты получили дальнейшее научное обоснование в работах советских историков-кавказоведов, и в зависимости от векторов идеологических концепций, оказывавших влияние на историческую науку, та или иная дата становилась востребованной. В массе своей, за редкими единичными исключениями, исследователи придерживались актуальных и получивших официальное признание дат и их обоснований, вокруг которых выстраивался исторический нарратив в целом.

В советский период попеременно актуализировались все три вышеуказанные даты. В первые десятилетия господствующей была концепция о насильственном покорении народов Кавказа, что напрямую было связано с негативным отношением к имперскому наследию. В этой связи преобладали даты, связанные с Назрановским восстанием («бунтом», «возмущением») 1858 г. или с окончанием Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе (1859 г.). В 1950-е-1970-е гг. использовалась дата, выведенная на основе письменного акта 1810 г., которая обосновывалась как «добровольное присоединение» и, наконец, с конца 1970-х гг. окончательно утвердилась концепция «о добровольном вхождении» Ингушетии в состав России в 1770 г. Она сохраняла свою актуальность на уровне союзных научных центров и в последние годы перестроечного периода, когда уже активно шли демократические процессы в исторической науке, связанные с критикой и переосмыслением идеологических концепций. В то же время на региональном уровне, в конце 1980-х гг., концепция о «добровольном вхождении» народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей, в состав России,

подверглась резкой критике. В результате большинство региональных историков от нее отказались.

Затем наступает непродолжительный период постсоветского десятилетия, характеризовавшегося отрицанием советского наследия в исторической науке, плюрализмом мнений и суждений. В начале 2000-х гг. ситуация вновь меняется. В этот период, у региональной политической элиты, спешившей интегрироваться в реконструируемую вертикаль власти, формируется запрос к научному сообществу республики об обосновании исторически обусловленного тесного союза ингушей с Россией («единения»), в том числе определение единой даты вхождения Ингушетии в Российское государство (на добровольных началах). Такой датой, официально принятой и утвержденной в 2004 г., стало 17-е число (по новому стилю) марта 1770 г. В последствии эта дата была апробирована в научных, в том числе академических изданиях федерального и регионального уровня. Таким образом, в 2025 г. Республика Ингушетия отметила 255-летие вхождения («добровольного вхождения») в состав России. Популярный и активно развивающийся во всех сферах жизнедеятельности ИИ, внедренный для обработки информации и исполнения запросов в поисковике Google (AI Mode), дает такой краткий обзор этой даты: *«255-летие вхождения Ингушетии в состав России отмечалось в 2025 году, в память о событии, произошедшем в 1770 году, когда ингушские роды принесли присягу России. Этот договор считается поворотным моментом, заложившим основу для последующего развития ингушской государственности»*[1]. В этой связи надо отметить, что несмотря на спорные и дискуссионные вопросы, касающиеся уточнения даты инкорпорации Ингушетии в состав России, а также на различные точки зрения, касательного добровольного, мирного характера этого процесса, или насильственного, абсолютное большинство авторов, каких бы позиций они не придерживались, солидарны в признании объективных позитивных последствий для ингушей, как и для других народов Северного Кавказа, акта вхождения в состав Российского государства. Как отмечают историки в своих работах, вхождение Северного Кавказа в состав России имело прогрессивное значение для сохранения и полноценного развития населяющих его народов.

Между тем нельзя не согласиться с тезисом, что определение подлинной, научно обоснованной, даты вхождения /включения/ Ингушетии в состав России, как это подчеркивалось исследователями ранее, и подтверждается представленным историографическим обзором, является проблемой сложной и неоднозначной, в силу отражения в исторических источниках зачастую противоречивой информации, представляющей широкий спектр возможностей для интерпретации, в зависимости от того, какие задачи ставятся в исследовании. В свою очередь каждый исследователь, ставя перед собой определенные вопросы и отвечая на них, исходит как из объективных, так и субъективных условий окружающей его действительности и собственного опыта.

[1] «Обзор от ИИ» по запросу: «255 лет вхождения Ингушетии в состав России» / URL: www.google.com/search?q=255+лет+вхождения+Ингушетии+в+состав+России& (Дата обращения: 19.11.2025).

Однако, если максимально дистанцироваться от любого рода конъюнктуры (политической, идеологической, этноцентристской, этатической и т.д.), которая, безусловно, в той или иной степени, довлеет при решении такого рода проблем истории, и попытаться оставаться в рамках научной объективности и беспристрастности, то исследователь, возможно, выйдет на путь свободный от крайних оценок, будь то «добровольное» вхождение или «насильственное» присоединение, так как полотно истории российско-ингушских, шире российско-северокавказских отношений, гораздо ярче и глубже по своему содержанию, нежели это можно представить в позитивных или негативных оценках и суждениях. В этой связи представляется важным понимание «простой истины», что для критического осмысления обозначенных вопросов историку необходимо иметь представление не только о содержании, мотивах и механизмах российской политики на Кавказе в конкретное историческое время, во взаимосвязи с внешней политикой в целом, но и об особенностях внутренней этнополитической ситуации в регионе, определявшейся не менее сложной мозаикой межэтнических, религиозных, социокультурных связей и конфликтов. Региональные особенности исторического развития, ментальность, политическая и традиционная культура, социально-экономическое состояние региона, в сопряжении с объективными историко-политическими условиями, в которых действовали акторы рассматриваемых процессов – все это заслуживает внимания исследователя в рамках целостного раскрытия темы истории российско-ингушских отношений, и, в том числе, для поиска ответов на дискуссионные вопросы историографии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Без прошлого…2005 – *Без прошлого нет будущего* / Сост. Р.Ш. Албогачиев. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 240 с.

Блиев 1970 – *Блиев М.М.* К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. – 1970. – № 7. – С. 43-56.

Блиев 1985 – *Блиев М.М.* Русско-ингушские отношения и присоединение Ингушетии к России // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе (Сборник научных трудов). – Орджоникидзе: СОГУ, 1985. – С. 111-124.

Броневский 2004 – *Броневский С.М.* Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах: т. 1, т. 2 / Подготовка текста к изданию, предисловие, примечания, словарь малоупотребительных слов, указатели И.К. Павловой. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. – 464 с.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – СПб, 1869. Ч. 1. – 548 с.

Габоева 1985 – *Габоева Л.Р.* К вопросу о политическом развитии Северного Кавказа накануне и в период русско-иранской и русско-турецкой войн начала XIX века // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе (Сборник научных статей). – Орджоникидзе: СОГУ, 1985. – С. 125-148.

Генко 1930 – *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. – Л: АН СССР, 1930. Т. V. – С. 681-761.

Гильденштедт 2002 – *Гильденштедт И-А.* Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. / Пер. Т.К. Шафрановской; ред. Ю.Ю. Карпов. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2002. – 512 с.

Гюльденштедт 2020 – *Гюльденштедт И-А.* Путешествие по России и в Кавказских горах // Ингуши и их соседи в трудах немецких исследователей XVIII-XX веков / Пер. с нем. языка,

сост., авт. предислов. и коммент. М.М. Хадзиева. – Ростов н/Д: Южный издательский дом, 2020. – С. 8-74.

Гиреев 2025 – *Гиреев Б.* Шли мы в подданство не из принуждения… В Ингушском НИИ гуманитарных наук прошел семинар, посвященный 255-летию добровольного вхождения Ингушетии в состав России // Ингушетия. 20.03.2025. № 10.

Грабовский 1876 – *Грабовский Н.Ф.* Ингуши (Их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис, 1876. Вып. IX. – С. 21-131.

Дахкильгов 2007 – *Дахкильгов И.А.* Шли в подданство не по принуждению (О процессе единения Ингушетии с Россией) // Боль и гордость моя – родная Ингушетия (сборник статей И.А. Дахкильгова) / сост. М.А. Матиев. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – С. 150-169.

245 лет вхождения Ингушетии…2015 – *245 лет вхождения Ингушетии в состав России: время, события, люди* // Материалы Всероссийской научной конференции, 17 марта 2015 года. – Назрань: Пилигрим, 2015. – 288 с.

250 лет единения Ингушетии…2020 – *250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди* // Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Магас, 3-6 июня 2020. – Магас: Кеп, 2020. – 324 с.

Журтова, Максимчик…2017 – *Журтова А.А., Максимчик А.Н.* Историография российско-кавказских отношений в XVI-XIX в.: два подхода к осмыслению проблемы: Монография / А.А. Журтова, А.Н. Максимчик. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 440 с.

Журтова 2020 – *Журтова А.А.* Советская историография вхождения Ингушетии в состав России // 250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Магас, 3-6 июня 2020. – Магас: Кеп, 2020. – С. 19-22.

Записки Ермолова…1991 – *Записки А.П. Ермолова*. 1798-1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. – М.: Высшая школа, 1991. – 463 с.

Ингуши 1960 – *Ингуши* // Народы Кавказа. Т. 1 / Под ред. М.О. Косвена, Л.И. Лаврова, Г.А. Нерсесова, Х.О. Хашаева; Серия: «Народы мира. Этнографические очерки». Под общ. ред. С.П. Толстова. – М.: РАН, 1960. С. 375-390.

Ингуши…2013 – *Ингуши* / Отв. ред. М. С-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ингушский государственный университет. – М.: Наука, 2013. – 509 с.

Ингушетия…2023 – *Ингушетия: Популярная иллюстрированная энциклопедия* / Сост. Я.С. Патиев; науч. ред. М.Г. Цароева, Т.Х. Матиев. – Магас: Сердало, 2023. – 816 с.

Историографические записки…1810 – *Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достапамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания. С приобщением двух Географических карт* / Перевод с французского. – СПб, 1810. – 126 с.

История Ингушетии…2013 – *История Ингушетии* / М.Б. Долгиева, М.М. Картоев, Н.Д. Кодзоев, Т.Х. Матиев; Отв. ред. Н.Д. Кодзоев / Ингушский НИИ ГН им. Ч.Э. Ахриева. Изд. 4-е. – Ростов н/Д: Южный издательский дом, 2013. – 600 с.

История народов Северного Кавказа…1988 – *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский: отв. ред. серии А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. – 544 с.

Кавказские народы 1776 – *Кавказские народы* // Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и всех прочих достапамятностей. Часть вторая: О народах Татарского племени / Переведено с немецкого. – СПб, 1776. – С. 45-61.

Клапрот 2008 – *Клапрот Ю*. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / Перевод с анг. К.А. Мальбахов. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 317 с.

Ковалевский 1914 – *Ковалевский П.И.* Кавказ. Т.1: Народы Кавказа. – СПб, 1914. – 344 с.

Кодзоев 2015 – *Кодзоев Н.Д.* К вопросу о дате вхождения Ингушетии в состав России // 245 лет вхождения Ингушетии в состав России: время, события, люди. Материалы Всероссийской научной конференции, 17 марта 2015 года. – Назрань: Пилигрим, 2015. – С. 16-29.

Кодзоев 2020 – *Кодзоев Н.Д.* О «добровольном вхождении» Ингушетии в состав Российской империи. – Назрань: Издательство ООО «КЕП», 2020. – 64 с.

Котиков 1972 – *Котиков С.Б.* К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского НИИ. – Грозный, 1972. Т. 9. Ч. 2. – С. 61-102.

Край…1873 – *Край крещеного света.* Кн. IV.: Русские горы и кавказские горцы, рассказ С. Максимова. 2-е изд. – СПб, 1873. – 63 с.

Крупнов 1939 – *Крупнов Е.И.* К истории Ингушии // Вестник древней истории. – 1939. – № 2. – С. 77-90.

Максимович 1788 – *Максимович Л.М.* Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон… – М, 1788. Часть II. З-К. – С. 77.

Мартиросиан 1928 – *Мартиросиан Г.К.* Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. – 1928. – Вып. 1. – С. 7-154.

Мартиросиан 1933 – *Мартиросиан Г.К.* История Ингушии. – Орджоникидзе: Сердало, 1933. – 320 с.

Мужухоев 1995 – *Мужухоев М.Б.* Ингуши: Страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры. – Саратов: Детская книга, 1995. – 128 с.

Муталиев 1992 – *Муталиев Т.Х.* Благодаря мужеству и силе нации // Сердало. 30.05.1992. № 63.

Муталиев 2016 – *Муталиев Т.Х.* Благодаря мужеству и силе нации: Сборник статей и материалов / Отв. ред. М.М. Картоев; сост. М.С. Дзаурова / Государственная архивная служба Республики Ингушетия. – Магас, 2016. – 327 с.

Национальный состав…1947 – *Национальный состав населения СССР* // Большая советская энциклопедия (БСЭ). – М., 1947. 1-е изд. Т. 66. – С. 60-66.

Отношение генерала Тормасова 1810 – *Отношение генерала Тормасова к графу Румянцеву, от 2-го сентября 1810 года, № 158* // Акты, собранные Кавказской археографической комиссии (АКАК) / Под ред. А. Берже. – Тифлис, 1870. Т. IV. № 1382.

Очерки…1967 – *Очерки по истории Чечено-Ингушской АССР.* – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. Т. 1. – 316 с.

Попов 1980 – *Попов И.И.* Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Всероссийская научная конференция в г. Грозном // История СССР. – 1980. – № 3. С. 215-218.

Северный Кавказ…2007 – *Северный Кавказ в составе Российской империи* / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.

Селезнев 1847 – *Селезнев М.* Руководство к познанию Кавказа. Кн 2. – СПб, 1847. – 304 с.

Скитский 1972 – *Скитский Б.В.* Назрановское движение 1858 года // Б.В. Скитский. Очерки истории горских народов. Избранное. – Орджоникидзе, 1972. – С. 173-186.

Словарь географический…1809 – *Словарь географический Российского государства, описывающий Азбучным порядком… Собранный Афанасием Щекатовым*. Ч. 7. – М., 1809. – 434 с.

Хроника истории…2020 – Хроника истории ингушского народа / Сост. Патиев Я.С., Патиев А.Я. – М., 2020. – 464 с.

Чечено-Ингушская…1974 – *Чечено-Ингушская автономная советская социалистическая республика* // Советская историческая энциклопедия (СИЭ). – М., 1974. Т. 15. – С. 996-1001.

Чечено-Ингушетия…1982 – *Чечено-Ингушетия: Фотоальбом* / Под ред. М. Бузуртанова. – М.: Планета, 1982. – 160 с.

Чечено-Ингушская…1958 – *Чечено-Ингушская автономная советская социалистическая республика* // Большая советская энциклопедия (БСЭ). – М., 1958. 2-е изд. Т. 51. – С. 306-316.

Чечено-Ингушская…1978 – *Чечено-Ингушская автономная советская социалистическая республика* // Большая советская энциклопедия (БСЭ). – М., 1978. 3-е изд. Т. 29. – С. 173-178.

REFERENCES

Bez proshlogo net budushchego [Without the past there is no future] / Compiled by R.Sh. Albogachiev. – Nalchik: El'-Fa, 2005. – 240 p. (In Russ.).

BLIEV M.M. *K voprosu o vremeni prisoedineniya narodov Severnogo Kavkaza k Rossii* [On the issue of the time of accession of the peoples of the North Caucasus to Russia]. IN: Voprosy istorii. – 1970. – № 7. – P. 43-56. (In Russ.).

BLIEV M.M. *Russko-ingushskie otnosheniya i prisoedinenie Ingushetii k Rossii* [Russian-Ingush relations and the annexation of Ingushetia to Russia]. IN: *Voprosy istoriko-kul'turnykh svyazei na Severnom Kavkaze (Sbornik nauchnykh trudov)* [Issues of historical and cultural relations in the North Caucasus (Collection of scientific works)]. – Ordzhonikidze: SOGU, 1985. – P. 111-124. (In Russ.).

BRONEVSKII S.M. *Noveishie Izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semenom Bronevskim: V 2 tomakh: t. 1, t. 2* [The latest News about the Caucasus, collected and expanded by Semyon Bronevsky: In 2 volumes: vol. 1, vol. 2] / Preparation of the text for publication, preface, notes, dictionary of rarely used words, indexes by I.K. Pavlova. – St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. – 464 p. (In Russ.).

BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. – St. Petersburg, 1869. Part 1. – 548 p. (In Russ.).

GABOEVA L.R. *K voprosu o politicheskom razvitii Severnogo Kavkaza nakanune i v period russko-iranskoi i russko-turetskoi voin nachala XIX veka* [On the issue of the political development of the North Caucasus on the eve of and during the Russian-Iranian and Russian-Turkish wars of the early 19th century]. IN: *Voprosy istoriko-kul'turnykh svyazei na Severnom Kavkaze (Sbornik nauchnykh statei)* [Questions of historical and cultural relations in the North Caucasus (Collection of scientific articles).]. – Ordzhonikidze: SOGU, 1985. – P. 125-148. (In Russ.).

GENKO A.N. *Iz kul'turnogo proshlogo ingushei* [From the cultural past of the Ingush]. IN: *Zapiski kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee AN SSSR* [Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences]. – Leningrad: AN SSSR, 1930. Vol. V. – P. 681-761. (In Russ.).

GIL'DENSHTEDT I-A. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770-1773 gg.* [Travel through the Caucasus in 1770-1773.] / Transl. by T.K. Shafranovskaya; ed. by Yu.Yu. Karpov. – St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. – 512 p. (In Russ.).

GYUL'DENSHTEDT I-A. *Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskikh gorakh* [Travel through Russia and the Caucasus Mountains]. IN: *Ingushi i ikh sosedi v trudakh nemetskikh issledovatelei XVIII-XX vekov* [Ingush and their neighbors in the works of German researchers of the 18th-20th centuries] / Transl. with him. language, comp., author. preface and comment. MM. Khadzieva – Rostov-on-Don: Yuzhnyi izdatel'skii dom, 2020. – P. 8-74. (In Russ.).

GIREEV B. *Shli my v poddanstvo ne iz prinuzhdeniya… V Ingushskom NII gumanitarnykh nauk proshel seminar, posvyashchennyi 255-letiyu dobrovol'nogo vkhozhdeniya Ingushetii v sostav Rossii* [We did not go into citizenship out of coercion... A seminar dedicated to the 255th anniversary of the voluntary entry of Ingushetia into Russia was held at the Ingush Research Institute of Humanities]. IN: news. «Ingushetiya». 20.03.2025. № 10. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Ingushi (Ikh zhizn' i obychai)* [Ingush (Their life and customs)]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh (SSKG)* [Collection of information about the Caucasian highlanders (SSKG).]. – Tiflis, 1876. Vol. IX. – P. 21-131. (In Russ.).

DAKHKIL'GOV I.A. *Shli v poddanstvo ne po prinuzhdeniyu (O protsesse edineniya Ingushetii s Rossiei)* [They were not forced into citizenship (On the process of unification of Ingushetia with Russia)]. IN: *Bol' i gordost' moya – rodnaya Ingushetiya (sbornik statei I.A. Dakhkil'gova)* [My pain and pride - my native Ingushetia (collection of articles by I.A. Dakhkilgov)] / Comp. M.A. Matiev. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – P. 150-169. (In Russ.).

245 let vkhozhdeniya Ingushetii v sostav Rossii: vremya, sobytiya, lyudi [245 years of Ingushetia joining Russia: time, events, people]. IN: *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 17 marta 2015 goda* [Materials of the All-Russian Scientific Conference, March 17, 2015.]. – Nazran': Piligrim, 2015. – 288 p. (In Russ.).

250 let edineniya Ingushetii s Rossiei: vremya, sobytiya, lyudi [250 years of unity of Ingushetia with Russia: time, events, people]. IN: *Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Magas, 3-6 iyunya 2020* [Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference, Magas, June 3-6, 2020.]. – Magas: Kep, 2020. – 324 p. (In Russ.).

ZHURTOVA A.A., MAKSIMCHIK A.N. *Istoriografiya rossiisko-kavkazskikh otnoshenii v XVI-XIX v.: dva podkhoda k osmysleniyu problemy: Monografiya* [Historiography of Russian-Caucasian relations in the 16th-19th centuries: two approaches to understanding the problem: Monograph] / A.A. Zhurtova, A.N. Maksimchik. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2017. – 440 p. (In Russ.).

ZHURTOVA A.A. Sovetskaya istoriografiya vkhozhdeniya Ingushetii v sostav Rossii [Soviet historiography of Ingushetia's accession to Russia]. IN: *250 let edineniya Ingushetii s Rossiei: vremya, sobytiya, lyudi* [250 years of unity of Ingush-etia with Russia: time, events, people]. IN: Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdu-narodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Magas, 3-6 iyunya 2020. – Magas: Kep, 2020. – p. 19-22.

Zapiski A.P. Ermolova. 1798-1826 gg. [Notes from A.P. Ermolov. 1798-1826] / Comp., prepared. text, intro. Art., comment. V.A. Fedorov. – Moscow: Vysshaya shkola, 1991. – 463 p. (In Russ.).

Ingushi [Ingush]. IN: *Narody Kavkaza. T. 1* [Peoples of the Caucasus. Vol. 1] / Ed. M.O. Kosvena, L.I. Lavrova, G.A. Nersesova, Kh.O. Khashaeva; Series: “Peoples of the World. Ethnographic essays". Under general ed. S.P. Tolstova. – Moscow: RAN, 1960. P. 375-390. (In Russ.).

Ingushi [Ingush] / Rep. ed. M. S-G. Albogachieva, A.M. Martazanov, L.T. Solovyova; Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay RAS; Ingush State University – Moscow: Nauka, 2013. – 509 p. (In Russ.).

Ingushetiya: Populyarnaya illyustrirovannaya entsiklopediya [Ingushetia: Popular illustrated encyclopedia] / Comp. Ya.S. Patiev; scientific ed. M.G. Tsaroeva, T.Kh. Matiev. – Magas: Serdalo, 2023. – 816 p. (In Russ.).

Istoriograficheskie zapiski o stranakh, lezhashchikh mezhdu moryami Chernym i Kaspiiskim, soderzhashchie noveishie podrobnye opisaniya zhivushchikh v onykh narodov, i dostapamyatnosti drevnego i nyneshnego tekh zemel' mestoopisaniya. S priobshcheniem dvukh Geograficheskikh kart [Historiographical notes about the countries lying between the Black and Caspian seas, containing the latest detailed descriptions of the peoples living in them, and the historical and current locations of those lands. With the addition of two Geographic maps] / Translation from French . – St. Petersburg, 1810. – 126 p. (In Russ.).

Istoriya Ingushetii [History of Ingushetia] / M.B. Dolgieva, M.M. Kartoev, N.D. Kodzoev, T.Kh. Matiev; Rep. ed. N.D. Kodzoev / Ingush Research Institute of Humanities named after. Chakha. E. Akhrieva. Ed. 4th. – Rostov-on-Don: Yuzhnyi izdatel'skii dom, 2013. – 600 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century.] / Rep. ed. B.B. Piotrovsky: resp. ed. series A.L. Narochnitsky. Moscow: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russ.).

Kavkazskie narody [Caucasian peoples]. IN: *Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitayushchikh narodov, tak zhe ikh zhiteiskikh obryadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i vsekh*

prochikh dostapamyatnostei. Chast' vtoraya: O narodakh Tatarskogo plemeni [Description of all the peoples living in the Russian state, as well as their everyday rituals, beliefs, customs, homes, clothes and all other memorabilia. Part two: About the peoples of the Tatar tribe] / Translated from German. – St. Petersburg, 1776. – P. 45-61. (In Russ.).

KLAPROT Yu. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh [Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808] / Translation from English. K.A. Malbachov. – Nalchik: El'-Fa, 2008. – 317 p. (In Russ.).

KOVALEVSKII P.I. *Kavkaz. T.1: Narody Kavkaza* [Caucasus. Vol.1: Peoples of the Caucasus.]. – St. Petersburg, 1914. – 344 p. (In Russ.).

KODZOEV N.D. *K voprosu o date vkhozhdeniya Ingushetii v sostav Rossii* [On the date of Ingushetia's accession to Russia]. IN: 245 let vkhozhdeniya Ingushetii v sostav Rossii: vremya, sobytiya, lyudi [245 years of Ingushetia joining Russia: time, events, people]. IN: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 17 marta 2015 goda [Materials of the All-Russian Scientific Conference, March 17, 2015.]. – Naz-ran': Piligrim, 2015. – P. 16-29. (In Russ).

KODZOEV N.D. *O «dobrovol'nom vkhozhdenii» Ingushetii v sostav Rossiyskoy imperii* [On the "voluntary entry" of Ingushetia into the Russian Empire]. – Naz-ran': Izdatel'stvo OOO «KEP», 2020. – 64 p. (In Russ.).

KOTIKOV S.B. *K voprosu o prisoedinenii Ingushetii k Rossii* [On the issue of the annexation of Ingushetia to Russia]. IN: *Izvestiya Checheno-Ingushskogo NII* [News of the Chechen-Ingush Research Institute.]. – Groznyi, 1972. Vol. 9. Part. 2. – P. 61-102. (In Russ.).

Krai kreshchenogo sveta. Kn. IV.: Russkie gory i kavkazskie gortsy, rasskaz S. Maksimova [The edge of the baptized world. Book IV.: Russian mountains and Caucasian highlanders, story by S. Maksimov.]. 2nd Ed. – St. Petersburg, 1873. – 63 p. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *K istorii Ingushii* [On the history of Ingushia]. IN: *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of ancient history]. – 1939. – № 2. – P. 77-90. (In Russ.).

MAKSIMOVICH L.M. *Novyi i polnyi geograficheskii slovar' Rossiiskogo gosudarstva ili Leksikon…* [A new and complete geographical dictionary of the Russian state or Lexicon...] – Moscow, 1788. Part II. Z-K. – P. 77. (In Russ.).

MARTIROSIAN G.K. *Nagornaya Ingushiya. Sotsial'no-ekonomicheskii ocherk* [Nagorny Ingushia. Socio-economic essay]. IN: *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniy*a [News of the Ingush Research Institute of Local Studies.]. – 1928. – Vol. 1. – P. 7-154. (In Russ.).

MARTIROSIAN G.K. *Istoriya Ingushii* [History of Ingushia]. – Ordzhonikidze: Serdalo, 1933. – 320 p. (In Russ.).

MUZHUKHOEV M.B. *Ingushi: Stranitsy istorii, voprosy material'noi i dukhovnoi kul'tury* [Ingush: Pages of history, issues of material and spiritual culture]. – Saratov: Detskaya kniga, 1995. – 128 p. (In Russ.).

MUTALIEV T.Kh. *Blagodarya muzhestvu i sile natsii* [Thanks to the courage and strength of the nation]. IN: news. «Serdalo». 30.05.1992. № 63. (In Russ.).

MUTALIEV T.Kh. *Blagodarya muzhestvu i sile natsii: Sbornik statei i materialov* [Thanks to the courage and strength of the nation: Collection of articles and materials] / Rep. ed. MM. Kartoev; comp. M.S. Dzaurova / State Archive Service of the Republic of Ingushetia. – Magas, 2016. – 327 p. (In Russ.).

Natsional'nyi sostav naseleniya SSSR [National composition of the population of the USSR]. IN: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (BSE)* [Great Soviet Encyclopedia (BSE)]. – Moscow, 1947. 1st ed. Vol. 66. – P. 60-66. (In Russ.).

Otnoshenie generala Tormasova k grafu Rumyantsevu, ot 2-go sentyabrya 1810 goda, № 158 [The attitude of General Tormasov to Count Rumyantsev, dated September 2, 1810, No. 158]. IN: *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii (AKAK)* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (ACAC)] / Ed. A. Berger. – Tiflis, 1870. Vol. IV. № 1382. (In Russ.).

Ocherki po istorii Checheno-Ingushskoi ASSR [Essays on the history of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic.]. – Groznyi: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. Vol. 1. – 316 p. (In Russ.).

POPOV I.I. *Progressivnaya rol' Rossii v istoricheskikh sud'bakh narodov Severnogo Kavkaza. Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya v g. Groznom* [The progressive role of Russia in the historical destinies of the peoples of the North Caucasus. All-Russian scientific conference in Grozny]. IN: Istoriya SSSR. – 1980. – № 3. P. 215-218. (In Russ.).

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [Northern Caucasus as part of the Russian Empire] / Rep. ed. IN. Bobrovnikov, I.L. Babich. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – 460 p. (In Russ.).

SELEZNEV M. *Rukovodstvo k poznaniyu Kavkaza* [A guide to understanding the Caucasus]. Vol 2. – St. Petersburg, 1847. – 304 p. (In Russ.).

SKITSKII B.V. *Nazranovskoe dvizhenie 1858 goda* [Nazran movement of 1858]. IN: *B.V. Skitskii. Ocherki istorii gorskikh narodov. Izbrannoe* [B.V. Skitsky. Essays on the history of mountain peoples. Favorites.]. – Ordzhonikidze, 1972. – P. 173-186. (In Russ.).

Slovar' geograficheskii Rossiiskogo gosudarstva, opisyvayushchii Azbuchnym poryadkom… Sobrannyi Afanasiem Shchekatovym [Geographical dictionary of the Russian state, describing in alphabetical order... Collected by Afanasy Shchekatov.]. Part. 7. – Moscow, 1809. – 434 p. (In Russ.).

Khronika istorii ingushskogo naroda [Chronicle of the history of the Ingush people] / Comp. Patiev Ya.S., Patiev A.Ya. – Moscow, 2020. – 464 p. (In Russ.).

Checheno-Ingushskaya avtonomnaya sovetskaya sotsialisticheskaya respublika [Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic]. IN: *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya (SIE)* [Soviet Historical Encyclopedia (SIE).]. – Moscow, 1974. Vol. 15. – P. 996-1001. (In Russ.).

Checheno-Ingushetiya: Fotoal'bom [Checheno-Ingushetia: Photo Album] / Ed. M. Buzurtanov. – Moscow: Planeta, 1982. – 160 p. (In Russ.).

Checheno-Ingushskaya avtonomnaya sovetskaya sotsialisticheskaya respublika [Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic]. IN: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (BSE*) [Great Soviet Encyclopedia (BSE)]. – Moscow, 1958. 2nd ed. Vol. 51. – P. 306-316. (In Russ.).

Checheno-Ingushskaya avtonomnaya sovetskaya sotsialisticheskaya respublika [Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic]. IN: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (BSE)* [Great Soviet Encyclopedia (BSE)]. – Moscow, 1978. 3rd ed. Vol. 29. – P. 173-178. (In Russ.).

Информация об авторе

М.М. Картоев – аспирант.

Information about the author

M.M. Kartoev – Graduate Student (History).

Статья поступила в редакцию 24.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 24.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 94(470.662)+930
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-165-188
EDN: QVYFYC

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИНГУШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ КОНФЛИКТА В ПРИГОРОДНОМ РАЙОНЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ

Денис Васильевич Тумаков[1,2]
[1] Ярославский государственный медицинский университет, Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8569-7246
[2] Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Аннотация. Статья, основанная на наиболее типичных по содержанию публикациях центральной периодической печати различных политических взглядов, опубликованных документах, мемуарной литературе и общественно-политической публицистике 1990-х гг., посвящена некоторым аспектам взаимоотношений федерального Центра и ингушского народа (позднее – Ингушской Республики) в контексте осетино-ингушского конфликта. Представлены наиболее популярные точки зрения ингушских национальных организаций той эпохи. Первоначально ингуши активно поддерживали политический курс российских властей во главе с Б.Н. Ельциным, публично обещавшим решить спор касательно территориальной принадлежности Пригородного района в их пользу. Тем не менее авторитет российского Центра в республике быстро упал вследствие нерешительной политики федеральных властей в вопросе о передаче ингушам спорных территорий. В свою очередь, российское правительство призывало к легитимации Ингушской Республики и созданию официальных органов власти на её территории. В 1991-1992 гг. этот процесс не был завершён. Позднее, из-за совместных действий силовых структур РФ и осетинских отрядов против ингушских активистов осенью 1992 г. в Пригородном районе, симпатии части народа даже перешли на сторону дудаевского режима в Чечне. Автором сделан вывод о том, что подобные изменения политических настроений ингушей выглядели вполне логичными, но оказались временными и в целом не привели к фатальным для Центра переменам в регионе.

Ключевые слова: Ингушетия, федеральный Центр, Россия, Пригородный район, осетино-ингушский конфликт, военные действия, средства массовой информации

Для цитирования: Тумаков Д.В. Взаимоотношения ингушского национального движения и центральных властей в контексте конфликта в Пригородном районе Северной Осетии в оценках российской печати начала 1990-х годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 165-188. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-165-188. EDN: QVYFYC.

© Тумаков Д.В., 2026

Original article

RELATIONS BETWEEN THE INGUSH NATIONAL MOVEMENT AND THE CENTRAL GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF THE CONFLICT IN THE PRIGORODNY DISTRICT OF NORTH OSSETIA, AS REPORTED IN THE RUSSIAN PRESS IN THE EARLY 1990s

Denis V. Tumakov[1,2]

[1] Yaroslavl State Medical University Yaroslavl, Russia, denistumakov@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-8569-7246

[2] Yaroslavl State University named P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia

Abstract. The article, based on the most typical publications in the central periodical press of various political views, published documents, memoir literature, and socio-political journalism of the 1990s, focuses on certain aspects of the relationship between the federal center and the Ingush people (later, the Ingush Republic) in the context of the Ossetian-Ingush conflict. It presents the most popular perspectives of the Ingush national organizations of that era. Initially, the Ingush actively supported the political course of the Russian authorities, led by Boris Yeltsin, who publicly promised to resolve the dispute over the territorial affiliation of the Prigorodny District in their favor. However, the authority of the Russian Center in the republic quickly declined due to the indecisive policy of the federal authorities regarding the transfer of disputed territories to the Ingush. In turn, the Russian government called for the legitimization of the Ingush Republic and the establishment of official authorities on its territory. In 1991-1992, this process was not completed. Later, due to the joint actions of the Russian Federation's security forces and Ossetian detachments against Ingush activists in the autumn of 1992 in the Prigorodny District, some people even sympathized with the Dudayev regime in Chechnya. The author concludes that these changes in the political attitudes of the Ingush were logical, but they were temporary and did not lead to any fatal changes in the region for the Center.

Key words: Ingushetia; Federal Center; Russia; Prigorodny district; Ossetian-Ingush conflict; military actions

For citation: Tumakov D.V. Relations between the Ingush national movement and the Central government in the context of the conflict in the Prigorodny district of North Ossetia, as reported in the Russian press in the early 1990s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 165-188. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-165-188. EDN: QVYFYC.

© Tumakov D.V., 2026

Введение

Последние годы существования Советского Союза сопровождались многочисленными межнациональными конфликтами в ряде регионов страны (Закавказье, Средняя Азия). Крах единого государства в конце 1991 г. привёл к дальнейшему углублению кризисных явлений в данной сфере: локальные стычки между соседями быстро переросли в настоящие кровопролитные войны. По данным Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба Вооружённых Сил РФ, в 1990-1992 гг. на территории сначала СССР, а затем постсоветского пространства возникли до 30 конфликтов и более 70 споров, связанных с разделом союзного имущества, в том числе военного [Гареев 1992]. Масштаб этого противостояния оказался весьма значительным. По информации

современного американского политолога Д. Тризмана, только войны в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье и Таджикистане в 1990-е гг. унесли жизни в общей сложности от 63 до 98 тысяч человек [Тризман 2012: 170].

Непросто складывались межнациональные отношения и в новой России. Знаменитый политик-реформатор, бывший глава федерального правительства Е.Т. Гайдар в брошюре «Записки из зала», вышедшей накануне парламентских выборов 1995 г., утверждал о том, что сразу после распада Советского Союза существовали «явные и очень опасные разрушительные тенденции к децентрализации при предельном ослаблении федеральных властей», но к лету 1992 г. государственное единство якобы заметно укрепилось [Гайдар 1995: 47]. Тем не менее, по подсчётам современных исследователей, в начале первого постсоветского десятилетия лишь на Северном Кавказе насчитывалось 35 территориальных споров и претензий, которые были чреваты потенциальным возникновением конфликтов между различными этносами данного региона [Дзидзоев, Каргинов 2005: 5]. Наиболее крупным и известным из них в первой половине 1990-х гг. был осетино-ингушский конфликт.

Различные его аспекты в прошлом неоднократно становились предметом изучения со стороны ряда отечественных исследователей. История возникновения на рубеже 1980-1990-х гг. и последующей эволюции ингушского национального движения была предметом изучения И.М. Сампиева [Сампиев 2007: 4-36]. В работах А.Г. Здравомыслова [Здравомыслов 1998], А.А. Цуциева [Цуциев 1998], Р.М. Дзидзоева и С.Н. Каргинова [Дзидзоев, Каргинов 2005], Н.С. Асташкина [Асташкин 2005], Д.С. Кокорхоевой [Кокорхоева 2006] и В.А. Шнирельмана [Шнирельман 2006] акцент был сделан на предыстории и различных факторах возникновения собственно осетино-ингушского конфликта, перспективах его урегулирования и соответствующих усилиях федеральных властей. Ранний период существования Ингушской Республики (ИР) освещается и в биографических трудах, посвящённых личности её первого президента Р.С. Аушева [Хамхоев, Галаев 2017; Бондаренко 2018]. На региональном уровне различные аспекты осетино-ингушского вооружённого конфликта в последние годы активно изучались ярославским историком Д.В. Тумаковым [Тумаков 2016; Тумаков 2022; Тумаков 2025a; Тумаков 2025b]. Однако проблема взаимоотношений ингушского национального движения и федерального Центра в контексте событий в Пригородном районе в начале 1990-х гг. ещё не становилась предметом пристального изучения со стороны отечественных исследователей. Этот пробел и призвана заполнить данная публикация. Отметим, что источниковую базу составляют публикации центральных СМИ, позволяющие отслеживать динамику настроения ингушского общества – от массовой поддержки Б.Н. Ельцина до разочарования в его политическом курсе и поиска альтернативных союзников в лице режима Д.М. Дудаева в Чечне.

Обсуждение

I этап (1991 – первая половина 1992 г.): надежды и ожидания

Как известно, главной причиной осетино-ингушского конфликта стал спор двух соседних народов касательно принадлежности Пригородного района и

правобережной части Владикавказа. Начиная с конца 1980-х гг., ингушское национальное движение поднимало вопрос о полной реабилитации ингушского народа [Сампиев 2007: 15-18], под которым понималось и возвращение ему спорных земель. В марте 1991 г. во время визита на Северный Кавказ председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин заявил о поддержке данных требований, в этом с ним были солидарны столичные демократы [Асташкин 2005: 14-16]. 26 апреля 1991 г. российский парламент во втором чтении подавляющим большинством голосов принял закон «О реабилитации репрессированных народов» [Закон 1991], ст. 6 которого предполагала «территориальную реабилитацию» на основе прежних границ, то есть возвращение ингушам земель Пригородного района, изъятых после ссылки вайнахов в 1944 г. Ст. 3 того же закона говорила о праве репрессированных народов на «восстановление территориальной целостности» и о «возмещении ущерба, причинённого государством» [Закон 1991]. Кроме того, пункт 3 постановления Верховного Совета РСФСР о порядке введения в действие упомянутого закона предполагал восстановление законных прав каждого репрессированного народа уже до конца 1991 г. [Постановление 1991], что предполагало государственные затраты в диапазоне от 30 до 40 млрд. рублей [Жданкин, Нагаев 1991]. Б.Н. Ельцин полагал, что принятие закона от 26 апреля является «очень нравственным, историческим шагом», который позволит мирным путём урегулировать многие межнациональные проблемы в России [Жданкин, Нагаев 1991]. Ранее в поддержку законопроекта высказались даже консервативно настроенные представители Коммунистической партии РСФСР, выражавшие желание сотрудничать с представителями репрессированных народов [Депортированные 1991]. Однако данные законодательные акты не были подкреплены конкретными механизмами их практической реализации, поэтому фактически они так и остались на бумаге.

Сразу после принятия закона Б.Н. Ельцин призвал все народы проявить спокойствие и выдержку при практической реализации, однако в условиях постоянного ухудшения социально-экономического положения СССР и РСФСР сделать это было сложно. Свою роль в дальнейшей эскалации обстановки сыграл факт публичной поддержки территориальных претензий ингушей со стороны вице-президента России А.В. Руцкого [Сейнароев 2012: 37]. Так, уже поздней осенью 1991 г. ингуши испытывали серьёзное недовольство противоречивой политикой Центра в вопросе о территориальной принадлежности Пригородного района, о чём прямо писала центральная периодическая печать. В ноябре собственный корреспондент столичного издания «Сельская жизнь» С-М. Лорсанукаев сообщал, что на площади перед зданием городского совета в Назрани на протяжении двух недель проходил гигантский народный митинг с требованием возврата «исконных ингушских земель, отнятых в 1944 году Сталиным и его преступным окружением» [Лорсанукаев 1991]. По данным журналиста, число участников в отдельные дни достигало 80 тысяч человек [Лорсанукаев 1991].

В газетном репортаже были процитированы выступления некоторых активистов ингушского национального движения, хотя бы отчасти объяснявшие причины радикализации их настроений. В частности, старейшины, чьи имена С-М. Лорсанукаев не называл, утверждали, что «вот уже скоро полвека мы никак не

можем вернуться на свою родину. К могилам предков в Пригородном районе пробираемся робко, озираясь по сторонам. Так не может продолжаться долго, терпение людей лопнуло» [Лорсанукаев 1991]. Ещё более резко высказался директор совхоза «Назрановский» Б. Дударов, обвинивший российского президента Б.Н. Ельцина в том, что тот «отделывается одними обещаниями», но при этом «не сдержал ни одного своего слова» [Лорсанукаев 1991]. Он сравнил ситуацию в регионе с пороховой бочкой и добавил, что его земляки «готовы головой постоять за родную землю», то есть настроены очень серьёзно и не простят Центру возможного кровопролития. О серьёзном настрое ингушей свидетельствовал и приведённый корреспондентом «Сельской жизни» факт неучастия митинговавших сотрудников совхоза «Назрановский» в работе в поле и на фермах [Лорсанукаев 1991].

На страницах консервативно-оппозиционного издания «Литературная Россия» в начале 1992 г. вышла статья военного корреспондента И.В. Носикова, непосредственно посетившего Владикавказ и Пригородный район Северной Осетии. Хотя большая часть данной публикации всё же была посвящена политическим настроениям осетинского народа, вызывавшего в начале 1990-х гг. определённые симпатии у политических противников Б.Н. Ельцина [Тумаков 2025а: 146-154], журналист предоставил слово и противоположной стороне. Некий пожилой ингуш по имени Сали (так в тексте – *Авт.*) рассказал И.В. Носикову, что его народ желает восстановления исторической справедливости, под которой понималась скорейшая передача ему территории Пригородного района. Важность этого события для ингушской нации, согласно точке зрения героя газетной публикации, заключалась не только в реализации Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г., но и в том, что в Пригородном районе находились многочисленные ингушские захоронения [Носиков 1992]. В силу этого заключал журналист «Литературной России», они полагали данную территорию своей. Весьма примечательно, что Сали в беседе с И.В. Носиковым категорически отказался назвать собственную фамилию, так как опасался трагических последствий для себя, поскольку считал, что для осетин ингушское население Пригородного района (свыше 32 тысяч человек) – это «потенциальные заложники» [Носиков 1992]. Автор статьи утверждал о нарастании напряжённости в осетино-ингушских отношениях, что выражалось как в призывах общественности к Центру о введении моратория на изменение границ Северной Осетии, так и в активном формировании на её территории отрядов самообороны и республиканской гвардии [Носиков 1992].

Газета «Известия» – одно из наиболее ярких центральных средств массовой информации тех лет, поддерживавшее социально-экономический и политический курс президента России Б.Н. Ельцина, – на первой полосе номера за 22 ноября 1991 г. опубликовала фотографии центрального информационного агентства ТАСС, на которых читатели могли видеть как многотысячный митинг ингушей в Назрани, так и заблокированную бетонными плитами автомагистраль Назрань-Владикавказ. Собственный корреспондент упомянутого периодического издания, впоследствии создатель и руководитель еженедельника «Северный Кавказ», А.М. Казиханов также подверг критике политику центральных властей в регионе. В его статье содержалось утверждение о том, что Верховный

Совет России прибегает к «непродуманным действиям» на Северном Кавказе, следствием которых становились сумятица и напряжённые межнациональные взаимоотношения. В силу этого журналист предлагал для урегулирования осетино-ингушского конфликта прибегнуть к непосредственному диалогу двух соседних народов, причём не только по линии руководства, но и через советы старейшин или различные общественные организации [Казиханов 1991]. Интересно, что и некоторые представители Центра разделяли подобную точку зрения. К примеру, известный депутат Верховного Совета РСФСР А.Е. Шабад в интервью популярному еженедельнику «Столица» утверждал, что в результате посещения Чечено-Ингушской Республики (ЧИР) и Северной Осетии пришёл к «совершенно железному убеждению», что Россия не должна проявлять какое-либо неуважение к народам Кавказа, особенно силой навязывать им свою волю в тех или иных вопросах [Анатолий 1991: 3].

В начале 1990-х гг. воинственная политическая риторика постепенно становилась нормой повседневной жизни в регионе. Ещё поздней осенью 1991 г. агентство ТАСС передавало, что участники массового ингушского митинга в Назрани выражали намерение провести мирный поход на населённые пункты на территории соседней Северной Осетии с целью возвращения Пригородного района и правобережной части Владикавказа или даже захватить их вооружённой силой [Обстановка 1991]. Как писал спустя год специальный корреспондент газеты «Рабочая трибуна» Б. Прохоров, среди ингушского населения спорных территорий стал приобретать популярность лозунг «Всё, что произведено на ингушской земле, должно принадлежать ингушскому народу!» [Прохоров 1992], который лишь усилил конфронтацию с властями Северной Осетии. После того, как Центр не стал удовлетворять упомянутые выше требования ингушей, он же полагал, что «надежды (ингушей – *Авт.*) на мать-Россию таяли с каждым часом», а «бешеные скачки цен, инфляция, разгул спекуляции, безработица», привели к тому, что «цинизм и безверие, забвение вековой мудрости у горячих голов достигли апогея» [Прохоров 1992]. Тем самым в дальнейшей эскалации межэтнического конфликта и начале боевых действий столичный журналист обвинял преимущественно ингушскую сторону, при этом умалчивая о непродуманных действиях Верховного Совета России.

При этом различные лидеры ингушского национального движения той эпохи через столичные масс-медиа всё же выдвигали более миролюбивые лозунги. Так, руководитель пресс-центра исполкома народных депутатов Ингушетии всех уровней Х. Костоев (в газетной заметке А.М. Казиханова его фамилия указана как «Кастоев») утверждал, что ингушские активисты не планируют марш на территорию Пригородного района 16 ноября 1991 г., и назвал подобного рода информацию «ложью, выдуманной нашей партократией, чтобы накалить обстановку» [Казиханов 1991]. Очевидно, сама по себе апелляция ингушских политиков к фразеологии периода борьбы демократической оппозиции во главе с Б.Н. Ельциным против власти КПСС и позднее путчистов из ГКЧП свидетельствовала о их стремлении получить поддержку российских властей. Добавим к этому, что Северная Осетия в начале 1990-х гг. воспринималась столичными демократами как «заповедник

консерватизма» [Тумаков 2025а: 147]. О нежелании ингушей следовать за политическим курсом Д.М. Дудаева после событий осени 1991 г., их стремлении сохранить единство Чечено-Ингушской Республики и быть частью России писал и собственный корреспондент «Российской газеты» по Северному Кавказу А.М. Алёшкин [Алёшкин 1991]. Председатель Народного Совета Б.М. Сейнароев на страницах столичной «Литературной газеты» выражал уверенность в том, что до конца 1991 г. российские власти передадут ингушам Пригородный район, но одновременно заверил, что его земляки не станут изгонять оттуда осетин или представителей других наций [Макартумьян 1991].

В свою очередь, член Совета демократической партии «Нийсхо» («Справедливость») И. Оздоев в интервью «Известиям» тоже обвинил некие «определённые круги» в создании мифа об агрессивности ингушского народа и попытках поссорить его с осетинами, которые характеризовались им как «дружественный народ», и русскими казаками [Елистратов 1991]. Он также утверждал, что его земляки отвергают насильственный способ решения территориального конфликта и выступают за переговоры как главный метод решения любых спорных вопросов. В беседе с журналистом Оздоев процитировал «Обращение совета старейшин Ингушетии к народам России», в котором провозглашалось «стремление восстановить свою государственность на исконно своей земле», то есть в Пригородном районе Северной Осетии. В данном документе ингушские старейшины гарантировали строгое обеспечение гражданских прав и свобод личности, а также уважение к религии, обычаям и культуре представителей всех проживавших в республике народов. Однако упоминание в его интервью многотысячных митингов, регулярно проходивших в Назрани, и попыток представителей местной власти успокоить «горячих голов и безответственных болтунов» прозвучало как намёк на то, что в случае провала политического диалога с осетинами недовольные ингуши могут перейти и к силовым способам решения проблемы Пригородного района [Елистратов 1991]. Весьма примечательно, что о роли российских властей в урегулировании территориального спора двух соседних народов в интервью представителя «Нийсхо» не было ни слова.

По инициативе Народного Совета Ингушетии 30 ноября 1991 г. прошёл референдум о восстановлении Ингушской Республики в составе РСФСР, однако со столицей во Владикавказе и с возвратом территории Пригородного района. Данную формулировку поддержали 92,5 % пришедших к урнам для голосования при общей явке 97 % от числа избирателей [Сампиев 2007: 25-26]. Однако ингушское движение ждало от Москвы решения территориального вопроса, поэтому III этап общенационального съезда ингушского народа в начале 1992 г. в станице Нестеровская постановил не провозглашать ИР до возвращения в её состав Пригородного района. При этом руководитель пресс-службы Народного совета Ингушетии М. Озиев вновь выразил надежду, что решить затянувшийся вопрос о передаче спорной территории поможет российский Центр [Казиханов 1992а]. Спустя примерно полтора месяца чрезвычайный съезд репрессированных народов в Нальчике уже возмущённо утверждал, что правительство России не предпринимает конкретных шагов к реализации Закона

РФ от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», и предупредил, что подобная позиция Москвы может привести к рецидиву чеченского сценария осени 1991 г. в других регионах Северного Кавказа [Казиханов 1992b], то есть к силовым действиям со стороны недовольных народов по отношению к представителям местной власти.

Российское руководство весьма специфически отреагировало на упомянутые требования ингушского национального движения. Так, в декабре 1991 г. на страницах «Российской газеты» – издания Верховного Совета РСФСР – вышла статья народного депутата Северной Осетии от демократических сил Г.Х. Кабалоева. Автор пожелал населению ингушских районов Чечено-Ингушетии успехов в создании собственной республики, а также утверждал о солидарности осетинского народа с ингушами на этом этапе и даже о готовности оказать поддержку в становлении ИР [Кабалоев 1991]. Однако в той же статье Кабалоев предостерёг лидеров ингушского национального движения от поспешных действий, результатом которых может стать «вторая национальная катастрофа» после ссылки 1944 г. К числу таких он относил территориальные притязания на Пригородный район Северной Осетии и правобережную часть Владикавказа, которые охарактеризовал как «составную часть нашей республики». Депутат считал, что от передачи спорных земель не выиграют оба народа, так как Центру придётся «резать по живому социальному организму». Победителями в такой ситуации станет лишь «национальная чиновничья элита» или «национал-бюрократия», которых Г.Х. Кабалоев назвал «врагами нашей и вашей свободы» [Кабалоев 1991]. Осетинский народный депутат писал также о наличии в его республике «экстремистских националистических сил», политическая активность которых на момент выхода статьи сдерживалась лишь авторитетом старейшин и собственной неорганизованностью. Однако, полагал он, в случае их вероятного союза с республиканской номенклатурой вопрос о территориальной принадлежности Пригородного района уже не будет иметь мирного решения [Кабалоев 1991].

Взамен Г.Х. Кабалоев предложил лидерам демократической партии «Нийсхо» переговоры по ненасильственному решению всех спорных вопросов, прежде всего о принадлежности спорных территорий. Помимо диалога осетинских и ингушских старейшин, он считал возможным реализовать предложение депутата Верховного Совета Северной Осетии Я.С. Патиева о возвращении всем населённым пунктам Пригородного района исторических названий, отменить принятый ранее закон «Об ограничении механического прироста населения республики» и образовать самоуправляемые национально-территориальные сельсоветы после проведения референдума в местах компактного проживания ингушей. Последний шаг был бы возможен лишь при условии прекращения ультимативных требований с их стороны, а также вмешательства в дела Северной Осетии руководителей Назрановского района ЧИР и расценивался автором статьи как «очень важная уступка со стороны осетинского народа» [Кабалоев 1991]. Впоследствии на территории республики мог бы возникнуть самоуправляемый Ингушский национально-территориальный район. Можно предположить, что данная публикация

появилась на страницах официального периодического издания с санкции российских властей.

В то же время некоторые журналисты подвергли критике Центр за неисполнение данных ранее обещаний и Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Например, И.А. Дементьева в начале 1992 г. утверждала на страницах авторитетного в те годы еженедельника «Московские новости», что в период после прихода к власти в Грозном генерала Д.М. Дудаева и фактического раздела Чечено-Ингушетии «ингуши как бы исчезли с карты России, утратив имя и государственность» [Дементьева 1992]. В подтверждение своих слов она приводила тот факт, что в парламенте Чеченской Республики не было ингушских депутатов, а на территорию Сунженского района претендовали оба вайнахских народа [Дементьева 1992].

Главной проблемой во взаимоотношениях ингушского народа и федеральных властей журналистка полагала статус Пригородного района – по её мнению, «пригретой территории», которую власти Северной Осетии не желают отдать «законным претендентам» в лице ингушей [Дементьева 1992]. Кроме того, как доказывала И.А. Дементьева, для ингушской интеллигенции возвращение утраченной после 1944 г. территории стало бы «этапом национального возрождения», в то время как обычные крестьяне получили бы от нового Российского государства дополнительные земельные наделы [Дементьева 1992], что могло бы заметно укрепить популярность реформаторов в Ингушетии. Между тем центральные власти в лице президента Б.Н. Ельцина и вице-президента А.В. Руцкого не выполнили предвыборных обещаний 1991 г., что заставило ингушских старейшин искать помощи у фактического лидера Чечни генерала Д.М. Дудаева («они были с Россией, пока Россия была с ними», как писала И.А. Дементьева) [Дементьева 1992]. В качестве способа урегулирования давнего конфликта столичная журналистка предлагала переговоры между осетинским и ингушским народами при посредничестве федерального Центра, которые могли бы помочь предотвратить возможную большую войну на Кавказе с тяжёлыми последствиями для всей России [Дементьева 1992].

Если в статье И.А. Дементьевой содержался анализ взаимоотношений федеральных властей и ингушского народа, то на страницах другого популярного издания «Мегаполис-Экспресс» примерно в то же время вышла статья, проинформировавшая широкую российскую общественность о внутренних разногласиях среди ингушей. По мнению журналистки Е. Пеструхиной, среди них выделялись две важнейшие силы – оргкомитет Съезда ингушского народа, состоявший из бывших высокопоставленных представителей партийно-хозяйственной номенклатуры позднесоветской эпохи, а также национал-радикалы, представленные уже упоминавшейся выше демократической партией «Нийсхо» и составлявшие большинство в исполкоме Съезда ингушских депутатов всех уровней [Пеструхина 1992]. Разницу между политическими программами обеих групп корреспондент столичной газеты видела прежде всего в их позиции по будущим границам ещё не созданной Ингушской Республики. Если «Нийсхо» настаивала на включении в её состав

Пригородного района Северной Осетии и правобережной части Владикавказа, то более умеренный оргкомитет Съезда ингушского народа выступал лишь за возвращение ей территории Пригородного района [Пеструхина 1992]. При этом, как отмечала Е. Пеструхина, ни одна из ингушских политических партий не была готова смириться с сохранением территориального статус-кво. По её мнению, «общественное мнение настолько заведено, что заикаться о каких-либо уступках равнозначно политическому самоубийству» [Пеструхина 1992].

Спустя несколько месяцев политический обозреватель и член редколлегии еженедельного журнала «Новое время» Г.Я. Ковальская, анализируя осетино-ингушский территориальный спор касательно Пригородного района, высказала мнение о том, что данная проблема делится на две составные части. Во-первых, речь шла о заселении ингушами жилых домов, принадлежавших им по праву наследования. Данный вопрос представлялся журналистке вполне решаемым, поскольку, несмотря на противодействие местных властей, многие ингуши так уже поступили, а на некоторые дома претендентов не было в силу пресечения тех или иных родов в ссылке [Ковальская 1992: 21]. Она приводила точку зрения осетинских демократических сил, полагавших в начале 1990-х гг., что федеральный Центр должен передать примерно 200 спорных домов Пригородного района ингушам и компенсировать их нынешним осетинским владельцам финансовые затраты на постройку нового жилья в том же районе. При этом административный статус Пригородного района как составной части Северной Осетии не изменился бы.

Во-вторых, речь шла о территориальной принадлежности упомянутой административно-территориальной единицы. Г.Я. Ковальская прямо не высказывала собственной точки зрения по данному вопросу, но подчёркивала, что до ссылки 1944 г. именно в Пригородном районе проживало до 60 % от общей численности всего ингушского народа [Ковальская 1992: 20], а в начале 1990-х гг. его возвращения требуют не отдельные политические партии, а весь ингушский этнос. По её оценкам, в 1940-1950-е гг. осетины не желали заселяться в дома высланных из родных мест вайнахов, однако современное состояние взаимоотношений двух соседних народов журналистка оценила как «открытую взаимную неприязнь» [Ковальская 1992: 21]. Г.Я. Ковальская подчёркивала историческую лояльность ингушей Российскому государству, включая их неучастие в Кавказской войне XIX в., а также резко опровергала по-прежнему звучавшие в их адрес обвинения в сотрудничестве с нацистской Германией в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и констатировала фактическое безвластие в ингушских районах бывшей Чечено-Ингушетии [Ковальская 1992: 21]. Резюмируя, журналистка «Нового времени» подчёркивала, что ингушский народ желает жить в составе России и удерживается от применения силы по отношению к осетинам лишь в силу веры в федеральный Центр [Ковальская 1992: 21]. Тем самым она словно призывала Москву принять скорейшие меры по воссозданию Ингушской Республики и урегулировать конфликт вокруг Пригородного района.

В первый год после распада Советского Союза центральная периодика достаточно редко освещала ситуацию в самом молодом национальном регионе

Северного Кавказа, но из имеющихся материалов СМИ следовало, что Ингушская Республика находилась в тяжёлом положении. Столичные масс-медиа единогласно утверждали, что на её территории отсутствуют легитимные органы власти, зато процветают бандитизм, открытая торговля оружием и боеприпасами, а авторитет центральной власти находится на крайне низком уровне [Тумаков 2022: 443-444]. В некоторых публикациях масс-медиа того времени лаконично освещалась сложная обстановка на границе Северной Осетии и формально ещё единой Чечено-Ингушетии. Как правило, речь в таком случае шла о криминальных проявлениях – разбойных нападениях [Казиханов 1991b], обстрелах постов ГАИ [Казиханов 1991d], вооружённых стычках с ОМОНом [Казиханов 1991c; Дементьева 1992]. В общей сложности, по официальным данным, силы МВД Северной Осетии в течение 1991 г. потеряли 5 сотрудников убитыми [Еременко 1992].

Такого рода информацию ведущих федеральных СМИ подтверждали статистические данные, публиковавшиеся политическими деятелями и публицистами с обеих сторон. К примеру, в воспоминаниях председателя Верховного Совета республики, А.Х. Галазова содержатся упоминания о драках на национальной почве, происходивших в начале 1990-х гг. в селениях Куртат, Дачное, Чермен и Тарское, а также об угоне ингушами сельскохозяйственной техники, скота, захвате ими земли и домостроений осетин в Пригородном районе, нападениях на склады, фермы и даже промышленные предприятия [Галазов 2002: 417-418]. В общей сложности, как писал будущий первый президент Республики Северная Осетия-Алания, в 1991 г. ингуши совершили 275 преступлений, включая 21 убийство и 87 разбойных нападений [Галазов 2002: 418]. По данным осетинских источников, в 1991 – начале 1992 гг. ещё 50 жителей республики пропали без вести, позднее тела многих из них были обнаружены на территории Ингушетии [Батыршин 1992]. В свою очередь, ингушские представители утверждали, что с весны 1991 г. по осень 1992 г. жертвами осетинских сил правопорядка и ополченцев в Пригородном районе стали 25 их земляков [Батыршин 1992]. О фактах такого рода упоминал также журналист «Литературной России» [Еременко 1992], ссылавшийся на данные властей и правоохранительных органов Северной Осетии. Добавим к этому, что исследователи осетино-ингушского конфликта с обеих сторон по сей день остаются на прежних позициях [Сампиев 2007: 24; Чибиров 2014: 23], что крайне затрудняет установление истинного положения дел в регионе в 1991-1992 гг.

II этап (лето-осень 1992 г.): кризис и эскалация

Законопроект «О преобразовании Чечено-Ингушской Республики в составе РФ» за авторством вице-премьера С.М. Шахрая президент Б.Н. Ельцин внёс на рассмотрение парламента ещё 5 февраля 1992 г., но границы будущей Ингушской Республики в нём так и не были обозначены, что вновь вызвало обострение межнациональных отношений в регионе [Леонтьева 1992a; Сампиев 2007: 26]. Решение о её образовании Верховный Совет РФ принял лишь 4 июня 1992 года [Леонтьева 1992b; Сампиев 2007: 27]. Ст. 4. Закона РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации»

предполагала «установить для решения вопросов, связанных с образованием Ингушской Республики, переходный период до марта 1994 года»[1]. В тот же день в Назрани прошли митинг и собрание представителей Сунженского, Назрановского и Малгобекского районов бывшей Чечено-Ингушетии, а также Пригородного района и Владикавказа. Ингушская общественность была в целом воодушевлена новостями из Москвы, но одновременно утверждала, что без вышеупомянутых спорных территорий новая республика существовать не сможет [Ингуши 1992].

Между тем на фоне заметного обострения обстановки на Северном Кавказе и в Закавказье, 3 июня в Кремле под председательством президента Б.Н. Ельцина прошло заседание Совета безопасности РФ, в ходе которого рассматривались различные меры по оздоровлению обстановки в Северной Осетии. Его участники подчеркнули существование стратегических интересов России на Кавказе, в силу чего глава государства обратил внимание на важность введения временного моратория на любые изменения границ в данном регионе страны [Совет безопасности 1992]. Его точку зрения разделяли и некоторые представители академических кругов. В частности, известный учёный-этнолог, председатель Государственного комитета по делам национальностей РФ В.А. Тишков на заседании Совета национальностей Верховного Совета России также предложил временно «заморозить» ст. 6 Закона «О реабилитации репрессированных народов» [Леонтьева 1992b]. Спустя месяц был подписан закон «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации», согласно которому был установлен уже трёхлетний мораторий на любые изменения административных границ между регионами страны, а любые противоположные действия квалифицировались как «преступление против России». В дальнейшем президент РФ Б.Н. Ельцин инициировал продление моратория до осени 1997 г. и его дальнейшую пролонгацию [Бондаренко 2018: 177].

Объяснение резкой перемены позиции Кремля в данном вопросе прозвучало на страницах правительственного издания «Российские вести». В репортаже из Северной Осетии специальный корреспондент данной газеты С. Овсиенко высказал убеждение, что федеральный Центр всеми силами стремится предотвратить войну на Северном Кавказе, а любой пересмотр границ между российскими регионами может привести именно к такому исходу. Журналист полагал также, что Россия должна стабилизировать обстановку на Северном Кавказе, организовать осетино-ингушский диалог и позднее стать гарантом выполнения принятого в ходе него политического решения [Овсиенко 1992]. Спустя несколько дней другой корреспондент «Российских вестей» А. Касаев писал, что, в связи с установлением пограничных постов и таможенной службы РФ на государственной границе с Грузией, значение Северной Осетии для жизненно важных интересов страны заметно возросло. При этом он отметил, что спокойствие южных

[1] Закон Российской Федерации от 4 июня 1992 года «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» // URL: https://docs.cntd.ru/document/901607658 [дата обращения 11.02.2026 г.].

регионов России зависит от урегулирования территориального спора двух народов, не конкретизируя путей его решения [Касаев 1992].

III этап (октябрь – ноябрь 1992 г.): военная фаза и последствия

Осенью 1992 г. на Северном Кавказе произошла вооружённая эскалация осетино-ингушского конфликта. Жертвами его, согласно официальной статистике, только за период с 31 октября 1992 г. по середину 1994 г. [Район 1994: 63] стали 644 человека, а ещё 949 получили ранения различной степени тяжести – представители как обоих конфликтующих народов, так и федеральных войск [Район 1994: 63-64]. В период острой фазы данного конфликта центральным властям пришлось ввести режим чрезвычайного положения (ЧП) на территории враждовавших соседних республик и использовать военную силу для разведения сторон [Тумаков 2016: 14-17]. Примечательно, что данное правовое положение в Пригородном районе сохранялось в течение нескольких лет и было отменено лишь в феврале 1995 г. [Шнирельман 2006: 170]. При этом российские власти открыто выступили за сохранение территориального статус-кво в регионе, чем фактически поддержали Северную Осетию в конфликте.

В период активной фазы осетино-ингушского конфликта 1992 г. журналисты ведущих СМИ регулярно передавали репортажи из Владикавказа, за что подверглись критике со стороны депутата Верховного Совета России от Чечено-Ингушетии, председателя Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью генерал-майора милиции А.А. Аслаханова [Асташкин 2005: 99]. Однако и позиция ингушской стороны не была проигнорирована центральной печатью тех дней. Уже в начале военных действий заместитель полномочного представителя Верховного Совета России в Ингушетии И.Ю. Костоев в телефонной беседе с корреспондентом «Независимой газеты» Н.М. Пачегиной попытался донести до собеседницы позицию своего народа в данном конфликте. С его слов, «ингуши поднялись стихийно», поскольку «бесконечная череда безнаказанных убийств ингушского населения в Пригородном районе … всколыхнула народ». Более того, народный депутат полагал, что действия его соотечественников были ни чем иным, как «законным правом человека защитить свой дом» [Пачегина, Крутиков, Кузнецова 1992]. Строительство баррикад и возведение завалов на дорогах и в сёлах Пригородного района в октябре 1992 г. Костоев объяснил стихийным возмущением ингушского населения и обвинил осетинских стражей порядка в попытке их силового разгона. При этом депутат утверждал, что нападения его земляков на многочисленные посты осетинского ОМОНа и республиканской гвардии будто бы были безоружными [Пачегина, Крутиков, Кузнецова 1992].

В разгар боевых действий в Пригородном районе ингушские представители, стремясь избежать прямого конфликта с Центром, пытались нейтрально отзываться и о федеральных силовых структурах. Тот же И.Ю. Костоев на страницах «Независимой газеты» уверял, что, хотя в плен к ингушским отрядам в Пригородном районе будто бы попали до 150 российских военнослужащих, отношение ингушей к ним было в высшей степени предупредительным [Пачегина, Крутиков, Кузнецова 1992]. По его словам, военные были быстро переправлены из

Назрани в Моздок на автобусах. Называл он и подробности их пленения: во время упомянутой выше перестрелки ингушского отряда с совместным постом осетинского ОМОНа и федеральных сил у села Чермен получили ранения 2 омоновца, после чего российские военнослужащие предпочли добровольно сложить оружие [Пачегина, Крутиков, Кузнецова 1992]. Характерно, что ингушский представитель не упоминал о человеческих жертвах или пострадавших среди российских военных. В том же районе 90 солдат якобы попросили ингушскую сторону переправить их в Назрань. Причину их столь неожиданного поступка народный депутат не назвал. Ещё 43 военнослужащих российской армии – гарнизон воинской части в селе Дачное – будто бы без боя сдались ингушам, осадившим их военный городок. Одновременно отряд спецназа ВВ МВД РФ «Витязь» убыл из Ингушетии в Ставрополь [Пачегина, Крутиков, Кузнецова 1992].

И позднее ингушские политики возмущённо отрицали факты проявления жестокости своих земляков по отношению к военнослужащим. По данным И.Ю. Костоева, «ни один волос не упал с головы российского солдата», в то время как два тяжелораненых бойца федеральной армии находились в больнице Назрани на излечении [Пачегина, Терехов 1992]. Примечательно, что обстоятельства получения военными ранений в интервью не объяснялись. Таким образом, через центральную прессу И.Ю. Костоев явно стремился дать понять федеральным властям, что ингуши в Пригородном районе подняли оружие не против России, а только против власти осетин на своей исконной территории [Пачегина, Терехов 1992]. Одновременно он попытался уверить российскую общественность в том, что федеральные силы на Северном Кавказе якобы не желают противодействовать восставшим.

Справедливости ради, нельзя забывать, что И.Ю. Костоев представлял на родине интересы центральных властей РФ, поэтому его риторика едва ли могла быть резкой. Однако в те дни из уст ингушских представителей звучали и гораздо более жёсткие оценки политики Кремля на Северном Кавказе. Так, 3 ноября 1992 г. во время пресс-конференции для российских и зарубежных журналистов в столичной гостинице «Россия» член президиума Народного Совета Ингушской Республики Б.У. Костоев сделал официальное заявление. От имени Совета он утверждал, что в Пригородном районе имеет место «российско-осетинская агрессия против ингушей», в ходе которой «осетинами используются артиллерия, установки «Град», ракеты «земля-земля» и бронетехника» [Шаповалов, Карлман 1992]. По его оценке, в результате боевых действий были ранены 218 человек, поступивших в больницу Назрани, из которых 36 позднее скончались, причём среди них были женщины и дети [Шаповалов, Карлман 1992]. Заметим, что в то время официальные власти не предоставили соответствующих количественных данных, потому центральные масс-медиа были вынуждены цитировать представителей ингушского национального движения. Лишь впоследствии Генеральная прокуратура РФ, привела информацию о том, что жертвами столкновений с обеих сторон стали 583 человека, 939 получили ранения, а 261 пропал без вести [Через два года 1994: 18-19]. Вышеназванный активист также утверждал, что бомбардировкам якобы подверглась и сама Назрань [Шаповалов, Карлман 1992], то есть территория не

спорного Пригородного района, а собственно Ингушетии. Последний факт крупнейшие федеральные СМИ не подтвердили. Хотя непосредственными исполнителями силовой акции Б.У. Костоев всё же называл осетинские вооружённые отряды, из контекста его заявления следовали прямые обвинения в адрес военно-политического руководства РФ в пособничестве последним.

Чуть позже руководство ингушской общины Москвы обратилось к президенту страны Б.Н. Ельцину и мировому сообществу с заявлением, в котором уже утверждало о наличии «тщательно разработанного плана руководящей верхушки Северной Осетии и руководства России» по «убийству ингушского народа» [Карханин 1992]. Жёсткой критике со стороны ингушей подверглись и действия федеральных силовых структур. Дальше других в этом отношении пошёл президент Всемирной ассоциации жертв незаконных репрессий, писатель и тележурналист Б.А. Чахкиев, который фактически открыто обвинил элитные части МО и ВВ МВД РФ в жестоких военных преступлениях [Карханин 1992]. При этом вооружённые действия своих земляков в Пригородном районе ингушский журналист отказывался полагать незаконными: в выступлении по центральному телевидению от 2 ноября он утверждал, что ингуши лишь стремятся возвратить законно принадлежащие им территории [Карханин, Касаев 1993]. Позднее резко негативное высказывание в адрес российских военных допустил и единственный кандидат в президенты Ингушской Республики – Герой Советского Союза генерал-майор Р.С. Аушев, в предвыборном интервью столичному еженедельнику «Московские новости» заявивший, что Вооружённые Силы РФ – «это не моя армия», поскольку генеральское звание ему было присвоено указом президента СССР М.С. Горбачёва, а «в российской армии (Аушев – *Авт.*) не служил ни одного дня» [Глебова 1993]. Более того, в том же интервью известный военачальник фактически противопоставил интернационализм Советской Армии и якобы пренебрежительное отношение к выходцам из национальных республик в силовых структурах новой России [Глебова 1993].

Отметим, что ингушские национальные активисты не только выражали устный протест, но и пытались действовать. Объектом обвинений с их стороны стало высшее руководство страны. Вечером 3 ноября до 200 представителей ингушской диаспоры Москвы блокировали Спасские ворота Кремля и потребовали встречи с президентом России Б.Н. Ельциным [Карханин, Касаев 1992]. В случае отказа российских властей от пересмотра позиции по проблеме Пригородного района они фактически угрожали федеральному Центру длительным и полномасштабным военным противостоянием, в котором помощь ингушам могла оказать Чеченская Республика. В частности, неназванные представители оргкомитета московской общины ингушского народа утверждали, что «конфликт из-за Пригородного района может вспыхнуть так ярко, что перед ним побледнеют даже трагедии Карабаха и Южной Осетии», поскольку «ингуши и братья-чеченцы будут до последней капли крови добиваться исторической справедливости» [Карханин, Касаев 1992].

Напомним, что властям Советского Союза на рубеже 1980-1990-х гг. так и не удалось восстановить законность и правопорядок при урегулировании

упомянутых межэтнических конфликтов в Закавказье. При этом версию о союзе двух вайнахских народов в начале 1990-х гг. разделяли некоторые столичные комментаторы различных политических взглядов. Например, один из наиболее заметных лидеров национал-патриотической оппозиции, сопредседатель Фронта национального спасения, народный депутат России С.Н. Бабурин при посещении Владикавказа предположил, что Ингушетия могла получить оружие и боевую технику для нападения на Северную Осетию от режима генерала Д.М. Дудаева в Чечне [Снова 1992]. В то же время мнение о возможной в будущем военной коалиции чеченцев и ингушей против федерального Центра в дневнике высказал и представитель демократических сил – известный журналист А.А. Семёнов (Черкизов), в конце 1992 г. возглавлявший пресс-центр российской Временной администрации в зоне ЧП [Черкизов 1996: 93]. Аналогичное представление бытовало и у ряда других российских журналистов [Тумаков 2025b: 328-334].

Глава государства подвергался суровой обструкции со стороны ингушских национальных активистов и в дальнейшем. Так, в Открытом письме президенту России Б.Н. Ельцину женщины из кавказской республики утверждали, что ранее связывали с его именем «свои светлые надежды на лучшее устройство жизни, на возрождение своей Родины на исконно ингушской территории, на образование Ингушской Республики в составе России» [Кокорхоева 2006: 6]. Однако пассивное поведение российского лидера в дни активных военных действий в Пригородном районе в 1992 г. привело подписанток к краху упомянутых надежд и веры в него как в демократического политика [Любицкий 1995: 8; Кокорхоева 2006: 8]. Ругательные надписи и проклятия в адрес президента России, как указывают современные ингушские исследователи, можно было прочесть на стенах жилых домов в Назрани в те дни [Хамхоев, Галаев 2017: 78]. Ещё более резкую реакцию у многочисленных ингушских беженцев из Северной Осетии и столичной диаспоры вызвал вице-премьер Правительства России, первый глава Временной администрации в зоне конфликта Г.С. Хижа, который в категоричной форме осуждал территориальные претензии Ингушетии на Пригородный район: ему даже пожелали смерти [Карханин 1992; Хамхоев, Галаев 2017: 78].

После неудачи силовой попытки возвращения Пригородного района и на фоне разочарования в политике официального российского руководства среди ингушей действительно возникли некоторые симпатии к дудаевскому режиму в соседней Чечне. Подчас они приобретали откровенно радикальный характер. Например, в написанной по горячим следам и опубликованной весной 1993 г. в республиканской газете «Сердало» («Свет») и во французской периодике статье уроженца Пригородного района, политолога Р. Чабиева осетино-ингушский конфликт был охарактеризован как «фактически спор империи со всем Кавказом за контроль над проходом в Закавказье». Его решение виделось автору в массовой миграции русскоязычного населения и установлении лидерства дудаевской Чечни в регионе [Боков, Чабиев 1993: 47]. Один из биографов первого президента Ингушетии Р.С. Аушева также упоминал тот факт, что радикально настроенная часть ингушского народа в начале 1990-х гг. видела в нём «своего Дудаева», то есть человека, под руководством которого станет возможно отделение республики от России [Бондаренко 2018: 189-190].

Тем не менее подобная эмоциональная позиция не получила поддержки от ингушских представителей в Москве. В частности, депутат Верховного Совета РФ Б.Б. Богатырёв по-прежнему полагал, что ингуши «должны быть с Россией. И спаси нас Аллах от Дудаева и Конфедерации народов Кавказа» [Леонтьева, Емельяненко 1992]. Нельзя забывать о фактическом спасении российскими военными от расправы части ингушского населения Пригородного района [Тумаков 2025b: 324]. Свою роль здесь могла сыграть и гуманитарная помощь Ингушетии со стороны федеральных властей: в частности, лишь за один из дней ноября 1992 года во Владикавказ по воздуху были доставлены 28 тонн гуманитарных грузов для республики, а работники СЭС с целью предотвращения эпидемии в Пригородном районе занимались сбором трупов павших животных [Пачегина 1992].

Заключение

Взаимоотношения ингушского национального движения и центральных властей весьма неоднозначно характеризовались центральной печатью начала 1990-х гг. Вне зависимости от партийных пристрастий, крупнейшие центральные СМИ прежде всего писали по проблеме Пригородного района Северной Осетии, но также уделяли внимание политическим предпочтениям ингушского народа или непростой криминогенной обстановке в Сунженском, Назрановском и Малгобекском районах бывшей ЧИР. Столичные масс-медиа единогласно отмечали лояльность ингушей российскому Центру, непопулярность идеи выхода из состава России среди них, с сочувствием отзывались об их территориальных претензиях и даже призывали российские власти заняться скорейшим решением проблемы Пригородного района. Чуть позже пресса отмечала, что умонастроения ингушского народа за сравнительно короткий срок изменились с однозначно пророссийских на в той или иной степени оппозиционные по отношению к Центру. Так, уже в конце 1991 г. ингуши выражали растущее недовольство нерешительностью Москвы в решении острой для них проблемы Пригородного района. Между тем власти России не изъявляли желания сделать это.

Не претерпели заметных изменений их настроения и в дальнейшем. После эскалации боевых действий осенью 1992 г. ингушское национальное движение было полностью разочаровано политическим курсом президента страны Б.Н. Ельцина и других высокопоставленных должностных лиц РФ. В репортажах СМИ из зоны ЧП содержалась констатация того, что военно-политическая поддержка Центром Северной Осетии первоначально даже привела к заметному усилению продудаевских симпатий среди определённой части ингушского общества. Поэтому неудивительно, что начавшаяся спустя примерно два года операция федеральных сил по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике вызвала у ингушей чувство активного протеста. Как позднее констатировал в мемуарах один из наиболее известных российских военачальников, Герой России генерал-полковник Г.Н. Трошев, «в те дни (декабрь 1994 года – *Авт.*) Ингушетия превратилась в очаг сопротивления» [Трошев 2001: 13]. Напряжённая обстановка складывалась на территории республики и во время военных действий в западных районах Чечни в последующие годы [Тумаков 2023: 50-63].

В то же время отсутствие реальной военной помощи ингушам со стороны дудаевской Чечни во время активных боевых действий в Пригородном районе осенью 1992 года и впоследствии, внутренняя нестабильность этой республики, а также экономические трудности самой Ингушетии, осознание бесперспективности силового пути решения территориальной проблемы и разнообразная гуманитарная помощь со стороны Центра предопределили постепенный отказ Ингушетии от конфронтации с Россией. Тем самым можно признать, что обострение отношений федерального Центра и ингушского этноса в начале 1990-х гг. было вполне логичным в той конкретной ситуации, но ограничилось словесной критикой действий Москвы со стороны ингушей и в целом не стало фатальным для Северокавказского региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алёшкин 1991 – *Алёшкин А.* Такова ирония судьбы, генерал Дудаев // Российская газета. – 1991. – 24 октября.

Анатолий 1991 – Анатолий Шабад: «Он обладал способностью “верхнего взгляда”» // Столица. – 1991. – № 48. – С. 3-4.

Асташкин 2005 – *Асташкин Н.С.* По волчьему следу. Хроники чеченских войн. – М.: Вече, 2005. – 416 с.

Батыршин 1992 – *Батыршин Р.* Конфликт потушен. Ингушей в Северной Осетии не осталось // Независимая газета. – 1992. – 18 ноября.

Боков, Чабиев 1993 – *Боков Ф., Чабиев Р.* Яд криминала. – М.: Инсан, 1993. – 48 с.

Бондаренко 2018 – *Бондаренко А.Ю.* Руслан Аушев. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 400 с.

Гайдар 1995 – *Гайдар Е.Т.* Записки из зала. – М.: Издательство «Евразия», 1995. – 80 с.

Галазов 2002 – *Галазов А.Х.* Пережитое. – М.: ИД «Грааль», 2002. – 692 с.

Гареев 1992 – *Гареев М.* Чрезвычайное положение: как действовать армии? // Российские вести. – 1992. – 9 декабря.

Глебова 1993 – *Глебова Е.* Руслан Аушев, кандидат на пост президента республики Ингушетия: «… Если я стану президентом, эти шутки с отставкой надо будет прекращать…» // Московские новости. – 1993. – 21 февраля.

Дементьева 1992 – *Дементьева И.* Потерянный народ. Хаос на кавказских рубежах России, если его не остановить, коснётся каждого россиянина // Московские новости. – 1992. – 26 января.

Депортированные 1991 – Депортированные народы в гостях у коммунистов РСФСР // Независимая газета. – 1991. – 6 апреля.

Дзидзоев, Каргинов 2005 – *Дзидзоев Р.М., Каргинов С.Н.* Специальное представительство Президента России в ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта. – Владикавказ: ВИУ, 2005. – 168 с.

Елистратов 1991 – *Елистратов И.* Слухи о кровожадности ингушей сильно преувеличены // Известия. – 1991. – 27 декабря.

Ерёменко 1992 – *Ерёменко В.* Преданный Кавказ // Литературная Россия. – 1992. – 6 ноября.

Жданкин, Нагаев 1991 – *Жданкин А., Нагаев С.* Народы в правах восстановлены // Российская газета. – 1991. – 27 апреля.

Закон 1991 – Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» // Советская Россия. – 1991. – 7 мая.

Здравомыслов 1998 – *Здравомыслов А.Г.* Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. – М.: РОССПЭН, 1998. – 128 с.

Ингуши 1992 – Ингуши ликуют, а Чечня скептично отнеслась к закону ВС РФ об образовании Ингушской Республики // Независимая газета. – 1992. – 10 июня.

Кабалоев 1991 – *Кабалоев Г.* Ингушская проблема: вариант согласия // Российская газета. – 1991. – 19 декабря.

Казиханов 1991a – *Казиханов А.* Отношения выясняют с оружием в руках // Известия. – 1991. – 18 ноября.

Казиханов 1991b – *Казиханов А.* В Грозном спокойно, а в Назрани? // Известия. – 1991. – 30 ноября.

Казиханов 1991c – *Казиханов А.* В Северной Осетии обостряется обстановка // Известия. – 1991. – 6 декабря.

Казиханов 1991d – *Казиханов А.* Референдум о суверенитете Ингушетии признан незаконным Северной Осетией // Известия. – 1991. – 7 декабря.

Казиханов 1991e – *Казиханов А.* Тлеет огонь в очагах напряжённости // Известия. – 1991. – 9 декабря.

Казиханов 1992a – *Казиханов А.* Республику решено не провозглашать // Известия. – 1992. – 6 января.

Казиханов 1992b – *Казиханов А.* Закон не выполняется // Известия. – 1992. – 18 февраля.

Карханин 1992 – *Карханин С.* Раскалены и пули, и слова. Почему вину за осетино-ингушский конфликт сваливают с больной головы на здоровую // Российские вести. – 1992. – 6 ноября.

Карханин, Касаев 1992 – *Карханин С., Касаев А.* Пламя конфликта в Северной Осетии и Ингушетии пока не погашено // Российские вести. – 1992. – 5 ноября.

Касаев 1992 – *Касаев А.* Стихии земные и небесные. Кто пытается дестабилизировать ситуацию в Северной Осетии? // Российские вести. – 1992. – 30 октября.

Ковальская 1992 – *Ковальская Г.* Республика без границ и столицы // Новое время. – 1992. – № 22. – С. 20-21.

Кокорхоева 2006 – *Кокорхоева Д.С.* События октября – ноября 1992 года (К истории развития государственности Ингушетии). – Назрань: Пилигрим, 2006. – 96 с.

Леонтьева 1992a – *Леонтьева Л.* Законопроект против закона // Московские новости. – 1992. – 1 марта.

Леонтьева 1992b – *Леонтьева Л.* Что для Ингушетии независимость, то для Дудаева провокация // Московские новости. – 1992. – 21 июня.

Леонтьева, Емельяненко 1992 – *Леонтьева Л., Емельяненко В.* Газават в ответ на геноцид // Московские новости. – 1992. – 15 ноября.

Лорсанукаев 1991 – *Лорсанукаев С.* Пусть победит разум // Сельская жизнь. – 1991. – 16 ноября.

Любицкий 1995 – *Любицкий В.Н.* Война и власть: заметки из зоны чрезвычайного положения. Непридуманные истории (рассказы). – М.: Республика, 1995. – 159 с.

Макартумьян 1991 – *Макартумьян В.* У барьера // Литературная газета. – 1991. – 6 ноября.

Носиков 1992 – *Носиков И.* Противостояние // Литературная Россия. – 1992. – 17 января.

Обстановка 1991 – Обстановка в Северной Осетии // Сельская жизнь. – 1991. – 20 ноября.

Овсиенко 1992 – *Овсиенко С.* Северный Кавказ: детонатор, который взорвётся? // Российские вести. – 1992. – 27 октября.

Пачегина 1992 – *Пачегина Н.* Праздник Святого Георгия на территории ЧП не весел. Подозрительность Чечни с отводом российских войск не стала меньшей // Независимая газета. – 1992. – 21 ноября.

Пачегина, Крутиков, Кузнецова 1992 – *Пачегина Н., Крутиков Е., Кузнецова В.* Межнациональные войны докатились до России. В конфликте осетин и ингушей уже погибло 17 человек. Указом Ельцина на территории Северной Осетии и Ингушетии введено чрезвычайное положение // Независимая газета. – 1992. – 3 ноября.

Пачегина, Терехов 1992 – *Пачегина Н., Терехов И.* Северная Осетия-Ингушетия. Чрезвычайное положение введено, но война продолжается // Независимая газета. – 1992. – 4 ноября.

Пеструхина 1992 – *Пеструхина Е.* Северный Кавказ: границ ещё нет, но замки уже готовы // Мегаполис-Экспресс. – 1992. – 9 января.

Постановление 1991 – Постановление Верховного Совета РСФСР о порядке введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» // Советская Россия. – 1991. – 7 мая.

Прохоров 1992 – *Прохоров Б.* Не стреляй, брат! Залпы рождают сирот и ненависть // Рабочая трибуна. – 1992. – 13 ноября.

Район 1992 – Район чрезвычайного положения (Северная Осетия и Ингушетия). – Владикавказ, б.и., 1994. – 106 с.

Сампиев 2007 – *Сампиев И.М.* Политическое самоопределение ингушского народа в постсоветский период: исторические, политические и социально-экономические факторы // Актуальные социально-политические и этнокультурные проблемы Ингушетии. Сборник научных статей. – Магас: Ингушский государственный университет, 2007. – С. 4-36.

Сейнароев 2012 – *Сейнароев Б.М.* На трудном пути создания Ингушской Республики. – М.: Издательство «Весь мир», 2012. – 448 с.

Снова 1992 – Снова кавказская война // Независимая газета. – 1992. – 5 ноября.

Совет безопасности 1992 – Совет безопасности обсудил обстановку в Северной Осетии и Приднестровье… // Красная звезда. – 1992. – 5 июня.

Тризман 2012 – *Тризман Д.* История России. От Горбачёва до Путина и Медведева. – М.: Эксмо, 2012. – 416 с.

Трошев 2001 – *Трошев Г.Н.* Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. – М.: Вагриус, 2001. – 383 с.

Тумаков 2016 – *Тумаков Д.В.* Тревожный регион: вооружённые конфликты на Северном Кавказе в первой половине 1990-х гг. и Ярославская область. – Ярославль: Аверс Плюс, 2016. – 180 с.

Тумаков 2022 – *Тумаков Д.В.* Осетино-ингушский вооружённый конфликт 1992 года в освещении российской центральной печати // Historia provinciae – Журнал региональной истории. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 439-484.

Тумаков 2023 – *Тумаков Д.В.* Российская армия и чеченские сепаратисты в боевых действиях зимы – весны 1996 года (по материалам периодической печати) // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 4 (6). – С. 50-63.

Тумаков 2025a – *Тумаков Д.В.* Северная Осетия в оценках российской прессы начала 1990-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 146-154.

Тумаков 2025b – *Тумаков Д.В.* Действия центральных властей при урегулировании осетино-ингушского конфликта 1992 года в оценках федеральной печати // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 320-339.

Хамхоев, Галаев 2017 – *Хамхоев Д.Б., Галаев Р.Х.* Руслан Аушев. К 25-летию образования Республики Ингушетия. – Магас: Южный изд. дом, 2017. – 104 с.

Цуциев 1998 – *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992 - …): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. – М.: РОССПЭН, 1998. – 200 с.

Через два года 1994 – Через два года после войны. Проблемы вынужденных переселенцев в зоне осетино-ингушского конфликта. – М.: Правозащитный центр «Мемориал», 1994. – 80 с.

Черкизов 1996 – *Черкизов А.А.* Хронограф. Живая летопись московского муравья. Путеводитель по пяти годам жизни страны. 1991-1996. – М.: Издательство Март, 1996. – 528 с.

Чибиров 1992 – *Чибиров Л.А.* О причинах, вызвавших осетино-ингушское противостояние // Вестник Владикавказского научного центра. – 2014. – Т. 14, № 3. – С. 20-26.

Шаповалов, Карлман 1992 – *Шаповалов О., Карлман П.* Наш комментарий // Комсомольская правда. – 1992. – 4 ноября.

Шнирельман 2006 – *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.

REFERENCES

ALYOSHKIN A. *Takova ironija sudby, general Dudaev* [That's the irony of fate, General Dudayev]. IN: Rossijskaja gazeta. – 1991. – October 24 (In Russ.).

Anatolij Shabad: «On obladal sposobnostju "verhnego vzglyada"» [Anatoly Shabad: "He had the ability to 'see through' things"]. IN: Stolitsa. – 1991. – № 48. – Pp. 3-4 (In Russ.).

ASTASHKIN N.S. *Po volchemu sledu. Hroniki chechenskih vojn* [On the Wolf's trail: chronicles of the Chechen Wars]. – Moscow: Veche, 2005. – 416 p. (In Russ.).

BATYRSHIN R. *Konflikt potushen. Ingushej v Severnoj Osetii ne ostalos* [The conflict has been extinguished. There are no Ingush left in North Ossetia]. IN: Nezavisimaja gazeta. – 1992. – November 18 (In Russ.).

BOKOV F., CHABIEV R. *Jad kriminala* [The poison of crime]. Moscow: Insan, 1993. – 48 p. (In Russ.).

BONDARENKO A.J. *Ruslan Aushev* [Ruslan Aushev]. Moscow: Molodaja gvardija, 2018. – 400 p. (In Russ.).

GAYDAR E. *Zapiski iz zala* [Notes from the audience]. Moscow: Eurasia, 1995. – 80 p. (In Russ.).

GALAZOV A.H. *Perezhitoje* [The experience]. Moscow: Graal, 2002. – 692 p. (In Russ.).

GAREEV M. *Chrezvychajnoe polozhenie: kak dejstvovat armii?* [State of emergency: how should the army act?]. IN: Rossijskije vesti. – 1992. – December 9 (In Russ.).

GLEBOVA E. *Ruslan Aushev, kandidat na post prezidenta respubliki Ingushetija: «…Esli ja stanu prezidentom, eti shutki s otstavkoj nado budet prekrashchat…»* [Ruslan Aushev, candidate for the presidency of the Republic of Ingushetia: "If I become president, these jokes about resignation will have to stop..."]. IN: Moskovskije novosti. – 1993 – February 21 (In Russ.).

DEMENTJEVA I. *Poteryannyj narod. Haos na kavkazskih rubezhah, esli ego ne ostanovit, kosnyotsya kazhdogo rossijanina* [A lost nation. Chaos on Russia's Caucasian borders, if left unchecked, will affect every Russian]. IN: Moskovskije novosti. – 1992 – January 26 (In Russ.).

Deportirovannyje narody v gostyah u kommunistov [Deported peoples visiting the communists of the RSFSR]. IN: Nezavisimaja gazeta. – 1991. – April 6 (In Russ.).

DZIDZOEV R.M., KARGINOV S.N. *Spetsialnoje predstavitelstvo Prezidenta Rossii v likvidatsii posledstvij osetinj-ingushskogo konflikta* [Special Representative of the President of Russia for the Elimination of the Consequences of the Ossetian-Ingush Conflict]. Vladikavkaz: VIU, 2005. – 168 p. (In Russ.).

ELISTRATOV I. *Sluhi o krovozhadnosti ingushej silno preuvelicheny* [Rumors about the Ingush's bloodthirstiness are greatly exaggerated]. IN: Izvestija. – 1991. - December 27 (In Russ.).

ERYOMENKO V. *Predannyj Kavkaz* [The devoted Caucasus]. IN: Literaturnaja Rossija. – 1992. – November 6 (In Russ.).

ZHDANKIN A., NAGAEV S. *Narody v pravah vosstanovleny* [The rights of the peoples have been restored]. IN: Rossijskaja gazeta. – 1991. – April 27 (In Russ.).

Zakon RSFSR «O reabilitatsii repressirovannyh narodov» [Law of the RSFSR "On the Rehabilitation of Repressed Peoples]. IN: Sovetskaja Rossija. – 1991. – May 7 (In Russ.).

ZDRAVOMYSLOV A.G. *Osetino-ingushskij conflict: perpektivy vyhoda iz tupikovoj situatsii* [The Ossetian-Ingush Conflict: Prospects for Overcoming the Impasse]. Moscow: ROSSPEN, 1998. – 128 p. (In Russ.).

Ingushi likujut, a Chechnya skeptichno otneslas k zakonu VS RF ob obrazovanii Ingushskoj Respubliki [The Ingush are jubilant, but Chechnya is skeptical about the Russian Supreme Council ' law on the formation of the Ingush Republic]. IN: Nezavisimaja gazeta. – 1992. – June 10 (In Russ.).

KABALOEV G. *Ingushskaja problema: variant soglasija* [The Ingush problem: a variant of consent]. IN: Rossijskaja gazeta. – 1991. – December 19 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *Otnoshenija vyjasnyayut s oruzhiem v rukah* [Relationships are sorted out with weapons in their hands]. IN: Izvestija. – 1991. – November 18 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *V Groznov spokojno, a v Nazrani?* [It's calm in Grozny, but what about Nazran?]. IN: Izvestija. – 1991. – November 30 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *V Severnoj Osetii obostryaetsya obstanovka* [The situation in North Ossetia is escalating]. IN: Izvestija. – 1991. – December 6 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *Referendum o suverenitete Ingushetii priznan nezakonnym Severnoj Osetiej* [The referendum on Ingushetia's sovereignty was declared illegal by North Ossetia]. IN: Izvestija. – 1991. – December 7 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *Tleet ogon v ochagah napryazhyonnosti* [The fire smolders in the hotbeds of tension]. IN: Izvestija. – 1991. – December 9 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *Respubliku resheno ne provozglashat* [It was decided not to proclaim the Republic]. IN: Izvestija. – 1992. – January 6 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *Zakon ne vypolnyaetsya* [The law is not being implemented]. IN: Izvestija. – 1992. – February 18 (In Russ.).

KARHANIN S. *Raskaleny i puli, i slova. Pochemu vinu za osetino-ingushskij konflikt svalivajut s bolnoj golovy na zdorovuju* [Both bullets and words are hot. Why is the blame for the Ossetian-Ingush conflict being shifted from a sick head to a healthy one?]. IN: Rossijskije vesti. – 1992. – November 6 (In Russ.).

KARHANIN S., KASAEV A. *Plamya konflikta v Severnoj Osetii i Ingushetii poka ne pogasheno* [The conflict in North Ossetia and Ingushetia has not yet been extinguished]. IN: Rossijskije vesti. – 1992. – November 5 (In Russ.).

KASAEV A. *Stihii zemnyje i nebesnyje. Kto pytaetsya destabilizirovat situatsiju v Severnoj Osetii?* [Earthly and heavenly elements. Who is trying to destabilize the situation in North Ossetia?]. IN: Rossijskije vesti. – 1992. – October 30 (In Russ.).

KOVALSKAJA G. *Respublika bez granitz i stolitsy* [A republic without borders and a capital]. IN: Novoje vremya. – 1992. – № 22. – Pp. 20-21 (In Russ.).

KOKORHOEVA D.S. *Sobytija oktyabrya – noyabrya 1992 goda (K istorii razvitija gosudarstvennosti v Ingushetii)* [The events of October and November 1992 (On the history of the development of Ingushetia's statehood)]. Nazran: Piligrim, 2006. – 96 p. (In Russ.).

LEONTIEVA L. *Zakonoproekt protiv zakona* [The bill is against the law]. IN: Moskovskije novosti. – 1992 – March 21 (In Russ.).

LEONTIEVA L. *Chto dlya Ingushetii nezavisimost, to dlya Dudaeva provocatsija* [What is independence for Ingushetia, is a provocation for Dudayev]. IN: Moskovskije novosti. – 1992 – June 21 (In Russ.).

LEONTIEVA L, EMELYANENKO V. *Gazavat v otvet na genotsid* [Gazavat in response to the genocide]. IN: Moskovskije novosti. – 1992 – November 15 (In Russ.).

LORSANUKAEV S. *Pust pobedit razum* [May reason prevail]. IN: Selskaja zhizn. – 1991. – November 16 (In Russ.).

LYUBITSKY V.N. *Vojna i vlast: zametki iz zony chrezvychajnogo polozhenija. Nepridumannyje istorii (rasskazy)* [War and Power: Notes from the Emergency Zone. True Stories (short stories)]. – Moscow: Resbublika, 1995. – 159 p. (In Russ.).

MAKARTUMJAN V. *U bariera* [At the barrier]. IN: Literaturnaja gazeta. – 1991. – November 6 (In Russ.).

NOSIKOV I. *Protivostojanije* [The Confrontation]. IN: Literaturnaja Rossija. – 1992. – January 17 (In Russ.).

Obstanovka v Severnoj Osetii [The situation in North Ossetia]. IN: Selskaja zhizn. – 1991. – November 20 (In Russ.).

OVSIENKO S. *Severnyj Kavkaz: detonator, kotoryj vzorvyotsya?* [The North Caucasus: a detonator that will explode?]. IN: Rossijskije vesti. – 1992. – October 27 (In Russ.).

PACHEGINA N. *Prazdnik Svyatogo Georgija na territorii ChP ne vesel. Podozritelnost Chechni s otvodom rossijskih vojsk ne stala menshej* [The holiday of St. George is not a happy one in the territory of the emergency. Chechnya's suspicion of the withdrawal of Russian troops has not diminished]. Nezavisimaja gazeta. – 1992. – November 21 (In Russ.).

PACHEGINA N., KRUTIKOV E., KUZNETSOVA V. *Mezhnatsionalnyje vojny dokatilis do Rossii. V konflikte osetin i ingushej uzhe pogibli 17 chelovek. Ukazom Yeltsina na territorii Severnoj Osetii i Ingushetii vvedeno chrezvychajnoje polozhenije* [Ethnic wars have reached Russia. The conflict between the Ossetians and the Ingush has already resulted in the deaths of 17 people. Yeltsin's

decree has declared a state of emergency in North Ossetia and Ingushetia]. IN: Nezavisimaja gazeta. – 1992. – November 3 (In Russ.).

PACHEGINA N., TEREHOV I. *Severnaja Osetija – Ingushetija. Chrezvychajnoje polozhenije vvedeno, no vojna prodolzhaetsya* [North Ossetia-Ingushetia. A state of emergency has been declared, but the war continues]. IN: Nezavisimaja gazeta. – 1992. – November 4 (In Russ.).

PESTRUHINA E. *Severnyj Kavkaz: granits eshchyo net, no zamki uzhe gotovy* [The Northern Caucasus: No borders yet, but the padlocks are ready]. IN: Megapolis-Express. – 1992. – January 9 (In Russ.).

Postanovlenije Verhovnogo Soveta RSFSR o poryadke vvedenija v deistvije Zakona RSFSR «O reabilitatsii repressirovannyh narodov» [Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR on the Procedure for Enacting the Law of the RSFSR on the Rehabilitation of the Repressed Peoples]. IN: Sovetskaja Rossija. – 1991. – May 7 (In Russ.).

PROHOROV B. *Ne strelyaj, brat! Zalpy rozhdayut sirot i nenavist* [Don't shoot, brother! Volleys give birth to orphans and hatred]. IN: Rabochaja tribuna. – 1992. – November 13 (In Russ.).

Rayon chrezvychajnogo polozhenija (Severnaja Osetija – Ingushetija) [Emergency Area (North Ossetia – Ingushetia)]. Vladikavkaz, 1994. – 106 p. (In Russ.).

SAMPIEV I.M. *Politicheskoje samoopredelenije ingushskogo naroda v postsovetskij period: istoricheskije, politicheskije i sotsialno-ekonomicheskije faktory* [Political Self-Determination of the Ingush People in the Post-Soviet Period: Historical, Political, and Socio-Economic Factors]. IN: Aktualnyje sotsialno-politicheskije i etnokulturnyje problem Ingushetii. Sbornik nauchnyh statej. Magas: Ingushskij gosudarstvennyj universitet, 2007. – Pp. 4-36 (In Russ.).

SEYNAROEV B.M. *Na trudnom puti sozdanija Ingushskoj Respubliki* [On the Difficult Path to Creating the Ingush Republic]. – Moscow: Izdatelstvo Ves mir, 2012. – 448 p. (In Russ.).

Snova kazkazskaja vojna [The Caucasian War again]. IN: Nezavisimaja gazeta. – 1992. – November 5 (In Russ.).

Sovet bezopasnosti obsudil obstanovku v Severnoj Osetii i Pridnestrovyje… [The Security Council discussed the situation in North Ossetia and Transnistria...]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – June 5 (In Russ.).

TREISMAN D. *Istorija Rossii. Ot Gorbachyova do Putina i Medvedeva* [The Return: Russia's Journej from Gorbachev to Medvedev]. Moscow: Eksmo, 2012. – 416 p. (In Russ.).

TROSHEV G.N. *Moya vojna. Chechenskij dnevnik okopnogo generala* [My war. The Chechen diary of a trench general]. – Moscow: Vagrius, 2001. – 383 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Trevozhnyj region: vooruzhyonnye konflicty na Severnom Kavkaze v pervoj polovine 1990-h gg. i Yaroslavskaya oblast* [An alarming region: armed conflicts in the North Caucasus in the first half of the 1990s and the Yaroslavl Region]. – Yaroslavl: Avers plus, 2016. – 180 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Osetino-ingushskij vooruzhyonnyj konflikt 1992 goda v osveshchenii tsentralnoj pechrrati* [The Ossetian armed conflict of 1992 as covered by the Russian central press]. IN: Historia provinciae – the Journal of Regional History. – 2022. – vol. 6, no 2. – Pp. 439-484 (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Rossijskaja armija i chechenskije separatisty v boevyh deystviyah zimy – vesny 1996 goda (po materialam periodicheskoj pechati)* [The Russian army and Chechen separatists in the fighting in the winter and spring of 1996 (based on the materials of the periodical press)]. IN: Sociogumanitarnyje kommunikacii. – 2023. – № 4 (6). – P. 20-25 (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Severnaja Osetija v otsenkah rossijskoj pressy nachala 1990-h gg.* [North Ossetia in the assessments of the Russian press in the early 1990's]. IN: Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. – 2025. – no 2. – Pp. 146-154 (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Dejstvija tsentralnyh vlastej pri uregulirovanii osetino-ingushskogo konflikta 1992 goda v otsenkah federalnoj pechati* [The central agency's actions in resolvinf the Ossetian-Ingush conflict in 1992, as perceived by the federal press]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 320-339 (In Russ.).

HAMHOEV D.B., GALAEV R.H. *Ruslan Aushev. K 25-letiju obrazovanija Respubliki Ingushetija* [Ruslan Aushev. Ruslan Aushev. On the 25th Anniversary of the Republic of Ingushetia]. – Magas: Juzhnyj izdatelskij dom, 2017. – 104 p. (In Russ.).

TSUTSIEV A.A. *Osetino-ingushskij conflict (1992 - ...): ego predystorija i factory razvitija. Istoriko-sotsiologicheskij ocherk* [The Ossetian-Ingush Conflict (1992 - ...): Its Background and Development Factors. A Sociological Essay]. – Moscow: ROSSPEN, 1998. – 200 p. (In Russ.).

Cherez dva goda posle vojny. Problema vynuzhdennyh pereselentsev v zone osetino-ingushskogo konflikta [Two years after the war. The problem of internally displaced persons in the Ossetian-Ingush conflict zone]. – Moscow: Memorial, 1994. – 80 p. (In Russ.).

CHERKIZOV A.A. *Hronograf. Zhivaja letopis moskovskogo muravya. Putevoditel po pyati godam zhizni strany. 1991-1996* [Chronograph. A living chronicle of the Moscow ant. A guide to five years of the country's life. 1991-1996]. – Moscow: Izdatelstvo Mart, 1996. – 528 p. (In Russ.).

CHIBIROV L.A. *O prichinah, vyzvavshih osetino-ingushskoje protivostojanije* [About the reasons caused the Ossetian-Ingush confrontation]. IN: Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. – 2014. – vol. 14, no 3. – Pp. 20-26 (In Russ.).

SHAPOVALOV O, KARLMAN P. *Nash kommentarij* [Our comment]. IN: Komsomolskaja pravda. – 1992. – November 4 (In Russ.).

SHNIRELMAN V.A. *Byt alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans: Intellectuals and Politics in the 20th Century]. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije, 2006. – 696 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.В. Тумаков – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

D.V. Tumakov – candidate of science (History).

Статья поступила в редакцию 10.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 903
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-189-202
EDN: RJAWBK

СОБЫТИЯ «ЧЕЧЕНСКИХ ВОЙН» В СТАТЬЯХ МУСЫ МУРАДОВА В ГАЗЕТЕ «КОММЕРСАНТЪ» (2019-2025 гг.)

Аббаз Догиевич Осмаев
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова; Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный, Россия, osmaev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0599-4636

Аннотация. За более чем три десятилетия, прошедших с начала кризиса в Чеченской Республике и т.н. «чеченских» войн, «Коммерсантъ» остается одним из немногих изданий, последовательно писавших о них – о съезде чеченского народа в 1990 г., приходе к власти Д. Дудаева, боевых действиях как в 1994-1996 гг. (наведение конституционного порядка), так в 1996-1999 гг. и в 1999 – начале 2000-х гг. (контртеррористическая операция) до современных попыток осмыслить их последствия. В отличие от официальных сводок, издание давало читателям не только хронику боевых действий, но и анализ последствий конфликта. Несмотря на череду глобальных кризисов последних лет – от Сирии до Специальной военной операции на Украине, израильско-палестинского конфликта, – эта тема продолжает занимать особое место в общественном сознании и медийном пространстве России. Цель – анализ публикаций М. Мурадова за 2019-2025 гг. и выявление основных причин устойчивой актуальности темы «чеченских войн» в российском обществе (свидетельство – миллионные просмотры некоторых статей на сайте), поскольку газета возвращается к этим событиям через воспоминания очевидцев, анализ архивов и репортажи из восстановленной Чеченской Республики. Контент-анализ статей М. Мурадова, чеченца по национальности и очевидца большинства описываемых событий, позволяет выявить ключевые нарративные стратегии осмысления травматического опыта через призму индивидуальных судеб, архивных документов и визуальных свидетельств разрухи.

Публикации М. Мурадова преодолевают пропагандистские клише, их академическая строгость не мешает оставаться человечными документами эпохи, отображающими как крупные политические решения, так и их последствия для обычных людей. В статьях соединяются микроистории очевидцев, критика всех сторон конфликта, рефлексия о пределах журналистики в условиях цензуры. Об интересе российского общества к событиям конца XX – начала XXI в. говорят просмотры публикаций на сайте газеты «Коммерсант».

Ключевые слова: кризис в Чеченской Республике; чеченцы; Муса Мурадов; «чеченские войны»; контртеррористическая операция; наведение конституционного порядка.

Для цитирования: Осмаев А.Д. События «чеченских войн» в статьях Мусы Мурадова в газете «Коммерсантъ» (2019-2025) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 189-202. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-189-202. EDN: RJAWBK.

© Осмаев А.Д., 2026

Original article

EVENTS OF THE "CHECHEN WARS" IN MUSA MURADOV'S ARTICLES IN THE NEWSPAPER "KOMMERSANT" (2019-2025)

Abbaz D. Osmaev
A. Kadyrov Chechen State University; Kh.I. Ibragimov Complex Institute, RAS, Grozny, Russia, osmaev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0599-4636

Abstract. For more than three decades, which have passed since the beginning of the crisis in the Chechen Republic, etc. "Chechen" wars, "Kommersant" remains one of the few publications, consistently wrote about them – from the congress of the Chechen people in 1990, the coming to power of D. Dudaev, in combat operations as in 1994-1996 (the establishment of constitutional order), so in 1996-1999 and in 1999- early 2000s. (counterterrorism operation) to modern attempts to make sense of their implications. Unlike the official summaries, the publication gave readers not only a chronicle of the fighting but also an analysis of the conflict's consequences. Despite a series of global crises in recent years – from Syria to the Special Military Operation in Ukraine, the Israeli-Palestinian conflict – this topic continues to occupy a special place in the public consciousness and media space of Russia. The aim is to analyze the publications of M. Muradov for 2019-2025 years. and identifying the main reasons for the enduring relevance of the topic of the "Chechen wars" in Russian society (evidenced by the millions of views of some articles on the site), as the newspaper returns to these events through eyewitness recollections, archival analysis and reporting from the uprisings of the Chechen Republic. Content analysis of articles by M. Muradova, a Chechen by nationality and an eyewitness to most of the events described, allows us to identify key narrative strategies for making sense of traumatic experience through the lens of individual trials, archival documents, and visual testimonies of devastation.

Publications M. Muradov transcend propaganda clichés, their academic rigor does not prevent them from remaining human documents of the era, displaying both major political decisions and their consequences for ordinary people. The articles combine micro-histories of eyewitnesses, criticism of all sides of the conflict, and reflection on the limits of journalism under censorship. About the interest of Russian society in the events of the late 20th and early 21st centuries say views of publications on the site of the newspaper "Kommersant".

Keywords: crisis in the Chechen Republic, Chechens, Musa Muradov, "Chechen wars," counter-terrorism operation, restoration of constitutional order.

For citation: Osmaev A.D. Events of the "Chechen wars" in Musa Muradov's articles in the newspaper "Kommersant" (2019-2025). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 189-202. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-189-202. EDN: RJAWBK.

© Osmaev A. D., 2025

Введение

Газетная периодика занимает особое место среди исторических источников, поскольку представляет собой уникальный пласт документации, фиксирующий повседневность, общественное мнение и официальную идеологию эпохи. Периодичность изданий позволяет проследить динамику социальных процессов в режиме реального времени, что недоступно при работе с мемуарами или делопроизводственной документацией. Масштаб информационного потока делает

прессу ключевым инструментом для изучения долгосрочных тенденций развития общества.

Теоретическое осмысление газетных публикаций базируется на понимании их двойственной природы. С одной стороны, пресса выступает рупором государственных интересов, подвергаясь цензурному контролю и редакционной правке. С другой стороны, она отражает запросы аудитории и коммерческие интересы издателей. Мартин Конбой подчеркивал, что пресса не просто зеркало реальности, но активный конструктор общественного дискурса, формирующий представления о событиях через отбор фактов и языковые средства. Искажение фактов требует от исследователя постоянной настороженности и глубокой внутренней критики текста [Conboy 2004].

Ведущие специалисты по источниковедению отмечают, что «…для изучении политической истории, общественного сознания, истории культуры газета – важнейший и незаменимый источник» [Данилевский и др. 2010: 634]

Событиям «первой» и «второй» «чеченских войн» посвящено большое количество мемуарной литературы, в частности, российских военных, например, Г. Трошева [Трошев 2004], А. Куликова [Куликов 2002], К. Пуликовского [Пуликовский 2010], А. Михайлова [Михайлов 2002]. События в Чеченской Республике анализируются в работах В. Тишкова [Тишков 2001], Н Асташкина [Асташкин 2005], Н. Бугая [Бугай 2006], А. Ляховского [Ляховский 2006], Д. Тумакова [Тумаков 2017, Тумаков 2025], Е. Норина [Норин 2021, Норин 2022], А. Ливена [Lieven 1998], Д. Данлопа [Dunlop 1998], М. Евангелиста [Evangelista 2002] и др.

Газета «Коммерсант» периодически возвращается к теме «чеченских войн», используя для этого, чаще всего, очередные круглые даты тех или иных событий. Например, 30-летие подписания указа «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», 20-летие гибели А. Масхадова или годовщина с момента, как закончила существование ЧИАССР в 1993 г., не дожив до своего 60-летия три года, 80-летие Д. Дудаева. Не обошла она вниманием и подписание Хасавюртовских соглашений, нападения на Будённовск и Кизляр, гибель Д. Дудаева в результате бомбового удара и другие события.

Основная часть

Статьи на тему «чеченских войн» в газете «Коммерсант» чаще всего пишет известный журналист Муса Мурадов, чеченец, очевидец практически всех этих событий, лично знакомый со многими их участниками или интервьюировавший их.

В них ретроспективно осмысливаются «чеченские войны», отмечаются ошибки федеральных подразделений: военная операция начата «без плана, целей и понимания Чечни»[1]. Ввод войск 11 декабря 1994 г. описывается как авантюра: военные шли в бой по картам 1979 г., а гражданские не верили, что бомбардировки и обстрелы из артиллерийских орудий реальны[2].

[1] «В людей вселился жуткий страх». Чем вторая чеченская война отличалась от первой // URL: https://www.kommersant.ru/doc/4102262?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 23.06.2025 г.)

[2] Там же.

Автор выделяет контраст между реакцией гражданского населения на боевые действия в ходе первой (1994–1996 гг.) и второй (1999–2009 гг.) «чеченских» кампаний[1]. Если в 1994 г. жители Грозного демонстрировали относительную пассивность (сохранение повседневных практик, отсутствие массового исхода, отсутствие страха), то к 1999 г. доминировала коллективная травматизация, выразившаяся в массовой миграции и долгосрочном отказе от возвращения[2].

Трансформацию поведения обусловил накопившийся эффект насилия, так как вторая кампания велась в условиях постконфликтной разрухи: цели авиаударов (1999 г.) часто представляли собой руины, оставшиеся после 1994–1996 гг. Это усиливало восприятие войны как безысходного цикла. У выживших также наблюдался синдром приобретенной беспомощности как результат повторного воздействия травмы.

Изменилась и тактика ведения военных действий: если в 1994 г. федеральные силы, например, избегали ударов по Урус-Мартану, что создавало иллюзию возможности «безопасных зон», то в 1999 г. бомбардировки носили тотальный характер, разрушая доверие к любым убежищам, «в людей вселился жуткий страх»[3].

25-летию начала «первой чеченской войны» посвящена статья «Да, Паша, будем воевать. Как 25 лет назад начиналась первая чеченская война»[4]. В ней М. Мурадов вспоминает, приводя интересные детали, как разворачивались события, приведшие к военным действиям: от объявления о выходе Чечни из состава России, президентских выборов октября 1991 г., объявления чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике, вывода войск из республики с оставлением значительной части оружия Д. Дудаеву, военных столкновений между сторонниками и противниками Дудаева до ноябрьских и декабрьских указов Б. Ельцина, которые прямо говорили о применении силовых методов.

Д. Дудаев, по мнению М. Мурадова, «знал, что грядет война, готовился к ней и даже ждал её»[5], так как отказаться от нее он не мог – для него это было равнозначно политической смерти. Этот тезис представляется несколько спорным, возможно, что он ожидал, что дело не дойдет до крупномасштабных военных действий. Тем не менее, всех, кто говорил о необходимости мира, по мнению журналиста, зачисляли в недруги, не послушались даже известного советолога А. Авторханова, ставя во главу угла тезис, что свободу не дают, ее надо завоевывать.

К декабрю 1994 г. ситуация в Чечне стала критической: Д. Дудаев контролировал лишь часть республики (потеряв Урус-Мартан, Надтеречный район и даже лояльность части собственной охраны). Москва отвергла альтернативу: популярный в республике экс-спикер Верховного Совета Р. Хасбулатов,

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] «Да, Паша, будем воевать». Как 25 лет назад начиналась первая чеченская война // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4173668?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 05.07.2025 г.)
[5] Там же.

способный заменить Д. Дудаева, был неугоден и Б. Ельцину (как политический соперник), и дудаевцам.

6 декабря 1994 г. министр обороны РФ П. Грачев предложил Д. Дудаеву капитуляцию на переговорах в станице Орджоникидзевская (ныне город Сунжа, Республика Ингушетия – авт.). Ответ: «Да, Паша, будем воевать», стал точкой невозврата в отношениях Чечни и РФ[1].

Ввод войск был неподготовлен, ряд генералов отказался от участия в этой операции, военные недооценили возможности чеченского сопротивления. Тем не менее военная операция с потерями среди военных и мирных жителей, особенно в г. Грозном, продолжалась. М. Мурадов в статье перечисляет наиболее крупные события «наведения конституционного порядка»: занятие северных районов Чечни, декабрьские бои за Грозный, формирование пророссийской администрации в республике, бои за Бамут, операция в с. Самашки, нападение на Буденновск, гибель Д. Дудаева в апреле 1996 г., штурм Грозного в августе 1996 г., подписание Хасавюртовских соглашений[2].

М. Мурадов и спустя 25 лет после начала войны считал, что был шанс её предотвратить, но обе стороны не захотели им воспользоваться[3].

Статья Мусы Мурадова, опубликованная к 20-летию объявления об освобождении Грозного, представляет собой текст, в котором переплетаются элементы репортажа, исторического свидетельства и социальной критики[4]. Через призму личных воспоминаний автор создает многомерную картину посттравматического пространства.

Центральной метафорой статьи становится образ Грозного как «мертвого города» – пространства, где физическое разрушение инфраструктуры сопровождается распадом социальных связей и моральных норм[5]. Этот образ последовательно раскрывается через ряд шокирующих визуальных образов: рефрижераторы с неопознанными телами, «голова в бассейне» полуразрушенного особняка, подросток, играющий с отрубленной головой. Эти детали не просто фиксируют последствия военных действий, но и символизируют глубину моральной катастрофы, постигшей город.

Автор последовательно демонстрирует, как официальные заявления о переходе города под контроль федеральных сил контрастируют с продолжающимся насилием – зачистками в Новых Алдах, артобстрелами Алхан-Калы, произволом на блокпостах[6].

Важным аспектом статьи является акцент на гражданских жертвах, что позволяет говорить о сознательном смещении фокуса с военно-политической составляющей конфликта на его гуманитарные последствия. История Ларисы, обнаружившей в подвале «обглоданные собаками» останки родственников,

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] «Наш город мертвый». Каким был Грозный после ухода боевиков // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4249665?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 07.07.2025 г.)
[5] Там же.
[6] Там же.

становится своеобразным символом коллективной травмы. Примечательно, что автор не просто констатирует факты, но и фиксирует психологическое состояние выживших – например, фраза «меня до сих пор преследует трупный запах» передает долговременные последствия пережитого ужаса[1].

М. Мурадов сочетает сухую документальность (точные даты, цифры, топографические детали) с выразительными художественными приемами. Описание «покосившихся крестов и надгробных камней» на фоне «буйно растущего бурьяна» создает образ запустения, где граница между кладбищем и городским пространством оказывается стертой. Эти детали оказывают сильное эмоциональное воздействие, но не переходят в открытую пропаганду.

В отличие от материалов, сосредоточенных либо на военных операциях, либо на политических аспектах конфликта, М. Мурадов фокусирует внимание на повседневности послевоенного ада. При этом критика в статье направлена не только на федеральные силы, но и на боевиков – эпизод с отдыхом отряда Басаева в Алхан-Кале косвенно указывает на их ответственность за трагедию мирных жителей.

Значимость этой публикации заключается в ее способности зафиксировать момент столкновения официального дискурса с реальным опытом выживания. Статья не просто сообщает факты, но и предлагает определенную оптику для их интерпретации – через призму коллективной травмы, социального распада и утраты. Такой подход позволяет рассматривать материал не только как журналистское свидетельство, но и как важный источник для понимания механизмов формирования исторической памяти о травматических событиях.

К 30-летию принятия осенью 1990 г. съездом чеченского народа декларации о государственном суверенитете написана очередная статья. Журналист вспоминает, что съезд проходил в здании городского цирка, «чтобы подчеркнуть демократичность мероприятия»[2]. За три дня работы съезд принял, кроме декларации о суверенитете, ряд требований среди которых были создание условий для развития национальной культуры, искоренение коррупции и устранение последствий сталинской депортации. Несмотря на договорённости, после августовского путча в Москве, который стал толчком для действий радикалов, сторонники Д. Дудаева штурмовали здание Верховного совета ЧИАССР и заставили многих депутатов сдать удостоверения. М. Мурадов отмечает, что тогда эти действия мало кто считал сепаратистскими, а больше революционными.

После победы Д. Дудаева на выборах президента в конце октября 1991 г., Москва в начале ноября попыталась, объявив чрезвычайное положение, ввести войска, но эта попытка провалилась. К лету 1992 г. Россия вывела все войска, оставив горы оружия и «Республика стала единственным образованием на постсоветском пространстве, где не было российских войск. Даже в Восточной Европе пока еще находились части бывшей советской армии»[3]. М. Мурадов

[1] Там же.
[2] «Если ты волк — хватай, нет — терпи». Как 30 лет назад чеченцы получили суверенитет // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4592227?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 01.07.2025 г.)
[3] Там же.

напоминает, что федеральную власть не волновало то, происходит в Чечне, Дудаеву даже был разрешен экспорт нефти. В то же время в регионе наступил экономический коллапс, население нищало, и значительная его часть уехала. Надтеречный и Урус-Мартановский районы отказались признавать официальный Грозный.

Военные действия 1994-1996 гг., отмечает автор, привели к окончательному краху экономики республики, гибели 100 тысяч человек мирного населения[1].

В очередной статье 2021 г. М. Мурадов напоминает о Хасавюртовских соглашениях 31.08.1996 г., которые формально закрепили победу сепаратистов, но создали кризис легитимности: А. Масхадов, избранный президентом в 1997 г., представлял умеренное крыло, стремившееся к международному признанию Ичкерии, а Ш. Басаев и радикалы рассматривали перемирие как тактическую паузу для подготовки новой войны[2].

Причины раскола были как идеологические, поскольку А. Масхадов выступал за светское государство с элементами ислама, а Ш. Басаев и М. Удугов продвигали проект исламского эмирата, вдохновляясь идеями глобального джихада, так и экономические: контроль над нефтяными потоками (Ш. Басаев через брата Ширвани) и теневой экономикой (похищения, рейдерство). Например, Ш. Басаев открыто хвастался, что взял 1,5 млн. долларов у заместителя секретаря Совета безопасности РФ Б. Березовского «на восстановление завода», но фактически использовал деньги для личного обогащения[3].

Указ А. Масхадова (1998 г.) о роспуске вооруженных формирований, не входящих в официальные структуры, практически все полевые командиры проигнорировали.

В феврале 1999 г. А. Масхадов ввел шариатское правление, пытаясь перехватить инициативу у радикалов, но в ответ Ш. Басаев объявил о создании параллельной «Шуры» (Совет. – араб.) и объявил себя амиром. Более того, подал на А. Масхадова в шариатский суд, обвинив в узурпации власти и предательстве интересов независимости республики. А. Масхадов отказался подавить радикалов силой, заявив: «Я не хочу проливать чеченскую кровь», и в итоге потерял поддержку даже среди умеренных[4].

Кульминации конфликт достиг летом 1999 г., когда отряды Ш. Басаева вторглись в Дагестан. Государственная телекомпания «Ичкерия» называла Басаева и Хаттаба провокаторами, министр обороны Ичкерии М. Ханбиев заявлял, что чеченцы в Дагестане не воюют, а Шамиль (Басаев – авт.) – этнический аварец и в Дагестане по зову крови.

В этой статье М. Мурадов представляет читателю и ретроспективный обзор событий в Чеченской Республике в 1991-1996 гг. На основании изложенного

[1] Там же.
[2] «Если надо — пойдем и на Москву». Как, победив в первой чеченской войне, лидеры сепаратистов стали непримиримыми врагами // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4955023?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 26.06.2025 г.)
[3] Там же.
[4] Там же.

корреспондентом можно сделать выводы, что победа в первой войне не принесла чеченскому народу ни мира, ни единства, и не означала, что построено государство.

В публикации «Коммерсантъ» 2021 г., к 30-летию первого террористического акта Шамиля Басаева, рассматривается репрезентация трансформации его образа. Она раскрывает сложную динамику взаимоотношений между насилием, традиционной этикой и политической борьбой в чеченском контексте 1990-2000-х гг.[1]

В статье прослеживается эволюции общественного восприятия Ш. Басаева через три ключевых этапа. Первый этап (1991-1995) характеризуется конструированием образа «героя», начиная с угона самолета в Минеральных Водах, который, как подчеркивает автор, не получил однозначной поддержки даже среди сторонников независимости[2]. Особое внимание уделяется операции в Буденновске (1995), ставшей моментом наивысшей популярности Басаева, что объясняется в тексте как реакция на жестокость федеральных сил[3]. Однако уже на этом этапе проявляется важный этический конфликт – автор отмечает, что восхищение «смелостью» боевиков существовало параллельно с замалчиванием вопросов о «безвинных жертвах»[4].

Переломный момент связан с 1997 г., когда публичная казнь бывшего главы администрации Веденского района А. Загаева вызвала шоковую реакцию даже среди антироссийски настроенных чеченцев. В статье подробно анализируется этот когнитивный диссонанс: с одной стороны, А. Загаев, сохранивший достоинство перед лицом смерти, становится фигурой невольного восхищения («настоящий къонах» – мужчина, герой), с другой – действия Ш. Басаева получают однозначную оценку как противоречащие чеченским традиционным нормам[5]. Этот эпизод представлен как поворотный пункт в потере Басаевым легитимности, что особенно ярко проявляется в его неудаче на президентских выборах Ичкерии.

Финальная стадия трансформации образа (1999-2007) связывается с вторжением в Дагестан и последующей эскалацией террористической активности. В тексте подчеркивается, что от боевиков отвернулись не только мирные жители, но и многие бывшие соратники, а их риторика постепенно утратила национально-освободительную составляющую, заместившись религиозным экстремизмом[6]. Кульминацией этого процесса становится символический эпизод с изгнанием Басаева его же дедом, где старик проводит прямую параллель между внуком и его дедом-разбойником.

Важным аспектом анализа является рассмотрение используемых автором стилистических приемов. Ирония («буденновский «герой» в кавычках), контрастные сопоставления (между восхвалениями Ш. Басаева в 1995 г. и его

[1] «Такое настоящий чеченец себе не позволил бы». Муса Мурадов о том, как террористы в Чечне из героев превратились в изгоев // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5076473?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 28.06.2025 г.)
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.

падением позднее) и апелляция к традиционным ценностям («къонах») работают на создание сложного, многомерного образа, который существенно отличается как от демонизации Ш. Басаева в официальном российском дискурсе, так и от его героизации в сепаратистской риторике. Особую роль играют личные свидетельства и бытовые детали, которые служат инструментом демифологизации.

В статье о Ш. Басаеве центр тяжести смещается на вопросы моральной ответственности самих участников вооруженного сопротивления[1]. Такой подход создает более сбалансированную перспективу, позволяя рассматривать трагедию Чечни не только через призму противостояния «федералы-сепаратисты», но и через внутренние этические конфликты внутри чеченского общества.

Статья показывает, как традиционные социальные нормы могут служить естественным ограничителем для политического насилия даже в условиях затяжного вооруженного конфликта. При этом важно отметить, что критическое переосмысление образа Ш. Басаева происходит не с пророссийских позиций, а именно изнутри чеченской системы ценностей.

Естественно, что М. Мурадов не обошел годовщину гибели Д. Дудаева в ночь на 22 апреля 1996 г. у села Гехи-Чу Урус-Мартановского района. В апрельском номере «Коммерсанта» в 2021 г. этому событию и самому генералу была посвящена статья[2]. Смерть Д. Дудаева признали не все, в том числе и близкие родственники, и это впоследствии использовалось в политической борьбе против А. Масхадова, ставя под сомнение его легитимность. Журналист в начале статьи высказывает мнение, что гибель Дудаева ничего не изменила в борьбе с сепаратистами, но отсутствие общепризнанного лидера во многом спровоцировало вторую войну. Однако, здесь можно возразить, что при жизни Д. Дудаева Москва вряд ли бы пошла на перемирие.

Гибель Дудаева не остановила войну, это произошло только после будённовских событий (перемирие) и штурма Грозного в августе 1996 г. (Хасавюртовские соглашения). Военная организация сепаратистов уже работала автономно, полевые командиры действовали независимо.

М. Мурадов напоминает читателю, что Д. Дудаев появился в Чечне осенью 1990 г. «стремительно» и выступив в генеральском мундире на съезде чеченского народа завоевал симпатии сторонников национального государства[3]. И тогда, и чуть позже новорождённым мальчикам начали давать редкое имя Джохар. Его сторонники готовы были закрыть глаза на все его недостатки, вернее, они считали, что их у него нет, он был для них непререкаемым авторитетом.

М. Мурадов считает, что «боевики сумели победить в первой военной кампании без Джохара Дудаева, однако устроить послевоенную жизнь без него не смогли»[4]. Гибель Дудаева стала поворотным, но не решающим событием. Его

[1] Там же.
[2] «Конец гужбана Джохара Дудаева. Муса Мурадов вспоминает гибель мятежного генерала и последствия этого события // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4790460?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 29.06.2025 г.)
[3] Там же.
[4] Там же.

смерть не остановила первую войну и способствовала второй войне, так как разрушила хрупкое единство Ичкерии[1].

В январе 2023 г. исполнилось 30 лет с момента официального разделения ЧИАССР, этому и последовавшим за ним событиям посвящена очередная «юбилейная» статья М. Мурадова[2]. В ней автор пишет об обстоятельствах раздела некогда единой республики, уделяя больше внимания тому, что происходило в Чечне, и отмечает заявление Р. Аушева, что «…ингуши с Россией и нам нужно договориться о границе между республиками»[3]. Но договора о границе достигнуть не удалось, всё свелось к формуле «границы между братскими народами не будет», но ее пришлось провести в октябре 2018 г. Автор статьи даёт для читателя ретроспективный обзор событий в Грозном от августовских событий 1991 г. (ГКЧП), разгона Верховного совета ЧИАССР до поспешного принятия Конституции и расстрела Грозненского городского собрания, где готовился референдум о независимости, возможной бескровной смены власти в республике под началом Р. Хасбулатова[4]. Последнее, по мнению автора, «напугало не только Джохара Дудаева и его сторонников, но и тогдашних обитателей Кремля, которые не хотели возвращения в большую политику бывшего председателя Верховного совета»[5]. Раздел ЧИАССР отчасти стал триггером для последующих военных конфликтов.

В статье по поводу 80-летия Д. Дудаева (1944-1996 гг.), он приводит интересные сведения о его поведении и взглядах[6]. Генерал являет собой пример «радикальной реидеологизации» в постсоветском пространстве. Генерал ВВС СССР, командир дивизии стратегических бомбардировщиков становится лидером сепаратистов. Анализ его речей и действий показывает, что он использует советский административный опыт: за демократическими речами и призывами следует запрет неугодных СМИ (закрытие «Грозненского рабочего») и подавление оппозиции[7].

У Д. Дудаева, по мнению М. Мурадова, три группы сторонников: 1) Идеологические последователи (наибольшая группа), которые воспринимают его как мессианскую фигуру, что подтверждается инцидентами вроде отказа признать его смерть даже родственниками; 2) Прагматики вроде М. Удугова, использовавшего пост министра для личного возвышения; 3) Криминальные элементы (пример – Р. Лабазанов), легализовавшиеся через лояльность режиму, но затем разорвавшие с ним отношения (конфликт 1994 г.)[8].

---

[1] Там же.
[2] «Чечня начинается от Хасавюрта и заканчивается у Владикавказа». Муса Мурадов о том, как 30 лет назад расходились чеченцы и ингуши // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5747967?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 26.06.2025 г.)
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] «Пусть Дудаев играет в зарницу, а мы будем делать деньги». Муса Мурадов — о личности лидера чеченских сепаратистов, его окружении и помощниках // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6509920?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 24.06.2025 г.)
[7] Там же.
[8] Там же.

Информация рассматривалась как инструмент власти и предпринимались попытки установления контроля над ней. Дело иногда доходило до абсурда – запрет мультфильма «Ну, погоди!» из-за «дискредитации волка» – символа республики, изображенного на ее гербе. Одновременно пропаганда создавала образ «внешнего врага» в лице России для консолидации сторонников[1].

Режим Д. Дудаева характеризовался институциональной слабостью, отражавшей имитационный характер государства, и экономическим коллапсом: была прекращена выплата пенсий и зарплат[2]. Сам Д. Дудаев стал продуктом двойного краха – советской системы и российского федерализма 1990-х. Его режим, сочетавший популизм, авторитаризм и криминализацию, предопределил трагедию Чечни.

Тем не менее, Д. Дудаев, «открыто враждебный Москве… смог договориться с руководством Минобороны о поспешном выводе федеральных войск и передаче чеченцам огромного арсенала…» Как это получилось, задаются до сих пор вопросом оппоненты генерала и корреспондент газеты[3].

После силового разгона Верховного Совета Чечено-Ингушетии в сентябре 1991 г. и выборов 27 октября, проведенных в условиях монополии сепаратистов, Москва отказалась признать легитимность Д. Дудаева. Попытка свергнуть его силами оппозиции (26.11.1994 г.) с участием российских военнослужащих «в отставке» завершилась разгромом и пленением танковых экипажей. Следом началась война, о которой Д. Дудаев говорил еще в июне 1994 г. и его прогноз о том, что «танки будут гореть как спичечные коробки», подтвердился в уличных боях в Грозном[4].

Военные действия привели к бомбардировке гражданских объектов, как, например, удар по рынку Грозного (декабрь 1994 г.) с сотнями жертв среди мирных жителей. Две трети населения остались в городе, несмотря на коллапс инфраструктуры, не веря в возможность настоящих боевых действий. Оставшихся в Грозном людей М. Мурадов делит на три категории: воюющие; кому некуда и не на что ехать; те, кто не хотел оставить свои дома и добро[5]. Люди начали адаптироваться к войне, применяя самодельные способы защиты, например, оклеивая окна газетами. В подвалах Грозного стирались прежние конфликты – «забыли

[1] «Да, Паша, будем воевать». Как 25 лет назад начиналась первая чеченская война // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4173668?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 05.07.2025 г.)

[2] Там же.

[3] «Пусть Дудаев играет в зарницу, а мы будем делать деньги». Муса Мурадов — о личности лидера чеченских сепаратистов, его окружении и помощниках // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6509920?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 24.06.2025 г.)

[4] «Танки тут будут гореть как спичечные коробки». Как начиналась первая чеченская // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7313563?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 25.06.2025 г.)

[5] «Танки тут будут гореть как спичечные коробки». Как начиналась первая чеченская // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7313563?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 25.06.2025 г.)

про Ельцина и Дудаева». Религия стала играть роль опоры для людей, находившихся в пограничном состоянии между жизнью и смертью[1].

В статье, опубликованной в газете 8 марта 2025 г., к 20-летию гибели А. Масхадова, М. Мурадов размышляет о его «взлете и падении»[2]. Журналист считает, что легитимация А. Масхадова прошла через Хасавюрт: подписание соглашений с А. Лебедем 31.08.1996 г. закрепило за А. Масхадовым имидж «миротворца», но к вопросу о статусе республики решили вернуться 31 декабря 2001 г.[3]

Выигрывал А. Масхадов и в контрасте с конкурентами: за Басаевым Ш. прочно закрепилось имя террориста, у М. Удугова было непонятное прошлое и такой же «исламский порядок», З. Яндарбиев педалировал продолжение пути Д. Дудаева и не хотел проводить выборы. Кроме того, у населения республики мирная жизнь ассоциировалась с А. Масхадовым, которому симпатизировали и в Москве. На выборах 1997 г. победил А. Масхадов, но отсутствие институциональной базы (разрушенный госаппарат, зависимость от полевых командиров) предопределило кризис управления. К тому же вновь избранный президент не мог «сравняться авторитетом» с Д. Дудаевым и не был готов на жесткость, проявляемую последним.

М. Мурадов обращает внимание на внутренние противоречия, нежелание некоторых родственников Д. Дудаева, в частности, его племянника-мэра Грозного, признать смерть бывшего президента, уход проигравших выборы президента, кроме А. Закаева, в оппозицию, деструктивные действия С. Радуева, А. Бараева и братьев Ахмадовых, которые, помимо прочего, задержали и удерживали прокурора Ичкерии[4]. А. Масхадов всё время, настаивающий на необходимости предотвратить междоусобицу и не принимавший решительных мер, терял авторитет и приобретал критиков.

Вторжение Басаева-Хаттаба в Дагестан, по мнению М. Мурадова, «окончательно развело бывших борцов за независимость», разрушило остатки доверия к Масхадову, а его письмо Председателю Государственного совета Республики Дагестан М. Магомедову с осуждением нападения не повлияло на позицию Москвы[5]. В беседе с корреспондентом президент Ичкерии заявляет, что не хотел этой войны, «знал, что потеряем всё»[6]. С его гибелью, делает вывод М. Мурадов, «приказала долго жить и Ичкерия»[7]. А. Масхадов стал заложником двойной легитимации – как миротворец для чеченцев и как переговорщик для Москвы. Его нерешительность ускорила переход конфликта в религиозно-террористическое русло, а гибель символизировала крах проекта «национального государства». Ключевой ошибкой была недооценка исламизации сопротивления.

---

[1] Там же.
[2] «Видит Аллах, я не хотел этой войны». Взлет и падение лидера Ичкерии Аслана Масхадова // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7562172?query=%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B0%20%D0%BC%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2 (Дата обращения 26.06.2025 г.)
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.

Заключение

Таким образом, публикации М. Мурадова представляют собой редкий пример «журналистики свидетельства», преодолевающей пропагандистские клише через этнографическую дотошность и этическую чуткость. Сохраняя академическую строгость, они остаются человечными документами эпохи, фиксирующими как крупные политические решения, так и их последствия для обычных людей. В работах М. Мурадова соединяются микроистории очевидцев, критика всех сторон конфликта, рефлексия о пределах журналистики в условиях цензуры. Об интересе российского общества к событиям конца XX – начала XXI в. говорят просмотры проанализированных публикаций на сайте газеты «Коммерсант»: от 58 тысяч (статья «Танки тут будут гореть как спичечные коробки». Как начиналась первая чеченская) до 1,5 млн (статья «Такое настоящий чеченец себе не позволил бы». Муса Мурадов о том, как террористы в Чечне из героев превратились в изгоев).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Асташкин 2005 – *Асташкин Н.С.* По волчьему следу. Хроники чеченских войн. – М.: Вече, 2005. – 416 с.

Бугай 2006 – *Бугай Н.Ф.* Чеченская республика: конфронтация, стабильность, мир. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 476 с.

Данилевский и др. 1996 – *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. Пособие / М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.

Куликов 2003 – *Куликов А.С.* Тяжелые звезды. – Москва: ОЛМА-Пресс, 2003. – 447 с.

Ляховский 2006 – *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой: Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. – М.: Детектив-Пресс, 2006. – 640 с.

Михайлов 2002 – *Михайлов А.Г.* Чеченское колесо. Генерал ФСБ свидетельствует. – Москва: Совершенно секретно, 2002. – 384 с.

Норин 2021 – *Норин Е.А.* Чеченская война: [в 2 т.]. Т. 1. – Нижний Новгород: Черная Сотня, 2021. – 352 с.

Норин 2022 – *Норин Е.А.* Чеченская война: [в 2 т.]. Т. 2. – Нижний Новгород: Черная Сотня, 2022. – 480 с.

Пуликовский 2010 – *Пуликовский К.Б.* Украденное возмездие. – Москва: Олма Медиа Групп, 2010. – 288 с.

Тишков 2001 – *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. – Москва: Наука, 2001. – 512 с.

Трошев 2002 – *Трошев Г.Н.* Моя война: чеченский дневник окопного генерала. – Москва: Вагриус, 2002. – 334 с.

Тумаков 2017 – *Тумаков Д.В.* Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991-1996гг. в оценках российского общества. – Ярославль: Аверс Плюс, 2017. – 740 с.

Тумаков 2025 – *Тумаков Д.В.* Военные действия в Чеченской Республике в 1994-1996 гг. и объединение «Яблоко» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 63-82. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-63-82.

Conboy 2004 – *Conboy M.* The Press and Popular Culture. – London: SAGE, 2004

Dunlop 1998 – *Dunlop J. B.* Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 432 p.

Lieven 1998 – *Lieven A.* Chechnya: Tombstone of Russian Power. – New Haven: Yale University Press, 1998. – 464 p.

Evangelista 2002 – *Evangelista M*. The Chechen Wars: Will Russia Go the Way of the Soviet Union? Brookings Institution Press, 2002. – 244 P.

REFERENCES

ASTASHKIN N.S. *Po volchemu sledu.* Hroniki chechenskih vojn [On the Wolf's trail: chronicles of the Chechen Wars]. – Moscow: Veche, 2005. – 416 p. (In Russ.).

BUGAY N.F. Chechenskaja respublika: konfrontacija, stabilnost, mir [The Chechen Republic: confrontation, stability, peace]. – Moscow: IRI RAN, 2006. – 476 p. (In Russ.).

DANILEVSKIJ I.N., KABANOV V.V., MEDUSHEVSKAYA O.M., RUMYANCEVA M.F. *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii: Ucheb. Posobie* [Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History: A Textbook] / M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 1998. 702 p. (In Russ.).

KULIKOV A.S. *Tyazhelye zvezdy.* [Heavy Stars] – Moskva: OLMA-Press, 2003. – 447 p. (In Russ.).

LYAKHOVSKY A.A. *Zacharovannyje svobodoj: Tajny kavkazskih vojn: Informacija. Analiz. Vyvody* [Enchanted Freedoms: Secrets of the Caucasian Wars: Information. Analysis.Conclusions]. – Moscow: Detectiv-Press, 2006. – 640 p. (In Russ.).

MIHAJLOV A.G. *Chechenskoe koleso. General FSB svidetel'stvuet*. [The Chechen wheel. The FSB general testifies.] – Moskva: Sovershenno sekretno, 2002. – 384 p. (In Russ.).

NORIN E.A. *Chechenskaya vojna*. [The Chechen Wheel] v 2 t. T. 1. – Nizhnij Novgorod: Chernaya Sotnya, 2021. – 352 p. (In Russ.).

NORIN E.A. *Chechenskaya vojna.* [The Chechen Wheel] v 2 t. T. 2. – Nizhnij Novgorod: Chernaya Sotnya, 2022. – 480 p. (In Russ.).

PULIKOVSKIJ K.B. *Ukradennoe vozmezdie.* [Stolen Retribution] Moskva: Olma Media Grupp, 2010. (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte: etnografiya chechenskoj vojny*. [Society in an Armed Conflict: The Ethnography of the Chechen War] – Moskva: Nauka, 2001. – 512 p. (In Russ.).

TROSHEV G.N. *Moya vojna: chechenskij dnevnik okopnogo generala*. [My War: The Chechen Diary of a Trench General]. – Moskva: Vagrius, 2002. – 334 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Goryachaya tochka novoj Rossii: chechenskij krizis 1991-1996gg. v otsenkah rossijskogo obschestva* [Hot spot of the new Russia: the Chechen crisis of 1991-1996 in the Assessments of Russian Society]. – Yaroslavl: Avers plus, 2017. – 740 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Voennye dejstviya v CHechenskoj Respublike v 1994-1996 gg. i ob"edinenie «YAbloko»* [Military operations in the Chechen Republic in 1994-1996 and the Yabloko movement] // Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya». – 2025. – № 2. – S. 63-82. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-63-82. (In Russ.).

CONBOY M. *The Press and Popular Culture*. – London: SAGE, 2004 – (In English).

DUNLOP J.B. *Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 432 p. (In English).

LIEVEN A. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. – New Haven: Yale University Press, 1998. – 464 p. (In English).

EVANGELISTA M. *The Chechen Wars: Will Russia Go the Way of the Soviet Union?* In: Brookings Institution Press, 2002. 244 p. (In English).

Сведения об авторе

А.Д. Осмаев – доктор исторических наук, доцент.

Information about the author

A.D. Osmaev – doctor of historical sciences, docent.

Статья поступила в редакцию 12.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 12.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 39
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-203-211
EDN: RTXBVS

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ

Марьяна Асланова Сомгурова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, zhiletezheva1991@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-2558-6633

Аннотация. Статья посвящена выявлению некоторых особенностей изучения традиционной музыкальной культуры адыгов в современной исследовательской практике. Эмпирическую базу исследования составили труды современных кавказоведов, посвященные тем или иным аспектам музыкальной культуры адыгов. Для анализа были отобраны научные труды ведущих специалистов в области адыгской этномузыкологии, опубликованные после 1991 г. в научных периодических изданиях, материалах конференций, монографических исследованиях и коллективных обобщающих работ по этнографии адыгов. Установлено, что наиболее в современной историографии обстоятельные исследования музыкальной культуры адыгов, охватывающие как традиционные, так и современные аспекты, а также историю и развитие профессиональной музыки, принадлежат А.Н. Соколовой, А.В. Гучевой и З.М. Кешевой, чьи работы также обобщены в коллективной монографии «Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги» (М., 2022). Сделан вывод о том, что в настоящее время исследователи внесли существенный вклад в изучение различных аспектов адыгской музыкальной культуры, охватывая как традиционные, так и современные её проявления. Все это позволило исследователям выделить широкий охват тем, от традиционной музыкальной культуры адыгов через жанровую систему, инструментальную музыку, экологические аспекты, фольклор, особенности инструментальных традиций, трансформации жанров и наследование инструментов, символику архаической музыки, экологическое сознание в музыке и репрезентацию образов в их музыкальной картине мира.

Ключевые слова: музыкальная культура; народная музыка; музыкальные инструменты; историография; адыги

Для цитирования: Сомгурова М.А. Некоторые особенности изучения традиционной музыкальной культуры адыгов в современной исследовательской практике // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 203-211. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-203-211. EDN: RTXBVS.

© Сомгурова М.А., 2026

Original article

SOME FEATURES OF STUDYING THE TRADITIONAL MUSICAL CULTURE OF THE ADYGHE PEOPLE IN MODERN RESEARCH PRACTICE

Maryana A. Somgurova
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, zhiletezheva1991@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-2558-6633

Abstract. The article is devoted to identifying some features of the study of the traditional musical culture of the Adyghe people in modern research practice. The empirical basis of the study was formed by the works of modern Caucasian scholars devoted to various aspects of the musical culture of the Adyghe people. The analysis was based on the scientific works of leading specialists in the field of Adyghe ethnomusicology, published after 1991 in scientific periodicals, conference materials, monographs, and collective works on the ethnography of the Adyghe people. It has been established that the most comprehensive studies of the Adyghe musical culture in modern historiography, covering both traditional and modern aspects, as well as the history and development of professional music, belong to A.N. Sokolova, A.V. Guchova, and Z.M. Kesheva, whose works are also summarized in the collective monograph "Adygs: Adygei. Kabardians. Circassians. Shapsugs" (Moscow, 2022). It is concluded that researchers have made a significant contribution to the study of various aspects of Adyghe musical culture, covering both traditional and modern manifestations. This has allowed researchers to explore a wide range of topics, from traditional Adyghe musical culture through the genre system, instrumental music, environmental aspects, folklore, instrumental traditions, genre transformations, and instrument inheritance, to the symbolism of archaic music, ecological consciousness in music, and the representation of images in their musical worldview.
Keywords: musical culture; folk music; musical instruments; historiography; Adyghe

For citation: Somgurova M.A. Some Features of Studying the Traditional Musical Culture of the Adyghe People in Modern Research Practice. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 203-211. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-203-211. EDN: RTXBVS.

© Somgurova M.A., 2026

Введение

Современная этномузыкология – это комплекс научных знаний, который включает результаты изучения народной традиционной музыкальной культуры на основе использования определённых методов исследования. Музыкальная культура адыгов (черкесов) – это совокупность знаний, отражающих многовековую историю, самобытность и духовный мир этого народа. С течением времени адыги (черкесы) накопили большой практический опыт и объем знаний в области национальной музыки – сохраняются сведения о большом количестве традиционных музыкальных инструментов, способах их изготовления, звуках и мелодиях, которые из них извлекаются. Многие музыкальные инструменты сохраняют названия на кабардино-черкесском и адыгейском языках. Со временем стал усиливаться интерес исследователей к различным аспектах адыгской этномузыкологии. К настоящему времени подготовлен целый ряд научных работ по различным направления музыкальной культуры адыгов как традиционной, так и современной. Сведения о ней размещаются в обобщающих научных работах по этнографии адыгов. Все это актуализирует вопросы изучения историографии музыкальной культуры на современном этапе. В связи с чем, целью настоящей статьи является выявление некоторых особенностей изучения традиционной музыкальной культуры адыгов в современной исследовательской практике,

определение тематики опубликованных в этом направлении работ для последующего развернутого историографического анализа.

Эмпирическую базу исследования составили труды современных кавказоведов, посвященные тем или иным аспектам музыкальной культуры адыгов. Для анализа были отобраны научные труды ведущих специалистов в области адыгской этномузыкологии, опубликованные после 1991 г. в научных периодических изданиях, материалах конференций, монографических исследованиях и коллективных обобщающих работ по этнографии адыгов.

Основная часть

В современной историографии наиболее обстоятельные исследования основных аспектов музыкальной культуры адыгов принадлежат доктору исторических наук А.Н. Соколовой и кандидатам исторических наук А.В. Гучевой и З.М. Кешевой и некоторым другим исследователям.

Исследования А.Н. Соколовой затрагивают широкий круг вопросов как традиционной музыкальной культуры адыгов, так и современной. Традиционные элементы музыкальной культуры автор исследует через различные вопросы жанровой системы и эволюции инструментальной музыки западных адыгов [Соколова 2005]; структуры и организации традиционной инструментальной культуры [Соколова 2007a]; экологические аспекты традиционной музыкально-инструментальной культуры [Соколова 2007b]; инструментального фольклора и инструментальной культуры [Соколова 2009]; общеэтнические и локальные особенности инструментальных традиций адыгов [Соколова 2017]; аспекты жанровой трансформации в музыкальном фольклоре [Соколова 2019]; формы наследования музыкальных инструментов в культуре народов Северного Кавказа и Казахстана [Соколова, Смакова 2024] и др. Современные тенденции развития музыкальной культуры адыгов она рассматривает сквозь призму инструментальной культуры представителей черкесской диаспоры зарубежом и репатриантов [Соколова 2008]; визуализации музыки, музыкантов и музыкальных инструментов в художественном творчестве мастеров Адыгеи [Соколова 2021]; адыгского (черкесского) варианта постмодерна (на примере академической музыки, эстрады, фольклора) [Соколова 2022] и т.п. В схожем контексте она затрагивает и ряд других вопросов, связанных с музыкальной культурой адыгов [См., например: Соколова 2012; Соколова, Лигидов 2024]. Кроме того, А.Н. Соколова давала подробные описания отдельным видам традиционных музыкальных инструментов адыгов, в числе которых наиболее обстоятельное относится к адыгской гармонике [Соколова 2004]. Таким образом, Исследования А.Н. Соколовой охватывают как традиционную, так и современную музыкальную культуру адыгов, включая жанровую систему, инструментальную музыку, экологические аспекты, фольклор, особенности инструментальных традиций, трансформации жанров, наследование инструментов, а также музыкальную культуру диаспоры, визуализацию музыки и постмодерн в адыгской музыке, с особым вниманием к адыгской гармонике.

В работах А.В. Гучевой также посвятила одной из своих исследований национальной гармонике кабардинцев в прошлом [Гучева 2009]. Вместе с тем

тематический диапазон ее исследований в области этномузыкологии отталкивается от проблем истории изучения этномузыкальной культуры адыгов в XVIII – середине XX в. [Гучева 2012], историографии адыгской этномузыкологии [Гучева 2018], музыкальной фольклористики адыгов в прошлом [Гучева 2019], характеристики образов и символов архаической музыки адыгов [Гучева, Марченко 2025], определения истоков и концепции экологического сознания природы их музыки [Гучева, Сомгурова 2025], а также репрезентации различных образов в музыкальной картине мира адыгов [Uextdf 2021; Гучева 2023] и др. В целом, исследования А.В. Гучевой охватывают широкий спектр проблем в области этномузыкологии адыгов, включая историю изучения их музыкальной культуры, фольклор, символику архаической музыки, экологическое сознание в музыке и репрезентацию образов в их музыкальной картине мира и др.

Труды З.М. Кешевой в большей мере посвящены проблемам развития музыкальной культуры кабардинского населения Кабардино-Балкарской Республики на разных этапах истории. Промежуточные итоги и основные тезисы последующих научных работ были сформулированы ею еще в 2025 г. в монографическом исследовании, посвященном танцевальной и музыкальной культуре кабардинцев во второй половине XX в. [Кешева 2005]. В частности, она изучает различные вопросы о состоянии традиционной музыкальной и танцевальной культуры городских кабардинцев [Кешева 2009]; становления и развития музыкальной культуры народов Кабардино-Балкарии в 1920-1930-е гг. [Кешева 2022]; проблемы трансформации музыкальной культуры КБР в 90-е гг. XX в., связанные определением граней между самодеятельностью и профессионализацией [Кешева 2025]; а также – проблемам становления и развития профессиональной музыкальной культуры кабардинцев [Кешева 2007]. В целом же, З.М. Кешева посвятила свои труды комплексному изучению развития музыкальной и танцевальной культуры кабардинского населения Кабардино-Балкарской Республики на различных исторических этапах, от традиционных форм до профессионализации.

Наиболее обстоятельное обобщение исследовательского опыта по изучению музыкальной культуры адыгов помещено в коллективной монографии «Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги» из серии «Народы и культуры» [Адыги… 2022: 611-678]. Блок книги, посвященный музыкальной культуре адыгов, состоит из двух разделов, в которых приведены общие сведения о музыкальной культуре адыгов и дана характеристика их традиционных музыкальных инструментов. В первом блоке рассказывается об истории изучения адыгской народной музыки (авт. А.В. Гучева), непосредственно народной музыке и музыкантах (авт. А.Н. Соколова), профессиональной музыкальной культуре в XX – начале XXI в. (авт. З.М. Кешева) и кабардинским музыкантам-исполнителям (авт. З.М. Кешева). Второй раздел открывает очерк А.Н. Соколовой «Адыгский музыкальный инструментарий в системе музыкальной культуры». В целом, коллективная монография содержит наиболее полное обобщение исследований музыкальной культуры адыгов, охватывая её историю, народную и профессиональную составляющие, а также традиционные музыкальные инструменты.

Заключение

Таким образом, наиболее в современной историографии обстоятельные исследования музыкальной культуры адыгов, охватывающие как традиционные, так и современные аспекты, а также историю и развитие профессиональной музыки, принадлежат А.Н. Соколовой, А.В. Гучевой и З.М. Кешевой, чьи работы также обобщены в коллективной монографии «Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги». Основу исследования составляют разные по видовой принадлежности источники: архивные документы, полевые материалы, материалы личного происхождения, историографические источники имперского и советского времени и т.п. Современные исследователи внесли существенный вклад в изучение различных аспектов адыгской музыкальной культуры, охватывая как традиционные, так и современные её проявления. Все это позволило исследователям выделить широкий охват тем, от традиционной музыкальной культуры адыгов через жанровую систему, инструментальную музыку, экологические аспекты, фольклор, особенности инструментальных традиций, трансформации жанров и наследование инструментов, символику архаической музыки, экологическое сознание в музыке и репрезентацию образов в их музыкальной картине мира. А также проанализированы современные тенденции, включая музыкальную культуру диаспоры, визуализацию музыки и постмодерн в адыгской музыке и т.п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыги… 2022 – Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова. – М.: Наука, 2022. – 870 с. – (Народы и культуры).

Соколова 2021 – *Соколова А.Н.* Визуализация музыки, музыкантов и музыкальных инструментов в художественном творчестве мастеров Адыгеи // Философия и культура. – 2021. – № 3. – С. 1-21. – DOI 10.7256/2454-0757.2021.3.35413. – EDN RSAQVR.

Соколова 2019 – *Соколова А.Н.* Жанровая трансформация в музыкальном фольклоре (на примере "Молитвы Шамиля") // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 30-45. – DOI 10.21638/spbu15.2019.102. – EDN YZXGRQ.

Соколова 2017 – *Соколова А.Н.* Инструментальные традиции адыгов: общеэтническое и локальное // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2017. – № 12(36). – С. 137-143. – EDN ZWGWOF.

Соколова 2012 – *Соколова А.Н.* В копилку музыкального кавказоведения // Музыка и время. – 2012. – № 7. – С. 28-29. – EDN TGGUSP.

Соколова 2009 – *Соколова А.Н.* Инструментальный фольклор, инструментальная культура и инструментализм // Фольклор в контексте культуры: материалы Всероссийской научной конференции, Махачкала, 12 марта 2009 года. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2009. – С. 6-8. – EDN VUATVD.

Соколова 2008 – *Соколова А.Н.* Танцы и инструментальная музыка косовских адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 10. – С. 197-206. – EDN KCKKFH.

Соколова 2007a – *Соколова А.Н.* Структура и организация традиционной инструментальной культуры // Музыковедение. – 2007. – № 1. – С. 31-39. – EDN JAOUMF.

Соколова 2007b – *Соколова А.Н.* Экологические аспекты музыкально-инструментальной культуры западных адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2007. – № 2. – С. 322-329. – EDN KBBIZT.

Соколова 2005 – *Соколова А.Н.* Инструментальная музыка западных адыгов: жанровая система и ее эволюция // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2005. – № 2. – С. 23-34. – EDN RIOLNB.

Соколова 2005 – *Соколова А.Н.* Адыгская гармоника в контексте этнической музыкальной культуры. – Майкоп: Качество, 2004. – 272 с.

Соколова 2022 – *Соколова А.Н.* Черкесский вариант постмодерна: академическая музыка, эстрада, фольклор // Культурные традиции и художественное образование: Сборник научных трудов. – Том 1. – Майкоп-Махачкала: Адыгейский государственный университет, 2022. – С. 131-139. – DOI 10.53598/ISBN-2022-1-78-131-139. – EDN TXNFWJ.

Соколова, Лигидов 2024 – *Соколова А.Н., Лигидов А.Х.* К вопросу изучения этнических особенностей инструментальных наигрышей народов Северного Кавказа // Philharmonica. International Music Journal. – 2025. – № 3. – С. 52-62. – DOI 10.7256/2453-613X.2025.3.75473. – EDN FHPIYA.

Соколова, Смакова 2024 – *Соколова А.Н., Смакова З.Н.* Формы наследования музыкальных инструментов в культуре народов Северного Кавказа и Казахстана // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 44-51. – DOI 10.47370/2078-1024-2024-16-3-44-51. – EDN WOBZBW.

Гучева 2009 – *Гучева А.В*. Национальная гармоника в традиционной музыкальной культуре адыгов второй половины XIX – конца XX в. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. – 243 с.

Гучева, Марченко 2025 – *Гучева А.В., Марченко О.А*. Образы и символы архаичной музыки черкесов (адыгов) // Гуманитарный научный вестник. – 2025. – № 12. – С. 8-14. – DOI 10.5281/zenodo.18399682. – EDN BVKXEH.

Гучева, Сомгурова 2025 – *Гучева А.В., Сомгурова М.А*. Экологическая природа музыки черкесов (адыгов): истоки и концепции экологического сознания // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 226-238. – DOI 10.31143/2542-212X-2025-4-226-238. – EDN LFMMTL.

Гучева 2023 – *Гучева А.В*. «Эстетика» и принципы номинации болезни в музыкальной картине мира черкесов (адыгов) (на примере песен-заговоров оспы) // Музыка и время. – 2023. – № 8. – С. 29-35. – DOI 10.25791/music.8.2023.1242. – EDN HTDXOH.

Гучева 2021 – *Гучева А.В*. Музыкальная картина мира черкесов (адыгов): "образ-смысл" сакрального и информационные структуры // История науки и техники. – 2021. – № 3. – С. 45-50. – DOI 10.25791/intstg.3.2021.1263. – EDN HJBBAT.

Гучева 2019 – *Гучева А.В*. Музыкальная фольклористика черкесов (адыгов) во второй половине XX-начала XXI вв. // Всеобщая история. – 2019. – № 3. – С. 31-36. – DOI 10.25791/vseist.03.2019.894. – EDN AAAPFW.

Гучева 2012 – *Гучева А.В*. История изучения этномузыкальной культуры черкесов в XIII – середине XX вв. // История науки и техники. – 2012. – № 12. – С. 42-50. – EDN SPGWGH.

Кешева 2009 – *Кешева, З.М*. К вопросу о состоянии традиционной музыкальной и танцевальной культуры городских кабардинцев // Россия и Кавказ: Материалы Международной юбилейной научной конференции. Посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказ, Владикавказ, 06–07 октября 2009 года. – Владикавказ: СОИГСИ, 2009. – С. 200-205. – EDN RZIEDR.

Кешева 2025 – *Кешева З.М*. Проблемы трансформации музыкальной культуры КБР в 90-е гг. XX В.: между самодеятельностью и профессионализацией // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2025. – № 1(64). – С. 15-22. – DOI 10.31007/2306-5826-2025-1-64-15-22. – EDN WMOAPR.

Кешева 2022 – *Кешева З.М*. Становление и развитие музыкальной культурынародов Кабардино-Балкарии в 1920-1930-е гг. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2022. – № 2(53). – С. 22-31. – DOI 10.31007/2306-5826-2022-2-53-22-31. – EDN DWHGKA.

Кешева 2005 – *Кешева З.М.* Танцевальная и музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX века. – Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых, 2005. – 166 с. – EDN SGDELR.

Кешева 2008 – *Кешева З.М.* Становление и развитие профессиональной музыкальной культуры кабардинцев // Народы Северного Кавказа и Россия : Материалы Всероссийской научной конференции, к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией, Нальчик, 18 октября 2007 года – 21 2008 года. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – С. 240-250. – EDN RZCQRH.

Гучева 2018 – *Гучева А.В.* Историография черкесской (адыгской) этномузыкологии // История науки и техники. – 2018. – № 5. – С. 32-42. – EDN XQLKEX.

REFERENCES

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Adyghe: Adygei. Kabardians. Circassians. Shapsugs] / otv. red. A.KH. Abazov, YU.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova. – M.: Nauka, 2022. – 870 p. – (Narody i kul'-tury). (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *Vizualizatsiya muzyki, muzykantov i muzykal'nykh instrumentov v khudozhestvennom tvorchestve masterov Adygei* [Visualization of music, musicians, and musical instruments in the artistic works of Adygea's masters]. In: Filosofiya i kul'tura. – 2021. – № 3. – P. 1-21. – DOI 10.7256/2454-0757.2021.3.35413. – EDN RSAQVR. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *Zhanrovaya transformatsiya v muzykal'nom fol'klore (na primere "Molitvy Shamilya")* [Genre Transformation in Musical Folklore (Based on the Example of "Shamil's Prayer")]. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie. – 2019. – T. 9, № 1. – P. 30-45. – DOI 10.21638/spbu15.2019.102. – EDN YZXGRQ. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *Instrumental'nye traditsii adygov: obshcheetnicheskoe i lokal'noe* [Instrumental Traditions of the Adyghe People: Ethnic and Local]. In: Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovanii imeni T.M. Kerasheva. – 2017. – № 12(36). – P. 137-143. – EDN ZWGWOF. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *V kopilku muzykal'nogo kavkazovedeniya* [To the treasury of Caucasian musicology]. In: Muzyka i vremya. – 2012. – № 7. – P. 28-29. – EDN TGGUSP. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *Instrumental'nyi fol'klor, instrumental'naya kul'tura i instrumentalizm* [Instrumental folklore, instrumental culture, and instrumentalism]. In: Fol'klor v kontekste kul'tury: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konfe-rentsii, Makhachkala, 12 marta 2009 goda. – Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyi pe-dagogicheskii universitet, 2009. – P. 6-8. – EDN VUATVD. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *Tantsy i instrumental'naya muzyka kosovskikh adygov* [Dances and Instrumental Music of the Kosovo Adyghe People]. In: Vestnik Ady-geiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2008. – № 10. – P. 197-206. – EDN KCKKFH. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *Struktura i organizatsiya traditsionnoi instrumental'noi kul'tury* [The structure and organization of traditional instrumental culture]. In: Muzykovedenie. – 2007. – № 1. – P. 31-39. – EDN JAOUMF. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *Ekologicheskie aspekty muzykal'no-instrumental'noi kul'tury za-padnykh adygov* [Environmental Aspects of the Musical and Instrumental Culture of the Western Adyghe People]. In: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filolo-giya i iskusstvovedenie. – 2007. – № 2. – P. 322-329. – EDN KBBIZT. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *Instrumental'naya muzyka zapadnykh adygov: zhanrovaya sistema i ee evolyutsiya* [Instrumental Music of the Western Adyghes: Genre System and Its Evolution]. In: Yuzhno-Rossiiskii muzykal'nyi al'manakh. – 2005. – № 2. – P. 23-34. – EDN RIOLNB. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *Adygskaya garmonika v kontekste etnicheskoi muzykal'noi kul'tury* [Adyghe Harmonica in the Context of Ethnic Musical Culture]. – Maikop: Kachestvo, 2004. – 272 p. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N. *Cherkesskii variant postmoderna: akademicheskaya muzyka, estrada, fol'klor* [The Circassian version of postmodernism: academic music, pop music, and folklore]. In: Kul'turnye traditsii i khudozhestvennoe obrazovanie: Sbornik nauchnykh trudov. – Tom 1. – Maikop-Makhachkala: Adygeiskii gosudarstvennyi universitet, 2022. – P. 131-139. – DOI 10.53598/ISBN-2022-1-78-131-139. – EDN TXNFWJ. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N., LIGIDOV A.KH. *K voprosu izucheniya etnicheskikh osobennostei instrumental'nykh naigryshei narodov Severnogo Kavkaza* [On the Study of Ethnic Features of Instrumental Music of the Peoples of the North Caucasus]. In: Philharmonica. International Music Journal. – 2025. – № 3. – P. 52-62. – DOI 10.7256/2453-613X.2025.3.75473. – EDN FHPIYA. (In Russ.).

SOKOLOVA A.N., SMAKOVA Z.N. *Formy nasledovaniya muzykal'nykh instrumentov v kul'ture narodov Severnogo Kavkaza i Kazakhstana* [Forms of Inheritance of Musical Instruments in the Culture of the Peoples of the North Caucasus and Kazakhstan]. In: Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. – 2024. – T. 16, № 3. – P. 44-51. – DOI 10.47370/2078-1024-2024-16-3-44-51. – EDN WOBZBW. (In Russ.).

GUCHEVA A.V. *Natsional'naya garmonika v traditsionnoi muzykal'noi kul'ture adygov vtoroi poloviny XIX – kontsa XX v.* [The National Harmonica in the Traditional Musical Culture of the Adyghe People in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. – Nal'chik: Institut gumanitarnykh issledovanii Pravitel'stva KBR i KBNTS RAN, 2009. – 243 p. (In Russ.).

GUCHEVA A.V., MARCHENKO O.A. *Obrazy i simvoly arkhaichnoi muzyki cherkesov (adygov)* [Images and symbols of the archaic music of the Circassians (Adygs)]. In: Gumanitarnyi nauchnyi vestnik. – 2025. – № 12. – P. 8-14. – DOI 10.5281/zenodo.18399682. – EDN BVKXEH. (In Russ.).

GUCHEVA A.V., SOMGUROVA M.A. *Ekologicheskaya priroda muzyki cherkesov (adygov): istoki i kontseptsii ekologicheskogo soznaniya* [The ecological nature of Circassian (Adyghe) music: origins and concepts of ecological consciousness] Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2025. – № 4. – P. 226-238. – DOI 10.31143/2542-212X-2025-4-226-238. – EDN LFMMTL. (In Russ.).

GUCHEVA A.V. *«Estetika» i printsipy nominatsii bolezni v muzykal'noi kartine mira cherkesov (adygov) (na primere pesen-zagovorov ospy)* ["Aesthetics" and the principles of naming diseases in the musical worldview of the Circassians (Adyghe) (based on the example of smallpox incantation songs)]. In: Muzyka i vremya. – 2023. – № 8. – P. 29-35. – DOI 10.25791/music.8.2023.1242. – EDN HTDXOH. (In Russ.).

GUCHEVA A.V. *Muzykal'naya kartina mira cherkesov (adygov): "obraz-smysl" sakral'-nogo i informatsionnye struktury* [The musical worldview of the Circassians (Adyghes): the "image-meaning" of the sacred and information structures]. In: Istoriya nauki i tekhniki. – 2021. – № 3. – P. 45-50. – DOI 10.25791/intstg.3.2021.1263. – EDN HJBBAT. (In Russ.).

GUCHEVA A.V. *Muzykal'naya fol'kloristika cherkesov (adygov) vo vtoroi polovine XX – nachala XXI vv.* [Musical Folklore of the Circassians (Adyghes) in the Second Half of the 20th and Early 21st Centuries]. In: Vseobshchaya istoriya. – 2019. – № 3. – P. 31-36. – DOI 10.25791/vseist.03.2019.894. – EDN AAAPFW. (In Russ.).

GUCHEVA A.V. *Istoriya izucheniya etnomuzykal'noi kul'tury cherkesov v XVIII – seredine XX vv.* [The history of studying the ethnomusic culture of the Circassians in the 13th – mid-20th centuries]. In: Istoriya nauki i tekhniki. – 2012. – № 12. – P. 42-50. – EDN SPGWGH.

KESHEVA Z.M. *K voprosu o sostoyanii traditsionnoi muzykal'noi i tantseval'noi kul'tury gorodskikh kabardintsev* [On the state of traditional musical and dance culture among urban Kabardians]. In: Rossiya i Kavkaz: Materialy Mezhdunarodnoi yubi-leinoi nauchnoi konferentsii. Posvyashchennoi 235-letiyu prisoedineniya Osetii k Rossii, 150-letiyu so dnya rozhdeniya K.L. Khetagurova, 225-letiyu osnovaniya g. Vladikavkaz, Vla-dikavkaz, 06–07 oktyabrya 2009 goda. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2009. – P. 200-205. – EDN RZIEDR. (In Russ.).

KESHEVA Z.M. *Problemy transformatsii muzykal'noi kul'tury KBR v 90-e gg. XX V.: mezhdu samodeyatel'nost'yu i professionalizatsiei* [Problems of the Transformation of the Music Culture of the KBR in the 1990s: Between Amateurism and Professionalization]. In: Vestnik Kabardino-

Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanii. – 2025. – № 1(64). – S. 15-22. – DOI 10.31007/2306-5826-2025-1-64-15-22. – EDN WMOAPR. (In Russ.).

KESHEVA Z.M. *Stanovlenie i razvitie muzykal'noi kul'turynarodov Kabardino-Balkarii v 1920-1930-e gg.* [Formation and Development of the Musical Culture of the Peoples of Kabardino-Balkaria in the 1920s and 1930s]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanii. – 2022. – № 2(53). – P. 22-31. – DOI 10.31007/2306-5826-2022-2-53-22-31. – EDN DWHGKA. (In Russ.).

KESHEVA Z.M. *Tantseval'naya i muzykal'naya kul'tura kabardintsev vo vtoroi polovine XX veka* [The Dance and Music Culture of the Kabardians in the Second Half of the 20th Century]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2005. – 166 p. – EDN SGDELR. (In Russ.).

KESHEVA Z.M. *Stanovlenie i razvitie professional'noi muzykal'noi kul'tury ka-bardintsev* [Formation and Development of the Kabardian People's Professional Musical Culture]. In: Narody Severnogo Kavkaza i Rossiya : Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, k 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii, Adygei i Ka-rachaevo-Cherkesii s Rossiei, Nal'chik, 18 oktyabrya 2007 goda – 21 2008 goda. – Nal'chik: El'-Fa, 2007. – P. 240-250. – EDN RZCQRH. (In Russ.).

GUCHEVA A.V. *Istoriografiya cherkesskoi (adygskoi) etnomuzykologii* [Historiography of Circassian (Adyghe) Ethnomusicology]. In: Istoriya nauki i tekhniki. – 2018. – № P. – S. 32-42. – EDN XQLKEX. (In Russ.).

Информация об авторе
М.А. Сомгурова – аспирант.
Information about the author
M.A. Somgurova – graduate student.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-212-222
EDN: SLFPYA

ГУРЫЩIЭ МОТИВХЭР ТЫУАРШЫ АСЛЪЭН И «ПСЫКЪЕЛЪЭМ И МАКЪАМЭХЭР» РОМАНЫМ КЪЫЗЭРЫЩЫГЪЭЛЪЭГЪУАР

Бозий Наимэ Борис ипхъу
Бэрбэч Хь.М. и цIэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университет, Налшык, Урысей, naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Аннотацэ. Статьяр хуэгъэпсащ адыгэ (шэрджэс) тхакIуэ Тыуаршы Аслъэн Умар и къуэм (1929-2015) и «Псыкъелъэм и макъамэхэр» романым гурыщIэ макъамэхэр къызэрыщыгъэлъэгъуар зэпкърыхыным. Апхуэдэ щIэныгъэ лэжьыгъэ нобэр къыздэсым зэрыщымыIар мы тхыгъэм и мыхьэнэмрэ и щIэщыгъуагъымрэ щыхьэт тохъуэ. Къэхутэныгъэм гулъытэ лей щыхуэщIащ тхыгъэм и гупсысэ нэхъыщхьэр, образхэр зэпкърыхыным. Лэжьыгъэм къыщыхэгъэщхьэхукIащ тхакIуэм Дал-Джэрий, Тенджыз, Нэт, Зед сымэ я образхэр къызэрехъулIар. Къэхутэныгъэм кърикIуахэр статьям къыщыгъэлъэгъуащ: а) Тыуаршы Аслъэн образ гукъинэжхэр къигъэщIащ; б) романым и сюжетыр ехьэлIащ Кавказ зауэм адыгэ лъэпкъым къыхуихьа гуауэм; в) тхыгъэр лиризм щабэкIэ гъэнщIащ. «Псыкъелъэм и макъамэхэр» романым быдэу щызэпыщIащ зауэмрэ мамырыгъэмрэ, гъащIэмрэ ажалымрэ, гуауэмрэ гуфIэгъуэмрэ, лъагъуныгъэмрэ лъагъумыхъуныгъэмрэ. Тхыгъэм къыщыгъэлъэгъуащ лIыхъужьхэм я психологиер, персонажхэм я хьэл-щэн зэхуэмыдэхэр, я псэм щекIуэкI зэныкъуэкъур, фIыуэ зэрылъэгъуа ныбжьыщIэхэм я гурыщIэ дахэр. Къэхутэныгъэм кърикIуахэр лъэпкъ литературэр зыджхэмрэ езыгъэджхэмрэ, апхуэдэуи абы теухуауэ щIэныгъэ лэжьыгъэ зытххэм яхуэщхьэпэнущ.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: адыгэ (шэрджэс) литературэ, тхыдэ роман, Тыуаршы Аслъэн, лиризм, психологизм, гурыщIэ макъамэхэр, Кавказ зауэ, образхэр.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: Бозий Н.Б. ГурыщIэ мотивхэр Тыуаршы Аслъэн и «Псыкъелъэм и макъамэхэр» романым къызэрыщыгъэлъэгъуар // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 212-222. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-212-222. EDN: SLFPYA.

© Бозий Н.Б., 2026

Original article

LYRICAL MOTIVES IN THE NOVEL BY ASLAN TUARSHEV «MELODIES OF THE WATERFALL»

Naima B. Bozieva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Abstract. The article examines lyrical motifs and melodies in the novel "Melodies of the Waterfall" by the Adyghe (Circassian) writer Aslan Umarovich Tuarshev (1929-2015). The relevance and novelty of the study is due to the insufficient study of this topic in national literary criticism. The main attention is paid to identifying the main themes and analyzing the system of images. Particular attention is paid to the author's skill in creating psychologically convincing images of Dal-Girey, Tengiz, Nat and Zed, as well as in the use of portrait characteristics. As a result of the study, the following conclusions were made: a) sensitive perception of the surrounding world allowed A. Tuarshev to create a vivid gallery of memorable artistic images; b) the plot of the novel develops against the background of the events of the Caucasian War, which brings additional drama to the narrative; c) the work is imbued with lyrical motifs reflecting the complex interweaving of war and peace, life and death, joy and grief, love and hate. The novel reveals the psychology of the characters, gives a detailed description of their inner world. A. Tuarshev managed to reliably convey the spirit of the era and show the story of tragic love, with all the accompanying emotional experiences. The results of the study can be used in educational and research activities.

Keywords: Adyghe (Circassian) literature, historical novel, Aslan Tuarshev, lyricism, psychologism, lyrical melodies, Caucasian War, images.

For citation: Bozieva N.B. Lyrical motives in the novel by Aslan Tuarshev «Melodies of the waterfall». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 212-222. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-212-222. EDN: SLFPYA.

© Bozieva N.B., 2026

Научная статья

ЛИРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ТУАРШЕВА АСЛАНА «МЕЛОДИИ ВОДОПАДА»

Наима Борисовна Бозиева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия**,** naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Аннотация. В статье исследуются лирические мотивы в романе «Мелодии водопада» адыгского (черкесского) писателя Аслана Умаровича Туаршева (1929-2015). Актуальность и новизна исследования обусловлены недостаточной изученностью данной темы в национальном литературоведении. Основное внимание уделяется выявлению основной тематики и анализу системы образов. Особо отмечается мастерство автора в создании психологически убедительных образов Дал-Гирея, Тенгиза, Нат и Зеда, а также в использовании средств портретной характеристики. Исследование позволило сделать следующие выводы: а) чуткое восприятие окружающего мира позволило А. Туаршеву создать яркую галерею запоминающихся художественных образов; б) сюжет романа развивается на фоне событий Кавказской войны, что вносит дополнительный драматизм в повествование; в) произведение проникнуто лирическими мотивами, отражающими сложное переплетение войны и мира, жизни и смерти, радости и горя,

любви и ненависти. В романе раскрыта психология героев, дана развернутая характеристика их внутреннего мира. А. Туаршеву удалось достоверно передать дух эпохи и показать историю трагической любви, со всеми сопутствующими ей душевными переживаниями. Результаты исследования могут быть использованы в образовательной и научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: адыгская (черкесская) литература, исторический роман, Аслан Туаршев, лиризм, психологизм, лирические мелодии, Кавказская война, образы.

Для цитирования: Бозиева Н.Б. Лирические мотивы в романе Туаршева Аслана «Мелодии водопада» // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 212-222. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-212-222. EDN: SLFPYA.

© Бозиева Н.Б., 2026

Иджырей шэрджэс прозэм зегъэужьыным хэлъхьэныгъэфI хуэзыщIахэм ящыщщ Тыуаршы Аслъэн Умар и къуэр (1929–2015). «Абы и цIэм епхащ иджырей цIыхум и хьэл-щэным, иджырей гъащIэм ехьэлIа темэм шэрджэс литературэм зыщиужьыныр» [Бекизова 2012: 172]. Зи сабиигъуэр зауэм хиубыдэу пасэу балигъ хъуа ныбжьыщIэхэм ящыщщ Тыуаршыр. Илъэс пщыкIуплI ны-бжьым иту ар станокым бгъэдэуват: «Апщыгъуэм, дауи, абы и гупсысэм къыхэхуагъэнкъым станокым и лажьэ макъыр щIэжьыуэ зыхуэхъуа и гъащIэ гъуэ-гур, Инжыдж уэрым ещхьу, зэтеувыIэ имыIэу ипэкIэ кIуэуэрэ зытемыукIытыхьыжыну лъэужь къызэринэкIыну» [Бемурзов 2006: 44–45]. Хэку зауэшхуэм и зэманми зауэ нэужь илъэсхэми гугъуехьри нэщIэбжьэри зи нэгу щIэкIа щIалэ цIыкIухэм я фэ дэкIам щыгъуазэ уещI иужькIэ итхыжа «ГъущIыр плъа щIыкIэ» художественно-документальнэ очеркым.

Тыуаршы А. адыгэбзэр фIыуэ ищIэрт, тхэнми пасэу гу хуищIат. «Ар сыт хуэдэ лэжьыгъэ IэнатIэ пэрымытами, къалэмыр зэикI игъэтIылъакъым. АбыкIэ сэбэп къыхуэхъуащ илъэс куэдкIэ «Ленин нур» (иджы «Черкес хэку») газетым зэрыщылэжьари» [Адыгские писатели… 2023: 100].

Тыуаршы А. и творчествэм къызэрыщIидзар очеркхэмрэ рассказхэмкIэщ. Очеркхэр газет тхыгъэм и жанрым иту гъэпсахэт, ахэр нэхъыбэу зытеухуар лэжьакIуэбэ пэрытхэрт. Очеркым и щэхухэр зэригъэщIа нэужь, тхакIуэм рассказ жанрыри къигъэIэрыхуащ.

И гъащIэ гъуэгуанэ мытыншымрэ и хъуэпсапIэ лъагэхэмрэщ Тыуаршым и художественнэ дунейм лъабжьэ хуэхъуар. Ар зэрыабрагъуэр къагъэлъагъуэ тхакIуэм и тхыгъэхэр иту дунейм къытехьа тхылъибгъум: «Очеркхэмрэ рассказхэмрэ» [Туаршев 1966], «ЛIыгъэр щагъэунэхум» япэ тхылъ [Туаршев 1967], «ЛIыгъэр щагъэунэхум» етIуанэ тхылъ [Туаршев 1971], «Испытание мужества» [Туаршев 1976], «Сэтэнейр къэгъагъэмэ» [Туаршев 1978], «Когда зацветет сэтэней» [Туаршев 1982], «Нобэ е зэи» [Туаршев 1993], «Дыщэ бгырыпх» [Туаршев 1998], «Псыкъелъэм и макъамэхэр» [Туаршев 2007].

«Абы и литературэ лэжьыгъэр къыщежьар «Ленин нур» газетым и редакцэм щылэжьа 1960–1962 илъэсхэрщ. Промышленнэ отделым и унафэщIу щыткIэрэ, ар фIыуэ щыгъуазэ мэхъур гъащIэм и зэхэлъыкIэм, зэманым къигъэув Iуэхугъуэхэм, къегъэIэрыхуэр журналист IэщIагъэр. Абы трегъэгушхуэри

зрепщытыр литературэм елэжьыным – етхыр очеркхэмрэ рассказхэмрэ» [Бемурзов 2006: 46].

«Тыуаршы Аслъэни «псэукIэщIэм» и гъукIэгъэсэнкъым, абы и дунейри, и гупсысэри зыпсыхьар къызыхэхъукIа совет гъащIэрщ. ТхакIуэм и романхэм я художественно-эстетикэ щытыкIэри, жанрым и къэухьри япэкIэ кIуэта пэтми, ахэри къызэрытэджыкIар езыр къызэрыхъукIа «жылагъуэ къупхъэрщ», абы щыгъуэ лъапIэныгъэ нэхъыщхьэу ялъытэу щытахэрщ. 80 гъэхэм икухэм къыщыщIэдзауэ екIуэкIа демократие зэхъуэкIыныгъэхэм, псом япэу нахуагъэр ищIыIу къызэрыхъуам ижь Тыуаршым и творчествэми къыщIихуащ» [Тимижев 2013: 125].

ТхакIуэм и прозэм къаруущIэ къыхыхьащ, нэхъапэкIэ зэхуэщIауэ щыта темэхэр къызэIухыныр абы къалэн нэхъыщхьэ щыхъуащ, къигъэщI лIыхъужьхэм я щыIэкIэ-псэукIэм щIилъхьэ гупсысэм лъэпкъ тхыдэм и плъыфэр ебэкIыу хуежьащ. Абы и щапхъэщ «Псыкъелъэм и макъамэхэр» (2007) романыр. Абы наIуэу къыхощ ар дунейм къыщытехьа лъэхъэнэм и плъыфэрэ зэман зэблэкIыгъуэм адыгэм и Iуэху еплъыкIэм къыщыхъуа зэхъуэкIыныгъэхэмрэ.

XIX лIэщIыгъуэм адыгэхэр зыхэта тхыдэ Iуэхугъуэшхуэхэрщ «Псыкъелъэм и макъамэхэр» романым и сюжетым лъабжьэ хуэхъуар. «Сюжетыр удихьэхыу гъэпсащ, тхыгъэм и бзэр къулейщ, персонажхэм я образхэр (Джэтокъуэ Дал-Джэрий, Зел. Болэт, Тенджыз) тхакIуэм къехъулIащ» [Адыгские писатели… 2023: 100].

Ар зытеухуар Кавказ зауэмрэ абы и Iэужьхэмрэщ. А лъэхъэнэм къыдэкIа тхыдэ романхэм къыщхьэщыкIыу, Тыуаршы А. и тхыгъэм лиризмэр нэхъ щытепщэщ. ТхакIуэр хущIокъу тхыдэм и пэжыпIэм цIыхухэм щыгъуазэ хуэщIыным.

«Тхыдэ романхэм зэрыщыхабзэу, Тыуаршы А. и «Псыкъелъэм и макъамэхэр» тхыгъэми хэтщ зэхэуэ гуащIэхэр къыщыгъэлъэгъуэжа теплъэгъуэхэри (псалъэм папщIэ, БеслъэнгъущI къалэр адыгэхэм зэрахъумар е ЛютIокъуэ деж щекIуэкIа зауэр, нэгъуэщIхэри), лIыгъэ зэхэгъэкIыпIэ къихута адыгэ щIалэхэм (Зед, Тенджыз сымэ) я зэфIэкIым теухуа Iыхьэхэри, лъэпкъым и цIыхухэр зэрауштыжу яхэта хамэ щэхурылажьэхэри, кавказ щIыналъэр зэпэзыубыда къэралыгъуэжьхэм я политикэ мыхъумыщIэхэри, гъэпцIагъэ зэрахьахэри» [История адыгской… 2021: 156–157]. «Псыкъелъэм и макъамэхэр», адрей тхыдэ романхэм къащхьэщыкIыу, нэхъыбэу зытещIыхьари щекIуэкI Iуэхугъуэ псори зэгъэщIылIэжари гурыщIэрщ. Ар езы романым и фIэщыгъэцIэми къыбжеIэ.

Романым и купщIэр урыс пащтыхьым и лIыкIуэу адыгэхэм я деж къигъэкIуэжа флигель-адъютант Тенджызрэ адыгэпщ Дал-Джэрий ипхъу Нэтрэ я лъагъуныгъэрщ. «Ауэ «псыкъелъэ макъамэр дежьууэ Нэт уэрэд жиIэу» къежьа, а гурыщIэ дахэр «псыкъелъэм гъыбзэ жиIэу» иухыжыным хуэзышар зауэ мыгъуэжьырщ, адыгэхэм «джаур зауэжь» зыфIащарщ» [Тимижев 2013: 126]. Тхыгъэм и сюжетыр иIыгъщ абы, гукъэкIыжу щытми, хъыбару яIуэтэжми, лIыхъужьхэр хэпщIауэ къекIуэкIми. Ахэр пэжагъ ин хэлъу тхыжащ, тхыдэм зи цIэхэр (фIыкIи IейкIи) къыхэзына дзэзешэхэр, лъэпкъым, цIыхубэм я пашэхэр хэту. ИтIани, псэм, гум ехуэбылIэ теплъэгъуэхэм тхыгъэм увыпIэшхуэ щаубыд. Романым къыщыгъэлъэгъуащ адыгэ лъэпкъым, а зэман бзаджэм ишэча хьэзабыр.

Абыхэм я нэгум щIэкIа гузэвэгъуэмрэ къатехьа леймрэ гущIэгъу яхуумыщIынкIэ Iэмал иIэкъым.

ТхакIуэм романым Iэзэу къыщегъэлъагъуэ адыгэ лъэпкъым и хабзэ хьэщыкъ узыщIыр, псалъэм папщIэ, хьэгъуэлIыгъуэр зэрекIуэкIыр, хьэщIэм, нэхъыжьым пщIэшхуэ зэрыхуащIыр, зэшхэм, зэныбжьэгъухэм яку дэлъ гуапагъыр, нэгъуэщI куэди. Тыуаршы Аслъэн и ехъулIэныгъэ нэхъ ин дыдэхэм ящыщу къэплъытэ хъунущ и образ къэгъэщIыкIэр, абыхэм я псэкупсэ дунейр хьэлэмэту зэриухуэр. Романым лъабжьэ хуэхъуар тхыдэрщ, ауэ тхакIуэм хузэфIэкIащ а зэманыр IупщIу художественнэ Iэмалхэмкlэ гъэщIэращIауэ, ди нэгу къыщIигъэхьэжын.

Тхыгъэр щIедзэ Iуэху пщэрылъ къыхуищIу Урысей пащтыхьым джыназ, флигель-адъютант Увжыкъуэ Тенджыз Кавказым къигъэкIуауэ. «Iуэхуу пщэрылъ къыпхуащIар зэрыбгъэзэщIэфым елъытащ цIыху мин бжыгъэхэм я гъащIэр, джыназ, лъэпкъ псом и гъащIэр зэрыхъуну дыдэр елъытагъэнкIи хъунущ» [Туаршев 2007: 7], – къыжреIэ графым. Иджыри къэс Тенджыз къыхуихуатэкъым Iуэху пщэрылъ къыхуащIар имыгъэзащIэу. Балигъ мыхъупауэ ар къыщыхутат пащтыхьым гъунэгъуу пыщIа дзэзешэшхуэхэм я дежи, хэт хуэмызами, фэ зытет щIалэ жан зытеубыдар фIыуэ къалъагъуу, бын пэлъытэу яIащ. Джыназхэм яхэтурэ Тенджыз къыщIэтэджащ и псалъэм хуэщыпкъэным, Iэдэбагъэм, и щхьэм пщIэ хуищIыжу лIыгъэ хэлъыным. Гурыхуагъэкlэ къахэщу, урысыбзэм къыщымынэу, франджыбзэми хуэкъулейуэ Кадет корпусыр къиуха нэужь, къулыкъу ищIэу ар дзэм хыхьэжат. Зауэ IуэхукIэ дэнэ къэрал къыщыщIимыдзами, хахуагъкIэ къыхуэт щымыIэу, къалэну хуагъэувым псынщIэу Iэмал къыхуигъуэтрэ, шынэ жыхуаIэр имыщIэу, зэфIиуду зыгъэзащIэ, псэм дыхьа офицер ныбжьыщIэр дзэзешэшхуэхэм къуэдзэу яIэну зэпаубыдырт. Иужьрей зэманым ар егъэза хъуат пащтыхьым пщэрылъ къыхуищIам. Ар ауэ къызэрымыкIуэ къэрал Iуэху гугъут, икIи абы и зэфIэгъэкIыным езы адыгэпщ Увжыкъуэ Тенджызи дуней дахащэ къыхузэIуихырт.

Тенджыз зыщыщыр Кавказырщ, ауэ, и адэ-анэр яукIа нэужь, абы и гъащIэм зэуэ зехъуэжри Урысейм щапI, иужьым абы къулыкъу щищIэу щIедзэ. Ар цIыху зэтетщ, еджагъэшхуэщ, куэдым хещIыкI, Iущщ, тэмакъкIыхьщ, лъэпкъым папщIэ, мамырыгъэм папщIэ щIэмыгупсысэу и псэр итыну хьэзырщ. Романым и пэм къыщыщIэдзауэ и кIэм нэс мамырыгъэм и телъхьэу, лъэпкъым и къэкIуэным щIэгупсысу, зауэр зэригъэувыIэным хущIэкъуу дегъэлъагъу тхакIуэм. Тенджыз Тыуаршым къыдегъэщIыху сыт хуэдэ лъэныкъуэкIи: лъэпкъым зэрыхущытри, ныбжьэгъугъэкIи (Далил, Зед), лъагъуныгъэкIи (Нэт). Сыт хуэдэ лъэныкъуэкIи уемыплъми а цIыху нэсым зы хьэл хэбдзыну хэплъа-гъуэркъым. Тенджыз и щхьэ закъуэ насыпым хущIэкъуркъым, и псэм езыр хуитыжкъым, ар абы иритащ Хэкум, мамырыгъэм, ныбжьэгъугъэм, лъагъуныгъэм. Кавказым къэса нэужь, Тенджыз йоблагъэ Джатокъуэ къуажэм япщ Дал-Джэрий и унэм, ауэ ар зэрырагъэблагъэу пщыр и гукъэкIыж шынагъуэхэм зэщIаубыдэ.

«– Сэ си цIэр Тенджызщ, пщы Увжыкъуэ Болэт тхьэмыщкIэ срикъуэщ, – жиIащ офицер щIалэм, – къысхуэвгъэгъу иджырэ къэс зэрыжызмыIар, си гъусэхэми яIэщIэгъупщыкIыжащ… Урысей пащтыхьым и деж къулыкъу щызощIэр…

Дал-Джэрий и пащхьэм топышэ къыщыуам хуэдэу, къаскIэри и щхьэм дэуеящ, Увжыкъуэ Болэт и цIэр щызэхихым. Гу лъатэкIэ игу гъущ, къэгузэвэжри, тахътэм здытесым абы зигъэхъеящ, плъыжьыбзэ хъури, итIанэ, и нэкIум лъы щIэмытыж хуэдэ, фагъуэ хъужащ. И Iэпэхэр зэрыкIэзызыр зэхищIэу и кIэ жыпым бэлътоку кърихри, пщIэнтIэпс къызытрихуа и натIэми и напэми телъэщIыхьащ.

«Зэрещхьыщэ! Увжыкъуэ Болэт къэтэджыжри лъыщIэж къысхуэкIуащ! – егупсыст ар, щилъэгъуар иджыпсту хуэдэ, офицер щIалэр къызэпиплъыхьу, – зэуэ щхьэ къэзмыщIыхуарэ мыр?!

Абы и нэгу щIэтт Болэт, щIагъщIэлъ нэхъ щымыгъыу, и щхьэгъусэ яукIар зыхэлъ пIэ лъы защIэм къиуварэ Дал-Джэрий япэ зэриту тебэна лIыхэм сэшхуэкIэ къайзауэу гъуэлъыпIэм щита дакъикъэхэр…» [Туаршев 2007: 11]

Мы пычыгъуэхэр епхащ тхыгъэм адэкIэ къыщыхъу Iуэхугъуэхэм, Дал-Джэрий Тенджыз и хущытыкIэм, сыт щыгъуи дзыхь хуимыщIу зэрыщытым. Тенджыз хуейкъым лъы игъэжэну. Романым и кIэхэм дежщ абы Iуэхур зытетыр къыщищIэр, ауэ и Iуэху еплъыкIэхэр ихъуэжкъым, лъэпкъ Iуэхур, лъагъуныгъэр нэхъапэу къелъытэри. Абы къыгуроIуэ а Iуэхум (адэ-анэр зэраукIам) хэтахэр гъэпцIагъэкIэ зэрыхагъэхьар, абы къыхэкIкIи зыми ялъ ищIэжыну хуейкъым, ауэ Дал-Джэрий къэгъэшыгъуафIэкъым мы Iуэхум теухуауэ. Пщым и дзыхь мыщIынымрэ, жыжьэ зэрымыплъамрэ гузэвэгъуэ куэд кърокIуэ.

«Псыкъелъэм и макъамэхэм» Тыуаршым Iэзэу къыщегъэлъагъуэ а зэманым пщыхэм я зэхуаку зэгурымыIуэныгъэ зэрыдэлъар, зы унафэ зэгурыIуэу зэрамыщIыфыр. Тенджыз и Iущыгъэм, и гу къабзагъэм къыхэкIыу хузэфIокI ахэр зэгуригъэIуэн, дахэ защIэкIэ, псалъэ шэрыуэкIэ Iуэхур зытетыр яхуиIуэтэн: «ТхьэмыщкIагъэу лъэпкъым къылъэIэсам къарукIэ ущыпэмылъэщкIэ, акъылыр Iэпэгъу щIауэ лъэпкъым шынагъуэр щхьэщыха зэрыхъуным егупсысын хуейщ. Уэр-уэру, уи щхьэ акъылкIэ уегупсысмэ къыбгурыIуэнкIи игъуэщ уи щIыналъэ зыпылъ къэралышхуэм уебийуэ зыпэщIумытIэу, узэгурыIуэу, цIыхугъэ уи яку дэлъу упсэун папщIэ Iэмалу щыIэр къэбгъэсэбэпын зэрыхуейр» [Туаршев 2007: 115].

Тенджыз псэ хьэлэл зыбгъэдэлъ, лъагъуныгъэ къабзэ зи лъахэм хузиIэ, абы и щхьэхуитыныгъэм, и насыпым и бэнакIуэ псэемыблэж, къыдалъхуахэм я зэIузэпэщыр зи щхьэ Iуэхум япэ изыгъэувэ цIыхущ.

Нэт адыгэ хэкум щыцIэрыIуэ пщы Дал-Джэрий ипхъущ, Тенджыз фIыуэ илъагъу пщащэщ. Мыхэр япэу щызэрылъэгъуар Дал-Джэрий и хьэщIэщырщ, Iэнэр къиузэдыну абы щIыхьат Нэт: «Пщащэ цIыкIум и щхьэц ухуэнар и щIыбкIэ иридзэкIри и напэр мащIэу плъыжь къэхъуауэ, жьантIэмкIэ къежьащ. Дыжьын бгырыпх цIыкIур зэшэкIа ибг псыгъуэр мащIэу иришу ар къыздэкIуэм Тенджыз и нэхэр ерагъыу къыкIэричыжащ…» [Туаршев 2007: 15].

Тенджыз Нэт хуиIэ щытыкIэр романым мыпхуэдэу къыщыгъэлъэгъуащ: «Дунеишхуэ, нурыр къыщхьэщехыр! Сыту псэущхьэ дахэ атIэ мы цIыкIур! – егупсыст ар. Тенджыз зэхищIэт а пщащэр зэрилъагъурэ зыгуэр къызэрыхъуар, нэхъри нэху, икIи нэхъ гуапэ хъуа къыщыхъут ахэр зыщIэс пэшыхуэр, щIэрыщIэщу абы къызэпиплъыхьт щакIуэ нэщэнэу блынхэм кIэрылъхэр» [Туаршев 2007: 18].

Нэт хъыджэбз тхьэIухудщ, хабзэ ткIийм щIапIыкIащ, еджэным и гур хуопабгъэ, и ныбжьым емылъытауи лIыгъэшхуэ бгъэдэлъщ. Зэхуэфащэ дыдэу зришэлIат мы тIур гъащIэм, зэман кIэщIкIэ зыхуогуакIуэ езыхэри, ауэ гугъуехь куэд къызэранэкIын хуей мэхъу. А псоми хахуэу япэщIоувэ фIыуэ зэрылъагъуитIыр, я лъагъуныгъэ хеймрэ я насыпымрэ зэман бзаджэм щахъумэн я мураду.

Психологизм куукIэ гъэнщIащ Дал-Джэрий и образыр. Ар пщы ахъырзэманщ, ткIийщ, еджагъэшхуэу щымыт щхьэкIэ гъащIэм куэд щилъэгъуащ, куэдым и пIалъэ ещIэ, хещIыкI. Адрей тхакIуэхэм къащхьэщыкIыу Тыуаршым пщы залымыгъэм и образкъым къигъэщIыр, атIэ пщы акъылыфIэщ, лъэпкъым и къэкIуэным тегузэвыхьу. «Уи лъэпкъым хуэпщIар пщIа псом нэхърэ нэхъ лъапIэщ» псалъэжьыр сыт щыгъуи и щхьэм илъщ абы, икIи и гум къамэр къыхаIуху и къуаншагъэр игъэзэкIуэжыну хущIокъу. Дал-Джэрий и образымкIэ тхакIуэм дегъэлъагъу, цIыху закъуэтIакъуэ мыхъуу, адыгэ лъэпкъым зэрыщыту щIэныгъэм зратын зэрыхуейр. Дал-Джэрий ищIа щыуагъэхэр къыгурымыIуэныгъэм, Iуэхум и пэжыпIэр зытетыр зэримыщIам къыхэкIащ. Пщыр, цIыхухэр езым хуэдэу хьэлэлрэ я гум илъыр жаIэу къыщыхъуа щхьэкIэ, къопцIэ. Ахэр къыгурыIуэжу, ичрам къихьыжа нэужьи зыми къыхуегъэгъэзэжкъым. Романым укъыщеджэм и деж, псом япэ зэхыбощIэ пщым и гуауэр. Абы хуабжьу къытохьэлъэ ипэкIэ узэIэбэкIыжмэ къыIэщIэщIа щыуагъэр. Дал-Джэрий и гур къызэгуэчыным хуэдэщ, нэхъыбэжу къэзыгъэлыбыр и гухэлъхэр и Iыхьлыхэм зэражримыIэжыфырщ, ауэ дапхуэдиз бэлыхь псэкIэ имышэчами, губжьауэ унафэ щIын зэрыхуэмейр къыгуроIуэ, Iуэхур лъэпкъым деж щынэсам дежи и щхьэ закъуэкъым зэгупсысыр. Тенджыз и деж зэрыщыкъуаншэр къыгурыIуэжащи, апхуэдэ лейр щIалэм имыгъэгъуну къыщохъу, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ езы Дал-Джэрий зэи игъэгъунутэкъым. Аращ пщым етIуанэ щыуагъэри къыщIыIэщIэкIыр, ауэ ар бгъэкъуаншэ хъунукъым, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ Дал-Джэрий зыщIапIыкIа хабзэжьым тету аращ. ЩIэ ягъэIущ щхьэкIэ, жьы яущиижрэ?!

Пщы Дал-Джэрийрэ Тенджызрэ зэпэщIегъэувэ Тыуаршым. ТIуми гъащIэм нэхъыщхьэу щаIэр лъэпкъым и ефIэкIуэныгъэмрэ хэкур хъумэнымрэщ. Пщым и Iуэху еплъыкIэм къыщхьэщыкIыу Тенджыз и мурадхэр къызэрехъулIэным и Iэмалу илъагъур Урысей къэралыгъуэм и жьауэм щIэувэнырщ: «Адыгэ лъэпкъыр и щIыгурэ и щIыхьрэ ихъумэжыфу, цIыху хуэдэу псэун папщIэ, зы къэралу зэрыубыдыжрэ зы унафэм щIэувэу, Iэдэбыр здэткIий, хэкур хъумэным хухэха дзэшхуэ къызэригъэпэщын хуейт, IэщэкIи, шхынкIи, фащэкIи зыхуэныкъуэншэу. НэгъуэщI къэралхэм еджакIуэ игъакIуэми, егъэджакIуэхэр къригъэблагъэми, зэрыжаIэу, дзэзешэхэр иримыгъаджэмэ, ди зэманым дзэ сыугъуеящ жыхуэпIэр зыми щыщкъым» [Туаршев 2007: 18].

Дэтхэнэ цIыхуми и унагъуэр, и щхьэр зэрихъумэжым и щапхъэ къытхуехь тхакIуэм пщы Дал-Джэрий и образымкIэ. Тенджыз езым игъэхьэщIэн хуейуэ къыщыхуихуэкIэ, куэдым йогупсыс ар, и гугъэщ и унагъуэм зэран хуэхъун папщIэ, езым и псэр хихын и мураду а унагъуэр бысыму къыхихауэ, ауэ ар и етIуанэ щыуагъэшхуэу къыщIокI. А псор зи щхьэм илъ пщым и фIэщ ищIыфыну

къару игъуэткъым Тенджыз адыгэ лъэпкъым яфI фIэкI зэрызэримыхуэр, «лъыщIэж къэкIуам» хэку лъагъуныгъэр телъхьэпIэ ищIауэ къыфIощI.

ТхакIуэм и ехъулIэныгъэ инхэм ящыщ зыщ мы образитIыр зэрызэпэщIигъэувэр. КуэдкIи зэщхьу я хьэл-щэныр, гъащIэм я лъапIэныгъэхэри зэтехуэу, ауэ я кум къыдэувэ Iуэхугъуэ гугъухэм контраст лъэщым ирагъэувэ: Тенджыз и лъэпкъым хуиIэ лъагъуныгъэм гъуэгу къытригъэувами, а гъуэгур пищэжын папщIэ, Нэт и лъагъуныгъэм хуэныкъуэ мэхъу, Дал-Джэрий и хэкур ихъумэжын мурад иIами, и унагъуэр Тенджыз щихъумэн хуейуэ егъэув. Апхуэдэщи, романым зиубгъухукIэ, лIыхъужьхэм я гъащIэм абы щаIэ лъапIэныгъэхэм зэрызахъуэжым гу лъомытэнкIэ Iэмал иIэкъым, апщIэндэхукIи пщымрэ офицер щIалэмрэ нэхъ быдэжу зэпэщIоувэ. Нэхъ зэщхьэщыкIыныгъэшхуэу образитIым я зэхуаку къыдилъхьэр Тенджыз мурад зыхуигъэувэжахэр, къалэн и пщэм дэлъхэр сыт хуэдэ Iуэху къэмыхъуами зэригъэзащIэрщ, Дал-Джэрий и гупсысэ нэпщIхэм къыхэкIыу къэкIуэным егупсысыну, лъэпкъыр гъуэгу захуэм хуишэну къару зэримыгъуэтыфырщ.

Дал-Джэрий лъэныкъуэ зэмылIэужьыгъуэ куэдкIэ дегъэлъагъу Тыуаршым, ауэ езыр зэрыщыт дыдэр къыщытщIэр и гукъэкIыжхэм дащыхэплъэмрэ и щхьэм хуэгъэза монолог щригъэкIуэкIымрэщ. ГукъэкIыж нэхъ хьэлъэ дыдэу абы иIэр Беслъэнгъущ шуудзэ гупым я дзэпщу зэрыщытамрэ Увжыкъуэхэ я унагъуэр зэрызэтраукIамрэщ: «АтIэ лъы дощIэж жытIэурэ лажьэ зимыIэ зэ-щхьэгъусэхэр зытедукIауэ пIэрэт а жэщым?! – и гущIэм еIэт Дал-Джэрий. – Апщыгъуэм Увжыкъуэ Болэткъым дыукIар, дэ зыдукIыжащ нэхъ…» [Туаршев 2007: 45].

Тенджыз дэIэпыкъуэгъу къыхуэхъуауэ, сэбэпынагъышхуэ лъэпкъым къыхуихьауэ къыхощыж Дал-Джэрий и малъхъэ Зед. Акъыл жан, псэ хьэлэл, щIэныгъэшхуэ, гулъытэ, гущIэгъу зыбгъэдэлъ цIыху ахъырзэманщ ар. Тенджызрэ Зедрэ Дал-Джэрий и унэм нэIуасэ щызыхуэхъуащ. Зед гу лъетэ Тенджыз и Iущагъым, икIи къыгуроIуэ абы и чэнджэщхэр зыхалъхьэмэ адыгэ лъэпкъыр зэрефIэкIуэныр. Мурад ещI зэрыхузэфIэкIкIэ Тенджыз дэIэпыкъуну. Ар хуабжьу и гуапэ хъуащ Тенджызи. Ар акъылэгъу хуэныкъуэщ. Тенджыз гузавэт, икIи сабийм хуэдэу мэгуфIэ и мурадхэр зыгуэрым къыгурыIуэрэ къыдиIыгъмэ. Апхуэдэ цIыху хъуащ Зед. Пэжщ, Зеди, уеблэмэ, ипэхэм и гугъэт Урысейм зауэлIхэр зыхуашэсрэ япэщIэувэмэ нэхъыфIу, ауэ иужькIэ къыгуроIуэ Тенджызрэ Дал-Джэрийрэ я фIыгъэкIэ, ар зэрымыхэкIыпIэр, зыми щымыщу цIыхухэр зэрыхэкIуэдэнур. ИтIанэ абыхэм яхузэфIокI пщыхэм Iуэху еплъыкIэ тэмэмыр кърагъэщтэныр.

ТхыгъэмкIэ Тыуаршы Аслъэн дегъэлъэгъу къарукIэ узыпэмылъэщын Iуэхугъуэ куэд зэрыщыIэр, IэмалкIэ абыхэм уазэрыпхыкIыфынур, уи щхьэ закъуэ насыпкIэ упсэуныр зэрыикIагъэр, уи гум илъ лъагъуныгъэм хуэпэжын зэрыхуейр. Хуэпэжащ Тенджыз и лъагъуныгъэми, и псэр пытыху хущIэкъуащ мамырыгъэр ихъумэным, и Хэкур химыгъэкIуэдэжыным. КъехъулIауэ жыпIэ хъунущ абы Хэкум теухуауэ ищIа мурад дахэхэр, ауэ дэнэ щыIэ и ныбжьэгъухэр? Дэнэ кIуа апхуэдизу сэбэп къыхуэхъуа и къуэшхэр?! Ятащ абыхэм я псэр я лъахэм, мамырыгъэм папщIэ.

«Псыкъелъэм и макъамэхэр» романым XIX лIэщIыгъуэр къыхэщыжу щытми, тхакIуэм лIыхъужь нэхъыщхьэхэм я дуней еплъыкIэр зэриухуэр

иджырей ди гупсысэкIэм тетущ. Тыуаршым зэманым хуэкIуэу щIалэгъуалэри ихъуэ-жым нэхъ къещтэ. ЩIалэгъуалэми и мызакъуэу нэхъыжьхэми я гупсысэкIэм куэдкIэ зэрызахъуэжами гу щылъыботэ тхыгъэм. Псалъэм папщIэ, пщы Дал-Джэрий хабзэжьым тету, хабзэщIэкъуу романым и пэщIэдзэм дегъэлъагъу тхакIуэм, ауэ образыр нэхъ къыщытцIыхум деж, а цIыхум зэпэщIэуэ хьэл куэд зэрыхэлъыр гунэс тщохъу.

Романым хэт ныбжьыщIэхэм акъыл жан ярет тхакIуэм, нэхъыжьыIуэхэм я Iуэху еплъыкIэхэм, зэманыжь блэкIам зэкIэращIэу щытхэм къащхьэщыкIыу. Тенджыз, Нэт, Далил, Линэ, Зед – псори акъылыфIэхэу, куэд зрагъэзахуэу дегъэлъагъу. Ауэ ныбжьыщIэхэри тегушхуэркъым лъэпкъым и гъащIэм быдэу хыхьауэ къыдекIуэкI хабзэжь гуэрхэм ебэкъуэн. Абы и щапхъэу къэтхьынщ Тенджыз щежьэм и гъусэу ежьэну зэлъэIуа Нэт и жэуапыр:

«Сыуигъусэу сынэкIуэн мыгъуэт, Тенджыз, ауэ апхуэдэу пщIэну Iэмал иIэкъым, – уэ адыгэ лъэпкъым и гъащIэр зэлъыта Iуэху уи пщэ илъщ, арыншэми пщыхэм ерагъкIэ уагурыIуащ, сыуигъусэу сынэкIуа нэужь абыхэм уаIущIэ хъужынукъым… Уэ уи щхьэ Iуэху зепхуэу ахэр къэбгъэпцIауэ жаIэнщи, дзыхь къыпхуащIыжынкъым… Адрейхэми къагурыIуэнукъым, тIэкIунитIэ Iуэхур къызэIыхьэу зэрыхуежьэу укъыщIагъэкIуар уи мыIуэхуауэ нэгъуэщI Iуэху зепхуауэ жаIэжынущ…» [Туаршев 2007: 134].

Дапхуэдиз гугъуехь имышэчами, Урысейм зэрихьэжу офицер щIалэм къыгурыIуащ дзэм Кавказым зэриунэтIар, и гугъэ псори нэпцIу къызэрыщIэкIар. Хуабжьу къехьэлъэкIащ абы и мурадхэр къызэремыхъулIар, Велиштак я Iэтащхьэу Адыгэ хэкум зэраунэтIам нэхъ хуабжьыжу къигъэгузэват, абы залымыгъэ куэд зэрызэрихьэр псоми ящIэрт. Псэууэ къызэтена Нэт закъуи и лъэпкъыр, и Iыхьлы цIыху лъапIэхэр щызэтраукIа щIыпIэм къигъэзэжыну къару игъуэтыжакъым.

«Псыкъелъэм и макъамэхэр» романымкIэ тхакIуэр хущIэкъуащ, фэрыщIагъ лейхэм къапыкIыу, адыгэм и псэукIар, гукIэ зэригъэзахуэ Iуэхугъуэхэр, псэкIэ зыхищIэ дунейр нэхъ кууэ къигъэлъэгъуэн. Романым ехьэлIауэ едгъэкIуэкIа кIэлъыплъыныгъэхэм къызэрагъэлъэгъуащи, сыт хуэдэ щытыкIэ гугъу имыхуами, тхакIуэм и лIыхъужь нэхъыщхьэхэм яфIэкIуэдыркъым я адыгагъэр. Ар гъуазэу къахуонэж зауэм Iухьэ зауэлIми, зэпсэлъэныгъэхэр езыгъэкIуэкI лIыкIуэми, пщыми, къызэрыгуэкI мэкъумэшыщIэми. ТхакIуэм щIиуфэркъым лъэпкъым и зыужьыныгъэм зэран хуэхъу хабзэжьхэри. Мыхэр фIыщ е мыхэр Iейщ жиIэу, тхакIуэм иукъуэдийркъым, фIымрэ Iеймрэ зэхэгъэкIыныр абы тхылъеджэхэм къахуегъэнэж, и образ гукъинэжхэм ящIыгъуу. Апхуэдэ Iэмалым, романыр инми, еджэгъуафIэ икIи гурыIуэгъуафIэ ищIащ Тыуаршым и тхыгъэ щIэщыгъуэр.

«Псыкъелъэм и макъамэхэр» романым щызэпыщIащ зауэмрэ мамырыгъэмрэ, гуауэмрэ гуфIэгъуэмрэ, гъащIэмрэ ажалымрэ, лъагъуныгъэмрэ лъагъумыхъуныгъэмрэ. Тхыгъэм убгъуауэ къэгъэлъэгъуэжа щыхъуащ лIыхъужьхэм я психологиер, персонажхэм я хьэл-щэн зэхуэмыдэхэр, я псэм щекIуэкI зэныкъуэкъур, фIыуэ зэрылъэгъуа ныбжьыщIэхэм я гурыщIэ дахэр. Романыр лиризм щабэкIи гъэнщIащ. Абы тхыгъэр инми, еджэгъуафIэ ещI икIи утезашэркъым. Шэч къытумыхьэжу жыпIэ хъунущ Тыуаршы Аслъэн и романыр дызыте-

псэлъыхь лъэхъэнэм теухуауэ дунейм къытехьа тхыгъэ нэхъыфIхэм ящыщ зыуэ, лъэпкъ тхыдэ прозэм и хэлъхьэныгъэ щхьэпэу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгские писатели… 2023 – Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв. Биобиблиографический словарь. В 3-х тт. Т. III: Р–Я / под ред. Л.Б. Хавжоковой. – Нальчик: Принт Центр, 2023. – 432 с.

История адыгской… 2021 – *История адыгской (кабардино-черкесской) литературы.* Т. 3 [На каб. -черк. яз: Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэм и тхыдэ. Ещанэ тхылъ]. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. – 508 с.

Бекизова 2012 – *Бекизова Л.А.* Бытие слова. Литературно-критические и художественно-публицистические статьи. – Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2012. – 184 с.

Бемурзов 2006 – *Бемурзов М.Х., Молов Р.Ю.* Адыгская литература: учебник для 11 класса [На каб.-черк. яз.: Бемырзэ М.Хь., Молэ Р.Ю. Адыгэ литературэ: учебник 11 классым папщIэ]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 2006. – С. 44–50.

Тимижев 2013 – *Тимижев Х.Т.* Черты эпохи по взгляду одного писателя [На каб. -черк. яз.: ТIымыжь Хь.Т. Лъэхъэнэм и плъыфэхэр – зы тхакIуэм и еплъыкIэкIэ // Ошхамахо. – 2013. – № 3. – С. 123–130.

Туаршев 1966 – *Туаршев А.У.* Очерки и рассказы [На каб. -черк. яз.: Тыуаршы А.У. Очеркхэмрэ рассказхэмрэ]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1965. – 150 с.

Туаршев 1967 – *Туаршев А.У.* Испытание мужества. Первая книга [На каб. -черк. яз.: Тыуаршы А.У. ЛIыгъэр щагъэунэхум. Япэ тхылъ]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1967. – 200 с.

Туаршев 1971 – *Туаршев А.У.* Испытание мужества. Вторая книга [На каб. -черк. яз.: Тыуаршы А.У. ЛIыгъэр щагъэунэхум. ЕтIуанэ тхылъ]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1971. – 235 с.

Туаршев 1976 – *Туаршев А.У.* Испытание мужества. Повесть. – Москва: Современник, 1976. – 240 с.

Туаршев 1978 – *Туаршев А.У.* Когда зацветет сэтэней: Роман [На каб. -черк. яз.: Тыуаршы А.У. Сэтэнейр къэгъагъэмэ: Роман]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1978. – 424 с.

Туаршев 1982 – *Туаршев А.У.* Когда зацветет сэтэней: Роман. – Москва: Современник, 1982. – 350 с.

Туаршев 1994 – *Туаршев А.У.* Сегодня или никогда: Роман [На каб. -черк. яз.: Тыуаршы А.У. Нобэ е зэи: Роман]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1994. – 424 с.

Туаршев 1998 – *Туаршев А.У.* Золотой пояс: Повесть. Рассказы. Очерки [На каб. -черк. яз.: Тыуаршы А.У. Дыщэ бгырыпх: Повесть. Рассказхэр. Очеркхэр]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1998. – 272 с.

Туаршев 2007 – *Туаршев А.У.* Мелодии водопада: Роман [На каб. -черк. яз.: Тыуаршы А.У. Псыкъелъэм и макъамэхэр: Роман]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 2007. – 448 с.

REFERENCES

Adygskie (adygejskie, kabardinskie, cherkesskie, cherkesskogo zarubezh'ya) pisateli XIX–XXI vv. Biobibliograficheskij slovar' [Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian diaspora) writers of the 19th–21st centuries. Biographical dictionary]. In 3 volumes. Vol. III: R–Ya / edited by L.B. Khavzhokova. – Nalchik: Print Center, 2023. – 432 p. (In Russ. and Kabardian-Circassian)

Istoriya adygskoi (kabardino-cherkesskoi) literatury [History of Adyghe (Kabardino-Circassian) literature]. T. 3 [Na kab. -cherk. yaz: Adyge (k"eberdei-sherdzhes) literaturem i tkhyde.

Eshchane tkhyl"]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2021. – 508 p. (In Kabardian-Circassian)

BEKIZOVA L.A. *Bitie slova. Literaturno-kriticheskie i khudozhestvenno-publitsisticheskie stati*. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe respublikanskoe knizhnoe izdatelstvo. 2012. – 184 p. (In Russ.)

BEMURZOV M. Kh. MOLOV R.Yu. *Adigskaya literatura: uchebnik dlya 11 klassa* [Na kab.-cherk. yaz.: Bemirze M.Kh. Mole R.Yu. Adige literature: uchebnik 11 klassim papshchIe]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatelstvo. 2006. – P. 44–50. (In Kabardian-Circassian)

TIMIZHEV Kh.T. Cherty epokhi po vzglyadu odnogo pisatelya [Na kab. -cherk. yaz.: TIimizh Kh.T. Lekhenem i plifekher – zi tkhakIuem i yeplikIekIe // Oshkhamakho. 2013. № 3. P. 123–130. (In Kabardian-Circassian)

TUARSHEV A.U. *Ocherki i rasskazi* [Na kab. -cherk. yaz.: Tiuarshi A.U. Ocherkkhemre rasskazkhemre]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatelstvo. 1965. – 150 p. (In Kabardian-Circassian)

TUARSHEV A.U. *Ispitanie muzhestva. Pervaya kniga* [Na kab. -cherk. yaz.: Tiuarshi A.U. LIiger shchageunekhum. Yape tkhil]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatelstvo. 1967. – 200 p. (In Kabardian-Circassian)

TUARSHEV A.U. *Ispitanie muzhestva. Vtoraya kniga* [Na kab. -cherk. yaz.: Tiuarshi A.U. LIiger shchageunekhum. YetIuane tkhil]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatelstvo. 1971. – 235 p. (In Kabardian-Circassian)

TUARSHEV A.U. *Ispitanie muzhestva. Povest.* – Moskva: Sovremennik. 1976. – 240 p. (In Russ.)

TUARSHEV A.U. *Kogda zatsvetet setenei: Roman* [Na kab. -cherk. yaz.: Tiuarshi A.U. Seteneir kegageme: Roman]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatelstvo. 1978. – 424 p. (In Kabardian-Circassian)

TUARSHEV A.U. *Kogda zatsvetet setenei: Roman.* – Moskva: Sovremennik. 1982. – 350 p. (In Russ.)

TUARSHEV A.U. *Segodnya ili nikogda: Roman* [Na kab. -cherk. yaz.: Tiuarshi A.U. Nobe ye zei: Roman]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatelstvo. 1994. – 424 p. (In Kabardian-Circassian)

TUARSHEV A.U. *Zolotoi* poyas: *Povest. Rasskazi. Ocherki* [Na kab. -cherk. yaz.: Tiuarshi A.U. Dishche bgiripkh: Povest. Rasskazkher. Ocherkkher]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatelstvo. 1998. – 272 p. (In Kabardian-Circassian)

TUARSHEV A.U. *Melodii vodopada: Roman* [Na kab. -cherk. yaz.: Tiuarshi A.U. Psikelem i makamekher: Roman]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatelstvo. 2007. – 448 p. (In Kabardian-Circassian)

Авторым теухууэ
Бозий Н.Б. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат, доцент.
Information about the author
N.B. Bozieva– candidate of philology, docent/
Сведения об авторе
Н.Б. Бозиева– кандидат филологических наук, доцент.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 30.11.2025 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.03.2026 гъ.; къытрадзэнущ 30.03.2026 гъ.

The article was submitted 30.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Статья поступила в редакцию 30.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-223-233
EDN: TCABIV

ПОСТМОДЕРНИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ТАМАРЫ БЕРТОВНЫ ГУРТУЕВОЙ

Армине Владимировна Каспарова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, armina.kasparova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4717-7244

Аннотация. В данной работе проанализированы истоки и тезисы постмодернистской поэзии Северного Кавказа на материале монографии Т.Б. Гуртуевой «Маленький человек с большой буквы», изданной в 1994 году. Зафиксированы изменения художественности, связанные с выдвижением на первый план силы и новизны высказывания. Установлены также и другие критерии, связанные с постмодернистским стилем повествования, в их числе деконструкция сюжета, интертекстуальность, ирония и др. Учитывая общемировые события XX века, приведшие общество к состоянию постмодерна, подтвержден и интернациональный подход к обозначению этого термина. В исследовании представлены первые попытки описать уникальные черты поэтического дискурса Северного Кавказа. Автор статьи обращает внимание на этнический метакод, который, согласно теории Г. Гачева о Космо-Психо-Логосе, народа влияет на все сказанное и написанное.

Ключевые слова: Тамара Гуртуева; постмодернизм; Северный Кавказ; поэзия; мировая литература; романтизм; модернизм.

Для цитирования: Каспарова А.В. Постмодернизм на Северном Кавказе: анализ теоретических концепций Тамары Бертовны Гуртуевой // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 223-233. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-223-233. EDN: TCABIV.

© Каспарова А.В., 2026

Original article

POSTMODERNISM IN THE NORTH CAUCASUS: AN ANALYSIS OF TAMARA BERTOVNA GURTUEVA'S THEORETICAL CONCEPTS

Armine V. Kasparova
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, armina.kasparova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4717-7244

Abstract. This work analyzes the origins and theses of postmodern poetry in the North Caucasus based on the monograph "The Little Man with a Big Letter" by T.B. Gurtueva, published in 1994. It identifies changes in artistic quality related to the emphasis on the power and novelty of the message. The work also establishes other criteria associated with the postmodern narrative style, including the deconstruction of the plot, intertextuality, irony, and others. Taking into account the global events of the 20th century that led society to a postmodern state, the international approach to defining

this term has been confirmed. The study presents the first attempts to describe the unique features of the poetic discourse of the North Caucasus. The author of the article draws attention to the ethnic meta-code, which, according to G. Gachev's theory of the Cosmo-Psycho-Logos of a nation, influences everything that is said and written.

Key words: Tamara Gurtuyeva; postmodernism; North Caucasus; poetry; world literature; romanticism; modernism.

For citation: Kasparova A.V. Postmodernism in the North Caucasus: An Analysis of Tamara Bertovna Gurtueva's Theoretical Concepts. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 223-233. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-223-233. EDN: TCABIV.

© Kasparova A.V., 2026

Введение

Постмодернистская культура, зародившаяся во второй половине XX в., в рамках глобализационных процессов оказалась масштабным явлением, охватившим многие страны и культуры. Духовная ситуация кризиса и абсурда отражала самые глубокие травмы человека XX в. В рамках новой концепции мысли человечество ощутило себя запертым в огромном пространстве разноплановых событий, которым оказалась чужда бинарность оппозиций, каноничные иерархичные связи, мораль и глубина. Важным этапом возникновения таких умонастроений оказалась невозможность существования высоких идей модернизма, которые по сути явились логическим продолжением ценностей Нового времени, с присущими ему романтизмом, высокими идеалами, верой в прогресс и ожиданием будущего как формы высокотехнологичного и идеального мира. Вместо логичного развития и созидания общество погружается в упадок и анархию смыслов, меняя все конструкции и положения модернизма, теряя центр мысли и форму, погружаясь в метафоричное молчание.

Единой точкой отсчета постмодернистского кризиса стали события двух мировых войн, создание атомной бомбы, моральные и экологические катаклизмы. Выражая степень упадка морали, Теодор Адорно, последователь Франкфуртской школы, задается вопросом, возможна ли поэзия после Освенцима [Адорно 2003]. В действительности, поэтическое слово, до этого в большинстве своем ассоциирующееся с пафосом героизма, свободы и индивидуальности, обрело поэтику предметности, интертекстуальности. Поэзия преодолела академические рамки, став вызовом и получив черты перфоманса и китча по всему миру.

Актуальность данного исследования лежит в плоскости выявления и осмысления постмодернистской художественной культуры в контексте исследований литературоведа Тамары Бертовны Гуртуевой (р. 1950). На материале ее монографии «Маленький человек с большой буквы» мы проанализируем основные тезисы, выдвигаемые специалистом, а также на примере поэтических текстов рассмотрим идейную составляющую постмодернистской поэзии Северного Кавказа.

Впервые «постмодернизм» стал частью духовной ситуации северокавказского пространства в 1990 гг., судя по трудам Т.Б. Гуртуевой. В книге «Маленький человек с большой буквы», опубликованной в 1994 г., исследовательница приводит теоретические и практические обоснования постмодернизма на

материале поэтических текстов. Важно отметить, что автор оставляет в стороне национальный вопрос, обозначая все, что написано на русском языке – в данном случае в поэтической форме – русской поэзией.

Подход к пониманию сути постмодернизма представлен в предисловии к изданию. В нем говорится, что центральным философским аспектом в теории возникновения постмодернизма является кризис широко понятого романтизма, осознание неблагополучия мира и стремление к его изменению. Мир реальный казался романтикам текучим и неинтересным, тогда как развитие, бесконечное и нескончаемое, действительно, ощущалось значимым. Именно стремление к неисчерпаемому знанию побудило Фауста отправиться в путешествие. Однако, мир реальный оказался не таким блеклым для Фауста и тогда он произнес: «Остановись мгновение!». По мнению Гуртуевой, эта позиция героя означала признание факта мира, ощущение его реальным и ценным [Гуртуева 1994: 30]. Для романтической эстетики эта концепция означала бы крах самой идеи, метафорично воплощенной в смерти Фауста.

Концепция постмодернизма Т.Б. Гуртуевой

Рассуждая о критериях постмодернистского произведения, автор подчеркивает изменение контекста художественного творчества и выделяет нижеследующие важные аспекты.

Постмодернизм решительно изменил критерии художественного, обратив особое внимание не на мастерство автора, а на силу и новизну его высказываний, соединив в нем «творца» и «философа». Мастерство автора теперь оценивается по его посылу. Таким образом, индивидуальное слово художника, сколь бы новаторским оно ни было, его субъективность взглядов становится основой творчества.

Новая духовная ситуация превратила художественное творчество в игру смыслами, интертекстуальный квест. Аллюзии на мировую литературу превращают произведение в цитатник, где каждая мысль собирается как своеобразный коллаж из текстов других эпох, зачастую не имеющий единой линии, что вызывает насмешку или иронию по поводу утраченной осмысленности.

Текстовое пространство посткультуры вбирает в себя все стили и жанры, независимо от эпохи, к которой относится и свой первоначальный смысл. Постмодернизм наделяет аллюзии равными правами и «предоставляет всему сущему возможность пребывать в мире без него (постчеловека), реализуя на практике то космическое безмолвие, которое охватывает человека перед лицом Ничто» [Гуртуева 1994: 11]. Обилие стилей и цитат освобождает автора второй половины XX в., стремящегося к затуханию и молчанию, от бремени нового, ибо все уже открыто и создано. Таким образом, постмодернизм – культура, не способная мыслить новым, обреченная на переработку старого, выговаривая себя с помощью концепций прошлого.

Главная философская убежденность постмодернистских авторов заключается в признании реальности хаотичной и отказе от ее предметности. По мнению Т.Б. Гуртуевой, «навязчивый мотив дематериализации, развоплощения призван выявить бессмысленность усилия художника угадать очертания

действительности» [Гуртуева 1994: 8]. В результате этого, реальность выражается метафизическим языком – умалчиванием. Автор считает, что любая попытка логически подойти к реальности оборачивается кризисом и «усугубляет нелепость описания мира» [Гуртуева 1994: 9]. Именно поэтому постмодернистское пространство текста свободно от логики центра повествования и зачастую смещает угол зрения во все стороны.

Тамара Бертовна вслед за итальянским исследователем Умберто Эко, убеждена в том, что постмодернизм сложно зафиксировать, поскольку он бытует в мире на уровне ощущений. Именно поэтому тексты второй половины XX в. представляют в разной степени одну и ту же эпоху, не имея претензий называться постмодернистскими, ибо создаются скорее из ощущений вокруг, а не из целенаправленного следования определенным канонам.

По выражению Т. Гуртуевой, постмодернизм есть некая старость романтизма, которая ознаменована завершением эпохи оптимистичного прогресса [Гуртуева 1994: 19]. Со знаком минус вторая половина XX в. представляет прогресс и научные открытия: «прогрессорство» оказало человеку негативную услугу, приняв формы уробороса – змеи, кусающий себя за хвост. Ученая называет героя постмодернизма «последней редакцией романтического человека», который, убедившись окончательно в несовершенстве мира, пустоте идеалов, возвращается к своему одиночеству.

О постмодернистской поэзии Северного Кавказа

Размышляя о поэзии Новейшего времени, Т.Б. Гуртуева подмечает, что сущность ее – есть трагизм [Гуртуева 1994: 48]. Однако необходимо отметить, что трагизм этот отнюдь не из-за героического пафоса одиночества, ибо оно, по сути, породило романтический образ гения. Природа кризиса лежит в плоскости ощущения конца мира, конца истории. По словам ученой, поэзия превращается в рефлексию по реальности, которая неуловима, поэтому остается лишь фиксировать некие воспоминания о ней, зачастую навеянные интертекстуальностью [Гуртуева 1994: 49].

Постмодернистская эстетика создается из позднего романтического ощущения «маленького человека», у которого отняли субъектность, то есть способность самому выбирать и выражать смыслы. Его трагедия основана на внутренней заброшенности. Из этого, по мнению ученой, «рождается одиночество как выражение несогласия человека с положением дел, при котором он должен выбирать из двух способов бытия, которые ему одинаково ненавистны» [Гуртуева 1994: 39]. Иными словами, «маленькому человеку» трудно быть объектом, но и в субъектности он жить не в состоянии. Способствует этому чувству «оставленности» – осознание себя частью ницшеанской концепции «сверхчеловека» как возможности приблизиться к ощущению себя цельной личностью, творческой и свободной. Таким образом, понятие «маленький человек» и «сверхчеловек» связаны. Однако, выходя из рамок понятия «маленький человек», герой никак не может приблизиться к «сверхчеловеку», поскольку для этого требуется четкое осознание, называние вещей своими именами. Такая система координат

невозможна в хаосе мира, из-за чего человек остается между двумя состояниями и в этой тишине творит свое событие.

Т.Б. Гуртуева в своих практических исследованиях, основанных на приложении постмодернистской культуры к поэзии Северного Кавказа, описывает несколько последовательных уровней новой духовной ситуации. На наш взгляд их можно разделить на две части: первая – метафизика страдания; второе – поиски выхода из трагизма.

Метафизика страдания. Для того, чтобы ощутить мир, встретиться с ним, лирический герой отправляется в метафорический путь. Постмодернистский квест может быть, как у Тахира Толгурова, в состоянии окаменелости, или, как у Сергея Кабалоева, когда отстранённому лирическому герою не удается фиксировать факт мира и он проходит сквозь вечные понятия:

Я иду сквозь любовь,
Я иду сквозь прозрачную мглу.
…Я иду сквозь слоистое время.
Как в загадочном сне прохожу сквозь пустые миры.
Я шагаю к мосту сквозь прозрачную мглу, сквозь забвенье,
И за мной –моя тень, а за ней – звуки детской игры [Гуртуева 1994: 121].

Лишенная бинарности постмодернистская культура теряет возможность определять вечные понятия, осмысливать жизнь и чувства, давать оценку. Вместо этого лирический герой оставляет пробелы, умалчивает или превращает все в цитату. Например, двойственность поэзии Т. Толгурова заключается в его желании погрузиться и исследовать хаос, но в тоже время он остерегается бездны:

В день исчезающий и зыбкий я шагну
И в миг, когда потухнет стон заката,
Вдруг оглянусь и, улыбнувшись воровато,
Край тени осторожно отогну…
[Толгуров 1992: 24]

Лирический герой же Кабалоева лишен «прекрасной ясности», он предстает в образе развоплощенного духа, не имеющего способности почувствовать, зафиксировать любовь, время, мир. Двойник героя появляется в поэзии Кабалоева в виде тени, за которой слышны «звуки детской игры» [Гуртуева 1994: 121]. Неразрешенный конфликт, который таится именно в безмолвной тени, становится тем посредником между жизнью и самим героем. Образ тени возникает и в другом стихотворении, где герой признается в том, что отдает ей первенство:

Я шагаю вслед за тенью,
Я иду к своей судьбе…[Гуртуева 1994: 122].

Поиски собственного «я» заставляют лирического героя Николая Рендакова, который постоянно вопрошает: «Что есть я в этом шуме и свете?», отправиться по местам, которые живут в его сердце [Гуртуева 1994: 133]. Благодаря

этому, он делает следующее заключение – привычный мир теряет того, кто мог бы назвать его прекрасным, зафиксировать его реальность – человека:

И обезлюден дом,
И обезлюден сад.
И фонари еще средь яблонь не горят,
Случайное ушло вперед на много лет.
И только тишины на белом свете нет [Гуртуева 1994: 134].

Интертекстуальность и обобщенность определяют степень метафизики поэзии Джамбулата Кошубаева. При этом, уточним, что, если для Кабалоева цель духовного квеста – отыскать Родину, то для Кошубаева она понимается как весь мир. Иными словами, интертекстуальность – это основа мира постмодернизма, суть которой в безопасном проживаемом опыте реальности.

Бездомность героя позволят ему ощущать себя частью сразу всех культур в «единстве времени и пространства», превращаясь в некий обобщенный символ:

Эдем, размененный на Гефсиманский сад,
Томит наш дух в тоске по Саду [Гуртуева 1994: 141].

Главная трагедия человека постмодернистского толка – осознание себя частью вещественного мира, утрата собственной индивидуальности. Именно созерцание вещественного становится главным методом «прозаичной» поэзии Аркадия Кайданова. Сквозь предметы и детали поэт связывает реальный мир и человека:

Боязлив и недоверчив
этот самый первый снег
Ветром кручен он и верчен,
он совсем как человек [Гуртуева 1994: 148].

Тамара Бертовна подмечает, что поэтическая история Кайданова начинается с чего-то близкого, небольшого. После чего мысль развивается и перерастает в злободневное и вечное – «он совсем как человек» [Гуртуева 1994: 148]. Определяя координаты творческого стиля Кайданова, автор отмечает, что в нем могут уживаться противоположности: высокая образность и простота стиля. Последняя берет начало из самой жизни, а первая существует, чтобы прояснить, что нет предела мысли, как и мира – «звездное небо над головой» [Гуртуева 1994: 151].

Реакцией на хаотичность мира становится ирония. «Усмешка горькая обманутого сына» - именно так Гуртуева описывает постмодернистскую эстетику Тимура Кибирова [Гуртуева 1994: 166]. Охваченная цитатностью, она стилистически напоминает игру слов, смыслов. Многословие – это центральный метод поэзии Кибирова, с помощью которого настоящее сокрыто, завуалировано.

Освещу, оскорблю, опознаю и одушевлю,
и осмыслю, и оправдаю,
сущую чушь

словом, тяжко несущим,
и, из джи умыкнув,
и поставив себя на правеж,
я добьюсь возвращения долга –
вырву правду, управу на время найду [Гуртуева 1994: 177].

Одиночество человека постмодернистской эпохи не заключается в реальной оставленности или пребывании в количестве «один». Одиночество – есть некая метафора нашего времени. В ней мы видим и философскую «смерть Бога» Ницше, торжество материалистических форм Бодрийяра.

Поиски выхода из трагизма. В поэтическом мире Толгурова, по выражению, исследовательницы, сам мир не вызывает доверия героя: он «глух», «тосклив», «безжалостен» и безмолвен, после чего герой уходит на метафорический край света. Однако замирание и окаменелость лирического героя не имеет ничего общего с остановкой пути или конечностью мира, все дело в попытке ухватить факт вечности – «переход от индивидуального к трансцендентному, от дробности к единству» [Гуртуева 1994: 104]. Поэт убежден, спасти человека в этом пространстве НИЧТО может только любовь, но и она имеет неясные черты. Любовь – есть возвышение, именно поэтому путь героя направлен ввысь, «туда, где гармония противостоит Хаосу жизни» [Гуртуева 1994: 109]. Интертекстуальный опыт Данте возвышает героя, стремящегося к метафорическому символу любви, в случае Толгурова, к импрессионистской Беатриче.

К любви, как единственному глобальному выходу из ситуации кризиса обращается и Джамбулат Кошубаев, для которого также актуальна тема болезненного столкновения с реальностью. Тут, по опыту совершенно другого лирического героя, он вновь воссоздает неумолимую силу любви:

Какою явью, сном каким,
Какими тропами глухими
Приходишь ты, - не знаю я.
Здесь расстояния иные,
Другая форма бытия –
Лишь от тебя и до тебя [Кошубаев 2002: 40].

Осознать свое «я», выйти из тени – означает ощутить гармонию, признаться в существовании реальности с ее многочисленным хаосом. В этом же заключается тайное желание героя поэзии Сергея Кабалоева – осознать свое «я», «уверовать в то, что он вне опасности» [Гуртуева 1994: 123]:

…он гонится за собственной душой.
Он бьет ее кастетами метафор,
стремясь сильнее потрясти свое же
воображенье, что он от света слепнет,
а в сумерках привычных,
как в кавычках,
молчит
и чахнет, молча отчуждаясь…[Гуртуева 1994: 129]

Мир, по замечанию Т.Б. Гуртуевой, отделяется от героя Рендакова, однако простые истины все еще свежи в памяти:

О чем я?
Да так, ни о чем.
О белых ромашках и астрах,
О древнем желании счастья,
О небе, опять голубом [Гуртуева 1994: 136].

Незримая борьба между вечным и бренным, добром и злом, миром и иллюзией – вот главный подтекст всех приемов постмодернистской культуры. Это сопротивление, например, у Кайданова, может принимать формы эмоционального повествования, описание обычного, окружающего: голубя, снега, соседа, возлюбленных. По выражению Гуртуевой, в поэзии Кайданова особенно заметна «сила искреннего чувства», а кроме этого: «На наших глазах происходит постижение сущего посредством слова» [Гуртуева 1994: 147].

Описание жизненного потока, простое обозначение событий, настроений, сокрытая ирония, рефрены: все это постмодернистские приемы, характерны и для поэзии Кибирова, в основе которых таится попытка охватить реальность мира и выйти навстречу к «миру людей и вещей» [Гуртуева 1994: 178].

По мнению исследователей, постмодернизм тяжело завершить, сложно выйти из круга цитирования. При первом рассмотрении «господствует беспросветность, мрак», но на самом деле свет внутри героя все же существует: «И вырвется хаос времен, но я рискну…» [Толгуров 1992: 24]. Риск и любовь – единственные элементы, которые помогают лирическим героям не терять связь с добрым и вечным.

Полемика

В «Словаре течений литературы XX века» термин «постмодернизм» представляется как явление интернациональное, со своими характерными специфическими чертами и уникальными трактовками в странах и культурах [СТЛ 2003: 46]. Конечно, существуют международные признанные концепции теоретиков постмодернизма: У. Эко и И. Хассана, Р. Барта, Ж. Бодрийяра и многих других. Однако, наряду с традиционными, глобальными тезисами, в пространстве литературоведческих интерпретаций все же есть место дискурсу, обращенному к конкретным событиям, относящимся к тому или иному национальному обществу. Именно поэтому, постмодернизм существует в следующих национальных координатах: русский, болгарский, датский, немецкий, исландский, испанский, итальянский и т.д. Это именно те постмодернистские вариации, которые описаны в «Словаре течений литературы XX века». Например, русский постмодернизм стал источником выражения и отображения действительности в 90-е гг. XX в. Именно в этот период жители некогда огромной и мощной страны переживали развал Советского Союза и состояние кризиса от утраты осмысленности.

В тоже время, затрагивая переходный этап советской общности, мы рассуждаем о многих культурах, проживающих в этой стране. Каждая из них

переживала этот распад по-своему, обращаясь к своему культурному Космо-Психо-Логосу. Как раз этот феномен этнического варианта постмодернизма оказывается за пределами исследований Т.Б. Гуртуевой. Происходит это по вполне понятным причинам: поэзия, анализируемая в книге «Маленький человек с большой буквы» представлена на русском языке. Он же, язык, по мнению Хайдеггера, – есть дом бытия. Добавим, что ко всему прочему, слово, возможно, даже определяет это бытие. Уникальность ситуации заключается в том, что в случае, например, северокавказских авторов бытие умножается на два, а то и три. К национальному логосу добавляются русский космос и опыт высказывания мирового уровня. В результате чего возникает синтез форм художественного самовыражения, укладывающихся в три фланга мировой литературы: зарубежная, русская, национальная.

Важным ключом к разгадке этой проблемы является собственная авторская причастность к той или иной культуре. Например, из личной беседы с адыгейским поэтом Дж. Кошубаевым мы узнали, что автор считает себя именно адыгейским поэтом. А значит, в его творчестве будет развиваться тот самый уникальных метакод адыгейской (шире адыгской) постмодерности. Говоря о классическом пракультурном коде адыгов, необходимо обратиться к исследованиям Ю.М. Тхагазитова, который утверждает, что Космо-Психо-Логос народа находится в категории «диагональ» [Тхагазитов, Ципинов 2015: 306]. Имеется в виду угол зрения, с которого адыгские народности, проживающие на равнине у подножия гор, смотрели на Ошхамахо (гора счастья).

Этническая ментальность, закрепленная в сознании на генетическом уровне, влияет на все сказанное и написанное. Например, при анализе поэтических текстов Т. Толгурова важно определить балкарские культурные координаты, которые, по мнению З.А. Кучуковой выражаются в категории «вертикаль» [Кучукова 2006: 44]. Об этом говорит и место проживания балкарцев с их аксиологемами – горы, эпос и язык.

Важно, что «единожды найденный метакод национальной онтологии пронизывает и объясняет все сферы жизнедеятельности этноса: его Космос, Логос и Психею» [Кучукова 2006: 44]. И тогда оказывается, что постмодернизм начинается тогда, когда по тем или иным причинам, ломается привычный метакод и культура оказывается оторвана от этнического носителя. В этот момент он как раз и чувствует тот самый кризис.

Именно по этой причине практически все лирические герои, исследуемые Т.Б. Гуртуевой, сосредоточены на обретении утраченных корней, поисках родины, детства, любви.

Заключение

Рассуждая о трагедии, переживаемой человеком постмодернизма, Т.Б. Гуртуева цитирует итальянского ученого Аурелио Печчеи (1908-1984): «В мире никогда еще не царил такой беспорядок, и никогда прежде в мире не было столько большого количества разных опасностей. И все потому, что никогда прежде не было такого смятения в человеческой душе» [Гуртуева 1994: 200].

При этом вся книга написана в духе веры в поэзию Новейшего времени, которая перед лицом кризиса может сопротивляться и бороться. К этому добавляется невероятно сильная по духу фраза, означающая способность человека все же понять мир новейшего времени и отыскать собственное «я»: … «маленький человек» способен еще стать человеком с большой буквы» [Гуртуева 1994: 47].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адорно 2003 – Адорно Т.В. Негативная диалектика / Пер. с нем. Е.Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003. 369 с.

Гуртуева 1994 – *Гуртуева Т.Б.* Маленький человек с большой буквы: Очерки творчества. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 207 с.

Кошубаев 2002 – *Кошубаев Дж.П.* Логос без имени: Стихотворения. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 160 с.

Кучукова 2006 – *Кучукова З.А.* Карачаево-балкарский национальный космос: императив вертикали // Текст и гуманитарный дискурс вчера и сегодня: Материалы третьего выпуска сборника научных трудов кафедры зарубежной литературы института филологии КБГУ. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2006. – С. 44-57.

СТЛ 2003 – Словарь течений литературы XX века. Россия, Европа, Америка. В двух книгах. Книга вторая: П-Я. Указатели / отв. ред. А.Ф. Кофман; редколлегия: Е.Д. Гальцова, Ю.Н. Гирин, В.Б. Зусева-Озкан, Т.В. Кудрявцева, О.Ю. Панова, О.И. Половинкина, И.А. Эбаноидзе. – М.: ИМЛИ РАН, «Река времен», 2003. – 960 с.

Толгуров 1992 – *Толгуров Т.З.* Пять шагов на огонь: Стихи. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 112 с.

Тхагазитов, Ципинов 2015 – *Тхагазитов Ю.М., Ципинов И.А.* «Диагональ» как прасимвол адыгской этнокультуры. Перечитывая «Зимнюю ночь» А. Шогенцукова // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929-2008). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2015. С. 304 – 308.

REFERENCES

Adorno T.V. Negativnaya dialektika / Per. s nem. E.L. Petrenko. M.: Nauchnyi mir, 2003. 369 p.

GURTUEVA T.B. *Malen'kii chelovek s bol'shoi bukvy: Ocherki tvorchestva* [A Little Man with a Big Letter: Essays on Creativity]. – Nal'chik: El'brus, 1994. – 207 p. (In Russ.).

KOSHUBAEV DZH.P. *Logos bez imeni: Stikhotvoreniya* [A Logos Without a Name: Poems]. – Nal'chik: El'brus, 2002. – 160 p. (In Russ.).

KUCHUKOVA Z.A. *Karachaevo-balkarskii natsional'nyi kosmos: imperativ vertikali* [The Karachay-Balkar National Cosmos: The Imperative of the Vertical]. In: Tekst i gumanitarnyi diskurs vchera i segodnya: Materialy tre-t'ego vypuska sbornika nauchnykh trudov kafedry zarubezhnoi literatury in-stituta filologii KBGU. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (Po-ligrafservis i T), 2006. – 176 p. (In Russ.).

Slovar' techenii literatury KHKH veka. Rossiya, Evropa, Amerika [Dictionary of the 20th Century Literature Trends. Russia, Europe, and America]. V dvukh knigakh. Kniga vtoraya: P-YA. Ukazateli / otv. red. A.F. Kofman; redkollegiya: E.D. Gal'tsova, YU.N. Girin, V.B. Zuseva-Ozkan, T.V. Kudryavtseva, O.YU. Pano-va, O.I. Polovinkina, I.A. Ebanoidze. – M.: IMLI RAN, «Reka vremen», 2003. – 960 p. (In Russ.).

TOLGUROV T.Z. *Pyat' shagov na ogon': Stikhi* [Five Steps Towards the Fire: Poems]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 112 p. (In Russ.).

TKHAGAZITOV YU.M., TSIPINOV I.A. *«Diagonal'» kak prasimvol adygskoi etnokul'tury. Perechityvaya «Zimnyuyu noch'» A. Shogentsukova* ["Diagonal" as a Prasymbol of the Adyghe Ethnic Culture. Rereading "Winter Night" by A. Shogentsukov]. In: Natsional'nye obrazy mira v khudozhestvennoi kul'ture: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu so

dnya rozhdeniya literaturoveda, filo-sofa, kul'turologa G.D. Gacheva (1929-2008). Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (Poligrafservis i T), 2015. – 732 p. (In Russ.).

Информация об авторе
А.В. Каспарова – аспирант.
Information about the author
A.V. Kasparova – Postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 06.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.
The article was submitted 06.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 82-1/-9
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-234-245
EDN: VACPXO

ПРОБЛЕМАТИКА ПОЭТИЧЕСКОЙ САТИРЫ КУМЫКСКОГО ПИСАТЕЛЯ НАБИ ХАНМУРЗАЕВА

Сабина Низамиевна Ханбалаева[1], **Разият Абдуллаевна Ахмедова**[2], **Малик Алиевич Гусейнов**[3]

[1] Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России, г. Москва, Россия, sabinamgimo@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8142-2074

[2] ГБУ «ИнгНии» им. Ч.Э. Ахриева, г. Магас, Россия, raziyathanum@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6437-590X

[3] Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия, malik60@list.ru, https://orcid.org/0009-0006-6267-8177

Аннотация. Сатира, которая острее всего реагирует на социально-политические изменения в жизни народа и наиболее правдиво отражает действительность, остается малоизученной областью в дагестанском литературоведении. Статья посвящена актуальной проблеме развития поэтической сатиры в творчестве Наби Ханмурзаева (1893–1950), сыгравшего важную роль в становлении этого жанра в кумыкской литературе начала XX века. **Объектом** исследования выступает поэтическая сатира Н. Ханмурзаева, представленная стихотворениями «Уьч тирмени, етти ерде юзюм баву» – « У трёх водяных мельниц семь виноградников» (1919), «Шайых» – «Шейх»(1929), «Алгъасагъан сёзден пайда аз чыгъар» – «От сказанного второпях слова, пользы будет мало» (1934), «Гитлерни ясы» – «Похороны Гитлера» (1943), а также поэмой «Кооператив ва чычгъан» – «Кооператив и мышь»(1934). **Цель** статьи – путём анализа идейно-нравственного содержания, тематического и жанрового разнообразия сатирической поэзии Н. Ханмурзаева показать его роль в развитии сатиры в кумыкской и дагестанской литературе. **Выводы.** В процессе исследования была выявлена роль традиций национального фольклора, восточной, европейской, русской и других дагестанских литератур в развитии сатиры в творчестве кумыкского автора. Установлено, что созданные им яркие отрицательные образы помогли расширить тематический диапазон его сатиры, которая включила в себя лирическую, социально-идеологическую, военную и философскую тематику, а также способствовали появлению в его творчестве сатирической поэмы как крупной жанровой формы. Используя смех в качестве основного приема изображения действительности, Н. Ханмурзаев благодаря острому обличительному комизму достиг яркой и своеобразной художественной прорисовки негативных персонажей, воплотив в них типичные образы представителей различных слоев дагестанского общества. Его стихотворная сатира стала заметным явлением в дагестанской литературе первой половины XX века и оказала существенное влияние на дальнейшее развитие этого жанра.

Ключевые слова: кумыкская сатира, поэтическая сатира, Н. Ханмурзаев, дагестанская литература первой половины XX века.

Для цитирования: Ханбалаева С.Н., Ахмедова Р.А., Гусейнов М.А. Проблематика поэтической сатиры кумыкского писателя Наби Ханмурзаева // Электронный журнал

«Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 234-245. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-234-245. EDN: VACPXO.

© Ханбалаева С.Н., Ахмедова Р.А., Гусейнов М.А., 2026

Original article

ISSUES OF POETIC SATIRE OF THE KUMYK WRITER NABI KHANMURZAEV

Sabina N. Khanbalaeva[1], **Raziyat A. Akhmedova**[2], **Malik A. Gusejnov**[3]

[1] Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia, sabinamgimo@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8142-2074

[2] State Budgetary Institution "Ingush Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev", Magas, Russia, raziyathanum@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6437-590X

[3] Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of the Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia, malik60@list.ru, https://orcid.org/0009-0006-6267-8177

Abstract. The satire, which reacts most acutely to social and political changes in the life of any nation and reflects reality most truthfully, remains an understudied area in Dagestani literary studies. The article is devoted to the actual problem of the development of poetic satire in the works of Nabi Khanmurzaev (1893-1950), who played an important role in the development of satire in the Kumyk literature of the early XX century. **The object** of the study is the poetic satire of N. Khanmurzaev, represented by the poems “Three water mills have seven vineyards” (1919), “Sheikh” (1929), “From the spoken word in haste, the benefit will be little’ (1934), “Hitler's Funeral” (1943), the poem “Co-operative and the mouse” (1934). **The aim of the article** is to demonstrate his role in the development of satire in Kumyk and Dagestan literature by analyzing the ideological and moral content, thematic and genre diversity of N. Khanmurzaev's satirical poetry. **Conclusions**. The study revealed the role of national folklore traditions, as well as Eastern, European, Russian, and other Dagestani literatures in the development of satire in the works of Kumyk author. It was found that vividly crafted negative images he created helped to expand the thematic range of his satire, which included lyrical, socio-ideological, military, philosophical themes, and also contributed to the emergence of satirical poem and satirical play in his work. Using laughter as the main method of depicting reality, N. Khanmurzaev, achieved through sharp, denunciatory comicism, achieved a bright and peculiar outline of negative characters, embodying in them the typical images of representatives of various strata of Dagestani society. His verse satire was a notable literary phenomenon in Dagestan literature of the first half of the XX century and had a significant influence on the further development of satire in the genre.

Keywords: Kumyk satire, poetic satire, N. Khanmurzaev, Dagestan literature of the first half of the XX century.

For citation: Khanbalaeva S.N., Akhmedova R.A., Gusejnov M.A. Issues of poetic satire of the kumyk writer Nabi Khanmurzaev. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 234-245. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-234-245. EDN: VACPXO.

© Khanbalaeva S.N., Akhmedova R.A., Gusejnov M.A., 2025

Введение

Жанр отражает авторский выбор и организацию материала, которые способствуют воплощению художественной реальности и миропониманию автора. Естественной реакцией литературы на изменения социально-политического и духовного состояния общества становится актуализация тех жанровых форм, которые созвучны настроениям времени. В такие периоды особую значимость приобретает сатира, представляющая собой эффективную форму социально значимой художественно-эстетической критики. Для сатирического произведения крайне важно читательское восприятие, предполагающее совпадение авторской установки и читательской рецепции, когда жанровое решение рассчитано на осмысление скрытых смыслов произведения. Сатира во многом определяет масштабность, актуальность художественного осмысления действительности, а также мировоззренческую и гражданскую позицию писателя, выявляя оригинальность его творчества. Как справедливо отмечал М.Б. Храпченко, «сатира отличается от юмора не столько объектом, сколько характером отношения к изображаемому явлению» [Храпченко 1982: 72]. Чаще всего сатира откликается на исторически обреченную, прогрессирующую в своем разрушении действительность, собственным усилением и поиском новых жанровых проявлений. В такие периоды насмешливый тон нередко сменяется обличительным пафосом, направленным против уродливых форм духовной жизни и утверждающим светлые идеалы. Смех с его «обличительным комизмом», помогающий людям преодолевать тяготы жизни, обладает притягательностью как для писателей, так и для читателей, что является бесспорным феноменом литературно-художественного процесса. Известно, что «Юмор –это носитель примирения, сатира является выражением борьбы» [Калашник 2010: 207], а «Сатира же отрицает, казнит несовершенство мира во имя его коренного преобразования в соответствии с идеалом» [Борев 1970: 89]. Не ставя задачу историко-теоретического освещения проблем соотношения понятий, как сатира и юмор, а также определения сатиры как рода, вида, жанра литературы или художественного принципа, в данной статье мы исходим из признания комического как социально значимого явления в различных формах его проявления в поэзии Наби Ханмурзаева (1893-1950).

Объектом исследования является творчество кумыкского поэта первой половины XX века Н. Ханмурзаева. *Цель работы* – анализ тематического многообразия его сатирической поэзии.

Метод и материалы. В статье использованы историко-культурный и сравнительно-типологический методы, позволившие выделить сатирические особенности и тематическое разнообразие творчества Н. Ханмурзаева.

Теоретической основой послужили труды Гегеля [Гегель 1968], Шопенгауэра [Шопенгауэр 1993], М.Б. Храпченко [Храпченко 1993], Ю.Б. Борева [Борев 1970], Н.Н. Киселева [Киселев 1975], Н.И. Калашник [Калашник 2010], В.А. Мыслякова [Мысляков 1966], Р. Уеллека и О. Уоррена [Уеллек., Уоррен 1978], А.А. Филимонова [Филимонова 1993] и др. В начале прошлого столетия сатира приобрела особое значение как в русской литературе, так и в литературах народов России. Как отмечает А. Филимонова, смеховая культура и сатира представляет собой сложный феномен в эстетико-философском, историко-литературном

и нравственно-этическом аспектах, что позволяет говорить о ней как о значительном социально-эстетическом явлении [Филимонова 1993:21]. Критическое отношение к действительности способствовало развитию и активизации жанра сатиры в дагестанской литературе в 1920-30-е гг. Наиболее ярким представителем этого жанра стал кумыкский поэт Наби Ханмурзаев (1893-1950). Его творчество привлекло внимание таких дагестанских литературоведов, как К.Д. Султанов [Султанов 1964], Б.М. Атаев [Атаев 1952], К.Ю. Абдуллатипов [Абдуллатипов 1993], А.А.-Х. Абдурахманов [Абдурахманов 1979], Р.А. Ахмедова [Ахмедова 2022], М.А. Гусейнов [Гусейнов 2009], У.Ш. Арсланбекова [Арсланбекова 2012] и др.

Обсуждение

Поэт отчетливо отразил в национальной литературе первой половины XX века «отношение к изображаемому явлению», и «имя Наби Ханмурзаева золотой росписью вписано в историю кумыкской советской литературы благодаря созданным им сатирическим стихам» [Султанов 1964: 140]. Как отмечает исследователь А.-К.Ю. Абдуллатипов, «в первых поэтических опытах Н. Ханмурзаева преобладала сатирическая интонация» [Абдуллатипов 1993: 5]. Идейно-эмоциональная оценка описываемых явлений повлияла не только на выбор сатирической или юмористической тональности, но и на объективную социальную значимость осмеиваемых пороков, что проявилось уже в самых ранних произведениях поэта (с 1919 г.).

Этнотематическое своеобразие сатиры в период формирования социалистического государства сыграло важную роль в развитии национальных литератур начала XX в. Усиление роли и места сатиры в кумыкской литературе было продиктовано социально-политическими преобразованиями в стране, борьбой за утверждение новой власти и обусловлено конкретными идеологическими задачами. Н. Ханмурзаев обогатил кумыкскую поэзию, введя в нее лирическую сатиру и ряд художественных приемов, основанных на сочетании иронии и эпоса, сарказма и пафоса, тонкого юмора и меткой бытовой детали. «Именно лирическую сатиру использовал Н. Ханмурзаев для достижения художественной цели – исправить нравы, изобразив смешные и уродливые стороны общества» [Ахмедова 2022: 105] в стихотворении «Уьч тирмени, етти ерде юзюм баву» («У трёх водяных мельниц семь виноградников») (1919). В этом произведении реалистично, с тонким юмором описаны и подвергнуты критике нравы обывателей дагестанского села. Наивный герой подчиняется воле обстоятельств и капризам женщин, которые не воспринимают благородного («саламат») и скромного мужчину в качестве достойного жениха, если его не одеть как богача и не распустить слух о его мнимом достатке.

Хабар яйдым къонагъым бек бай гиши деп,
Уьч тирмени, етти ерде юзюм баву,
Ашамакъ, ичмекдир башгъа ёкъ иши деп,
Саякъ тура елеп болмай къотан-тав [Ханмурзаев 1993: 117].

Распространил слух, что гость мой очень богат,
Владения – три мельницы, семь виноградников,
О том, что он заботится только о еде и вине,
О том, что не обозреть его бесчисленные владения.
(Подстрочные переводы здесь и далее – Р.А. Ахмедовой)

Автор реалистично изображает меркантильность и лицемерие. Поэт вместе со своим героем задается риторическим вопросом: «нечик болсакъ сюер экен халкъ бизин?» – «Какими нас могут полюбить люди?» Насмешка над сентиментальностью и ханжеством сочетается в его творчестве с глубоким сожалением о недостатке образования, раскрывая неизбежность крушения иллюзий в мире, где царит ложь и социальная несправедливость.

Различные стороны жизни, связанные с проблемами нравственности, стали объектом сатиры Н. Ханмурзаева. В его лирической сатире высмеиваются пороки людей, в том числе нечестных служителей духовенства, что явно звучит в названии стихотворения: «Къыйынмы гьакъыл болса яшама» – «Разве сложно жить, если есть хитрость?».

Таким образом, на смену объективной лирической сатире в его творчество приходит сатира с определенной социально-идеологической задачей, направленной на искоренение религиозного духовенства как класса, чуждого социалистической идеологии. Поэт разоблачает тех представителей духовенства, которых не тревожит судьба народа: «Къайгъымы мисгин халкъ, къой пасат болсун» – «Не тревожусь, пусть простой народ бедствует». Главное для такого человека: «Тек оьзьюм яшайым, сандыгъым толсун» – «Лишь бы самому жить, да чтоб сундук мой был полон». Подобное отношение некоторой части духовенства к простому народу превратилось в типическое явление задолго до революции 1917 г. и волновало не только Н. Ханмурзаева, но и его предшественников и современников. Критическое осмысление этого явления способствовало развитию антиклерикальных мотивов, сформировавшихся под влиянием социальной сатиры арабо-восточной поэзии средневековья, в творчестве кумыкских авторов: Уму Камала, Абдурахмана из Какашуры, Й. Казака, М.-Э. Османова, М. Алибекова, А. Акаева, Н. Батырмурзаева, Ю. Гереева, Б. Астемирова, а также лезгинских поэтов Е. Эмина, С. Стальского, лакского – Ю. Муркелинского, аварских – Анхил Марин, Г. Цадаса, Б. Астемирова, даргинских – О. Батырая и А. Иминагаева.

Особая сила этой сатиры заключается в том, что она актуальна в разные эпохи, поскольку ее объектом становятся не случайные или частные факты, а именно «типические явления». Речь идет о многовековой традиции, когда центром дагестанской жизни была мечеть, а от ее служителей напрямую зависел духовно-нравственный климат общества. Как и во все времена, определенная часть духовенства преступала высокие духовные принципы, превращая религию в инструмент личной наживы, что постепенно и стало тем самым «типическим явлением», которое не могло остаться незамеченным. Не случайно главными отрицательными героями фольклорных и литературных произведений в конце XIX – начале XX в. оказываются именно шейхи, муллы, кадии и будуны. Это была не борьба с религией как таковой, а борьба с пороком, поражающим общество изнутри.

Социально-идеологическая сатира выступила как одна из форм историко-эстетического осмысления новой действительности. В уста отрицательного героя автор вкладывает откровенно циничное признание, обнажая его истинную сущность: «Къыйынмы гьакъыл болса яшама, дин булан дюньяны ашама» – «Разве трудно жить, если есть ум, используя веру, “кушать”».

В 1920-30-е гг. эта тема была подхвачена и использована в идеологической борьбе против консервативного дагестанского духовенства. Она стала одной из приоритетных в контексте утверждения новой социалистической законности и кардинальной смены духовных ориентиров общества.

Сатира, в которой смеховое начало, изначально отражавшее реалистическое направление в поэзии, постепенно превращалось в оружие государственной идеологии, была востребована новым временем. Первый сборник произведений Н. Ханмурзаева «Башда кюлкю, арты гёзъяш» («Сначала смех, в конце слезы») был издан в 1929 г. В 1934 г. книга была переиздана с измененным названием: «Уьстю кюлкю, тюбю ой» («Наверху смех, внизу раздумья»). Это новое издание в большей степени соответствовало актуальным идеологическим задачам, связанным с началом сталинских репрессий в отношении религиозных деятелей.

Обновленный сборник открывается стихотворением «Шайых» («Шейх»), в котором автор дает емкую портретную характеристику отрицательного героя: тот одет в «аба» («плащ»), на голове его большая чалма, он имеет длинную бороду, а в руке посох. Автор сознательно заменяет слово «яшама» («жить») на «ашама» («кушать»), усиливая обличительный пафос:

Къыйынму гьакъыл болса яшама?
Дин булан бу дюньяны ашама? [Ханмурзаев 1934: 7]

Трудно ли жить, если есть разум?
При помощи религии находить себе пропитание?

Сильная сторона его сатиры заключается в раскрытии основной идеи через постоянное повторение однородных конструкций. Благодаря этому двустишие, повторяясь несколько раз в конце стихотворения, окончательно утрачивает вопросительную интонацию и превращается в циничное кредо. Главный герой, выдавая себя за ревностного приверженца ислама, на деле легко приспособился к новой действительности и, играя на религиозных чувствах народа, которого он презрительно называет «авам халкъ» («глупый народ»), живет как князь за счет подаяний.

Как верно отметил Н.Н. Киселев, «юмор высмеивает отдельные, как правило, второстепенные недостатки в целом положительного комедийного явления, сатира же содержит в себе отрицание самой сущности комедийного объекта или, во всяком случае, главной определяющей его особенности» [Киселев 1975: 54].

Герой стихотворения оскорбительно и лицемерно называет людей «глупыми дервишами», что формирует у читателя однозначно негативное отношение к нему. Противопоставление шейха и человека труда усиливает социальный

пафос произведения, а техника самораскрытия «отрицательного героя» через его же циничные высказывания подтверждает точку зрения А. Шопенгауэра и Г. Гегеля, которые рассматривали смешное как противоположность «существенному и его проявлению», благодаря которой явление поглощает «себя внутри самого себя». Отсюда нарастающая уничижительная характеристика персонажа, его однозначность в оценке мусульманской религии, свидетельствующая о возрастающей политической ангажированности литературы 20–50-х гг. XX в.

Сатирическое творчество Н. Ханмурзаева свидетельствует о том, что смех служит средством выражения осуждения всего того, что противоречит общепринятому идеалу прекрасного. Поэт уже не обращается к обличительной сатире, направленной исключительно против духовенства, и переходит к более широким художественным обобщениям, возлагая большие надежды на просветительскую и исцеляющую роль сатиры. Он высмеивает обывателя, от которого «не оьзюне, не халкъгъа ёкъ пайдасы» («ни себе, ни народу нет пользы»), что находит отражение в поэме «Кооператив ва чычгъан» («Кооператив и мышь»). Мысли и чувства поэта выражаются в самой резкой форме, и в этом смысле особый интерес представляют его маленькие сатирические поэмы, близкие к жанру басни, но, в отличие от нее, наполненные публицистическим пафосом и лишенные аллегорической условности.

Внутренняя эволюция и духовный рост поэта становятся особенно заметны, когда он обращается к бытовой тематике и создает значительные художественные обобщения в небольшой сатирико-публицистической поэме «Кооператив ва чычгъан» (1934). Это произведение демонстрирует, насколько трудно искоренить пороки в человеческом сознании, способные проявляться в новых обличиях. Квинтэссенция авторских настроений запечатлена здесь как острая реакция на изменения социально-политического и духовного климата дагестанского общества.

В 1930-1940-е гг. в галерее сатирических образов Н. Ханмурзаева появляются новые отрицательные герои: парторг, председатель колхоза, завмаг, завсклад, использовавшие свое служебное положение в тех же корыстных целях, что и высмеянные ранее религиозные деятели. Таким образом автор стремится выработать основные нравственные критерии, как в басне, где «регрессивные тенденции проявляются во взаимоотношениях людей, в их нравственном облике» [Абдурахманов 1979: 89]. Поэт высмеивает новых дельцов, от которых «не оьзюне, не халкъгъа ёкъ пайдасы» («ни себе, ни народу нет пользы»). Так в поэме «Кооператив ва чычгъан» («Кооператив и мышь») мышь, ассоциирующаяся с воровством, приносит меньше вреда, чем ненасытный приказчик. Обличительный пафос автора направлен на развернутое противопоставление мыши и приказчика, причем мышь заявляет: «Кёп сёзлерим бар айтмагъа сагъа» – «Много чего тебе надо сказать». В её словах нет полутонов; все передано простейшими контрастными средствами и образами, традиционными для кумыкского литературного языка, что придает произведению особую энергию и выразительность.

Сагъа неге ярай эркин яшама,
Гьар гюн уьйге ташып малны ашама [Ханмурзаев 1993: 130].

Почему тебе можно на широкую ногу жить,
Каждый день домой тащить и кушать.

В маленькой поэме проявляется открытая публицистичность и успешно используются средства познания, лирического синтеза и психологического анализа, раскрывающие сложную «диалектику души» «маленького человека».

Сатирическое творчество военных лет составляет важную часть литературного наследия Н. Хамурзаева. Его сатирический монолог «Гитлерни ясы» («Похороны Гитлера» 1943) отличается особым художественным своеобразием. Автору удалось создать чрезвычайно отталкивающий образ фашиста после сокрушительного поражения его «блицкрига».

СССР – де экен мени къабурум,
Неге мен бугъар гелип къатылдым!?
Наполеон гелип тюшген тузакъгъа
Гермеймедим, мен де неге атылдым? [Ханмурзаев 1934: 16]

Оказывается, в СССР моя могила,
И зачем я на него напал?!
В капкан, что попал Наполеон,
Разве я не знал о том, зачем я туда же угодил?

Повторяющаяся в стихотворении строфа работает на принижение образа Гитлера и возвеличивание подвига Советской армии.

Н. Ханмурзаев раскрывает сложные нравственно-философские вопросы в русле фольклорно-смеховой традиции кумыкского народа, которая проявляется в умении создавать яркие характеры и типы, выхваченные из самой гущи жизни. Поскольку «сатира – это прежде всего оценка», и, говоря о ней, «обычно указывают на ее субъективность в смысле отчетливо заявленного авторского отношения к изображаемому» [Мысляков 1966: 3], это выявляет не только эстетическую насыщенность его поэзии, но и ее философскую направленность. В стихотворении «Алгъасагъан сёзден пайда аз гыгъар» («От сказанного второпях слова пользы будет мало») автор акцентирует внимание на одном из ключевых императивов национального сознания, имеющем глубокий нравственный смысл: необходимость взвешивать каждое свое слово, прежде чем его произнести, и не задевать чувства и достоинства окружающих необдуманной речью.

Айтар сёзюнг, вёре, алгъасамай айт,
Алгъасагъан сёзден пайда аз чыгъар.
Негьакь сёзню хата айтсанг, ондан къайт.
Къайтмай къалгъан хата сёз уьюнг йыгъар. [Ханмурзаев 1934: 17].
Слово, произнеся, смотри, скажи, не торопясь,
От второпях сказанного слова пользы будет мало.
Вымолвишь неверное слово, возьми его обратно,
Не вернувшееся плохое слово разрушит твой дом.

Н. Ханмурзаев развивает традицию классика кумыкской литературы Йырчи Казака («Рассудка умный не теряет», «Каким должен быть мужчина»), используя ярко выраженную метафору, согласно которой произнесенное слово становится «хакимом» – «хозяином» над человеком, тогда как слово, еще не высказанное, подвластно ему самому. Злость поэт называет «одной из болезней человека», который рискует стать «къулу» – «рабом» собственной «ачувунгну» – «злости». Это мировоззрение было обусловлено условиями жизни людей (разноязычных, самобытных племен) в Дагестане, научившихся за многие века сосуществовать друг с другом на небольшой территории. Важную роль сыграли чувство личной свободы и собственного достоинства, выработанные веками. Историческое отсутствие крепостного права и обычай постоянного ношения оружия диктовали определенные законы поведения и речевого этикета, обязательные для всех. Это наложило глубокий отпечаток на местный менталитет, что, в определенной степени отразилось на характере дагестанской сатиры и органично воплотилось в философско-назидательном творчестве поэта.

Заключение

В начале XX в. творчество кумыкского автора Наби Ханмурзаева, вскрывавшее внутренние противоречия дагестанского общества, представляло собой уникальную форму эстетического отношения к действительности.

Сатира Н. Ханмурзаева, развивавшаяся на основе восточной, европейской, русской и дагестанской культурных традиций, положила начало новой литературной формы в дагестанской литературе.

Свободное, раскованное поэтическое мышление позволило автору воплотить в своем творчестве самый разнородный жизненный материал, что существенно обогатило его тематику и художественную поэтику.

Обличительный комизм в его произведениях достигается за счет расположения идейных штампов и словесных клише, которые сопоставляются как по тематическому, так и по ценностному критерию.

Основным приемом изображения действительности в сатирических произведениях поэта является смех. Широкий охват явлений реального мира, критическая сила смеха, оригинальная обрисовка отрицательных персонажей и умелое использование устно-поэтических и литературных традиций помогли Н. Ханмурзаеву создать образы представителей различных слоев дагестанского общества.

Н. Ханмурзаев ввел в кумыкскую поэзию ряд новаторских приемов, основанных на сочетании сатиры, лирики, иронии, юмора и сарказма для достижения главной художественной цели – исправления нравов через изображение комичных и уродливых сторон общественной жизни.

Особая сила его сатиры заключается в её глубинной связи с эпохой, в умении отражать ее «типические явления» и социально-идеологическую атмосферу.

Его социальная сатира, воплощенная в форме обличительной поэмы, была адресованная в том числе и духовенству, раскрывает надежду поэта на просветительское и исцеляющее значение своего творчества.

Сатирическая поэзия Н. Ханмурзаева периода Великой Отечественной войны поднимает сложные нравственные и философские вопросы противостояния добра и зла.

Удачно созданные отрицательные образы, воплощенные в его лирических, социально-идеологических, философских и публицистических произведениях, позволили писателю значительно расширить тематические границы кумыкской сатирической поэзии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Ханмурзаев 1993 – *Ханмурзаев Н*. Колючка – (Тегенек чечек). – Махачкала: Дагучпедгиз, 1993. – 160 с.

Ханмурзаев 1934 – *Ханмурзаев Н*. Сначала смех, затем раздумья. – Махачкала, 1934. – 110 с.

Литература

Абдуллатипов 1993 – *Абдуллатипов А.-К.Ю*. Вступительное слово // «Тегенек чечек» ("Колючка"). – Махачкала, 1993. – С. 3-11.

Абдурахманов 1979 – *Абдурахманов А. М.-Х.* Жанр басни в дагестанской литературе // Жанры дагестанской советской литературы. – Махачкала, 1979. –163 с.

Арсланбеков 2012 – *Арсланбекова У.Ш*. Идейно-тематическое и художественное богатство поэзии Наби Ханмурзаева: автореф. дисс. канд. филол н. – Махачкала, 2012. – 19 с.

Атаев 1952 – *Атаев Б. М.* Вступительное слово // Избранные стихи. – Махачкала, 1952. – С. 11–14. (кумык. яз.).

Ахмедова 2022 – *Ахмедова Р.А*. О Благородстве, щедрости и чести. – Махачкала: ГАУ «Дагестанское книжное издательство», 2022. – 288 с.

Борев 1970 – *Борев Ю.Б.* Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. – Москва: Изд-во «Искусство», 1970. – 272 с.

Гегель 1968 – *Гегель Г.* Эстетика. Собр. соч. в 4-х т.: т. 2. – М.: «Искусство», 1968. – 223 с.

Гусейнов 2009 – *Гусейнов М.А.* Национальная литература кумыков 1920-30-х г. (поэзия, драматургия, проза. – Махачкала: Институт ЯЛИ, 2009. – 318 с.

Калашник 2010 – *Калашник Н.И.* Соотношение юмора, сатиры, комического // Наука и современность. – 2010. № 6-2. – С. 204 –208.

Киселев 1975 – *Киселев Н.Н.* Проблемы советской комедии. – Томск: Изд-во Томск ун-та, 1975. – 208 с.

Мысляков 1966 – *Мысляков В.А*. Искусство сатирического повествования. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1966. – 107 с.

Султанов 1964 – *Султанов К.Д*. Къумукъланы адабияты – «Литература кумыков». – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1964. – 230 с. (кумык. яз.).

Уеллек., Уоррен 1978 – *Уеллек Р., Уоррен О.* Теория литературы. – М.: Прогресс, 1978. – 328 с.

Филимонова 1993 – *Филимонова А.А.* Поэтика «серьезного» в сатире 1920-х годов: М.Зощенко, П. Романов: автореф. дисс. канд. филол. н. – М., 1993. – 21 с.

Храпченко 1993 – *Храпченко М.Б*. Горизонты художественного образа // Контекст М.: Наука, 1982. – С.10–104.

Шопенгауэр 1993 – *Шопенгауэр А*. Мир как воля и представление. – М.: Наука, 1993. Т. 1. – 672 с.

REFERENCES

KHANMURZAEV N. *“Kolyuchka” – (Tegenek chechek)* / [“Thorn”]. – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1993. – 160 p.

KHANMURZAEV N. *Snachala smekh, zatem razdum`ya* [First laughter, then thoughts]. – Makhachkala, 1934. – 110 p.

ABDULLATIPOV. *A.-K.Yu.Vstupitel`noe slovo // «Tegenek chechek»* ("Kolyuchka"). [Introductory speech]. In: "Tegenek chechek" ["Thorn"]. – Makhachkala, 1993. – Pp. 3-11.

ABDURAKHMANOV A. *Zhanr basni v dagestanskoj literature* [Fable genre in Dagestan literature]. In: Zhanry` dagestanskoj sovetskoj literatury`. – Makhachkala, 1979. – 163 p.

ARSLANBEKOVA U.SH. *Idejno-tematicheskoe i khudozhestvennoe bogatstvo poe`zii Nabi Khanmurzaeva* [The ideological-thematic and artistic richness of Nabi Khanmurzaev's poetry Author's abstract. diss. cand. philol.]. – Makhachkala, 2012. – 19 p.

ATAEV B. *Vstupitel`noe slovo* [Opening speech]. In: Izbranny`e stixi. – Makhachkala, 1952. – Pp. 11–14. (In Kumyk).

AKHMEDOVA R.A. *O Blagorodstve, shhedrosti i chestiGegel` G. E`stetika* [About nobility, generosity and honor]. – Makhachkala: GAU "*Dagestan book publishing house"*, 2022. – 288 p.

BOREV Y.B. *Komicheskoe, ili o tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishhaet i obnovlyaet cheloveka i utverzhdaet radost` by`tiya* [Comic, or about how laughing executes the imperfection of the world, cleanses and renews man and affirms the joy of being]. – Moscow. Publishing house “Art”, 1970. – 272 p.

HEGEL G. *Aesthetics. Collected Op*. in 4 volumes: V.2. M.: "Art", 1968. – 223 p. (In German).

GUSEJNOV M A *Nacional`naya literatura kumy`kov 1920-30-x godov (poe`ziya, dramaturgiya, proza*. [National Literature of the Kumyks of the 1920s-30s (poetry, dramaturgy, prose)]. – Makhachkala: YALI Institute, 2009. – 318 p.

KALASHNIK N.I. *Sootnoshenie yumora, satiry`, komicheskogo* [The ratio of humor, satire, comic]. In: Nauka i sovremennost`. – 2010. – № 6-2.–Pp. 204–208.

KISELEV N.N. KISELEV N.N. *Problemy` sovetskoj komedii*. [Problems of Soviet comedy]. – Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1975. – 208 p.

MYSLYAKOV V. *Iskusstvo satiricheskogo povestvovaniya* [Art of satirical narration]. – Saratov: Publishing House of the Saratov University, 1966.– 107 p.

SULTANOV K.D. *K`umuk`lany` adabiyaty` – «Literatura kumy`kov» Kumuklany adabiyaty* – [Literature of the Kumyks]. – Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1964. – 230 p. (In Kumyk).

UELLEK R., *Warren O. Theory of Literature*. – M.: Progress, 1978. – 328 p. (In German).

FILIMONOVA A.A. *Poe`tika «ser`eznogo» v satire 1920.* [Poetics of the "serious" in the satire of the 1920s.] Abstract of diss. cand. philol. Moscow: 1993. – 21p.

KHRAPCHENKO M.B. *Gorizonty` khudozhestvennogo obraza*. Kontekst. [Horizons of the artistic image. Context]. – Moscow: *Nauka Publ.,* 1981. – Pp. 10–104.

SCHOPENHAUER A. *World as will and representation*. Moscow: Nauka Publ., 1993.– T. 1.– 672 p. (In German).

Сведения об авторах

С.Н. Ханбалаева – доктор филологических наук, доцент.

Р.А. Ахмедова – доктор филологических наук, профессор.

М.А. Гусейнов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

S.N. Khanbalayeva – Doctor of Philology, Associate Professor.

R.A. Akhmedova – Doctor of Philology, Professor.

M.A. Guseinov – Doctor of Philology, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 82.0(470.67):82-1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-246-255
EDN: VBKKFP

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ЦИКЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «ПОЭТЫ» БАГАУДИНА УЗУНАЕВА

Гюльнара Шугабутдиновна Чамсединова
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, chamsedinova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3619-5113

Аннотация. Статья посвящена анализу цикла «Поэты» современного дагестанского поэта Багаудина Узунаева. В работе исследуется центральный для творчества Узунаева конфликт между подлинным, боговдохновенным творчеством, коренящимся в традиции романтизма и античных идеалах, и современной литературной практикой, подчиненной законам рынка и прагматизму. Цикл рассматривается как целостный художественный манифест, в котором лирическое начало сочетается с острой сатирой, а историко-философские размышления – с экзистенциальными переживаниями. В статье прослеживается, как через систему оппозиций (вдохновение/монетизация, поэт/стихоплёт, аскеза/сытость, вечное/сиюминутное) автор выстраивает свою концепцию поэтического призвания. Особое внимание уделяется роли античных реминисценций (образы Катулла, Гая Мария, Кастальского ключа), которые служат Узунаеву для поиска духовной опоры и проведения параллелей между эпохами. В заключении анализируется ключевой образ цикла – «тесная клетушка» поэта-скитальца, который становится мощной метафорой отчуждения, духовного поиска и неустанного творческого усилия в условиях маргинальности и враждебного мира.

Ключевые слова: Багаудин Узунаев, цикл «Поэты», современная поэзия, творческий манифест, искусство, образ, поэт и власть, традиция, сатира.

Для цитирования: Чамсединова Г.Ш. Традиция и современность в цикле стихотворений «Поэты» Багаудина Узунаева // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 246-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-246-255. EDN: VBKKFP.

© Чамсединова Г.Ш., 2026

Original article

TRADITION AND MODERNITY IN BAGAUDIN UZUNAEV'S SERIES "POETS"

Gulnara Sh. Chamsedinova
Dagestan State Pedagogical University R. Gamzatov, Makhachkala, Russia, chamsedinova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3619-5113

Abstract. The article is devoted to the analysis of the cycle "Poets" by the contemporary Dagestani poet Bagaudin Uzunayev. The work explores the central conflict in Uzunayev's work between genuine, divinely inspired creativity rooted in the tradition of romanticism and ancient ideals, and modern literary practice governed by market laws and pragmatism. The cycle is viewed as a holistic

artistic manifesto that combines lyrical elements with sharp satire and historical and philosophical reflections with existential experiences. The article traces how the author builds his concept of poetic vocation through a system of oppositions (inspiration/monetization, poet/poet-writer, asceticism/satiety, eternal/momentary). Special attention is paid to the role of ancient reminiscences (images of Catullus, Gaius Marius, and the Castalian Spring), which serve Uzunayev to find spiritual support and draw parallels between different eras. In conclusion, the key image of the cycle is analyzed – the "narrow cell" of the wandering poet, which becomes a powerful metaphor for alienation, spiritual search, and tireless creative effort in a marginal and hostile world.

Keywords: Bagaudin Uzunayev, Poets cycle, modern poetry, creative manifesto, art, image, poet and power, tradition, satire.

For citation: Chamsedinova G.Sh. Tradition and modernity in Bagaudin Uzunaev's series "Poets". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 246-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-246-255. EDN: VBKKFP.

© Chamsedinova G.Sh., 2026

Введение

Исследование современной русскоязычной поэзии народов России, в частности поэтического творчества Дагестана, представляет значительный научный интерес в контексте изучения диалога культур и трансформации художественных систем в условиях глобализации. Литература Дагестана, обладая глубокими национальными корнями, активно осваивает общечеловеческие культурные коды, что порождает уникальные синкретические явления. В этом ряду творчество Багаудина Узунаева, опытного мастера художественного слова, выделяется своей философской глубиной и острой социальной рефлексией. Его цикл «Поэты» является не только значимым явлением в рамках дагестанской литературы, но и ярким художественным высказыванием общечеловеческого масштаба, поднимающим вечные вопросы о природе творчества, миссии художника и его месте в социуме.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления специфики современного литературного процесса, характеризующегося напряженным противостоянием между духовными традициями искусства и прагматическими законами рынка. Цикл Узунаева предлагает модель острого конфликта между сакральным пониманием поэзии, восходящим к романтизму и античным идеалам, и современной практикой, подверженной коммерциализации. Анализ этого конфликта через призму конкретного художественного текста позволяет выявить актуальные стратегии самоидентификации поэта в мире, где подвергаются сомнению базовые культурные ценности.

Целью статьи является анализ цикла «Поэты» Багаудина Узунаева как целостного художественного манифеста, раскрывающего авторскую концепцию поэтического призвания в её противопоставлении современным тенденциям.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ системы ключевых оппозиций (вдохновение/монетизация, поэт/стихоплёт, аскеза/сытость, вечное/сиюминутное), на которых строится художественный мир цикла; исследование функции лирико-философского и сатирического начал в структуре цикла, определяющих его жанровое своеобразие; определение роли и

семантики историко-культурных реминисценций (античные образы Катулла, Гая Мария, Кастальского ключа) в выстраивании авторской позиции и проведении параллелей между эпохами.

Методологическую основу исследования составляют принципы структурно-семантического и мотивного анализа, позволяющие рассмотреть цикл как целостное единство. Для раскрытия интертекстуальных связей и культурного подтекста применяется сравнительно-исторический метод. При рассмотрении сатирического компонента и социальной критики используется элементы социологического подхода к литературе. Такой комплексный методологический инструментарий позволяет всесторонне раскрыть идейно-художественное своеобразие анализируемого текста.

Проведенный анализ демонстрирует, как через личное переживание и острую полемику Узунаев выходит к универсальным обобщениям о судьбе поэта, актуальным во все времена.

Обсуждение

Багаудин Гаджиевич Узунаев является одним из наиболее значимых представителей современной дагестанской русскоязычной поэзии, чье творчество формирует уникальный мост между глубокими национальными традициями Кавказа и богатейшим наследием русской и мировой культуры. Будучи автором многочисленных сборников стихотворений, басен, прозы, очерков и переводов, Узунаев демонстрирует редкую смысловую и жанровую многогранность. Его профессиональный и творческий статус (член Союза писателей СССР с 1982 г. и член Союза журналистов России) подчеркивает не только длительный и плодотворный путь в литературе, но и признание его заслуг в рамках большой советской и российской литературной традиции. Исследователь его творчества И.Х. Атавова справедливо отмечает, что это «вдумчивый художник, заинтересованно вглядывающийся в окружающий мир. Пытливый ум поэта хочет проникнуть в самую суть вещей, понять их и поведать миру о своих открытиях» [Атавова 2011]. Именно эта пытливость, соединенная с бескомпромиссной этической позицией, формирует стержень его поэтики, что с особой силой проявляется в лирико-философском цикле «Поэты».

Данный цикл представляет собой масштабное и внутренне драматичное полотно, где лирическое начало неразрывно сплетено с острой социальной сатирой, а историко-философские размышления обретают плоть экзистенциального переживания. Узунаев с пристрастием судебного следователя исследует природу поэтического творчества, его высочайшее, почти сакральное предназначение и те глубинные противоречия, в которые оно ввергнуто в современную эпоху потребления и прагматизма

Цикл «Поэты» Багаудина Узунаева представляет собой масштабное лирико-философское и одновременно сатирическое полотно, на котором автор с пристрастием исследует сущность поэтического творчества, его высочайшее предназначение и те глубокие противоречия, в которые оно погружено в современную эпоху. Этот цикл – не просто собрание тематически близких стихотворений, но целостный манифест, построенный по принципу контрапункта, где высокое

соседствует с низким, сакральное с профанным, а вечные идеалы сталкиваются с сиюминутной конъюнктурой. Сквозь призму этого конфликта Узунаев выстраивает стройную и бескомпромиссную систему взглядов на место поэта в мире, обращаясь для прояснения своей позиции как к прямому дидактическому слову, так и к сложному языку исторических и культурных аллегорий.

Цикл открывается программным заявлением, которое сразу же обозначает духовный полюс авторской системы координат. Лирический герой, от чьего лица ведется повествование, постулирует абсолютную и незыблемую ценность вдохновения, понимаемого не как эмоциональный порыв, а как акт божественного откровения. «Стих, без него рожденный, – пуст» – эта формула отсылает к классической романтической традиции, где поэт есть всего лишь проводник высшей воли. Вдохновение для Узунаева – это «дуновенье, / Привет, слетевший с божьих уст», явление, несравнимое ни с какими земными радостями, даже с поцелуем «Вакханки юной». Этому сакральному идеалу автор противопоставляет безрадостную картину современной ему литературной среды. С горечью и сарказмом он констатирует, что «днесь поэты – млад и стар – / Увы, живут мечтой одною, / И, прямо скажем, прикладною: / Монетизировать свой дар / В большой и жирный гонорар». Поэт мастерски использует здесь сниженную, почти коммерческую лексику («монетизировать», «гонорар», «доход»), чтобы подчеркнуть глубину падения тех, кто превратил служение Музам в ремесло. Его критика направлена не просто на корысть, а на сам тип мышления «стихоплёта», который, прикрываясь расхожей фразой «Одно другому не мешает», на самом деле «правду с глупостью мешает». Автор заключает, что такой делец, хотя и может преуспеть в житейском плане, «никогда умов и душ / Он повелителем не станет!» [Узунаев 2022: 334]. В этом утверждении – ключевая мысль всего цикла: истинная власть в искусстве проистекает из духовного авторитета, а не из финансовой состоятельности.

Развивая тему источников подлинного творчества и углубляя критику его профанации, Узунаев во второй части цикла совершает философский поворот от внешнего обличения к внутреннему определению сущности поэтического дара. Этот переход знаменует движение от диагноза болезни времени к описанию здорового, нормативистского идеала. Он фокусируется на ключевом для своей эстетики понятии «прозренья», которое становится не только антонимом физической слепоты или духовной слепоты «стихоплётов», но и альтернативой простому, неосвященному «вдохновению». Если вдохновение можно трактовать как внешний импульс, то прозренье – это результат глубокой внутренней работы, кульминация духовного и интеллектуального напряжения. Автор намеренно и тщательно отделяет это метафизическое состояние от обыденного восприятия, подчеркивая: «Нет, я не про зренье, / Не про хрусталик про глазной… / Я говорю про озаренье, / Про выход к истине сквозной». Это терминологическое уточнение крайне важно: «прозренье» у Узунаева – это не интеллектуальное озарение логика, не эмоциональный порыв лирика и даже не спонтанное наитие. Это особый, трансцендентный акт интуитивного постижения, момент наивысшей ясности и соединения с абсолютом, когда поэту, подобно мистику или пророку, открывается сокровенная суть вещей, их «сквозная» истина, стоящая за феноменальным

миром видимостей. Это прорыв к первоосновам бытия, доступный лишь тому, чей дух очищен от суеты и готов к восприятию.

Далее автор локализует это состояние не только в онтологическом, но и в сакральном хронотопе, указывая на особое, отмеченное время для такого прозрения – раннюю зарю. Выбор этого времени глубоко символичен. Утро, «Когда наш дух особо чуток, / И взоры подняты Горе», описывается не как бытовой интервал, а как лиминальный порог, момент истончения границы между ночью и днем, сном и явью, подсознательным и сознательным, земным и небесным. На физиологическом уровне это время естественной психической уязвимости и открытости; на символическом – это архетипический мотив начала, творения, повторяющего акт божественного творения света из тьмы. В этот пограничный час, когда суетный мир еще спит, дух художника, аскетически очищенный от дневной шелухи и прагматичных помыслов, становится совершенным резонатором, восприимчивым к наитию. Именно в этом состоянии просветленного, аскетически чуткого сознания к поэту нисходит уже не отрывок или намёк, а целый созидающий «поток» рифм, который изливается «из недр Кастального ключа» [Узунаев 2022: 334].

Этот классический образ, восходящий к древнегреческому мифу об источнике вдохновения на горе Парнасе, питаемом музами, у Узунаева выполняет несколько фундаментальных и взаимосвязанных функций. Во-первых, он служит символом чистого, незамутненного, вечного родника поэзии, чья вода – синоним самой жизни, истины и духовности искусства. Это прямая и наглядная антитеза «жирному гонорару»: источник не покупается и не продается, к нему можно только припасть, духовно и интеллектуально подготовившись. Он дарует не материальное богатство, а богатство смысла. Во-вторых, отсылка к античному первоисточнику создает мощный интертекстуальный пласт, включающий поэзию Узунаева в непрерывную многовековую традицию западноевропейской и русской культуры – от Пиндара и Горация до Державина, Пушкина и Мандельштама, также использовавших этот образ. Это утверждает идею преемственности, вечности подлинного искусства и его вневременного канона. В-третьих, «Кастальский ключ» выступает как пространственно-глубинная метафора самого творческого процесса: истинная поэзия рождается из глубин («недр»), из коллективного бессознательного культуры, из архетипических пластов психики и личного духовного опыта, а не конструируется на поверхности рассудка для сиюминутных нужд рынка или идеологии. Таким образом, эта емкая метафора не просто украшает текст, а становится концептуальным и композиционным мостом. Она напрямую и контрастно подводит читателя от возвышенных размышлений о сущности и источнике вдохновения к центральной, самой обличительной и эмоционально заряженной части цикла – «Предателям Муз». Если Кастальский ключ – это сакральный идеал, чистый исток, то «предатели Муз» – его прямое, кощунственное и сознательное отрицание, загрязнение этого источника меркантильными интересами. Именно столкновение этих двух абсолютных полюсов – священного служения и профанирующего предательства – составляет драматургический нерв и этический пафос всего художественного манифеста Узунаева.

В этой части цикла, носящей программное и обличительное название «Предателям Муз», Узунаев совершает резкий и решительный переход от лирико-философских размышлений к острой социальной сатире и прямой, бескомпромиссной полемике с современностью. Он начинает этот суд с мощной цитаты-отсылки – «небес избранник», – которая мгновенно включает в текст голос пушкинской традиции с ее высоким пониманием миссии поэта-пророка, «невольника чести» и «гения чистого красоты». Однако этот возвышенный эпитет служит у Узунаева не для воспевания, а для контрастного оттенения последующего разочарования и как точка отсчета, от которой измеряется глубина падения. Сразу же за этим следует риторический, но оттого не менее мучительный и экзистенциальный вопрос, обращенный и к читателю, и к самому себе: «Кто он – поэт?». Этот вопрос, вечный для русской метапоэтической рефлексии, становится у Узунаева отправной точкой для судебного разбирательства над ложными личинами, которые присваивает себе современное «творческое» сообщество.

Далее автор выстраивает целый каскад антитез, который выполняет функцию исчерпывающего, почти юридического перечня возможных, но, с его точки зрения, неаутентичных или предательских ролей. «Певец утопий? Или реалий метроном?» – уже в этой первой оппозиции звучит скепсис по отношению как к безответственному мечтательству, оторванному от жизни, так и к бесстрастному, механистичному документированию действительности. Узунаев констатирует многовековую неразрешимость этого спора: «Простой вопрос… Но сколько копий / Сломали, думая о нём!» [Узунаев 2022: 334], тем самым указывая, что его анализ лежит в иной плоскости – не теоретической, а этической. Затем следует галерея быстро сменяющихся образов-масок: «Пламенный оратор, / Зовущий общество вперед!» – здесь узнается тень поэта-трибуна, агитатора, чей пафос может служить не истине, а очередной идеологии; «холодный регистратор» – образ бесчувственного хрониста, лишенного творческого начала; «смиренный черноризец, / Влюбленный в небо богомаз?» – карикатура на поэта-затворника, чья духовность рискует стать эскапистской и бесплодной для мира.

Кульминацией этого ряда становится самый отвратительный для автора образ – «корыстный живописец / Лиц, овладевших волей масс?» [Узунаев 2022: 334]. Это точный и убийственный портрет поэта-конъюнктурщика, придворного льстеца, сознательно продающего свой дар в услужение власти — не важно, политической, финансовой или медийной. Узунаев подчеркивает не просто корысть, а именно осознанное обслуживание силы («лиц, овладевших волей масс»), что превращает поэзию из искусства в инструмент манипуляции, в часть пропагандистского аппарата. Подводя итог этому сатирическому перечислению, Узунаев прибегает к емкой, ядовитой и афористичной антитезе, которая становится центральным диагнозом эпохи: «Поэты прежде были тощи, / А ныне – сыт и толстопуз / Служитель Муз… Верней и проще / Таких назвать: предатель Муз!» [Узунаев 2022: 334]. Этот вердикт беспощаден в своей простоте и образной силе.

Контраст между аскетичным, «тощим» прошлым и «сытым», самодовольным настоящим служит Узунаеву многослойной метафорой. «Тощий» поэт – это не только указание на материальную необеспеченность, но, в первую очередь,

символ духовной жажды, ненасытности в поисках истины, внутренней аскезы, необходимой для очищения восприятия. Худоба здесь – знак напряжения духа, неприсоединения к миру потребления. «Сытость» же и «толстопузость» – это метафорическое воплощение духовной пресыщенности, самодостаточности, утраты творческого голода и, как следствие, готовности к компромиссу с реальностью. Это физиологический образ душевной лени, обуржуазивания духа. Узунаев прямо связывает эту метаморфозу с глубинным кризисом: сытый «служитель Муз» – это оксюморон, ибо истинное служение предполагает самоограничение. За этим контрастом стоит горький вывод о том, что «горний дух иссяк» [Узунаев 2022: 334], то есть прервана связь с тем самым Кастальским ключом, источником вдохновения. Таким образом, в разделе «Предателям Муз» Узунаев переводит личный конфликт в план историко-культурной катастрофы, где предательство понимается не как частный проступок, а как системный отказ от самой сути поэтического призвания в обмен на материальный комфорт и социальную устроенность.

Для контраста и поиска утраченного идеала, а также для обретения духовной и исторической опоры в противостоянии с современностью, Узунаев обращается к глубоким историко-культурным параллелям. Он находит в античности не просто музейный объект для эстетического подражания, но живую, экзистенциально актуальную почву, где решались сходные проблемы творчества, власти и духовной свободы. Стихотворение «Катулл» становится ключевым моментом этого диалога сквозь века. Оно переносит читателя в Древний Рим, в атмосферу, пронизанную «знойным ветром ливийской пустыни» [Узунаев 2022: 335], что сразу создает образ страстной, почти физически ощутимой стихии, соответствовавшей накалу лирики самого Катулла. Однако Узунаев предлагает неожиданную и углубленную трактовку образа великого римского лирика, выходящую за рамки хрестоматийного представления о нем как о поэте, одержимом любовной страстью Постумии. Его Катулл, безусловно, ищет «прекрасной Постумии лик», но автор настаивает на более высокой мотивации: «Нет, не раб он телесных утех! / Он Прекрасного паж полномочный / Сквозь телесное, римский поэт, / Ищет вечного образа свет» [Узунаев 2022: 335].

В этой интерпретации Узунаев осуществляет платонический поворот: чувственная, земная страсть сублимируется в метафизический поиск, в стремление к абсолютной Идее Красоты, проступающей сквозь материальную оболочку мира. Катулл предстает не просто влюбленным, а «полномочным пажом Прекрасного» – служителем высшего начала, чья миссия заключается в прозрении вечного в преходящем. Эта возвышенная, идеалистическая устремленность поэта сталкивается в стихотворении с двумя формами враждебной, опошляющей силы. Первая – это суетный, корыстный мир самой возлюбленной, объективированной красоты: Постумия, которая «с богачами / Веселится, сверкая плечами» [Узунаев 2022: 335], воплощает соблазн пустого, лишенного духовного измерения существования. Вторая и главная сила — грубая, всеподавляющая власть в лице Цезаря, символа тиранического государства и политической прагматики. Однако здесь Узунаев делает центральный для своей концепции вывод: «многое мог, но не мог / Запретить ему магию строк / Извлекать» [Узунаев 2022: 335]. В

этом утверждении неувядаемой, победительной силы подлинного искусства заключен скрытый вызов и утешение для самого автора в его полемике с современными «предателями Муз» и любыми формами диктата. Поэт может быть физически слаб и уязвим, но его творческая магия неподвластна внешнему принуждению. Трагический финал стихотворения – «Не любовник веронский, а Бог!» [Узунаев 2022: 335] – является апофеозом этой идеи. Смерть поэта-«Бога» (здесь Узунаев использует державинскую по масштабу метафору) не отменяет его божественной миссии; напротив, она подтверждает его причастность к вечному, делает его жертвой, но и победителем в схватке духа с материей и насилием. Через образ Катулла Узунаев не только ищет духовную опору в классическом наследии, но и легитимирует собственную позицию маргинального, но свободного художника, чье творчество – это форма сопротивления и служения высшему идеалу, неподкупного даже перед лицом власти и смерти.

Следующее обращение к античности – «Подражание Овидию» – вносит в цикл тему власти, ее символов и их сложных, часто двусмысленных отношений с искусством. Лирический герой, наблюдая за «парением, полетом орлов», задается вопросом о природе их притягательности. Это размышление выводит его на идею о двойственной природе орла как символа: с одной стороны, это птица Юпитера, знак божественного покровительства и высшего одобрения («Орлы Юпитеру Судьбой посвящены»), с другой – это геральдический символ имперской, военной мощи. Исторический экскурс к фигуре Гая Мария, который, по преданию, нашел орлиное гнездо с семью птенцами и истолковал это как знак своего семикратного консулата, служит мостом между прошлым и настоящим. Узунаев с иронией отмечает, что Марий добился власти «Конечно, не за так, конечно, не без блата…», но тут же оговаривается, имея в виду «обычный меч, / Да право убивать». Эта историческая ретроспектива закономерно выводит к современному «двуглавому» Орлу, который «пространство одолел и время поборол». Ирония автора достигает апогея в финальном образе толпы, которая славит этих новых орлов, «развалясь, в подножии с попкорном» [Узунаев 2022: 335]. Этот образ красноречиво демонстрирует, как сакральные символы власти и героизма в современном массовом обществе превращаются в элемент шоу, лишенный подлинного пиетета и понимания, становясь фоном для обывательского потребления. «Поэт не боится раскрывать сложные противоречивые чувства, затрагивать темные стороны человеческой души» [Атавова 2013: 20].

Завершается цикл стихотворением, которое представляет собой мощный лирический каданс, возвращающий читателя из сфер высоких идеалов и исторических обобщений в частное, интимное и до боли конкретное пространство лирического героя. Это «тесная клетушка: / Окно слепое, пол немного пьяный, / В углу расположилась раскладушка». Эта аскетичная обстановка – «очередная стоянка на планете» для поэта-«скитальца». В этом образе бездомности заключен глубокий смысл: это не столько социальный статус, сколько экзистенциальное свойство истинного художника, чей дух не укоренен в материальном мире. Процесс обустройства этого временного пристанища («Пол подмету… окно протру… задвижку / Покрепче прикручу») описывается с почти ритуальной тщательностью. Кульминацией становится появление образа паучка, который,

подобно поэту, является бездомным тружеником, ткущим свою «добротную паутину» вручную, «без единой / Заминки». Однако финал этого, казалось бы, умиротворяющего наблюдения оборачивается метафорой глубочайшей экзистенциальной тревоги: «Но вдруг проснулся – вспрыгнул на середку, / Затряс ее!.. Так среди ночи узник / В отчаянии дергает решетку» [Узунаев 2022: 336]. Эта заключительная метафора многогранна. Это и образ творческого порыва, тщетно бьющегося об ограниченность материального мира и собственного тела; и метафора самого сознания, осознавшего свою запертость в «клетушке» бытия; и, наконец, символ того самого вдохновения, которое, будучи рождено в тесноте и лишениях, отчаянно стремится к свободе.

Заключение

Проведенный анализ цикла «Поэты» Багаудина Узунаева позволяет утверждать, что данное произведение представляет собой целостный и программный художественно-философский манифест, в котором сконцентрированы основные принципы авторской эстетики и этики творчества. Сквозь призму острого, сознательно драматизированного конфликта Узунаев выстраивает многоуровневую систему ценностей, противопоставляя сакральное понимание поэзии как боговдохновенного акта («дуновенья с божьих уст») ее современной профанации, сведенной к механизму социального приспособленчества.

Цикл демонстрирует сложное жанровое единство, где лирическая исповедь органично сочетается с острой социальной сатирой, а историко-культурная рефлексия – с экзистенциальным переживанием одиночества. Через систему бинарных оппозиций (вдохновение/расчет, поэт/стихоплет, аскеза/сытость, вечное/сиюминутное) автор не только критикует «предателей Муз», но и позитивно формулирует свой идеал. Этот идеал коренится в романтической традиции и восходит к античным первоисточникам, что подчеркивается ключевыми образами-символами: Кастальский ключ как источник чистого творчества, Катулл как «паж Прекрасного», противостоящий тирании Цезаря силой «магии строк».

Центральным итоговым образом цикла и, по сути, квинтэссенцией авторской концепции становится фигура поэта-скитальца в его «тесной клетушке». Эта емкая метафора синтезирует в себе мотивы духовной автономии, добровольной аскезы, творческого сосредоточения и трагического отчуждения в мире, враждебном подлинному искусству. «Клетушка» – это одновременно пространство порабощения и лаборатория свободы, где в условиях маргинальности и бытовой неустроенности рождается неумирающий порыв к абсолюту. Отчаянный жест паучка (а через него – и лирического героя), в отчаянии дергающего паутину-решетку, становится символом того самого «горнего духа», который, даже будучи заключенным, не прекращает своего сопротивления и творческого усилия.

Таким образом, в цикле «Поэты» Багаудин Узунаев утверждает не просто элитарную или ностальгическую модель творчества, а экзистенциальную позицию поэта как духовного труженика и непокорного узника, чья власть основана не на социальном признании, а на бескомпромиссной верности внутреннему канону. В этом смысле его манифест, несмотря на полемическую заостренность,

оказывается глубоко актуальным, предлагая противоядие от конформизма и напоминая о том, что истинная поэзия рождается не в пространстве рыночного успеха, а в «тесной клетушке» одинокого и требовательного к себе сознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Атавова 2013 – *Атавова И.Х.* Творчество Багаудина Узунаева: жанровые и художественно-стилевые особенности. Автореф. дисс. канд. филол. н-к. – Махачкала, 2013. – 23 с.

Атавова 2011 – *Атавова И.Х.* Эволюция художественного сознания в поэзии Б. Узунаева: от пейзажной лирики к философской // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – № 4(17). – С. 92-95. – EDN OPGKDL.

Узунаев 2022 – *Узунаев Б.Г.* Из цикла «Поэты» // Антология литературы народов Северного Кавказа в 5 т. – Т. 1 «Поэзия» / под ред. А.М. Казиевой. – Пятигорск: ПГУ: Снег, 2022. – С. 334-336.

REFERENCES

ATAVOVA I.KH. *Tvorchestvo Bagaudina Uzunaeva: zhanrovye i khudozhestvenno-stilevye osobennosti* [Creativity of Bagautdin Uzunayev: Genre and Artistic-Stylistic Features]. Avtoref. diss. kand. filol. n-k. – Makhachkala, 2013. – 23 p. (In Russ.).

ATAVOVA I.KH. *Evolyutsiya khudozhestvennogo soznaniya v poezii B. Uzunaeva: ot peizazhnoi liriki k filosofskoi* [Evolution of Artistic Consciousness in B. Uzunayev's Poetry: From Landscape Lyrics to Philosophical Poetry]. In: Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo uni-versiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. – 2011. – № 4(17). – P. 92-95. – EDN OPGKDL. (In Russ.).

UZUNAEV B.G. *Iz tsikla «Poety»* [From the Poets Cycle]. In: Antologiya literatury narodov Severnogo Kavkaza v 5 t. – T. 1 «Poeziya» / pod red. A.M. Kazievoi. – Pyatigorsk: PGU: Sneg, 2022. – P. 334-336. (In Russ.).

Информация об авторе

Г.Ш. Чамсединова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

G.Sh. Chamsedinova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 14.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 821.352.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-256-268
EDN: VLBMUH

РОМАН Х.Д. ЖИРОВА «СЫН ОТЦА». ПРОБЛЕМАТИКА И ОСНОВНЫЕ ОБРАЗЫ

Пётр Константинович Чекалов
Карачаево-Черкесский Институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, chekalov58@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7580-4060

Аннотация. Статья представляет собой первую попытку литературоведческой интерпретации романа абазинского писателя Х.Д. Жирова «Сын отца» (1970). На конкретных примерах раскрываются деловые и человеческие качества двух центральных фигур: председателя колхоза Амерби и секретаря партбюро Зураба. Амерби свойственны авторитарный стиль правления, грубость, переходящая в самодурство. В общении с подопечными он преимущественно использует обвинения и угрозы. Председатель не интересуется социально-бытовыми условиями работников, не терпит возражений, всякую инициативу принимает в штыки. Он отправляет сельхозпродукцию в дальние регионы, продает по рыночной цене, но при этом не ищет собственной выгоды, остается опытным хозяйственником, увлеченным работником. С этим персонажем связана основная идея произведения, заключающаяся в том, что под воздействием происходящих в обществе преобразований Амербию удается подавить в себе прежние антипартийные привычки и осознать себя не только главой, но и частью коллектива.

Антиподом председателя выступает секретарь партийной организации Зураб, принципиальный, твердый в убеждениях молодой человек, отстаивающий интересы рядовых тружеников села. Ему удается вскрыть многочисленные проблемы: мизерная оплата труда при физической переработке, невыплата дояркам премиальных, дополнительной платы животноводам, уходящим на лето в горы вместе со стадами, отсутствие соответствующих условий быта для колхозников на ферме и в тракторной бригаде, выдача животным кормов не по установленной норме. Зурабу принадлежит идея создания детского сада, он первым подхватывает выдвинутую женсоветом мысль о сооружении бани в ауле. При реализации этих замыслов секретарю приходится входить в противостояние с председателем, спорить и убеждать его в необходимости этих начинаний. Зураб – цельная личность с твердым характером, для которого забота о людях является первостепенной задачей. Но при всех положительных качествах он как художественный образ выглядит бледнее, чем рельефная фигура председателя, воплотившая в себе черты и противоречия эпохи 1950 – 60-х гг.

Ключевые слова: Жиров, «Сын отца», роман, обсуждение, описательно-функциональный метод, герой, Амерби, Зураб, социально-бытовая сфера.

Для цитирования: Чекалов П.К. Роман Х.Д. Жирова «Сын отца». Проблематика и основные образы // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 256-268. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-256-268. EDN: VLBMUH.

© Чекалов П.К., 2026

Original article

KH.D. ZHIROV'S NOVEL «THE FATHER'S SON». PROBLEMS AND MAIN IMAGES

Petr K. Chekalov
Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Studies named after H.H. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, chekalov58@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7580-4060

Abstract. This article represents the first attempt at a literary interpretation of the novel "Father's Son" (1970) by the Abaza writer Kh.D. Zhirov. Specific examples are used to reveal the professional and personal qualities of two central figures: Amerbi, the collective farm chairman, and Zurab, the party bureau secretary. Amerbi exhibits an authoritarian leadership style, rudeness bordering on tyranny. In his interactions with his subordinates, he primarily uses accusations and threats. The chairman is uninterested in the workers' social and living conditions, tolerates no objections, and is hostile to any initiative. He ships agricultural produce to distant regions and sells it at market prices, but at the same time does not seek personal gain; he remains an experienced manager and a dedicated worker. The central idea of the work is connected with this character: under the influence of the ongoing social transformations, Amerbi manages to suppress his former anti-Party tendencies and recognizes himself not only as the leader but also as part of the collective.

The chairman's antithesis is the party secretary, Zurab, a principled and strong-willed young man who champions the interests of ordinary village workers. He uncovers numerous problems: meager wages for overtime work, non-payment of bonuses to milkmaids, non-payment of extra wages to livestock breeders who spend the summer with their herds in the mountains, inadequate living conditions for collective farmers on the farm and in the tractor brigade, and inadequate animal feed rationing. Zurab is the originator of the idea to establish a kindergarten and the first to embrace the women's council's proposal to build a bathhouse in the village. While implementing these plans, the secretary is forced to confront the chairman, arguing and convincing him of the necessity of these initiatives. Zurab is a person of integrity and strong character, for whom caring for people is a top priority. But despite all its positive qualities, as an artistic image it appears paler than the relief figure of the chairman, who embodied the features and contradictions of the era of the 1950s and 60s.

Key words: Zhirov, “The Father’s Son”, novel, discussion, descriptive-functional method, hero, Amerbi, Zurab, social and everyday sphere.

For citation: Chekalov P.K. Kh.D. Zhirov's novel «The father's son». Problems and main images. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 256-268. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-256-268. EDN: VLBMUH.

© Chekalov P.K., 2026

11 января 1962 г. в абазинской газете «Свет коммунизма» был напечатан фрагмент из повести Х. Жирова «Молодость побеждает» [Жиров 1962: 3-4]. Через три недели в русскоязычной областной газете «Ленинское знамя» была помещена авторская справка, в которой отмечалось, что «сейчас Жиров заканчивает работу над повестью "Молодость побеждает", рассказывающей о больших преобразованиях, происходящих в деревне в наши дни» [Михайлов 1962: 4]. Это были первые печатные упоминания о новой повести абазинского писателя, впоследствии обретшего жанровый статус романа и название «Сын отца».

Несмотря на заявление газеты, работа над произведением продолжалась еще более двух лет, после чего рукопись была представлена в абазинскую

литературную секцию в июле 1964 г. Обсуждение проходило тяжело, было высказано много критических замечаний, вследствие чего к разговору о романе приходилось возвращаться неоднократно. Последнее (четвертое) рассмотрение «Сына отца» прошло в январе 1968 г., и тогда было принято решение рекомендовать книгу в печать после доработки [ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 121. Л. 7]. И она увидела свет летом 1970 г. И за прошедший с того времени более чем полувековой период, если не считать рукописного отзыва Э. Эделя, сохранившегося в архиве писателя, она не удостоилась ни одной печатной рецензии, ни одной литературоведческой статьи. И наше обращение к данному произведению вызвано желанием вынести общее суждение о нем, выявить проблематику и характерные особенности главных героев, для чего использован в основном описательно-функциональный метод, а в некоторых случаях и сравнительно-сопоставительный метод.

Еще за два года до издания книги в отчетном докладе ответственного секретаря Карачаево-Черкесской писательской организации Х.Б. Байрамуковой прозвучала фраза: «Один из старейших прозаиков Х. Жиров написал повесть "Сын отца", которая целиком и полностью посвящена труженикам колхозного аула» [ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 126. Л. 1]. Таким образом, новое произведение Жирова отражало проблематику коллективного хозяйствования. Ранее эта тема в абазинской литературе затрагивалась лишь в романе П. Цекова «Казма» (1962–65). Но «Сын отца» обнаруживает преемственность не только с ним, но и с предыдущим романом самого Жирова о первых годах колхозного строительства – «Пробуждением гор» (1962). И тут же отметим, что их связь только тематической близостью не ограничивается: в «Сыне отца» намечается дальнейшая судьба героев предыдущего сочинения. Так, мы узнаем, что главный герой «Пробуждения гор» Мухаб Аргунов был захвачен репрессивным аппаратом конца 1930-х годов, осужден на 10 лет лагерей, во время Отечественной войны сражался в штрафном батальоне и погиб, героически отражая атаку фашистов[1]. Несмотря на арест и несправедливый приговор, персонаж до конца остался убежденным большевиком, преданным идеалам революции. В этом плане название второго романа «Сын отца» прочитывается как *достойный сын своего отца*, так как главным его героем выступает секретарь партийного комитета колхоза Зураб, сын Мухаба.

В связи с образом Мухаба в романное пространство были вовлечены тюремные сцены, впервые в абазинской литературе приоткрывшие трагическую тему репрессий и тем самым обозначившие новаторскую грань произведения. Много позже данная тематика будет разрабатываться писателями других поколений: М. Дагужиевым в пьесе «Когда накатит колесо» (2009), Х. Аджибековым в рассказе «Холм золы» (2009).

[1] По всей видимости, в первоначальный авторский замысел входило более широкое освещение фронтовой жизни Мухаба. Во всяком случае, в издание Жирова 1971 г. «Люди моей земли» вошел большой рассказ, в котором группа разведчиков во главе с Мухабом в тылу фашистов подорвала два моста, за что герой был награжден орденом Ленина: Жиров Х. Два моста // Жиров Х. Люди моей земли. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1971. – С. 32 – 59.

В «Сыне отца» прослеживается и судьба Лидхан, супруги Мухаба. Она была арестована вслед за мужем, а так как сын остался без родительской опеки, его определили в интернат для сирот. После освобождения Лидхан отыскала ребенка, забрала его, но в связи с начавшейся войной погибла под бомбежкой. Перед смертью она попросила Варвару Николаевну передать мальчика в руки Фариз. Так, и образ любимой девушки Бекмурзы из предыдущего произведения оживает на страницах романа. Ею и был воспитан Зураб. В одной сцене проявляется и взрослый уже Нурби, ребенок, найденный табунщиком в лесу возле убитой молодой женщины.

Таким образом, новое произведение в какой-то степени выступает продолжением «Пробуждения гор». Но все же их нельзя считать частями единого произведения. «Сын отца» – самостоятельное творение со своей образной системой и проблематикой, касающейся административной, производственной, социально-бытовой сфер. Во втором романе рассматривается другая эпоха, наступившая после развенчания культа личности Сталина: конец 1950 – начало 60-х годов. И основными героями выступают не те, что фигурировали в «Пробуждении гор», а другие. И наиболее колоритным из них выступает Амерби Дармыда, председатель колхоза «Октябрь».

В рукописной рецензии на роман от 15 января 1971 г. Э. Эдель, переводчик на русский язык «Пробуждения гор», так аттестовал данного персонажа: «Амерби – опытный хозяйственник, человек, несомненно, одаренный, сильный и властный, с природным умом, но малограмотный, не развитый. Амерби хорошо выполняет большие и полезные дела, организатор, вовсе не корыстен, работает не ради собственной выгоды. <…> Несмотря на привычку к самовластию, Амерби страстный, увлеченный работник на земле»[1].

В этом отзыве многие черты героя схвачены верно, хотя Эдель судил по подстрочному переводу.

Деловые качества и стиль управления Амерби раскрываются уже на третьей странице художественного текста в прямой авторской характеристике: «На членов правления, секретаря партийной организации, коммунистов, председателя сельсовета, депутатов он не обращал внимания, не советовался с ними, не прислушивался к их мнению. На руководящие должности выдвигал только тех, кто нравился ему лично. Помогал только тем, кого ему хотелось поддержать. Если инициатива исходила не от него, ни одно новое дело не могло сдвинуться с места. Порой казалось, что он не беспокоится о сдаче сельхозпродукции государству. Фрукты и овощи он предпочитал отправлять не в близлежащие города, а в отдаленные регионы и продавал по рыночной цене. Кроме прибыли, его больше ничто не интересовало. И в этом деле он опирался не на своих колхозников, а на людей, приспособленных к купле-продаже. Им он доверял больше» [Жиров 1970: 5-6].

Амерби Дармыда много лет подряд являлся председателем колхоза. При нем маленькое хозяйство в 300 дворов разрослось в четыре раза, превратилось в

[1] Эдель Э. Рукописная рецензия на роман Х.Д. Жирова «Сын отца». Архив писателя Х.Д. Жирова. Хранится у жителя а. Старо-Кувинск Аккао М.А. Л. 2-3.

крупное сельскохозяйственное предприятие с ежегодно растущим доходом. Но, стараясь добиться производственных результатов, руководитель при этом игнорировал социально-бытовые условия колхозников, не имевших ни клуба, ни детского сада, ни бани. И, тем не менее, колхоз был известен не только в районе, но и в области. Сам председатель и многие труженики были награждены орденами и медалями. И такое положение повлияло на характер персонажа: он уже не терпел возражения, управлял единолично, проявлял нетерпимость, самодурство, отличался откровенной грубостью в обращении с коллегами. И эта сторона руководителя была известна вышестоящим органам, о чем говорит тот факт, что его непартийное поведение трижды обсуждалось на бюро райкома партии. И вот ему грозит уже четвертое рассмотрение личного дела…

Роман открывается резонансным инцидентом, когда председатель обматерил и вытолкал из машины секретаря партийной организации колхоза прямо среди поля из-за того, что тот не был согласен с его мнением. Случай из ряда вон выходящий, и о нем стало известно секретарю райкома партии, решившему всерьез приструнить зарвавшегося хозяйственника. Но Амерби уверен в себе, не собирается сдаваться, и сбить его с занятых позиций не просто. Он звонит секретарю райкома и пытается убедить его в собственной правоте, подключает к делу председателя райисполкома для оказания давления на Аслана. Когда же и это не помогло, Дармыда самолично является к первому секретарю и пытается предотвратить надвигающееся наказание. И снова он получает отпор. Это вводит орденоносного руководителя в состояние шока. Он подавлен, смят, разбит. Горло его пересохло, голос потух, на лбу выступил пот. Глубокое внутреннее смятение персонажа сказывается и в том, как он, выйдя из райкома и сев в председательский газик, не обронил ни слова и лишь рукой махнул водителю на дорогу.

Очередное заседание бюро райкома завершилось вынесением Амерби строгого выговора с занесением в личную карточку. (А первоначальное предложение было исключить его из партии). Это событие заставило героя серьезно задуматься, осмыслить допущенные перегибы. Начинается процесс переделки сформировавшейся личности. Дармыда еще на многих страницах выступает все тем же руководителем с авторитарным стилем правления, но понемногу ему удается подавлять в себе прежние привычки, откликаться на насущные потребности колхозников, осознавать себя не только руководителем, но и частью коллектива. И основная творческая задача романа была связана с этим персонажем. Именно о нем шла речь, когда на последнем обсуждении писатель говорил: «Моя цель была – перевоспитать людей, идущих по неправильному пути» [ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 121. Л. 4]. Но, повторимся, исправление героя шло медленно и трудно.

В плане характеристики Амерби красноречивыми выступают и сцены, показывающие становление взаимоотношений между ним и Зурабом, новым секретарем партийной организации колхоза. Когда Аслан, секретарь райкома, решил согласовать кандидатуру парторга с председателем, тот проявил совершенное равнодушие: «Ставьте, кого хотите. Лишь бы с делами справлялся» [Жиров 1970: 17]. И лишь после того, как Аслан выразил недоумение по поводу такой реакции, Амерби вынужденно выдавил: «Он спокойный парень, хороший

работник, образованный. Сойдет» [Жиров 1970: 17]. Обещает обеспечить его жильем, мотоциклом для передвижения по бригадам. Но потом выясняется, что никакой симпатии к молодому выдвиженцу он не испытывал. И свое неприязненное отношение председатель не то, чтобы демонстрировал прямо, но и не считал нужным скрывать. Так, сразу после собрания, на котором Зураб был утвержден в новой должности, новоиспеченный парторг специально задержался, чтобы получить от Амерби какое-то напутствие, указание на ближайшее время. Но тот, будто не замечая его, деловито перебирал бумаги на столе, затем встал, потушил свет, прошел мимо Зураба и вышел из комнаты. И лишь на улице, не останавливаясь, обронил: «Завтра поговорим, парень. Иди, спи» [Жиров 1970: 18].

Но и на следующее утро, когда герой оказался в его кабинете, председатель даже голову не поднял, не ответил на приветствие: сидел, писал. Потом молча сунул руку Зурабу и направился к выходу. На просьбу молодого секретаря партбюро ввести его в курс дел, Амерби ответил абазинской поговоркой: «Вода и камень не привязаны друг к другу» [Жиров 1970: 20] и посоветовал знакомиться с колхозниками самостоятельно на их рабочих местах.

Прямое игнорирование партийного работника обретает неприличные формы и входит в противоречие с национальными морально-этическими нормами. Но Амерби был таков, и его следовало принимать таким, какой он есть. Недаром жители аула за глаза называли его чудовищем («бльагІва») [Жиров 1970: 19].

Причины противостояния Амерби и Зураба Эдель в своей рецензии объяснял таким образом: председатель восстает против парторга «не из-за страха, что он помешает творить в колхозе темные дела, но из-за самолюбия»[1], а Зураб вступает в борьбу с Амерби «ради него самого»[2]. И нам представляется, что в таком толковании присутствует определенная логика.

Среди других персонажей Амерби выделяется индивидуализированной речью, напористым произношением фраз. У него было и любимое словечко «парень» («сычкІвын»), с которым он обращался не только к молодым, но и взрослым людям и даже к женщинам. И все же наиболее характерными для данного персонажа лексическими средствами являются «симулянт», «прогул», «штраф», которые он бросал в лицо нерадивых, как он считал, колхозников. Основным способом его общения с подопечными были обвинения и угрозы, что подтверждается и эпизодом разговора председателя с механизатором на полевом стане [Жиров 1970: 63]. И потому в другой сцене, когда мы слышим брань скрытого еще от читателя персонажа, мы сразу узнаем особенности речевой культуры Амерби: «Ты – симулянт <…>. Ты – срывщик <…>. Ты – саботажник <…>. Я на тебя в суд подам. Ты понимаешь, что тебя могут посадить в тюрьму на десять лет? <…> Если с сегодняшнего дня твой трактор не то, что день, один час простоит без дела, я тебя самого запрягу и буду пахать на тебе!» [Жиров 1970: 127].

[1] Эдель Э. Рукописная рецензия на роман Х.Д. Жирова «Сын отца». Архив писателя Х.Д. Жирова. Хранится у жителя а. Старо-Кувинск Аккао М.А. Л. 2.
[2] Эдель Э. Рукописная рецензия на роман Х.Д. Жирова «Сын отца». Архив писателя Х.Д. Жирова. Хранится у жителя а. Старо-Кувинск Аккао М.А. Л. 3.

Потом выясняется, что это была репетиция постановки, в которой самодеятельный актер пародировал руководителя колхоза. Здесь примечательно то, что колхозники усвоили манеру разговора председателя, характерную для него лексику и то, как он любит стучать кулаком по столу.

Методы работы Амерби, его образ мышления, погоня за производственными показателями, безразличие к социально-бытовым нуждам колхозников воспринимаются не только как личностные свойства героя, но и как порождение авторитарного времени. И подобный стиль перенимается другими персонажами. Так, когда по почину женсовета был поднят вопрос о сооружении бани и обратились за помощью к Мухадину, тот попросту отмахнулся: «Я не отвечаю за преобразования в ауле, я отвечаю за поля. И подводы не дам; ни камня, ни глины не привезу. Выходите на прополку, там я вас всем обеспечу» [Жиров 1970: 52]. И эта позиция не ситуативная, не единовременная. Такой подход во многом объяснялся тем, что герой – бывший фронтовик, отличный бригадир, член правления и партбюро, депутат сельсовета. Он чувствовал себя абсолютно уверенно. К тому же за производственные результаты он отвечал головой, а социально-бытовые проблемы его касались лишь по общественной линии. И ими, как он считал, можно было пренебречь. В конечном счете управу на бригадира находит молодой парторг. Без лишних церемоний он ставит бригадира перед выбором: или он идет навстречу пожеланиям трудящихся, или на ближайшем заседании партбюро встанет вопрос о его дальнейшем пребывании в партии. И тогда уже на следующий день во дворе конторы появились две запряженные подводы, готовые принимать участие в строительстве бани. Таким образом, определенные черты председателя осознанно или неосознанно перенимались людьми ближайшего его окружении.

В то же время есть у Амерби и другая человеческая сторона: он любит жену, верен ей вопреки всем сплетням, которые аульские женщины распускали и доводили до сведения его супруги.

Еще 14 лет назад, будучи работником райкома, Амерби оставил жену, двух детей и женился на Цуце, за что поплатился должностью, исключением из партии. Но герой никогда не сожалел о своем поступке. Через некоторое время ему удалось восстановиться в партии, а потом ему предложили возглавить один из отстающих колхозов…

Жизнь стала налаживаться. Семья была обеспечена. Цуца не испытывала большого рвения к работе, и она оставила ее. Любя жену, Амерби не возражал, предоставлял ей служебную машину для поездок в город: когда – на рынок, когда – в театр. Супруга свыклась с такой жизнью, и ей уже казалось, что это она обеспечивает семью, построила дом, стала устраивать беспочвенные сцены ревности, от которых герой страдал сердцем.

Вот в очередной раз Цуце нашептали, будто муж ее передал сыну от прежнего брака 200 рублей на свадьбу. Она поверила, оскорбилась, разрыдалась… В этой сцене показательна реакция Амерби: услышав плач жены, он *бежит* на кухню, а когда понял причину слез, *возвращается медленно*, словно под ношей, *плечами задевая мебель и стены*… Автор не раскрывает внутренних

переживаний персонажа, но через внешние проявления дает читателю возможность догадаться, что творилось в его душе.

В отношении героя к жене нет места характерным для него резким словам, безапелляционным высказываниям, приказному тону. Перед нами человек совершенно иной ипостаси: не молодой уже мужчина, ни в чем не провинившийся, вынужден оправдываться перед капризной женой… «В такие минуты ничто не прельщало Амерби: ни его председательство, ни уважение руководителей района и области, ни положение в ауле, ни сама жизнь. Успокоить Цуцу, чтобы она могла улыбнуться ему ласковыми глазами, – больше ничего ему не было нужно» [Жиров 1970: 42]. И эти слова убеждают, что герой действительно любил, и никакие блага жизни не могли соперничать с его чувствами. И, тем не менее, ему хватает твердости характера запретить жене использование служебной машины в личных целях и призвать ее вернуться к работе.

Другим персонажем, воплощающим в себе чистоплотность, партийную принципиальность, упорство в достижении целей, выступает Зураб. Именно он способствует выявлению и устранению недостатков в работе колхоза. В начале романа герой предстает учителем школы, хорошим агитатором, радеющим за общее дело человеком. Свою деятельность на посту парторга он начал с того, что собрал секретарей партийных организаций бригад и обсудил с ними состояние дел. На этой встрече встал вопрос о том, что животноводам, вместе со стадами коров уходящим на лето в горы, дополнительная плата не выдается. Также не выплачиваются премиальные дояркам. Подобное отношение к труду колхозников убивает стимул работать лучше, что в конечном счете сказывается на показателях надоев молока. В связи с этим один из парторгов заявляет прямо: «Каждую весну мы даем обещания людям и не сдерживаем их. Амерби поступает неправильно: он экономит десятку, а теряет сотню» [Жиров 1970: 21]. Таким образом, вскрывается нарушение не только устава колхоза, но и постановлений обкома партии. В связи с таким положением дел было принято решение пригласить председателя на заседание парткома и выслушать его объяснения.

Во время посещения животноводческой фермы Зураб обратил внимание на отсутствие необходимых бытовых условий для работников: в комнате находилась лишь одна кровать да вдоль стены стояла длинная лавка. Если не считать покрывшихся пылью плановых обязательств в деревянной рамке, другой мебели в помещении не было.

Из беседы с доярками выяснилось, что их на ферме семь человек. На каждую приходится по 15 коров, которых нужно доить вручную трижды в день. На самом деле нагрузки выпадало еще больше. И это было связано с тем, что по договоренности между собой раз в неделю они по очереди брали выходной, а коровы отсутствующей распределялись между остальными. Таким образом, в действительности каждая из них должна была обихаживать по 17 коров ежедневно. Когда Зураб, чтобы облегчить бремя работниц, предложил увеличить штат доярок, они сами отказались от этой затеи, потому что и так не высокая зарплата в таком случае уменьшилась бы еще больше.

Открылось и то, что колхозницы не знали, сколько литров они надаивают в день; корма животным выдавали не по установленным нормативам, а на глаз:

«Когда привозят силос, кормим силосом, если есть сено – сеном. Случается, что перепадает и макуха…» [Жиров 1970: 25]. И все это выдается без счета: «Да кто там будет взвешивать, сколько килограммов в этих кормах?..» [Жиров 1970: 25].

Таким образом, обнажаются производственные проблемы, и по логике вещей они подлежат искоренению. Но в романе не описывается, как это происходит. Вероятно, автор считал это само собой разумеющимся: выявили, следовательно, изжили. Однако житейская практика убеждает, что вскрыть изъян и избавиться от него далеко не равнозначные понятия.

Следующее затруднение обнаружилось, когда наступила пора прополки. Необходимо было вывести всех тружеников на борьбу с сорняком. Но у многих женщин были малолетние дети, а оставлять их было не с кем. В связи с этим Зураб внес предложение открыть детсад. Председатель встретил идею в штыки: «Они (колхозники. – П.Ч.) должны думать о том, как работать и чем прокормить себя. Из-за их детей мы не будем осложнять себе жизнь. Хотят – пусть выходят на прополку, нет, – я в краснодарских хуторах наберу работников. Но ни ясли, ни садика я открывать не собираюсь» [Жиров 1970: 32].

Удивительно бездушное отношение к своим землякам. И Зураб вынужден напомнить, что колхоз составляют люди, и забота о них – обязанность руководителя. Но Амерби твердо стоит на своем: «Я предколхоза, а не председатель благотворительной организации, не заведующий детского сада» [Жиров 1970: 32]. И, давая понять, что разговор на эту тему окончен, пытается закруглить беседу. Но Зураб, невзирая на прозрачный намек председателя, что они могут не сработаться, настаивает: «Мы работаем на благо людей. И колхоз, и его богатства принадлежат людям» [Жиров 1970: 32]. Здесь как раз проявляется то качество героя, которое Э. Эдель называл «чувством долга перед народом»[1].

Расходы на детсад Амерби воспринимает как посягательство на колхозную кассу, и он твердо заявляет, что не допустит разбазаривания средств. И, чтобы слова его обрели непоколебимую решительность, со всей силой бьет кулаком по столу. Но и Зураб проявляет несгибаемость и обещает вынести вопрос на партбюро колхоза.

Амерби упрям, тверд, прямолинеен, но не дурак. Молодой парторг оказался не слабовольным, а принципиальным человеком, у которого слово не расходится с делом. И, если он действительно предаст огласке задуманное, председатель уже не уверен, что коммунисты пойдут за ним, а не за Зурабом. И в ситуации, когда на нем висит строгий выговор, было очень рискованно идти напролом. И тогда он решает перехватить инициативу: распоряжается собрать правление колхоза с обсуждением вопроса о создании детского сада. И так как его строительство потребовало бы не только денег и сил, но и времени, а прополку следовало начинать незамедлительно, председатель предлагает передать под садик здание конторы, а администрацию временно перевести в помещение второй бригады. Такое решение находит не только понимание, но и поддержку райкома партии. Что

[1] Эдель Э. Рукописная рецензия на роман Х.Д. Жирова «Сын отца». Архив писателя Х.Д. Жирова. Хранится у жителя а. Старо-Кувинск Аккао М.А. Л. 3.

касается Зураба, его нисколько не оскорбила украденная идея, для него не важно было, чье имя стоит за делом, важно, что оно решается.

Вслед за тем на повестку дня выходит необходимость сооружения общественной бани. Первым эту инициативу подхватывает Зураб и, как показано было выше, прикладывает все силы для решения данной задачи. Кстати, из всех начинаний в романе до конца прослеживаются создание детсада и строительство бани.

Поднимается и проблема чтения, недостаточного обеспечения библиотеки изданиями особенно местных авторов. Так, в колхозной библиотеке можно было взять книгу о герое мексиканской революции «Панчо Вилья», а вот роман «Казма» Пасарби Цекова найти невозможно. Далее выясняется, что в сельском магазине убрали книжные полки, а их места заставили водочными бутылками. И объяснение подобного казуса удручающе простое: «Продажа десяти книг не выручает столько денег, сколько одна бутылка водки» [Жиров 1970: 87]. Таким образом, подход к культурным потребностям жителей села измеряется прибылью. И этот жизненный парадокс также берется молодым парторгом на заметку.

В связи с книжной проблематикой вскрывается и другой нюанс: молодая учительница русской литературы, владея устной абазинской речью, не знает национального письменного языка и даже выступает за то, чтобы абазинские авторы стали писать по-русски. В данном случае Жиров заметил и зафиксировал начало проявления пренебрежительного отношения абазин к собственному языку. В настоящее время данная проблема приобрела угрожающие масштабы общенационального бедствия…

Таким образом, поле деятельности для молодого парторга открывается широкое. И читатель понимает: цельная личность героя с твердым характером, для которого забота о людях становится задачей первостепенной важности, не спасует перед трудностями и добьется достижения всех намеченных целей. Но тут же необходимо отметить следующее: при всех своих положительных качествах Зураб как художественный образ заметно бледнее, чем Амерби. Своеобразная и рельефная фигура председателя, воплотившая в себе конкретные черты и противоречия эпохи – самая большая творческая удача писателя в данном произведении.

Говоря о романе в целом, следует отметить, что и здесь проявилась характерная для крупных произведений Жирова особенность. Вспомним: повесть «В поисках жизни» имеет три вставных эпизода о трагической участи Марджанат, Сидхан и Кары; в «Пробуждении гор» повествование также неоднократно прерывается историей о любви Бекмурзы и Фариз, рассказом о подпольной работе большевика Дубина; «Сын отца», продолжая эту линию, включает в себя воспоминания Зураба о мытарствах и гибели своей матери, Хазрата – о лагерных и фронтовых годах Мухаба, Хамымхан – о печальной попытке ее семьи избежать коллективизации, Фариз – о собственной драматической судьбе.

В плане художественном несомненно, что «Сын отца» более искусное и выверенное произведение, чем «Пробуждение гор». Роман не страдает явными структурно-композиционными излишествами, нарушением причинно-следственных связей; здесь нет недоговоренности, чрезмерной искусственности поведения персонажей, они выглядят значительно полнокровнее, чем в

предыдущем произведении, их поступки зачастую сопровождаются психологическими ремарками. Но, как это нередко бывает, эстетически наиболее состоятельным выступает отрицательный образ председателя колхоза, нежели «правильный» главный герой Зураб.

Новаторство произведения, как об этом говорилось выше, заключалось в том, что в нем была поднята актуальная для 1960 – 70-х гг. колхозная тема с ее зримыми и скрытыми проблемами; впервые в абазинской литературе затронуты темы репрессий, лагерей, штрафных батальонов, отразившихся на судьбах героев. И это преподносилось как частные ошибки в целом правильной государственной политики.

В «Сыне отца» много мастерски выполненных пейзажных зарисовок, бытовых деталей. Особенно удачным представляется начало 18 главы: «Сабша мшчвщын. <…> Шарпны йалаган, аква щыбжьан намдзауата йашIасхтI. Аквадзы аурам йыгъбжьамшвузтI. Андакьква йрызнахан, ауатраква аквадзы ртагылан. Асабичви акъазкви йыргвыргъьаран. Ауат аурам йбжьамшвауата аквадзы йтакъьатIун. Абабыщква рбжьы йцIагъата ауат йгIарылггIун. АквтIуква, рхырдзквагьи ахьщщыхын, акIьадыгв йгьгIатымцIуазтI, агвагвыщква аква рылстI рпшрагьи чвыршвагата, ашв йкIылагылан, кIарафара йазпшуан. АмацIауыртаква рылгIваквагьи тшщаквыркIын, ала пскIьаквагьи, йцIыхъваршвшвауа, ашв йкIылагылан. АтгIачва щыбжьан йшчауа ауатла йудыруан. Ажвхьа шIыцква йгIарыдахIвтI, апстхIва тшыцIаркIтI, ажвхча тшичвыцIаркIын, йхъвагIауа акыт йгIарылалхтI. Йпасата йъагIагваралхыз ахъазла рхIаквым рхауа йазырбауата, ауат ажвква гIатшкIарарымжьра ахъазла, агвашвква адыркIытI. Даргьи рхIвараква йрызшIытуа, ахIвынчIвгьи тырхын, агвашв йыдгылапI. Ауат йгвыжвкIын, алакви асабичви йырзытрыситI, рылаква тыргIгIа акIьадыгвква йыртапшитI. АунагIва пхIвысчвагьи рыжвква йырзыгъьуа ахIвараква гIаркIыхитI» [Жиров 1970: 85] («Был пасмурный субботний день. <…> С самого рассвета зарядил дождь и прекратился лишь к обеду. Дождевая вода залила всю улицу: канавы вдоль дорог были переполнены, вода стояла в огородах. Для детей и гусей наступило раздолье, и они с удовольствием копошились в уличных потоках. Из их общего гвалта выделялись тонкие утиные кряканья. Куры, опустив влажные крылья, не уходили со двора. Дымы из летних кухонь возносились спокойно. Изголодавшиеся собаки, виляя хвостами, стояли перед дверью вместе с промокшими грустными индюками, дожидаясь корма. По ним можно было догадаться, что семья обедает. Недавно отелившиеся коровы, пользуясь туманом, убежали с пастбища и, ревя, вступили в аул. Мстя им за то, что вернулись так рано, хозяева закрыли ворота и не пускают их домой. А они, призывно мыча телятам, месили грязь у ворот, бросались на детей и собак, тоскливыми глазами заглядывали во двор. И домохозяйки, ругаясь на своих коров, ловили телят»).

Если подходить пристрастно, и в этом фрагменте можно выявить отдельные стилистические погрешности. Но они с лихвой перекрываются зоркостью авторского взгляда, точностью наблюдений, умелым подбором соответствующих лексических средств при создании картинки. В результате она становится естественной, взятой из самой гущи народной жизни. Это не просто фотокопия бытового эпизода, а живая, динамичная, узнаваемая во всех деталях и – главное! – в

эстетическом плане превосходная зарисовка. К сожалению, наш подстрочный перевод не передает всей прелести и очарования оригинального текста, который можно квалифицировать как стихи в прозе.

При всем том, что говорилось выше о психологических ремарках, все же нужно признать, что в отдельных местах недостает глубины анализа душевных движений героев. Возьмем Амерби. Его исправление, осознание им своих просчетов происходит не одномоментно, растянуто во времени. Тем не менее, переформатирование такой сложной личности совершается слишком быстро и без видимой духовной работы. Так, на 65-й странице говорится о том, что председатель не доволен парторгом, избегает встреч с ним, жалуется и даже наговаривает на него, а через четыре страницы они уже как единомышленники вместе шагают по аулу, а еще через четыре страницы Амерби приглашает Зураба к себе в гости на чай. Неправдоподобными представляются и сцены, когда не работающие жены председателя (Цуца) и главного бухгалтера (Марджанат) вдруг рьяно включаются в общественную работу. Такие глобальные психологические перемены так скоро не осуществляются.

Как ни покажется парадоксальным, но самыми невероятными оказываются страницы, посвященные боевым действиям. Напомним, что автор прошел Отечественную войну почти от начала и до конца, и потому, казалось бы, этот материал он должен был знать хорошо. Но что мы видим на самом деле?

Общая ситуация представляется таким образом: советские войска вышли к вражескому оборонительному рубежу, но атаковать не решились вследствие того, что место было окружено густыми лесами и непроходимыми болотами. К тому же армия не была обеспечена соответствующей военной техникой и снаряжением. Поэтому командование специальным приказом приостановило наступление. В этой ситуации штрафной батальон по своему почину, без согласования с вышестоящими структурами штурмует и захватывает укрепление, после чего докладывает наверх о свершившемся факте. Вот как об этой операции рассказывают ее непосредственные участники – Виктор и Мухаб: «Мадзата анамыца рбагъьарта хIалстI. ХысрадъаачIапщагIвчва хIщытI. Аштаб алахIрыхъвашатI. Дара анамыцаква ртанкква хIрыквчIватI, йгIакIвшауата арыбагъьартаква зкIыз афашистква хъхIщгIатI, гъартагьи швкIпхьадзара къомкI гIахIкIытI. Арыла хIара хIахькIьала йгIатхъата йаъаз анамыца йыр танкла йхIгвычIан, амгIва хIырхвиттI…» [Жиров 1970: 109] («Скрытно подошли мы к немецкой крепости. Без выстрела убрали часовых. Разрушили штаб. Сели на вражеские танки и уничтожили занявших окрестность фашистов, взяв в плен несколько сотен. Танками подавили выдвинувшиеся против нашей армии части и освободили дорогу…»).

Данный фрагмент ничего общего с реализмом не имеет. Это чистый фольклор. Если бы на войне победы одерживались так легко и просто, она не продолжалась бы четыре года и не потребовала бы миллионные жертвы.

И, тем не менее, даже с учетом присущих произведению недочетов можно констатировать, что «Сын отца» в творчестве Х.Д. Жирова является новым шагом вперед в освоении жанра романа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 121 – *Государственный архив Карачаево-Черкесской республики*. Протокол № 2 заседания абазинской литературной секции при Союзе писателей Карачаево-Черкесии от 31 января 1968 г. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 121. Л. 4-7.

ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 126 – *Государственный архив Карачаево-Черкесской республики*. Отчетный доклад бюро областной писательской организации за период с 1965 по 1968 год. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 126. Л. 1-35.

Жиров 1962 – *Жиров Х*. Молодость побеждает. Из новой повести // Свет коммунизма. – 1962. – 11 января. – С. 3-4.

Жиров 1970 – *Жиров Х*. Сын отца. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1970. – 158 с.

Михайлов 1962 – *Михайлов В*. Хамид Жиров // Ленинское знамя. – 1962. – 4 февраля. – С. 4.

REFERENCES

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. Protocol No. 2 of the meeting of the Abaza literary section of the Union of Writers of Karachay-Cherkessia, January 31, 1968. F. No. Ф. R-362, In. 1, Case 126. – P. 4-7. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. Summary report of the regional writers' organization bureau for the period from 1965 to 1968. F. No. Ф. R-362, In. 1, Case 121. – P. 1-35. (In Russ.).

ZHIROV H. Molodost' pobezhdayet. Iz novoy povesti [Youth Wins. From a New Story]. In: Light of Communism. – 1962. – January 11. – Pp. 3-4. (In Russ.).

ZHIROV H. Syn ottsa. [Father's son]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol book publishing house, 1970. – 158 p. (In Russ.).

MIKHAILOV V. Khamid Zhirov [Khamid Zhirov]. In: Leninskoe Znamya. – 1962. – February 4. – P. 4. (In Russ.).

Информация об авторе

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 08.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 08.10.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Фольклористика

Научная статья
УДК 398; 394.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-269-277
EDN: VZGIXD

ЛЕЗГИНСКИЕ НАРОДНЫЕ ИГРЫ: ТИПЫ И ПРИНЦИПЫ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

Аида Руслановна Гашарова
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия, aida.2015@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0002-1651-1740

Аннотация. В статье рассматриваются лезгинские народные игры, многообразие форм, основные подходы к систематизации и принципы их классификации. Традиционные игры нами рассматриваются как средство взаимодействия детей с реальностью. Они также служат своеобразной подготовкой к взрослой жизни. Актуальность нашей статьи обусловлена двумя обстоятельствами: их ролью в воспитательном процессе или в организации досуга, а также тем, что лезгинские народные игры не становились объектом специального изучения, в работе они рассматриваются впервые. Порой сложно распознавать игру, если она не является четко структурированной и обусловленной формальными требованиями (правилами). На основе фольклорного принципа классификации детские игры мы подразделили на различные группы. Нами выделены игры простые и сложные, детские и юношеские, домашние и полевые, традиционные или формальные, с устойчивой структурой и словесными формулами, приговорами, прибаутками и песнями и т. д. Отмечается, что, анализируя собственно детский фольклор, мы должны ориентироваться на детей отроческого возраста, т. е. тех, которые уже способны перенимать элементы мира взрослых, представляют информацию о культуре старшего поколения, творчески интерпретируют и воспроизводят ее в ходе социального взаимодействия. Таким образом дети придают новое звучание и переосмысленное значение фольклорным текстам и способствуют формированию единой культуры в среде сверстников.

Ключевые слова: детский фольклор лезгин; народные игры; происхождение игр; классификация.

Для цитирования: Гашарова А.Р. Лезгинские народные игры: типы и принципы их классификации // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 269-277. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-269-277. EDN: VZGIXD.

© Гашарова А.Р., 2026

Original article

LEZGHIN FOLK GAMES: TYPES AND PRINCIPLES OF THEIR CLASSIFICATION

Aida R. Gasharova

The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, aida.2015@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0002-1651-1740

Abstract. This article examines Lezghin folk games, their diversity, the main approaches to systematization, and the principles of their classification. We view traditional games as a means of children's interaction with reality. They also serve as a kind of preparation for adult life. The relevance of our article is determined by two circumstances: their role in the educational process or in the organization of leisure, and also the fact that Lezghin folk games have not become the object of special study; they are considered in the work for the first time. It is sometimes difficult to recognize a game unless it is clearly structured and conditioned by formal requirements (rules). Based on folklore classification principles, we have divided children's games into various groups. We have identified games that are simple and complex, children's and adolescent, home and field games, traditional and formal, games with a stable structure and verbal formulas, sayings, rhymes, and songs, etc. It is noted that when analyzing children's folklore itself, we must focus on children of adolescence, i.e. those who are already capable of adopting elements of the adult world, and present information about the culture of the older generation, creatively interpret and reproduce it during social interaction. In this way, children give a new sound and reinterpreted meaning to folklore texts and contribute to the formation of a unified culture among their peers.

Key words: Lezghin children's folklore; folk games; origin of games; classification.

For citation: Gasharova A.R. Lezghin folk games: types and principles of their classification. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 269-277. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-269-277. EDN: VZGIXD.

© Gasharova A.R., 2026

Детский фольклор – это общий термин, который используется для обозначения собственного фольклора детей, в отличие от фольклора о детях или фольклора для детей, который используется взрослыми и выполняет обучающую функцию.

Детский фольклор отражает культуру взрослых. Он включает в себя фрагменты различных форм верований, ритуалов, а также информацию об образе жизни определенных социальных групп. Анализируя собственно детский фольклор, мы должны ориентироваться на детей чуть старшего возраста.

Ключевое место в жизни ребенка занимает игра. «Возникновение их относится к далекой древности и в своем развитии они прошли ряд последовательно сменявшихся форм, соответствовавших общественным отношениям и хозяйственной деятельности народа» [Басангова 2022: 64]. Она зарождается в самом раннем возрасте, изначально удовлетворяя базовые физиологические потребности. Игры используются для воспитания у детей раннего возраста навыков эмоционального сближения со взрослыми, сверстниками, а также для развития речи, действий. По мере взросления игра становится основным видом деятельности малыша, приобретая социальную окраску.

Дети создают и участвуют в общей культуре сверстников. Для успешного поддержания социального взаимодействия дети должны осознавать намерения друг друга и координировать свои действия в совместной деятельности. Посредством этого сотрудничества дети также инициируют, поддерживают и снижают

социальные взаимодействия и договариваются о своем непосредственном участии в обществе сверстников. В свою очередь это приводит к использованию детьми жеребьевок и считалок. Это делается для формирования структуры управления и определения руководящей роли. Подобно тому, как фольклор отражает образ жизни сообщества, так же детские игры изображают мир взрослых, их более широкую социальную жизнь, структуру и ценности. В своей игре дети применяют наблюдения из своей повседневной жизни. Они модифицируют отдельные элементы и придают им свои собственные смыслы и интерпретации.

Некоторые игры, и, связанные с ними игровые песни, в течение длительного времени параллельно функционировали как в репертуаре взрослых, так и в репертуаре детей. В итоге игры полностью перешли в детский фольклор. В своих играх, развлечениях, стихах дети сохраняют опыт, перенятый у взрослых. Отголоски взрослых традиций можно найти и в других жанрах детского фольклора (анекдоты, устные рассказы).

Разделов, посвященных детским играм, нет ни в одном фольклорном сборнике лезгинского народа. Традиционные игры остаются неизученным жанром детского фольклора лезгин. Исключение составляют тексты игр, опубликованные в сборнике «Давайте поиграем. Лезгинские народные игры» [Мирзоев 2022], где представлены 53 игры (включая варианты одной и той же игры).

Детские игры лезгин можно разделить на жанровые категории, каждая из которых выполняет свою собственную воспитательную роль. С учетом художественной интерпретации образов, эстетической сущности и структурных особенностей, детские игры лезгин можно разделить на следующие типологические группы:

1. Простые (которые не требуют напряженной работы мысли и легко усваиваются детьми) и сложные (со значительным количеством участников, с эмоционально заряженными драматическими моментами, с воссозданием сцен с диалоговым взаимодействием).

2. Одиночные и общественные. Если в детских одиночных играх объектом игрового процесса становятся игрушки и игровые принадлежности, в общественных (совместных) играх игровой процесс сосредоточен на самих участниках.

3. Относительно гендерной принадлежности участников, игры делятся на игры для девочек и игры для мальчиков. Например: в игры «Бармакдик цил кутаз» («Под папаху подкладывать семя»), «Малла гьарай» («Возглас муллы»), «Къванер акIуриз» («Втыкая камни»), «Къайда-къайда» («Порядок-порядок») играют только мальчики, а в игры «Ягъи» («Злодей»), «Епинал хкадарун» («Прыжки на веревке»), «Нини-нини» («Кукла-кукла») только девочки. В зависимости от окружающей обстановки игровые команды могут состоять и из комбинаций мальчиков и девочек. К примеру, в игры: «Чибур квез, куьбур чаз» («Наши вам, ваши нам»), «Гьанда-гьанда» («Ганда-ганда»), «Туп-лаш» («Мячик-палка»), «Картуф» («Картошка»), «Къвани-къван» («Камень-камешек») и др.

4. С учетом возраста участников выделяют детские и юношеские игры. Причем на первоначальном этапе (в первые годы жизни) с ребенком играется мать, бабушка, сестра. Эти игры близки потешкам. Например: игра «Уй-уюн» имеет

несколько вариантов. Молодым мамам помогут в воспитании детей игры «Кварквар» («Кувшин-кувшин»), «Къуьр-къуьр» («Заяц-заяц») и др.

5. Игра почти всегда сопровождается песенным текстом, созданным или взрослыми для детей, или самими детьми, или же заимствованным ими из других жанров фольклора и приспособленным для игры. Исходя из способов придания художественному образу материальной формы, детские игры можно разделить на игры с пением (с поэтическими текстами и игровыми приговорами) и игры без песенного сопровождения. В первой подкатегории текст является основным (центральным) элементом. «Игровая поэзия, сопровождающая определенное действо, нераздельно соединенная с элементами драматического представления, по сравнению с колыбельной песней была более сложной и разнообразной формой народного искусства, обслуживающей подрастающего человека (младшего и старшего возраста), который, играя в кругу сверстников, мыслит, творит…» [Свод 2019: 26]. В играх без песенного сопровождения первостепенное значение приобретает действие.

6. Игры условно можно подразделить на: домашние (комнатные) и полевые (уличные). Так как игры своими корнями связаны с трудовой практикой людей, то больше всего они интегрированы со сменой сезонных циклов. К примеру, домашние (комнатные) или же досуговые игры чаще всего проводились в конце сбора урожая, в осенне-зимнее время, когда у детей появлялось чуть больше свободного времени, а полевые (уличные) – в весенне-летний период, так как последним требуется больше пространства (речь идет о более энергичных и динамичных играх). Домашние (комнатные) игры исследователь Г.А. Покровский классифицирует как «зимние» [Покровский 1994: 59–60].

7. В процессе игры детьми разных возрастов используются различные игрушки и игровые приспособления, как: трещотка (игрушка, изготовленная из грецких орехов), волчок, лук, свисток, вертушка, дудук, свирель, мячик, веревка, палка, самодельная кукла из тряпок и т.д. Поэтому в лезгинском фольклоре функционируют игры со специальными приспособлениями («Киши-киши» («Альчик-альчик»), «КIинтI лаш» («Игра в чижика»), «Туп-лаш» («Мячик-палка») и др.) и игры без них («Гьанда-гьанда» («Ганда-ганда»), «ЛамшаркIунтI» («Осел-осленок»), «Къабах» («Тыква»), «Пару» («Ограда») и др).

8. Выделяют также формальные (традиционные) игры с определенными правилами (для них характерна устойчивая структура) и игры-импровизации без четких правил. К числу формальных игр с повторяющимися игровыми элементами (припевами) в первую очередь причисляют обрядовые игры. О. И. Капица выделяет игры, «связанные со словесным творчеством и содержащие элементы драмы. В них творчество и личность ребенка выявляется многообразно и в разных направлениях. В разных сочетаниях в играх соединяются, встречаются жест и мимика, словесное творчество, песня и пляска» [Капица и др. 2002: 210–211]. Игру и обряд можно рассматривать как взаимосвязанные аспекты человеческого поведения.

К играм-импровизациям чаще всего относятся – игры мальчиков в охотников, воров, разбойников, солдатиков, индейцев; игры девочек с куклами, в семью, дочки-матери. В играх-импровизациях дети воссоздают картину

окружающей их действительности. В основном идеи для игр-импровизаций взяты из реальной жизни. Например, играя в домашнюю игру, дети вживаются в роль своих родителей (матери, отца, бабушки) и по мере развития событий они демонстрируют свои способности к творческому подходу, проявляют находчивость, умение импровизировать, придумывать нестандартные подходы и решения, исходя из текущей обстановки. Так, в известной лезгинской детской игре «Буба-диде» («Отец-мать») действия разворачивались по модели взаимоотношений во взрослой среде. В ней находили применение практически все элементы театрального представления. Дети изображали и разыгрывали семейные роли: отца, матери, сына, дочери и других членов семьи. Такие игры могли проходить как на открытом пространстве, так и в помещении. Девочки 4–7 лет выполняли функции матери и готовили кашу, используя почву и листья с дерева. Мальчики в свою очередь строили ограду для «игрового» дома, накрывали это своеобразное поле для игры ветками, соломой, различными приспособлениями, условно обозначающими предметы хозяйственного обихода. Также из глины они лепили кухонную утварь, делали ножи и копья из дерева. Среди 8–12-летних детей эта игра приобретала более серьезный характер. В этом случае дети могли использовать больше декораций, импровизированных диалогов, подобранных костюмов и драматических зрелищ. Такого рода игры позволяют постепенно осваивать навыки и знания, необходимые для успешного вступления в будущем во взрослую жизнь. Серьезность детских игр, прежде всего, заключается в честном и искреннем вовлечении игроков в процесс игры.

Итак, в своей творческой игре, выходящей за рамки простого подражания взрослым, дети включают действия взрослых, трансформируют их, адаптируют, высмеивают и используют с целью осмысления мира, наполняя его собственными смыслами и интерпретациями.

К представленным выше жанровым категориям можно отнести игры на развитие памяти, шуточные игры, игры в домики и т.д. Существовали также сатирические игры, которые были направлены на привитие и поддержание моральных установок общества. В более младшем возрасте это могут быть игры-прогулки, игры-занятия, игры-упражнения.

Каждая из представленных игр прошла долгий процесс усвоения социальных и культурных ценностей своего этноса.

Таким образом, лезгинский фольклор «располагает колоссальным игровым потенциалом по формированию интеллектуального, морально этического, физического и художественно-эстетического облика человека с максимальным учетом национально-региональных особенностей местности и поло-возрастных особенностей индивида» [Мирзоев 2022: 3].

В итоге игра «никогда не была только развлечением. В ней последовательно находили продолжение уроки воспитания. Уже на собственной практике малыш постигал правила поведения, воспринимал достойные примеры в качестве образцов. Игры для детей более старшего возраста прививают детям трудовые навыки, воспитывают чувства добра, смелости, справедливости, развивают умение мыслить и фантазировать, укрепляют их физически» [Свод 2019: 26].

Детские игры лезгин воплощают художественный образ и относятся к произведениям искусства. В них, так или иначе, отражаются культурные особенности, быт народа и общественная жизнь.

Наиболее архаичным пластом народных игр являются игры в животных. Например: «Сев» («Медведь»), «Кьиф-кац» («Мышка-кошка»), «Дуду хала» («Тетя Курочка»), Гъуьрчехъанар ва къуьрер» («Охотники и зайцы»), «Къуьр-къуьр» («Зайчик-зайчик»), «Лам-шаркIунтI» («Осел-осленок») и др.

Рассмотрим игру «Сев» («Медведь»). В ней роли закреплены за определенными участниками, это «медведь» и остальные дети. Есть четкое место действия: это открытое пространство (луг, поляна, площадка), своего рода импровизированный дом «медведя». Методом жеребьевки избирают «медведя». На поляне, открытом месте рисуют круг. «Медведь» должен охранять границы этой окружности. Остальные дети стараются приблизиться к «медведю», делают попытки зайти за черту и выйти. Если «медведь» коснется кого-нибудь рукой, тот останется внутри круга. Теперь остальные дети будут стараться коснуться рукой того ребенка, кто оказался «в плену медведя», чтобы освободить его. Игра завершится только тогда, когда «медведь» затащит всех детей к себе в круг.

В лезгинском детском фольклоре преобладали игры на свежем воздухе. Особый интерес представляет игра «Ягъи» («Неприрученная»). Это игра для девочек. Примерный возраст участников – 5–7 лет. Она проходила следующим образом: Дети берутся за руки, образуют хоровод, ходят по кругу и начинают петь песню. Среди них один запевала, а остальные – хором повторяют каждую строку песенки. Внутри круга располагается одна из девочек. Ей дают тайную кличку, о которой знает только главная в игре (она же и запевала).

Хоровод останавливается. Тогда одна из участниц подходит к мнимой «корове» (они считают, что «корова» куплена их отцом) и по-своему (дает ту кличку, которая ей нравится) подзывает ее к себе. После этого «корова» начинает бодаться. Так делает каждая из участниц.

В итоге главная в игре называет «реальную» кличку «коровы», чтобы раздобрить ее. Потом «коровой» станет другая.

Песенка для запевалы и участников хоровода звучит так:

Нам отец купил корову,
Нам отец купил скотину,
Белолобую с пятном на лбу.
Отелится в скором времени.
Привычки у нее скверные.
Молока дает две кастрюли.
Кто подойдет к корове и подзовет ее к себе?

Одна из участниц хоровода отвечает «Я» и называет клички: «Шумех, Эрбеш, Кашка» и другие.

(«Корова» бодает ее рогами). Наконец-то, согласившись со своей «реальной» кличкой, она встает и начинает петь песенку:

Вдоволь дайте мне травы,
Дам я вам молока.
Ласкайте меня,
Поправляйтесь от моего молока!
В порядке пусть будет мой хлев!
Полный травы пусть будет навес!
Вдоволь дайте воды, корма,
Ешьте мои сливки, масло.
(Вот так игра продолжается).

Важно отметить, что в тех играх, которые сопровождаются словесными формулами, приговорами и традиционными песнями содержатся «отголоски древних обрядовых игр и пережитки быта» [Аникин 2001: 572].

Определенному типу игры в лезгинском фольклоре соответствуют действа, когда детские забавы и игровые занятия сопровождаются поэтическим текстом. Поэтому поэтический текст и игровые действа искусно взаимосвязаны друг с другом.

Детские игры разных культур демонстрируют удивительное сходство. Они проводятся по идентичным правилам и организуются по схожим моделям. Так в ряде лезгинских традиционных детских игр легко обнаруживаются элементы, характерные для русских народных игр как по форме, так и по содержанию. К примеру, рассмотрим известную лезгинскую игру «Гъуьрчехъанар ва къуьрер» («Охотники и зайцы»). В эту игру могут играть как мальчики, так и девочки. Дети делятся на две группы. Два «охотника» стоят с двух сторон, а «зайцы» – посередине. «Охотники» начинают бить мячом «зайцев». «Зайцы» стараются отбегать то в одну, то в другую сторону, чтобы мяч не коснулся их. Если мяч коснется «зайца», то он вылетает из игры. «Заяц», который до конца останется в круге и, которого не смогут выбить мячом, оказывался победителем. Далее игру можно было начинать заново.

Русская народная игра «Охотники и утки» разыгрывается так же, только вместо «зайцев» – утки.

Схожие черты с русской игрой «Коршун» имеет лезгинская игра «Гуьзелан руш» («Дочь Гюзель»). Действия в игре разворачиваются следующим образом: Мальчики и девочки собираются в одном месте. Из этого коллектива они выбирают двух бойких ребятишек: один из них будет «орлом», а другой – «мамой». Все остальные участники – «дети» этой «мамы».

«Мать» встает впереди, «дети» прячутся за ее спиной, вереницей, друг за другом. «Орел» гонится за «детьми» и пытается их украсть.

«Орел» всячески хочет обмануть «мать». Потом они начинают вести между собой диалог:

– Посмотри, на небе звезды!
– Видела уже!
– Посмотри, цветы на земле!
– Знаю!

Когда «орел» не сумеет обмануть «мать», он говорит, что «влюбился в дочь Гюзель» и снова попытается обмануть мать. «Мать» не укажет дорогу. Снова между ними происходит диалог (с целью обмана):

– С правого плеча прилечу!
– Там колючки!
– Слева прилечу!
– Там собаки!
– Над головой пролечу!
– Там небосвод!

С этими словами «орел» снова пытается обмануть «мать», когда ему это не удается, он, со словами «я влюбился в дочь Гюзель», нападает на «мать». Она оберегает «детей» от «орла». «Дети» тоже бегством спасаются от «орла».

Если кто-то из «детей» попадется «орлу», то считается, что «орел» съел его, т.е. попавшийся выбывает из игры.

Игра продолжается в таком ритме.

В подобных играх диалоги имеют заданную традицией структуру, а их конкретное содержание и смысловое наполнение обусловлено уровнем владения участников индивидуальными речевыми навыками. Они напрямую зависят от способностей самих детей. Текст в них играет второстепенную роль и не подчиняется ритмическим закономерностям.

Схожие сюжеты имеют лезгинская игра «Гьанда-гьанда» («Ганда-ганда») и традиционная русская игра «Бояре»; лезгинские полевые юношеские игры «Киши-киши» («Альчик-альчик»), «Вуж хан жеда?» («Кто станет ханом?») и русская игра «В альчики»; «КIинтI лаш» («Игра в чижика») и одноименная русская игра «Игра в чижика» или «Русская лапта». Несмотря на наличие общих черт, детские игры демонстрируют значительные различия, обусловленные этноспецификой и культурно-бытовыми условиями. «В пределах одной и той же страны, в зависимости от местных условий, одна и та же игра видоизменяется и приобретает иногда совсем разные черты» [Капица и др. 2002: 208]. Например, лезгинская детская игра «Картуф» («Картошка»), аналогичная одноименной игре из русского фольклора, утратила свою этноспецифику. Некоторые игры, как «Зунни вунни юлдашар» («Мы с тобой подружки») и «ЧуьнуьхгумбатI» («Вор»), сумели противостоять различным изменениям и остались в первозданном виде.

Лезгинский детский игровой фольклор богат и собственными названиями общеизвестных игр. При уникальном единстве игрового репертуара, игра «Прятки» у лезгин имела следующие названия: «ЧуьнуьхгумбатI» («Вор»), «Къабах» («Тыква»), «Пару» («Ограда»), «Малла гьарай» («Возглас муллы»); «Жмурки» – «ЖукI-букI» («Жук-бук»); «Салки» (догонялки, ловетки, пятнашки) – «Пайдах-пайдах» («Флаг-флажок»), «Ген-ген» («Ген-ген»), «БистенкI-бистенкI» («Бистенк-бистенк»). В ряде случаев вместо названия игры представлено непереводимое сочетание слов или повторов.

В некоторой степени культурные преобразования отрицательно повлияли на народные традиции, прививая чувство ложного сознания. Это привело к отстранению детей от своего культурного наследия, вследствие чего они

постепенно утратили связь и адаптировались к новым формам культуры и социализации, забыв об истоках.

По мере взросления дети теряют творческую способность играть, потому что они осваивают навыки критического мышления, отрицания, ненависти и т.д.

Таким образом, игры занимали большое место в жизни детей и представляли собой этноспецифическую область коллективного творчества лезгинского народа. Современные детские игры представляют собой переосмысление, творческую адаптацию и интеграцию, где игровые традиции прошлого гармонично сочетаются с современными элементами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин 2001 – *Аникин В.П.* Русское устное народное творчество. Учебник. – Москва: Высшая школа, 2001. – 726 с.

Басангова 2022 – *Басангова Т.Г.* Детский фольклор калмыков (система жанров) – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2022. – 172 с.

Капица и др. 2002 – *Капица Ф.С., Колядич Т.М.* Русский детский фольклор: Учебное пособие для студентов вузов. – Москва: Флинта: Наука, 2002. – 320 с.

Мирзоев 2022 – *Мирзоев Ш.А.* Давайте поиграем. Лезгинские народные игры. – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2022. – 56 с. На лезг. яз.

Покровский 1994 – *Покровский Г.А.* Детские игры, преимущественно русские. – СПб., 1994. 388 с.

Свод 2019 – Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти томах. Том 7. «*Детский фольклор*» / отв. сост. *Ф.З. Абакарова, Ф.Х. Мухамедова*; отв. ред. А.М. Аджиев. – Москва: Наука, 2019. – 552 с.

REFERENCES

ANIKIN V.P. *Russkoye ustnoye narodnoye tvorchestvo. Uchebnik*. [Russian oral folklore. Textbook]. – Moscow: Vysshaya shkola, 2001. – 726 p. (In Russ.).

BASANGOVA T.G. *Detskiy fol'klor kalmykov (sistema zhanrov)* [Children's folklore of the Kalmyks (system of genres)]. – Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, 2022. –172 p. (In Russ.).

KAPITSA F.S., KOLYADICH T.M. (comp.) *Russkiy detskiy fol'klor: Uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov* [Russian children's folklore: A textbook for university students]. – Moscow: Flinta, Nauka, 2002. – 320 p. (In Russ.).

MIRZOEV SH.A. (comp.) *Davayte poigrayem. Lezginskiye narodnyye igry* [Let's Play. Lezgin Folk Games]. – Makhachkala: Izdatel'stvo ALEF, 2022. – 56 p. (In Lezgin).

POKROVSKY G. A. *Detskiye igry, preimushchestvenno russkiye* [Children's Games, Mostly Russian. – St. Petersburg, 1994. – 388 p. (In Russ.).

Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana: v 20-ti tomakh. [Collection of Folklore Monuments of the Peoples of Dagestan: in 20 Volumes.]. Tom 7. «Detskiy fol'klor» [Volume 7. «Children's Folklore»]. / Comp. F. Z. Abakarova, F. Kh. Mukhamedova; edited by A. M. Adzhiev. – Moscow: Nauka, 2019. – 552 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Р. Гашарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

A.R. Gasharova – PhD in Philology.

Статья поступила в редакцию 09.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 09.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-278-288
EDN: WKZBRV

КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ И БАХЪСЭН ПСЭЛЪЭКIЭМ И НОБЭРЕЙ ЩЫТЫКIЭР

Абазэ Маритэ Мухьэмэд ипхъу[1], ХъутIэжь Заудин Алий и къуэ[2]

[1] Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щIэныгъэ Iуэхущ1апIэ «Урысейм щIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центр» Федеральнэ щIэныгъэ центрым и филиал, Налшык, Урысей, marita.abazova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7701-1133

[2] Бэрбэч Хь. М. и цIэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университет, Налшык, Урысей, zaudin-777@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5975-1085

Аннотацэ. Лэжьыгъэр теухуащ нобэрей бахъсэн псэлъэкIэм и щытыкIэм, ар къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм къызэрыщхьэщыкIыр гъэнахуэным. Бахъсэн псэлъэкIэм япэ дыдэу тетхыхьауэ щытар К.Т. Мамрэшырщ, а щIэныгъэлIым иужькIэ бахъсэн псэлъэкIэм игъуэта зэхъуэкIыныгъэхэр зыми къалъытакъым. Абы ипкъ иткIэ къалэн нэхъыщхьэу зыхуэдгъэувыжахэм ящыщщ, нэхъ пасэм бахъсэн псэлъэкIэм иIа щытыкIэмрэ нобэрей зэманым иIэмрэ зэдгъэпщэныр, литературэбзэм къыщхьэщызыгъэкI щхьэхуэныгъэхэр къэхутэныр. Мы статьям лъабжьэ хуэхъуащ щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ тетхыхьа щIэныгъэрылажьэхэм я лэжьыгъэхэр. Ди лэжьыгъэм къыщыдгъэсэбэпащ бзэщIэныгъэ къэхутэныгъэ методхэу кIэлъыплъыныгъэ, тетхыхьыныгъэ, зэхэхуныгъэ, зэзыгъапщэ-зэпэзыгъэув зэпкърыхыныгъэхэр. Бахъсэн псэлъэкIэр щыдджым дэ зэпкърытхащ Бахъсэн къалэ, Къэсейхьэблэ, Дыгулыбгъуей, Ислъэмей, Тыжьей къуажэхэм щыпсэухэр зэрыпсалъэ губгъуэрытх материал зэхуэтхьэсахэр. Къэхутэныгъэм кърикIуахэр щыхьэт тохъуэ, иджырей бахъсэн псэлъэкIэр къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм къызэрыщхьэщыкIым. Нобэми адыгэзэдаибзэм къагъэсэбэпу щыта макъ дэкIуашэхэр нэхъыжьхэм я псэлъэкIэм къыхэнащ, копулэ-лъабжьэужь *-с*-р литературэбзэм къыщыкIуэ *щ*-м и пIэкIэ куэдым я псэлъэкIэм къыхощ. Куэд бжыгъэ, мыхъуныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужьхэми литературэбзэмрэ бахъсэн псэлъэкIэмрэ зэщхьэщокI. Фонетикэ щхьэхуэныгъэм имызакъуэу, бахъсэн псэлъэкIэм къыхэдгъэщащ псалъэ Iэрамэ гуп, литературэбзэм къызэрыщыкIуэм къыщхьэщыкIыу е хэмытыхэу.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, щIыпIэбзэ, псэлъэкIэ, лъабжьэужь, бахъсэн псэлъэкIэ, фонетикэ, лексикэ.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: Абазэ М.М., ХъутIэжь З.А. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и бахъсэн псэлъэкIэм и нобэрей щытыкIэр // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 278-288. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-278-288. EDN: WKZBRV.

© Абазэ М.М., ХъутIэжь З.А., 2026

Original article

THE CURRENT STATE OF THE BAKSAN DIALECT OF THE KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE

Marita M. Abazova[1], **Zaudin G. Khutezhev**[2]

[1] Institute of Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, marita.abazova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7701-1133

[2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, zaudin-777@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5975-1085

Abstract. The article examines the current state of the Baksan dialect in comparison with the literary Kabardian-Cherkessian language. It is based on the monographic studies of Adyghe scholars who studied the dialects and vernaculars of the Kabardian-Cherkessian language in the 1960s. The article uses descriptive, comparative-historical, and contrastive linguistic methods. The field material covering the spoken language of the residents of Baksan and the villages of Baksanenok, Islamey, Dugulubgey, and Kishpek in the Kabardino-Balkarian Republic was subjected to a comprehensive analysis. A comparative analysis of K.T. Mamreshev's research and the current state of the Baksan dialect revealed phonetic and lexical differences from the literary Kabardian-Circassian language. It was established that in the Baksan dialect, the copula suffix -s was preserved in the speech of all ages and both sexes, instead of -sh; the negative suffix -Iym was preserved instead of -kym. A linguistic analysis of the spoken language of the studied linguistic area has shown that the affrication of the back-tongue consonants g', k', and chI' into j, ch, and kI has not yet been completed in the modern Baksan dialect. The analysis also revealed a small layer of vocabulary that differs from the literary language. It is concluded that there are minor deviations from the literary norm of the Kabardian-Cherkessian language in the phonetic and lexical systems of the modern Baksan dialect.

Keywords: Kabardian-Cherkessian language, dialect, accent, suffix, phonetics, vocabulary, Baksan accent.

For citation*:* Abazova M.M., Khutezhev Z.G. The current state of the baksan dialect of the kabardino-cherkess language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 278-288. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-278-288. EDN: WKZBRV.

© Abazova M.M., Khutezhev Z.G., 2026

Научная статья

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БАКСАНСКОГО ГОВОРА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Марита Мухамедовна Абазова[1], **Заудин Галиевич Хутежев**[2]

[1] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, marita.abazova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7701-1133

[2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, zaudin-777@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5975-1085

Аннотация. В статье исследуется современное состояние баксанского говора в сравнении с литературным кабардино-черкесским языком. За основу взяты монографические

исследования учёных-адыговедов, которые в 60-х гг. XX в. изучали диалекты и говоры кабардино-черкесского языка. В работе использованы описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный лингвистические методы. Всестороннему анализу подвергся полевой материал, охватывающий разговорный язык жителей г. Баксана и с. Баксаненок, Исламея, Дугулубгея, Кишпек Кабардино-Балкарской Республики. Сравнительный анализ исследования К.Т. Мамрешева и современного состояния баксанского говора показал фонетические, лексические отличия от литературного кабардино-черкесского языка. Установлено, что в баксанском говоре в речи всех возрастов обоего пола законсервировались копула-суффикс -с, вместо -щ; суффикс отрицания -Iым, вместо -къым. Лингвистический анализ разговорной речи исследуемого языкового ареала показал, что в современном баксанском говоре до сих пор аффрикатизация заднеязычных согласных *г', к', чI'* в *дж, ч, кI* не завершился. А также выявлен небольшой пласт лексики, отличающийся от литературного языка. Сделан вывод, что в фонетической и лексической системе современного баксанского говора отмечаются незначительные отклонения от литературной нормы кабардино-черкесского языка.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, диалект, говор, суффикс, фонетика, лексика, баксанский говор.

Для цитирования: Абазова М.М., Хутежев З.Г. Современное состояние баксанского говора кабардино-черкесского языка // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 278-288. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-278-288. EDN: WKZBRV.

© Абазова М.М., Хутежев З.Г., 2026

Адыгэбзэм и щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ джыныр мыхьэнэшхуэ зиIэ лэжьыгъэщ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ щIыпIэ щыпсэум елъытауэ псалъэхэм я къэпсэлъыкIэр зэтехуэркъым, абыхэм къыщыкIуэ макъхэр зэщхьэщокI. Аращ бахъсэн псэлъэкIэр щхьэхуэу къыщIыхэдгъэкIри.

ЩIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ теухуа щIэныгъэ лэжьыгъэхэр ятхыу щыхуежьар 1950 гъэхэрщ. Абыхэм ящыщщ Багъы П.М. [Багов 1969], Балъкъэр Б.Хь. [Балкаров 1969], КIуащ Т.Хь. [Куашева 1969], Къумахуэ М.I. [Кумахов 1957, 1969], Къумахуэ З.Ю. [Кумахова 1966] Мамрэш К.Т. [Мамрешев 1959], Шагъыр А.Къ. [Шагиров 1955], Тау Хь.Т [Таов 1998], АфIэунэ А.А., Шэру Н.Гъу. [Афаунова, Шериева 2025], Хэжь З.Р. [Хежева 2025].

Япэ дыдэу Г.Ф. Турчаниновым 1946 гъэм Налшык къыщыдэкIа щIэныгъэ лэжьыгъэм къыщыхигъэщащ бахъсэн (е литературэбзэ), мэздэгу, беслъэней щIыпIэбзэхэр [Турчанинов 1946].

Бахъсэн псэлъэкIэр къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм и лъабжьэу ябж, абы ипкъ иткIэ абы и щытыкIэр, зэхэлъыкIэр къэлъытэныр мыхьэнэшхуэ зиIэ Iуэхугъуэщ. 1959 гъэм Мамрэш К.Т. и IэдакъэщIэкI щIэныгъэ лэжьыгъэшхуэ «Особенности баксанского диалекта кабардинского языка» жыхуиIэр дунейм кытехьащ [Мамрешев 1959]. Мы лэжьыгъэм щIэныгъэлIым къыщихутащ бахъсэн щIыпIэбзэм 1950 гъэхэм иIа щытыкIэр, ар литературэбзэм къызэрыщхьэщыкIыр.

Мы лэжьыгъэм ди къалэн нэхъыщхьэр, Мамрэш К.Т. и къэхутэныгъэм едгъапщэурэ, нобэ бахъсэн псэлъэкIэм иIэ щытыкIэр, илъэс 70-м и кIуэцIкIэ абы зэрызиужьар, ар литературэбзэм нэхъ пэгъунэгъу хъуарэ пэIэщIэ хъуарэ зэхэгъэкIынырщ. Мамрэш К.Т. бахъсэн «диалект» фIищащ, ауэ нобэ ди лэжьыгъэм дэ къэтхьыр псэлъэкIэ фIэщыгъэцIэрщ [Бижоев 2022], говоркIэ

зэджэрщ. Ар апхуэдэу щIэдбжым и щхьэусыгъуэр, япэрауэ, материалхэр щызэхуэтхьэса къуажэхэр, Бахъсэн къалэр – мыхэр щхьэхуэу псэукъым, нэгъуэщI къуажэхэм яжь къыщIимыхуу, диалект щыжытIэр щIыпIэ хэха, литературэбзэм ирипсалъэхэр щыпсэум пэжыжьэу псэумэщ; етIуанэрауэ, а щIыпIэм щыпсэухэм я бзэм фонетикэ, лексикэ, морфологие и лъэныкъуэкIэ зэщхьэщыкIыныгъэшхуэ иIэмэщ. А Iуэхугъуэхэр къэтлъытауэ, тегъэщIапIэ тщIа лэжьыгъэм къыщхьэщыкIыу, дэ «Бахъсэн псэлъэкIэ» фIэщыгъэцIэр къыдогъэсэбэп.

Бахъсэн псэлъэкIэр щыдджым дэ къэтлъытахэщ Бахъсэн районым хыхьэу Бахъсэн къалэ, Къэсейхьэблэ (Бахъсэненкэ), Дыгулыбгъуей, Ислъэмей, Тыжьей (Кышпэк) къуажэхэм щыпсэухэр зэрыпсалъэ губгъуэрытх материал 2023-2025 гъэхэм зэхуэтхьэсахэр [ПМ Абазэ М.М.].

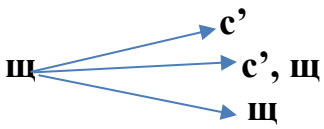
Фонетикэ щхьэхуэныгъэхэр

Ди къэхутэныгъэм къызэригъэлъэгъуамкIэ, ноби бахъсэн псэлъэкIэм адыгэзэдаибзэм къыщыкIуэу щыта бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ зэхэт *г'→дж, к'→ч, чI→кI*-хэр къыщокIуэ. ЖьэрыIуатэбзэм *г'→дж, к'→ч, чI→кI* къэпсэлъыкIитIри къыщокIуэ, нэхъыбэрэ апхуэдэ жыIэкIэм дызыщрихьэлIэр зи ныбжьыр илъэс 50-м щIигъуахэм я псэлъэкIэрщ, щIалэгъуалэхэм *дж, ч, кI* макъхэр нэхъ къагъэсэбэп, ауэ абыхэми я псэлъэкIэм *г', к', чI-р* къыщыхэхуи щыIэщ. Псалъэм папщIэ: *хъыг'эбз – хъы**дж**эбз, иг'ыпсту – и**дж**ыпсту, с**чI**'эры**чI**' – ск**I**эры**кI**, **к'**эсифэху – **ч**эсифэху,* н.

Мыхъуныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужь *-Iым*-ыр *-къым*-ым и пIэкIэ къапсэлъыныр адрей щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ бахъсэн псэлъэкIэр къащхьэщызыгъэкIхэм ноби ящыщщ. Мы зэхъуэкIыныгъэр адрей псэлъэкIэхэми щIыпIэбзэхэми къахощ, ауэ бахъсэн щIыпIэбзэм, адрейхэм къащхьэщыкIыу, мыхъуныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужьуи, зэрыщIэупщIэ лъабжьэгъусэуи къыщагъэсэбэп, щапхъэхэр: *лажьэ**Iым** – лажьэр**къым,** сщIэж**Iым** – сщIэж**къым,** сытхэф**Iым** – сытхэф**къым,** КъэкIуэну**Iэ**? – КъэкIуэну**къэ**? Ууей**Iэ**? – Ууей**къэ**?* н.

Къумахуэ З.Ю. зэритхыжымкIэ, мыхъуныгъэ лъабжьэгъусэ *Iым*-ыр етIуанэрейщ, щIэуэ къэхъуащ, *-къым* гъэпсыкIэр пасэрейщ [Кумахова 1966: 153-154].

Бахъсэн псэлъэкIэм ирипсалъэхэр лъабжьэужь-копулэ **-щ**-р къызэрапсэлъым теухуауэ гупищу дгуэшащ. Япэ гупым хохьэ **-щ**-ри **-с'**-ри зэхуэдэу къэзыпсэлъхэр, етIуанэ гупым хыхьэхэм нэхъыбэрэ **с'**-р къагъэсэбэп, **-щ**-р закъуэтIакъуэрэщ къызэрапсэлъыр; ещанэ гупым хыхьэхэм **-щ** фIэкIа къагъэсэбэпкъым. Ещанэ гупым хыхьэхэм я бжыгъэр мащIэ дыдэщ, адрей гупитIым еплъытмэ, нэхъыбэу Ислъэмей, Тыжьей, Дыгулыбгъуей дэсхэрщ. Бахъсэн псэлъэкIэр адрей щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ нэхъыбэу къащхьэщызыгъэкIхэм ящыщщ **-с'**-р гъэзэщIэн къигъэлъагъуэу къызэрагъэсэбэпыр, апхуэдэ псэлъэкIэмкIи ахэр адрейхэм къахощхьэхукI.

Бахъсэн псэлъэкIэм хыхьэхэм, псом хуэмыдэу Къэсейхьэблэ къуажэм, Бахъсэн къалэм щыпсэухэм щIэфие лъылъылъ укъуэдия **-*щ*** литературэбзэм къыщыкIуэм и пIэкIэ щIэфие укъуэдия **-*с’*** цIыхубзхэм я бзэм къыхощ, цIыхухъухэм я деж мащIэрэщ абы дызэрыщрихьэлIэр. Щапхъэхэр: *Си жизным и кIуэцI жиIа**с**, жаIыуи яIуатэуи зыхэсхаIым жиIа**с** Аргъеикъуэ къиуа**с** (псым и фIэщыгъэцIэ), абыкIэ къежэхыу щхьэлым къыщIэлъадэ псыр* [ПМА]. *Школыр къэзуха**щ**, парикмахер IэщIагъэм сыхуоджэ, цIыхухэр дахэ сщIын сфIэфIей**с**, щхьэцхэм селэжьын, ахэр згъэдэхэн сыт щыгъуи сфIэфIти арас а IэщIагъэр къыщIыхэсхар* [ПМА]. *Ауэ гугъуми адыгэбзэм еджэн хуе**с**, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ лъэпкъ уздэпсэум и бзэр умыщIэмэ уэ зыри уриIысIым, сэ ар куэдрэ си дэлъхумрэ сэрэ си адэм къыджеIэ* [ПМА].

Щапхъэхэм нэрылъагъу зэращIымкIэ, мыпхуэдэ фонетикэ зэщхьэщыкIыныгъэм бахъсэн псэлъэкIэм нэхъыбэу дызыщрихьэлIэр *щ*-р копулэу къыщыкIуэм дежщ.

Я ныбжьым емылъытауэ, бзэгупэ макъ дэкIуашэ щIэфие-лъылъылъ укъуэдия дэгу *щ*-м и пIэкIэ щабэ хъуа лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия *ш’*-р куэдым къапсэлъ. Языныкъуэхэм я бзэм макъ дэкIуашитIри (*щ, ш’*) къыщызэдокIуэкI, зы псалъэ дыдэр къытригъэзэжу къыщапсэлъкIэ зэм *щ*, зэми *ш’*-р къагъэсэбэпу. Щапхъэхэр: *къуп**ш**’хьэ – къуп**щ**хьэ, **ш**’хьэпырыдзын– **щ**хьэпрыдзын, жэ**ш**’ – жэ**щ**, на**ш**’э – на**щ**э,* н.

Мамрэш К.Т. и щIэныгъэ лэжьыгъэм къызэрыщыгъэлъэгъуамкIэ ***щ***-р ***с’***-м псалъэм и дэтхэнэ Iыхьэми щыхуэкIуэфу щытащ, щапхъэхэри къехь: *п**с**’ыIэ – п**щ**ыIэ, кIуа**с**’ – кIуа**щ**, **с**’ыгугъын – **щ**ыгугъын* [Мамрешев 1959: 16].

Дэ ди къэхутэныгъэхэм ***щ →с’*** щыхуэкIуэр копулэу къыщыкIуэм дежщ, псалъэпэми, псалъэкуми дыщрихьэлIакъым.

Нэхъыжьхэм я бзэм, литературэбзэм къыщхьэщыкIыу, макъзэблэхъу хэхахэр къыхощыж: *паб**ж**’э – паб**жь**э, б**ж**’эхуц – б**жь**эхуц, аргуэры**ж**’– аргуэры**жь**, Iэ**ж**’э – Iэ**жь**э.*

Иджырей бахъсэн псэлъэкIэм куэд бжыгъэ къызэрагъэлъагъуэ лъабжьэгъусэр литературэбзэм къызэрыщыкIуэм къыщхьэщокI. Куэд бжыгъэр IэмалитIкIэ къагъэхъу псэлъэкIэм: ***х → h***, е ***х →хь***-уэ: *дызэхэс**h**эс* – дызэхэс**хэ**щ, бын**hэм – хэм**, Борэн**h**э – Борэн**хэ**, шхыныгъуэ**хьэ**м – шхыныгъуэ**хэ**м, абы**хьэ**м – абы**хэ**м,* н.

Мы фонетикэ къэхъугъэр ноби щIэныгъэлIхэм адыгэбзэм и адрей щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмри къыщыхагъэкIащ [Афаунова, Шериева 2025; Хежева 2025].

Бахъсэн псэлъэкIэм *жыIэн* псалъэм макъ дэкIуашэ ***ж***-р ***з***-уэ зэхъуэкIауэ къапсэлъу дыщрохьэлIэ*: з**ы**сIаIым – **ж**ысIакъым, з**е**сIаIым – **ж**есIакъым, з**ы**сIэт – **ж**ысIэт, з**ы**сIурэ –**ж**ысIэурэ.*

Бахъсэн псэлъэкIэм куэдрэ дыщрохьэлIэ псалъэм и къэпсэлъыкIитIри къагъэсэбэпу. Щапхъэхэр: ***м**ывэ//**н**ывэ , **м**афIэ // **н**афIэ, пхъэ**м**гъу//пхъэ**б**гъу,*

куей//район, пэшхьэку//хьэку. Мы иужь ит псалъитIри литературэбзэм хэтщ, къарыкI мыхьэнэкIэ зэщхьэщыкIыныгъэ яIэу, ауэ бахъсэн псэлъэкIэм къызэрыхэщыжыр «унэр къызэрагъэхуабэу щыта, мафIэ зращIэ» жиIэу апхуэдэ мыхьэнэщ. Мы псалъэр жьы хъуахэм ящыщщ, нобэ къыдэкIуэтей щIалэгъуалэхэм къикIыр, зищIысыр зымыщIэр нэхъыбэщ. Ар зэхъуэкIа хъуащ «камин», «котел»-псалъэхэмкIэ.

Бахъсэн псэлъэкIэм къыхощыж *зэблэувыкIыныгъэ* къэхъугъэр (*дэ**хт**энэ – дэ**тх**энэ, Ды**губ**лыгъуей – Ды**гул**ыбгъуей, япэ **щIычI'э – я**пэ **кIыщIэ,** кIэн**тIр**оф – кIэ**ртI**оф, **си**востkIэ – **из**воскIэ*); макъ дэкIуашэхэр псалъэкум щыдэху (*ахуэдэт –а**п**хуэдэт, ахуэдэ дыдэт – а**п**хуэдэ дыдэт, Iэхъуамбэц Iэ – Iэ**п**хъуамбэцIэ, Iэхъуэмбэшхуэ – Iэ**п**хъуэмбэшхуэ, лъэхъуамбэ – лъэ**п**хъуамбэ, иджысту – иджы**п**сту, зыхуем – зыхуе**й**м*); макъ дэкIуашэ псалъэм и кIэм пыхуауэ къыхощыж (*адре – адре**й**, унэм дей – унэм де**ж,** апхуэдэ – апхуэдэ**т** мурад сщIа – мурад сщIа**щ,** къэхъуар ара – къэхъуар ара**щ***).

Макъзешэхэм яIэ щхьэхуэныгъэхэр

Нэхъ куэдрэ бахъсэн псэлъэкIэм дызыщрихьэлIэ щхьэхуэныгъэхэм ящыщщ макъзешэ кIэщI ***э***-мрэ гъэкIэщIа бзэгуку макъзешэ ***ы***-мрэ текъузэ щатемылъым деж зэблэхъуныгъэ къэхъуныр (*з**ы**хэсхаIым – з**э**хэсхакъым, жаI**ы**у – жаI**э**у, къыджиI**ы**жыр –къыджиI**э**жырт, щыI**ы**тэIым – щыI**э**тэкъым);* литературэбзэм къыщыкIуэ макъзешэ ***ы***-р бахъсэн псэлъэкIэм ***э***-кIэ къэгъэлъэгъуауэ (*щI**э**щытыр – щI**ы**щытыр, з**э**рехьэ – з**ы**рехьэ, сыз**э**хумей – сыз**ы**хуэмей*); макъзешэ кIэщI ***ы***-р макъ дэкIуашитIым я кум къыщыдэхъуэ (*ад**ы**рем – адрем, с**ы**щIымэ – сщIымэ, с**ы**фIэфIу – сфIэфIу*); макъзешэ кIэщI ***э***-р псалъэкум щыдэху, е псэлъэкIэм щыпыкIуэдыкI къохъу (*фIыу_ – фIыу**э**, ахъум_ – ахъум**э,** ау_ – ау**э,** ар мыхъум_ – ар мыхъум**э***); макъзешэ *ы*-р псалъэкум дэхуауэ къыщапсэлъ, литературэбзэм дэтын щыхуейм деж (*апхуэдэу щтыми – апхуэдэу щ**ы**тми, зэрыжаIэу щтари – зэрыжаIэу щ**ы**тари*); бахъсэн псэлъэкIэм закъуэтIакъуэрэ къыщыхохуэ макъзешэ кIэщI э-м и пIэкIэ бзэгупэ макъзешэ, ику иту зиIэту къапсэлъ *е*-р (*ф**е**згъэщIэнус – ф**э**згъэщIэнущ; ф**е**згъэтхъэнус – ф**ы**згъэтхъэнущ*); макъзешэ кIэщI э-р бзэгупэ макъзешэ *и*-уэ къыщапсэлъи дрихьэлIащ (*щыжысI**и** щыIэс – щыжысI**э** щыIэщ*); литературэбзэм къыщымыкIуэу бахъсэн псэлъэкIэм дыщрохьэлIэ псэлъэкIэм макъзешэ кIэщI э-р къыщыпыхъуэ (*фIыдыдэу**э** зэфIэкIа – фIыдыдэу зэфIэкIащ, жыпIу хъуну**э** къыщохъу – жыпIэ хъуну къысщохъу, игъусэу**э** – игъуэсэу*).

Иджырей бахъсэн псэлъэкIэм къыхэнащ 50 гъэхэм Мамрэш К.Т. зи гугъу ищIа фонетикэ щхьэхуэныгъэр: макъзешэ шэщIа ***и***-м и пIэ бзэгупэ шэщIа ику иту къапсэлъ макъзешэ ***е***-р зэриувэр. ЩIэныгъэлIым апхуэдэ зэхъуэкIыныгъэр къызыхэкIауэ къилъытар «макъзешитI зэхэлъыр зэхэкIри бахъсэн щIыпIэбзэм макъзешэхэм я щытыпIэр зрахъуэжри макъзешитI зэхэлъыщIэ къэхъуащ: литературэбзэм хэта макъзешэ зэхэлъым хэта макъзешэ элементыр хокIуэдыкI: ун**е**дзыхьэ – унэ**и**дзыхьэ. Бахъсэн щIыпIэбзэм макъзешэ ***и***-мрэ ***э***-мрэ зэблэувыкIыныгъэ къыщыхъуащ, иужькIэ макъзешэ зэхэлъ ***и*** (й+ы) хэт ***ы***-р хэкIуэдыкIащ (*ун-й-э-дзыхьэ – ун-й+э–дзыхьэ*), къэна макъзешэ ныкъуэ ***й***-мрэ макъзешэ кIэщI ***э***-мрэ макъзешэ зэхэлъыщIэ ***е*** къагъэхъуащ: *ун-е-дзыхьэ*. Мы

фонетикэ зэхъуэкIыныгъэхэм къыхэкIащ морфологием и элемент ***й***-р, къэбэрдей литературэбзэмрэ адыгэбзэм и адрей псэлъэкIэхэмрэ къыхэнар кIуэдыныр» [Мамрешев 1959: 38].

Лексикэ щхьэхуэныгъэхэр

Адыгэбзэм и дэтхэнэ щIыпIэбзэри псэлъэкIэри фонетикэмрэ лексикэмрэщ литературэбзэм нэхъ пэIэщIэ зыщIыр. Бахъсэн псэлъэкIэми дэ къыхэдгъэщхьэхукIащ нэгъуэщIыбзэм къыхэкIауэ бзэм къыхыхьа псалъэхэр. Языныкъуэхэр фонетикэ илъэныкъуэкIэ адыгэбзэм и грамматикэ хабзэм тету къапсэлъ. Нэхъыбэрэ бзэм дызыщрихьэлIахэм я щапхъэхэр: мар***тI*** – мар***т,*** дре***хт***ыр – дире***кт***ор, ге***хт***ар – ге***кт***ар, ***къ***эрэнда***щ*** – *к*аранда***ш, къ****эбыстэ* – ***к****апуста,* ***чI****эзет – газета, н.*

Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэми бахъсэн псэлъэкIэми хэтщ урысыбзэм къыхэкIа псалъэхэу *коридор, машинэ, самовар* псалъэхэр. «*Коридор»* псалъэр адыгэбзэм къыщищтэм щIэжьыуэ макъ дэкIуашэ *н* къыдэхъуащ: *кIэлы****н****дор*, мы псалъэм псалъэ лъабжьэм къыщыкIуэ макъ дэкIуашэ кIэзыз ***р***-р бзэгубгъу-дзэбгъу макъ дэкIуашэ ***л***-уэ къыщапсэлъ. «*Машина»* псалъэми щIэжьыуэ макъ дэкIуашэ ***р*** къыдэхъуауэ бзэм къищтащ: *ма****р****шынэ*.

Адыгэбзэм къищта хамэбзэ псалъэхэм я макъзешэхэми зэхъуэкIыныгъэ яIэщ. Псалъэм папщIэ, урысыбзэм къыхэкIыу бзэм къыхыхьахэм макъзешэ ***о, а-***хэм я пIэкIэ макъзешэ кIэщI ***э***-р къапсэлъ, макъзешэ ***е***-р ***ы***-м хуэкIуауэ, ***я***-р ***э***-м хуэкIуауэ къокIуэ. Абыхэм я щапхъэхэр: ***по****мидор – пэмидор* (нэхъ зи ныбжь хэкIуэтахэм *бэдрэжан* жаIэ, ауэ щIалэгъуалэм къагъэсэбэпыр *пэмидор* псалъэрщ), ***по****двал – пэдвал,* ***фо****нарь – фэнар,* ***па****льто – бэлъто* (мы псалъэм макъзешэ а//о, псалъэпэм макъ дэкIуашэ п//б) ***по****днос– пэднос, черешн****я*** **–** *черешн****э***, *клубник****а*** *– клубник****э***, н. Щапхъэхэм къазэрыхэщымкIэ, редукцэ хъуа урыс ***о, а, е***-хэр адыгэбзэм къызэрыщыкIуэр макъзешэ кIэщI ***э-***рэ макъзешэ гъэкIэщIа ***ы***-уэщ.

Урысыбзэм къыхэкIа псалъэхэм текъузэ зытемылъ псэлъэкIэм къыщыкIуэ макъзешэхэм зэхъуэкIыныгъэ нэхъыбэ щагъуэт. Макъзешэ укъуэдия текъузэншэ ***а-***кIэ иух псалъэ къыхыхьахэм кIэух макъзешэр щапокIуэдыкI адыгэбзэм. Псалъэм папщIэ: *газет****а*** *– кIэзет_, шахт****а*** *– шахт_, конфет****а*** *– кIэнфет_, лент****а*** *– лентI_.*

Макъзешэ зэхэт ***ия***-кIэ иух псалъэхэми псэлъэкIэм къыщыкIуэ макъзешэхэр щыпокIуэдыкI адыгэбзэм. Щапхъэхэр: *парт****ия*** *– парт_, конференц****ия*** *– конференц_, станц****ия*** *– станц_.*

Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм ***-ия, -ие, -я, -ый*** **–** кIэ иух псалъэ къыхыхьахэр мащIэкъым. Апхуэдэ псалъэхэр адыгэбзэкIэ къыщапсэлъкIэ макъзешэ кIэщI э-р поувэ, урысыбзэм щиIэ кIэухыр покIуэдыкIри. Щапхъэхэр: *редакц****ия*** *– редакц****э****, делегац****ия*** *– делегац****э****, репетиц****ия*** *– репетиц****э****, собран****ие*** *– собран****э****, совещан****ие*** *– совещан****э****, экспедиц****ия*** *– экспедиц****э***, *направлен****ия*** *– направлен****э***, н.

ЩIэныгъэрылажьэхэм зэрыхуагъэфащэмкIэ, ищхьэкIэ къыщытхьа зэхъуэкIыныгъэхэр зэпхауэ щытыр текъузэм и увыпIэрщ. Языныкъуэ псалъэ къыхыхьахэм текъузэ зэхъуэкIыныгъэшхуэ халъхьэ. Псалъэм папщIэ, «учи́тель» псалъэр пычыгъуэ зэхуэщIакIэ еух, адыгэбзэм къыщищтэм текъузэр псалъэкIэм

Іэпхъуэри псалъэпкъым зэгуэувэныгъэ къэхъуащ – *учти́л*. «Картофель» псалъэм текъузэм адыгэбзэм щиубыд увыпІэр урысыбзэм тохуэ, ауэ текъузэншэ пычыгъуэр покІуэдыкІ – *кІэртІо́ф*.

Бахъсэн псэлъэкІэм куэду дыщрихьэлІащ, къапщтэмэ адрей псэлъэкІэхэми, щІыпІэбзэхэми къэтхьыну щапхъэхэм хуэдэ щыкуэдщ, къызыхэкІа бзэм къызэрыщапсэлъым хуэдэ дыдэу бзэм къыщагъэсэбэп псалъэ гуп. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщІэ: *повар, цветоку, цветок, киви, привет, например, н.*

Урысыбзэм къыхэкІыу бзэм къищта псалъэхэм адыгэбзэм и псалъэзешэ лъабжьэужьхэр пыуваух куэдрэ къапсэлъ: *телевизорым, инжынерым, декабрым и тІощІым, фельдшер-акушеркэ(щ), развиват дощІыр, сказкэхэм, внуки внучки, магазиным, городым, распределенэкІэ, н.*

Бахъсэн псэлъэкІэм нобэми языныкъуэхэм я бзэм къыхэнащ мащІэрэ фІэкІа къамыгъэсэбэпыж псалъэ гуп, языныкъуэхэр нэгъуэщІыбзэм къыхэкІа псалъэкІэ зэхъуэкІа хъуахэщ, адрейхэр жьы хъуа псалъэ Іэрамэхэм яхыхьащ. Щапхъэхэр: *бэзэрынэхэх, бэзэрыпщІэ, зей мыхъуми, гуэнэщ, гуэщ, хупхъэ, хупцІынэпщ, фІэІугъэ, ІэфІыгъэ, щыпхэ, гущэ, дэнэпс, тхъущІэж, гухъу, пэшхьэку, хьэкъуищыкъуи, хуэрыджэ (абрикос), бэдрэжан, куэкуэм, кхъужьІэрысэ* (кхъужьым щхьэкІэ жаІэу щыта), *къыпцІэ, тхьэмбылыфэ, тхъуэплъ, гуэн, пхъэІэщэ, пхъэІэщэтес, трудоден, сомищ, хъушэрэ къэткІухьа (= куэдрэ), цІыкІугъуэ (=сабиигъуэ), хъыданжэрумэ, н.*

Бахъсэн псэлъэкІэм лексикэ и лъэныкъуэкІэ, дэтхэнэ щІыпІэбзэми псэлъэкІэми хуэдэу, литературэбзэм къыщхьэщызыгъэкІ псалъэхэр хэтщ. Зи ныбжь хэкІуэтахэм я жьабзэм жьы хъуа псалъэхэм нэхъ дыщрохьэлІэ, хуэгъэфэщапхъэщ, ахэр адыгэхэр зы щІыпІэм щыщыпсэуа зэманым къадэгъуэгурыкІуа псалъэхэу нобэми бзэм къыхэнахэм ящыщу. Апхуэдэ псалъэхэм адыгэхэм я псэукІар, я зэхущытыкІахэр къагъэлъагъуэ.

Бахъсэн псэлъэкІэм лексикэм ехьэлІауэ дызыщрихьэлІа щхьэхуэныгъэ нэхъыщхьэхэм я щапхъэхэр: *Іэуа* – сабий цІынэ, *ауз* – къуэкІий, псыхъуэ, *бжьыныхуІэпэшыпс* – бжьыныхушыпс, *гъурыгъуу* – чэзууэ, *даущ* – къэхъукъащІэ, *дыщасэ* – шэж, *зыщыунэгъуэджын* – зыпыІудзын, *зэгъуэчІыпІэ* – къуэгъэнапІэ, *зэманыгъуэ* – зэман, *зэхэугъуеин* – зэхуэхусын, *кхъужьІэрысэ* – кхъужь лъэпкъыгъуэ, *къуэдзэ* – дэІэпыкъуэгъу, *къэкъубеин* – зэрызехуэн, *прунжІэфІ* – шхуІэфІ, *пхъэІэбжьанэ* – пхъэІэпэ, *ужьыхын* – ункІыфІын, *хъушэрэ* (къэткІухьа) – куэдрэ, *цІыкІугъэ* – сабийгъуэ, *цІэлэн* – сурэт щІын, *шыдудз* – удзлъантхъуэ, *щІыху* – щхъуэ, *щапхъэм къыпэкІуу* – псалъэм папщІэ [ПМА].

Бахъсэн псэлъэкІэм нэхъыбэрэ дыщызрихьэлІа псалъэжьхэмрэ жыІэгъуэхэмрэ я щапхъэхэр: *анэр нэм хуэдэщ, адэр дэм хуэдэщ; гупсыси псалъэ, зыплъыхьи тІыс; гъатхэ махуэм гъэр егъашхэ;* гъунэгъурэ гъуэншэджрэ; зилІ *Іэмбатэ и фыз кутрамэс; зызыщІэж щыІэу щытамэ, зызылІэж щыІынтэІымэ; и анэ еплъ, ипхъу къашэ; мыІэрысэ кхъужь къыпычІэрІым;* псэм и пэ напэщ; уи *бын фІыуэ зылъагъум уи щхьэри елъагъу; упщІэ щІэщхъуІым; хуэмызэ лІыфІщ; Іей пщІау фІы ущымыгугъ // Іей пщІауэ фІым ущымыгугъ; Іуэху мыублэ блэ хэсс,* н [ПМА].

КъызэщІэткъуэжмэ, иджырей бахъсэн псэлъэкІэм къыщыкІуэ макъ дэкІуашэ *г', к', чІ'*-хэр къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм мардэ щыхъуа *дж, ч, чІ* (*кІ*)-

хэм къащхьэщокI. Нэхъыбэу апхуэдэу къэзыпсэлъыр зи ныбжь хэкIуэтахэрщ, щIалэгъуалэхэм къагъэсэбэпыр *дж, ч, кI*-рщ, ауэ къэпсэлъыкIитIми тет закъуэтIакъуи дрихьэлIащ.

Нобэми адрей щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ къащхьэщызыгъэкI къэпсэлъыкIэр къыхэнащ бахъсэн щIыпIэбзэм: лъабжьэужь-копулэ *с*-р щ-м и пIэкIэ къэпсэлъыныр, мыхъуныгъэ лъабжьэужь *-Iым*-ыр *къым*-ым и пIэкIэ къапсэлъ. Къыхэгъэщыпхъэщ бахъсэн щIыпIэбзэм ирипсалъэхэр щыпсэу къуажэхэм куэдрэ макъ дэкIуашэ пIытIа *I*-р *къ*-м и пIэкIэ ноби цIыкIуми инми къызэрыщапсэлъыр. Ди къэхутэныгъэм къыщытхьа фонетикэ зэхъуэкIыныгъэхэм бахъсэн псэлъэкIэм ирипсалъэхэр адрей щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ ирипсалъэхэм къыхегъэщхьэхукI, псом хуэмыдэу псалъэкIэм *с*-р пыувэныр. Бзэм зехъуэж, псалъэщIэхэр къыхохьэ, абы хуэдэуи псалъэ куэд хокIыж, щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ литературэбзэм нэхъ пэгъунэгъу мэхъу. Апхуэдэ зэхъуэкIыныгъэхэр къызыхэкIыр нобэ цIыхухэм я бзэкIэ псэлъэну, радиом, телевиденэм адыгэбзэкIэ нэтынхэр къыщат, газетхэмрэ тхылъхэмрэ къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэкIэ къыдагъэкI, цIыхухэм я бзэр яджыну Iэмал зэраIэрщ. ИщхьэкIэ къитIуахэм къыдэкIуэу, еджапIэхэм еджакIуэхэр зыщыхурагъаджэр къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэрщ, абыи щIэблэ къыдэкIуэтейм я бзэр шэрыуэ ещI, литературэбзэкIэ псэлъэным трешэ, ахэращ щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ литературэбзэм пэгъунэгъу зыщIыр.

ТЕГЪЭЩIАПIЭХЭР

Афаунова, Шериева 2025 – Афаунова А.А., Шериева Н.Г. Фонетические особенности моздокского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка (сходства и различия) // Научный диалог. – 2025. – Т. 14, № 4. – С. 55-73. – DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-4-55-73.

Багов 1969 – *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии, от. Ред. М.А. Кумахов. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 9-76.

Балкаров 1969 – *Балкаров Б.Х.* Бесленеевский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии / отв. ред. М.А. Кумахов. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 76-119.

Бижоев 2022 – *Бижоев Б.Ч.* Русско-кабардино-черкесский и кабардино-черкесско-русский словари лингвистических терминов. – Нальчик: Принт Центр, 2022. – 172 с.

Куашева 1969 – *Куашева Т.Х.* Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии / отв. ред. М.А. Кумахов. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 119-190.

Кумахов 1957 – *Кумахов М.А.* К вопросу о классификации адыгских диалектов // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. – Вып. 2. – С. 111-120.

Кумахов 1969 – *Кумахов М.М.* Кубанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 190-249.

Кумахова 1966 – *Кумахова З.Ю.* Некоторые вопросы нормы кабардино-черкесского литературного языка // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Том XXIV. – Нальчик: Эльбрус, 1966. – С. 153-157.

Мамрешев 1959 – *Мамрешев К.Т.* Особенности баксанского диалекта кабардинского языка. – Нальчик: б/и, 1959. – 88 с.

ПМА – полевой материал автора (Абазовой М.М.), собранный с 2023-2025 гг, в г. Баксане и селах Дугулубгей, Исламей, Кишпек, Баксаненок.

Таов 1998 – *Таов Х.Т.* Проблемы кабардино-черкесской диалектологии // Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Нальчик, 1998. – 51 с.

Турчанинов 1946 – *Турчанинов Г.Ф.* Язык, письменность, печать // «Кабардинская АССР». Посвящается 25-летию автономии Кабарды. – Нальчик: б/и, 1946.

Хежева 2025 – *Хежева З.Р.* Фонетические варианты спирантов в малкинском говоре кабардино-черкесского языка (на материале полевых источников села Малка (Хажихабле)) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 8. – С. 3394-3399. – DOI 10.30853/phil20250469.

Шагиров 1955 – *Шагиров А.К.* Особенности малкинского говора кабардинского языка. Автореф. дисс. канд. филол. н-к. – М., 1955. – 14 с.

REFERENCES

AFAUNOVA A.A., SHERIEVA N.G. *Foneticheskie osobennosti mozdokskogo i besleneevskogo dialektov kabardino-cherkesskogo yazyka (skhodstva i razlichiya)* [Phonetic features of the Mozdok and Besleney dialects of the Kabardian-Cherkessian language (similarities and differences)]. In: Nauchnyi dialog. – 2025. – T. 14, № 4. – P. 55-73. – DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-4-55-73. (In Russ.).

BAGOV P.M. *Kubano-zelenchukskie govory* [Kubano-Zelenchuk dialects]. In: Ocherki Kabardino-cherkesskoi dialekto-logii, ot. Red. M.A. Kumakhov. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 9-76. (In Russ.).

BALKAROV B.KH. *Besleneevskii dialekt* [Besleney dialect]. In: Ocherki Kabardino-cherkesskoi dialektolo-gii / otv. red. M.A. Kumakhov. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 76-119. (In Russ.).

BIZHOEV B.CH. *Russko-kabardino-cherkesskii i kabardino-cherkessko-russkii slovari lingvisticheskikh terminov* [Russian-Kabardian-Cherkessian and Kabardian-Cherkessian-Russian dictionaries of linguistic terms]. – Nal'chik: Print Tsentr, 2022. – 172 p. (In Russ.).

KUASHEVA T.KH. *Terskie govory* [Terek dialects]. In: Ocherki Kabardino-cherkesskoi dialektologii / otv. red. M.A. Kumakhov. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 119-190. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *K voprosu o klassifikatsii adygskikh dialektov* [On the classification of Adyghe dialects]. In: Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. – Vyp. 2. – P. 111-120. (In Russ.).

KUMAKHOV M.M. *Kubanskii dialekt* [Kuban dialect]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 190-249. (In Russ.).

KUMAKHOVA Z.YU. *Nekotorye voprosy normy kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [Some issues of the norm of the Kabardian-Cherkess literary language]. In: Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. – Tom KHKHIV. – Nal'chik: El'brus, 1966. – P. 153-157. (In Russ.).

MAMRESHEV K.T. *Osobennosti baksanskogo dialekta kabardinskogo yazyka* [Features of the Baksan dialect of the Kabardian language]. – Nal'chik: b/i, 1959. – 88 p. (In Russ.).

Polevoi material avtora [The author's field material] (Abazovoi M.M.), sobrannyi s 2023-2025 gg, v g. Baksane i selakh Dugulubgei, Islamei, Kishpek, Baksanenok. (In Russ.).

TAOV KH.T. *Problemy kabardino-cherkesskoi dialektologii* [Problems of Kabardian-Cherkess dialectology]. In: Nauchnyi doklad na predstavlennyi v kachestve dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologi-cheskikh nauk. – Nal'chik, 1998. – 51 p. (In Russ.).

TURCHANINOV G.F. *Yazyk, pis'mennost', pechat'* [Language, writing, printing]. In: «Kabardinskaya ASSR». – Nal'chik, 1946. (In Russ.).

KHEZHEVA Z.R. *Foneticheskie varianty spirantov v malkinskom govore kabardino-cherkesskogo yazyka (na materiale polevykh istochnikov sela Malka (Khazhikhable))* [Phonetic variants of spirants in the Malkinsky dialect of the Kabardian-Cherkess language (based on field sources from

the village of Malka (Khazhikhable))]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2025. – T. 18, № 8. – P. 3394-3399. – DOI 10.30853/phil20250469. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Osobennosti malkinskogo govora kabardinskogo yazyka* [Features of the Malkinsky dialect of the Kabardian language]. Avtoref. diss. kand. filol. n-k. – M., 1955. – 14 p. (In Russ.).

Авторым теухуауэ
Абазэ М.М. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.
ХъутIэжь З.А. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.
Information about the author
M.M. Abazova – Candidate of Philology.
Z.G. Khutezhev – Candidate of Philology.
Информация об авторе
М.М. Абазова – кандидат филологических наук.
З.Г. Хутежев – кандидат филологических наук.

Авторхэм я хэлъхьэныгъэхэр: Статьяр гъэхьэзырыным дэтхэнэ авторми зэхуэдэ хэлъхьэныгъэ хуищIащ. Авторхэм жаIэ зэгурымыIуэныгъэ лъэпкъ яку зэрыдэмылъыр.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 13.12.2025 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.03.2026 гъ.; къытрадзэнущ 30.03.2026 гъ.

The article was submitted 13.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Статья поступила в редакцию 13.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-289-305
EDN: XBHYPV

КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ «ПСАЛЪАФЭ» ГУРЫIУЭГЪУЭМ ЩИIЭ ГЪУНАПКЪЭХЭР

БищIо Борис Чэмал и къуэ
Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щIэныгъэ IуэхущIапIэ «Урысейм щIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центр» Федеральнэ щIэныгъэ центрым» и филиал. Налшык, Урысей, bizhoev1952@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8193-7126

Аннотацэ. Мы статьяр теухуащ адыгэ бзэщIэныгъэм и унэтIыныгъэ нэхъ зызымыужьахэм – фразеологием. Къалэн нэхъыщхьэу диIар адыгэбзэ фразеологизмэхэм, псалъафэкIэ дызэджэхэм я япэ классификацэр (гуэшыныгъэр) и фIагъи, щыщIэныгъэ илъэныкъуэкIи зэпкърытхыу а бзэм и занэхэм къызэщIаубыдэ гъунапкъэхэр пыухыкIауэ наIуэ къэтщIынырщ. Фразеологиер унэтIыныгъэ щхьэхуэ адыгэ бзэщIэныгъэм зэрыщыхъурэ куэд дыдэ щIакъым, абы лъабжьэ хуэхъуар Виноградов В.В. а гурыIуэгъуэм теухуауэ къыдигъэкIауэ щыта къэхутэныгъэхэрщ. Къыхэдгъэщащ япэ дыдэу адыгэбзэ псалъафэхэм тетхыхьахэр, абыхэм я лэжьыгъэм ноби иIэ мыхьэнэр зэрыиныр. Псалъафэхэм я щытыкIэм дыкъытеувыIащ, гуэша зэрыхъури дгъэнэIуащ. КъыжыIапхъэщ, иджырей литературэбзэм и псалъафэхэр гупышхуищу гуэша зэрыхъур: ФЗ зэхэжыхьахэр, ФЗ зэхэтхэр, ФЗ зэгъусэхэр, дэтхэнэ гупми езым и щхьэхуэныгъэ иIэжщ.

Ди гугъэщ мы статьяр адыгэ бзэщIэныгъэм и иджырей пщалъэхэм къезэгъ псалъафэ гуэшыныгъэ хъуну, вузхэмрэ курыт еджапIэхэмрэ я еджалъэхэм псалъафэхэм теухуа я Iыхьэхэр зэхэзылъхьэхэм къахуэщхьэпэну.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: фразеологизм, псалъафэ, гуэшыныгъэ, адыгэбзэ, критерий, компонент, егъэщхьыныгъэ, зэхэт, зэхэлъ, зэхэжыхьа.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: БищIо Б.Ч. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм «псалъафэ» гурыIуэгъуэм щиIэ гъунапкъэхэр // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 289-305. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-289-305. EDN: XBHYPV.

© БищIо Б.Ч., 2026

Original article

THE BOUNDARIES OF THE CONCEPT OF “PHRASEOLOGY” IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Boris Ch. Bizhoev
Institute of Humanitarian Researches – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Nalchik, Russia, bizhoev1952@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8193-7126

Abstract. This article is devoted to phraseology, one of the underdeveloped areas of Kabardino-Cherkess linguistics. Our primary objective was to identify the strengths and weaknesses of the first

and only classification of phraseological units in this language, commonly referred to as "psalaf," and to define the precise boundaries of this concept in the Kabardino-Circassian language.

Phraseology emerged as a distinct field relatively recently, based on V.V. Vinogradov's research on Russian phraseological units. Following his classification, Kabardino-Circassian phraseological units of the literary language are divided into three groups: phraseological aggregations, phraseological combinations, and phraseological units. This article outlines the principles of this classification and highlights the specific features of each group.

This article describes the first works of Adyghe scholars on phraseology, emphasizing their continued importance today.

We hope that this article will not only become a more modern and adequate classification of phraseological units, but also form the basis for sections on them in university and school textbooks.

Keywords: phraseological unit, classification, Kabardino-Circassian language, criterion, component, comparative, combination, unity, fusion.

For citation: Bizhoev B.Ch. The boundaries of the concept of “phraseology” in the Kabardino-Circassian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 289-305. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-289-305. EDN: XBHYPV.

© Bizhoev B.Ch., 2026

Научная статья

ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ «ФРАЗЕОЛОГИЯ» В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Борис Чамалович Бижоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, bizhoev1952@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8193-7126

Аннотация. Статья посвящена одному из недостаточно сложившихся направлений кабардино-черенсского языкознания – фразеологии. Нашей основной задачей было выявление достоинств и недостатков первой и единственной пока классификации фразеологизмов указанного языка, где их принято обозначать термином «псалъафэ», и определить четкие границы этого понятия в кабардино-черкесском языке.

Фразеология стала отделным направлением сравнительно недавно, в его основу легли исследования В.В. Виноградова о русских фразеологизмах. Следуя его классификации, кабардино-черкесские фразеологические единицы литературного языка разделены на три группы – Фразеологические ращения, фразеологические сочетания, фразеологические единства. В статье обозначены принципы подобного разделения, освещены специфические черты каждой из групп.

В статье охарактеризованы первые труды адыговедов по фразеологии, подчеркнуто, что они и сегодня имеют важное значение

Надеемся, что данная статья станет не только более современной и адекватной классификацией фразеологизмов, но и основой разделов по ним вузовских и школьных учебников.

Ключевые слова: фразеологизм, классификация, кабардино-черкесский язык, критерий, компонент, компаратив, сочетание, единство, сращение.

Для цитирования: Бижоев Б.Ч. Границы понятия «фразеология» в кабардино-черкесском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 289-305. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-289-305. EDN: XBHYPV.

© Бижоев Б.Ч., 2026

«Псалъафэ» («Фразеологизм») гурыIуэгъуэм кърагъэубыдым, абы къызэщIиубыдэу ябжым тещIыхьауэ IуэхуеплъыкIэ зэмылIэужьыгъуэу щыIэ псор и гупитI ипщIыкI хъунущ: япэм хохьэ фразеологием и гъунапкъэхэм хуабжьу зезыгъэубгъухэр (Булаховский Л.А., Реформатский А.А., Галкинэ-Федорук Е.М., Ефимов А.И., Шанский Н.М.). Зи цIэ къитIуа щIэныгъэлIхэмрэ адрей абыхэм я телъхьэхэмрэ бзэм и фразеологие Iэмалхэм хагъэхьэ фразеологие занэ (фразеологическая единица) жыхуаIэхэм я закъуэкъым, атIэ абы дагъакIуэ псалъэжьхэри, псалъэ шэрыуэхэри, фIэщыгъэцIэ (термин) зэхэлъхэри, н.къ. ЕтIуанэ гупым (Ларин Б.А., Ожегов С.И., Бабкин А.М., Шведовэ Н.Ю., Амосовэ Н.Н., н.) фразеологием и къупхъэр куэдкIэ нэхъ Iузэу къащтэ: фразеологиеу абыхэм къалъытэр псалъэ зэпха зэхэжыхьахэу зы мыхьэнэ зэхьэкIа къэзыгъэхъухэр аркъудейщ, нэгъуэщIу жыпIэмэ фразеологием иджын хуейуэ абыхэм жыхуаIэр фразеологие занэхэм (адэкIэ гъэкIэщIауэ дотх: ФЗ) я закъуэщ икIи апхуэдэхэр нэгъуэщI псалъэ зэпхахэм хагъэзэрыхьыркъым.

Дауэ яубзыхурэ щIэныгъэлIхэм а ФЗ гурыIуэгъуэр?

Зэрыхабзэу, ФЗ-м и нэщэнэ пажэу ягъэув ар и мыхьэнэкIэ (къалэнкIэ) псалъэ щхьэхуэм зэрыпэхъур. А Iуэху еплъыкIэм тетщ Къардэн Б.М., Тхьэрыкъуахъуэ Ю. А., нэгъуэщIхэри. Къардэным фразеологизмхэм хегъэувэ зы псалъэу зэхэлъхэри, абы метафорэ хэлъу щытмэ. Псалъэм папщIэ, *хьэкIэпыч* «хьилэшы», «бзаджащIэ» псалъэхэм я синонимыр [Карданов 1968: 276].

Пэж дыдэу, псалъэхэмрэ фразеологизмхэмрэ лъэныкъуэ куэдкIэ зокIуалIэ (зэщхьщ), сыту жыпIэмэ япэрейхэми иужьрейхэми къагъэлъагъуэр а зы предметхэмрэ къэхъугъэхэмрэщ. Ауэ апхуэдэу щыт пэтми бзэм и системэм и занэ щхьэхуэхэщ а гурыIуэгъуитIыр. Абы и щыхьэту мы зыр къэдгъэлъагъуэмэ ирокъу: псалъэм цIэиIуэ (номинатив) мыхьэнэ зэхьэкIа иIэмэ, фразеологизмхэм яIэнкIэ хъунур зэхьэкIа-метафорэ мыхьэнэм и закъуэщ.

ФЗ-м и нэщэнэ хъуркъым «зэпыхауэ тха» жыхуиIэ бгъэдыхьэкIэри. Псом хуэмыдэу мыр адыгэбзэ пэжырытхэм къезэгъыххэркъым, сыту жыпIэмэ дэ зэпыту ттхыр псалъэ зэхэлъхэм я закъуэкъым, атIэ псалъэ зэпха куэди апхуэдэу дотх: *унэщIэ, уанэш*, н. къ. НэгъуэщI лъэныкъуэкIи зэпыхауэ дотх псалъэ зэхэлъ куэд: *гъуэщI гъуэгу, мэз джэд,* н.къ.

Аращи зэпыхауэ ттхы псалъэ псори псалъафэм (фразеологизмэм) хэбгъэхьэ хъунукъым, зэпыту ттхы псори зы псалъэу убж зэрымыхъунум ещхьыркъабзэу.

Псалъафэхэр адрей псалъэ зэмылIэужьыгъуэхэм къагуэзыгъэкI нэщэнэу къагъэлъагъуэхэм ящыщщ япэрейхэр зэхэжыхьауэ зэрыщытыр (урысыбзэкIэ – устойчивость компонентов). Балли Ш. итхыгъащ ФЗ-м и нэщэнэ нэхъыщхьэр абы хэт псалъэхэм я зэкIэлъыкIуэкIэр зы щытыкIэм зэритымрэ псалъэ хэтхэр езыхэр нэгъуэщI псалъэкIэ зэпхъуэкI зэрымыхъумрэ арауэ [Балли 1961: 98]. Ауэ, дызэрыщыгъуазэщи, ФЗ псори апхуэдэу зэхэжыхьар пэжкъым: япэрауэ, ФЗ-р зэрызэхэт псалъэхэм я зэкIэлъыкIуэкIэр нэхъыбэм зэблэбгъэувыкI мэхъу, н.ж. инверсиер ФЗ-хэм я кIуэцIкIи къыщагъэсэбэп (псом хуэмыдэу лэжьыгъэцIэ зыхэт ФЗ-хэм), етIуанэрауэ, ФЗ-м и Iыхьэ (компонент) языныкъуэхэр зэпхъуэкI мэхъу (псалъэм папщIэ, *и нэгум къищын – и нэгум къиIуэтэн; псым дагъэ техын – псым тхъу техын*), ещанэрауэ, факультатив компонент, н.ж. хэтми хэмытми хъуну псалъэ зиIэ ФЗ-хэм урохьэлIэ (*плъапIэ емытын – нэ плъапIэ емытын*).

Фразеологием елэжьхэр сыткIэ зэгурымыIуэми, ахэр псори зэрызэтехуэ щыIэщ: ФЗ-м и критериехэр щагъэнаIуэкIэ, абы и нэщэнэ нэхъыщхьэ дыдэхэм шэрыуагъэр, зэхьэкIа-метафорэ мыхьэнэр зэрыхагъэхьэрщ. Пэж дыдэуи, зэхьэкIа мыхьэнэуэ фIэкIа ФЗ-р къагъэсэбэпыркъым. Ауэ итIани а зы нэщэнэмкIэ ФЗ-р пхуэубзыхунукъым, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ зэхьэкIа мыхьэнэ нэгъуэщI бзэ занэхэми яIэщи. Псалъэм папщIэ, псалъэ закъуэхэми.

Зы мыхьэнэуэ щытыныр е н.ж. зы мыхьэнэ зэкъуэпч мыхъу иIэныр нэхъ нэщэнэ пажэу къызэралъытэмкIи зэтохуэ бзэщIэныгъэлIхэр. А нэщэнэм ирапх зы бзэм и ФЗ-р нэгъуэщIыбзэкIэ а зэрызэхэт дыдэм хуэдэу зэрыпхузэмыдзэкIыр [Булаховский 1953: 33].

АрщхьэкIэ, мыбдежи къыщыхэгъэщыпхъэщ зы мыхьэнэ зэкIэщIэпч мыхъу псалъэ зэхэлъхэми зэраIэр (*гъуэщI гъуэгу, мэз джэд,* н.къ.).

Еджагъэшхуэ куэдым ФЗ-м и нэщэнэхэм хабжэ ахэр щыпсалъэкIэ къамыгъэщIу хьэзыру къащтэурэ къызэрагъэсэбэпыр. Пэжщ, а нэщэнэ дыдэр яIэщ псалъэжьхэми, псалъэ шэрыуэхэми, ауэ абы щхьэкIэ псалъэжьыр, гупсысэ, ущие нэгъэса зыхэлъыр, ФЗ хъуркъым, IуэрыIуатэм и зы жанр лIэужьыгъуэу аращ. Хьэзыру бзэм хэтщ фIэщыгъэцIэ (термин) зэхэлъхэри, цитатэхэри, уеблэмэ куэдрэ къагъэсэбэп псалъэ зэгъусэ хуитхэри.

Зэрытлъагъущи, критерий къэтхьахэм ящыщу зыми хузэфIэкIыркъым и кIэм нэсу фразеологизмхэмрэ мыфразеологизмхэмрэ зэхигъэщхьэхукIын. Ауэ ФЗ-м и гъунапкъэхэр умыгъэбелджылауэ, ахэр классификацэ пщIыну упэрыхьэкIэ къикIын щыIэкъым. Абы къыхэкIкIэ Адыгейм щыщ бзэщIэныгъэлI Щауэ А. А. фIэкъабылщ фразеологизмэр зищIысыр мыпхуэдэу убзыхуныр: фразеологизмэр – ар бзэ системэм и занэщ, псалъитIу е нэхъыбэу зэхэту икIи ар зэрызэхэт Iыхьэхэм (компонентхэм) я мыхьэнэхэм зэрызахъуэжым и хьэкъкIэ дэ ди нэIуасэ предметхэр (къэхъугъэхэр) шэрыуэу ди нэгу къыщIагъэувэу [Шаов 1980: 40]. Апхуэдэ еплъыкIэм ипкъ иткIэ адыгэбзэ ФЗ-хэр гупитIу бгуэш хъунущ: 1) ФЗ зи мыхьэнэр зэрыщыту зыхъуэжа; 2) ФЗ зи мыхьэнэр зымыхъуэжыпа [Шаов 1980: 41]. Мы гуэшыкIэ лIэужьыгъуэм утехьэмэ, езы Щауэм къызэригъэлъагъуэщи, компаратив ФЗ жыхуаIэхэр хэзагъэркъым, сыту жыпIэмэ егъэщхьыныгъэ зэхыхьэхэм (ахэращ компаратив ФЗ-уэ ялъытэр) я компонентхэм я мыхьэнэхэм захъуэжыркъыми. Ауэ щIэныгъэлIхэм шэч къытрахьэркъым егъэщхьыныгъэ зэхыхьэхэр ФЗ зэрыхъуну гъуэгум зэрытетым. Псом хуэмыдэу ахэр ФЗ-м и гъунэгъу мэхъу егъэщхьыныгъэ псалъэзэпыщIэр (*хуэдэу//ещхьу*) япыхуа нэужькIэ.

Нэхъ классификацэ «цIэрыIуэу» адыгэ фразеологием мызыгъуэгукIэ диIэр Къардэн Б.М. и монографием щригъэкIуэкIарщ. Къардэн Бубэ класссификацэ лIэужьыгъуищ ди пащхьэм кърелъхьэ. Япэр тегъэпсыхьащ Виноградов В.В. урыс фразеологием хузэхилъхьам. Абы ипкъ иткIэ ФЗ-хэр я компонентхэр зэрызэхэжыхьам (е зэрызэрыубыдам) и мардэм тещIыхьауэ гупищу ягуэш: фразеологическое сращение, фразеологическое единство, фразеологическое сочетание.

ЕтIуанэ классификацэр – тематическэр – езы Къардэнми къызэрыхигъэщащи, къыгуэхыпIэ имыIэу пыщIащ мыхьэнэм, абы пищэу жыпIэ хъунущ [Карданов 1973: 100]. Ауэ абы къызэрыщхьэщыкI нэщэнэхэри иIэщ.

Ещанэ классификацэр – зэхэлъыкIэ-граммматикэр – езым и цIэми къызэригъэлъагъуэщи, зыхуэунэтIар ФЗ-р зэрызэхэт Iыхьэхэр (псалъэхэр) зыщыщ псалъэ лъэпкъыгъуэкIэ гуэшынырщ.

Фразеологием и классификацэу сыт хуэдэ бзэми мызыгъуэгукIэ щызекIуэр мыхэр арщ. Пэжщ «тематикэ» классификацэм хуэмыныкъуэу, абы къикIышхуэ щымыIэу къалъытэ щIэныгъэлIхэм я нэхъыбапIэм. Ар икIи щхьэусыгъуэншэкъым: япэрауэ, ар, зэрыжытIащи, мыхьэнэм ещхьщ зыкъомкIэ, абы къыхэкIыуи, а классификацэ лIэужьыгъуитIыр щыпщIкIэ, ухуей-ухуэмейми, зыгуэрхэм щIэрыщIэу къытегъэзэжын хуей мэхъу; етIуанэрауэ, «мыпхуэдэ псалъэхэм нэхъыбэрэ ФЗ-хэм ущрохьэлIэ, мыпхуэдэхэр куэдрэ ФЗ-хэм къахэхуэркъым» жыпIэкIэ бзэщIэныгъэм дежкIэ мыхьэнэшхуэ иIэу пхужыIэнукъым, мыр статистикэм нэхъ ехьэлIауэ пIэрэ жыбоIэ.

Классификацэ зи гугъу тщIахэм ящыщу нэхъ гупсэхуу дыкъытемыувыIэу хъунукъым мыхьэнэр зи лъабжьэм, сыту жыпIэмэ мыр къыгуэхыпIэ имыIэу епхащ ФЗ-р езыр зищIысыр зэхэгъэкIыным, ФЗ-м и гъунапкъэхэр убзыхуным.

Мы классификацэ лIэужьыгъуэмкIэ Къардэн Бубэ тегъэщIапIэ ищIыр Виноградов В.В. и лэжьыгъэ цIэрыIуэрщ. ДауикI, ар нэуфIыцIщхьэрыуэу урысыбзэм хужаIа псори адыгэбзэм иригъэзэгъыну яужь ихьакъым, апхуэдэу пщIыну ухуежьэкIи къикIынуIакъым, сыту жыпIэмэ урысыбзэмрэ адыгэбзэмрэ я ухуэкIэр хуабжьу зэпэжыжьэщ. Къардэным Виноградовым ейуэ къищтар абы къигъэщIа (къигупсыса) ФЗ гупищырщ: фразеологическое сращение – фразеологие зэхэжыхьа; фразеологическое единство – фразеологие зэхэт; фразеологическое сочетание – фразеологие зэгъусэ. Мы щым Къардэн Б.М. еплIанэу ядыщIегъу «фразеологиеу щымыт псалъафэхэр», ауэ а гупыр фразеологиеу щыщымыткIэ, дэ я гугъуи дымыщIу къэдгъэнэнущ.

1. ФЗ зэхэжыхьахэр

Я цIэми къызэригъэлъагъуэщи, мы гупым хагъэхьэр псалъэ зырызу зэкIэщIэпчыж мыхъу, зи мыхьэнэми мотивацэ имыIэ ФЗ-хэрщ. Мы гупыр езыри нэхъ гуп цIыкIу зыбжанэу ягуэшыж, зыхэщIэ (экспрессие) яхэлъым и инагъым, компонентхэр зэрызэпыщIа Iэмалхэм, я зэхэлъыкIэм, компонент зэрызэхэтхэм (компонент къэс я мыхьэнэм), н. къ. елъытауэ. Компонентхэр зыр адрейм къыкIэрыпчыж зэрымыхъум къыхэкIкIэ, абыхэм езыхэм мыхьэнэ щхьэхуэ яIэжкъым, н. ж. мыпхуэдэ ФЗ-р и мыхьэнэкIэ зы псалъэм пэхъу хабзэщ. ФЗ зэхэжыхьахэм щхьэкIэ «идиомэ» фIэщыгъэцIэри къагъэсэбэп, ауэ мыбы нэгъуэщI гурыIуэгъуэхэри къызэщIрагъэубыдэ зэрыхъум къыхэкIкIэ «ФЗ зэхэжыхьар» нэхъ пыухыкIащ. Иджы ФЗ зэхэжыхьахэр зэрагуэшыж нэхъ гуп цIыкIухэм я гугъу тщIынщ.

1.1. Омоним яхуэхъу псалъэ зэпха зимыIэ ФЗ зи мыхьэнэр зэхэжыхьахэр

Мыбы хыхьэ ФЗ-хэм я нэхъыбэр зэхэтщ «цIэ + лэжьыгъэцIэу». Апхуэдэ ФЗ-хэм зы мыхьэнэи, мыхьэнэ зыбжани яIэнкIэ мэхъу, ауэ, хабзэу зэрыщытщи, мыбыхэм экспрессие (зыхэщIэ) яхэлъкъым:

нэ ищын. ХэубыдыкIын, мурад гуэр хуэщIын. *Шужьей бий сатырхэр кIуэцIрищIыкIыурэ хуокIуэ* ***нэ зрища*** *пщIэгъуалэ шум* («Нартхэр»).

Мы гупым я мыхьэнэкIэ йокIуалIэ «цIэ + цIэ» жиIэу зэхэт ФЗ-хэри:

джэду хьэжы. Iэдэбыфэ, сабырыфэ зытезыгъауэ, ауэ ипэжыпIэкIэ апхуэдэу щымыт.

1.2. Псалъэ зэгъусэ хуитуи къагъэсэбэп псалъафэхэр

Псалъэ зэпха хуиту къыщагъэсэбэпым деж апхуэдэхэм ФЗ-м хуаIуэху щыIэкъым, ахэр ФЗ-хэм омоним яхуэхъу къудейуэ аращ.

тхъу щыхуэн. Мыр къикI дыдэмкIэ къэбгъэсэбэпмэ (*дэлэным тхъу щахуащ*), псалъэ зэгъусэ къызэрыкIуэщ. Мыхьэнэ зэхьэкIа иIэу къэбгъэсэбэпмэ, «зыгуэрым фIэфI, и гуапэ хъун гуэр хуэщIэн, жеIэн» мыхьэнэ зиIэ ФЗ-щ. *Хьэжмурат и гуапэщ и фызым* ***тхъу къызэрыщихуэр*** (Щомахуэ А.).

Мы гупым «цIэ+лэжьыгъэцIэу» зэхэт ФЗ-хэм нэмыщI мащIэу хэтщ «цIэ+плъыфэцIэ», «цIэ + IуэхуцIэ» ухуэкIэ зиIэ ФЗ-хэри:

адакъэ лъэджажэ. Адакъэм ехьэлIамэ, и мыхьэнэр гурыIуэгъуэщ. ЦIыхум щыхужаIэм деж мыбы къокI: «теплъэ щIагъуэ зимыIэ, ауэ зызыгъэщIагъуэ, зызыгъэбэлыхь». Мыр нэхъыбэу зэхьэлIар цIыхухъу лъахъшэ зи пэр дэгъэзеяхэрщ.

1.3. Зи мыхьэнэр гурыIуэгъуей (мыгурыIуэгъуэ) хъуа компонент (псалъэ) зыхэт ФЗ

Мыбыхэм «некротизм» цIэмкIи йоджэ [Амосова 1963: 184]. Зэрызэхэт елъытакIэ бгуэш мэхъу «цIэ+ лэжьыгъэцIэ», «цIэ +цIэ» жиIэу.

а) «цIэ + лэжьыгъэцIэ» зэхэлъыкIэ зиIэ некротизмэхэм мыгурыIуэгъуэр, зэрыхабзэу, цIэ Iыхьэр аращ:

хьэгъунэ къыдэмыгъэплъын. Зыгуэрым текIуэн, хуабжьу ефIэкIын, ауэ жыжьэу зыщIэрымыгъэхьэн. *Уи фIэщ хъун, ди «Кабардинкэ» ансамблым хэт нэхъ Iэзэ дыдэр* ***хьэгъунэ къыдэзмыгъэплъу*** *сщIырт ислъэмейр* (Нало А.).

б) «цIэ + цIэ» жиIэу зэхэт некротизмэм и дэтхэнэ цIэри (япэ итри иужь итри) мыгурыIуэгъуэу щытынкIэ хъунущ. ИтIанэ цIэ защIэу зэхэт некротизмэхэм, лэжьыгъэцIэ зыхэтхэм къащхьэщыкIыу, экспрессие нэхъ яхэлъщ.

джэдыгу пIаргъ. Теплъэ щIагъуэ зимыIэ цIыху, факъырэу хуэпа.

Къардэн Бубэ мы гупым хегъэхьэ нэгъуэщIыбзэ псалъэ зыхэт ФЗ-хэр, псалъэм папщIэ «Алыхь Iэмыр» жыхуиIэр [Карданов 1973: 46]. Ауэ мыр езыр ФЗ-уэ ди фIэщ хъуркъым, диным епха фIэщыгъэцIэу фIэкIа. АдэкIэ щапхъэхэм яхэтщ зи IукIэр литературэбзэм темыхуэ (фонетикэ лIэужьыгъуэ) псалъэ зыхэт жыIэгъуэхэр.

тхьэ дыгъэIэ (тхьэ дыгъаIуэ), **IэпIохуэ хуэщIын** (сабиибзэкIэ: IэплIэ хуэщIын) [Карданов 1973: 47]. Мы иужьрейр аналитикэ гъэпсыкIэ жыхуаIэм хуэдэу аращ, ФЗ-къым. ИтIанэ сабиибзэ псалъэмрэ псалъэ гурыIуэгъуейхэмрэ зэхэбгъэгъуащэ хъуну ди гугъэкъым.

1.4. Зи щхьэ хущымытыж пкъыгъуэу (компоненту) еигъэ аффикс, «зы» бжыгъэцIэ, псалъэужь, псалъэкIапэ зыхэт ФЗ-хэр

Мыпхуэдэхэм я нэхъыбэм экспрессие яхэлъкъым:

зы мэскъалкIэ. ЗыкIи, зыуи, тIэкIунитIэ. *Биболэт **зы мэскъалкIэ** и щхьэр яхуигъэлъахъшэркъым и бийхэм* (КIэрашэ Т.).

1.5. МакъыцIэ, зэрызыпащIыж псалъэ хэту къэхъу уасэхуэщI-зыхэщIэ ФЗ-хэр

Мыпхуэдэхэм хэт зи щхьэ хущытыж псалъэ лъэпкъыгъуэхэми я лексикэ мыхьэнэр яфIокIуэдри абыхэмрэ модрей макъыцIэ е зэрызыпащIыж псалъэ ящIыгъухэмрэ зыуэ зэхопсыхь. Мы гупым хыхьэ языныкъуэ ФЗ-хэр псалъэухам хэдзэ псалъэу, хэдзэ псалъэ зэпхауэ хоувэ. Щапхъэ:

сымыгъуэ Iей. *Ана! **Сымыгъуэ Iей**, сыт а жыпIэр?* (ХьэхъупащIэ Хь.).

1.6. Еханэ гупу Къардэн Б. М. къыхигъэщхьэхукIыр «цIэ компонентым лэжьыгъэцIэ компонентым и мыхьэнэр зыщIишэу къэхъу ФЗ-хэрщ». Мыпхуэдэхэм хэт лэжьыгъэцIэр нэгъуэщI псалъэхэм япымыувэу аращ жиIэр [Карданов 1973: 50]. Ауэ щапхъэ къихьхэм я нэхъыбэр а жиIэм хуэмыкIуэу къытфIощI. Псалъэм папщIэ, *уэрэд усын* щапхъэм хэт *усын* лэжьыгъэцIэр нэгъуэщI псалъэхэм япыувэркъэ? Девгъэплъыт: *гъыбзэ усын, пцIы упсын, дзы усын,* н.къ. Аращи, апхуэдэ нэщэнэкIэ мыр ФЗ хъуркъым. Ауэ абы и закъуэкъым: *уэрэд усын* жиIэмэ, лэжьыгъэ пыухыкIа къигъэлъагъуэу аращ, мыбы мыхьэнэ зэхьэкIаи хэлъкъым, шэрыуагъи къигъэлъагъуэркъым, н.ж. мыр лэжьыгъэцIэ псалъэ зэхэлъу фIэкIа, фразеологизмэкъым. «Усын» лэжьыгъэцIэр хэту къэтхьа щапхъэхэм щыщу ФЗ нэщэнэ зиIэр *дзы усын* жыхуиIэращ, «зыгуэрым ныкъусаныгъэ, дагъуэ къыхуэбгъуэтурэ, хъуэн хузэхэлъхьэн, хузэгъэпэщын» мыхьэнэ иIэу [Бэрбэч, БищIо, IутIыж 2001: 64].

Ардыдэращ хужыпIэ хъунур мы къэкIуэну щапхъэхэми: *цIэ фIэщын, нэщI исын, фэлъыр ишын, Iэнэ щтэн (мэкъур)*. Мы псори ФЗ-къым. Къардэным къихь щапхъэхэм ящыщу ФЗ зыхужыпIэ хъунур мыхэращ:

пащхьэр къожэх. Пэр машхэ.

фIыншэ щIэлъхьэн. Зыгуэрым упэплъэурэ хуабжьу уешын, уи щхьэр бужэгъун.

Мыбыхэм мыхьэнэ зэхьэкIа яIэщи шэрыуэ мэхъу, ФЗ нэсыр Iэмал имыIэу зэрыщытын хуейм хуэдэу.

1.7. Хьэл къалэн зыгъэзащIэ ФЗ зэхэжыхьыпахэр

Мыхэр IыхьитIуи, нэхъыбэуи зэхэтхэщ, нэхъыбэм лэжьыгъэцIэ пыухыкIа гуэр къапоувэ, ауэ ар нэгъуэщI лэжьыгъэцIэ псалъэхэмкIи зэпхъуэкI щыхъур мащIэкъым.

напэ хужькIэ. ПэжыгъэкIэ, напэ уиIэу, уи щIыхьыр мыулъийуэ. *[Хьэбибэ:] Сэри Темыркъан мыгъуэм сыхуэзэжмэ, **напэ хужькIэщ** сызэрыхуэзэжынур* (КIыщокъуэ А.).

Хьэл хъу ФЗ гупым яхэтщ зи мыхьэнэр мыгурыIуэгъуэж псалъэ компоненту зиIэхэри:

табу щхьэщэщкIэ (лъэIуэн). Хуабжьу, пыIэщхьэрыхкIэ. *Махуэ къэскIэ а шу гъэщIэгъуэныр къригъэблэгъэну хъаныр **табу щхьэщэщкIэ** елъэIурт* («Къэбэрдей таурыхъхэр»).

1.8. Егъэщхьыныгъэ (компаратив) ФЗ-хэр

Егъэщхьыныгъэ ФЗ-хэр адыгэбзэм куэд щыхъу щхьэкIэ, абыхэм ящыщу мащIэщ ФЗ зэхэжыхьахэм хыхьэр. А хыхьэхэр гупитIу зэщхьэщыпх хъунущ: а) псалъэ зэрызэхэтхэм я мыхьэнэр зэхэплъхьэжмэ, абырэ езы ФЗ-м зэрыщыту иIэ мыхьэнэмрэ зэтемыхуэу; б) цIэ, фIэщыгъэцIэ (инэхъыбэр къыздикIар ямыщIэжу) зэхэтхэр.

а) **тхьэмахуэ уэрэду.** Мыхьэнэншэу, зыри имыщIысыжу. ***Тхьэмахуэ уэрэду*** *дыкъыщIидзыжакъэ?* («Iуащхьэмахуэ»).

Егъэщхьыныгъэ (елъытыныгъэ) ФЗ-хэр къызытекIыр, зэрыгурыIуэгъуэщи, егъэщхьыныгъэ (елъытыныгъэ) зэхыхьэхэрщ. Ахэр адыгэбзэм къыщохъу *ещхьу, хуэдэ(у)* псалъэзэпыщIэхэмкIэ е ахэр ящIымыгъуу. Псалъэм папщIэ, жыпIэ мэхъу: *бэзэрым къызэрытекIауэ* е *бэзэрым къызэрытекIам хуэдэу.* Апхуэдэ вариантхэр зэрыщыIэр Къардэн Б. къегъэлъагъуэ [Карданов 1973: 53], ауэ абы къелъытэ тIум щыгъуэми ахэр ФЗ-уэ. А Iуэхуеплъыкlэр зымыдэхэри щыIэщ. Псалъэм папщIэ, Щауэ А. зэрыжиIэмкIэ, псалъэзэпыщIэхэм егъэщхьыныгъэ мыхьэнэр щIагъэхуабжьэри зэхыхьэр ФЗ-м хуэкIуэным зэран хуохъу. Абы къыхэкIкIэ, псалъэзэпыщIэ зыхэт зэхыхьэхэм шэрыуагъ яхэлъми, ахэр ФЗ нэс хъуркъым. Псалъэзэпыщlэхэр щапыхум деж зэхыхьэхэр контекстым стиль илъэныкъуэкIэ ФЗ-м щигъунэгъущ. Ауэ мыпхуэдэ зэхыхьэхэр ФЗ нэс хъууэ убж щыхъунур егъэщхьыныгъэ мыхьэнэр яфIэкIуэдыпа нэужьщ. Апхуэдэ гъуэгукIэ къэхъуа ФЗ-хэр ди бзэм хэтщ: *шэ цIынэ къыIурож* ФЗ-р («иджыри балигъ хъуакъым» мыхьэнэ зиIэр) зэгуэр къытекIащ *шэ цIынэ къыIурыжым хуэдэу* зэхыхьэм [Шаов 1988: 173-174].

б) ЦIэ, фIэщыгъэцIэ зыхэт егъэщхьыныгъэ ФЗ-хэр щIыпIэ пыухыкIа гуэрым къыщежьэри итIанэ заубгъуауэ аращ. Абыхэм яхэт цIэ, фIэщыгъэцIэхэр зэхьэлIар нэхъыбэм ящIэркъым, уеблэмэ езы къыщежьа щIыпIэми щащIэжыркъым. Щапхъэ:

ХьэфIыцIэ и къыдыру (гъэлъэн). Дуней егъэлъагъун, хурикъун. *УмыпIащIэ, уи Iэтащхьэр къэсынщи* ***ХьэфIыцIэ и къыдыру*** *уигъэлъэнщ* (КIыщокъуэ А.).

Мы ФЗ лIэужьыгъуэм егъэщхьыныгъэу хэт цIэхэм, зэрыхабзэу, зы лэжьыгъэцIэ псалъэ пыухыкIа ящIыгъуу къагъэсэбэп: *Ашэбей гъуэншэджу* ***зэхэзэрыхьащ****; нысэшхуэ и мастэу* ***егъэбакъуэ****; Марос и Iэпэу* ***зэхэзэрыхьыжащ****; Щхьэлыкъуэ хыву* ***и пэр дрегъэзей****,* н.къ.

1.9. Зэзыпх зэпхыкIэ зиIэ ФЗ-хэр

Зы мыхьэнэ яIэу зэпха псалъэ зэгуэгъуитIщ нэхъыбэм мыхэр. Мы ФЗ лIэужьыгъуэр щиубзыхукIэ, Къардэн Б. и тхылъым зыгуэрхэр щызэхэзэрыхьу ди гугъэщ. Псалъэм папщIэ, езы авторми зэрыжиIэщи, мыбы хигъэхьэ щапхъэхэм куэду яхэтщ лэжьыгъэцIэ псалъэ пыухыкIа щIыгъуу фIэкIа къамыгъэсэбэпхэр. Ауэ щыхъукIэ апхуэдэ лэжьыгъэцIэри ФЗ-м и Iыхьэу къэлъытэн хуейщ Iэмал имыIэу. Псалъэм папщIэ, *уэгъури чыхури* жыпIэкIэ ФЗ ирикъуркъым, абы *гурымыIуэн* лэжьыгъэцIэр имыгъусэмэ:

уэгъури чыхури гурымыIуэн. Къэгубжьауэ, зыри хэмызэгъэжу, яхуэмыгъэбэяужу щытын. *Мухьэбыр хъийм икIащи,* ***уэгъури чыхури къыгурыIуэжыркъым*** (ЩакIуэ Т.).

Мы дэ къызэрытхьам хуэдэущ мы ФЗ-р иужьу къыдэкIа Адыгэбзэ фразеологизмхэм я псалъалъэм зэрыкIуар (Налшык, 200I, н. I67), тэмэмри аращ, дэ къызэрытлъытэмкIэ. Иджыри щапхъэхэмкIэ зэтлъытынщ Къардэн Б. и тхылъымрэ зи цIэ къитIуа псалъалъэмрэ мы ФЗ лIэужьыгъуэр къызэрыщахьыр:

Къардэным:	***Псалъалъэм:***
кIуапIи жапIи	**кIуапIи жапIи емытын**
ижьи сэмэгуи	**ижьи сэмэгуи зыхуэщIын**

Дэ шэч къытетхьэркъым мы ищхьэкIэ къыщытхьа щапхъэ псом я дежи Псалъалъэм и вариантхэр нэхъ зэрыпэжым.

ЩыIэщ, дауикI, лэжьыгъэцIэ псалъэ хэмытуи шэрыуагъ хэлъу ФЗ хъу псалъитI зэгуэгъухэр: *Iыхьлыи лыджани, бжэныцрэ хьэцыпэу,* н.къ. мыбыхэм япэгъунэгъущ зэлъэгъэIэс къалэн зыгъэзащIэ мыпхуэдэ ФЗ-хэри: *си мыIуэхущ, си мыдэлъщ; е къамылкъым, е мылыфкъым*, н.

1.10. Зи мыхьэнэр зимыIэж псалъэхэу зэхэт бзэм и штампхэр

Мыхэр гупитIу зэпыбуд мэхъу, уасэхуэщI-шэрыуэу щытрэ щымытрэ елъытауэ.

а) уасэхуэщI-шэрыуэу щытхэм и щапхъэ:

уи псэщ ар! Щыгугъ! (КъохъулIэнкIэ Iэмал зимыIэм и ужь ихьэм, пщIы нэрылъагъу зыупсым жраIэ псалъафэщ). ***Уи псэщ ар*** *– аргъынэ мыIэнауэр пIэт зэрыхъун! – губжьащ къуэш нэхъыжьыр* (IуэрыIуатэ).

НэгъуэщI мыхъуми. ЩымыхъужкIи. ***НэгъуэщI мыхъуми*** *мо уи адэжьым и хьэтыр лъагъуи ди лъэIур къытхуэщIэ* («Таурыхъхэмрэ хъыбархэмрэ»).

1.11. Псалъэухам къыпхухэмыгъэкI е къыхэбгъэкIыну гугъу дыдэ ФЗ-хэр

Мы гупыр епщIанэ гупым хэт ФЗ-хэм йокIуалIэ, ауэ мыхэр псалъэухам хэту фIэкIа, я закъуэ къыпхуэгъэсэбэпыркъым. Девгъэплъыт, псалъэм папщIэ, мы псалъэухам:

Уэ езыр хэт и гупкIэ узэрысыр?

«и гупкIэ узэрысыр» жыхуиIэм и мыхьэнэр «хэт узыдэщIыр, хэт узителъхьэр?» жиIэу аращ. Мы ФЗ-р къытепщIыкIащ «зи гупкIэ исым и уэрэдым ежьу» псалъэжьым. Контекстым хэмытмэ, абы и мыхьэнэр къыбгурыIуэнукъым. Мис нэгъуэщI зы щапхъи:

Аркъым, тIасэ, дэ уи ***пэщхъыным дыкъихуа*** *уи гугъэрэ?* («Iуащхьэмахуэ»).

«пэщхъын къихун» псалъэ зэпхар ФЗ щыхъур псалъэухам хэтмэщ.

1.12 ЩIыпIэцIэ е цIыхуцIэ зыхэт ФЗ-хэр

Мы гупым Къардэн Б. хегъэхьэ щIыпIэцIэ е цIыхуцIэ зыхэт ФЗ-хэр [Карданов 1973: 58]. ИщхьэмкIи мыбы хуэдэ гуп къыщыхьащ (1.8.). Ауэ ахэр егъэщхьыныгъэ зэхыхьэмэ, мыбдеж къыщихь щапхъэхэр псалъэжь мыхьэнэм нэхъ хуокIуэ:

хъыцыжь и уджым хэтын. Делагъэм, Іуэху мыхьэнэншэхэм зыдегъэхьэхын, Іуэхуншэу хьэулеин.

1.13. Зы мыхьэнэ зэкъуэт иІэу псалъэжь щІыкІэу къагъэсэбэп ФЗ-хэр

Мыпхуэдэ ФЗ-хэм я мыхьэнэр куэдым я дежкІэ гурыІуэгъуэкъым:

Тэрч кхъуэ исыкІащ. ЗыщІэмыупщІапхъэ щІэупщІам ауанышІу ират жэуапщ.

2. ФЗ зэхэтхэр

ФЗ зэхэтхэмрэ ФЗ зэхэжыхьахэмрэ дапщэщи зэхэгъэкІыгъуафІэкъым, ахэр зыкъомкІэ зэкІуалІэу зэрыщытым къыхэкІыу. Мы тІуми хыхьэ ФЗ-хэр мыхьэнэкІэ зэхэшыпсыхьауэ щытщ. ЗэрызэщхьэщагъэкІыр ФЗ зэхэтхэм деж псалъэ къэс я мыхьэнэри зэрахъумэжырщ. ФЗ зэхэжыхьахэм я мыхьэнэр къытекІауэ щымытмэ, ФЗ зэхэтхэм я мыхьэнэр къытекІащ. ФЗ зэхэтхэм я нэхъыбапІэм метафорагъ яхэлъщ. ИтІанэ мыбыхэмрэ омоним къахуэхъу псалъэ зэгъусэ хуитхэмрэ яку дэлъ зэпыщІэныгъэр къызэтонэ.

ФЗ зэхэтхэри гуп-гупурэ ягуэш. Дриплъэнщ апхуэдэ гупу адыгэбзэ ФЗ-хэм Къардэн Б. къахигъэкІхэм.

2.1. Мыхьэнэ зэхьэкІа зиІэ ФЗ-хэр

Мыр нэхъ гуп цІыкІуитІу егуэшыж: и зы псалъэм мыхьэнэ зэхьэкІа иІэу; псалъитІми мыхьэнэ зэхьэкІа зэкъуэт къагъэхъуу.

а) Зи зы псалъэм мыхьэнэ зэхьэкІа иІэхэр:

шэщІэху хъыбар. Зи пэжагъым дзыхь тепщІэ мыхъуну хъыбар.

Мыбы и къежьапІэр: фызхэр зыщІыпІэ (шэщІэху машинэ зиІэ унагъуэм) щызэхуэсауэ шэ щыщІахукІэ, куэдым я щхьэфэ иІэбэу, ящІэми ямыщІэми тепсэлъыхьу зэрыуэршэрхэрщ. Мы ФЗ-р къызэрежьэрэ куэд зэрымыщІар нэрылъагъущ: шэщІэху машинэ адыгэ къуажэхэм къыщыдыхьар XX лІэщІыгъуэм и пэхэрщ. Мы ФЗ-м синоним иІэщ: «фыз хъыбар».

б) Зи компонентхэм зэгъусэу мыхьэнэ зэхьэкІа къагъэхъу ФЗ-хэр:

Іэбжьанэ фІей. ДыгъуакІуэ, хамэ мылъку зэзылъэфалІэ.

2.2. Шэрыуагъ-зыхэщІэ мыхьэнэ наІуэ зиІэ ФЗ-хэр

Ипэ ит гупым мыхэр къазэрыщхьэщыкІыр къызытекІа псалъэ зэгъусэ хуитхэм пыщІэныгъэ зэрыхуаІэр аращ:

пащІэр хуэупсын. Хурикъун, хуэфІ хъун, и напэр техын.

Мы мыхьэнэр къызытекІар: пащІэр лІы нэсым и нэщэнэу ябжырти, ар лъэщыгъэкІэ зыгуэрым фІаупсамэ, абы и напэр трахауэ арат.

[и] фэр техын. Гугъу егъэхьын, гъэбэмпІэн.

2.3. Фразеологием щыхэтым фІэкІа апхуэдэ мыхьэнэ зимыІэ псалъэ зэхэт ФЗ

илъэс хъурей. Илъэс псо. «Хъурей» псалъэм «псо», «ирикъу» мыхьэнэ щигъуэтыр «илъэс» псалъэм щыщІыгъум дежщ.

псалъэ мышу. Псалъэ мыхъумыщIэ, къемызэгъ.

2.4. Мыхьэнэ зэхэжыхьа зиIэ хьэл ФЗ-хэр

Мыр нэхъ гуп цIыкIуитIу гуэшыжащ:

а) ЗэхьэкIа-метафорэ мыхьэнэ зимыIэ хьэл ФЗ-хэр:

афIэкIа хэмылъу. ЗанщIэу, пIалъэ къыхэмыкIыу.

кIуэрыкIуэм тету. 1. Гъуэгу тету здэкIуэм, кIуэрэ пэт, къэмыувыIэу. 2. ЗанщIэу, фIыуэ емыгупсысауэ.

Мы ФЗ лIэужьыгъуэхэм я нэхъыбапIэр щапхъэ къэтхьахэм ещхьу псалъэ (Iыхьэ) тIурытIу зэхэтщ. Ауэ урохьэлIэ нэхъыбэу зэхэтхэми:

и нэм щIыр имылъагъужу. Гужьеяуэ, пIащIэу.

абы фIэкIа хэмылъу. Зэуэ, занщIэу, а зы нэIэрыкум.

б) ЗэхьэкIа-метафорэ мыхьэнэ зиIэхэр:

и кIэр иудэу. Хьэлыншэу, щIыкIейуэ.

узижагъуэм и махуэу. Хьэлэчу, гужьеигъуэу.

2.5. Зэгуэгъу тIурытIу зэхэжыхьауэ е синтагмэ зэкъуэту щыт ФЗ-хэр

Мы гупыр щыуэ гуэшыжащ:

а) Синтагмэ занэу тIу е псалъитI псалъэзэпыщIэкIэ (псалъэзэпыщIэ-лъабжьэужькIэ) зэпхауэ лэжьыгъэцIэ (предикат) ямыгъусэу: *анэнэпIэсрэ гупкIэ тIысыпIэрэ, сэ гъущэрылърэ фызым къызэщIигъэплъа лIырэ;* н.къ.

Мы щапхъэ къэтхьахэм къызэрагъэлъагъуэщи, мыхэр псалъэжьу къагъэсэбэп жыIэгъуэхэщ, лэжьыгъэцIэ-гъэзэщIэн хэмытми, хэтын хуейр «мы зэдгъапщитIри зэхуэдэщ» мыхьэнэр къызэрыкI лэжьыгъэцIэщ, н.ж. мыр псалъэухам нэхъ йокIуалIэ, макъщIыкIэкIэ гупсысэ уха мэхъу. Аращи, дэ тфIэкъабылкъым мыхэр ФЗ-уэ бжыныр.

б) Мы гупри псалъэзэпыщIэкIэ зэпха экзоэлементхэщ, е лэжьыгъэцIэ пыухыкIа гуэр ящIыгъуу, е цIэиIуэ хуэдэу къагъэсэбэпу: *кIэрыпхыни кIэрыплъхьэни* (щыIэкъым); *нэкуи напIи* (иIэжкъым); *екIи фIыкIи; ахъши бохъши; ноби ныжэби; хьэми кхъуэми; жьыи щIэи,* н.къ.

в) Мы гуп мащIэр мо япэ итхэм къащхьэщокI псалъэзэпыщIэ зэрахэмытымкIэ. Мыбыхэм зыхэщIэ нэхъ яхэлъщ, н.ж. ФЗ-уэ зэрыщытым шэч нэхъ къытомыхьэу щытщ: *гъэшкъым, шыпскъым; унэкъым, жьэгукъым; гъуапэкъым, пщампIэкъым*, н.къ.

2.6. Тавтологие зэхыхьэу щыт ФЗ-хэр

ПсалъэзэпыщIэкIэ зэпхауи псалъэзэпыщIэншэуи щыIэщ мыпхуэдэ ФЗ-хэр: *хуейми хуэмейми; псэуаи мыпсэуаи; къелыни къемылыни*, н.къ.

ПсалъэзэпыщIэншэу зэпхахэм я щапхъэ: *зы махуэ зы махуэкIэ; и нэ къэткъым, и Iэ къэткъым; уэ жепIа, сэ жесIа; зэ мыхъуми зэ*, н.къ.

2.7. ЗэхэлъыкIэ гугъу зиIэ ФЗ-хэр

Мыбы Къардэн Бубэ хигъэхьэхэр компонентищу е нэхъыбэу зэхэтхэрщ. Апхуэдэ ФЗ-хэр лIэужьыгъуищу зэхэбгъэкI хъуну жеIэр – тIур лэжьыгъэцIэ хэту,

ещанэр цIэуэ. Лэжьыгъэ цIэ зыхэтхэр лIэужьыгъуитI щIищIыр ди дежкIэ гурыIуэгъуэкъым – щапхъэ къихьхэмкIэ ахэр я зэхэлъыкIэкIи, зыхэщIэ яхэлъкIи, нэгъуэщI гуэркIи зэщхьэщыкIыу ди гугъэкъым. Псалъэм папщIэ, япэ лэжьыгъэцIэ гупым «псалъэ нэхъыщхьэу масдар хэтщ», етIуанэ гупыр «псалъэ зэгъусэ» теплъэ яIэу къагъэсэбэп жиIэ щхьэкIэ, дызэхуевгъэплъыт абыхэм я щапхъэхэм: *жьэ мыгъуэ ишхыдыкIын (1) – нэгъабэ лIам щIэгъэхьэжын (2); кIэн махуэ хэудын (1) – нэ лейкIэ еплъын (2).*

Ещанэ лIэужьыгъуэу къыхигъэкIым и Iуэхур щхьэхуэщ – мыпхуэдэ ФЗ-хэм лэжьыгъэцIэ яхэткъыми, я зэхэлъыкIэр гуп щхьэхуэ пщIыну щхьэусыгъуэ щыIэщ: *бжэн лъакъуэ хъыбар; емылъэIу щIыхьэху; ин жыIэ цIыкIу Iуатэ; мэлыфэ зытеубгъуа дыгъужь*, н.къ.

2.8. ЦIэ зэхэлъхэр

Еянэ гупу Къардэн Бубэ игъэувыр цIэ зэхэлъхэр, фIэщыгъэцIэ зэмылIэужьыгъуэхэрщ [Карданов 1973: 71-72]. Мыпхуэдэхэр лIэужьыгъуитI ещI:

а) къэкIыгъэцIэхэр: *банэ щхьэхъурей* «мордовник шароголовый»; *бэрэжьей фIыцIэ* «бузина черная»; *хьэ бжьыныху* «лук круглый», н.къ.

б) нэгъуэщI фIэщыгъэцIэ зэмылIэужьыгъуэхэр: *шэ теха* (щIэхуа) «снятое молоко»; *гъуэжь уз* «желтуха»; *мысостей бжьищ* «ефэ-ешхэм къыкIэрыхуам тазыру тралъхьэу щыIа хабзэщ); *мафIащхьэ джэд* (гъэрэ щIырэ щызэхэкI махуэм тхьэлъэIуу яукI джэд фIыцIэ); н.къ.

ИщхьэкIэ къызэрыщыдгъэлъэгъуащи, иджырей щIэныгъэм шэч къытрихьэркъым мыпхуэдэ фIэщыгъэцIэ (термин) псори ФЗ-хэм хэбгъэхьэ зэрымыхъунум, къэхъугъэ псоми я цIэ псалъэхэм ещхьу.

2.9. Шэрыуагъ зыхэмылъ псалъафэхэр

Мы гупым хагъэхьэ ФЗ-хэм я нэхъыбапIэри ФЗ-уэ фIэщщIыгъуейщ. Къардэным мы гупым цIэуэ фIещ «бзэм и штамп, шэрыуагъ зыхэмылъ псалъафэ ФЗ-хэр».

ЗэрыжытIащи, шэрыуагъ, зэхьэкIа мыхьэнэ зыхэмылъ ФЗ щымыIэу аращ иджырей бзэщIэныгъэм зэригъэувыр. Сыт щхьэусыгъуэкIэ мы къэкIуэнухэр ФЗ-уэ жыпIэфыну: *абы ищIыIужкIэ; ауэ (апхуэдэу) щыт пэтми; сыту щрети; сыт илъэныкъуэкIи; Iуэхур зытетыр;* н.къ.

ЕтIуанэ лIэужьыгъуэм – «бзэм и штамп зэлъэIэс занэ» жыхуиIэми девгъэплъыт: *сыт хъыбар?; улIэмэ нэхъыфIщ; икIэри ипэри аращ*, н.къ.

2.10. Урысыбзэм и ФЗ калькэ ящIахэр

Бзэхэм я хьэлщ псалъэхэм ямызакъуэу, ФЗ-хэр нэгъуэщIыбзэхэм кърахыу. Куэд дыдэ мыхъуми, адыгэбзэми хэбгъуэтэнущ урысыбзэ ФЗ-уэ къыхыхьахэр. Псалъэм папщIэ, «лъакъуэ сэмэгукIэ къэтэджащ» жаIэ къэгубжьам, къытехьам папщIэ. Мыр урысым и «встал с левой ноги» жыхуаIэр зэрадзэкIауэ аращ. Ауэ Къардэн Б. мы гупым я щапхъэу къихьхэр нэгъуэщIщ: *гъэ еджэгъуэ* «учебный год», *скобкэм дэгъэувэн* «поставить в скобки», *артиллерие хьэлъэ* «тяжелая артиллерия», *блын газет* «стенная газета», *зауэ щIыIэ* «холодная война», н.къ.

Тыншу гу лъыботэ мыбыхэм ФЗ зэрахэмытым, атIэ фIэщыгъэцIэ, псалъэ зэхэлъ защIэу ахэр зэрыщытым.

Аращи, зи гугъу тщIа гупым хуэдэ пщIы хъунуми, абы хыхьэнур «лъакъуэ сэмэгукIэ къэтэджын» жыхуэтIам хуэдэхэрщ. Мыхэр нэхъыбэу зыхэбгъуатэр зэрадзэкI литературэрщ (ар художественнэ произведенэ ирехъу, е газетым, журналым къытрадзэ публицистикэу щрет). Бзэм ирипсалъэхэм псори къащтэркъыми, къэхутэныгъэ щхьэхуэ егъэкIуэкIын хуейщ «мы урыс ФЗ-р адыгэбзэм къищтащ» жыпIэу шэч къытомыхьэу къэбгъэлъэгъуэн папщIэ. Нэхъри Iуэхур гугъу зыщIыр бзитIми ФЗ хэтхэщи аращ, я зэхэлъыкIэкIэ зэтехуэу, ауэ ФЗ-р зым ейщ, адрейм а зейм къыIихащ жыпIэну щхьэусыгъуэ уимыIэу. Псалъэм папщIэ, урысым жаIэ: «в глазах темнеет», адыгэми яIэщ: «и нэр щоункIыфIыкI». Мыбдеж дэтхэнэ бзэми и ФЗ-р езым къызэригъэщIыжам шэч къытехьэгъуейщ. Апхуэдэ щапхъэхэр куэду бгъуэтынущ.

2.11. Компаратив (егъэщхьыныгъэ, елъытыныгъэ) ФЗ зэхьэкIа мыхьэнэ зиIэхэр

ФЗ зэхэжыхьахэм дащытепсэлъыхьым жытIауэ щытащ компаративхэр ФЗ-уэ зэрыщытым щIэныгъэлI куэдым шэч къызэрытрахьэр. Псом хуэмыдэу псалъэзэпыщIэкIэ къэхъухэрщ ФЗ-м емыкIуалIэу жыхуаIэр (*хуэдэу, ещхьу, нэхъей*): *и щхьэм шху къекIыха хуэдэ; танэм ягъэдела выжь нэхъей; и анэм къызэрилъхуам хуэдэу (пцIанэщ);* н.къ.

ПсалъэзэпыщIэр щахэмытыжым и деж егъэщхьыныгъэ (елъытыныгъэ) зэхыхьэхэр ФЗ-м нэхъ ещхь мэхъу: *Хъуэжэ и бэщмакъыу (зыкъригъэнащ); псыпцIэ къамылу (дэжеящ); фо къызыщIахуа безу (егъэныщкIу); хьэгъуэлIыгъуэ чейуэ (зэрадзэ)* н.къ.

Мы щапхъэхэм тхыхьхэм дэту лэжьыгъэцIэ псалъэ къащIыхуэтхьар инэхъыбапIэм а псалъэхэр япыту къызэрыдгъэсэбэпыращ. Абы къыхэкIкIи псалъалъэхэм мыпхуэдэ ФЗ-хэр лэжьыгъэцIэ псалъэ нэхъ ящIыгъу хабзэр пыту иратхэ [Бэрбэч, БищIо, IутIыж 2001]. Дэри нэхъ тфIэзахуэщ апхуэдэ къэхьыкIэр.

2.12. ПсалъэзэпыщIэ псалъэ зэхэлъхэр

Мыпхуэдэ гуп Къардэн Бубэ ищIыр псалъэзэпыщIэ псалъэ зэхэлъхэращ: *апхуэдэу щыщыткIэ; сыт щхьэкIэ жыпIэмэ; абы къыхэкIкIэ,* н.къ.

Иджырей щIэныгъэм къызэрилъытэмкIэ, мыхэр псалъэ зэхэлъу фIэкIа, ФЗ-м хуаIуэху щыIэкъым.

2.13. ФIэхъусхэр, хъуэхъухэр, н.къ.

Мы гупым Къардэным хегъэхьэ фIэхъус, хъуэхъу, тхьэрыIуэ, гыбзэ сыт хуэдэхэр: *уи махуэ фIыуэ! Фи жэщ фIы ухъу! Зэпытрэ зэкIэсу укIуэ! берычэт бесын! Бжэгъупэ махуэ хэвусэ! Жьыщхьэ махуэ ухъу!* н.къ.

Къэтхьа щапхъэхэм щхьэкIэ фразеологием елэжьхэм я IуэхуеплъыкIэр зэтехуэркъым. Псалъэм папщIэ, хъуэхъухэмрэ гыбзэхэмрэ IуэрыIуатэм и жанр лIэужьыгъуэщ, ахэр ФЗ-хэм щIахыубжэн щыIэу къыщIэкIынукъым, дэ дызэреплъымкIэ.

2.14. ІуэрыІуатэ жыІэгъуэ, бзэм куэд лъандэрэ къигъэсэбэп эпитет хуэдэхэу ФЗ хъуахэр

ІуэрыІуатэм къыщежьа ФЗ-хэщ мы къэкІуэнухэр: *емынэ шу (шужьей); лІы и жэщ; тхьэрыкъуэ пщэху; иныжь и жей; данагъуэ Іупэ;* н.къ.

Мыбыхэм я лъабжьэр кууэ зэрыщытым къыхэкІкІэ жьы хъуауэ и мыхьэнэр нэхъыбэм къагурымыІуэж псалъэхэм (псалъэ гъэпсыкІэхэм) уащрохьэлІэ.

2.15. Рифмэ зыхэт аллитерацэхэу ФЗ хъухэр

Мы гупым и щапхъэу къэхьахэр, къанэ щІагъуэ щымыІэу, псалъэжьхэщ: *и щхьэр мыузу боз ирешэкІ; бацэхэплъ нэплъэжыгъуэ егъуэт;* н.къ.

2.16. Каламбур зэхыхьэ ФЗ-хэр

Мыхэри 2.15. гупым къазэрыщхьэщыкІ щыІэкъым: *къэзылъэфри зылъэфыжри пщІэркъым; бэмпІэгъуэ лъхуэри зэгуэудыгъуэ къилъхуащ; пщэдей махуэщ, къэунэхури мазэщ,* н.къ.

Пэжщ мыбы и лІэужьыгъуэу къыхигъэкІ, сабийхэм яхуэгъэзауэ щІэнакІалъэ хуэдэу къагъэсэбэп псалъафэхэм яхэтщ ФЗ-м хуэпхь хъун закъуэтІакъуэ: *гуэгуш джэдыкІампІэ* – зи нэгур гуэгушым жраІэ; *гъуэншэджыншэ хъыранщу;* н.

2.17. ЗэпэщІэуэныгъэ зыхэлъ параллелизмхэу ФЗ хъухэр

Мы гупым и щапхъэхэр псалъэжьым нэхъ хуокІуэ, ФЗ-м нэхърэ: *Іэмбатэ зэрымытым Іэтэ иретъэувэ; псалъэ ІэфІрэ гу фІейуэ; яхьри зыхьри мэгугъэ*, н.

2.18. Псалъэ шэрыуэхэр, афоризмхэр, цІыху цІэрыІуэхэм, тхакІуэхэм жаІахэр

Мы гупым и щапхъэхэри зэрыщыту псалъэжьхэщ е ІуэрыІуатэм «псалъэ Іущхэр» жаІэу къыхагъэкІ жанр лІэужьыгъуэм хохьэхэр: *Щхьэм хуэфащэ пыІэ щхьэрыгъыжын хуейщ* (КІыщокъуэ А.). *Щхьэм имытмэ, жьакІэр бацэщ* (Шортэн А.). *Уи Іэдакъэ щІэмыкІар хьэрэмщ* (Къэзанокъуэ Ж.). *Бацэмрэ щынэцымрэ зэхэбгъэзэрыхьащ* (Агънокъуэ Л.), н.

АдэкІэ фразеологие зэхэтым хэбгъэхьэ хъуну къилъытэу Къардэным къехь «зэхьэкІа мыхьэнэ зиІэ псалъэжь» куэд дыдэ [Карданов 1973: 82-86]. Дэ абыхэм дакъытеувыІэркъым, с. ж. сыт хуэдэ зэхэлъыкІэ (ухуэкІэ) ямыІэми, ахэр псалъэжьу къонэж, ФЗ хъуркъыми.

3. ФЗ зэгъусэхэр

Мы ФЗ лІэужьыгъуэм хыхьэ псоми я нэщэнэу Къардэн Б. къигъэлъагъуэр абыхэм зэхьэкІа-метафорэ мыхьэнэ зэрамыІэрщ, н.ж. щІэныгъэлІхэм я нэхъыбэм ФЗ-м Іэмал имыІэу хэлъын хуей нэщэнэр. ИкІи аращ мыхэр ФЗ-уэ абыхэм къыщІамылъытэр. ЗанщІэу къыжытІэнщи, дэри дарителъхьэщ абыхэм. Ауэ, дауэ щымытми, къэдгъэлъэгъуэнщ ФЗ зэгъусэхэм хыхьэу Къардэн Бубэ къилъытэхэр мыпхуэдэу гупитІу зэригуэшыр:

1) лэжьыгъэцІэ е цІэ аналитикэ зэхэлъыкІэхэр; 2) зи компонентхэм ящыщ зым ФЗ-м мыхьэнэщІэ щызыгъуэтхэр.

3.1. Аналитикэ зэхэлъыкIэ ФЗ-хэр

а) лэжьыгъэцIэ зэхэлъыкIэ. Апхуэдэ зэхэлъыкIэ зиIэ ФЗ хъууэ къалъытэр лэжьыгъэцIэ дэIэпыкъуэгъу *хъун, щIэн* жыхуиIэхэм къагъэхъухэрщ: *лIы хъун, бысым щIын,* н. къ. Къардэным жеIэр а лэжьыгъэцIэ дэIэпыкъуэгъухэм къагъэхъу зэхэлъыкIэхэр тIууэ зэхэгъэкIын хуейуэ – гъэзэщIэным и аналитикэ гъэпсыкIэрэ ФЗ-уэ. Псалъэм папщIэ, **лIы хъун** жиIэмэ ФЗ-щ, **инженер хъун** жиIэмэ цIэ-гъэзэщIэн зэхэтщ. Япэр зы мыхьэнэ зэхэтщ (зы псалъэм похъу), лэжьыгъэцIэм мыхьэнэ щхьэхуэ мыбы щиIэкъым, етIуанэм деж а лэжьыгъэцIэм и мыхьэнэр зэрызихъуэж щIагъуэ щымыIэу къызэтонэ [Карданов 1973: 87]. Ауэ иджыри зэ къыхыдогъэщри, Къардэным ФЗ-уэ игъэувхэм къагъэлъагъуэр мыхьэнэ занщIэщ, зэхьэкIакъым, метафорагъ, шэрыуагъ яхэлъкъым абыхэм: *щхьэщэ щIын, шэджагъуашхэ щIын, ислъэмей щIын, мурад щIын, нащхьэ щIын*, н.къ.

ЛэжьыгъэцIэ дэIэпыкъуэгъухэр зыхэт конструкцэхэр ФЗ-уэ къыщылъытапхъэр абыхэм зэхьэкIа мыхьэнэ щагъуэтым дежщ. Псалъэм папщIэ:

щхьэуназэ хъун. ПщIэнур умыщIэжу укъэнэн, хэзэрыхьын, щхьэр кIэрэхъуэн. *ЦIыху гупыр щхьэуназэ хъууэ зэ зы лъэныкъуэмкIэ, зэ нэгъуэщI лъэныкъуэкIэ зэрыхьырт* (КIэрашэ Т.).

б) цIэ конструкцэхэр (цIэ+цIэ). Мыпхуэдэ щапхъэ Къардэным къихьхэм я нэхъыбэри ФЗ-къым, зэхьэкIа мыхьэнэ зэрамыIэм къыхэкIыу. Езы авторми жеIэр мыбыхэм гурыIуэгъуэ гуэр къызэрагъэлъагъуэр, апхуэдэ гурыIуэныгъэхэр къызэрыбгъэлъэгъуэн псалъэ щхьэхуи бзэм зэримыIэр [Карданов 1973: 90]: *жьы хъугъуэ; ахъшэм кIыфI; адыгэ фащэ; бжьэ къэпщIыгъуэ; мазэ къэунэхугъуэ; дыгъэ къыщIэкIыгъуэ;* н.къ.

Зырызыххэ урохьэлIэ ФЗ-хэм хэбгъэхьэ хъуну, псалъэм папщIэ, *унэ ихьэгъуэ* («хъыджэбзым и лIы дэкIуэгъуэ» мыхьэнэ къикIыу), *пIастэ Iыхьэ* («ерыскъы» мыхьэнэ иIэу).

3.2. Зи компонентхэм ящыщ зым мыхьэнэщIэ игъуэт ФЗ-хэр

Компонентхэм ящыщ зыр и мыхьэнэкIэ «щхьэхуимыт хъуныр» я нэщэнэщ ФЗ зэхэжыхьахэми, ФЗ зэхэтхэми. ФЗ зэгъусэхэр абыхэм къазэрыщхьэщыкIыу Къардэным жыхуиIэр мыхэр «апхуэдэ дыдэу къуза зэрымыхъухэращ». КъыжыIапхъэщ ар критерий быдэу зэрыщымытыр, щхьэж езым къызэрыщыхъум нэхъ зэрепхар, апхуэдэу щыщыткIи щIэныгъэм зэрытемыгъэпсыхьар.

ИтIанэ мы Iыхьэм щапхъэу къыщыхьахэр ФЗ-уэ пхужыIэнукъым, гурыIуэгъуэ пыухыкIа къэзыгъэлъагъуэ псалъэ зэхэлъу фIэкIа: *жьэрымэ гъэун; ныса щIэм техьэн; азэн джэн; фыз къэшэн; щIыIэ хыхьэн;* н.къ.

Зыбжанэ къэдгъуэтащ мыхьэнэ зэхьэкIа яIэу, ФЗ хъууэ убж хъуну:

мафIэ едзын. Зыгуэр бэлыхь хэдзэн, щыхьэн.

и цIэ иIуэн. Зыгуэрым тыгъэ хуэщIын, зыгуэркIэ гу лъытэн.

Ауэ мыпхуэдэ щапхъэ зырыз хэбгъуатэри зыкIи къащхьэщыкIыу гу лъыттакъым апхуэдэ лIэужьыгъуэу ФЗ зэхэжыхьахэмрэ ФЗ зэхэтхэмрэ къыщыхьахэм (еплъ ищхьэмкIэ).

Аращи, псалъалъэм бгъэкIуэн хуей фразеологизмхэр (псалъафэхэр) къыхэхынымкIэ гъуазэ нэхъыщхьэу щыIэр мыхьэнэ бгъэдыхьэкIэрщ. Дэ къытфIощI

Къардэн Бубэ абы и лъэныкъуэкIэ зэхигъэува классификацэм и мыхьэнэр нобэр къыздэсам къыпхуэмыIуэтэным хуэдизу ину. Ауэ дяпэкIэ фразеологием и псалъалъэ зэхалъхьэну иужь ихьэнухэм Iэмал имыIэу Iуэхум къыхалъытапхъэщ иужькIи фразеологием елэжьахэм Къардэным и класссификацэм егъэфIэкIуэныгъэу халъхьахэр, дыщIагъужахэр.

ТЕГЪЭЩIАПIЭХЭР

Амосова 1963 − *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. − Ленинград: Ленинградский университет [ЛГУ], 1963. − 206 с.

Балли 1961 – *Балли Ш.* Французская стилистика. − М.: Издательство иностранной литературы, 1961. − 394 с.

Булаховский 1953 – *Булаховский А.А.* Введение в языкознание. − М.: Учпедгиз, 1953. Т. 2. − 180 с.

Бэрбэч, БищIо, IутIыж 2001 − *Бэрбэч Б. Ч., БищIо Б. Ч., IутIыж Б. Къу.* Адыгэбзэ фразеологизмхэм я псалъалъэ. Налшык: Эльбрус, 2001. 240 н.

Карданов 1968 – *Карданов Б.М.* Кабардино-русский фразеологический словарь. − Нальчик: Эльбрус, 1968. − 341 с.

Карданов 1973 − *Карданов Б.М.* Фразеология кабардинского языка. − Нальчик: Элбрус, 1973. − 248 с.

Шаов 1980 − *Шаов А.А.* Некоторые вопросы адыгской фразеологии // Вопросы адыгейского языкознания. − Майкоп, 1980. Вып. 1. − С. 31-53.

Шаов 1988 – *Шаов А.А.* Основы адыгской лексикографии. – Майкоп: Краснодарское книжное издательство, Адыгейское отделение, 1988. – 223 с.

REFERENCES

AMOSOVA N.N. *Osnovy anglijskoj frazeologii* [Basics of English Phraseology]. − Leningrad: Leningradskij universitet [LGU], 1963. − 206 p. (In Russ.).

BALLY Sh. *Francuzskaya stilistika* [French stylistics]. − M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1961. − 394 p. (In Russ.).

BERBECH B.CH., BISHCHIO B.CH., IUTIYZH B.K"U. *Adygebze frazeologizmekhem ya psal”al”e* [School phraseological dictionary of theKabardino-Circassian language]. − Nalchik: Elbrus, 2001. − 240 p. (in Kabardino-Circassian).

BULAKHOVSKY A.A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. − M.: Uchpedgiz, 1953. T. 2. – 180 p. (In Russ.).

KARDANOV B.M. *Kabardino-russkij frazeologicheskij slovar'* [Kabardino-Russian phraseological dictionary]. − Nalchik: Elbrus, 1968. − 341 p. (In Russ., in Kabardino-Circassian)

KARDANOV B.M. *Frazeologiya kabardinskogo yazyka* [Phraseology of the Kabardian language]. − Nalchik: Elbrus, 1973. − 248 p. (In Russ.).

SHAOV A.A. *Nekotorye voprosy adygskoj frazeologii* [Some issues of Adyghe phraseology]. In: Voprosy adygejskogo yazykoznaniya. − Majkop, 1980. Vyp. 1. − P. 31-53. (In Russ.).

SHAOV A.A. *Osnovy adygskoj leksikografii* [Basics of Adyghe lexicography]. − Majkop: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Adygejskoe otdelenie, 1988. – 223 p. (In Russ.).

Авторым теухуауэ
БищIо Б.Ч. – филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор.
Information about the author
Bizhoev B.Ch. – Doctor of Philology.
Информация об авторе
Бижоев Б.Ч. – доктор филологических наук.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 13.12.2025 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.03.2026 гъ.; къытрадзэнущ 30.03.2026 гъ.

The article was submitted 13.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Статья поступила в редакцию 13.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-306-317
EDN: XDQJSQ

АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ КОННОТАЦИЙ ПОНЯТИЯ «ГОСТЕПРИИМСТВО» В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Мадина Юрьевна Езаова[1], **Фарида Муаедовна Ашхот**[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1] madinaezaova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0574-7299
[2] flora707@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-6266-9351

Аннотация. Целью работы является исследование языкового выражения одного из ключевых аспектов человеческой жизни – сферы гостеприимства, проанализированной через призму паремиологии. Опираясь на различные работы ученых, исследующих термин «гостеприимство», мы можем более детально рассмотреть его общее прототипическое значение, которое обобщает эмпирические представления о данном социально значимом действии. В работе выделяются эмоционально-оценочные характеристики и образные представления, присущие кабардино-черкесской культуре. Анализ коммуникативно-прагматических коннотаций искомого понятия может предоставить более определенные данные о процессе познания реальности носителями разных культур, высветив как универсальные, так и национально специфические особенности. Результатом исследования является изучение элементов паремиологической картины мира, сосредоточив внимание на феномене хьэщIагъэ / гостеприимство в кабардино-черкесском языке в контексте современной лингвистики. Это исследование опирается на использование разнообразных подходов, что позволяет рассмотреть явление гостеприимства с разных сторон. Сочетание различных методологических инструментов открывает возможности для более глубокого понимания рассматриваемого явления. В данной статье, рассматривая язык как аспект культуры, мы анализируем «культурный» пласт языка, который включает в себя адыгскую пословичную палитру, отнесенную к определенному знанию. В этом контексте «гостеприимство» занимает ключевую позицию в языковом сознании адыгского языкового коллектива, являясь одним из основных элементов, обладающих национальной спецификой.

Ключевые слова: гостеприимство; паремиология; лингвистика; паремиологическая картина мира; пословицы; поговорки; менталитет; правила поведения; культура.

Для цитирования: Езаова М.Ю., Ашхот Ф.М. Анализ коммуникативно-прагматических коннотаций понятия «гостеприимство» в кабардино-черкесском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 306-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-306-317. EDN: XDQJSQ.

© Езаова М.Ю., Ашхот Ф.М., 2026

Original article

ANALYSIS OF COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC CONNOTATIONS OF THE CONCEPT "HOSPITALITY" IN THE KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE

Madina Yu. Ezaova[1], **Farida M. Ashkhot**[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1] madinaezaova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0574-7299
[2] flora707@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-6266-9351

Abstract. The purpose of this work is to study the linguistic expression of one of the key aspects of human life – the sphere of hospitality, which is analyzed through the lens of paremiology. Drawing on the various works of scholars who have studied the term "hospitality," we can examine its general prototypical meaning in more detail, which summarizes the empirical understanding of this socially significant action. The work highlights the emotional and evaluative characteristics and figurative representations that are inherent in Kabardian-Circassian culture. The analysis of the communicative-pragmatic connotations of the concept under study can provide more specific data on the process of cognition of reality by speakers of different cultures, highlighting both universal and nationally specific features. The result of the study is the examination of the elements of the paremiological worldview, focusing on the phenomenon of khyeshchaghe / hospitality in the Kabardian-Cherkessian language in the context of modern linguistics. This study relies on the use of various approaches, which allows us to examine the phenomenon of hospitality from different perspectives. The combination of different methodological tools provides opportunities for a deeper understanding of the phenomenon under study. In this article, we analyze the "cultural" layer of language, which includes the Adyghe proverbial palette related to specific knowledge, by considering language as an aspect of culture. In this context, "hospitality" occupies a key position in the linguistic consciousness of the Adyghe linguistic community, being one of the main elements with national specificity.

Keywords: Hospitality; paremiology; linguistics; paremological worldview; proverbs; sayings; mentality; rules of conduct; culture.

For citation: Ezaova M.Yu., Ashkhot F.M. Analysis of communicative and pragmatic connotations of the concept "Hospitality" in the Kabardino-Cherkess language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 306-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-306-317. EDN: XDQJSQ.

© Ezaova M.Yu., Ashkhot F.M., 2026

Введение

Понятие «гостеприимство» занимает центральное место в культурной идентичности множества народов, включая адыгский мир, и отражает не только их традиции, но и ключевые ценности, характерные для соответствующих лингвокультур. Данная практика проявляется во множестве аспектов повседневной жизни, таких как обряды, обычаи и социальные правила. Для кабардинцев гостеприимство – это не просто знак учтивости, а священное обязательство, которое передаётся из поколения в поколение. В данной культуре гостеприимство рассматривается как признак достатка и социального положения хозяев, и его проявления могут варьироваться от простого угощения до организации сложных и торжественных мероприятий в честь гостей. И, соответственно, объяснимо

богатство паремиологического пласта языков, репрезентирующего гостеприимство.

Л.Б. Савенкова считает, что «в паремиологическом фонде языка хранятся особенности национальных черт обыденного сознания народа. Именно в паремиях каждого народа проявляются национальные черты, особенности его культуры, своеобразие исторического пути развития народа. Под паремиями понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях» [Савенкова, 2002].

Концепты, относящиеся к когнитивным схемам познания, лежат в основе формирования знаний и информаций, на которых строится коммуникация. Концепты получают свою реализацию на лексическом и паремиологическом уровнях языка. Паремии – это цельнооформленные коммуникативные высказывания, отражающие этнокультурную специфику. к таким коммуникативным высказываниям можно отнести паремии, вербализующие феномен *хьэщIагъэ / гостеприимство*. Это понятие отражает обычай конкретного народа, и социокультурная картина многих этносов, проживающих длительный период времени рядом, зачастую, практически стала во многом сходной.

Материалы и методы

Языковое выражение понятия *хьэщIагъэ / гостеприимство* в кабардино-черкесском языке анализируется на основе различных лексикографических источников. Анализ более 200 единиц составил репрезентативную базу исследования, цель которого выявление национальной специфики концепта гостеприимство в кабардино-черкесской пословичной картины мира. Ядром данного понятия в языке считают лексему *хьэщIэ* / *гость*, с изучения которой логично выстраивается анализ семантики и прагматики паремий, отражающих исследуемую понятийную сферу.

Этимология адыгского слова *хьэщ1агъэ* имеет множественные решения. Н. Трубецкой считает его идущим от иранского haxay (ср. авест. haxa, дат. п.hasye) «друг», «приятель» [Trubetzkoy 1930: 248]. Ж. Дюмезиль опровергает эту этимологию, считая, что глоттализованные адыгские согласные не позволяют подобную реконструкцию. В то же время Ж. Дюмезиль выводит вейнахское слово со сходной семантикой в разряд заимствований из адыгских языков [см. Deeters 1963: 38]. Б.Х. Балкаров так же считает родственными адыгскую и бацбийскую формы этого слова *хьашшо* [Балкаров 1969: 172]. Этимология Н. Трубецкого является для нас приоритетной, который толкует формы *хьакIэ,* и возводит ее вместе с чеч. к иран. *haxay* «друг», «приятель». Человек, обозначенный данным словом, не был ни другом, ни товарищем, ни знакомым тому, к кому он пришел в качестве гостя. Более того, хозяин дома, у которого остановился этот гость, не имел о нем ни малейшего представления. Почему возникают различные трактовки слова «гость» как «друг» или «приятель»? Это понимание нельзя считать правильным, потому что, как было сказано ранее, хозяин и гость не только не являлись друзьями, но и не имели никакого общения друг с другом. Важно отметить, что в этом контексте их отношения не подразумевают близости или доверия, которые обычно сопутствуют дружбе или знакомству. На самом деле, их

взаимодействие ограничивается только моментом, когда гость находится в доме хозяина, что делает неправомерным соотносить их с традиционными социальными узами, такими как дружба или товарищество. Следовательно, выводы о взаимосвязи этих ролей – гостя и друга, товарища, требуют более глубокого анализа их истинной природы.

Изучение явления гостеприимства в современной лингвистике является междисциплинарным и включает в себя различные подходы. Подходы позволяют рассматривать гостеприимство с разных точек зрения. Комплексное использование различных методологий позволяет получить полное представление об изучаемом явлении. Следовательно, рассмотрение гостеприимства как части паремиологической картины мира позволяет глубже понять его культурные и ценностные аспекты.

Общее прототипическое значение или этимология слова лежит в основе развития последующих семантических признаков и коммуникативно-прагматических коннотаций с учетом культурно-исторического и национально-языкового аспектов. Коннотативный компонент коммуникативного высказывания, заложенного в паремии, маркирует различные параметры коммуникации (участники, ситуации и интенции общения и т.д.). «Подобное понимание паремиологической коннотации дает возможность принять ее за основу прагматического значения дискурсивной идиомы. В структуре прагматического значения дискурсивных идиом различают экспрессивные, эвокативные или аппелятивные, фатические и эстетические компоненты» [Алефиренко 2010: 204-205].

Очевидным фактом является, что концептуально-значимая информация, закодированная в семантической структуре паремии, «обусловливает прагматический потенциал паремоцентрического дискурсивного высказывания. Оно формируется в когнитивно-прагматическом пространстве в рамках дискурсивной ситуации. Данное дискурсивное высказывание содержит ассоциативно-образный концепт, репрезентируемый паремией. Таким образом, паремии в процессе речепроизводства преобразовываются в коммуникативные единицы или коммуникативно значимые знаки, которые могут выступать как общенациональные, так и индивидуальные субъективно-интерпретативные концепты» [Езаова 2018: 129].

Паремиологические элементы языка содержат в себе историческую память народа, его психологию, ценностные ориентиры и нормы поведения. Применение аксиологического подхода позволяет выявить как общие, так и уникальные аспекты проявления ценностей гостеприимства в различных языковых и культурных контекстах. Мы провели анализ семантических оппозиций и оценочных шкал, которые находят отражение в языке, и попытались выяснить, каким образом формируются и передаются ценностные идеи о гостеприимстве.

Изучая гостеприимство как ключевой элемент паремиологической (пословичной) картины мира, следует подчеркнуть, что пословицы и поговорки отражают культурные и социальные нормы, а также мировосприятие народа. В данном контексте гостеприимство рассматривается не только как личная черта или общественной традицией, но и как составная часть более обширной культурной и этической системы.

Мы проанализировали около 200 фразеологических единиц и паремий, чтобы выявить, какие ценностные ориентиры и оценочные шкалы формируются в отношении гостеприимства в кабардино-черкесской паремиологической (пословично-поговорочной и фразеологической) картине мира.

Результаты

ХьэщIагъэ / гостеприимство в кабардино-черкесском языке является одной из ключевых и национально-специфических черт национального характера адыгов. Этот концепт не просто связан с радушием, но также заключается в соблюдении различных обрядов и ритуалов. В культуре этих народов гостеприимство тесно связано с уважением и состраданием к ближнему, верой в добро и соблюдением традиций. Гостя в национальной культуре приравнивают к посланнику бога, и он заслуживает особого почтения. А культ пищи обязывает сотрапезника / гостя становиться близким другом, и за едой заключаются союзы и даются клятвенные обещания. Также в паремиологическом фонде языка содержатся установки и нормы поведения в отношении гостей.

Следует отметить, что гостеприимство является одним из важнейших компонентов, определяющих составляющие этикета народа – *адыгэ хабзэ*. Гостеприимство является продолжением качеств, таких как человечность, благородство, учтивость и входит в понятие *Адыгагъэ ехын* (*адыгэ хабзэ хуэщIэн, адыгагъэ кIэлъызехьэн* – соблюдать этикет по отношению к кому-либо – атрибуты национального этикета (человечность, благородство, учтивость, гостеприимство и т. п.) [Словарь 1999: 22].

Концепт «гостеприимство» представляет собой сложную полевую структуру, состоящую из информационной и интерпретационной составляющих.

Информационное поле концепта «гостеприимство» раскрывает его содержание на основе данных лексикографических изданий. Когнитивный признак, лежащий в основе номинации понятия, представлен ценностным компонентом, репрезентирующим фрагмент ценностной картины мира этноколлектива. Аксиологическая оценка определяется компонентами по шкале хорошо / плохо. Аксиологические компоненты гостеприимства – благородство, учтивость, радушие, оцениваются как «доброе деяние», являющегося, таким образом, главным когнитивным признаком гостеприимства, который в дальнейшем интерпретируется на основе фактологического материала языка. Интерпретация основного когнитивного признака представляет так называемое выводное знание [Попова, Стернин 2007: 78].

Интепретационное поле концепта, отражая аксиологические составляющие, фиксирует особенности менталитета этноколлектива. В зависимости от цели исследования интерпретационное поле может быть репрезентировано несколькими зонами: энциклопедической, регулятивной, оценочной, утилитарной, социокультурной и паремиологической. Для данного исследования наиболее релевантными являются энциклопедическая, утилитарная, социально-культурная, оценочная, регулятивная зоны. На формальном уровне выделяется паремиологическая зона, так как анализ производится на материале паремий.

Энциклопедическая зона искомого интерпретационного поля гостеприимство включает признаки, отражающие свойства, чувства, эмоции, отнесенные к субъекту/объекту действия, характеристики качества, интенсивности, длительности.

Бысым – хозяева (по отношению к гостям) [Словарь 1999: 54].

Бысым фIэхъу – бысымфIэхъу апщий! – форма приветствия гостями своих хозяев [Словарь 1999: 54].

Бысымхъуэж: бысымхъуэж щIын – поменять хозяев (о гостях) [Словарь 1999: 54]. *ХьэщIагъэ: хьэщIагъэ ехын* – оказать кому-либо гостеприимство [Словарь 1999: 735].

ХьэщIакIуэ: хьэщIакIуэ къэкIуэн - идти в гости [Словарь 1999: 735].

ХьэщIапIэ кIуэн [Словарь 1999: 735] – пойти в гости, хьэщIапIэ къикIыжын – прийти, вернуться из гостей, хьэщIапIэ щыIэн – быть в гостях, гостить у кого-либо.

ХьэщIэ – гость [Словарь1999: 735].

ХьэщIэр гъэлъэпIэн – оказывать гостю внимание, уважение [Словарь 1999: 735].

ХьэщIэ ихьэгъуэ – время, наиболее подходящее для похода в гости [Словарь 1999: 736].

ХьэщIэмыгъашхэ – не радушный, не потчующий гостей за столом хозяин [Словарь 1999: 736].

ХьэщIэ лъапIэ – почетный гость [Словарь 1999: 736].

ХьэщIэ гъуэгурыкIуэ – гость-путник [Словарь 1999: 736].

Зэджа хьэщIэ – званный гость [Словарь 1999: 736].

Зэмыджа хьэщIэ – незванный гость [Словарь 1999: 736].

Бий хьэщIэ – бий – враг [Словарь 1999: 49], по адыгским законам, даже кровный враг мог прийти в ваш дом в гости, и его принимали по всем правилам адыгского гостеприимства. Враг мог, спасаясь от преследования, переступить гостиную врага, в таком случае хозяин должен быть защищать его как своего гостя.

Адыгэм хьэщIэ и щIасэщ [Кардангушев 1982: 26]. – У адыга много гостей / Адыг любит гостей.

ХьэщIэ къакIуэмэ хэгъэрейр мэгуфIэ [Кардангушев 1982: 60]. – Когда приходит гость, радуется хозяин (*хэгъэрей* – хозяин, или человек близкий к хозяину, по отношению к гостю).

Гостя встречают радушно, для него предусмотрена лучшая пища, обстановка, постель. Настроение, здоровья, безопасность гостя на время пребывания в чужом доме – дело хозяина дома (*бысым*) и его помощников: в этой роли могут выступать родственники, друзья, соседи. *Бысым* должен пожертвовать всем, даже собственной жизнью, чтобы оберегать гостя. В кабардинском и балкарском обществах – это один из столпов закона чести:

Адыгэм и хьэщIэ быдапIэ исщ [Кардангушев 1982: 26]. – У адыга гость как в крепости находится.

ХьэщIэр нэщхъеймэ бысымым и ягъэщ [Кардангушев 1982: 60]. – Если гость грустит, то виноват хозяин.

ХьэщIэр тхьэм и лIыкIуэщ [Кардангушев 1982: 170]. – Гость посланник Аллаха.

Относительно гостя не существует понятий «молодой/старый», «желанный/незванный».

ХьэщIэ щIалэ щыIэкъым [Кардангушев 1982: 37]. – Нет гостя, который по статусу «младший».

Оценочная зона отражает когнитивные признаки, выражающие эмоциональную, эстетическую, интеллектуальную, нравственную оценки.

Гость в народе искренне считается посланником бога, и хлопоты, связанные с приготовлением условий и пищи для гостя, не составляют для хозяина труда, напротив:

ХьэщIэм и ерыскъыр къыдокIуэ [Кардангушев 1982: 60]. – Вместе с гостем приходит изобилие (в еде).

ХьэщIэм насып къыдокIуэ [Кардангушев 1982: 53]. – Вместе с гостем приходит счастье. Гостеприимный дом считается счастливым, особенно если гости добрые, тогда они приносят достаток и счастье в дом к хозяевам. Дом, в котором не бывает гостей, считается отчужденным, не достойным почтения. *Насыпыр хьэщIэщ* [Гутова 2016: 228]. – Счастье – это гость. Имеется в виду, что счастье приходит и уходит.

Пословичный фонд сохранил правила застольного этикета, когда пищу разделяют хозяин дома и гость. В таком случае пробовать еду первым должен был всегда хозяин, показывая пример: *ХэIэбэ, хьэщIэ* – угощайся, гость.

При этом неэтично раньше гостя завершать трапезу, для него выбирали в народе прозвище «*хьэщIэмыгъашхэ*»:

ХьэщIэмыгъашхэ цIэрыIуэщ [Кардангушев 1982: 60]. – Известен тот, кто не угощает гостя. *ПсынщIэрышхэр хьэщIэмыгъашхэщ* [Кардангушев 1982:60]. – Кто быстро ест, тот не угощает своего гостя. *Шхыным ущысхьмэ, хьэщIэшхын мэхъу* [Кардангушев 1982: 54]. – Еду пожалеешь, станет кушаньем для гостя.

Регулятивная зона концепта содержит признаки прескрипционного характера, презентированные словосочетаниями, включающими оценочные смыслы, указывающие на ценностную положительную ориентацию. Регулятивная зона отражает коммуникативное поведение, согласно морально-этическим принципам, шкале ценностей, присущей этноколлективу.

Нижеследующие паремии отражают принципы, согласно которым следует встречать гостя, независимо от социального, материального положения:

Адыгэм я нэхъ мыгъуэри бысымщ [Гутова 2016: 288]. – У адыгов и самый бедный гостя примет. Если к самому малоимущему адыгу пришел гость, он с достоинством примет его у себя в доме.

К любому гостю хозяин обращается: «*еблагъэ*», не спрашивая у него откуда он и зачем пришел. И тем более непозволителен вопрос о том, когда гость уйдет:

ХьэщIэм и къэкIуэным езыр хуитщ, и кIуэжыным хуитыр бысымырщ [Гутова 2016: 298]. – Когда соизволит прийти гостью – волен сам, а уходу гостя – волен хозяин.

ХьэщIэ къашэ щыIэщ, хьэщIэ ишыж щыIэкъым [Кардангушев 1982: 37]. – Гостей приглашают по обычаям, но гостей никогда не выпроваживали. Когда уходить – гость сам знает.

Увидев в окрестностях села незнакомых людей, уважающий себя адыг должен спросить: «*еблагъэ, зодгъэгъэпсэхунщ, хьэщIэ утщIынщ, бысым уимыIэмэ*» – «Добро пожаловать, дадим отдохнуть, сделаем гостем, если нету к кому идти», и оставшийся без ночлега путник, как правило, принимал данное предложение. И крайне редко явление смены гостем хозяина. Это порицается в народе и в знак протеста для него забивают козла, приговаривая «*бысымхъуэж щыпщIакIэ, аращ уэ пхуэфащэр*», – раз ты поменял своего бысыма (хозяина дома), так тебе и надо.

Зы хьэщIэм зы хьэщIэр и жагъуэщи, бысымым хьэщIитIыр и жагъуэщ [Кардангушев 1982: 50] – Одному гостю другой гость не по душе, два гостя хозяину не по душе. Так говорят, когда в дом, который уже принимает одного гостя, внезапно приходит еще один. Первый гость испытывает недовольство, так как понимает, что теперь к нему уделят гораздо меньше внимания, чем ранее; а если интересы и заботы гостей отличаются, хозяину будет трудно организовать их дела, что также вызывает его недовольство по поводу таких обстоятельств.

ХьэщIэр Алыхьым и хьэщIэщ, Алыхьым нэужькIэ дэ ди хьэщIэщ [Гутова 2016: 179]. – Гость является гостем Аллаха, после Аллаха он наш гость. Гость посылается Аллахом, и, пока находится в твоем доме, ему следует оказывать достойное почтение.

Гуэн нэщI дзыгъуэншэщи, хьэщIэншэр тхьэмыщкIэщ [Гутова 2016: 37]. – Пустой закром бывает без мышей, а хозяин без гостей – беден. «В доме, где нет гостей, еды мало».

ХьэщIэр угъурлыщ, фIыгъуэр, берычэтыр къыдокIуэ [Гутова 2016: 297]. – Хорошо, когда в дом часто захаживают гости. С гостем в дом приходят благополучие и достаток. «В доме, куда часто приходят гости, казан всегда на огне».

Особое место в кавказской иерархии занимает *малъхъэ* (зять): не является членом семьи, но и статус гостя для него слишком возвышен: «*малъхъэрэ шыдрэ жыхуаIэр аращ*» – «зять, как ишак» - говорили про него и не допускали дальше конца стола, после всех гостей. «Место затя – порог».

Малъхъэр хьэщIэ пудщ [Гутова 2016: 185] – Зять – гость дешевый.

Малъхъэтехьэ дыщыIа хуэдэу дыкъагъэхьэщIащ [Гутова 2016:185]. – Нас принимали как во время знакомства с зятем.

Безусловно, вышесказанное на сегодняшний день является пережитком, но и сейчас зять только после определенного стажа принимается в семью без условностей.

Вышеприведенные паремии относятся к этическим нормам и обязанностям гостеприимного хозяина. Но в адыгском обществе существует свод правил поведения и для гостя, который сохранился в пословичном фонде. Будучи в гостях, нужно стараться не нарушать устои семьи, быть послушным, не выдвигать свои правила:

ХьэщIапIэ ущыIэмэ, къыпхуащI уи унафэщ [Гутова 2016: 295]. – Если ты в гостях, что укажут, то для тебя закон. *ХьэщIэр щынэм хуэдэу Iущабэщ, мэлым*

нэхърэ нэхъ Іэсэщ [Гутова 2016: 297]. – Гость сладкоголосый как барашек, овцы смирнее. Гость должен считаться с обычаями и устоями домочадцев.

Порицается злоупотребление гостеприимством, высмеивание и обсуждение хозяев дома:

Зи хьэщІэ кІуэжым дохъуапсэ [Гутова 2016: 332]. – Завидуем тем, у кого гости уходят.

ХьэщІанІэрынэр емыкІущ [Гутова 2016: 295]. – Засиживаться в гостях – неприлично. Неприлично засиживаться в гостях, пока не надоешь хозяевам, если на то нет причины.

Уи делэ хьэщІанІэ умыгъакІуэ [Гутова 2016: 145]. – Своего дурака в гости не отпускай. Не стоит дурака выводить в люди, чтобы не опростоволоситься. *ХьэщІэр куэдрэ исмэ, шхуэ дыгъу мэхъу* [Гутова 2016: 297]. – Гость в одном доме, если долго сидит, он уздечкокрад. Если гость долго засиживается у одного бысыма, то почести, оказываемые ему, постепенно падают. Играет роль этикетного императива: в гостях долго не оставайся.

ХьэщІэр жэщищ исмэ, быным ящыщ мэхъуж [Кардангушев 1982: 60]. – Когда гость засиживается в доме три ночи, он становится одним из детей (членом семьи).

ХьэщІэр куэдрэ щысмэ, бысымыр йозэш [Кардангушев 1982: 60]. – Когда гость долго засиживается, то хозяин устает.

ХьэщІэр япэ махуэм дыщэщ, етІуанэ махуэм дыжьынщ, ещанэм аршавэщ, епл1анэ махуэм напэншэщ [Гутова 2016: 298]. – Гость в первый день – золото, во второй – серебро, в третий – латунь, в четвертый – бессовестный человек.

Общеприняты слова благодарности, благопожелания в адрес хозяев дома:

Дывгъэтхъэжащ, фи тхъэжыгъуэр Тхьэм кІыхь ищІ! – Благодарствуем, Аллах пусть даст вам жить в довольстве!

Фи ерыскъыр убагъуэ, къызыхэфхар никъуэ иремыхъу! – Ваша пища да размножится, запасы пусть не исчерпываются!

Утилитарная зона сосредоточена на прагматическом отношении людей к денотату концепта, связанные с особенностями его практического применения, бытования, социальных практиках.

Бысымыр хьэщІэм и Іуэхутхьэбзащ Іэщ [Кардангушев 1982: 28]. – Хозяин – прислужник у гостя. Хозяин должен выполнять все пожелания гостя, тем самым обеспечивая ему достойное пребывание в своем доме.

ХьэщІэ лей щыІэкъым [Кардангушев 1982: 37]. – Лишних гостей не бывает. Сколько бы гостей ни прибыло, всех надо принимать одинаково радушно, всем оказывать одинаковые почести.

ХьэщІэу къыпхуэкІуамэ уи жагъуэри ныбжьэгъущ [Гутова 2016: 298]. – Даже если твой враг придет к тебе в гости, то он уже твой друг.

ХьэщІанІэ укІуэн уфІэфІмэ, хьэщІэу къыпхуэкІуэр гъафІэ [Кардангушев 1982: 295]. – Любишь ходить в гости – хорошо встречай гостей. Имеется в виду, что, как принимаешь и почитаешь своих гостей, такой же почет и сам заслужишь. Единственный признак выделения определенных гостей – пройденное им расстояние. Чем более дальнюю дорогу прошел гость, тем он дороже:

ХьэщIэ гъунэгъу нэхърэ хьэщIэ жыжьэ нэхъ лъапIэщ [Кардангушев 1982: 37]. – Гость издалека почетнее гостя с близкой стороны.

Гостю, который приехал издалека, оказывают больше почестей, в силу того что он реже приходит, нежели тот, кто часто вхож в дом. Был даже обычай определять престижность гостя по числу рек, которые он в пути пересек.

Социокультурная зона, отражающая быт и культуру.

ХьэщIэ къафэ – танец гостя (когда гостью предоставляют круг для танца) [Кардангушев 1982: 360]. *ХьэщIэныш* – барашек, зарезанный в честь гостя [Кардангушев 1982]. *ХьэщIэщ* – 1. кунацкая, гостиная; 2. Гостиница [Кардангушев 1982]. *ХьэщIэкIуапIэ* – гостеприимный дом, радушная семья [Кардангушев 1982].

Безусловно, даже для нежданных гостей в запасниках любой семьи есть припасы, такой гость рад любому угощенью и понимает, что

УзрихьэлIэр ерыскъыфIщ [Кардангушев 1982: 34]. – На что попадешь, то и хорошая еда. По мнению адыгов, нет плохой еды; следует ценить любое блюдо, которое предлагается. Это высказывание обычно звучит, когда в конце застолья появляется новый гость, или когда кто-то приходит в дом, где хозяева питаются простой пищей. *ХьэщIэр хьэзыр щхьэкIэ бысымыр хьэзыркъым* [Кардангушев 1982: 60]. – Хотя гость готов, хозяин еще не готов. Когда гость оказывается на пороге и готов к встрече, не всегда хозяева оказываются в той же ситуации. Поскольку неожиданные визиты способны застать врасплох, стоит понимать, что иногда хозяевам необходимо время, чтобы подготовиться к встрече. Следовательно, нельзя осуждать владельцев, если они требуют от гостя немного подождать. *ХьэщIэ къакIуэмэ, жыIи гъэтIылъ, куэдрэ щылъащ жыпIэу умышхыж* [Гутова 2016: 296]. – Для гостей припасы держи, но ссылаясь на то, что долго держал, не поедай. Имеется в виду, что всегда следует быть готовым, на тот случай если придут гости.

Коммуникативные высказывания, реализующие концепт «гостеприимство», демонстрирует непротиворечивую природу адыгского и карачаево-балкарского менталитетов, наделенного в целом положительными признаками.

Заключение

Анализ информационного и интерпретационного поля гостеприимства в кабардино-черкесском языке на содержательном уровне показал универсальность данного явления. Языковая интерпретация понятия «гостеприимство» играет важную роль в формировании национального восприятия мира. Это связано с особенностями культурно-национального контекста и характерными чертами языкового сознания адыгского народа. Значительное влияние также оказывает частота использования специфических языковых единиц, а также индивидуальное восприятие мира автора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алефиренко 2010 – *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта, 2010. – 288 с.

Балкаров 1969 – *Балкаров Б.Х.* Адыгско-нахские языковые встречи // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Под ред. Г.Б. Муркелинского. – Махачкала: Ин-т истории, яз. и литературы им. Г. Цадасы, 1969. – С. 162-183.

Гутова 2016 – *Гутова Л.А.* Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. – 364 с.

Езаова 2018 – Езаова М.Ю. Структурно-семантические и прагма-коммуникативные характеристики лексико-семантического поля «родство» в кабардино-черкесском языке: лингвокультурный аспект. Дисс. ... канд. филол. наук. – Майкоп: АГУ, 2018. – 180 с.

Кардангушев 1982 – *Кардангушев З.П.* Кабардинские пословицы: Сборник. / З.П. Кардангушев – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 146 с.

Попова, Стернин 2007 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. Учебное издание. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.

Савенкова 2002 – *Савенкова Л.Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.

Словарь 1999 – Словарь кабардино-черкесского языка / Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН. – М.: Дигора, 1999. – 860 с.

Deeters 1963 – *Deeters G.* Die kaukasischen Sprachen. «Handbuch der Orientalistik», Bd. 7. – Leiden-Köln, 1963. – 76 p.

Trubetzkoy 1930 – *Trubetzkoy N.* Nordkaukasische Wortgleichungen. «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. XXXVII, H. 1–2. Wien, 1930.

REFERENCES

ABITOV M.L. *Slozhnye slova (composita) v kabardino-cherkesskom yazyke* [Compound words (composita) in the Kabardian-Cherkessian language]. Diss. kand. filol. n-k. – Nal'chik: b/i, 1948. – 189 p. (In Russ.).

ALEFIRENKO N.F. *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology. The value-semantic space of the language].– M.: Flinta, 2010. – 288 p. (In Russ.).

BALKAROV B.KH. *Adygsko-nakhskie yazykovye vstrechi* [Adyghe-Nakh language meetings]. In: Materialy pervoi sessii po sravnitel'no-istoricheskomu izucheniyu iberiisko-kavkazskikh yazykov. Pod red. G.B. Murkelinskogo. – Makhachkala: In-t istorii, yaz. i literatury im. G. Tsadasy, 1969. – S. 162-183. (In Russ.).

GUTOVA L.A. *Adygskie poslovitsy i pogovorki (s ikh tolkovaniyami). Antologicheskii svod adygskogo fol'klora* [Adyghe proverbs and sayings (with their interpretations). Anthological collection of Adyghe folklore]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTS RAN, 2016. – 364 c. (In Russ.).

EZAOVA M.YU. *Strukturno-semanticheskie i pragma-kommunikativnye kharakteristi-ki leksiko-semanticheskogo polya «rodstvo» v kabardino-cherkesskom yazyke: lingvokul'-turnyi aspect* [Structural-semantic and pragma-communicative characteristics of the lexical-semantic field "kinship" in the Kabardian-Cherkessian language]. Diss. ... kand. filol. nauk. – Maikop: AGU, 2018. – 180 p. (In Russ.).

KARDANGUSHEV Z.P. *Kabardinskie poslovitsy* [Kabardian Proverbs]: Sbornik. / Z.P. Kardangushev – Nal'-chik: El'brus, 1982. – 146 p. (In Russ.).

POPOVA Z.D., STERNIN I.A. *Kognitivnaya lingvistika. Uchebnoe izdanie* [Cognitive Linguistics. Educational Edition]. – M.: AST: «Vostok-Zapad», 2007. – 314 p. (In Russ.).

RADLOV V.V. *Mifologiya i mirosozertsanie zhitelei Altaya* [Mythology and Worldview of the Altai Residents]. In: «Vostochnoe Obozrtnie». – 1882. – № 7; – 1883. – № 8. (In Russ.).

SAVENKOVA L.B. *Russkaya paremiologiya: semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Paremiology: Semantic and Linguocultural Aspects]. – Rostov: Izd-vo Rost. un-ta, 2002. – 240 p. (In Russ.).

Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardian-Circassian Language] / Institut gumanitarnykh issledovanii KBNTS RAN. – M.: Digora, 1999. – 860 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) Languages]. – M.: Nauka, 1977. – T. 2. – 224 p. (In Russ.).

DEETERS G. *Die kaukasischen Sprachen. «Handbuch der Orientalistik»*, Bd. 7. – Leiden-Köln, 1963. – 76 p.

DUMÉZII G. *Caucasique du Nord-Ouest et parIers scythiques*. In: «Istituto orientaIe di NapoIi. AnnaIi. Sezione Iinguistica», V, dicembre 1963. Roma, 1963.

TRUBETZKOY N. *Nordkaukasische Wortgleichungen*. «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. XXXVII, H. 1–2. Wien, 1930.

Информация об авторах

М.Ю. Езаова – кандидат филологических наук, доцент.

Ф.М. Ашхот – ассистент кафедры.

Information about the authors

M.Yu. Ezaova – Candidate of Philology, Associate Professor.

F.M. Ashkhot – Assistant of the Department.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-318-331
EDN: XGQIWP

КОСМОНИМЫ В ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЯХ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Лейля Магомедовна Кабардокова
Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, kabardokova1988@bk.ru, https://orcid.org/0009-0008-1308-3753

Аннотация. Статья посвящена полиаспектному исследованию моделей космонимов в материалах древних верований балкарцев и карачаевцев, образованных от физико-географических, этнокультурных и историко-культурных апеллятивов, обладающих семантической мотивированностью и терминообразующей позитивностью. В ней рассматриваются вопросы, обусловленные функционированием «связанных» космических наименований – переносу названий природных объектов на названия небесных светил. В работе анализируются лексико-семантические, словообразовательные, грамматические особенности как препозиционных субстантивных компонентов, выступающих в контекстуальном употреблении в позиции определения, так и постпозиционных морфологизированных субстантивных единиц в определительных словосочетаниях описательного типа, изафетных конструкциях. Анализ названий многочисленных космических объектов свидетельствует о том, что атрибутивные терминообразующие словосочетания, выступающие в прямом и переносном значениях, в которых отмечается лексико-семантическая и грамматическая связь между сочетающимися компонентами являются, с одной стороны выразителями лексических значений, с другой – словообразовательных, с третьей – словоизменительных, образуя схемы формально-семантических моделей этнокультурных апеллятивов и космонимов.

Ключевые слова: астральная мифология, космический объект, космоним, звезда, созвездие, Полярная звезда, звездная система.

Для цитирования: Кабардокова Л.М. Космонимы в древних верованиях балкарцев и карачаевцев // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 318-331. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-318-331. EDN: XGQIWP.

© Кабардокова Л.М., 2026

Original article

COSMONOMIES IN THE ANCIENT BELIEFS OF THE BALKAR AND KARACHAY PEOPLE

Leilya M. Kabardokova
Institute of Humanitarian Research – branch of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Nalchik, Russia, kabardokova1988@bk.ru

Abstract. The article is devoted to a multidimensional study of cosmonymic models in the materials of ancient beliefs of Balkarians and Karachays peoples, formed from physico–geographical, ethnocultural, and historical–cultural appellatives with semantic motivation and term-forming positivity. It examines issues caused by the functioning of «related» cosmic names - the transfer of names of natural objects to the names of celestial bodies. The paper analyzes lexical-semantic, word-formation, grammatical features of both positional substantive components, appearing in contextual use in the position of definition, and postpositional morphologized substantive units in descriptive attributive phrases, izafet constructions. Analysis of the names of numerous space objects indicates that attributive term-forming phrases, appearing in direct and figurative meanings, in which the lexical-semantic and grammatical connection between the combined components is noted, are, on the one hand, expressors of lexical meanings, on the other – word-formation, forming schemes of formal-semantic models of ethnocultural cosmonyms and appellatives.

Keywords: astral mythology, space object, cosmonym, star, constellation, Polar Star, star system.

For citation: Kabardokova L.M. Cosmonomies in the ancient beliefs of the Balkar and Karachay people. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 318-331. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-318-331. EDN: XGQIWP.

© Kabardokova L.M., 2026

Введение

Актуальность темы исследования определяется недостаточной разработанностью проблемы и отсутствием работ по комплексному изучению космонимической лексики карачаево-балкарского языка, ее систематизации и классификации, стратификации и этимологизации, определению принципов номинации. Данная тематическая группа слов затрагивается лишь в отдельных работах в виде попутных замечаний. Однако авторы их ограничиваются синхронным изучением некоторой ее части. Многие слова из космонимического пласта лексики не зафиксированы в словарях. Необходимость сбора и изучения космонимической лексики интерпретируется тем, что она может выступать как ценный материал о лексико-семантическом, структурно-семантическом развитии лексических единиц карачаево-балкарского языка, помочь раскрыть различные стороны древних верований балкарцев и карачаевцев, способствовать установлению языковых и культурных связей с другими тюркскими народами, решить некоторые вопросы теоретической лексикологии.

Объектом исследования являются космонимы в древних верованиях балкарцев и карачаевцев в их лексико-семантическом, структурно-семантическом многообразии, а также принципы номинации и функциональные особенности отмеченного пласта лексики.

Предметом исследования выступают лексико-семантические и структурно-семантические особенности репрезентации космонимов в древних верованиях балкарцев и карачаевцев.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые подвергаются системному функционально-семантическому анализу космонимы карачаево-балкарского языка с точки зрения древних верований карачаевцев и балкарцев. Собраны и классифицированы по тематическим группам терминологические

единицы, выявлены их мотивационные особенности, установлены исконный и заимствованный пласты данной лексики.

Среди древних верований балкарцев и карачаевцев определённое место занимает исследование мифологических названий небесных светил и явлений. В этом отношении следует обратить внимание на астральную мифологию, являющуюся одним из наиболее сложных и наименее изученных вопросов, что истолковывается общим развитием карачаево-балкарской ономастики, а также тем, что вопросы этнонимии, антропонимии, топонимии в тюркологической науке стали актуальными только в последнее время. Это связано как с народными названиями звёзд и созвездий, так и разных преданий, основанных на суеверных представлениях, приметах, необычных явлениях чего-либо. Главное затруднение, появляющееся при рассмотрении названий небесных светил и явлений, связано с их толкованием. Известные проблемы связаны с определением местоположения того или иного космического объекта или границ небесных светил, условно принятых в астрономической науке.

Всё многообразие и богатство названий небесных светил карачаево-балкарского языка, как и других тюркских языков, выражается в названиях имён собственных, образованных от соответствующих физико-географических, этнокультурных, историко-культурных апеллятивов. Основная масса карачаево-балкарских космонимов, употребляющихся в обобщающем значении, формировалась в историческом прошлом. Она отражала социально-экономические условия тех времен, когда господствовал оседлый образ жизни. Космические названия приобретают типологический смысл, отражающий природные аспекты небесных объектов.

Основными признаками, избранными карачаевцами и балкарцами для наименования космических объектов, являются признаки, характеризующие небесные условия, цветовые впечатления небосклона. Встречающиеся названия космических объектов связаны с наименованием людей, животных, птиц и их свойств. Практика первоначальной номинации звёзд и созвездий при отсутствии названия иллюстрирует связь с временем их появления на небосклоне, когда обычно присваивают каждому космическому объекту, входящему в состав этой цепи или массива, отдельное название.

Основная часть

Исследование названий космических объектов в тюркских языках выявляет другие особенности, чем остальные области ономастики. Космонимы, как понятие небесного пространства и его светящихся объектов, отражая и сохраняя следы древних представлений человечества о мироздании, воспринимались столетиями как что-то святое, недоступное, рассказывающее о прежних миграциях народов и племён и их связях. Космонимия особенно ярко убеждает в том, что охотничьи племена давали созвездиям свои названия, скотоводческие племена заселяли небо табунами лошадей. На небо перемещаются сани, коромысло и даже старый лапоть, которые могут поведать многое о старом укладе жизнедеятельности балкарцев и карачаевцев. В первую очередь получили названия те звёзды, которые выделялись своим расположением.

Космонимы в карачаево-балкарском языке функционируют в двух основных формах: если это созвездие – космоним+слово ***жулдузла*** *'звёзды'*или космоним во множественном числе. Названия одиночных звёзд в большинстве случаев выступают как двухкомпонентные конструкции, представленные в форме космоним+слово ***жулдуз*** *'звезда'.*

Среди двухкомпонентных небесных светил можно выделить в первую очередь ***Темир-Къазакъ*** (по всей видимости, слегка искажённое ***Темир Къазыкъ*** – *'железный кол'*) – название Полярной звезды, известное у многих тюркских народов. Видимо, данное название возникло из-за центрального местоположения звезды на небе и её представляемой неподвижности.

Данное название и его синонимы можно встретить и в башкирской космонимии, например, ***Тимер ҡазыҡ йондоҙо*** или ***Алтын баҕана, Алтын ҡазыҡ йондоҙо***, служившая яркой меткой в определении северной стороны горизонта. Название образовалось от слов ***тимер*** *'железо'*и ***ҡазыҡ*** *'столб'*, то есть по ассоциации с золотым столбом [Максютова 1973: 382].

Название Полярной звезды встречается и в казахской космонимии, например, ***Темірқазық астр.*** *(т ж. жұлдызы)* Полярная звезда *(букв. 'железный кол')*; ***жастанды*** *'он испытал все превратности судьбы'(букв. 'он спал головой в сторону Полярной звезды, во время походов или длительного пути люди спали под открытым небом, ложась головой в сторону Полярной звезды, на которую ориентировались ночью и в непогоду')* [Казахско-русский словарь 2002: 799]

Название Полярной звезды отмечается и в материалах киргизского языка, например, ***Темир Казык*** *или* ***Алтын Казык*** *'* Полярная звезда*'* : «***мени карасаң, адашпайсың» дегенсип, түндүкте Алтын Казык жылдызы турат*** *'на севере стоит Полярная звезда, как бы говоря': «если будешь на меня смотреть, с пути не собьёшься»* [Киргизско-русский словарь 1965: 317] В киргизском языке слово ***ҡазыҡ*** употребляется в двух значениях: *'кол'*и *'клин'*[Киргизско-русский словарь 1965: 317].

В алтайском языке так же встречаются общетюркские названия небесных светил, например, ***Алтын-Казык*** *астр.' Полярная звезда'* [Алтайско-русский словарь 2018: 253].

В материалах древнетюркской письменности употребляется название Полярной звезды, например, ***altun qazuq*** *астр.*'Полярная звезда*' (букв'золотой кол')*: *anin basinda ataslaγ jaruqlaγ bir mẹni bar erdi altun qazuq tẹg erdi'на голове у нее была огненная, сверкающая родинка, она была подобна Полярной звезде'* [Древнетюркский словарь 1969: 40]

Слово ***juldüz*** в древнетюркской письменности употребляется в двух значениях: ***juldüz*** *'звезда','планета'*[Древнетюркский словарь 1969: 278].

Название Полярной звезды среди небесных светил отмечается и в татарском языке, например, ***Тимер ҡазыҡ йолдызы*** *астр.' Полярная звезда'*[Татарско-русский словарь 1966: 539]. Кроме этого, применительно к Полярной звезде можно найти и другие названия: в татарском языке: ***Энгер йолдызы*** *'вечерняя звезда'*[Татарско-русский словарь 1966: 187].

В узбекском языке употребляется интегрирующее общетюркское словосочетание ***Темир қозиқ юлдузи*** *'Полярная звезда'*[Узбекско-русский словарь 1959:

619]. В узбекском языке отмечается и другое словосочетание: ***Кутб юлдузи*** *'Полярная звезда'*[Узбекско-русский словарь 1959: 565].

В кумыкском языке обозначение этого общетюркского небесного светила выступает в двух значениях; а) ***Темир къазыкъ*** *астр. 'Полярная звезда'*; б) *'север, северная сторона'* [Кумыкско-русский словарь 2013: 386].

Название Полярной звезды встречается и в работе В.В. Радлова «*Опыт словаря тюркских наречий*», а именно в казанском и киргизском наречиях, например, ***алтын ҡазыҡ*** *'Полярная звезда'*[Радлов 1893: 406].

В словаре В.В. Радлова в джагатайском книжном языке встречается название *'Полярной звезды'* ***тӓмӱр казук*** с общим значением *'железный столб'*, *'железный кол'*[Радлов 1905: 1135].

Название Полярной звезды зафиксировано и в азербайджанском языке, например, ***гутб улдузу*** *'Полярная звезда'*[Русско-азербайджанский словарь 1971: 433].

С.К. Башиева и М.Б. Кетенчиев на основе анализа имперического материала карачаево-балкарского языка, зафиксированного в мифах, пословицах, приметах, обыденных представлениях, обращается внимание на некоторые мотивационные признаки номинации космонимов. К их числу относятся антропоморфные космонимы, зоонимические космонимы, колоративные космонимы. К числу основных признаков космических объктов относятся: 1) статичность, то есть состояние звезды, напоминающее отсутствие движения, 2) темпорально-процессуальный признак. В лексике карачаево-балкарского языка употребляются заимствованные космонимы в результате межэтнических контактов [Башиева, Кетенчиев 2017: 181-194].

Как показывают наблюдения над морфологическими особенностями космических объектов, в карачаево-балкарском языке, его диалектах и говорах определённое количество звёзд получили свои названия, главным образом, по времени суток, характеру свечения – яркий и тусклый, ярко-красный или оранжевый, голубоватый; а также по форме местонахождения и в конце концов – по совокупности месторасположения. Среди этих названий имеются общетюркские основы, которые повторяются во всех тюркских языках, выявляя некоторые вариантные особенности.

Доступная часть звездной системы, включая и метеоры, на языке древних верований балкарцев и карачаевцев именуется словом ***жулдуз*** *'звезда'*, отражая внешние особенности одного и того же космического объекта. При таком многообразии названий случайное совпадение названий у соседних народов невероятно, например, у большинства тюркских народов-соседей названия Млечного пути семантически однородны.

Космонимия в карачаево-балкарских диалектах и говорах не имеет региональных особенностей, выражающихся в наличии, а также в разнообразии обозначений с местными особенностями языка.

Развитая космонимия балкарцев и карачаевцев (имея в определенных случаях в соответствии с особенностями цокающего диалекта и местные особенности произношения) семантически тождественны и выступают единственным обобщающим названием небесных объектов.

Широкой локальностью в карачаево-балкарском языке характеризуется доступный простому взору Млечный Путь, имеющий у балкарцев и карачаевцев три названия: ***Жылкъы Жол*** *'Путь Табуна'*, ***Ыркъын Ыз*** *'След Половодья*, но чаще всего его именуют ***Къой Жол*** *'Овечья Тропа'*. Как отмечает М.Ч. Джуртубаев, «на карте названий Млечного Пути, составленной В. А. Никоновым, можно увидеть их распределение по регионам» [Джуртубаев 1991: 136]. Те, в которых сообщаются животные, свойственны для юго-запада Средней Азии и Северного Кавказа: например, у кабардинцев – «*Тропа всадника*» [Шортанов 1982: 37]. Названия же, в которых рассматриваются вода или река, расположены на востоке Азии [Цыбульский 1982: 26].

В тюркских языках название Млечного Пути употребляется в татарском языке и его диалектах ***Киек каз юлы*** *'диких гусей путь'*, в башкирском языке ***Ҡаҙ юлы,*** в чувашском ***Хуркайнак суле*** – с тем же этимологическим значением [Никонов 1973: 375].

В тюркских языках одинаковые названия небесных светил с общими интегрирующими значениями отмечаются у казахов, киргизов, туркмен. Легко предположить, что соседи переняли названия небесных светил друг у друга. Чтобы выяснить, у кого из них оно исконно, нужно определить как называется Млечный Путь в диалектах и говорах родственных языков. Обнаружилось поразительное сходство между названиями небесных светил в татарском, башкирском языках и казахском, киргизском, которые соприкасались редко.

Название Млечного Пути имеет функционирование и в киргизском языке, например, ***Каз Жолу*** *'Млечный Путь'*, образованное от ***каз*** *'гусь'* и ***жол*** *'путь, дорога'* [Киргизско-русский словарь 1965: 315], в казахском языке отмечается *астр*. ***Құс жолы*** *'Млечный Путь'*, образованное от ***құс*** *'птица', 'пернатые'* [Казахско-русский словарь 2002: 554] и ***жол*** *дорога*, а также аффикса принадлежности третьего лица единственного числа ***-ы***. Данное словосочетание одновременно зафиксировано в «Русско-казахском словаре» [Русско-казахский словарь 2005: 434] и в «Казахско-русском словаре» [Казахско-русский словарь 2002: 554].

В башкирском языке употребляется, кроме того, ***Ҡош юлы*** *астр. 'Млечный путь'* [Башкирско-русский словарь 1996: 375], образованное от ***ҡош*** *'птица'/'птичий'* [Башкирско-русский словарь 1996: 375] и ***юл*** *'дорога'* и аффикса принадлежности третьего лица единственного числа ***-ы***.

В башкирском языке встречается и диалектный вариант названия небесного светила ***Ҡаз юлы*** *диал.*, то же, что ***Ҡош юлы (Ҡош)*** [Башкирско-русский словарь 1996: 332], образованный от слова ***ҡаз*** *'гусь'/'гусиный'* [Башкирско-русский словарь 1996: 331].

В узбекском языке используется атрибутивное словосочетание-название небесного светила ***Сомон йули*** *астр. 'Млечный Путь'* [Узбекско-русский словарь 1959: 378], образованное в результате сочетания двух компонентных слов: ***сомон*** *1) 'резаная солома, солома'; 2) 'цвета соломы, светло-жёлтый, жёлтый'* [Узбекско-русский словарь 1959: 378] и ***йул*** *'дорога, путь, трасса'*. В этом же языке употребляется словосочетание ***Сомонинг йули*** *астр. 'Млечный Путь'*, то же, что ***Сомон йули*** *'Млечный Путь'*. В узбекском языке отмечается производная основа

сомончи *'человек, занимающийся резкой и продажей соломы'*[Узбекско-русский словарь 1959: 378].

По-разному интерпретируют различные народы один и тот же космический объект или показывают названия Млечного Пути. Как пишет В.А. Никонов, «для одних он – *Лыжный след*, для других – *Серебряная река*, *Путь вора соломы*, он же *Тропа змеи*, *Спина бога*, *Щетина на спине*, *Дорога душ*, *где волочили медведя*, *Песчаная река*, *Чумацкий шлях*, *Дорога в Иерусалим* (Рим, Киев и пр.) [Никонов 1973: 373].

В карачаево-балкарском языке, цокающем диалекте и материалах других тюркских языков встречаются некоторые заимствованные варианты названия Млечного Пути, как бы связанные с предметом и те, на которые напластовалась «ближневосточная» идея «путь вора соломы».

Собственно говоря названия небесных светил в карачаево-балкарском народном языке, цокающем диалекте хорошо сохранились как архаичный пласт духовной культуры до наших дней, начиная с того периода, когда еще не было достаточно распространённой письменности. Архаичный пласт космической лексики карачаево-балкарского фольклора – это своего рода «заповедник» фольклорно-этнографических, ритуально-мифологических верований балкарцев и карачаевцев.

Балкаро-карачаевская космонимия могла бы способствовать поискам ключа ко многим историческим загадкам, и, пожалуй, еще важней, чем ответы. – поставить новые вопросы.

Прежде всего привлекает внимание исследователей из числа отдельных звёзд Полярная – единственная «неподвижная» во всем множестве звёзд, меняющих своё положение на протяжении всей ночи и на протяжении года: она одна всегда показывает на север с убедительной точностью, когда не знали компаса. По мнению В.А. Никонова, «как неподвижный центр, вокруг которого вращаются звёздные табуны, она у скотоводческих народов вызывала образ кола с привязанными к нему лошадьми и кружащимися за ними разбойниками, стремящимися их украсть. Этот небесный кол у тюрок железный, с непосредственным образным представлением. Это общетюркское название ***темир казкы***, приведённое Махмудом Кашгарским, сохранилось у башкир и татар, как и у большинства тюркоязычных народов. У монголов этот кол золотой (напр. у калмыков ***Алты hach***) – это результат переработки прежних представлений уже религиозной системой (золотой кол вбит самим богом)» [Никонов 1973: 377].

Названия небесных светил, уникальные для лингвистов, историков, этнографов, в большинстве тюркских языков не только не изучены, а и не собраны. Интерес к названиям космических объектов является всесторонним. Названия небесных светил стали неизменными на страницах газет и журналов, издаваемых на карачаево-балкарском языке. Однако, с другой стороны, они не отражены в материалах двуязычных и толковых словарей, хотя название Полярной звезды можно отметить в «Русско-карачаево-балкарском словаре» 1965 г.: *Полярная звезда* ***Темиркъазакъ*** [Русско-карачаево-балкарский словарь 1965: 449].

В «*Толковом словаре карачаево-балкарского языка*» и «*Карачаево-балкарско-русском словаре*» нет даже Полярной звезды (ни на Полярную, ни на звезду).

Приведённые в этой статье материалы свидетельствуют о том, что предки балкарцев и карачаевцев видели, знали и называли многие космические объекты. На обвинения за невнимательность к названиям небесных светил от некоторых людей можно услышать: «А у нас названий космических объектов не было, наши предки жили в лесах и горах, на звёзды не смотрели» [Никонов 1973: 378].

Конечно, если анализировать этнографические особенности балкарцев и карачаевцев, становится ясно, что у народов, которые вели длительный кочевой образ жизни, космонимия богаче, потому что они постоянно перемещались в пространстве и наблюдали за звездным небом, обогащая свой лексический запас названиями всех видимых простым глазом планет, новыми терминами, ранее неизвестных в народном языке.

Большая Медведица в древних верованиях балкарцев и карачаевцев согласно фольклорно-этнографическим материалам называется ***Жетегейле*** (*Семерица, Семёрка*). По всей вероятности, для того, чтобы дети лучше запоминали названия звёзд и созвездий, а также других небесных светил, было сочинено стихотворение:

Сары Айгъыр, Тор Айгъыр,
Жетегейле-жети жулдуз,
Сарайгъанла – эки жулдуз,
Темир Къазакъ – кеси жулдуз.
Сары Айгъыр, Тор Айгъыр,
Жетегеи – семь звёзд,
Сарайганы – две звезды,
Темир-Казак – сама звезда.
Жетегей эки айтмаз,
Жетегейле жети айланмай
Танг атмаз [Джуртубаев 1991: 134 – 135].

Жетегеи надвое не скажут,
Рассвет не настанет, пока Жетегеи не пройдут семь кругов,

Какие звёзды назывались ***Сары Айгъыр*** (*Рыжий Жеребец*) и ***Тор Айгъыр*** (*Гнедой Жеребец*), неизвестно. Отмечается также и ***Къара Айгъыр*** (*Вороной Жеребец*); не исключено, что все три звезды образуют одно созвездие.

Обозначение названия ***Сарайгъанла*** непонятно, но, по всей вероятности, имеются в виду Юпитер и Сатурн, которые в течение длительного отрезка времени одновременно восходят на востоке и заходят на западе.

Некоторые источники свидетельствуют о том, что, «звездой, продавшей мать за золотое яйцо», является ***Чолпан*** (*Венера*) [Шортанов 1982: 28], а яркий блеск разъясняется сиянием золотой шубы. В древние времена появление Чолпан вечером и утром считалось как появление разных небесных светил (звёзд), а сейчас их называют ***Танг жулдузу*** (*Утренняя звезда*) и ***Ашхам жулдузу*** (*Вечерняя звезда*). Вечерней звездой в старые времена клялись. Заслуживает внимания народное двустишие, в котором характеризуется толкование двух звёзд:

Чолпан жулдуз жулдузланы башыды,

Темир-Къазакъ кёкню тепмез ташыды [Малкъар нарт сёзле 1982: 50].

Чолпан – глава звёзд (предводитель),
Темир-Казак – недвижимый камень неба (основание).

В древние времена в дальнюю дорогу уезжали с выходом *Утренней звезды* (***Чолпан)***, которая по народным поверьям считалась и защитницей путников. По другому космическому объекту – ***Кериуан жулдузу*** (*Звезда караванов*) ориентировались в ночное время. В зимнее время путников информировали о том, что в полночь появляется звезда, напоминающая ***Чолпан***. По народному преданию как-то раз 9 путников, приняв её появление за утренний восход «звезды караванов», отправились по морозу в дорогу и погибли в разбушевавшейся, под утро метели. С той поры её по этой причине называют ***Кериуан къыргъан*** (*Губительная каравана*).

Млечный Путь имеет у балкарцев и карачаевцев три наименования: ***Жылкъы Жол*** (*Путь Табуна*), ***ЫркъынЫз*** (*След Половодья*?), но чаще его называют ***Къой Жол*** (*Овечья Тропа*). В кабардинском языке он называется «***Тропа всадника***» [Шортанов 1982: 37], так как речь идет о названиях животных, свойственных для Северного Кавказа.

Название Венеры встречается как в новейших исследованиях, так и в древнетюркских письменных памятниках в интерпретации двух лексических вариантов без результатов переосмысления: ***Севит и Чолпан***, отмеченные в документах с XIV в. [Никонов 1973: 379] и функционирующие до сих пор: *татарс.* ***Чолпан****, башк.* ***Сулпан***, *к.- калп.* ***Шолпан*** и т.д. У тюркских народов распространилось и арабское название той же планеты – ***Зухра***, активно употребляемое как личное женское имя у балкарок и карачаевок, башкирок и татарок. В некоторых языках отмечаются два различных названия *Венеры* в её утреннем и вечернем появлении, в то время когда еще не знали, что это одно и то же небесное светило.

В киргизском языке употребляется общетюркское интегрирующее название ***Чолпон*** (точнее ***Чолпон жылдыз***) *Венера* (***звезда***) [Киргизско-русский словарь 1965: 866] В татарском языке эта звезда имеет название ***Чулпан***, употребляемое в двух значениях: 1) *Венера (планета)*; ***Чулпан калку*** – восходить – о *Венере*; 2) ***Чулпан*** (имя собственное, женское) [Татарско-русский словарь 1966: 642].

В казахском языке эта звезда имеет вариантное название ***Шолпан***, употребляемое в двух значениях: ***Шолпан*** 1) *астр.* (т. ж. ***Шолпан жұлдызы***) *Венера*; ***таң жұлдызы*** *'утренняя звезда'*(*Венера*); 2) ***Шолпан*** (женское имя) [Казахско-русский словарь 2002: 958].

В кумыкском языке функционирует термин ***Чолпан*** *астр. Венера*; ***Чолпан тувду – танг къатды*** *погов. Венера взошла – рассвело*; ***чолпанлардай гёзлери*** *' глаза как утренние звезды'* [Кумыкско-русский словарь 2013: 450].

Название Венера встречается и в работе В. В. Радлова «*Опыт словаря тюркских наречий*»: ***Шолпан*** (*кір.*). Синонимами являются ***Чолман, Чолмон***, употребляемые так же, как и термин ***Шолпан*** в значении *'заря'*. Кроме того, имеет место название ***Шолпон цулдуз*** *'утренняя звезда'*[Радлов 1911: 1031].

В уйгурском наречии по словарю В.В. Радлова в значении термина ***Чолпан*** употребляется ***Чолбан*** [Радлов 1905: 2025].

В телеутском наречии имеет место ***Чолбон***, равное по значению термину ***Чолмон*** *'утренняя звезда'*[Радлов 1905: 2025].

Название ***Чолмон*** в телеутском наречии, составляющее синонимическую пару общетюркскому термину ***Чолпан***, выступает в двух значениях: *1) Венера – 'утренняя звезда'*; ***іңір Чолмоны*** *'вечерняя звезда'*; *2)'орденская звезда'*[Радлов 1905: 2025]. Таким образом, основной компонент ***Чолпан*** в большинстве тюркских языков, их диалектах и говорах употребляется вне зависимости от первого, определяющего компонента. К числу основных фонетических особенностей в употреблении данного названия относятся чередования гласных *у-о*: ***Чулпан*** – ***Чолпан***, согласных: *й-з-ж*: ***йулдуз, зулдуз, жулдуз***.

Отличительной особенностью изучения небесных светил по материалам древних верований балкарцев и карачаевцев является то, что космическая терминология, не нашедшая должного отражения в толковых и переводных словарях карачаево-балкарского языка, является достоянием узкого круга специалистов.

В настоящее время людей, интересующихся названиями небесных объектов, расширяющих свой интеллектуальный кругозор, становится из года в год всё больше и больше, так как эти наименования имеют прямое отношение к изучению драгоценных материалов истории и этнографии. Процесс этот является прогрессивным и, несомненно, будет увеличиваться. Но применяя повсеместно научную терминологию, нельзя допустить, чтобы заменяемые названия небесных светил бесследно исчезли для науки. При сборе фактологического материала исследователям необходимо разграничить имена собственные от нарицательных, не путая названия небесных светил с терминами астрономии. При сборе материала было бы целесообразно записать легенды, имеющие отношение к космонимам.

Широкой локальностью в карачаево-балкарском языке характеризуются доступные простому взору семантически тождественные и выступающие единственным обобщающе-собирательным названием, взаимопроницающие термины на языке охотничьего календаря, известные с древнейших времён: например, звёзды из созвездия Большой Медведицы (*Жетегейле*): ***Акъ айгъыр*** *'Белый жеребец'*, ***Къолан айгъыр*** *'Пятнистый жеребец'*, ***Боз айгъыр*** *'Серый жеребец'*, ***Къызыл айгъыр*** *'Красный жеребец'*[Боташев 1998: 34].

Кроме того, могут встречаться термины по диалектному произношению как фонетические варианты (имеются в виду материалы цокающего диалекта)

В карачаево-балкарском языке Малая Медведица называется ***Мырыт-жулдузла*** от слова ***мырыт*** *'сошник, лемех'*. На языке охотничьего календаря в созвездие Малой Медведицы входят звёзды: ***Акъбозат*** *'белый мерин'*; ***Сабан жулдуз*** (на языке пахарей); ***Жаназа*** (на языке пастухов и охотников); ***Гитче жулдуз*** (ласкательное имя).

В.А. Никонов пишет: «становятся известными не всегда самые сильные: звёздное небо воспринималось как целостная картина, и заметной оказывалась звезда не за особую яркость, а по её роли в сюжете картины. Так, у казахов

названы 2 звезды Малой Медведицы – беловатая ***Аҡ боз ат*** *белый мерин* и синеватая ***Кок боз ат*** *сивый мерин*…» [Никонов 1973: 380].

В карачаево-балкарском языке на языке охотничьего календаря встречаются и другие названия небесных светил, связанные с мифологической стилизацией астронимов: радугу балкарцы называют ***Тейри къылыч*** *– 'божественный (или небесный) меч', 'божья сабля'*, карачаевцы – ***къылыч*** *'меч жизни'*[Карачаево-балкарско-русский словарь 1989: 443]. В этом же языке можно встретить словосочетание ***Тейри эшик*** со значением компонентов *'божественные врата', 'врата языческого бога* ***Тейри*** *у тюркских народов'*[Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 427-428]; ***Къоба жулдуз*** (на охотничьем языке).

Среди охотничьих космонимов отмечаются следующие двухкомпонентные терминологические словосочетания, редко употребляемые в современном карачаево-балкарском языке: ***Тейри балта***; ***Тейри секир*** – на охотничьем языке это *'полумесяц'*, ***Ай балта*** *– 'полумесяц',* ***Кёк къылыч*** *– 'небесная сабля'*(на охотничьем языке), ***Тейри сырпын*** *– 'Божий меч'*, ***Тейри жулдуз*** *– плутон*, ***Жан къылыч*** *'сабля души'*(на охотничьем языке), ***Тейри къол*** *– букв. 'Божья рука', перен. 'молния',* ***Тейри жумдурукъ***, *букв. 'Божий кулак', перен. 'молния',* ***Байрым жулдуз*** *– Марс*, ***Тейри шар*** *– 'Божий шар',* ***Тейри салта*** *– 'Божий молот',* ***Тейри топ*** *– 'Божье ядро'*, ***Тейри чёгюч*** *– 'Божий молоток'*, ***От жилян*** *– 'Огненная змея'* (название молнии на охотничьем языке).

Особенностью названий небесных светил, выраженных в знаках – орнаментах этнохореографической символики, является то, что они были созданы в определенный исторический период времени, когда балкарцы и карачаевцы поклонялись языческому богу ***Тейри***. И соответственно космическая терминология выстраивалась в соответствии с синтагматическими особенностями языческих единиц.

Заключение

Сравнение названий космических объектов с апеллятивной лексикой показывает процессы, происходящие в словообразовании терминологических основ. Все многообразие и богатство названий небесных светил карачаево-балкарского языка и цокающего диалекта, как и других тюркских языков, выражается в названиях самих космонимов. Изменения, происходящие в лексическом составе и грамматическом строе космонимов карачаево-балкарского языка отражаются не только в апеллятивной лексике, но и в названиях небесных светил с точки зрения экстралингвистических воздействий, внешних факторов. Отличительной особенностью тюркской космонимии является наличие общей интегрирующей лексики и единой структурно-семантической организации онимов в виде «сдвоенных» наименований. Анализ лексико-семантической структуры карачаево-балкарских космонимов в сравнительно-сопоставительном изучении с космонимами других тюркских языков и выявление общих особенностей свидетельствует о сочетании линейных единиц морфологии с её инвентарными единицами, о процессах морфологизации апеллятивных основ с помощью аффиксов принадлежности. Отличительной и неизменной особенностью словосочетаний-названий небесных светил является то, что функции препозиционного атрибутивного компонента в отдельных случаях выполняют субстантивные основы,

например, ***темир*** *'железо'*, ***къаз*** *'гусь'* в терминологических единицах ***Темир къазыкъ*** *'Железный кол'*, ***Жылкъы Жол*** *'Путь Табуна'*, ***Къой Жол*** *'Овечья Тропа'*, ***Къаз Жолу*** *'Млечный Путь'* и других.

Особенностью карачаево-балкарских космонимов, так же как и космонимов других тюркских языков, является функционирование названий звездных объектов в двух основных формах: 1) название небесного светила+слово ***жулдуз(ла)*** *звезды*, 2) космоним+слово ***жулдуз*** *звезда.*

Слово ***жулдуз*** употребляется в двусоставных названиях космических объектов в качестве постпозиционного субстантивного терминообразующего компонента.

Компонентный морфологический анализ космонимов в материалах древних верований балкарцев и карачаевцев, образованных с помощью субстантивных компонентов, показывает, что постпозиционные основы могут употребляться в большинстве случаев в составе словосочетаний как в нулевой форме, так и в изафетной форме, осложняясь аффиксом ***-ы/-и, -у/-ю*** и выражая значение принадлежности, например, ***жол+у, жулдуз+у***.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алтайско-русский словарь 2018 – *Алтайско-русский словарь.* – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.

Башиева, Кетенчиев 2017 – *Башиева С.К., Кетенчиев М.Б.* Особенности вербальной репрезентации обыденных знаний о небесных телах // Cuadernos de Rusistica Espanola. – Т. 13. – С. 181-194.

Башкирско-русский словарь 1996 – *Башкирско-русский словарь*: 32000 слов/ Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортастан, под ред. З.Г. Ураксина. – М.: Дигора, рус. яз., 1996. – 884 с.

Боташев 1998 – *Боташев М.О.* Карачаево-балкарско-русский терминологический словарь объектов природы Нарсана. – Нальчик: б/и, 1998. – 34 с.

Джуртубаев М.Ч. 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев: Краткий очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.

Древнетюркский словарь 1969 – *Древнетюркский словарь*. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.

Казахско-русский словарь 2002 – *Казахско-русский словарь*: Ок. 50000 слов / Под ред. член-корр. НАН РК Р. Г. Сыздыковой, проф. К.Ш. Хусаин. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 1008 с.

Карачаево-балкарско-русский словарь 1989 – *Карачаево-балкарско-русский словарь*: около 30000 слов / Карачаево-Черкесский н. -и. ин-т ист., филол. и экономики; С. А. Гочияева, Х. И. Суюнчев; Под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. – М.: Рус. яз., 1989. – 832 с.

Киргизско-русский словарь 1965 – *Киргизско-русский словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 973 с.

Кумыкско-русский словарь 2013 – *Кумыкско-русский словарь*. Под редакцией Б.Г. Бамматова. – Махачкала, ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013 г. – 528 с.

Максютова 1973 – *Максютова Н. Х.* Башкирская космонимия // Ономастика Поволжья. 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. – Уфа, 1973. – С. 382 – 384.

Малкъар нарт сёзле 1982 – *Малкъар нарт сёзле*/ Сост. А.З. Холаев. – Нальчик: б/и, 1982. – 188 с.

Никонов 1973 – *Никонов В.А.* Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья. 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. – Уфа, 1973. – С. 373–381.

Радлов 1893 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1893. – Т. I. – Ч. 1. – 968 с.

Радлов 1905 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1905. – Т. III. – Ч. 2. – 2204 с.

Радлов 1911 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1911. – Т. IV. – Ч. 1. – 1116 с.

Русско-азербайджанский словарь 1971 – *Русско-азербайджанский словарь*. Издание третье, исправленное и дополненное. Т. I. А-К. – Баку, изд-во «Элм», 1971. – 606 с.

Русско-казахский словарь 2005 – *Русско-казахский словарь*: 70000 слов/ под редакцией Н.Т. Сауранбаева, Г.Г. Мусабаева, Ш.Ш. Сарыбаева, третье изд. перераб. и дополн. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1152 с.

Русско-карачаево-балкарский словарь 1965 – *Русско-карачаево-балкарский словарь.* – М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1965. – 744 с.

Татарско-русский словарь 1966 – *Татарско-русский словарь*. – М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 863 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005 – *Толковый словарь карачаево-балкарского языка*. В трех томах. III. С–Я. – Нальчик: Эль-Фа. 2005. – 1157 с.

Узбекско-русский словарь 1959 – *Узбекско-русский словарь.* – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. – 838 с.

Цыбульский 1982 – *Цыбульский В.В.* Календари и хронология стран мира. – М.: Просвещение, 1982. – 128 с.

Шортанов 1982 – *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 194 с.

REFERENCES

Altaisko-russkii slovar' [Altai-Russian Dictionary]. – Gorno-Altaisk, 2018. – 936 p. (In Russ.).

BASHIEVA S.K., KETENCHIEV M.B. *Osobennosti verbal'noi reprezentatsii obydennykh znanii o nebesnykh telakh* [Features of Verbal Representation of Everyday Knowledge about Celestial Bodies]. In: Cuadernos de Rusistica Espanola. T. 13. P. 181-194. (In Russ.).

Bashkirsko-russkii slovar' [Bashkir-Russian Dictionary]: 32000 slov/ Rossiiskaya akademiya nauk. Ufimskii nauchnyi tsentr. Akademiya nauk Respubliki Bashkortastan, pod red. Z.G. Uraksina. – M.: Digora, rus. yaz., 1996. – 884 p. (In Russ.).

BOTASHEV M.O. *Karachaevo-balkarsko-russkii terminologicheskii slovar' ob"ektov prirody Narsana* [Karachay-Balkar-Russian Terminological Dictionary of Nars-na's Natural Objects]. Nal'chik: b/i, 1998. – 34 p. (In Russ.).

DZHURTUBAEV M.CH. *Drevnie verovaniya balkartsev i karachaevtsev* [Ancient Beliefs of the Balkars and Karachais: A Brief Overview]: Kratkii ocherk. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 256 p. (In Russ.).

Drevnetyurkskii slovar' [Old Turkic Dictionary]. – L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1969. – 676 p. (In Russ.).

Kazakhsko-russkii slovar' [Kazakh-Russian dictionary]: Ok. 50000 slov / Pod red. chlen-korr. NAN RK R. G. Syz-dykovoi, prof. K. SH. Khusain. – Almaty: Daik-Press, 2002. – 1008 p. (In Russ.).

Karachaevo-balkarsko-russkii slovar': [Karachay-Balkar-Russian dictionary]. okolo 30000 slov/ Karachaevo-Cherkesskii n. -i. in-t ist., filol. i ekonomiki; P. A. Gochiyaeva, KH. I. Suyunchev; Pod red. E. R. Tenisheva i KH. I. Suyuncheva. – M.: Rus. yaz., 1989. – 832 p. (In Russ.).

Kirgizsko-russkii slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary]. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1965. – 973 p. (In Russ.).

Kumyksko-russkii slovar' [Kumyk-Russian dictionary]. Pod redaktsiei B.G. Bammatova. – Makhachkala, IYALI DNTS RAN, 2013 g. – 528 p. (In Russ.).

MAKSYUTOVA N. KH. *Bashkirskaya kosmonimiya* [Bashkir cosmonymy]. In: Onomastika Povolzh'ya. 3. Materialy III konferentsii po onomastike Povolzh'ya. – Ufa, 1973. – P. 382-384. (In Russ.).

Malk"ar nart sezle [Malkar Nart sözle]. In: Sost. A.Z. Kholaev. – Nal'chik: b/i, 1982. – 188 p. (In Russ.).

NIKONOV V.A. *Kosmonimiya Povolzh'ya* [Cosmonymy of the Volga Region]. In: Onomastika Povolzh'ya. 3. Materialy III konferentsii po onomastike Povolzh'ya. – Ufa, 1973. – P. 373 – 381. (In Russ.).

RADLOV V.V. Opyt *slovarya tyurkskikh narechii* [Experience of the dictionary of Turkic dialects]. – SPb., 1893. – T. I. – CH. 1. – 968 p. (In Russ.).

RADLOV V.V. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii* [Experience of the dictionary of Turkic dialects]. – SPb., 1905. – T. III. – CH. 2. – 2204 p. (In Russ.).

RADLOV V.V. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii* [Experience of the dictionary of Turkic dialects]. – SPb., 1911. – T. IV. – CH. 1. – 1116 p. (In Russ.).

Russko-azerbaidzhanskii slovar' [Russian-Azerbaijani dictionary]. Izdanie tret'e, ispravlennoe i dopolnennoe. T. I. A-K. – Baku, izd-vo «Elm», 1971. – 606 p. (In Russ.).

Russko-kazakhskii slovar' [Russian-Kazakh dictionary]: 70000 slov/ pod redaktsiei N.T. Sauranbaeva, G.G. Musaba-eva, SH.SH. Sarybaeva, tret'e izd. pererab. i dopoln. – Almaty: Daik-Press, 2005. – 1152 p. (In Russ.).

Russko-karachaevo-balkarskii slovar' [Russian-Karachay-Balkar Dictionary]. – M.: izd-vo «Sovetskaya entsiklopediya», 1965. – 744 p. (In Russ.).

Tatarsko-russkii slovar' [Tatar-Russian Dictionary]. – M.: izd-vo «Sovetskaya entsiklopediya», 1966. – 863 p. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language]. V trekh tomakh. III. S-YA. – Nal'chik: El'-Fa. 2005. – 1157 p. (In Russ.).

Uzbeksko-russkii slovar' [Uzbek-Russian Dictionary]. – M.: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1959. – 838 p. (In Russ.).

TSYBUL'SKII V.V. *Kalendari i khronologiya stran mira* [Calendars and Chronology of the World's Countries]. – M.: Prosveshchenie, 1982. – 128 p. (In Russ.).

SHORTANOV A.T. *Adygskaya mifologiya* [Adyghe Mythology]. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 194 p. (In Russ.).

Информация об авторе
Л.М. Кабардокова – лаборант.
Information about the author
L.M. Kabardokova – laboratory assistant.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-332-342
EDN: XKYQSW

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АДЪЕКТИВА БАТЫР ‘ХРАБРЫЙ’ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мусса Бахаутдинович Кетенчиев[1], **Алим Каншаувич Аппоев**[2], **Ахмат Магометович Мизиев**[3]

[1,3] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

[2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

[1] ketenchiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1656-8368

[2] appoev74@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2654-8555

[3] miz1967@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6136-9379

Аннотация. Статья посвящена лексике карачаево-балкарского языка. В ней поливекторному анализу подвергается общетюркская признаковая лексема *батыр* ‘храбрый’, имеющая трехчленную омонимичную парадигму, выявляются и описываются ее лексико-семантические особенности, отмечается представленность в составе различного рода антропонимов, обозначающих представителей мужского пола. В работе констатируется, что подвергаемое анализу слово сопряжено со значимыми для карачаево-балкарской этно- и лингвокультуры составляющими, имеющими древние корни и не потерявшими своей актуальности и в настоящее время. Согласно традиционному мировосприятию этноса, тот, кто обладал такими качествами, как мужество, смелость, отвага, именовался батыром, который выступал в качестве защитника народа от внешних сил. Слово *батыр* наибольшими функциональными и этнокультурными возможностями характеризуется в составе паремических высказываний различной структуры и целевой направленности. В них актуализируются те элементы, которые релевантны для паремиологической картины мира в части интерпретации этико-эстетического кода культуры карачаевцев и балкарцев.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, лексика, паремия, батыр, функция, семантика, этнокультурное значение

Для цитирования: Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М. Функционально-семантический и этнокультурный потенциал адъектива батыр ‘храбрый’ в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 332-342. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-332-342. EDN: XKYQSW.

© Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М., 2026

Original article

FUNCTIONAL-SEMANTIC AND ETHNOCULTURAL POTENTIAL OF THE ADJECTIVE BATYR ‘BRAVE’ IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Mussa B. Ketenchiev[1], **Alim K. Appoev**[2], **Akhmat M. Miziev** [3]

[1,3] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

[2] Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

[1] ketenchiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1656-8368

[2] appoev74@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2654-8555

[3] miz1967@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6136-9379

Abstract. The article is devoted to the vocabulary of the Karachay-Balkar language. In it, the common Turkic feature lexeme *batyr* 'brave', which has a three-term homonymous paradigm, is subjected to a multi-vector analysis, and its lexical and semantic features are identified and described, as well as its representation in various types of anthroponyms denoting male individuals. The paper states that the word under analysis is associated with components that are significant for the Karachay-Balkar ethno- and linguistic culture, which have ancient roots and are still relevant today. According to the traditional worldview of the ethnic group, those who possessed qualities such as courage, bravery, and valor were referred to as batyrs, who acted as protectors of the people against external forces. The word *batyr* is characterized by the greatest functional and ethnocultural potential in the composition of paremiche statements of various structures and purposes. In these statements, those elements that are relevant to the paremiche worldview in terms of interpreting the ethical and aesthetic code of the Karachay-Balkar culture are actualized.

Keywords: Karachay-Balkar language, vocabulary, paremia, batyr, function, semantics, ethnocultural significance.

For citation: Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M. Functional-semantic and ethnocultural potential of the adjective batyr 'brave' in the Karachay-Balkar language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 332-342. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-332-342. EDN: XKYQSW.

© Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M., 2026

Введение

В научном отношении лексика карачаево-балкарского языка изучена достаточно неплохо, особенно в семасиологическом аспекте. Однако все еще немало проблем, на которые следует обратить внимание исходя из современной антропоцентрической парадигмы науки о языке, ориентированной на междисциплинарные исследования. В этом плане актуальными остаются не только функционально-семантические, но и лингвокультурологические, а также этнокультурные составляющие значений слов, отражающих ценностное отношение социума к окружающей действительности, к внутреннему миру человека. К таким словам и относится лексема *батыр*, репрезентирующая те характеристики лица, например, связанные с храбростью, смелостью и т.п., которые положительно оцениваются этносом в целом. Такого рода качества человека замечены еще давно и отражаются языковым сознанием общества, нашли свою нишу в устном народном творчестве, произведения которого достаточно архаичны. Так, народные представления о героях, их отваге и храбрости представлены в сказочном дискурсе, в пользу чего свидетельствуют даже названия карачаево-балкарских сказок: «Байтал-Батыр» («Кобыла-Батыр»), «Бешни кичиси Кичибатыр» («Младший из пяти

Кичибатыр»), «Батыр жаш» («Храбрый юноша»), «Батыр жашчыкъ» («Храбрый мальчик»), «Батыр таулуну жашы» («Батыр – сын горца»), «Бекбатыр бла Кичибатыр» («Бекбатыр и Кичибатыр»), «Тели батыр» («Дурной Батыр») и др. Как отмечается в специальной литературе, в подобных произведениях имеет место гиперболизированное изображение значимых качеств человека, в них «герой-богатырь растет не по дням, а по часам, с раннего детства проявляет недюжинную силу и овладевает навыками стрельбы из лука / ружья, борьбы и т.п.)» [Гулиева (Занукоева) 2019: 70], что связано и с современной системой этико-эстетических представлений этноса, но несколько трансформированно [Узденова 2012]. Значимость храбрости актуализируется в наиболее тяжелые периоды жизни народа, в произведениях писателей, посвященных различным войнам, что подмечено известным литературоведом З.Х. Толгуровым при анализе баллад К.Ш. Кулиева и К.С. Отарова, написанных во время Великой Отечественной войны [Толгуров 2015].

Отмеченная выше оценочная лексема стала объектом внимания и в лингвистических исследованиях. Так, она, хоть и несколько поверхностно, представлена в работах по фразеологии [Хуболов 2015], в научно-теоретических статьях лингвокультурологического плана, при рассмотрении таких релевантных концептов, как «душа» [Ахматова 2014] и «сердце» [Ахматова 2015], что вполне объяснимо, так как согласно мировосприятию этноса мужество, отвага исходят из внутреннего мира человека, локализуются в его наиболее значимых органах. Тем не менее богатая палитра значений слова *батыр* не стала еще объектом поливекторного исследования, особенно на материале пословиц и поговорок, чем и детерминируется написание данной статьи.

Научная новизна статьи связана с тем, что в ней впервые проводится полиаспектный анализ адъектива *батыр*, а выявление и описание его функционально-семантических оособенностей и этнокультурных значений релевантно для современных исследований в области карачаев-балкарского языка.

Цель статьи заключается в многомерном исследовании функционального, семантического и этнокультурного потенциала рассматриваемого слова в карачаево-балкарском языке. Исходя из этго, решаются задачи, связанные с научной лингвистической интерпретацией представлений карачаевцев и балкарцев понятий, связанных с храбростью. Материалом для анализа послужили данные, представленные в словарях карачаево-балкарского языка, а также сборниках пословиц и поговорок.

Основная часть

Обратимся сначала к лексикографической интерпретации слова *batur*, являющегося общетюркской лексемой и встречающегося еще в древних тюркских языках в значении ‘герой, богатырь’: *ẹrdämlig batur mẹn* ‘я – герой с доблестями’ [ДТС 1969: 89]. Э.В. Севортян же, занимаясь этимологией тюркских языков, отмечает в качестве основной следующую его форму: *ба:тыр/ba:tır*. Им приводятся и другие формы данной лексемы, употребительные в различных тюркских языках: *ма:тыр, па:ттыр* – в диалектах алтайского языка; *ма:дыр* – в тувинском языке; *патыр* – в сарыг-югурском языке; *ба°тир* – в узбекском языке; *батуй* – в

лобнорском языке; *баҳадур* – в куманском языке; *баҳидур* – в уйгурском языке; *баҳадир* – в татарском языке и др. Автор актуализирует ряд его значений: 1) ‘герой’; 2) ‘отважный, решительный, мужественный, смелый, доблестный; богатырский, героический’, 3) ‘храбрец; смельчак; удалец; молодец’, 4) ‘сильный, бравый, бойкий, боевой, бесстрашный; храбрый; удалой’, 5) ‘силач; боец; борец; атлет; победитель’, 6) ‘видный; знатный, властный’. При этом первичными он считает значения первой и второй групп, а значения остальных групп – вторичными. Несмотря на то, что большинство ученых, занимавшихся тюркской этимологией, констатировали монгольское происхождение всех приведенных выше форм рассматриваемой лексемы, исследователь относит их общеалтайскому достоянию [Севортян 1978: 82-85].

В киргизском языке *баатыр* является субстантивной лексемой, имеющей значения ‘богатырь, храбрец; герой; *ист*. батыр (*предводитель, военной дружины, прославившийся своей храбростью или военным искусством; обычно свою деятельность батыр начинал с угона чужого скота, что считалось молодечеством*)’ [КРС 1965: 90].

В башкирском языке *батыр* дефинируется как омонимичное слово (имя прилагательное и имя существительное): 1. ‘храбрый, смелый, отважный’; 2. ‘богатырь, храбрец; герой; *ист*. батыр (*предводитель, прославившийся своей храбростью или военным искусством*); батыр (*борец-победитель в состязаниях на сабантуе*)’ [БРС 1996: 76].

В кумыкском языке *батыр* также является омонимичной: 1. ‘отважный, храбрый, мужественный, бесстрашный’; 2. ‘герой’ [КРС 2013: 57].

Данные карачаево-балкарского языка также коррелируют с другими тюркскими языками. Как адъективная лексема, это слово имеет значения ‘храбрый, смелый, отважный, мужественный’. Она употребляется и в качестве наречия образа действия, которому присуща семантика ‘храбро, смело, отважно, мужественно’. Субстантивируясь же, функционирует в значениях ‘богатырь, храбрец, смельчак’ [КъМТАС 1996: 353-354]. Иначе говоря, тут налицо трехчленная омонимичная парадигма: **I** имя прилагательное – **II** наречие – **III** имя существительное. Ср. примеры: *Халкъ кесини батыр жашларын бек сюеди* ‘Народ очень любит своих храбрых сыновей’; *Малкъарлыла Уллу Ата журт урушда батыр сермешгендиле* ‘Балкарцы храбро сражались в Великой Отечественной войне’; *Халкъ нарт батырланы атларын унутмагъанды* ‘Народ не забыл имена нартских богатырей’.

Рассматриваемое слово в семантическом отношении синонимично субстантиву *жигит*, имеющему следующие значения: ‘смельчак, храбрец’, ‘смелый, храбрый (*в позиции определения*)’, ‘джигит (*так обычно говорят взрослые при обращении к юноше*)’, *‘перен*. герой (*литературный*)’[КъМТАС 1996: 899-900], ср. примеры: *Жигит эл ючюн тууар, эл ючюн ёлюр* ‘Смельчак для народа родится, за народ умрет’; *Жигит киши сакъат санын эслетмез* ‘Храбрый человек (мужчина) не даст возможности заметить его увечье’; – Жигит, къайдан келесе? ‘– Джигит, откуда ты идешь?’; *Хашим Мёчюланы Кязимни «Жаралы жугъутур» деген поэмасыны жигитиди* ‘Хашим является героем поэмы Кязима Мечиева «Раненый тур»’.

Лексема *батыр* участвует в образовании некоторых субстантивных, адъективных, глагольных лексем и фразеологических единиц, например, *батырлыкъ* ‘храбрость, смелость, отважность, мужественность’ *батыржюрек* ‘смелый, храбрый, отважный’, *батырлан- // батыр бол* ‘храбриться, смелеть’, *батырсын-* ‘возомнить себя храбрым, смелым, отважным, мужественным’, *батыр кёллю* ‘смелый, отважный, мужественный (букв. имеющий душу батыра)’. В карачаевском варианте карачаево-балкарского языка употребительны дескриптивные термины типа *батыр ана* ‘мать-героиня’, *Совет Союзну батыры* ‘Герой Советского Союза’, *Социалист Урунууну батыры* ‘Герой Социалистического труда’, *Уллу Атаджурт Къазаўатны батырлары* ‘герои Великой Отечественной войны’ [КъМОС 1989: 122].

Байбатыр (*бай* ‘богатый’ + *батыр* ‘герой’), *Батыр* ‘герой’, *Батырбек* (*батыр* ‘герой’ + *бек* ‘бей’), *Батырбий* (*батыр* ‘герой’ + *бий* ‘князь’), *Батыргерий* (*батыр* ‘герой’ + *герий* ‘сильный, могучий’), *Кичибатыр* (*кичи* ‘младший’ + *батыр* ‘герой’), *Оразбатыр* (*ораз* ‘счастье’ + *батыр* ‘герой’), *Таубатыр* (*тау* ‘горный’ + *батыр* ‘герой’), *Хажбатыр* (*хаж* ‘хаджи’ + *батыр* ‘герой’); *Батырбеклары* ‘Батырбековы’, *Батырлары* ‘Батыровы’, *Джаўбатырлары* ‘Джаубатыровы’. Они в специальной лингвистической литературе относятся к охранным именам, выражающим пожелание ребенку «силы, смелости и твердости, храбрости, геройства (мальчикам)» [Гаджиахмедов 2008: 108].

Такого рода имена, которыми традициono нарекались наиболее видные представители архаического общества, обнаруживаются еще в карачаево-балкарском нартском эпосе, например, *Бора-Батыр* (*бора* ‘буранящий’ + *батыр* ‘богатырь’): *Бора-Батыр деген нартланы бийлеринден бири болгъанды* ‘Бора-Батыр был одним из беев нартов’ [Нартла 1994: 249].

Имеет место употребление их и в других историко-героических песнях. Так, есть ряд песен, в названиях которых встречается рассматриваемое имя, а также его вариант *Багъатыр* в качестве фамилии, номинации рода: *Батыр Къарча* ‘Богатырь Карча’, *Багъатырланы Татаркъан* ‘Богатырев Татаркан’, *Багъатырланы Умар* ‘Богатырев Умар’. В подобных произведениях богатыри выходят в походы для защиты народа, а также показать свою удаль в борьбе с врагом, в получении добычи, имеют имеют соответствующее снаряжение и богатырских коней: *Эй-эй, эки батыр бирер акъ кюбеле киедиле, // Алтыаякъ бир сарытор тулпар атха минедиле* ‘Эй-эй, два богатыря по белой кольчуге надевают, // На желто-гнедых богатырских коней о шести ног садятся’; *Эй-эй, эки батыр жортууулгъа иги къуралдыла, // Бар керекни табып, жарашдырып, тап салдыла* ‘Эй-эй, два богатыря к походу хорошо подготовились, // Найдя все необходимое, уложили аккуратно’ [АТЖЖ 2015: 584].

Наибольшим функциональным и этнокультурным потенциалом исследуемое признаковое слово отмечено в качестве облигаторного элемента в составе карачаево-балкарских оценочных паремиологических высказываний. В известных хрестоматийных сборниках пословиц и поговорок [КъНС 1963; МНС 1982] их насчитывается свыше 80 единиц. Причем целый ряд из них отличается вариативностью, что детерминируется лексическим наполнением синтаксических конструкций, а также грамматическими формами их конституентов.

Как явствует из данных реестра паремий, вариативность часто сопряжена с взаимозаменяемостью определенных компонентов пословиц и поговорок лексическими и контекстуальными синонимами. Так, например, в некоторых паремиологических высказываниях обнаруживаются собственно лексические адвербиальные синонимы *терк* и *тез*, имеющие значение ‘быстро’ *Тели батыр тез ёлюр* ↔ *Тели батыр терк ёлюр* ‘Глупый храбрец быстро умрет’. Это присуще и адъективным синонимам *къоркъакъ // къызбай* ‘трусливый’: *Къоркъакъ ит арбазында батыр болур* ↔ *Къызбай ит арбазында батыр болур* ‘Трусливая собака в своем дворе смелой становится’. Специфичной представляется взаимозаменяемость соматизмов *кёз* ‘глаз’, *кёл* ‘быстро’, *жюрек* ‘быстро’, что объясняется приписыванием в этносе этим частям тела человека перцептивных возможностей на уровне зрения и чувств: *Жюрек – къоркъакъ, къол – батыр* ↔ ‘Сердце пугливое, руки смелые’; *Кёз – къоркъакъ, къол – батыр* ‘Глаза пугливые, руки смелые’; ↔ *Кёл – къоркъакъ, къол – батыр* ‘Душа пугливая, руки смелые’. Налицо и взаимозаменяемость количественных числительных *минг* ‘тысяча’, *эки* ‘два’: *Батыр бир ёлюр, къоркъакъ минг ёлюр* ‘Храбрец один раз умрет, трус – тысячу раз’ ↔ *Батыр бир ёлюр, къоркъакъ эки ёлюр* ‘Храбрец один раз умрет, трус – дважды’.

В рассматриваемых паремиях некоторые причастия, являясь близкими по семантике, употребляются в форме как будущего, так и прошедшего времени: ***Айныр*** *элни жашлары бири бирине батыр дерле* ‘Сыновья села, которое будет развиваться, друг друга батырами назовут’ ↔ ***Онгнган*** *элни жашлары бири бирине батыр дерле* ‘Сыновья преуспевающего села друг друга батырами назовут’. Такая взаимозамена характерна и для личных форм глаголов настоящего и будущего времени: *Онгмагъан элни балалары бир бирине къатын* ***дейдиле*** ‘Дети села, которое не преуспело, друг друга бабами называют’ ↔ *Онгмагъан элни балалары бир бирине къатын* ***дерле*** ‘Дети села, которое не преуспело, друг друга бабами назовут’.

Как известно, паремические высказывания в основном характеризуются лаконичностью и краткостью. Однако в ряде случаев обнаруживается расширение их синтаксических структур. Ср.: *Жюрек – къызбай* ***да****, къол – батыр* ‘Сердце трусливое, да руки смелые’. В эту конструкцию входит союз *да*, способствующий соединению частей сложносочиненного предложения и функционирующий с целью актуализации противопоставления. Конструкции типа *Батыр бир ёлюр, къоркъакъ минг ёлюр* ‘Смельчак один раз умрет, трус тысячу раз умрет’ могут расширяться за счет определяемых лексем, что приводит и к изменению синтаксических функций некоторых слов: *Батыр киши бир ёлюр, къоркъакъ киши минг ёлюр* ‘Смелый человек один раз умрет, трусливый человек тысячу раз умрет’. В первом предложении слова *батыр* и *къоркъакъ* выполняют функцию подлежащего, во втором же за счет введения в его структуру слова *киши*, выполняющего эту же функцию, они приобретают статус определения.

Рассмотрим простое по своей структуре высказывание *Айныр элни жашлары бири бирине батыр дерле* ‘Сыновья села, которое преуспеет, друг друга батырами назовут’. Однако оно входит и в более сложное структурное образование, представляющее собой сложносочиненное предложение: *Айныр элни жашлары бири бирине батыр дерле, болмаз элни жашлары бири бирине къатын*

дерле ‘Сыновья села, которое преуспеет, друг друга батырами назовут, сыновья никчемного села друг друга бабами назовут’. Это релевантно при необходимости выразить отношения противопоставления.

Слово *батыр* употребляется в составе паремий в различных падежных формах, выполняя при этом функции большинства членов предложения. В форме основного падежа оно большей частью функционирует в качестве подлежащего, репрезентируя субъектное значение: *Батыр бир кере ёлюр, къоркъакъ минг кере ёлюр* ‘Храбрец один раз умрет, трус тысячу раз умрет’. Оно также занимает позицию простого или составного именного сказуемого, выолняя предикативную функцию: *Мытырланы арасында – батыр, батырланы арасында – мытыр* ‘Среди ленивых – смелый, среди смелых – ленивый’; *Къызбай юйде батыр болур* ‘Трус дома храбрым бывает’. В позиции определения для него присуще выражение оценочной характеристики кого-, чего-либо: *Батыр киши – тау кибик, къоркъакъ киши – къырау кибик* ‘Храбрый человек – словно гора, трусливый человек – словно иней’.

Употребляясь в форме родительного падежа, рассматриваемая лексема выполняет атрибутивную функцию, способствует репрезентации принадлежностных отношений: *Батырны эки башы болмайды* ‘У храбреца двух голов не бывает’.

В некоторых паремических высказываниях она встречается в форме дательно-направительного падежа, употребляется в функции косвенного дополнения, выражает какой-либо объект: *Къызбай батыргъа нёгер болмаз* ‘Трус для храбреца спутником не станет’. Объектная функция обнаруживается у нее и в форме винительного падежа: *Къоркъакъны кёзю, батырны сёзю билдирир* ‘Трус по глазам, храбреца по словам видно’. В данном отношении можно говорить и о форме исходного падежа, а также о дескрипциях, представляющих собой послеложные сочетания: *Жалкъау ишден къоркъур, иш батырдан къоркъур* ‘Лентяй работы боится, работа храбреца боится’ *Мытырланы ичинде – батыр, батырланы ичинде – мытыр* ‘Среди лентяев – смелый, среди смелых – лентяй’.

Такого рода паремические конструкции можно рассматривать с опорой на то, каковы их целевые установки. При этом можно говорить о превалировании среди них повествовательных выражений, констатирующих оценочное отношение этноса к тем, кто отличается храбростью: *Къоркъакъ жашдан батыр къыз игиди* ‘Лучше смелая девушка, чем трусливый парень’.

Хоть и меньше, встречаются побудительные паремические конструкции со значением утверждения. Главный компонент их представлен словом *батыр* в сочетании с бытийным глаголом *бол-* ‘быть’: *Тилинг бла батыр болма да, ишинг бла батыр бол* ‘Не языком будь смелым, а делом’. Такие конструкции выполняют дидактическую регулятивную функцию и побуждают слушателя совершать те действия и поступки, которые одобряются носителями языка с опорой на мировосприятие народа.

Вышерассмотренные и другие паремии обнаруживают в себе ряд когнитивных маркированных в этнокультурном отношении составляющих, сопряженных с концептосферой понятия *батыр*, базирующихся на ментальном восприятии этносом смелого, храброго человека:

1. ***Батыр благо для народа***: *Батыр – элге насып, жаун – жерге насып* ‘Батыр – для народа благо, дождь – для почвы благо’; *Батыр тууса – элге насып, жаун жауса – жерге насып* ‘Батыр родится – счастье для народа, дождь пойдет – для почвы благо’.

2. ***Батыр выделяется среди остальных***: *Батыр киши – тау кибик, къоркъакъ киши – къырау кибик* ‘Храбрый человек на гору похож, трусливый человек на иней похож’; *Батыр киши – деу киши* ‘Храбрый мужчина – могучий мужчина’.

3. ***Место батыра в первых рядах***: *Батырны жери – алда, сатхычны жери – салда* ‘Место батыра – впереди, место предателя – на носилках (*для похорон*)’; *Батыр артда къалмаз* ‘Батыр позади не останется’.

4. ***Батыр устрашает всех и вся***: *Батырдан ушкок да къоркъады* ‘Батыра и ружье боится’; *Батырдан къоркъмагъан жан болмаз* ‘Нет никого, кто батыра не боится’.

5. ***Батыр ответственен***: *Батыр кесине жагъар, къоркъакъ нёгерине жагъар* ‘Батыр на себя сваливает, трус – на спутника’.

6. ***Батыр помогает всем***: *Батыр болушур, къоркъакъ сорушур* ‘Батыр поможет, трус расспросит’; *Батыргъа къычырсанг, болушур, къоркъакъгъа къычырсанг, сорушур* ‘Если попросить батыра – поможет, если попросить труса – расспросит’.

7. ***Батыр узнаваем по речи***: *Къоркъакъны кёзю, батырны сёзю билдирир* ‘Труса глаза выдают, батыр по словам узнается’; *Къоркъгъанны кёзю, батырны сёзю билдирир.* ‘Боящегося глаза, смелого слова выдают’.

8. ***Предназначение батыра борьба с врагом***: *Болат къызса, чыныгъады, батыр урушда чыныгъады* ‘Булат в огне закаляется, батыр в бою закаляется’; *Батыр тюшюнде жауну кёрюр, чабакъчы тюшюнде ауну кёрюр* ‘Батыр во сне врага увидит, рыболов во сне невод увидит’; *Батыр, махтанса, жаугъа чапханын айтыр, къоркъакъ, махтанса, алгъа баргъанын айтыр* ‘Батыр, если хвастается, расскажет о нападении на врага, если трус хвастается, расскажет о том, как вперед шел’.

9. ***Батыр ценен***: *Къоркъакъгъа къатын болгъандан эсе, батыргъа жесир болгъан игиди – Къоркъакъгъа къатын болгъандан эсе, батыргъа жесир болсанг игиди* ‘Чем быть женой труса, лучше быть пленником батыра’; *Къоркъакъны къатыны болгъандан эсе, батырны жесири бол* ‘Чем быть женой труса, лучше будь пленником батыра’.

10. ***Подвиги батыра бессмертны***: *Батыр ёлсе, эсде къалыр, къоркъакъ ёлсе, унутулуп къалыр* ‘Если батыр умрет – в памяти останется, если трус умрет – забудется’; *Батыр ёлсе да, аты ёлмейди* ‘Если даже батыр умрет, имя его не умрет’ и др.

Корпус карачаево-балкарских паремий включает в себя также пословицы и поговорки о смелости, которая выражается производной от рассматриваемого слова лексемой *батырлыкъ*, имеющей значение ‘храбрость, смелость, отважность, мужественность’. Это качество человека противопоставляется трусости: *Батырлыкъ – отлукъ ташча, къоркъакълыкъ – жёгге агъашча* ‘Храбрость словно камень-кремень, трусость словно дерево-липа’; *Батырлыкъ къорур журтунгу,*

къоркъакълыкъ кёмер отунгу ‘Храбрость отчий дом защитит, трусость к несчастьям приведет’; *Къызбай батырлыкъ этмез* ‘Трус храбрость не проявит’. Ср. паремии: *Къызбайлыкъ этмеген батырлыкъ этмез* ‘Кто трусость не проявит, тот храбрости не проявит’; *Къоркъмагъан батырлыкъ этмез* ‘Кто не боится, то храбрость не проявит’. В них отмечается, что трус не не храбр, не смел. Однако подобные паремические высказывания следует понимать по-другому – отвага, мужество исходят из осторожности, кто не может оценить те или иные риски, тот не сможет совершить храбрый поступок.

Заключение

Таким образом, вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что лексема *батыр* в семантическом отношении вступает в синонимичные отношения с другим признаковым словом *жигит*, с незначительными фонетическими трансформациями употребительна в тюркских языках в целом и является их достоянием. Она имеет трехчленную омонимичную паралигму, так как функционирует в качестве имени прилагательного, наречия и имени существительного.

Рассматриваемое слово, представляя собой охранное имя, носителями языка используется для наречения детей мужского пола, входит в реестр антропонимов, а также встречается в составе традиционных карачаево-балкарских фамилий. Оно характеризуется значительными функционально-семантическими возможностями и нашло свою нишу в структуре паремий, характеризующих смелого и отважного человека. Их среди пословиц и поговорок насчитывается свыше 80 единиц. Они в основном выполняют оценочную констатирующую функцию, в качестве поведенческих регулятивов побуждают слушателя к совершению таких действий и поступков, которые положительно оцениваются в этносе.

Отмечаясь определенным этнокультурным потенциалом, слово *батыр* способствует репрезентации целого ряда когнитивных этнокультурно маркированных составляющих, связанных с его концептосферой и зиждящихся на ментальном восприятии этносом смелого, храброго человека, становясь тем самым релевантным для карачаево-балкарской лингвокультуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АТЖЖ 2015 – Алан тарих-жигитлик жырла. Юч китап. Т. 1 (Аланский историко-героический эпос. В трех томах. Т. 1) / сост. М.Ч. Джуртубаев. – Нальчик: ООО Тетраграф, 2015. – 656 с.

Ахматова 2014 – *Ахматова М.А.* Концепт "душа" в карачаево-балкарском языке (на материале нартского эпоса) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 5 (61). – С. 206-210. EDN: STXYMN

Ахматова 2015 – *Ахматова М.А.* Репрезентация концепта "жюрек" в карачаево-балкарском языке (на материале нартского эпоса) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 1 (63). – С. 239-243. EDN: TIJZJT

БРС 1996 – Башкирско-русский словарь / под ред. З.Г. Ураксина. – М.: Дигора, Рус. яз., 1996. – 884 с.

Гаджиахмедов 2008 – *Гаджиахмедов Н.Э.* Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. – Махачкала: ООО Дагпресс Медиа, 2008. – 181 с. EDN: UKMNGX

Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 108 с. EDN: XQXQDC

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин и др. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.

КРС 1964 – Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 973 с.

КРС 2013 – Кумыкско-русский словарь / под ред. Б.Г. Бамматова. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 528 с.

КъМОС 1989 – Къарачай-малкъар-орус сёзлюк (Карачаево-балкарско-русский словарь) / под ред. Э.Р. Тенишева, Х.И. Суюнчева. – М.: Рус. яз., 1989. – 832 с.

КъМТАС 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю: ючтомлукъ. I А – Ж (Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. I А – Ж) / ред. И.Х. Ахматов, А.А. Жаппуев. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – 1016 с.

КъНС 1963 – Къарачай нарт сёзле (Карачаевские пословицы и поговорки) / сост. С.Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. – 484 с.

МНС 1982 – Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки) / сост. А.З. Холаев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 188 с.

Нартла 1994 – Нартла. Малкъар-къарачай нарт эпос (Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев) / сост. Р.А-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холаев. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 656 с.

Севортян 1978 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). – М.: Наука, 1978. – 349 с.

Толгуров 2015 – *Толгуров З.Х.* Жанр баллады в балкарской поэзии военных лет // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2015. – № 57. – С. 94-97. EDN: VBSHON

Узденова 2012 – *Узденова Ф.Т.* Понятие воинской чести в системе этико-эстетических представлений народов Северного Кавказа // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – 2012. – № 1. – С. 257-261. EDN: TACQKR

Хуболов 2015 – *Хуболов С.М.* Семантические разряды компаративных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 1 (63). – С. 290-294. EDN: TIJZNF

REFERENCES

AKHMATOVA M.A. *Kontsept "dusha" v karachaevo-balkarskom yazyke (na materiale nartskogo eposa)* [The Concept of "Soul" in the Karachay-Balkar Language (Based on the Nart Epic)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2014. – No 5 (61). – P. 206-210. (In Russ.).

AKHMATOVA M.A. *Reprezentatsiya kontsepta "zhyurek" v karachaevo-balkarskom yazyke (na materiale nartskogo eposa)* [Representation of the concept "heart" in the Karachay-Balkar language (based on the Nart epic)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2015. – No 1 (63). – P. 239-243. (In Russ.).

Alan tarikh-zhigitlik zhyrla. Yuch kitap. T. 1 [The Alanian Historical and Heroic Epic. In three volumes. Vol. 1] / compiled by M.Ch. Dzhurtabaev. – Nal'chik: OOO Tetragraf, 2015. – 656 p. (In Karach.-Balk. and Russ.).

Bashkirsko-russkii slovar' [Bashkir-Russian dictionary] / edited by Z.G. Uraksin. – Moskow: Digora, Rus. yaz., 1996. – 884 p. (In Bashk. and Russ.).

Drevnetyurkskii slovar' [Ancient Turkic dictionary] / Compiled by T.A. Borovkova, L.V. Dmitrieva, A.A. Zyrin i dr. – Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1969. – 676 p. (In Russ.).

GADZHIAKHMEDOV N.E. *Lichnye imena kumykov: traditsii imyanarecheniya, proiskhozhdenie, semantika i grammatika* [Personal Names of the Kumyks: Naming Traditions, Origins, Semantics, and Grammar]. – Makhachkala: OOO Dagpress Media, 2008. – 181 p. (In Russ.).

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.KH. *Karachaevo-balkarskaya volshebnaya skazka* [The Karachay-Balkarian fairy tale]. – Nal'chik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2019. – 108 p. (In Russ.).

K"arachai nart sezle [Karachai proverbs and sayings] / Compiled by S.C. Aliyev. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 484 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu: yuchtomluk". I A – ZH [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language: in 3 volumes. I A – ZH] / edited by I.Kh. Akhmatov and A.A. Zhappuev. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1996. – 1016 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachai-malk"ar-orus sezlyuk [Karachay-Balkar-Russian dictionary] / edited by E.R. Tenishev and H.I. Suyunchiev. – Moskow: Russkij yazyk, 1989. – 832 p. (In Karach.-Balk.-Russ.).

KHUBOLOV S.M. *Semanticheskie razryady komparativnykh frazeologizmov v karachaevo-balkarskom yazyke* [Semantic Categories of Comparative Phraseological Units in the Karachay-Balkar Language]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2015. – No 1 (63). – P. 290-294. (In Russ.).

Kirgizsko-russkii slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary] / compiled by K.K. Yudakhin. – Moskow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964. – 973 p. (In Kyrg. and Russ.).

Kumyksko-russkii slovar' [Kumyk-Russian dictionary] / edited by B.G. Bammatov. – Makhachkala: IYALI DNTS RAN, 2013. – 528 p. (In Kum.).

Malk"ar nart sezle [Balkarian proverbs and sayings] / Compiled by A.Z. Kholaev. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 188 p. (In Karach.-Balk.).

Nartla. Malk"ar-k"arachai nart epos [Nart. The heroic epic of the Balkars and Karachais] / comp. R.A-K. Ortabaeva, T.M. Khadzhieva, A.Z. Kholaev. – Moskow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1994. – 656 p. (In Karach.-Balk. and Russ.).

SEVORTYAN E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B»)* [Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common Turkic and Inter-Turkic Roots Starting with the Letter "B")]. – Moskow: Nauka, 1978. – 349 p. (In Russ.).

TOLGUROV Z.KH. *Zhanr ballady v balkarskoi poezii voennykh let* [The Ballad Genre in Balkan Poetry of the War Years]. IN: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2015. – No 57. – P. 94-97. (In Russ.).

UZDENOVA F.T. *Ponyatie voinskoi chesti v sisteme etiko-esteticheskikh predstavlenii narodov Severnogo Kavkaza* [The Concept of Military Honor in the System of Ethical and Aesthetic Ideas of the Peoples of the North Caucasus]. IN: *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii*. – 2012. – No 1. – P. 257-261. (In Russ.).

Информация об авторах

М.Б. Кетенчиев – доктор филологических наук.

А.К. Аппоев – кандидат филологических наук.

А.М. Мизиев – доктор филологических наук.

Information about the authors

M.B. Ketenchiev – Doctor of Science (Philology).

A.K. Appoev – Candidate of Science (Philology).

A.M. Miziev – Doctor of Science (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 13.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья
УДК 81.22
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-343-353
EDN: XXRITH

КОЛОРИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЭЛЬБРУСА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Ибрагим Артурович Кремшокалов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, ibragim.kremshokalov@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0004-5457-8796

Аннотация. В статье рассматривается комплекс цветовых образов Эльбруса как механизм трансляции ценностных представлений о высочайшей горе, символизирующей величие, грацию, грозность и неприступность. Обращается внимание на особенности восприятия орографического образа как специфического компонента авторского мировосприятия и мировидения. Научная новизна состоит в описании колористических представлений, транслирующих ощущение горы авторами поэтических текстов, а также в выявлении характерных черт локусного объекта, являющегося частью языковой и концептуальной картин мира. В результате исследования установлено, что поэтические цветовые образы-символы отражают важнейшие свойства описываемого объекта, они объединены единым колориметрическим признаком «холодных тонов», семиотически связанным с представлением горы, а также с эмоциональным состоянием человека. Колористические образы передают авторские ощущения, восприятие локуса, ассоциации, отражающие как признаки объекта, так и картину мира писателя. Выявлено, что доминантными цветами выступают белый, серый, синий и голубой, которые в разной степени коррелируют с реальными свойствами локуса «Эльбрус».

Ключевые слова: поэтический текст, колоризм, образ, символ, картина мира, локус Эльбрус.

Для цитирования: Кремшокалов И.А. Колористический образ Эльбруса в русской поэзии // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 343-353. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-343-353. EDN: XXRITH.

© Кремшокалов И.А., 2026

Original article

THE COLORISTIC IMAGE OF ELBRUS IN RUSSIAN POETRY

Ibragim A. Kremshokalov
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, ibragim.kremshokalov@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0004-5457-8796

Abstract. The article examines the complex of color images of Elbrus as a mechanism for translating value concepts about the highest mountain, symbolizing greatness, grace, menace and inaccessibility. Attention is drawn to the peculiarities of the perception of the orographic image as a

specific component of the author's worldview and worldview. The scientific novelty consists in describing the coloristic representations that convey the feeling of a mountain by the authors of poetic texts, as well as in identifying the characteristic features of a locus object that is part of a linguistic and conceptual picture of the world. As a result of the study, it was found that poetic color images-symbols reflect the most important properties of the described object, they are united by a single colorimetric feature of "cold tones", semiotically related to the representation of the mountain, as well as to the emotional state of a person. Coloristic images convey the author's feelings, perception of the locus, and associations that reflect both the features of the object and the writer's worldview. It has been revealed that the dominant colors are white, gray, blue, and light blue, which correlate to varying degrees with the actual properties of the Elbrus locus.

Keywords: poetic text, colorism, image, symbol, worldview, Elbrus locus.

For citation: Kremshokalov I.A. The coloristic image of Elbrus in Russian poetry. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 343-353. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-343-353. EDN: XXRITH.

© Kremshokalov I.A., 2026

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена направленностью лингвистического анализа к выявлению смысловых миров, репрезентированных единицами определенного класса слов, в частности колористическими единицами, соотносимыми с образом локусного объекта. Исследования цветовых образов обнаруживают определенного рода кодовые проекции предмета в сознании автора, транслируют его картину мира в семиотических единицах. Значимым направлением в исследовании колоризмов является возможность соотнесения знака с его содержанием, выявление реального признака и авторского представления при описании объектов окружающего мира. Исследование колоризмов позволяет также определить модальность текста, эмоциональное состояние автора, проецирующего описываемый объект в образах, а также формирующего доминантные цветовые знаки в языковой картине мира.

Целью исследования является выявление цветовой палитры образов Эльбруса, репрезентированных в поэтических текстах русских авторов, а также представление цветового образа как знака-символа локусного объекта.

Для решения вышеуказанной цели в рамках данного исследования необходимо решить следующие *задачи*:

– отобрать произведения, в которых Кавказские горы, в частности Эльбрус, характеризуются определенными колоризмами;

– определить семантику колористического компонента, его реальный первичный и символический смысл;

– описать эмоциональный фон, в который включается колористический компонент, и контекстный регистр значения, реализуемый в тексте.

Материалом для исследования послужили тексты русских поэтов, включенные в сборник «Синие горы Кавказа» (Нальчик, 1985 г.). Методом сплошной выборки отобраны контексты, в которых представлены колористические компоненты, характеризующие Эльбрус. В проводимом исследовании использовались методы компонентного анализа языковых единиц, лингвокогнитивного

описания и структурирования концептуальных компонентов культуры и лингвокультурологического поля.

Теоретическую базу составляют работы по общей теории лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, труды по лингвосемиотике, в рамках которых исследуются способы вербализации значимых культурных смыслов, а также частные исследования по цветообозначению и функции колористических единиц в культуре в целом и в художественном тексте в частности. В научную основу исследования легли труды Е.Н. Алымовой [Алымова 2007]; О.В. Борзых [Борзых 2012]; А.С. Балалаевой [Балалаева 2021]; Д.А. Бакеевой [Бакеева 2012]; Н.В. Коптевой [Коптева 2005]; О.В. Кошеренковой [Кошеренкова 2015]; И.А. Рудаковой, Б.А. Хуаз [Рудакова, Хуаз 2015]; Л.В. Савельевой, С.В. Шкиль [Савельева, Шкиль 2001]; В.С. Фоминой [Фомина 1994]; Л.А. Шалимовой [Шалимова 2007] и др.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в курсах дисциплин по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, семиотике языка, лингвоперсонологии, лингвистической семантике, теории текста.

Обсуждение

Рассматривая цветовые образы объекта в художественном тексте, следует признать, что колоризмы являются составной частью культурного пространства человека и народа в целом. Вслед за Н.В. Коптевой, под «колоризмом» мы понимаем «языковую (узуальную) или речевую (окказиональную) единицу, в состав которой входит корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветонаименованием» [Коптева 2005: 7]. В национальных традициях элементы цветообозначения могут иметь схожие ассоциативные и символические смыслы. «Различия проявляются и усугубляются там, где кодовая цветовая символика преобладает» [Кошеренкова 2015: 159]. При этом стоит отметить, что цвет является не столько указанием на физические, эстетические свойства объектов, сколько служит знаком-символом, способным передавать определенного рода информацию. Многие исследователи отмечают, что «передача информации с помощью цвета основана на возникающих ассоциациях, имеющих несколько слоев: общие природные, более поздние слои – влияние традиций народа, к которому принадлежит человек, а затем уже цветовые ассоциации личных переживаний и впечатлений» [Кошеренкова 2015: 159]. Тем самым автором обнаруживаются исторические корни цветообозначения и их многослойность. Как отмечает в своем диссертационном исследовании Л.А. Шалимова, «чувство цвета в культуре столь же исторично, как и человеческая чувственность вообще» [Шалимова 2007: 56].

Цвет признается одной из «категорий познания мира, которая находится наравне с другими категориями, такими как пространство, время, движение, а также является одним из ключевых культурных концептов. У каждого народа с древнейших времен цвет являлся одним из средств осмысления мира. Он служил обозначением наиболее важного в природе и наиболее ценного в человеке» [Бакеева 2012:31]. Данная категория сохранятся в культуре, передается от

поколения к поколению, обрастая смыслами, усложняясь функциональной направленностью. В исследовании цветовых элементов разработаны концепции, которые определяют их важнейшие функции. Так, важнейшими функциями, которые выполняют цвета в культуре, по мнению О.В. Кошеренковой, «являются коммуникативные (устанавливающие те или иные связи между элементами), символические (указывающие на предмет, явление, сущность) и выразительные (передающие и вызывающие эмоции)» [Кошеренкова 2015: 156].

В рамках художественного текста наиболее представленными являются, на наш взгляд, символическая и выразительная функции, которые могут обрастать другими дополнительными, но не менее значимыми функциями. Колоризмы служат образным средством, транслирующим настроение автора, его отношение к описываемому предмету, а также мироощущение в цветовых картинах. Комплекс символического цветовосприятия передает целостную систему авторской картины мира. «Символ есть соединение двух порядков последовательностей: последовательность образов и последовательность переживаний... Переживание зацветает образами» [Белый 1994: 161]. Такого рода многоцветие, отражающее авторские переживания, мы отмечаем в текстах художественной литературы.

Исследование цвета в научной литературе последних десятилетий идет в тесной связи с образными представлениями. «На выбор цвета в создании цветообраза влияет не только самостоятельное значение цвета, но и ряд других факторов: создаваемый цветообраз, психологический портрет личности, его социальное положение в обществе, средства и технологии передачи цвета, местонахождение человека в момент создания цветообраза» [Рудакова, Хуаз: 1058]. Как утверждал крупнейший исследователь И. Иттен, цвет и образ не могут существовать друг без друга и изучаться изолированно. «Цвет – это жизнь, и мир без красок представляется нам мертвым» [Иттен 2014: 12].

Колористический образ применим к объектам разной значимости и величины. В рамках такого подхода мы обратились к анализу топографического феномена с целью определить палитру его поэтических образов, помогающих осознать существенные свойства локуса, определяющие его семантическое поле.

В русской поэзии орографические образы тесно сопряжены с колористическими понятиями, которые приписывают разные цветовые свойства высочайшей вершине Кавказа. Цвет Эльбруса соотносится с авторским мировидением, а также с эмоциональным состоянием художника слова, воспринимающего и оценивающего данное явление. В стихотворных текстах горы имеют синий цвет, такое восприятие широко представлено в творчестве М.Ю. Лермонтова, а далее подхвачено многими другими авторами, что, видимо, стало поэтическим началом образа Эльбруса, в связи с чем и сборник, в котором собраны стихи о Кавказских горах, назван «Синие горы Кавказа». Вместе с тем цвет Эльбруса меняется в разных произведениях, и, на наш взгляд, более типичным его образом можно считать белый цвет. Этот цвет реально коррелирует с видимым обликом вершины, которая всегда, даже летом, покрыта снегом. В поэтическом восприятии, конечно, белый цвет символичен – он соотносится с представлением о чистоте, невинности и безграничности. Как утверждают психологи, белый цвет – это вечность, радость, согласие и новые безграничные возможности.

«Бесконечное может быть символизировано бесконечностью цветов, заключающихся в луче белого света» [Белый 1994: 201]. Белый цвет Эльбруса имеет свои оттенки, как, например, белоснежность:

Тебе, Кавказ, – суровый царь земли –
Я снова посвящаю стих небрежный:
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
(М.Ю. Лермонтов «Аул Бастунджи») [Синие горы Кавказа 1985: 53].

Белоснежными видит вершины Эльбруса и Николай Старшинов:

Ужели очерствели мы с годами?..
Но встали над тобой и надо мной
Вершины гор, увенчанные льдами,
Сверкающие снежной белизной.
(Н. Старшинов «Ужели очерствели мы с годами») [Синие горы Кавказа 1985: 153].

Ледово-снежное покрытие горы рождает данный цветовой образ, который может считаться его денотативным значением, но в поэтическом контексте цвет приобретает образный регистр, служит знаковым средством, передающим восхищенное отношение, подчеркнутое преклонение перед горой как перед высокопоставленным объектом, что передается эпитетом «увенчанный».

В своих путевых очерках «Кавказские воды» Николай Огарев ассоциирует горы с белыми облаками: *«В ясное утро был виден и двуглавый Эльбрус, с далекой цепью гор, подобных белым облакам»* [Синие горы Кавказа 1985: 71]. Эмоциональный фон текста диктует автору образ «белых облаков», сопутствующий самой загадочной вершине. В описании коннотативно представлена возвышенность, недосягаемость, небесность двуглавой вершины.

Владимир Солоухин в стихотворении «А горы сверкают своей белизной» рефреном повторяет в конце каждого четверостишия: *А горы сверкают своей белизной*... [Синие горы Кавказа 1985: 127]. Тем самым вырисовывается образ горы, впечатляющий своим константным признаком – белизной, освещающей все вокруг.

О белизне горы пишет М. Дудин:

Как чист Эльбрус в ночи январской
В двойной короне вырезной
Своей осанистостью царской
И неземною белизной
(М. Дудин) [Синие горы Кавказа 1985: 121].

В восприятии М. Дудина Эльбрус ассоциируется со «своей осанистостью царской» с чем-то неземным, недоступным, величественным и вместе с тем с небывалой чистотой. Этот символ доносится до читателя в полной авторской проекции, создавая выразительный образ описываемого локуса.

Светлый облик гор отражен и в восприятии А. Блока:

И на горах, в сверканье белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я страстно обожгу.
(А. Блок «Демон») [Синие горы Кавказа 1985: 85].

Цветовой образ связан с представлением о чистоте в широком смысле слова, включая в данное семантическое поле «непорочность», «нетронутость», «целомудренность», а также эксплицируется непокорность, недоступность.

Белизна в стихотворном дискурсе соседствует с серым цветом, который имеет уже другую семантику, менее возвышенную, «приземленную», немного омраченную:

Я проехал по долинам
До кавказских серых гор.
(Е. Долматовский «Девушка с кувшином») [Синие горы Кавказа 1985: 141].

В колористической символике стихов о горах можно отметить переход серого цвета в седой. Здесь нами усматривается усиление образности, его «уплотнение» добавлением смысла долговечности, возрастного статуса:

...в грозной красоте стоит
Седой Эльбрус в тумане мглистом
Вокруг буря, град и гром гремит...
Эльбрус, Кавказских гор краса,
Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.
(К. Рылеев ***) [Синие горы Кавказа 1985: 25].

Седым видит вершину М.Ю. Лермонтов, который обращается к тем местам, где он был в детстве. Здесь символ «седого» Кавказа ассоциативно соотносим с образом доброго деда, в чье лоно возвращается взрослый внук:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
(М.Ю. Лермонтов «Измаил-бей») [Синие горы Кавказа 1985: 61].

Седина Кавказских гор у М. Дудина приобретает этническую окраску, которая противопоставлена синему цвету России:

Чтобы над пропастью пустынь
Одна спаяла фраза
России трепетную синь
И седину Кавказа.
(М. Дудин «Письмо Кайсыну») [Синие горы Кавказа 1985: 117].

Этнокультурная привязанность седого образа ведет к мысли о том, что гора может направить на правильный путь, осветить своей мудростью:

...Но что мелькнуло
В седой ущелине скалы?
Что зазвенело и сверкнуло
Среди густой, полночной мглы?
(А. Полежаев «Черкесский романс») [Синие горы Кавказа 1985: 38].

Метафоричный образ гор «очеловечен» образом седоволосого существа. Прием олицетворения в поэтических текстах довольно частотен, особенно в связи с горами он наблюдается нами в большинстве стихотворений, посвященных Кавказским горам:

Свысока на них глядели
Седовласые вершины.
(Яков Серпин «Пейзаж») [Синие горы Кавказа 1985: 132].

«Седым», т.е. долгоживущим, многовековым обозначены временные промежутки, в которых существуют горы:

Громады снежные, как ряд седых веков
В немом величии сияли
И два шатра из яркой ризы льдов.
(Василий Григорьев «Вечер на Кавказе») [Синие горы Кавказа 1985: 73].

В то же время в некоторых авторских представлениях Эльбрус выступает как юное создание. Такая антитеза укрепляет роль образа гор:

...То не было ни ночи, ни равнины,
И юные еще дымились горы,
И свежие изломы на вершинах
(В. Шефнер «Кавказ») [Синие горы Кавказа 1985: 115].

В авторском поэтическом видении И. Бунина седина плавно переходит в серебристый цвет, который ассоциируется с холодностью, отсутствием тепла, так автор воспринимает облик локуса:

Вдали, меж гор, - пустой, блестящий
И четкий конус серебра.
(Иван Бунин «Жасмин») [Синие горы Кавказа 1985: 78].

В картине мира В. Азарова снеговой покров горы воспринимается серебристым, этот признак создается на контрасте снега и солнца, что свидетельствует о том, что восприятие цвета горы зависит от совокупности внешних факторов и внутреннего ощущения поэта:

И солнце на главах Эльбруса
Покров серебрит снеговой...
(В. Азаров «Золотая арфа») [Синие горы Кавказа 1985: 155].

Во многих поэтических текстах закрепляется особый цветовой регистр Эльбруса – синий, символизирующий не только холодность, но и чистоту, глубину, строгость и таинственность. Синий многими исследователями связывается с космическим образом, указывает на Вселенную, галактику. Психологи считают, что синий цвет позволяет человеку расслабиться**,** создает благоприятную атмосферу доверия и безопасности. Как было ранее отмечено, этот цвет символизировал Эльбрус в поэзии М.Ю. Лермонтова, и именно на него идет отсылка в строках А. Шпирта:

Хочется крикнуть словами опального поэта:
«Синие горы Кавказа, приветствую вас!»
(А. Шпирт «Здравствуйте, горы!») [Синие горы Кавказа 1985: 139].

Здесь следует отметить особый эмоциональный фон стихотворения, восхищение Кавказскими горами, погружение в них как в космическое пространство. Видимо, поэтому автор не привносит новый колористический образ, а пользуется уже принятым глубинным и универсальным кодом.

В поэтических картинах мира нами не отмечены признаки, отсылающие к природно-географическим характеристикам, в частности к признанию Эльбруса вулканом, хотя и потухшим. Этот образ не актуализируется авторами, поскольку в восприятии локуса доминирует его настоящее состояние. Намек на «огненность» – нетипичный для поэтических текстов, отсылающих к исследуемому локусу, встречаем в строках Николая Тихонова, но в контекстном преломлении передающий совершенно другой образ – лучи солнца над горой:

Встает Эльбрус,
Весь залитый огнем,
Как будто куст
Костров горит на нем
(Н. Тихонов) [Синие горы Кавказа 1985: 110].

В русской лингвокультуре красный со всеми своими оттенками выступает как ключевой цвет, символизирующий жизнь, энергию, динамику. Красный имеет множество разветвлений, среди которых огненный считается одним из символически насыщенных, неоднозначных. «Красный цвет довольно часто ассоциируется с опасностью, страстностью, активностью. Данные характеристики являются не определяющими цвет, а наделяющими его патетическими свойствами» [Корнещук 2021: 80]. В приведенном фрагменте стихотворения огненность соотносится не с опасностью, а с яркостью, впечатляющей силой горы. Из всех поэтических колористических образов это самый «теплый» и энергетически насыщенный образ, который разрушает представление о горе как холодном, неприступном, отчужденном объекте.

Заключение

Исследование цветового образа Эльбруса дает возможность описать свойства локуса, его значение в лингвокультуре, существенные признаки объекта, которые позволяют его комплексно представить. Цветовой код объекта представляется колоризмами «белый», «серый», «синий» с определенными оттенками, характеризующими важные признаки и такие свойства, как чистота, неприступность, возвышенность, космический простор и др., которые образуют концептуальное ядро Эльбруса. Разные оттенки (серебристый, белоснежный, седой, седовласый) служат коннотативными смыслами, привносимыми авторами поэтических текстов. Колористический образ определяет и то место, которое занимает гора в картине мира писателя, как проецируется представление о предмете через его цветовое восприятие. Цвет выступает как образ, который актуален в авторском сознании для трансляции информации, знаний о предмете, а также впечатлений и эмоций.

Перспективы нашего исследования видятся в комплексном исследовании цветового кода орографического локуса на материале текстов разных языков с целью выявления универсальных и этноспецифичных цветовых образов и установления механизмов их функционирования в тексте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алымова 2007 – *Алымова Е.Н.* Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира. Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 – СПб., 2007. – 19 с.

Балалаева 2021 – *Балалаева А.С*. Символика цвета в культуре: Теоретико-методологические подходы // Визуальные образы современной культуры: Цвет в культуре и религии: сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 27 апреля 2021 г.). Омск, 2021. С. 16-19.

Бакеева 2012 – *Бакеева Д.А*. Символика цвета в разнообразных культурах мира: мифологический этап // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. – № 6 (20): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 30-33.

Белый 1994 – *Белый А.* Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 525 с.

Борзых 2012 – *Борзых О.В*. Междисциплинарные аспекты изучения цвета в поэтическом тексте // Вестник ВГУ. – 2012. – № 2. – С. 28–31.

Иттен 2014 – *Иттен Иоханнес*. Искусство цвета. – М.: Издательство Д. Аронова, 2014. – 178 с.

Коптева 2005 – *Коптева Н.В*. Функционирование колоризмов в художественном тексте как результат взаимодействия лингвокультурного и креативного факторов: На материале творчества русских писателей XIX-XX вв. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 28 с.

Корнещук 2021 – *Корнещук А.А*. Роль цвета в формировании визуальной культуры // Визуальные образы современной культуры: Цвет в культуре и религии: Сборник статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 27 апреля 2021 г.). – Омск: Издательство Омского государственного университета. 2021. – 225 с.

Кошеренкова 2015 – *Кошеренкова О.В*. Символика цвета в культуре // Аналитика культурологии. – 2015. – № 2 (32). – С. 163–169.

Лебедева 2011 – *Лебедева Г.Н*. Символика цвета в русской традиционной культуре // XV юбилейные Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции. – Спб., 2011. – С. 142–146.

Рудакова, Хуаз 2015 – *Рудакова И.А., Хуаз Б.А*. Теоретико-методологические основы цветообраза как смыслообразующей категории // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (часть 5). – С. 1057-1061; URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36983 (дата обращения: 26.08.2025).

Серов 2004 – *Серов Н.В*. Цвет культуры. Психология, культурология, физиология. – Спб: Речь, 2004. – 672 с.

Серов 2015 – *Серов Н.В*. Символика цвета. – Санкт-Петербург: Страта, 2015. – 201 с.

Синие горы Кавказа 1985 – Синие горы Кавказа / Сост. М.М. Хафица. – 2-е изд., доп. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 440 с.

Шалимов 2007 – *Шалимова Л.А*. Феномен цвета в культуре рекламы. Дисс. канд. филос. наук. – Дедовск, 2007 – 163 с.

REFERENCES

ALYNOVA E.N. *Tsvet kak lingvokognitivnaya kategoriya v russkoi yazykovoi kartine mira* [Color as a linguacognitive category in the Russian linguistic picture of the world]: avtoref. dis. … kand. filol. nauk: 10.02.01. – SPb., 2007. – 19 p. (in Russ.).

BALALAEVA A.S. *Simvolika tsveta v kul'ture: Teoretiko-metodologicheskie podkhody* [Color Symbolism in Culture: Theoretical and Methodological Approaches]. IN: Vizual'nye obrazy sovremennoi kul'tury: Tsvet v kul'ture i religii: sbornik nauchnykh statei po materialam IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Omsk, 27 aprelya 2021 g.). – Omsk, 2021. – P. 16-19 .(in Russ.).

BAKEEVA D.A. *Simvolika tsveta v raznoobraznykh kul'turakh mira: mifologicheskii etap* [Color symbolism in various cultures of the world: the mythological stage]. IN: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2012. – № 6 (20): v 2-kh ch. – CH. II. – P. 30-33 (in Russ.).

BELYI A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a worldview]. – M.: Respublika, 1994. – 525 p. (in Russ.).

BORZYKH O.V. *Mezhdistsiplinarnye aspekty izucheniya tsveta v poehticheskom tekste* [Interdisciplinary aspects of the study of color in poetic text] IN: Vestnik VGU. – 2012. – № 2. – P. 28–31 (in Russ.).

ITTEN IOKHANNES. *Iskusstvo tsveta* [Art of color]. – M.: Izdatel'stvo D. Aronova, 2014. – 178 p. (in Russ.).

KOPTEVA N.V. *Funktsionirovanie kolorizmov v khudozhestvennom tekste kak rezul'tat vzaimodeistviya lingvokul'turnogo i kreativnogo faktorov: Na materiale tvorchestva russkikh pisatelei XIX – XX vv.* [The functioning of colorisms in a literary text as a result of the interaction of linguocultural and creative factors: Based on the work of Russian writers of the 19th - 20th centuries.]: avtoref. dis. … kand. filol. nauk: Rostov-na-Donu, 2005. – 28 p. (in Russ.).

KORNESHCHUK A.A. *Rol' tsveta v formirovanii vizual'noi kul'tury* [The role of color in shaping visual culture]. IN: Vizual'nye obrazy sovremennoi kul'tury: Tsvet v kul'ture i religii: Sbornik statei po materialam IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Omsk, 27 aprelya 2021 g.) – Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. –225 p. (in Russ.).

KOSHERENKOVA O.V. *Simvolika tsveta v kul'ture* [Color symbolism in culture] IN: Analitika kul'turologii. – 2015. – № 2 (32). – P. 163–169. (in Russ.).

LEBEDEVA G.N. *Simvolika tsveta v russkoi traditsionnoi kul'ture* [Symbolism of color in Russian traditional culture]. IN: XV yubileinye Tsarskosel'skie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. – Spb., 2011. – P. 142–146 (in Russ.).

RUDAKOVA I.A., KHUAZ B.A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy tsvetoobraza kak smysloobrazuyushchei kategorii* [Theoretical and methodological foundations of color image as a meaning-forming category]. IN: Fundamental'nye issledovaniya. – 2015. – № 2 (chast' 5). – P. 1057-1061; URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36983 (data obrashcheniya: 26.08.2025).(in Russ.).

SEROV N.V. *Tsvet kul'tury. Psikhologiya, kul'turologiya, fiziologiya* [The color of culture. Psychology, cultural studies, physiology]. – Spb: Rech', 2004. – 672 p. (in Russ.).

SEROV N.V. *Simvolika tsveta* [Color symbolism]. – Sankt-Peterburg: Strata, 2015. – 201 p. (in Russ.).

Sinie gory` Kavkaza [Blue Mountains of the Caucasus] – 2nd ed., supplemented. – Nalchik: Elbrus, 1985. – 440 p. (in Russ.).

SHALIMOVA L.A. *Fenomen tsveta v kul'ture reklamy* [The Phenomenon of Color in Advertising Culture]: diss. kand. filos. nauk. – Dedovsk, 2007 – 163 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:
И.А. Кремшокалов – аспирант.
Information about the author
I.A. Kremshokalov – a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 22.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 22.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 81.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-354-366
EDN: ZERTPA

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО СОЦИОЛЕКТА НА МАТЕРИАЛЕ СЕТЕВОГО И ГЕЙМЕРСКОГО СЛЕНГОВ

Злата Зауровна Масаева
Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия, zlata.masaeva@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-6314-6468

Аннотация: Современные условия жизни раскрывают внутренние возможности языка, порождая его новые некодифицированные формы.

Интернет становится основной формой виртуального общения, каналом связи. Поэтому встает вопрос о единой культуре виртуального сообщества и ее языковых реализациях. Данный канал культуры отличен от традиционного обмена словами, символами и образами. В данной статье речь идет о сетевом и геймерском подвидах компьютерного дискурса, представляющих собой составную часть молодежного социолекта. Молодежный социолект понимается как системное образование субстандартной лексики, для которой характерна диффузность функционирования, проявляющаяся в ее проникновении в общеупотребительный язык. Субстандартные единицы являются своеобразным отражением молодежной субкультуры и киберкультуры одновременно, они являются своеобразным новым взглядом на многие традиционные понятия и вещи. Язык субкультуры проникает во все сферы современного общества, начинает функционировать в литературной и разговорной формах языка, взламывает кодифицированные нормы на всех ярусах языковой системы. Молодежный социолект, питательной средой которого являются новейшие технологии, а также тот факт, что международным языком онлайн коммуникации является английский язык, приводит к определенному стиранию национально-этнического характера общения. Это проявляется как на уровне европейских языков (французского, испанского, русского и т.д.), так и малочисленных национальных языков, к которым относятся северо-кавказские, в частности, кабардино-черкесский, а также карачаево-балкарский, один из языков тюркской языковой семьи. В статье делается вывод о тотальном использовании международного молодежного сленга с включением некоторых языковых этнически маркированных субстандартных вкраплений, не оказывающих особого влияния на интернет-коммуникацию.

Ключевые слова: субстандарт, социолект, лексика, коммуникация, интернет-лингвистика.

Для цитирования: Масаева З.З. Языковые особенности молодежного социолекта на материале сетевого и геймерского сленгов // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 354-366. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-354-366. EDN: ZERTPA.

© Масаева З.З., 2026

Original article

LINGUISTIC FEATURES OF YOUTH SOCIALECT BASED ON NETWORK AND GAMING SLANG

Zlata Z. Masaeva
Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, zlata.masaeva@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-6314-6468

Abstract: Modern living conditions reveal the inherent potential of language, generating new, non-codified forms. The internet is becoming the primary form of virtual communication, a channel of communication. This raises the question of a unified culture of the virtual community and its linguistic realizations. This cultural channel differs from the traditional exchange of words, symbols, and images. This article examines the online and gaming subtypes of computer discourse, which constitute an integral part of the youth sociolect. The youth sociolect is understood as a systemic formation of substandard vocabulary, characterized by a diffuse functioning, manifested in its penetration into common language. Substandard units are a unique reflection of both youth subculture and cyberculture, offering a unique new perspective on many traditional concepts and things. The language of the subculture permeates all spheres of modern society, beginning to function in literary and colloquial forms of language, and subverting codified norms at all levels of the linguistic system. The youth sociolect, fueled by the latest technologies, and the fact that English is the international language of online communication, leads to a certain blurring of the national and ethnic nature of communication. This is evident both in European languages (French, Spanish, Russian, etc.) and in minority national languages, including North Caucasian languages, particularly Kabardino-Circassian, as well as Karachay-Balkar, a member of the Turkic language family. The article concludes that international youth slang is widely used, including some ethnically marked substandard linguistic inclusions that have little impact on online communication.

Keywords: substandard, sociolect, vocabulary, communication, internet linguistics.

For citation: Masaeva Z.Z. Linguistic features of youth socialect based on network and gaming slang. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 354-366. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-354-366. EDN: ZERTPA.

© Masaeva Z.Z., 2026

Введение

Молодежный жаргон – это уникальное явление, существование которого обусловлено не одними лишь возрастными рамками, но определенными пространственными, временными и социальными границами. Изменения в речи следуют за трансформациями, происходящими в обществе, сменой культурных ориентиров, ценностей и установок [Алексеев 2006: 15]. Как отмечает В.В. Соколова, «языковая система, находясь в постоянном использовании, создается и видоизменяется коллективными усилиями тех, кто ею пользуется… Новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы языка, но работающее, функционально целесообразное, ведет к перестройке в нем, а каждое очередное состояние языковой системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта. Таким образом, язык в процессе речевого функционирования развивается, изменяется, и на каждом этапе этого развтия языковая система с неизбежностью содержит в себе элементы, которые не завершили процесса изменения. Поэтому различные колебания, варианты неизбежны в любом языке» [Соколова 1995: 47].

Интернет нарушает внутрисистемные правила функционирования языка и в то же время «эта сеть обретает подобие коллективного разума, заставляющего

человечество синхронизироваться, думать в унисон, жить в едином киберпространстве в новом виртуальном мире» [Костомаров 2005].

Виртуальная среда интернета представляет собой «симбиоз как собственно строго терминологического технического – компьютерного и литературного языков, так и сленга, поликодовых лингвокреативных конструкций и пр.» [Ахренова 2018: 3]. В литературе приводятся различные типологии дискурса, реализуемые в Интернет-пространстве, такие как ритуально-публичный, учебно-академический, межличностного общения, рекламный, игровой, развлекательный и т.д.

Молодежный социолект насыщен сленговыми единицами. Сленг, будучи социальным образованием, базируется на фундаменте нормированного литературного языка, с теми же лексико-грамматическими и фонетическими основами. Социальная природа человека порождает необходимость анализа информационной культуры общения, одной из составляющих которой является язык общения.

Методы. Цель исследования и характер иллюстративного материала обусловили социолингвокультурный подход и комплексную методику, в основу которого легли сопоставительный и структурно-семантический методы.

Эмпирической базой исследования служат субстандартные единицы (более 200 языковых единиц), используемые в сетевой и геймерской коммуникации, извлеченные из игровых и сетевых чатов, научных статей.

Результаты и обсуждение

Современная теория расматривает общение как специфический вид деятельности. Реальное бытие человека маркируется системой отношений индивида с другими участниками. Наиболее существенными для анализа общения относятся понятия функциональности и уровня общения. Речевое общение рассматривается как социальное взаимодействие. К основным функциям общения относятся коммуникативная, интерактивная и перцептивная, в реализации которых имеют межличностные отношения. Как известно национально-культурная принадлежность относится к одной из статусных ролей человека, приобретаемая с рождения и не подвергаемая изменениям на протяжении жизни. Принадлежность отправителя текста к определенной национальной культуре отражается на специфике его речевого поведения, на выборе лексических и синтаксических средств. Сегодня наблюдаются значительные отклонения от общепринятых представлений, присущих традиционному общению, вызванные изменениями в жизни.

Компьютерные и информационные технологии приводят к сетевому типу взаимодействия, заменяя обычные виды индивидуального и коллективного общения, порождая новые формы языка и новые стороны языковой личности. Ученые уверены, что принципиальными «измерениями языка онлайн являются информативность, повествовательность, выразительность, убеждение, абстракция и проработка» [Максидова 2022: 2,1-2,15].

Коммуникация и информация в современном обществе претерпевают радикальные изменения. Коммуникацию определяет не только целевое содержание, но и состав коммуникантов:

– внутриперсональная коммуникация приравнивается к внутреннему монологу;

– межличностная коммуникация, в которой участвуют две личности;

– групповая коммуникация или в малых и больших группах (chats rooms, forums в интернете; message boards);

– массовая коммуникация происходит между группами людей, различными по своим интересам и коммуникативному опыту [Гурова 2006: 46-47].

Следует отметить актуальность киберкоммуникации, основными формами которой являются электронная почта, онлайн форумы, разнообразные конференции, чаты, сетевые игры, тематические обзоры и т.д.

Отдельно надо остановиться на классификации и различии сетевого и геймерского сленгов. Не вдаваясь в детали, так как эти вопросы еще не получили окончательного решения, согласимся с мнением А.А. Селютина, считающего, что «определение «компьютерный» является достаточно широким и может включать в себя жаргон программистов, хакеров, системных администраторов и прочих IT-специалистов. Действительно, в речи игроков нередко встречаются слова, относящиеся не только к игровой тематике, но и в целом к компьютерной, однако это является результатом использования одной и той же аппаратной техники для решения абсолютно разных задач» [Селютин 2022: 139].

Сетевой и геймерский сленги активно проникают в языковую подсистему молодежного социолекта, становясь его наиболее динамически развивающимся компонентом. Термины и слова, характерные для данных видов массовой коммуникации проникают в молодежный социолект естественным образом, потому что именно молодое поколение является самым активным пользователем и участником сетевого общения и игрового пространства Интернета. Интернет нарушает внутрисистемные правила функционирования языка и в то же время «эта сеть обретает подобие коллективного разума, заставляющего человечество синхронизироваться, думать в унисон, жить в едином киберпространстве в новом виртуальном мире» [Костомаров 2005].

Современные исследователи выделяют компьютерно-игровой дискурс или дискурс видеоигр: «Мы убеждаемся, что термин «дискурс», а именно «компьютерно-игровой дискурс» или «дискурс видеоигр» (можно рассматривать данные термины как синонимические, поскольку они оба охватывают одну и ту же сферу функционирования дискурса) затрагивает все аспекты речевой деятельности игроков, а также околоигровое пространство» [Селютин 2022: 140].

Такое определение актуализируемого дискурса согласуется с частным определением дискурса И.В. Ашиновой, которая пишет: «Рассматривая дискурс как составную часть социальной деятельности, конституирующую жанры, представляющие собой различные способы поведения, производства социальной жизни, имеющие семиотическую природу, такие как повседневный разговор, встречи в различных типах организаций, политические и другие интервью, обзоры литературы, можно сделать вывод, что дискурсы – это различные репрезентации социальной жизни» [Ашинова 2015: 14].

Таким образом, геймерский дискурс – новое сложное коммуникативное явление, с заложенным стандартом жизни, программой речевого и личного

поведения. Геймер выстраивает свои отношения с другими участниками компьютерной игры в границах заданных ориентаций.

В прагмалингвистическом аспекте любой дискурс «представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга и т.д.» [Пшибиева 2017: 17]. Коммуникация представляет собой комплексное, многосложное явление, которое недостаточно трактовать только с точки зрения одной, отдельно взятой науки. Прагматика в этом смысле перспективное поле деятельности.

Дискурс геймеров и иных сетевых сообществ можно отнести к отдельному дискурсивному жанру, отличающийся высоким уровнем интерактивности.

Геймерский дискурс представляет структурированное коммуникативное событие, отражающее особенности речемыслительной деятельности игрока, состоящей в основном в обмене информацией между коммуникантами, так как в основном современные компьютерные игры являются альянсными, много пользовательскими, то есть число игроков может быть различным по количеству. Таким образом, лидирующая по объему тематика текстов группируется вокруг межличностных отношений, компьютерных игр, способов времяпрепровождения.

Ключевой особенностью данного типа текста является «семиотическая усложненность, то есть поликодовый характер. Действительно, игра представляет собой комплекс иконического и вербального компонентов, что позволяет отнести ее к креолизованному образованию» [Селютин 2022: 140].

Говоря о природе геймерского текста важно учитывать одно обстоятельство: «игру невозможно рассматривать исключительно как нарративное повествование, необходимо также обращать внимание на игровые механики, на игровой процесс, который сопровождается, в том числе, и включенностью игрока с его речевыми особенностями. Следовательно, рассматриваемая сугубо как повествование игра может быть текстом, но в момент включенности игрока в игровой процесс текст становится частью речевой деятельности игрока, дискурсом» [Селютин 2022: 140-141]. Те же принципы лежат в обосновании сетевого сленга, участники которого обмениваются в ходе онлайн общения на самые различные темы.

Как известно, личное внутреннее пространство человека моделируемо, вследствие чего его языковые сознание и поведение находятся в развитии, отражаемом в процессе речевой деятельности. На речевое поведение активно воздействуют установки, присущие отдельно взятой культуре. Ученые задаются вопросами: являются ли ценности киберкультуры просто импортированными ценностями существующих «невиртуальных» культур? Представляет ли киберкультура новую развивающуюся культурную среду? Например, такая разновидность киберкультуры как «хакерская культура» несет дополнительные ценности, а именно понятия «киберобщины», с одной стороны, и закрепление индивидуальной свободы.

В шкалу ценностей киберкультуры включают также ценности и практики, такие как: отношение к цензуре, социальное взаимодействие, политика доминирования и гендерные практики сетевого взаимодействия. Все это позволяет утверждать, что киберпространство – это место рождения и развития

совершенно новой культуры. Она выражает зарождение новой универсалии, отличной от предшествовавшей ей культурных форм, построенной на основе внутренней детерминированности и глобальных смыслах. Интернет рассматривается как промежуточный ландшафт между человеческой цивилизацией и дикой природой, в котором могут быть выбраны новые культурные направления и варианты выбора в киберкультуре, сознание человека поднимается на более высокий уровень. В этом видится необходимость планомерного изучения языка компьютерных игр, речевого поведения участников игр и пользователей Сети.

Процесс игры, в которой могут участвовать люди, разделенные социально, культурно и территориально, сопровождается постоянным обмене сообщениями в чате, обсуждением стратегии и плана действия, что требует особого метаязыка, понятного для всех участников альянсных многопользовательских игр, «поэтому разработка терминологии и словарного запаса, клише, словесных формул, употребляемых в данной сфере, является насущной проблемой, что в свою очередь требует и лингвистического осмысления данного языкового процесса» [Каркаева, Хараева 2017: 193].

Авторы, такие как Н.И. Васильева, П.И. Ефимов и Т.А. Золотова в своем совместном исследовании пишут: «Геймеры представляют собой вполне сложившееся субкультурное объединение: геймеры разделяют определенную картину мира, непринципиально отличающуюся от фандома к фандому, члены геймерского сообщества обладают сходным статусом в реальном мире (единая возрастная группа, уровень доходов, образование). Для данного сообщества характерен собственный знаковый уровень (атрибутика, символика, жаргон и субкультурный фольклор), обусловленными реалиями и традициями игры и фандома. В то же время на сегодняшний день ритуальные и вербальные составляющие знакового уровня знакового уровня геймерской субкультуры практически не исследован. Геймеры осознают себя как элиту в сообществе “homo ludens”, являют собой значительную часть сетевого социума, который стал для многих органичной частью культуры повседневности, а, следовательно, нуждается в изучении, в первую очередь со стороны гуманитарных дисциплин» [Васильева и др. 2009: 208].

Понять, как письменную, так и разговорную речь молодежи, представленную неологизмами, заимствованиями из специальных терминологий соответствующих информационно-коммуникативных технологий, сокращениями, аббревиатурами, графемами, лексемами и фраземами из геймерского и сетевого сленгов весьма сложно. Для ее понимания необходимо знание общей денотативной области.

Ценностями киберкультуры считаются интерактивность, скорость, охват, открытость, быстрая реакция. Таким критериям в языке соответствуют различного рода сокращения. Они представляют структурный тип словообразования, широко распространенный в сетевом и геймерском сленгах.

Широко известен лингвистический факт, что трансформации в языке чаще всего зарождаются в его устной форме, тогда как письмо выполняет роль сдерживающего фактора перед лицом инноваций, происходящих в разговорной речи. К этим трансформациям относятся различного рода сокращения и арго. Речь идет об изменениях звуковой формы слова. Процесс образования акронимов,

блендов или сиглей, которые в нашем случае являются практически синонимами, обычно происходит в письменной форме. В то же время считается доказанным, что подобного рода аббревиатуры зарождаются внутри отдельных социально-культурных сообществ – администрации, экономики, медиа, политики и т.д. Такие сообщества естественно образуют и пользователи Интернета. В лингвистическом плане эта языковая креативность имеет свои ограничения, которые позволяют описать этот феномен. Появление данного типа аббревиатур обусловлено двумя факторами, а именно: частотность синтагмы, на основе которой она (аббревиатура) появляется и длина этой синтагмы. Следующим условием является то, что синтагма, на основе которой образуется аббревиатура, представляет собой устойчивую языковую единицу. Эта синтагма обычно относительно короткая, состоящая из нескольких слов, соответственно аббревиатура содержит такое же количество букв. В аббревиатуру складываются выражения, которые обладают высокой степенью частотности употребления в узусе, и значение которых понятно в рамках денотативной области, которая известна всем участникам языкового сообщества. Касаемо аббревиатур в сетевом и геймерском сленгах, то можно констатировать, что они появляются сначала в его письменной форме, несмотря на разговорный стиль выражений, лежащих в основе их появления. Еще одной особенностью аббревиатур, появляющихся в игровом и сетевом киберпространстве, является их разнообразие в структурно-грамматическом плане. Если в экономике, политике, медиа используются в основном номинативные сокращения, то есть сокращения существительных, например, ЕС, НАТО, РФ, США и т.д., то аббревиатуры в сетевом и геймерском сегментах Интернета отражают сугубо разговорный стиль общения, включающие описания, речевые тактики и стратегии, обращения, команды, просьбы и пр. Они могут быть оформлены которые при помощи различных частей речи.

Нами выделены следующие модели:

1.Состоящие из двух сокращенных основ:

ЧД – что делаешь?

МБ – может быть;

НП – нет проблем;

ХЗ – хрен знает, не знаю;

WB – welcome back – с возвращением**!**

NV – never mind – не важно;

E1 – every one – все;

FB – first blood – «первая кровь», первое «убийство» в матче;

GL – good luck – пожелание удачи;

HF – have fun – пожелание хорошей игры;

HP – health point – досл. «очки здоровья» – характеристика персонажа игрока, касающаяся его игровой «жизни», «здоровья».

2. Состоящие из трех основ:

КМК – как мне кажется;

MDR – mort de rire – умираю со смеху (фр.);

JSP – je ne sais pas – я не знаю (фр.);

JPP – j'en peux plus – я больше не могу (фр.)**;**

BDR – être au BDR – être au bout du rouleau – быть на износе, очень устать(фр.);

АФК – Away from keyboard – быть в катке АФК;

ATB – all the best – всего хорошего!;

FYI – for your information – чтоб ты знал;

BRB – be right back – сейчас вернусь;

BiS – best in slot – лучший по предметам экипировки;

BFF – best friend(s) forever – лучшие друзья навсегда;

BTW – by the way – кстати;

CMB – call me back – перезвони мне;

OMG – oh my God – о боже мой!;

OTW – on the way – в пути и многие другие;

IOW – in other words – другими словами**;**

FTF – face to face – лицом к лицу;

TYT – take your time – не торопись;

TTY – talk to you later – поговорим попозже;

LOL – laughing out loud – громко смеяться;

LFG – looking for a group – ищу группу;

LFP – looking for a party – ищу группу;

OTP – one true pairing – единственная настоящая пара;

OMW – on my way – в пути;

WTB – want to buy – хочу купить;

HRP – franglais *«hors roleplay»* – вне ролевой. Французское сокращение с английским элементом.

3. Состоящие из четырех основ:

ППКС – подписываюсь под каждым словом;

ВЭПС – вот это поворот событий;

АМНА – à mon humble avis – по моему скромному мнению (фр.);

Talc – topic à la con – дурацкий топик (фр).;

Weta – *wicipedia est ton amie* – википедия – твой лучший друг (фр.);

ASAP – as soon as possible – как можно скорее;

HAND – have a nice day – хорошего дня!

FYEO – for your eyes only – только для тебя;

IMHO – in my humble opinion – по моему скромному мнению;

OOTD – outfit of the day – наряд дня;

YOLO – you only live once! – ты живешь только раз;

POTD – photo of the day – фотография дня;

GGWP – good game, well players – хорошая игра и игроки;

STFU – shut the fuck up – заткнись;

TTYL – *talk to you later* – поговорим позже.

4. Состоящие из пяти и более основ:

CMIIW – Correct me if I'm wrong – поправь меня, если я не прав;

DBEYR – Don't Believe Everything You Read – Не верь всему, что читаешь;

Jdcjdr – Je dis ça, je dis rien – Просто сказал, моя точка зрения, не настаиваю (фр.).

Некоторые выражения используются уже в трансформированном смысле. Например, аббревиатура *AKA – also known as – так же известный как*, со временем подверглась процессу десемантизации, то есть утратила лексическое значение и стала все чаще использоваться как служебное слово вместо предлога «как».

Для геймерского сленга характерна высокая скорость развития, меняющая и трансформирующая уже известные сленговые единицы. Например: *Lulz* – это искаженная версия всем знакомого *LOL* / смеюсь изо всех сил. Эта сленговая единица обозначает не просто смех, а смех с оттенком иронии, для вывода соперника из душевного равновесия, особого троллинга.

Проанализированные аббревиатуры являются одновременно коммуникативными высказываниями, то есть не просто странными наборами букв, но культурными маркерами, отражающими настроение общества, времени, восприятие реальности молодыми людьми.

Исходя из мнения, что аббревиатуры высказываний, представленные в геймерском дискурсе, реализуются как устойчивые словосочетания, следует признать их прагматический потенциал. Поэтому важно понять релевантное различие между речевым и дискурсивным высказыванием. Во- первых, они отличаются по объему от речевых структур, таких как фраза и речевой акт. Во-вторых, они отличаются в плане корреляции с внеязыковой действительностью.

Н.Ф. Алефиренко пишет: «В отличие от речевого высказывания, коррелирующему во внеязыковую действительность с конкретной денотативной ситуацией, дискурсивное высказывание соотносится с типичной денотативной ситуацией. Дискурсивное высказывание в силу этого имеет асимметричное строение: означающее связано с дискурсивно обусловленным означаемым, т.е. означаемое здесь значительно шире суммы смыслового содержания компонентов означающего. Дискурсивные высказывания в бессубъектном дискурсе «живут своей жизнью»; они могут повторяться, расщепляться, трансформироваться, перемещаться в поле дискурса, предаваться забвению» [Алефиренко 2015].

К дискурсивным высказываниям, наряду с фраземами и паремиями, следует отнести и устойчивые выражения, возникшие в геймерском сленге, которые получили широкое распространение. Прагматическая сила устойчивого выражения обоснована концептуально-значимой информацией, заключенной в смысловой структуре высказывания. Ее употребление детерминировано определенной дискурсивной ситуацией.

Например, чтобы выразить свое отношение игроку или совершаемому действию используются дискурсивные высказывания, свернутые в сокращения, типа:

NV – never mind – не важно;

AMHA – à mon humble avis – по моему скромному мнению (фр.);

IMHO – in my humble opinion – по моему скромному мнению (англ.). Примечательно, что в русском языке используется форма ИМХО – полная калька английской аббревиатуры.

Jdcjdr – je dis ça, je dis rien – просто сказал, моя точка зрения, не настаиваю (фр.).

Одобрение игрока или игры высказывается при помощи выражений, таких как:

BFF – best friend(s) forever – лучшие друзья навсегда.

Различные просьбы реализуются при помощи выражений:

CMB – call me back – перезвони мне;

Семантика просьбы реализуется в коммуникативно-прагматических условиях, основными из которых является каузация действия и сотрудничество участников.

В геймерском дискурсе находят применения и выражения пожелания:

HAND – have a nice day – хорошего дня!

GL – good luck – пожелание удачи;

HF – have fun – пожелание хорошей игры.

Семантика пожелания в Интернет-пространстве включает культурные и традиционные фразы клише.

Семантика призыва чаще всего оформляется в виде побудительных предложений с императивом, например:

DBEYR – Don't Believe Everything You Read – не верь всему, что читаешь;

MTFBWY – May the Force be with you – Да прибудет с тобой сила! Выражение-мем, пришедшее из кинофраншизы «Звездные войны».

YOLO – «You only live once!» – *Ты живешь только раз*.

Семантика благодарности – это сигнал о понимании и принятии значимости и ценности партнера по коммуникации.

TNX (от англ. thanks – «спасибо») / одно из сокращений среди игроков, используемое для выражения благодарности.

В Сети отмечены также аббревиатуры с прецедентными именами известных личностей, например:

CNRHKYITF / Chuck Norris roundhouse kick you in the face/ *Чак Норрис с разворота врежет тебе в лицо*. Игроки используют данную аббревиатуру с именем известного артиста и спортсмена с целью запугивания своего виртуального оппонента: «Next game I'm going to CNRHKYITF» / Следующий раз я разорву тебя!

Коммуникативные высказывания, встречающиеся в игровом пространстве Интернета «покидают игровое пространство и становятся частью околоигровой сферы (игровые форумы, посвященные играм СМИ, проникновение в литературу (субжанр литРПГ) и кинематограф), что свидетельствует о необходимости анализа дискурсивных практик различных сфер деятельности» [Селютин 2022: 139]. Таким образом, можно считать доказанным, что если раньше эти сокращения-реплики были характерны для чатов и популярных онлайн-игр, то в настоящее они проникают в обычный узус.

Следует отметить, что языковое оформление интернет-коммуникации носит универсальный характер и ориентирован на английский язык. Что же касается кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков, то они участвуют в интернет-коммуникации как инструмент языкового оформления. Это связано с функциональной ограниченностью языкового ареала. Однако, как показывает опыт, отдельные эмоционально выраженные лексемы в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском интернет ареале все же проникают в качестве вкрапления в интернет-коммуникацию. Эти вкрапления актуализируются при коммуникации с выходцами из Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, находящимися в

зарубежных странах, в частности в Германии, Франции, Англии, США, Канаде. Однако следует отметить, что эти вкрапления не влияют существенно на языковую структуру интернет-коммуникации, для которой характерны отдельные аббревиации или темы, полностью ориентированные на английский язык. Учитывая процесс глобализации, можно предположить, что элементы кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков вряд ли могут быть существенными даже при коммуникации с земляками и выходцами из Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии в зарубежных странах, где можно рассчитывать только на эмоционально выраженные отдельные языковые элементы, подчеркивающие дружественные и родственные отношения в коммуникации. К таким элементам можно, например, отнести при коммуникации с выходцами из Северного Кавказа, например приветствия Салам, Салам Алейкум, показывающего и региональную, и культурную общность. Достаточно модным стало в последнее время в кабардино-черкесском интернет-ареале лексема –уей-; упсоу, а в карачаево-балкарском – как приветственная и прощальная фраза – бирлик-. Мы можем предполагать, что этот процесс унификации молодежного субстандарта будет только расширяться. Но наряду с расширением интернет-ареала в перспективе с подключением новых участников киберкоммуникации возможно увеличение количества языковых отдельных вкраплений из родных языков, которые тем не менее не приобретут, по нашему мнению, системный характер в эпоху глобализации в силу различных причин экономического и социо-культурного характера.

Выводы

Проанализированные дискурсивные высказывания, представляющие свернутую информацию, активно проникают в молодежный социолект и внедряются в иные социально-культурные группы. Их компактность, определенный объем информации, передаваемый за единицу времени, делает их незаменимым средством общения не только в геймерском и сетевом, и шире компьютерном пространстве, но и возможно в повседневной обиходной речи молодежи.

Выражения, используемые в сетевом и игровом сообществах, подвергаются редукции и могут быть сгруппированы по выделенным моделям, состоящим из двух, трех, четырех и более компонентов.

Проанализированные аббревиатуры представляют свернутую форму коммуникативных высказываний, являясь не просто наборами букв. Это социокультурные маркеры, отражающие трансформации в обществе, времени, несут отпечаток восприятия реальности молодыми людьми.

Аббревиатуры высказываний, представленных в геймерском и сетевом кибердискурсе, как свернутые устойчивые словосочетания, обладают прагматическим потенциалом. Отличительные особенности между речевым и дискурсивным высказыванием следует искать в плане корреляции с внеязыковой действительностью.

Как видим, вербальное обозначение современных реалий, не имеющих соответствующих эквивалентов в различных языках, к ним прежде всего относятся кабардино-черкесский и карачаево-балкарский языки, приводит к активному использованию английских слов, фраз и клише, которые заимствуются

участниками сетевого и геймерского сообществ, тем самым пополняя молодежный социолект представителей различных этнических коллективов. Для перспективы развития молодежного субстандарта на этих языках в интернет пространстве в эпоху глобализации в настоящее время нет достаточных социально-культурных и экономических оснований. Социальные факторы влияют на выбор языка пользователей Сети, которые превращаются в билингвов. Это касается как русских, французских представителей, так и представителей кабардино-русского двуязычия. Мы наблюдаем смешение языковых кодов и мышления представителей различных этносов. Социокультурная детерминация общения в данном сегменте молодежного социолекта становится основной и лежит в основе социального взаимодействия. Все вышесказанное подтверждает нашу мысль о том, что дальнейшее изучение ненормированной молодежной лексики, относящейся к ее важным разновидностям, таким как сетевой и геймерский сленгам является своевременным и не теряет своей актуальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев 1966 – *Алексеев Д.И.* Аббревиатуры как новый тип слов // Развитие словообразования современного языка. – М., 1966, – С. 13-38.

Алефиренко 2015 – *Алефиренко Н.Ф.* «Язык» и «текст» культуры // Litera. – 2015. – № 4. – С. 50-58. Электронный ресурс. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18245 (дата обращения – 14.10.2025 г.).

Ашинова 2015 – *Ашинова И.В*. Гламурный дискурс: лингвокультурологический и прагматический аспекты (на материале русского и французского языков): автореф. дис. д-ра филол. наук. – Махачкала: б/и, 2015. – 42 с.

Ахренова 2018 – *Ахренова Н.Д*. Доминанты современной интернет лингвистики: автореф. дис... канд. филол. наук. – Мытищи: б/и, 2018. – 56 с.

Васильева, Ефимов, Золотова 2009 – *Васильева Н.И., Ефимов П.И., Золотова Т.А.* «Человек играющий»: картина мира в субкультуре геймеров // Интернет и фольклор. Сб. статей. – М.: ГРЦФР ,2009. – С. 202-208.

Гурова 2006 – *Гурова Н.В.* Глобализация массовой коммуникации // Язык и текст. Сб. научных статей. – Пятигорск: Из-во ПГЛУ, 2006. – С. 44-50.

Каркаева, Хараева 2017 – *Каркаева М.А., Хараева Л.*Х. Язык геймеров как разновидность молодежного компьютерного сленга // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 193-196.

Костомаров 2005 – *Костомаров В.Г*. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.

Максидова 2022 – *Максидова А.З*. Интернет как канал межкультурной коммуникации // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. – 2022. – Т. 2. – № 1-2. – С. 12-23.

Пшибиева 2017 – *Пшибиева М.А.* Прагматико-дискурсивные аспекты нумерологических фразеологических единиц (на материале русского, кабардино-черкесского, английского и французского языков): автореф. дисс. филол. наук. – Нальчик: б/и, 2017. – 21 с.

Селютин 2022 – *Селютин А.А*. Дискурс видеоигр: к вопросу о терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 3(461). – С. 138-144. – DOI 10.47475/1994-2796-2022-10318. – EDN XRMYIY.

Соколова 1995 – *Соколова В.В*. Культура речи и культура общения. – М.: Просвещение, 1995. – 190 с.

REFERENCES

ALEKSEEV D.I. *Abbreviatury kak novyi tip slov* [Abbreviations as a new type of word]. In: Razvitie slovoobrazovaniya so-vremennogo yazyka. – M.: Izd-vo, 2006. – P. 13-38. (In Russ.).

ALEFIRENKO N.F. *«Yazyk» i «tekst» kul'tury* ["Language" and "text" of culture]. In: Litera. – 2015. – № 4. – P. 50-58. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18245 (data obrashcheniya – 14.10.2025 g.). (In Russ.).

ASHINOVA I.V. *Glamurnyi diskurs: lingvokul'turologicheskii i pragmaticheskii aspekty (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Glamorous discourse: linguistic, cultural, and pragmatic aspects (based on the Russian and French languages)]: avtoref. dis. d-ra filol. nauk. – Makhachkala: b/i, 2015. – 42 p. (In Russ.).

AKHRENOVA N.D. *Dominanty sovremennoi internet lingvistiki* [Dominants of modern Internet linguistics]: avtoref. dis... kand. filol. nauk. – Mytishchi: b/i, 2018. – 56 p. (In Russ.).

VASIL'EVA N.I., EFIMOV P.I., ZOLOTOVA T.A. *«Chelovek igrayushchii»: kartina mira v subkul'ture geimerov* ["The playing man": the worldview in the gamer subculture]. In: Internet i fol'klor. Sb. statei. – M.: GRTSFR ,2009. – P. 202-208. (In Russ.).

GUROVA N.V. *Globalizatsiya massovoi kommunikatsii* [Globalization of mass communication]. In: Yazyk i tekst. Sb. nauchnykh statei. – Pyatigorsk: Iz-vo PGLU, 2006. – P. 44-50. (In Russ.).

KARKAEVA M.A., KHARAEVA L.KH. *Yazyk geimerov kak raznovidnost' molodezhnogo kom-p'yuternogo slenga* [The language of gamers as a type of youthful computer slang]. In: Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 4. – P. 193-196. (In Russ.).

KOSTOMAROV V.G. *Nash yazyk v deistvii. Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki* [Our language in action. Essays on modern Russian stylistics]. – M.: Gardariki, 2005. – 287 p. (In Russ.).

MAKSIDOVA A.Z. *Internet kak kanal mezhkul'turnoi kommunikatsii* [The Internet as a channel of intercultural communication]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slovesnost'. – 2022. – T. 2. – № 1-2. – P. 12-23. (In Russ.).

PSHIBIEVA M.A. *Pragmatiko-diskursivnye aspekty numerologicheskikh frazeologi-cheskikh edinits (na materiale russkogo, kabardino-cherkesskogo, angliiskogo i frantsuzskogo yazykov)* [Pragmatic and discursive aspects of numerological phraseological units (based on the Russian, Kabardian-Cherkess, English, and French languages)]: avtoref. diss. filol. nauk. – Nal'chik: b/i, 2017. – 21 p. (In Russ.).

SELYUTIN A.A. *Diskurs videoigr: k voprosu o terminologii* [The discourse of video games: on the issue of terminology]. In: Vestnik Chelyabinsko-go gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – № 3(461). – P. 138-144. – DOI 10.47475/1994-2796-2022-10318. – EDN XRMYIY. (In Russ.).

SOKOLOVA V.V. *Kul'tura rechi i kul'tura obshcheniya* [The culture of speech and the culture of communication]. – M.: Prosveshchenie, 1995. – 190 p. (In Russ.).

Информация об авторе

З.З. Масаева – старший преподаватель кафедры английского языка № 6.

Information about the authors

Z.Z. Masaeva – Lecturer at English Language Department No. 6 at MGIMO University.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-367-379
EDN: ZTXDII

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОТОТИПЫ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Марина Чашифовна Шогенова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, shog-marina@yandex.ru, https: //orcid.org/0000-0002-4873-7795

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена интенсификацией процессов современной межкультурной коммуникации и возрастающей значимостью сохранения этнического языка и культуры в современном социокультурном пространстве. Статья посвящена рассмотрению этнокультурной языковой личности кабардинцев и балкарцев через призму прототипических особенностей.

Материалом исследования послужили паремиологические единицы кабардинского и балкарского языков.

В работе прототип рассматривается как эталонный образ носителя языка и культуры, аккумулирующий национальные ценности и нормы поведения. Анализируется влияние этнокультурных прототипов на формирование языкового сознания, системы ценностей и коммуникативных стратегий представителей титульных народов Кабардино-Балкарии, которая является регионом с богатой историей и сложной этнокультурной структурой. Особое внимание уделяется выявлению национально-культурной специфики коммуникации и анализу вербализации прототипов в речевой практике кабардинцев и балкарцев и обосновывается их значимость для формирования этнической идентичности, обеспечения преемственности культурных традиций и оптимизации межэтнического и межкультурного взаимодействия в республике.

Ключевые слова: этнокультурная языковая личность, прототип, кабардинцы, балкарцы, языковое сознание, коммуникация

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор № 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Шогенова М.Ч. Этнокультурные прототипы в языке и культуре кабардинцев и балкарцев // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 367-379. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-367-379. EDN: ZTXDII.

© Шогенова М.Ч., 2026

Original article

ETHNOCULTURAL PROTOTYPES IN THE LANGUAGE AND CULTURE OF THE KABARDIANS AND THE BALKARIANS

Marina Ch. Shogenova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, shog-marina@yandex.ru, https: //orcid.org/0000-0002-4873-7795

Abstract. The relevance of this study is due to the intensification of the processes of modern intercultural communication and the growing importance of preserving ethnic language and culture in the modern sociocultural space. The article is devoted to the consideration of the ethnocultural linguistic personality of Kabardians and Balkars through the prism of prototypical features.

The research material was the paremiological units of the Kabardian and Balkarian languages.

In the work, the prototype is considered as a reference image of a native speaker of language and culture, accumulating national values and norms of behavior. The influence of ethnocultural prototypes on the formation of linguistic consciousness, a system of values and communication strategies of representatives of the titular peoples of Kabardino-Balkaria, which is a region with a rich history and a complex ethnocultural structure, is analyzed. Particular attention is paid to identifying the national-cultural specifics of communication and analyzing the verbalization of prototypes in the speech practice of the Kabardians and Balkars and justifying their significance for the formation of ethnic identity, ensuring the continuity of cultural traditions and optimizing interethnic and intercultural interaction in the republic.

Key words: ethnocultural language personality, prototype, the Kabardians, the Balkars, language consciousness, communication

Funding: This study was supported by an internal grant from KBSU (agreement no. 45) as part of the Priority 2030 program.

For citation: Shogenova M.Ch. Ethnocultural prototypes in the language and culture of the Kabardians and the Balkarians. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 367-379. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-367-379. EDN: ZTXDII.

© Shogenova M.Ch., 2026

Введение

Признавая ценность культуры в разных областях исследований, считаем, что в гуманитарном понимании это результат социальной духовной деятельности, направленной на упорядочение и систематизацию когнитивных процессов осмысления мира. Первичное восприятие действительности формируется в сознании человека под влиянием культуры тех людей, среди которых происходит формирование и развитие личности. Именно через призму этнической культуры происходит ее самопознание и самоидентификация. Этническая культура, основанная на традициях предков, проявляется в поведении, мышлении, приоритетах, опирается на опыт, преемственность и наследие, что обеспечивает ей устойчивость и консервативность.

Взаимообусловленность языка и зафиксированных в нем знаний актуализируется в контексте их восприятия этнокультурной языковой личностью. Когнитивная деятельность такой личности ориентирована, прежде всего, на идеальный образ, эталон, ментальную репрезентацию, включающую в себя идеализированные представления о чем-либо или образы кого-, чего-либо.

Канонический (эталонный) образец какой-либо категории в восприятии и понимании этнокультурного сообщества принято считать *прототипом* (термин Э. Рош). Еще в середине XX в. американский исследователь Э. Рош выдвинула гипотезу о том, что в процессе когнитивной деятельности, в категоризации мира в языковом сознании выделяются «центр», ядро как «лучшее», «образцовое», «типичное», как прототип, а также «периферия», понимаемая как менее

типичное, менее каноническое, менее эталонное. «Э. Рош сделала важные предположения, которые сыграли роль в дальнейших исследованиях. В основном ее работы не переведены на русский язык, а тексты на английском языке не всегда доступны исследователю…» [Олешкова 2020: 58]. Однако благодаря исследованиям американских ученых Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые обосновали статус категории и обобщили имеющий опыт по этой проблеме, был определен особый вклад Элеоноры Рош в теорию прототипов [Лакофф, Джонсон 2004].

С когнитивной точки зрения, «…прототип – это концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание, концепт категории или элемента категории [Болдырев 2002: 12]. Когнитивное моделирование этнокультурной парадигмы языковой личности сквозь призму прототипических особенностей представляется действенным способом структурирования языковой личности, так как прототип стремится отразить сущность культуры, ее позитивные или нейтральные аспекты. В соответствии с таким пониманием структурными компонентами этнокультурного сознания являются, с одной стороны, когнитивные элементы (понятия, представления) и некогнитивные (чувства, эмоции, воля и др.), другой не менее важный блок компонентов этнокультурного сознания составляют те элементы культуры (ценности, оценки, смысловые интерпретации и т.п.), которые приобрели статус этнокультурного стереотипа» [Алефиренко 2010: 7]. Прототипные черты этнокультурной языковой личности формируются как факт концептуального процесса специфики ее мировосприятия окружающей действительности, в которой объективизируются, а в языке репрезентируются эталонные (идеальные) для этноса представления, определяемые в структуре языковой личности как прототипичные признаки.

Следовательно, полагаем необходимым рассмотрение этнокультурной языковой личности как обобщенного типажа носителя этнического языка и этнической культуры, характеристика которого складывается из специфики мышления, социального, в том числе и речевого, поведения, предпочтений выбора эталонных (прототипических), приоритетных, доминирующих культурных ценностей и нравственных норм, репрезентирующихся в когнитивных языковых моделях; как «…прототип носителя национально-культурных ценностей, являющихся носителем центральной части национальной картины мира и имеющих различные способы языкового выражения…» [Василюк 2004: 11]. В контексте настоящего исследования этнокультурный прототип понимается как идеализированный образ типичного представителя этнической группы, аккумулирующий наиболее значимые характеристики культуры и менталитета.

Состояние изученности проблемы. Исследуемая проблема в широком понимании имеет разные подходы в рамках лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики. Так, в отечественном языкознании активно исследуются культурные концепты, стереотипы, особенности традиций и ценностей, отражающие национальную картину мира; выявляются универсальные и уникальные признаки этнических культур и их влияние на этническое сознание личности; предметом рассмотрения становятся проблемы когнитивных аспектов культуры, вопросы роли языка в формировании этнической идентичности, межкультурной коммуникации; анализируются особенности речевого поведения

языковой личности в разных культурах, выявляются правила и нормы, определяющие речевое поведение носителей языка в разных коммуникативных ситуациях; разработаны методики выявления и анализа культурных прототипов в языке, включая анализ паремиологических и фразеологических единиц, фольклорных текстов, активно используются методы анкетирования, ассоциативный эксперимент, интервьюирование и др.

Фундаментальные основы исследования подобных проблем заложены в трудах таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, Г.И. Богин, А. Вежбицкая, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, И.А. Стернин и др. Значительный вклад в изучение языка и культуры кабардинцев и балкарцев внесли Р.С. Аликаев, Б.Х. Бгажноков, С.К. Башиева, З.Х. Бижева, А.И. Геляева, М.Ч. Джуртубаев, Ю.М. Тхагазитов, М.Ч. Кудаев, С.Х. Мафедзев и др.

Анализ элементов культуры (например, ценностей, оценок, смысловых интерпретаций и т.п.), получивших статус этнокультурного прототипа представляет *научную ценность,* так как сама постановка вопроса детерминирована пониманием прототипа как эталонной, схематизированной репрезентацией этнической культуры, в которой определяются ценностные ориентации, историческая память, поведенческие модели, символические коды, которые выступают как маркеры, дифференцирующие «свое» и «чужое». В таком контексте интересным представляется прототипические признаки как уникальные, этнически детерминированные характеристики, помогающие не только осмыслить специфику развития современной этнической языковой личности, но и смоделировать прототипный, эталонный, канонический образ носителя конкретного языка и конкретной культуры в соответствии с когнитивными характеристиками.

В связи с этим *актуальным* представляется рассмотрение этнокультурного идеального образа, или прототипа, языковой личности титульных народов полиэтнической, поликультурной и полилингвальной Кабардино-Балкарии. Проблема рассмотрения прототипов в коммуникативном пространстве современной Кабардино-Балкарии как неотъемлемой составной части этнокультурной парадигмы языковой личности представляется весьма актуальной хотя бы потому, что в полиэтнической среде Кабардино-Балкарии исторически переплетены разные культурные традиции, которые заметно оказывают влияние на межличностные и межгрупповые отношения. Изучение речевых прототипов общения в этнической культуре детерминировано этническим сознанием и этнической идентификацией. Данная актуальность обусловлено происходящими в мире процессами межкультурной коммуникации, в основе которых активизированы проблемы сохранения и трансляции этнической культуры, выявления ключевых ценностей, доминирующих идей и норм, определяющих специфику поведения и мировоззрения людей.

Цель статьи – выявление и описание наиболее значимых этнокультурных прототипов в языке и культуре кабардинцев и балкарцев, определение их влияния на формирование языкового сознания представителей титульных народов Кабардино-Балкарии.

Задачи исследования: выявление национально-культурной специфики коммуникации кабардинцев и балкарцев; анализ особенностей вербализации и

функционирования прототипов в речевом общении кабардинцев и балкарцев; определение влияния этнокультурных прототипов на восприятие мира, систему ценностей, модели поведения и коммуникативные стратегии носителей языка; изучение особенностей трансформации языкового сознания личности под влиянием прототипных факторов.

Обсуждение

Рассмотрение языка – личности – культуры, их функциональное взаимодействие в процессе исторического развития народов играет значимую роль в полиэтническом и поликультурном пространстве, каким является Кабардино-Балкарская Республика.

Прототипы, будучи сложным социальным, культурным и языковым явлением, занимают важное место в мировосприятии человека. Как устойчивый, типизированный образ чего-либо, укоренившийся в сознании представителей определенной этнической группы и отражающий их культурные ценности, нормы, представления о мире, характерные черты их традиционной жизни и деятельности, прототипы помогает определить специфику ментального образа, через который обнаруживается набор атрибутов и качеств, приписываемых определенной группе людей; прототип в языке – использование определенных слов или фраз-маркеров, функционирующих в дискурсивной практике как средство вербального выражения устоявшихся, проверенных временем и опытом концептов, используемых в процессе коммуникации для достижения речевой стратегии.

Прототипное когнитивное сознание титульных народов Кабардино-Балкарии – кабардинцев и балкарцев – детерминировано эксплицитно и имплицитно выраженной подчиненностью неписаным правилам и нормам, выработанным не одним поколением. В частности, в сознании представителя кабардинского народа ёмкое слово *адыгагъэ, адыгство* (от «*адыгэ*» – самоназвание кабардинцев) традиционно ассоциируется с национальной идентичностью и соблюдением нравственных принципов, определяющих как внутренний мир человека (мышление, мировоззрение), так и его поведение. По словам Б.Х. Бгажнокова, «адыгство превращается в один из важнейших компонентов практического сознания, определяя во многом восприятие мира, стиль жизни, ориентировку в конкретных, в том числе и проблемных, ситуациях [Бгажноков 1996: 15]. Адыгство представляет собой основу специфики сознания этнического сообщества в целом: процессы восприятия, понимания, интерпретации, осознания, переработки знаний, оценки объектов и явлений внешнего мира осуществляют сквозь призму именно положений адыгства. Этническое мировоззрение и сознание балкарского народа также изложены в этическом кодексе с «Ёзден Адет» (балк.), который, по словам его составителя М.Ч. Джуртубаева, «…это не просто список правил поведения, это этический кодекс; этическое начало составляет основу мировоззрения наших предков…» [Ёзден адет 2005: 14]. Это этическая система является своеобразной идеей мышления и главным ориентиром для представителя балкарского народа. Ключевыми и ёмкими понятиями, характеризующими балкарца, его образ и мышление, являются лексемы *«тау намыс»* (балк.) – «горский обычай», *«намыслы»* (балк) – «уважаемый», *«адамлыкъ»* (балк.) – «человечность».

Исходя из содержания подобных этических кодексов, их нравственных принципов, идейной направленности, целесообразно рассмотреть конкретные языковые примеры, иллюстрирующие реализацию прототипических признаков идеальной языковой личности в кабардинской и балкарской культуре.

Этнокультурные прототипы играют важную роль в формировании модели поведения и ценностных ориентаций. Среди основных прототипов, транслирующих системообразующие ценности в кабардинской и балкарской культуре, можно выделить следующие: гуманизм, уважение к обществу, связь с культурой и религией, стремление к сохранению традиционных ценностей и этикета в повседневном общении и др. Подобные тенденции обнаруживаются в дискурсивной практике использования прототипов в культурах титульных народов Кабардино-Балкарии, в коммуникативном пространстве которой они не только поддерживают, но и активно транслируют культурные нормы и ценности.

В связи с этим целесообразно рассмотреть конкретные языковые примеры, иллюстрирующие реализацию прототипических признаков идеальной языковой личности. Примеров этнокультурных протопив достаточно много. Так, среди основных в кабардинской культуре возможно выделить следующие:

1) традиционная приверженность, через которую передается ценность истории, культуры и обычаев: гуманизм, почитание старших, традиции гостеприимства. Например, пословица «*льэпкъым и хабзэр нэхь лъапlэщ*» (каб.) подчеркивает, приоритетную роль коллективной памяти и культурного наследия;

2) утверждение чувства собственного достоинства: честь, гордость, стремление к идентичности, самореализации. Например, «з*и щхьэ пщlэ хуэзмыщlыжым пщlэ иlэкъым»* (каб.) – тот, кто себя не уважает, не имеет признания и уважения, акцентирующей на важности самоуважения;

3) трудолюбие, мудрость, стремление к знаниям, профессиональному росту: данный прототип отражен в пословице «е*мыджэр нэфщ*» (каб.) – «невежда слеп» – подчеркивает важность образования самосовершенствования.

Рассмотрим подробнее один из важнейших прототипических концептов, занимающий особое место в культуре кабардинцев – в принципе как и балкарцев – и представляющий сложное и многогранное явление, выходящее за пределы буквального значения – это прототип *«Нэхъыжь»* (каб.) – «Старший». В данном контексте «старший» понимается не как возрастная категория, сколько как ключевой элемент системы социальных отношений, нравственных норм и культурных ценностей кабардинского этноса. В культуре кабардинского народа образ старшего (*нэхъыжь* – каб.) является центральной фигурой в любой коммуникативной ситуации, присутствие которого влияет на нормированный характер развития событий. Культивирование образа «старшего» представляет собой целостную философскую концепцию, аккумулирующую сложный комплекс исторических, социокультурных, нравственных норм, детерминирующих поведения личности и обеспечивающих глубокое осмысление адыгской культуры.

Формирование прототипа «культ старшего», в роли которого чаще выступает умудренный опытом мужчина, имеет исторические корни. Это обусловлено 1) ролью старшего поколения в патриархальных условиях жизни адыгов, их родовой организацией, основанной на устойчивых взаимосвязях между старшим и

младшим, мужчиной и женщиной, а также трудными условиями жизни, требующими опыта, знаний и мудрости предшествующих поколений; 2) заметным влиянием адыгского этикета (*Адыгэ Хабзэ* (каб.) на воспитание подрастающего поколения; 3) значимости института старейшин *(Хасэ* – каб.), который занимался вопросами поддержания дисциплины и порядка в обществе. По мнению М.Ю. Донежука, «…уважение к старшим – это результат переплетения экономических факторов, основанных на праве собственности, где не последнюю роль играет и мировоззренческий комплекс... Естественно, что по прошествии времени… утверждались нормы обращения к старшему, поведение в присутствии старшего, почитание предков и многое другое…» [Донежук 2020: 216].

Основная идея, заложенная в лексических единицах, формирующих почтенный образ старшего, сводится к утверждению, что «уважение старшего – уважение самого себя». Это подразумевает, что отношение к старшим, особенно родителям, является основой формирования будущего отношения к себе и окружающим. Подобные прототипические представления находят отражение, например, в таких пословицах:

– *«Жьыщхьэ махуэ ухъу!»* (каб.) // букв.: пусть в старости ты будешь во главе семьи в почете и уважении – пожелание счастливой старости;

– *Фынэхьыжьщ – фынэхъыфIщ* (каб.) // букв.: вы старшие – вы лучше – утверждение ценности старшего, восхваление его культа личности;

– *Жьы зимыIэ фIы щыIэкъым*(каб.) // букв.: где нет старших, нет и добра.

– *Жьы зимыIэм щIэ иIэкъым* (каб.) – букв.: у кого нет старших, у того нет и младших (то есть будущего);

– *Зи нэхъыжь зымылъытэм и щхьэ илъытэкъым* (каб.)– букв.: кто не ценит старшего, тот и себя не ценит;

–*Зи нэхъыжь едаIуэ и Iуэху мэкIуатэ* (каб.) – букв.: продвигаются дела того, кто слушает советы старших;

– *Нэхъыжь и псальэр дыщэщ* (каб.) – букв.: слово старшего – золото;

– *Нэхъыжьыр кьыфщхьэщыту* (каб.) – букв.: пожелание «чтобы старший всегда был во главе» и др.

Основная идея, заключенная в подобных лексических единицах, создает идеальный образ старшего, его прототипические характеристики:

– ценность жизненного опыта и возраста, накопленные в годах мудрость, знания традиций, обычаев – старший как носитель коллективной памяти и хранитель культурного наследия;

– авторитет и уважение как непреходящая ценность – уважение к старшему является неотъемлемой частью социальной структуры и морального кодекса адыгского общества;

– умение принимать взвешенные решения, основанные на мудрости и справедливости – старший является образцом рассудительности способности разрешать конфликты, опираясь на жизненный опыт;

– знание и хранение культурных традиций и обычаев, стремление к передаче знания и опыта последующим поколениям – старший играет роль наставника и проводника культурных ценностей, обеспечивая преемственность поколений;

– ответственность и преданность роду, семье и обществу – старший является опорой для родных и близких, примером в делах благотворительности;

– скромность, воспитанность и умение держать себя в обществе – старший является образцом этикета и культурного поведения, демонстрируя уважения к окружающим;

– доминирующая роль во всех семейных и родовых мероприятиях – старший является координатором важных событий, обеспечивая соблюдение традиций и сплоченность семьи.

Культ старшего в адыгской культуре – это фундаментальный концепт, регламентирующий поведение и определяющий систему ценностей. Он предписывает безусловное уважение, почтение и подчинение старшим, считающимся носителями житейской мудрости и хранителями культурного наследия. Старший занимает почетное место, его мнение имеет решающее значение, а нарушение этикета в его адрес рассматривается как недопустимое нарушение традиций. Он – уважаемый и опытный мужчина, произносящий тосты, координирующий выступления, следящий за порядком и благословляющий новую семью. В знак уважения старшему преподносят особый обязательный подарок – *«нэхьыжь Іыхьэ»* – букв.: «часть старшего». Ответственным моментом является выбор старшего за столом *(«Іэнэм и нэхьыжь»*- букв.: старший стола) при подготовке к приему гостей (особенно новых родственников во время свадебной церемонии), а также в ситуациях, когда необходимо соблюдение традиционных обрядов (семейные, родовые праздники, похороны), подчеркивается значимость старших в принятии важных решений, что свидетельствует об их авторитете и мудрости. Как правило, на роль старшего выбирают человека воспитанного, знающего этикет, умеющего предотвращать конфликт, обладающего ораторскими способностями и мудростью. Его слово и наказ считаются непреложной истиной («*нэъыжьым и псальэ»* – букв.: слово старшего*, «нэхьыжьым и унафэ»* – букв.: приказ старшего).

Образ старшего в адыгской культуре включает в себя не просто набор правил поведения, представляет сложное социальное явление, пронизывающее все сферы жизни общества. Будучи этнокультурным прототипом, старший выполняет определенные функции, среди которых, полагаем, что основные сводятся к следующим:

– функция трансляции культурного опыта и знаний;

– функция социального контроля и поддержка порядка;

– функция психологической поддержки и наставничества;

– функция укрепления семейных уз и межпоколенных связей.

Важно отметить, что в современном обществе происходит трансформация традиций и ценностей, ослабление иерархичности социальных отношений, что закономерно приводит к модификации прототипических признаков ряда культовых концептов. Несмотря на это, поддержка авторитета старшего поколения попрежнему остается важной составляющей в адыгской культуре, а стремление к сохранению культурного наследия, даже с определенной корректировкой, остаются важными ориентирами для большинства представителей адыгского этноса.

Интерес вызывает и понимание этнокультурного прототипа балкарцев как многогранного феномена, сформированного на протяжении многовековой истории. Ключевыми элементами подобного прототипа являются определенные ценности (уважение к старшим, почитание родителей, гостеприимство, честь и достоинство, трудолюбие, верность слову, нетерпимость к предательству и т.п.). Понимание структуры и функциональной роли прототипов, отражающих ценности и приоритеты культуры, является ключевым для осмысления механизмов этнокультурной идентичности балкарского народа в условиях трансформации традиционного общества. Так, к значимым элементами этого конструкта являются императивы, закрепившиеся в народном сознании: *уважение к старшим, почитание родителей, гостеприимство (къонакъ байлыкъ), кодекс чести (намыс), трудолюбие.*

Одним из самых значимых и глубоких этнокультурных прототипов в балкарской культуре является *гостеприимство.* Этот концепт играет роль ключевого механизма социальной интеграции. Современные внешние трансформации не повлияли на смысловое ядро данного прототипа, обеспечивающее преемственность этических ценностей этноса и сохраняет свою значимость, передавая ключевые этические установки этноса новым поколениям.

Так, ценность гостеприимства отражена в народной мудрости – пословицах и поговорках:

– *Къонакь – Аллахдан келген насыплы* (балк.) // букв.: гость – счастье, посланное Аллахом – подчеркивается сакральное значение гостя и его связь с высшими силами, указывается религиозное осмысление концепта гостеприимства;

– *«Къонакьны сыйламасанг, юйюнге ырысхы кирмез»* (балк). // букв.: если не уважить гостя, в твой дом не войдет благо (изобилие, достаток) – неуважение к гостю чревато несчастьем, а уважение к гостю, наоборот, принесет в дом достаток и благополучие семьи;

– *Жакьшы атны джемине къаратмай, жакьшы къонакьны тегине къаратма* (балк.) // букв.: на хорошую лошадь седло не подбирают, хорошего гостя о родословной не спрашивают, то есть гость – это ценность независимо от его статуса;

– *«Къонакъны унамагъан, ырысхыны унамаз*» (балк.) // букв.: кто гостя не уважает, тот и удачи не увидит; ассоциативная связь между гостеприимством и везением, удачей;

– «*Къонакъ бла жашагъан – ырысхы бла жашар»* (балк.) // букв.: живущий с гостями – живет в достатке, то есть акцент делается на связь между гостеприимством и материальным благополучием;

– «*Къонакъны тёр оздур, хазнангы ач»* (балк.) // букв.: гостя на почетное место проводи, сокровищницу свою открой; с одной стороны, утверждает готовность хозяина предоставить гостю самое лучшее, с другой – указывает на иерархию и уважение в доме;

– «*Сый бергенни сыйы кетер»* (балк.) // букв.: кто почитает гостя, того и самого будут почитать.

Ключевыми идеями рассматриваемого прототипа является утверждение или ассоциация с гостеприимством понятий *«берекет»* (балк.) как благо;

сакрализацией гостя, для которого хозяин выступает в роли исполнителя божественного дара; подчеркнутое уважение к гостю настолько, что история, биография, подробности жизни гостя нивелируется перед фактом его статуса; утверждение через отношения к гостю принципа иерархической организации в доме, в котором «*тёр»* (балк.) – почетное место – должно отводится только гостю или старшему как символ уважения и гостеприимства.

Культивирование гостеприимства в балкарской культуре – это не только факт из истории традиций и опыта этноса, но и активный процесс, который связан с утверждением определенных ценностей в современном обществе: радушный прием, приветливость («*кел, тёреге ёт»* (балк.) // «проходи на почётное место»; «*хош келдинг», «сау келдинг»* (балк.) // «добро пожаловать») – приглашение гостя, усиление его значимости для хозяина, проявляется в обычае выходить навстречу гостю, помогать ему расположиться комфортно, выражать радость его прибытию; *«жюрегинг жарыкь болсун»* (балк.) // «пусть сердце твое будет светлым» – пожелание гостю приятного пребывания в гостях; использование ласкательных форм обращения (- *чыкь, -чик, -укь),* что выражает теплые чувства к гостю; проявление особого интереса к персоне гостя, вопросы о его делах, здоровье, членах его семьи, например, *къызчыкъ* (балк.) ‘маленькая девочка’, *«жашчыкъ»* (балк.) ‘маленький мальчик’, *«балачыкъ»* (балк.) ‘ребеночек’, *«ариучукъ»* (балк.) ‘красивенькая’, *«акъыллычыкь»* (балк.) ‘*умненькая’, «эгеччик»* (балк) ‘*сестричка’, «къарындашчыкъ»* (балк.) ‘*братик, «сабийчик»* (балк.) *‘ребеночек’;* обязательное щедрое угощение – гостеприимство основано на обильном угощении, застолье – важнейшая часть института гостеприимства: кулинарное изобилие, множество разных блюд (мясо нескольких видов, хычины, сохта, айран, сыр, фрукты, сладости, напитки и др.), что свидетельствует об уважении и радушии хозяев; определенная подача блюд, что усиливает иерархию и значимость каждого блюда (сначала закуски, потом горячие мясные блюда, хычины, по важному случаю – мясо баранины, в конце – сладкое); трапеза сопровождается такими фразами, как «*берекетли аш болсун»* (балк.) // «пусть еда будет благодатной», источником благополучия и процветания; постоянное предложение хозяина гостю, который может стесняться и не есть *(«бери кел, аша!»* (балк.) // подойди, поешь!); безопасность и защита гостя – данный аспект в балкарском гостеприимстве трансформировался, но остался важным маркером; если раньше это проявлялось в необходимости защитить гостя, преследуемого врагами, сохранении кодекса чести, оказании помощи в защите, то сейчас это чаще забота о дороге, предостережение от возможных трудностей в пути, создание комфорта отдыха в дороге, уважение к личности гостя и создание для него уюта не только в доме хозяина, но и в дальнейшей дороге, оказание посильной помощи и т.п. Так, частые вопросы о благополучии *«жолугъуз игими эди?»* (балк.) // какая была дорога? *«саумусуз?»* (балк.) // Как Вы? В порядке?; а потому говорят: *«Юй – кьала, къонакь – аскер»* (балк.) // букв.: «Дом – крепость, гость – воин», то есть он должен чувствовать себя в безопасности; связь с высшими силами (сакральность) – это не просто формальная сторона гостеприимства, а глубинное убеждение в том, что гость приносит в дом благословение и удачу, то есть благословен тот дом, куда приходят гости. Как уже было указано выше, «*Къонакь –*

Аллахдан келген насыплы» (балк.) // букв.: гость – счастье, посланное Аллахом, – ключевая пословица, утверждающая, что гость – проявление воли Аллаха и несет блага и удачу; или: «*Кьонакь – кьанатлы къуш, юйге къонса, берекет береди*» (балк.) // букв.: гость – крылатая птица, сядет в доме – даст благословение, то есть сравнение гостя с небесным посланником, несущим благословение в дом. Сакральность гостеприимства проявляется и в благопожеланиях, в которых чаще упоминается имя Аллаха как благословение как для гостя, так и для хозяев: *«Аллах кьабыл этсин»* (балк.) // букв.: «пусть аллах примет ваше гостеприимство», *«Аллах берекет берсин»* (балк.) // букв.: «пусть аллах даст благословение»; а также использование религиозных терминов в контексте гостеприимства (например, слово *«халал»* – чистое, дозволенное угощение как проявление уважение к верованиям гостя).

Таким образом, полагаем, что гостеприимство в балкарской культуре – это не только вежливость, воспитанность, внимание, но и определенная духовная практика, опыт, традиции, направленные на привлечение благословения, удачи в дом, как священный долг, обязанность человека, который стремится к духовной чистоте.

Заключение

Рассмотрение этнокультурных прототипов в языке и культуре кабардинцев и балкарцев позволяет выявить ряд ключевых прототипов, анализ которых подтверждает их значимость как структурообразующих элементов языкового сознания кабардинцев и балкарцев. Прототипы функционируют как культурные коды, являются репрезентациями ключевых культурных ценностей, оказывают существенное влияние на формирование моделей поведения, коммуникативных стратегий и системы ценностных ориентаций представителей данных этносов. Отмечается, что прототипы функционируют не только как средство сохранения и трансляции культурного наследия, но и как инструмент этнической идентификации в условиях современной межкультурной коммуникации.

Выявлено, что этнокультурные прототипы в культуре титульных народов Кабардино-Балкарии способствуют сохранению и трансляции этнической культуры в условиях полиэтнического и поликультурного пространства, так как этнокультурные прототипы – концентрированное отражение уникальности культуры и средство сохранения и передачи культурного наследия; укреплению национальной идентичности, так как прототипы содержат ключевые доминирующие в культуре элементы, которые укрепляют чувства принадлежности к определенному этносу; оптимизации межкультурной коммуникации, так как понимание этнокультурных прототипов способствует более эффективному взаимодействию представителей разных культур, а знания о ценностях, традициях, нормах, стереотипах, заложенных в сознании носителей языка и культуры помогают избежать недопонимание в процессе коммуникации; формированию позитивного образа этноса, так как в этнокультурные прототипы через язык и культуру утверждают эталонные, лучшие национальные качества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алефиренко 2010 – *Алефиренко Н.Ф.* Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве языка // Научные Ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 24 (95). – Вып. 8. – С. 5–11.

Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 96 с.

Болдырев 2002 – *Болдырев Н.Н.* Прототипическая семантика как метод лингвистического анализа // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. – Иркутск: БГУЭП, 2002. – С. 11–14.

Василюк 2004 – *Василюк И.П.* Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности (на материале афористики): автореф. дисс. канд. филолог. наук. – Москва, 2004. – 24 с.

Донежук 2020 – *Донежук М.Ю.* Уважение старших у адыгов: возникновение и трансформация традиции // Вестник антропологии. – 2020. – № 4(52). – С. 210-223. – DOI 10.33876/2311-0546/2020-52-4/210-223. – EDN KAGGFT.

Ёзден Адет 2005 – Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа/ Сост., предисловие и комментарий М. Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 576с.

Лакофф, Джонсон 2004 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Олешкова А.М. 2020 – *Олешкова А.М.* Неклассическая концепция категоризации: теория прототипов // Научно-практический электронный журнал «Оригинальные исследования» (ОРИС). – 2020. – № 08. – С. 56-61.

REFERENCES

ALEFIRENKO N.F. *Stereotipy i prototipy v etnokul'turnom prostranstve yazyka* [Stereotypes and prototypes in the ethnocultural space of the language]. In: Nauchnye Vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki. – 2010. – № 24 (95). – Vyp. 8. – P. 5–11. (In Russ.).

BGAZHNOKOV B.KH. *Adygskaya etika* [Adyghe ethics]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1999. – 96 p. (In Russ.).

BOLDYREV N.N. *Prototipicheskaya semantika kak metod lingvisticheskogo analiza* [Prototypical semantics as a method of linguistic analysis]. In: Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika. – Irkutsk: BGUEP, 2002. – P. 11–14. (In Russ.).

VASILYUK I.P. *Lingvokul'turologicheskoe issledovanie natsional'noi (russkoi) yazykovoi lichnosti (na materiale aforistiki)* [Linguocultural study of the national (Russian) linguistic personality (based on aphorisms)]: avtoref. diss. kand. filolog. nauk. – Moskva, 2004. – 24 p. (In Russ.).

DONEZHUK M.YU. *Uvazhenie starshikh u adygov: vozniknovenie i transformatsiya tra-ditsii* [Respect for elders among the Adyghe people: the emergence and transformation of a tradition]. In: Vestnik antropologii. – 2020. – № 4(52). – P. 210-223. – DOI 10.33876/2311-0546/2020-52-4/210-223. – EDN KAGGFT. (In Russ.).

Ezden Adet: Eticheskii kodeks karachaevo-balkarskogo Naroda [Yozden Adet: The Ethical Code of the Karachay-Balkar People] / Sost., predislovie i kommentarii M. CH. Dzhurtubaeva. – Nal'chik: El'brus, 2005. – 576 p. (In Russ.).

LAKOFF DZH., DZHONSON M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]: Per. s angl. / Pod red. i s predisl. A. N. Baranova. – M.: Editorial URSS, 2004. – 256 p. (In Russ.).

OLESHKOVA A.M. *Neklassicheskaya kontseptsiya kategorizatsii: teoriya prototipov* [The Non-Classical Concept of Categorization: The Theory of Prototypes]. In: Nauchno-prakticheskii elektronnyi zhurnal «Original'nye issledovaniya» (ORIS). – 2020. – № 08. – P. 56-61. (In Russ.).

Информация об авторе

М.Ч. Шогенова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

M.Ch. Shogenova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Наши авторы

Абазова Марита Мухамедовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: marita.abazova@yandex.ru

Айба Тамара Гурамовна – младший научный сотрудник Отдела этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: tamar.ayba@gmail.com

Аппоев Алим Каншауович – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: appoev74@mail.ru

Ахмедова Разият Абдуллаевна – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт» им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.
E-mail: raziyathanum@gmail.com

Ашхот Фарида Муаедовна – ассистент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных обучающихся ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: flora707@mail.ru

Балкарова Залина Мухамедовна – старший преподаватель института менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: balk.zalina@gmail.com

Бейтуганова Залина Хажмуратовна – старший преподаватель института права, экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: beituganova7890@gmail.com

Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук, заведующий сектором кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: bizhoev1952@mail.ru

Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: naimabozieva@mail.ru

Брюханова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия.
E-mail: elena@hist.asu.ru

Гашарова Аида Руслановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора ФГБУН «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук», Махачкала, Россия.
E-mail: aida.2015@yandex.ru

Гурова Людмила Владимировна – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: lyuda.gurova.96@bk.ru

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук», Махачкала, Россия.
E-mail: malik60@list.ru

Езаова Мадина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: madinaezaova@mail.ru

Житин Руслан Магометович – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра фрактального моделирования социальных и политических процессов ФБГОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», Тамбов, Россия.
E-mail: istorik08@mail.ru

Кабардокова Лейля Магомедовна – младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: kabardokova1988@bk.ru

Казаков Аслан Аликович – соискатель ученой степени кандидата наук ФГБНУ ФНЦ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия; преподаватель кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России», Нальчик, Россия.
E-mail: mail@law-books.ru

Камбачоков Асланби Асланович – соискатель кафедры истории России и кавказоведения ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: bibulicheck07@mail.ru

Картоев Магомет Мусаевич – старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.
E-mail: 06kartoev@mail.ru

Каспарова Армине Владимировна – аспирант, ассистент кафедры русской, зарубежной литератур и журналистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: armina.kasparova@mail.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: ketenchiev@mail.ru

Кремшокалов Ибрагим Артурович – аспирант кафедры немецкой и романской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: ibragim.kremshokalov@yandex.ru

Лиджиева Ирина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: irina-lg@yandex.ru

Масаева Злата Зауровна – старший преподаватель кафедры английского языка № 6 ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия.
E-mail: zlata.masaeva@mail.ru

Мизиев Ахмат Магометович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: miz1967@mail.ru

Николашин Вадим Павлович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и философии ФБГОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», Тамбов, Россия.
E-mail: nikolashin.vadim@yandex.ru

Осмаев Аббаз Догиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»; заместитель директора по науке ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН», Грозный, Россия.
E-mail: osmaev@mail.ru

Сомгурова Марьяна Асланова – аспирант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: zhiletezheva1991@gmail.com

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Тумаков Денис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России, доцент кафедры новейшей отечественной истории исторического факультета Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия.
E-mail: denistumakov@yandex.ru

Тутукова Мадина Рамазановна – старший преподаватель института менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: tutukova198011111@mail.ru

Федина Ирина Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия. E-mail: ir_lap@mail.ru

Ханбалаева Сабина Низамиевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений, Москва, Россия.
E-mail: sabinamgimo@mail.ru

Хутежев Заудин Галиевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: zaudin-777@mail.ru

Чамсединова Гюльнара Шугабутдиновна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана по научной работе и информатизации ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», Махачкала, Россия.
E-mail: chamsedinova@yandex.ru

Чекалов Петр Константинович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований», Черкесск, Россия.
E-mail: chekalov58@rambler.ru

Шогенова Марина Чашифовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: shog-marina@yandex.ru

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 1 / 2026

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1

Подписано к изданию:
31.03.2026 г.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2026